

11 32/203
P 8/166
4
Отд. 1

СОБРАНІЕ СТАТЕЙ

Владиміра Андреевича

ГРИНГМУТА.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ СТАТЬИ.

Выпускъ четвертый.

МОСКВА.
1910.

П 32/203
Р 8/166

СОБРАНІЕ СТАТЕЙ

В. А. Грингмута.

Выпускъ четвертый.

МОСКВА.
„Русская Печатня". Садовая-Тріумфальная, д. № 170.
1910.

2007044875

ОТДѢЛЪ I.

Политическія статьи.

ВЫПУСКЪ IV.

Церковный переворотъ.

I.

Какъ онъ произошелъ.

Вотъ какимъ образомъ совершился, по свѣдѣніямъ петербургскихъ газетъ *), тотъ церковный переворотъ, на внезапность и несвоевременность котораго мы указывали нашимъ читателямъ (*Моск. Вѣд.* 1905 г. № 83).

Оказывается, что вся инициатива этого переворота принадлежитъ никому иному, какъ г. предсѣдателю Комитета Министровъ С. Ю. Витте.

Дѣло въ томъ, что въ Особомъ Совѣщаніи Комитета Министровъ, по окончаніи разсужденій по вопросамъ о положеніи сектантства и иновѣрія, предсѣдатель Совѣщанія С. Ю. Витте обратился къ членамъ его съ краткою рѣчью, въ которой ярко оттѣнилъ ту несомнѣнную мысль, что теперь, когда Высочайшею волей будетъ дана свобода иновѣрію,—Православной Церкви, стѣсненной тяжелою опекой свѣтской власти, будетъ затруднительна борьба съ расколо-сектантствомъ; что, остановившись въ своихъ сужденіяхъ только на вопросахъ касающихся иновѣрія, и не коснувшись положенія Православной Церкви, Особое Совѣщаніе взяло бы на свою душу тяжелый грѣхъ предъ общею нашею матерью—Православною Церковью. „Не надо забывать,—говорилъ С. Ю. Витте,—что у нашего народа, у этой 120-милліонной массы, есть только два сокровища, которыми онъ живетъ: одно—это *земля* и то „небольшое“, что̀ онъ отъ нея получаетъ, другое—его живая *вѣра*, которая облегчаетъ тяжесть земной ноши, даетъ ему силу мириться съ горестью жизни. И страшно, какъ бы намъ не лишить народъ этого, самаго дорогого для него, сокровища“.

Вслѣдъ затѣмъ С. Ю. Витте пріѣхалъ къ митрополиту Антонію съ визитомъ и отраднымъ извѣстіемъ. Онъ сообщилъ, что получилъ отъ Верховной Власти полномочіе возбудить въ своемъ Особомъ Совѣщаніи вопросъ о преобразованіи управленія господствующей Церкви, и просилъ владыку изложить по пунктамъ требованія и чаянія церковной іерархіи.

Въ виду этого, подъ руководствомъ высокопреосвященнаго Антонія, наличнымъ составомъ канонистовъ и профессоровъ церковной исторіи и гомилетики С.-Петербургской Духовной Академіи были выработаны *семь* пунктовъ о желательныхъ преобразованіяхъ въ постановкѣ у насъ Православной Церкви.

Въ этихъ пунктахъ перечислялись необходимыя, по мнѣнію митрополита, реформы: дарованіе Православной Церкви такой же автономіи, какою

*) *Разсвѣтъ* 1905 г., № 23 и *Слово* № 104.

пользуются старообрядцы, сектанты и инославныя общества; участіе священниковъ въ общественно-государственныхъ учрежденіяхъ; привлеченіе архіереевъ въ высшія государственно-законодательныя собранія; дарованіе Церкви правъ на недвижимую и движимую собственность, ея пріобрѣтеніе, наслѣдованіе и пользованіе; учрежденіе особаго совѣщанія изъ епископовъ, духовенства и мірянъ для пересмотра церковнаго управленія. Но въ этихъ пунктахъ ничего еще не говорилось о созваніи Собора и о возстановленіи патріаршества въ Россіи.

С. Ю. Витте нашелъ эти требованія слишкомъ скромными. Въ виду этого, онъ самъ составилъ краткую записку „О современномъ положеніи Православной Церкви“, представляющую собою сводъ мнѣній выдающихся канонистовъ, современныхъ церковныхъ дѣятелей и профессоровъ духовныхъ академій о „характерѣ и каноническомъ достоинствѣ церковной реформы Петра Великаго“. Въ этой запискѣ С. Ю. Витте констатировалъ неканоническій характеръ реформы Петра и ея неблагопріятное вліяніе на послѣдующую церковную жизнь. Главная мысль этой записки и ея выводъ— тотъ, что со времени насильственной, совершенной по протестантскимъ образцамъ, реформы Петра, Церковь Русская въ своей канонической жизни порвала связь съ церковнымъ преданіемъ, что отъ этого глохнетъ религіозная жизнь.

Не желая вести реформу бюрократическимъ путемъ, С. Ю. Витте совершенно воздержался въ запискѣ отъ проектовъ какихъ-либо реформъ, настаивая только на одномъ, на *созывѣ помѣстнаго собора*, на разсмотрѣніе котораго и долженъ быть представленъ вопросъ о церковной реформѣ.

Митрополитъ Антоній вполнѣ одобрилъ записку С. Ю. Витте. Газета *Слово* сообщаетъ изъ хорошо освѣдомленнаго источника, что въ бесѣдѣ со столичнымъ духовенствомъ высокопреосвященный Антоній назвалъ записку С. Ю. Витте прекрасною: „записка написана хорошо“, выразился владыка въ бесѣдѣ съ однимъ лицомъ. Благопріятное впечатлѣніе она произвела и на остальныхъ, ознакомившихся съ нею, іерарховъ.

Свою записку С. Ю. Витте разослалъ въ напечатанномъ видѣ всѣмъ членамъ Комитета Министровъ, назначивъ на 17 марта (1905 г.) засѣданіе по этому вопросу.

Но оберъ-прокуроръ Сѵнода, неожиданно узнавъ о предпринятой безъ его вѣдома реформѣ церковнаго управленія, исходатайствовалъ, во имя автономности Церкви, изъять вопросъ о церковной реформѣ изъ вѣдѣнія свѣтской власти, для передачи его въ Сѵнодъ.

Предъ сѵнодальнымъ засѣданіемъ, въ которомъ предполагалось обсужденіе вопроса о реформѣ Церкви, К. П. Побѣдоносцевымъ была разослана особая записка, представляющая возраженія на записку С. Ю. Витте. Главный, основной тезисъ записки С. Ю. Витте „о неканоническомъ характерѣ церковной реформы Петра и о замѣнѣ въ ней соборно-представительнаго управленія Церкви коллегіально-бюрократическимъ“ оставленъ, по словамъ петербургскихъ газетъ, безо всякаго возраженія. К. П. Побѣдоносцевъ доказалъ только то, что реформа Петра I не оказала тягостнаго вліянія на церковную жизнь, что Церковь нисколько не стѣснена свѣтскими чинов-

никами, что, однимъ словомъ, въ церковной жизни все обстоитъ благополучно.

Эта записка составляетъ, по увѣреніямъ *Слова*, сколокъ съ одной диссертаціи нѣкоего Рункевича, именно изъ тѣхъ ея главъ и мѣстъ, которыя на совѣтѣ профессоровъ С.-Петербургской Духовной Академіи были офиціально признаны представляющими церковную жизнь въ невѣрномъ, предвзятомъ свѣтѣ, составленными ненаучно и узко-тенденціозно.

Утверждаютъ также, что далѣе въ запискѣ К. П. Побѣдоносцева возраженія дѣлаются какъ разъ противъ тѣхъ мыслей записки Витте, которыя взяты изъ сочиненій удостоенныхъ премій за ученые труды самимъ же Сѵнодомъ. Несомнѣнно одно, что контръ-записка К. П. Побѣдоносцева произвела на членовъ Сѵнода отрицательное впечатлѣніе.

Во вторникъ, 15 марта, состоялось засѣданіе Сѵнода, въ которомъ члены Сѵнода единогласно рѣшили ходатайствовать о разрѣшеніи созвать помѣстный соборъ Русской Церкви для обсужденія вопроса о желательныхъ церковныхъ реформахъ. Направленіе мыслей іерарховъ было такъ ясно, а рѣшимость ихъ какимъ бы то ни было путемъ довести до свѣдѣнія Монарха о своихъ желаніяхъ такъ сильна, что свѣтская власть воздержалась отъ прямого противодѣйствія. Къ тому же членамъ Сѵнода стало извѣстно о волѣ Государя—созвать помѣстный соборъ, выраженной Имъ по поводу представленнаго, по слухамъ, тѣмъ же С. Ю. Витте письма съ докладомъ о ходѣ прерванныхъ въ самомъ началѣ сужденій Особаго Совѣщанія о церковной реформѣ и о желаніи представителей Церкви просить о созывѣ Собора.

Присутствовалъ въ этомъ засѣданіи не оберъ-прокуроръ, а его товарищъ, В. К. Саблеръ, который, во всякомъ случаѣ, глядѣлъ съ bonne mine на то, что происходило. Когда черезъ день Сѵнодъ снова собрался, товарищъ оберъ-прокурора увѣрялъ, что искренно счастливъ, ибо его давнія мечты объ автономіи Русской Церкви сбылись. Одинъ изъ членовъ Сѵнода при видѣ этой радости даже замѣтилъ, что, вѣроятно, у товарища оберъ-прокурора было ночное видѣніе.

Окончательное рѣшеніе о созваніи Собора Сѵнодъ принялъ въ пятницу, 18 марта, вечеромъ, собравшись на квартирѣ у митрополита, безъ присутствія органа свѣтской власти. Рѣшено было ходатайствовать о созывѣ Собора въ Москвѣ, въ началѣ лѣта, если можно, въ маѣ мѣсяцѣ. Соборъ долженъ состоять изъ епископовъ, управляющихъ епархіями. Такихъ іерарховъ въ Россіи имѣется 63. Исключительная цѣль Собора—избраніе патріарха и преобразованіе, сообразно съ этимъ, высшаго церковнаго управленія.

Итакъ, говоритъ *Слово*, „инициатива въ этомъ великомъ дѣлѣ принадлежитъ С. Ю. Витте.

— „Я и всѣ братья епископы,—высказался преосвященный Антоній,—будемъ всю жизнь молить за него Бога“.

Въ виду этого, нельзя сомнѣваться, что если митрополитъ Петербургскій и Ладожскій,—выдвигаемый, какъ мы видѣли изъ петербургской те-

леграммы (*Моск. Вѣд.* 1905 г., № 83), въ качествѣ перваго кандидата на патріаршую каѳедру,—дѣйствительно ее займетъ, то онъ будетъ управлять Православною Русскою Церковью въ полномъ единомысліи съ С. Ю. Витте.

II.

Что теперь слѣдуетъ дѣлать.

Въ особомъ прибавленіи къ № 11 *Русскаго Дѣла*, отъ 24 марта 1905 г., напечатано сообщеніе М. А. Новоселова, сдѣланное имъ въ собраніи частнаго кружка православныхъ ревнителей Церкви, клириковъ и мірянъ.

Изложивъ всѣ доводы въ пользу реформы нашей Церкви, М. А. Новоселовъ высказываетъ ту же мысль, которую высказывали и мы, а именно: *чѣмъ желательнѣе эта реформа, тѣмъ нежелательнѣе поспѣшное, необдуманное ея осуществленіе въ настоящее именно, столь смутное, время.*

Вотъ заключительная часть этого интереснаго сообщенія:

„Рѣшеніе Сѵнода состоялось со столь необычайною торопливостью, что по предмету такихъ важныхъ рѣшеній не происходило никакого опроса даже самихъ *епископовъ* Церкви Русской. Въ этомъ случаѣ повторилась прискорбная исторія закона о вторичномъ бракѣ прелюбодѣевъ, который сѵнодальные архіереи сочли возможнымъ представить на Высочайшее утвержденіе, не только не спросивъ совѣта у прочихъ русскихъ епископовъ, но даже не сообщивъ имъ ничего о предполагаемомъ шагѣ.

„Во всемъ этомъ проявляется привычка нашего церковнаго управленія дѣйствовать изолированно отъ православнаго народа, этого тѣла Церкви, съ неизбѣжнымъ при этомъ произволомъ.

„Россія такая страна, гдѣ одинъ и тотъ же народъ составляетъ единую съ Соборами и патріархами Церковь, а съ Царемъ въ такомъ же единствѣ составляетъ государство.

„Ходатайствовать передъ нашимъ Царемъ о томъ, что̀ необходимо для насъ, какъ членовъ Церкви, составляетъ нашу прямую обязанность. Но въ нашемъ ходатайствѣ не могутъ быть допущены ошибки, коими изобилуетъ постановленіе Св. Сѵнода. Ошибки эти слѣдующія:

„1) Постановленіе Сѵнода игнорируетъ политическое положеніе нашей Родины, привлекающее все вниманіе Русскихъ людей къ трудной борьбѣ съ надвинувшимся на Россію Монгольскимъ Востокомъ.

„2) Постановленіе Св. Сѵнода не принимаетъ во вниманіе, что сложившіяся за 200 лѣтъ отношенія церковнаго управленія къ государству, обществу, а равно внутри самой Церкви, въ епархіяхъ и приходахъ, рѣшены сотнями и тысячами узаконеній, коихъ пересмотръ, для замѣны ихъ правильными, представляетъ работу въ высшей степени сложную, которая не можетъ быть разумно исполнена въ „24 часа“.

„3) Постановленіе игнорируетъ то обстоятельство, что Русская Православная Церковь, которая вполнѣ уяснила, какъ сказано выше, *общія* основы реформы, даже и до сего дня не имѣла побужденія размышлять о достодолжномъ рѣшеніи всѣхъ упомянутыхъ *частностей*. А между тѣмъ,

неправильное ихъ рѣшеніе можетъ исказить дѣйствіе даже самыхъ правильныхъ церковныхъ основъ.

„4) Что касается постановленія Синода о выборѣ патріарха въ „текущую сессію“, то противъ этого не можетъ не протестовать ни одинъ православный человѣкъ. Ибо простая замѣна Синода патріархомъ дала бы этому послѣднему незаконныя права. Православные люди не могутъ предоставить патріарху тѣхъ преувеличенныхъ правъ, какими Синодъ, въ силу самой своей неканоничности, облеченъ въ отношеніи низшихъ епископовъ и даже простыхъ мірянъ въ ихъ приходской жизни.

„Поэтому—намъ, мірянамъ,—теперь же надлежитъ войти къ своему Царю со всеподданнѣйшимъ ходатайствомъ осуществить назрѣвшую потребность русскаго сердца, о которой уже столько лѣтъ свидѣтельствуетъ вся умственная работа просвѣщенныхъ собратій нашихъ—православныхъ мірянъ, но осуществить ее, избѣгнувъ ошибокъ, въ которыя впали въ своемъ постановленіи синодскіе архипастыри.

„Мы должны: 1) просить Государя, чтобы Онъ соблаговолилъ объявить дѣломъ первой необходимости правильное устроеніе Русской Церкви, *немедленно по окончаніи войны.*

2) Что касается времени продолженія войны, то просить Государя Императора принять во вниманіе состояніе духа православнаго Русскаго человѣка, который не можетъ въ настоящую минуту достодолжно предаться дѣлу устроенія родной Церкви, требующему всецѣлаго напряженія его умственныхъ и нравственныхъ силъ, тогда какъ любовь къ Родинѣ естественно влечетъ его мысли къ спасенію ея отъ вражескаго нашествія. Посему просить Государя не давать соизволенія на исполненіе постановленія Святѣйшаго Синода.

3) Въ виду же предстоящаго тотчасъ послѣ войны созыва Помѣстнаго Собора, просить Государя Императора Высочайше обратить вниманіе архипастырей, пастырей и всѣхъ православныхъ мірянъ, ревнующихъ о благѣ Церкви, подготовить, каждому по мѣрѣ силъ, тѣ соображенія о разныхъ сторонахъ церковной жизни и устройства, которыя должны быть представлены будущему Собору, какъ матеріалъ для обсужденія.

„Москвѣ, представительницѣ русскаго духа, слѣдуетъ первой начать дѣло составленія такого всеподданнѣйшаго ходатайства, исполненіе котораго, съ одной стороны, обезпечило бы осуществленіе самыхъ завѣтныхъ желаній православныхъ людей, съ другой—предохранило бы Русскую Церковь отъ гибельныхъ послѣдствій ошибокъ, допущенныхъ въ постановленіи Синода“.

Какіе предводители пошли за княземъ П. Н. Трубецкимъ.

На бывшемъ въ Москвѣ сборищѣ нѣкоторыхъ предводителей дворянства, участники его, сгруппировавшіеся вокругъ князя П. Н. Трубецкого, стыдливо прикрылись анонимностью и выпустили въ свѣтъ свое заявленіе, тщательно скрывъ свои имена.

Въ Петербургѣ съ 12 по 16 іюня (1905 г.) состоялось другое сборище губернскихъ предводителей, созванное княземъ П. Н. Трубецкимъ и петер-

бургскимъ предводителемъ гр. В. В. Гудовичемъ. На этотъ разъ всѣ участники этого съѣзда выставили свои имена на новомъ своемъ заявленіи, которое теперь ими распространяется по Москвѣ.

Интересно констатировать, что на зовъ кн. Трубецкого и гр. Гудовича собралось только 24 предводителя, изъ коихъ одинъ, Курскій предводитель гр. В. Ф. Дорреръ, отказался подписать вышеозначенное заявленіе.

Изъ остальныхъ 23 предводителей *трое* оказались *балтійскими*, а *двое кавказскими*, ничего общаго съ Русскимъ дворянствомъ не имѣющіе, *четверо же* были изъ *западныхъ* губерній, гдѣ они состоятъ предводителями не по выбору, а по назначенію.

Такимъ образомъ изъ 36 русскихъ *дворянскихъ* губерній только *шестнадцать* имѣли своихъ, и то, въ данномъ случаѣ, *самозванныхъ* представителей на Петербургскомъ съѣздѣ губернскихъ предводителей; а *двадцать* губерній на немъ *совсѣмъ не были представлены*. Это, однако, нисколько не помѣшало князю Трубецкому и графу Гудовичу говорить предъ Государемъ отъ имени *всего* Русскаго дворянства!

Мы не называемъ именъ тѣхъ *четырнадцати* русскихъ губернскихъ предводителей (изъ нихъ *двое* были лишь „замѣстителями", а *настоящихъ* предводителей было *всего двѣнадцать*), которые пошли за княземъ Трубецкимъ и гр. Гудовичемъ; мы ихъ не называемъ, такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ, можетъ-быть, попали на этотъ съѣздъ лишь по тому или другому недоразумѣнію, и рады будутъ удалиться изъ чуждой ихъ убѣжденіямъ компаніи, въ особенности если они внимательно вникнутъ въ содержаніе того „заявленія", которое они, можетъ-быть, подписали, не обративъ на него серіознаго вниманія.

Заявленіе же это,—въ составленіи котораго принималъ главное участіе пресловутый газетчикъ Столыпинъ, попавшій почему-то въ „секретари" этого предводительскаго съѣзда,—представляетъ собою не что иное, какъ легкомысленный по своей хлесткости и нецензурный по своей дерзости низкопробный фельетонъ,—и мы вполнѣ понимаемъ, почему Курскій предводитель дворянства отказался подписать его.

Отвѣтъ А. А. Кирѣеву.

Мы глубоко благодарны многоуважаемому А. А. Кирѣеву за его откровенный категорическій отвѣтъ на поставленный нами вопросъ, такъ какъ теперь, благодаря этому отвѣту, исчезли возникшія между нами недоразумѣнія.

А. А. Кирѣевъ признаетъ, какъ и мы, что Россія стоитъ „на болотѣ", и что строить на этомъ болотѣ Земскій Соборъ—значитъ обречь его на то, чтобъ онъ провалился въ это болото.

Въ это болото, само собою разумѣется, провалится и всякое другое зданіе, построенное въ другомъ какомъ-нибудь стилѣ, точно такъ же, какъ провалится въ него и та „казарма", въ которой мы теперь живемъ.

Дѣло, очевидно, не въ *зданіи*, а въ *болотѣ*.

Въ виду этого, напрасно А. А. Кирѣевъ приписываетъ намъ „иллюзію“, будто „то зданіе, въ которомъ мы живемъ въ настоящее время, можетъ еще кое-какъ простоять; что вотъ если бы его *тутъ* немного подпереть, да *тамъ* немного подкрасить, такъ въ немъ можно еще жить“.

Никогда мы этого не думали, никогда этого не говорили.

Мы говоримъ, что *всякое* зданіе, стоящее на теперешнемъ болотѣ, неминуемо провалится, и что поэтому необходимо „*сперва* осушить это болото, *превратить его въ такую же твердую почву, какъ это было встарь*,—а *затѣмъ уже* возводить соотвѣтствующее этой почвѣ зданіе“.

Вотъ что мы совершенно опредѣленно говорили въ нашемъ „Отвѣтѣ“ почтенному А. А. Кирѣеву въ № 193 *Московскихъ Вѣдомостей*: но онъ почему-то предпочелъ не обратить ни малѣйшаго вниманія на то, что мы сказали, а приписать намъ то, чего мы вовсе не говорили, обвиняя насъ въ „совершеннѣйшемъ самообманѣ“, въ „полнѣйшей иллюзіи“.

Вѣроятно, сравненіе съ болотомъ не было еще достаточно яснымъ для нашего уважаемаго оппонента.

Возьмемъ другое, еще болѣе наглядное, сравненіе:

Та „казарма“, въ которой мы живемъ, *охвачена страшнымъ пожаромъ*,—и хозяева этой казармы ничего не дѣлаютъ для того, чтобы потушить этотъ пожаръ.

И вотъ являются различные зодчіе, которые доказываютъ главному домохозяину необходимость немедленно—*среди бушующаго пожара*—„перестроить“ казарму въ совершенно другое зданіе, причемъ одни восхваляютъ русскій стиль XVI—XVII вѣка, другіе—стиль Людовика XVII, третьи—стиль Робеспьера, четвертые—стиль Карла Маркса и т. д.

А мы говоримъ:

„Господа, опомнитесь! Что вы дѣлаете? Развѣ можно строить что бы то ни было среди всепожирающаго пожара? Вѣдь все, что вы ни построите, сдѣлается жертвой безпощаднаго пламени. Неужели вы не понимаете, что *сперва* необходимо окончательно потушить пожаръ, а *потомъ* уже строить то или другое новое зданіе?“

Вотъ что мы говоримъ; а такъ какъ то, что говоримъ, есть *элементарная истина*, то съ нею несомнѣнно согласится и уважаемый А. А. Кирѣевъ, и сниметъ съ насъ упрекъ въ томъ, будто мы увлекаемся какими-то „самообманами“ и „иллюзіями“.

Мы стоимъ на совершенно *реальной* почвѣ:

Пожаръ есть пожаръ, и, прежде чѣмъ строить что-либо на мѣстѣ пожара, нужно сперва *потушить* его.

Болото есть болото и,—прежде чѣмъ воздвигать на немъ зданіе,—необходимо *осушить* его.

Война есть война, и крамола есть крамола: обѣ онѣ подвергаютъ Россію величайшей опасности; а потому необходимо *сперва* побѣдоносно прекратить и войну, и крамолу,—и *затѣмъ* уже можно будетъ приступить къ кореннымъ внутреннимъ реформамъ, въ которыхъ такъ нуждается Россія, но которыя не могутъ принести благихъ плодовъ, коль скоро онѣ бу-

будутъ производиться въ лихорадочномъ бреду современнаго Бедлама, подъ натискомъ теперешняго революціоннаго и военнаго урагана.

А потому воздвигать зданіе Земскаго Собора теперь—*во время пожара*, да еще *на бездонной трясинѣ*, на-авось, на-обумъ, безо всякихъ гарантій и съ увѣренностью въ его неминуемомъ провалѣ,—такое предпріятіе является въ глазахъ всякаго здравомыслящаго человѣка, какъ мы уже это сказали, „*легкомысленнѣйшимъ* и *опаснѣйшимъ* экспериментомъ", и съ этимъ строго логическимъ доводомъ, конечно, не можетъ не согласиться такой спокойный, разумный и безусловно-искренній мыслитель, какъ А. А. Кирѣевъ.

Роль С. Ю. Витте въ Портсмутѣ.

Портсмутскій корреспондентъ газеты *Times* сообщаетъ интересныя свѣдѣнія о внѣшнемъ видѣ Портсмутской конференціи.

„Портсмутская мирная конференція,—говоритъ онъ,—оставитъ по себѣ неизгладимую память въ дипломатическихъ лѣтописяхъ не только въ виду громаднаго значенія обсуждаемыхъ ею вопросовъ, но также въ виду необычнаго пути этого обсужденія.

„Изъ допущенныхъ ею ошибокъ и недоразумѣній значительная доля падаетъ на Русское Правительство.

„Его первая ошибка лежитъ въ выборѣ уполномоченныхъ—г. Витте и барона Розена.

„Изъ нихъ первый, будучи человѣкомъ весьма способнымъ и настойчивымъ, лишенъ всякой дипломатической опытности и не говоритъ удовлетворительно ни на одномъ иностранномъ языкѣ. Другой, хотя и профессіональный дипломатъ, однако совершенно не того калибра, какъ его японскіе антагонисты, и онъ до такой степени очевидно самъ чувствовалъ свою слабость, что не принималъ никакого активнаго участія въ преніяхъ.

„Правда, чтобы восполнить эти пробѣлы, Русское Правительство послало съ этими уполномоченными двухъ очень способныхъ делегатовъ—г. Мартенса и г. Покотилова—и, сверхъ того, двухъ военныхъ, одного морского и двухъ финансовыхъ экспертовъ, слѣдовательно, цѣлый хорошоснаряженный отрядъ вспомогательныхъ силъ. Но эти силы ни разу не были введены въ дѣйствіе.

„Когда въ первомъ засѣданіи возникъ вопросъ, сколько лицъ должно участвовать въ переговорахъ, баронъ Комура выразилъ мнѣніе, что соглашеніе гораздо легче можетъ быть достигнуто дружескою бесѣдой четырехъ лицъ, чѣмъ цѣлымъ собраніемъ въ двадцать лицъ, а потому онъ предложилъ, чтобы въ засѣданіяхъ участвовали лишь уполномоченные съ ихъ секретарями Это предложеніе, если вѣрить нѣкоторымъ японскимъ утвержденіямъ, было сдѣлано безъ всякой задней мысли и лишь въ интересахъ мира, но результатомъ его было то, что большая часть русскихъ дипломатическихъ силъ осталась неиспользованною.

„Дѣло въ томъ, что г. Витте, обмѣнявшись нѣсколькими словами съ барономъ Розеномъ, немедленно, безо всякаго протеста, согласился на пред-

ложеніе барона Комуры, дабы съ самаго же начала устранить всякія затрудненія въ переговорахъ. Но онъ этимъ самымъ лишилъ себя драгоцѣнной помощи г. Мартенса, который несомнѣнно былъ бы для него превосходнымъ совѣтникомъ въ вопросахъ международнаго права, и г. Покотилова, который обладаетъ самыми подробными свѣдѣніями въ вопросахъ Дальняго Востока. Эти два делегата, такъ же какъ и Русскіе эксперты, не находились даже въ сосѣднихъ съ залой конференціи комнатахъ, на тотъ случай, если бы внезапно потребовались ихъ услуги, и русскіе уполномоченные пользовались лишь чисто-канцелярскою и переводческою помощью, со стороны своихъ секретарей, такъ какъ эти молодые люди были только секретарями и больше ничѣмъ. На посторонній взглядъ могло бы казаться, что русскіе уполномоченные легко могли бы усилить свою позицію привлеченіемъ делегатовъ въ качествѣ секретарей конференціи, какъ это сдѣлали японцы, но эта, столь удобная, комбинація встрѣтила непреодолимыя препятствія въ русскихъ понятіяхъ объ офиціальномъ рангѣ чиновниковъ.

„Совершенно иною была позиція японцевъ. Въ качествѣ уполномоченныхъ они имѣли барона Комуру, опытнаго министра иностранныхъ дѣлъ, и г. Такахиру, одного изъ способнѣйшихъ ихъ дипломатовъ, причемъ ихъ эксперты всегда находились у нихъ подъ рукой въ сосѣднихъ комнатахъ, а ихъ делегаты, хотя они вѣроятно состоятъ въ одинаковомъ чинѣ съ Русскими делегатами, не встрѣтили препятствія въ своемъ санѣ для того, чтобы исполнить обязанности секретарей. Такъ, напримѣръ, г. Сато, который передъ тѣмъ былъ полномочнымъ министромъ въ Мексикѣ, съ величайшей готовностью сдѣлалъ себя секретаремъ барона Комуры. Такимъ образомъ вокругъ зеленаго стола, такъ же какъ и на полѣ битвы, японцы показали себя болѣе ловкими организаторами и тактиками, чѣмъ ихъ противники.

„Обсужденіе,—если оно только можетъ быть названо обсужденіемъ,—ведется такъ, какъ оно никогда не велось на важномъ международномъ совѣщаніи.

„Говорятъ только г. Витте и баронъ Комура, сидя другъ противъ друга за овальнымъ столомъ, и каждый говоритъ языкомъ, котораго другой не понимаетъ. Замѣчанія г. Витте, которыя онъ дѣлаетъ на не вполнѣ безукоризненномъ французскомъ языкѣ, иногда и на русскомъ, переводятся на англійскій языкъ, а часто и съ англійскаго на японскій. Реплики проходятъ черезъ одинъ или два перевода, и переводная версія зачастую бываетъ такъ неудовлетворительна, что дѣлается неудобопонятною для уполномоченныхъ, къ которымъ обращена. Въ такихъ случаяхъ часто прибѣгаютъ ко второй и третьей версіи, на что уходитъ много времени.

„Между членами Японской миссіи происходятъ отдѣльныя совѣщанія. Баронъ Комура и Такахира шепчутся, передаютъ другъ другу записочки, и отъ времени до времени Такахира или его секретарь удаляется въ смежную комнату, вѣроятно, для того, чтобы посовѣтоваться со своими экспертами.

„У Русскихъ ничего подобнаго не дѣлается. Говорятъ только г. Витте и переводчикъ; баронъ Розенъ сидитъ молча, а секретари ограничиваются исполненіемъ рутинныхъ обязанностей. Случилось однажды, что г. Витте сдѣлалъ вполнѣ приличное письменное возраженіе своему оппоненту, но никогда не происходитъ того, что можно было бы назвать связными, строго-послѣдовательными и обдуманными преніями. Когда достигалось соглашеніе по какому-нибудь пункту, оно не вносилось въ особый документъ, а просто записывалось въ черновой протоколъ.

„Роковое недоразумѣніе въ этой попыткѣ возстановить миръ на Дальнемъ Востокѣ заключалось въ томъ, что, прежде чѣмъ собралась конференція, никто не пытался установить, не имѣются ли для соглашенія непреодолимыя препятствія. Легко было удостовѣриться, не собирая уполномоченныхъ, делегатовъ и секретарей изъ Токіо и Петербурга въ Нью-Гемпширѣ, что такія препятствія существуютъ, что Японія рѣшила, напримѣръ, добиться Сахалина и контрибуціи, между тѣмъ, какъ Россія одинаково рѣшила не допускать ни одного изъ этихъ требованій".

Еще о нашемъ „Талейранѣ".

Мы вчера (30 августа 1905 г.) ошиблись, назвавъ петербургскую газету *Слово* „органомъ С. Ю. Витте". Какъ оказывается, эта газета въ полученномъ нами нумерѣ (№ 239) очень мѣтко характеризуетъ нашего „Талейрана". Въ статьѣ П. Перцова „Послѣ мира" мы читаемъ, между прочимъ, слѣдующее:

„С. Ю. Витте провозглашенъ газетчиками всего міра „вторымъ Талейраномъ" (кто-то захлебнулся даже до того, что объявилъ Портсмутскій миръ „величайшею дипломатическою побѣдой въ исторіи"?!); съ него сняли цѣлые альбомы фотографій; онъ цѣловался, какъ гимназистъ, и сдѣланъ докторомъ какихъ-то наукъ (надо надѣяться, не финансовыхъ!),—а между тѣмъ, когда угаръ всей этой „американской" шумихи немного отходитъ, начинаешь бояться, не былъ ли Портсмутъ для насъ дипломатическимъ Ляояномъ: не уступили ли мы изъ рукъ единственный случай къ дѣйствительной мирной побѣдѣ — къ предупрежденію дальнѣйшихъ катастрофъ? Конечно, въ послѣдніе дни и часы, когда все свелось къ контрибуціи и Сахалину, когда въ Лондонѣ и Токіо уже подписывали новый союзный договоръ,—было поздно „расширять горизонты".

„Но если бы С. Ю. Витте привезъ въ Америку не тѣ слабосильныя „предначертанія", которыя мѣнялись, пока онъ еще плылъ черезъ Океанъ, а ясно выраженное предложеніе о союзѣ, съ отчетливымъ ультиматумомъ: „si non—non",—то болѣе нежели вѣроятно, что „Портъ-смутъ" не пугалъ бы насъ теперь зловѣщимъ каламбуромъ своего имени, а зловѣщая красная кайма не обводила бы пророчески мирный договоръ... Насколько желателенъ былъ для Японцевъ миръ въ данную минуту, ясно показываютъ ихъ послѣднія уступки. И это заставляетъ предполагать, что ультиматумъ: „союзъ или продолженіе войны" нашелъ бы для себя вполнѣ благопріятную почву. Въ случаѣ же его отверженія, намъ было бы все же легче оборонять Вла-

дивостокъ и Приамурье сейчасъ, чѣмъ будетъ черезъ 5—10 лѣтъ, когда Японія будетъ вдвое-втрое сильнѣе, а мы... чортъ знаетъ, чѣмъ еще мы будемъ!..

„Но, увы! для дѣйствительной дипломатической побѣды требуется то же, что для побѣдъ военныхъ, — то самое, чего такъ мучительно не хватаетъ современной Россіи, — способность государственнаго *творчества*".

Кара Божія.

Въ напечатанной у насъ статьѣ г. Стэда „Царь и народъ"*) высказана мысль далеко не новая для насъ, православныхъ христіанъ, но интересная въ устахъ Англичанина:

„Для истинно-вѣрующаго христіанина горе есть не что иное, какъ кара, посылаемая Всемудрымъ и Вселюбящимъ Отцомъ, Который насъ подвергаетъ несчастіямъ, лишь съ цѣлью сдѣлать насъ лучшими и болѣе похожими на Него".

Тяжело переносить грѣшнику кары Божіи, и лишь сознаніе, что въ этихъ карахъ заключается глубокій смыслъ Божіей справедливости, даетъ ему силу переносить ихъ безъ унынія и отчаянія.

Въ 1878 году Россію постигло тяжелое горе: послѣ побѣдоносной войны войска ея дошли до самаго Царь-града, и надъ Святой Софіей у всѣхъ уже въ воображеніи виднѣлось сіяніе золотого креста. Но Господу Богу не угодно было допустить *тогдашнюю* Россію въ эту великую святыню,—Россію, разнузданную внутренними смутами, Россію, полную возмутительныхъ преступленій противъ Бога и Царя, Россію, готовившуюся къ гнусному злодѣянію 1 марта...

Русскія войска въ Царь-градъ не вошли, Россія съ неумытыми руками не удостоилась коснуться святынь величайшаго храма Православія,—и вотъ надъ этимъ храмомъ все еще возвышается полумѣсяцъ Магомета и будетъ возвышаться до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, не придетъ просвѣтленная, очищенная отъ своихъ грѣховъ, Православная Россія, чтобы водрузить на Святой Софіи лучезарный символъ христіанства, а затѣмъ освободить отъ иновѣрныхъ рукъ и его колыбель — святыню Іерусалимскую.

Въ самомъ дѣлѣ, что можно было ожидать хорошаго для Православія, если бы Святая Софія досталась тогда въ руки какого-нибудь изъ героевъ легкомысленной „диктатуры сердца" и ея „либеральныхъ" сподвижниковъ, начавшихъ въ то время разрушать Россію по той самой безшабашно-преступной программѣ, которая, къ великому счастію нашего Отечества, выброшена была за бортъ Царемъ-Миротворцемъ, а нынѣ снова примѣняется столь же лихорадочно-быстро, сколь и губительно-успѣшно съ злополучнаго почина героевъ политики „довѣрія".

Такъ какъ грѣхи Россіи въ настоящее время несравненно болѣе тяжки, чѣмъ въ 1878 году, то и кара, посланная ей Господомъ Богомъ, соотвѣтствуетъ этимъ грѣхамъ своею удручающею тяжестью.

*) См. *Московскія Вѣдомости* 1905 г., № 254.

Кара эта—обильная жертвами война, прерванная унизительнымъ миромъ какъ разъ въ то время, когда Россія была готова взять наконецъ верхъ надъ дерзкимъ врагомъ и обезпечить свое широкое могущество надъ всѣмъ Дальнимъ Востокомъ.

Кто знаетъ, можетъ-быть, и въ этомъ рѣшеніи Всемогущаго Бога лежитъ такой же глубокій историческій смыслъ, какъ и въ той тоже неоконченной и внезапно-прерванной унизительнымъ миромъ войнѣ, о которой мы говорили выше.

Въ 1878 году *нигилистическая* Россія, войдя въ Святую Софію, осквернила бы ее еще хуже, чѣмъ оскверняютъ ее молящіеся въ ней мусульмане, и Святая Софія, какъ православная *Святыня*, на вѣки была бы утрачена для Россіи.

А теперь, если бы Россія, свободная отъ Портсмутскихъ цѣпей, побѣдоносно кончила японскую кампанію, присоединивъ къ своимъ владѣніямъ и Корею, и часть Манчжуріи, и необходимыя для нашей безопасности прибрежные острова, — то кому бы пришлось оберегать эти новыя владѣнія Россіи? Тѣмъ жалкимъ, убогимъ пигмеямъ, которые черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, по сверженіи „кабинета графа Витте", будутъ стоять всевластно у кормила Русскаго Государства,—господамъ Родичеву, Петрункевичу, Щепкину, Кокошкину и остальнымъ героямъ Новосильцевской генеральной квартиры? Они уже и старую Россію не только не хотятъ охранять, но даже безпощадно рвутъ на части, разбрасывая ихъ на всѣ четыре стороны! Не прошло бы и года, какъ современная *монархическая* Россія съ фанатическимъ злорадствомъ исковеркала и разрушила бы всѣ плоды, которые бы намъ дала побѣдоносная война.

Но этой побѣды Господь не удостоилъ современную, грѣховную, малодушную Россію. Онъ приберегаетъ святыни Ближняго Востока и твердыни Востока Дальняго для *другой* Россіи, Россіи обновленной и воспрянувшей единымъ духомъ и единымъ сердцемъ на защиту Церкви Православной и Самодержавной Царской Власти,—Россіи, свергнувшей съ себя иго внутреннихъ враговъ своихъ, стремящихся лишить ее самыхъ драгоцѣнныхъ сокровищъ, безъ которыхъ она *не можетъ* исполнить предстоящее ей великое историческое призваніе.

Отвѣтъ „либераловъ" на правительственное сообщеніе.

Мы говорили (№ 284) объ изданномъ графомъ Витте Правительственномъ Сообщеніи, имѣвшемъ цѣлью успокоить Россію, такъ сильно всколыхнувшуюся послѣ 17 октября революціонною смутой. Графъ Витте разсчитывалъ на содѣйствіе печати въ его благомъ намѣреніи. Мы предсказывали, что такой поддержки въ своихъ бывшихъ друзьяхъ — „либералахъ"—графъ Витте не найдетъ, и дѣйствительно, вотъ что̀, напримѣръ, газета *Наша Жизнь* (№ 315) отвѣчаетъ графу Витте:

Что̀ можетъ отвѣтить „мирно-настроенное вдумчивое большинство русскаго общества" и печать на этотъ призывъ? Ничего, кромѣ того, что дорожащая русскою культурой печать и общество давно уже твердили и твердятъ: отъ словъ надо перейти къ дѣлу! Отъ

словъ о законности надо немедленно перейти къ дѣлу уничтоженія исключительныхъ законовъ, жандармеріи, военныхъ судовъ, преступныхъ расправъ, безнаказанныхъ убійствъ. Необходимо смѣнить всѣхъ администраторовъ, начиная съ ген. Трепова, которые, вмѣсто осуществленія заявленныхъ въ Манифестѣ свободъ съ неприкосновенностью личности, продолжаютъ борьбу съ освободительнымъ движеніемъ, необходимо дать ясныя, властныя, непреклонныя указанія о новой политикѣ Правительства въ духѣ Манифеста 17 октября.

А вотъ что пишетъ *Сынъ Отечества* (№ 213).

Опубликованное вчера Правительственное Сообщеніе производитъ самое тяжелое, самое удручающее впечатлѣніе. Правительство призываетъ къ спокойствію и порядку, между тѣмъ, читая это воззваніе, чувствуешь, ясно чувствуешь, что Правительство заодно съ партіей безпорядка, партіей насилія, партіей темнаго прошлаго.

И черная сотня недовольна Правительствомъ, и революціонеры недовольны имъ. Почему же Правительственныя власти попрежнему поддерживаютъ черносотенцевъ и пользуются ихъ поддержкой, а революціонеровъ попрежнему истребляютъ всяческими средствами? Очевидно, что Правительство, хотя и *говоритъ* о правовомъ порядкѣ, о новомъ строѣ жизни, *дѣйствуетъ* по-старому, опирается на старыхъ друзей и враждуетъ съ прежними врагами.

Генералъ Треповъ—это воплощеніе старыхъ порядковъ, это—преемникъ Плеве и продолжатель его дѣлъ. Можно было думать, что новое Правительство будетъ искать друзей не тамъ, гдѣ находитъ ихъ Треповъ. Опубликованное вчера Правительственное Сообщеніе разрушаетъ эту иллюзію.

Послѣ своего послѣдняго Сообщенія Правительство, если можетъ еще добиться довѣрія у общества, то ужъ не словами, а только дѣйствіями и, раньше всего, полнымъ разрывомъ со своими прежними союзниками.

Пока вся полицейская сила остается въ рукахъ Трепова, пока Правительство публикуетъ Сообщенія, подобныя вчерашнему,—трудно питать какія-либо иллюзіи.

Да и вообще взгляды графа Витте и его бывшихъ друзей на значеніе Высочайшаго Манифеста 17 октября и на Всемилостивѣйше дарованныя имъ льготы весьма различны.

Вотъ какъ объ этомъ Манифестѣ говоритъ журналъ *Правда* (№ 41).

Манифестъ 17 октября не даръ Самодержавія, а завоеваніе „смуты" той „неслыханной смуты", которая бурною и стремительною волной заливаетъ Россію. Цѣной безмѣрныхъ страданій, цѣной крови и слезъ купленъ этотъ Манифестъ, этотъ торжественный актъ самоотреченія Самодержавной Власти.

Манифестъ 17 октября—завоеваніе „смуты". Но не слѣдуетъ обольщаться иллюзіями: время мира и даже перемирія—еще не приспѣло; больше того—какъ разъ теперь, послѣ частичной побѣды, борьба должна вестись съ удвоенною силой. И кто знаетъ? Быть-можетъ, именно теперь придется вести ее не на два фронта,—противъ Самодержавнаго режима и противъ силъ, стихійныхъ и слѣпыхъ, общественной реакціи. Пусть каждая политическая партія пересмотритъ, поэтому, свою тактику борьбы; и пусть она считается при этомъ пересмотрѣ не только со вчерашнимъ, но и съ завтрашнимъ врагомъ,—не только съ хищниками, которые гнѣздятся на горѣ, но и гадами, которые пресмыкаются въ долинѣ.

Да, графу Витте не слѣдуетъ „обольщаться иллюзіями". Смута не прекратится, такъ какъ его бывшіе друзья рѣшили „вести борьбу", не довольствуясь „частичною побѣдой". На ихъ головы, слѣдовательно, падутъ всѣ ужасы, которые будутъ вызваны этою борьбою, если только графъ Витте не предпочтетъ сразу прекратить эту борьбу ради желаемаго имъ умиротворенія Россіи.

Польская и русская революція.

Въ журналѣ *Право*, одномъ изъ главныхъ органовъ русскихъ революціонеровъ, помѣщена (въ № 42) статья подъ заглавіемъ „Гроза съ Запада", посвященная начавшейся польской революціи.

Начинается статья съ совершенно вѣрной характеристики общаго положенія современной Россіи:

Никогда еще во всю свою исторію Россія не переживала эпохи болѣе трагической, преисполненной большими опасностями, чѣмъ настоящая. Государственный корабль, безъ руля, безъ вѣтрилъ, весь въ пробоинахъ, ежеминутно открывающій новую течь, несется по бурнымъ волнамъ расходившейся стихіи. Мели, подводные камни, острые неприступные утесы угрожаютъ ему. Тысячи смертей глядятъ со всѣхъ сторонъ, на каждомъ шагу можетъ открыться бездна, готовая проглотить корабль.

Въ такой моментъ прежде всего необходимо, сохраняя все возможное хладнокровіе, сообразить и учесть всѣ опасности. Одну изъ наиболѣе грозныхъ опасностей таитъ въ себѣ надвигающаяся съ запада, изъ Польши, гроза. Пройдетъ нѣсколько мгновеній, сгустившіяся свинцовыя тучи прорѣжетъ яркая молнія, раздастся оглушительный раскатъ грома, вспыхнетъ пожаръ, и тушить его станутъ уже не водою,—кровью. Вглядимся въ эту перспективу,—ее слѣдуетъ понять и почувствовать, что въ Россіи одинъ изъ самыхъ страшныхъ вопросовъ—тотъ, который уже поставленъ сегодня въ Варшавѣ, а завтра можетъ быть поставленъ во всей Польшѣ и подниметъ весь Польскій народъ.

Справедливо указывается и на роль Финляндіи въ Польскомъ мятежѣ:

Изумительный примѣръ Финляндіи аппелируетъ къ сердцу каждаго поляка, отъ знаменитаго публициста-писателя до темнаго крестьянина включительно. Въ нѣсколько дней Финляндія однимъ могучимъ усиліемъ всей страны бросила оковы и завоевала себѣ безкровную свободу. Оказалось, что самовластіе Русскаго Самодержавнаго Правительства въ Финляндіи было основано на миражѣ.

Правительство отступило сразу и по всей линіи, Финляндія вернула себѣ сразу и съ избыткомъ все, утраченное въ послѣдніе немногіе годы.

Какой манящій, какой возбуждающій примѣръ!

Что удивительнаго, если лозунгъ „освобожденіе Польши", носящійся теперь надъ всѣмъ краемъ, объединитъ всѣхъ въ одной мысли, въ одномъ чувствѣ. Вѣковой „споръ славянъ между собою" вступаетъ въ новый періодъ своей исторіи. Что можетъ онъ дать Россіи и Польшѣ? Вопросъ этотъ иначе можетъ быть формулированъ такъ: что сдѣлаетъ Правительство, и какія будутъ послѣдствія того или иного отношенія его къ новому фазису польско-русскихъ отношеній?

На существенное, однако, различіе между Финляндіей и Польшей мы указывали въ нашей передовой статьѣ (№ 291). Различіе это видитъ и *Право*:

Какъ ни слабо органически наше Правительство, нельзя спорить противъ того, что позиція его по отношенію къ Польшѣ значительно разнится отъ позиціи финляндской. Для „обузданія" Польши правительство располагаетъ внушительнымъ запасомъ физическихъ силъ; ему не придется даже вводить свои войска въ Царство Польское, давнишній бивуакъ этихъ войскъ. Географическія, природныя и цѣлый рядъ другихъ условій Царства Польскаго рѣзко отличаютъ его отъ великаго княжества Финляндскаго. Отчасти сюда присоединяются и условія международной политики: для вооруженнаго подавленія польскаго возстанія правительство имѣетъ союзника въ Прусскомъ штыкѣ, охраняющемъ цѣлость Прусскаго королевства. Таковы внѣшнія условія, забывать ихъ не слѣдуетъ.

Правительство этихъ условій не забываетъ и, сообразно съ ними, принимаетъ необходимыя мѣры къ прекращенію Польскаго мятежа.

И вотъ *Право* въ изступленіи вопитъ:

На попытку Польши стряхнуть оковы правительство сегодня отвѣтило военнымъ положеніемъ всей Польши; запахло картечью, пулями, штыками!

Это будетъ актомъ величайшаго историческаго безумія, и правительству надлежитъ дать себѣ отчетъ въ томъ, каковы будутъ его послѣдствія.

А затѣмъ слѣдуетъ и угроза:

Никакая освободительная и созидательная работа въ Россіи не станетъ возможною при такихъ условіяхъ. Правительство, разстрѣливающее и вѣшающее въ Варшавѣ, никогда

не будетъ въ состояніи опереться на силы общественныя въ Россіи. Ему возможнымъ и необходимымъ станетъ одинъ союзъ: союзъ съ тѣми потомками по духу Муравьева, которымъ органически ненавистна мысль о Польской свободѣ.

При такихъ условіяхъ, отъ первыхъ робкихъ сознательныхъ попытокъ пойти по пути свободы, правительство должно будетъ отказаться.

Чѣмъ отвѣтитъ Русская революція? Нужно ли предсказывать?

Чѣмъ отвѣтила „русская" революція, можно видѣть изъ слѣдующаго „Воззванія":

Отъ Союза Союзовъ.

„Ознакомившись съ цѣлымъ рядомъ беззаконныхъ правительственныхъ дѣйствій въ Царствѣ Польскомъ, завершившихся повсемѣстно введеніемъ военнаго положенія, центральный комитетъ Союза Союзовъ считаетъ своимъ долгомъ остановить на этомъ актѣ исключительное вниманіе русскаго общества.

„Со дня законодательнаго акта 17 октября русскому освободительному движенію не было брошено вызова болѣе рѣзкаго, чѣмъ тотъ, которымъ проникнуто Правительственное Сообщеніе отъ 31 октября. Теперь нѣтъ и не должно быть болѣе сомнѣній, — вѣра въ юридическую силу и значеніе этого широковѣщательнаго акта убита рукой самого правительства.

„Признавая, что въ силу манифеста 17 октября поляки въ числѣ остальныхъ русскихъ подданныхъ волею Государя признаны полноправными свободными гражданами, Правительственное Сообщеніе заявляетъ, что пока часть населенія, примкнувшаго къ политическимъ агитаторамъ, не придетъ въ себя отъ овладѣвшаго имъ увлеченія, до тѣхъ поръ ни одно изъ благъ, вытекающихъ изъ Высочайшихъ Манифестовъ 6 августа и 17 октября сего года, не сдѣлается достояніемъ края.

„Итакъ, законъ объ участіи въ Государственной Думѣ, купленной цѣною героической борьбы, отмѣняется для цѣлаго края, для всего народа Польскаго. Даже не актомъ Законодателя, а простымъ административнымъ распоряженіемъ. Пользованіе благами гражданскаго и политическаго равноправія допускается для Польши лишь тогда и постольку, когда и поскольку она тогда, по мнѣнію администраціи, заслужитъ.

„Для того, чтобы хотя сколько-нибудь оправдать этотъ произволъ, Правительственное Сообщеніе ссылается на то, что представители мѣстной власти обагряютъ землю своей кровью, падая жертвою политическихъ преступленій. Ссылка эта, явно не основательная сама по себѣ, зиждется на невѣрномъ утвержденіи.

„Какъ извѣстно, за время, протекшее съ 17 октября, въ Царствѣ Польскомъ не имѣли мѣста сколько-нибудь значительные террористическіе акты. Въ такой же мѣрѣ не соотвѣтствуютъ истинѣ приписываемыя Правительственнымъ Сообщеніемъ всему Польскому народу стремленія къ отложенію отъ Государства. Такъ, цѣлый рядъ воспроизведенныхъ въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* резолюціи польскихъ городовъ, мѣстечекъ и селъ выражаютъ лишь совершенно естественное и справедливое требованіе автономіи.

„Допуская въ своемъ сообщеніи преднамѣренное смѣшеніе совершенно различныхъ понятій—автономіи и самостоятельнаго государства, Правительство пользуется пріемомъ внесенія опасной розни въ ряды борцовъ за освобожденіе и возбужденія въ нѣкоторыхъ малосознательныхъ классахъ Русскаго народа вражды и злобы къ ограбленному европейскими правительствами народу Польскому.

„Эта попытка разбить напоръ освободительнаго теченія и отвести его въ русло національной вражды не застанетъ русскаго общества врасплохъ. Оно теперь слишкомъ хорошо узнало и враговъ своихъ, и друзей, и никогда никакимъ проискамъ не удастся разъединить два братскіе народа, борющіеся за общее счастье.

„Ударъ, нанесенный Польшѣ, есть ударъ всему русскому освободительному движенію. Ея страданія подъ тяжелою военною пятой будутъ нашими страданіями, ея боль—нашею болью.

„Центральный комитетъ Союза Союзовъ выражаетъ твердую увѣренность, что ряды бойцовъ Русскаго и Польскаго народа сомкнутся еще тѣснѣе, еще дружнѣе, чтобы мужественно и стойко, совмѣстно со всѣми народами Россіи, совершить великую борьбу за дѣло свободы".

Съ другой стороны, польскіе соціалъ-демократы братаются съ русскими соціалистами, какъ видно изъ слѣдующаго документа:

„Протестъ Варшавскаго комитета соціалъ-демократіи Польши и Литвы".

„Правительственное Сообщеніе, мотивируя сепаративнымъ характеромъ движенія въ Польшѣ объявленіе военнаго положенія и лишеніе насъ конституціи, является преступнымъ маневромъ націоналистической тактики Правительства съ цѣлью отдѣлить польскую революцію отъ русской.

„Констатируемъ фактъ, что власти, потопивъ въ крови наши революціонныя шествія, дали полную свободу шествіямъ національно-польскимъ съ бѣлымъ орломъ и патріотическими польскими пѣснями; что на этихъ шествіяхъ Сенкевичъ и другіе ораторы призывали бастующихъ приступить къ работѣ и спокойствію.

„Правительство разсчитывало на эти манифестаціи, такъ какъ польскій революціонный пролетаріатъ не вѣрилъ Правительству и польскимъ націоналистическимъ манифестаціямъ и всеобщей стачки не прервалъ. Правительство измѣнило польскимъ націоналистамъ, своимъ союзникамъ контръ-революціи, успокоивая бѣлый терроръ тѣми же націоналистическими лозунгами, при помощи которыхъ оно раньше надѣялось успокоить пролетаріатъ.

„Констатируемъ еще тотъ фактъ, что націоналистическое польское движеніе имѣло въ виду не отдѣленіе Польши отъ Россіи, а только цѣли контръ-революціонныя, что революціонный польскій пролетаріатъ стремится путемъ общей борьбы съ революціоннымъ русскимъ пролетаріатомъ къ общей свободѣ, а не къ сепараціи". (*Русь*).

Русская Монархическая Партія.

Собраніе 20-го ноября.

Въ воскресенье, 20-го ноября, состоялось частное собраніе Русской Монархической Партіи въ Москвѣ.

Приглашенія на это собраніе, въ виду почтовой забастовки, могли быть доставлены многочисленнымъ членамъ Партіи лишь съ большими затрудненіями, усложнившимися тѣмъ, что одинъ изъ членовъ Партіи, взявшій на себя разноску большого числа приглашеній, подвергся ночному нападенію грабителей, отобравшихъ у него, между прочимъ, и вышеозначенныя приглашенія.

Въ виду этого, Собраніе постановило собираться еженедѣльно въ опредѣленные дни *безъ приглашеній*, но съ предъявленіемъ при входѣ именныхъ членскихъ билетовъ (на фотографическихъ карточкахъ), которые будутъ выдаваться центральнымъ Бюро, начиная съ четверга, 24 ноября. Для еженедѣльныхъ же собраній постановлено пріискать достаточно обширное помѣщеніе, въ которомъ могли бы состояться не частныя, какъ доселѣ, собранія, а собранія *общія* всѣхъ московскихъ членовъ Монархической Партіи.

Такъ какъ Московское отдѣленіе Русской Монархической Партіи, вполнѣ организованное, уже приступило къ активной части своихъ задачъ, то Собраніе постановило разослать делегатовъ во всѣ тѣ мѣстности Россійской Имперіи, гдѣ уже находятся члены Русской Монархической Партіи, для соединенія ихъ въ мѣстныя организаціи.

Какъ на образцы подобной мѣстной дѣятельной и плодотворной организаціи, членъ Монархической Партіи Е. А. Лихачъ указалъ на нѣкоторые петербургскіе патріотическіе кружки и союзы, приступившіе уже къ весьма успѣшной борьбѣ съ революціей чисто-мирными и просвѣтительными средствами.

Вполнѣ одобряя такую именно борьбу, А. С. Шмаковъ указалъ на истинную причину объявшей Россію революціи и на великую опасность, грозящую Россіи со стороны исконнаго ея врага.

Все собраніе встрѣтило А. С. Шмакова единодушною, горячею оваціей въ виду его новаго гражданскаго подвига: какъ-разъ наканунѣ онъ возсталъ противъ революціоннаго намѣренія Московской Думы заступиться за Севастопольскихъ измѣнниковъ-бунтарей, предложивъ, наоборотъ, ассигновать десять тысячъ рублей въ помощь раненымъ и семействамъ погибшихъ чиновъ Русской доблестной арміи, оставшихся вѣрными своей присягѣ во время Севастопольскаго мятежа.

Собраніе Монархической Партіи тутъ же открыло сборъ пожертвованій на ту же цѣль и постановило послать сочувственную телеграмму адмиралу Чухнину.

Возникшій вопросъ объ установленіи ежегоднаго членскаго взноса для лицъ, примкнувшихъ къ Монархической Партіи, былъ принципіально рѣшенъ Собраніемъ въ утвердительномъ смыслѣ съ тѣмъ, чтобы этотъ взносъ не превышалъ одного рубля въ годъ и такимъ образомъ не стѣснялъ массу крестьянскаго населенія, примыкающаго къ Монархической Партіи.

Главными предметами обсужденія настоящаго Собранія Монархической Партіи явились слѣдующіе два вопроса:

а) Вопросъ о союзѣ Монархической Партіи съ другими монархическими, противореволюціонными кружками, обществами и союзами для сов-

мѣстной борьбы законными средствами съ крамолой, поставившей себѣ задачу добиться, посредствомъ всеобщей анархіи, низверженія Самодержавія Русскихъ Царей.

б) Вопросъ о непосредственномъ обращеніи коренного Русскаго Православнаго Народа къ своему Царю съ торжественнымъ заявленіемъ, что Русскій народъ, вопреки увѣреніямъ теперешнихъ петербургскихъ высшихъ сферъ, остается вѣрнымъ своей присягѣ и желаетъ не умаленія, а укрѣпленія Царскаго Самодержавія, видя въ немъ единственное спасеніе Россіи отъ грозящей ей близкой гибели.

Оба вопроса были единодушно рѣшены въ утвердительномъ смыслѣ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, были произведены соотвѣтствующіе этимъ рѣшеніямъ выборы особыхъ делегатовъ отъ Русской Монархической Партіи.

Затѣмъ Собраніе выслушало съ напряженнымъ вниманіемъ докладъ Н. Н. Жеденова объ „Уфимской крамолѣ", допущенной совершенно невѣроятными дѣйствіями губернатора Цѣхановецкаго, противъ которыхъ Собраніе выразило единодушный протестъ.

Засѣданіе закончилось прочтеніемъ прочувствованнаго стихотворенія Л. А. Кологривовой „Девятый Валъ".

Новая желѣзнодорожная забастовка?

Революціонеры давно уже рѣшили во что бы то ни стало устроить новую всеобщую желѣзнодорожную забастовку.

Для этого имъ нужно было найти „хорошій предлогъ".

И вотъ имъ показалось, что они его нашли.

Въ Средней Азіи на Кушкѣ какой-то инженеръ Соколовъ, начальникъ участка Средне-Азіатской желѣзной дороги, вмѣстѣ съ другими преступниками, приговоренъ военно-полевымъ судомъ къ смертной казни.

Начальникъ названной дороги обратился къ министру Путей Сообщенія Немѣшаеву съ заявленіемъ, что этотъ приговоръ взволновалъ служащихъ его дороги.

Телеграмма эта прошла черезъ всю Россію по желѣзнодорожному телеграфу, и о ней узнали революціонеры.

Тотчасъ же, по приказу революціоннаго Комитета, отъ группъ служащихъ-крамольниковъ со всѣхъ желѣзныхъ дорогъ полетѣли телеграммы къ министру Путей Сообщеній, грозившіе всеобщею стачкой, если приговоръ полевого суда не будетъ *отмѣненъ*.

Такъ, между прочимъ, было собрано въ управленіи Московско-Казанской желѣзной дороги собраніе служащихъ названной дороги въ числѣ около 150 человѣкъ. Собраніе постановило ходатайствовать объ *отмѣнѣ* приговора военно-полевого суда надъ инженеромъ Соколовымъ. Кромѣ того рѣшено было послать телеграмму графу С. Ю. Витте, Военному министру, министру Путей Сообщенія и по всѣмъ станціямъ Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ о томъ, что „если 22 ноября, до 10 часовъ вечера, не будетъ получено увѣдомленія объ *отмѣнѣ* военно-полевого суда и смертной казни надъ упомянутыми товарищами, то Московско-Казанскою

желѣзною дорогой будетъ объявлена забастовка, отвѣтственность за которую падетъ всецѣло на Правительство. Телеграмма заканчивалась словами:

„Долой смертную казнь, долой военно-полевой судъ и мѣры усиленной охраны, требуемъ полной амнистіи“!

Разсчетъ казался вѣрнымъ. Революціонеры не сомнѣвались въ томъ, что министръ имъ *откажетъ* въ столь нелѣпой просьбѣ, и тогда предлогъ для забастовки будетъ найденъ.

Но случилось иначе.

Министръ подъ угрозой революціонеровъ пошелъ на уступку!

Онъ сегодня разослалъ начальникамъ всѣхъ казенныхъ и частныхъ желѣзныхъ дорогъ телеграмму съ просьбой сообщить желѣзнодорожнымъ служащимъ, что онъ обратился къ Военному министру Редигеру съ просьбой *пріостановить* приговоръ полевого суда.

Вслѣдъ затѣмъ начальники дорогъ получили телеграмму и отъ генерала Редигера о томъ, что онъ дѣйствительно *пріостановилъ* исполненіе приговора!

Ободренные такимъ успѣхомъ, революціонеры рѣшили все-таки осуществить давно уже намѣченную ими забастовку, находя уступку Правительства все еще уклончивою!..

Теперь все зависитъ отъ здраваго смысла и патріотизма всей массы желѣзнодорожныхъ служащихъ, которые достаточно сильны, чтобы разстроить всѣ пагубныя каверзы крамольниковъ.

Забастовка должна была начаться 22 ноября, съ 10 часовъ вечера, но потерпѣла неудачу. Революціонеры встрѣтили со стороны служащихъ отпоръ, и всѣ вечерніе поѣзда на всѣхъ дорогахъ были своевременно отправлены.

Но крамола не успокоилась и готовится во что бы то ни стало добиться забастовки...

Въ виду этого министру Путей Сообщенія отправлена слѣдующая телеграмма:

„**Петербургъ**. Министру Путей Сообщенія:

„Не удовлетворившись чрезмѣрною уступчивостію относительно отсрочки исполненія приговора въ Кушкѣ, служащіе примосковныхъ желѣзныхъ дорогъ угрожаютъ новою забастовкой. Считаемъ несомнѣннымъ долгомъ сказать вамъ, что безобразіе темныхъ революціонныхъ силъ и новая забастовка грозятъ страшнымъ бѣдствіемъ. Нельзя поручиться за населеніе Москвы и деревень и за послѣдствія, могущія произойти отъ взрыва народнаго негодованія.—Подписали:

„*Монархическая Партія, Союзъ Русскихъ людей, Добровольная охрана, Сусанинскій Кружокъ, Союзъ землевладѣльцевъ, Кружокъ Русскихъ студентовъ. Орловскій Союзъ законности и порядка*“.

Революціонное провокаторство.

Революціонеры, имѣя въ настоящее время въ своихъ рукахъ всѣ телеграфныя сообщенія, пользуются ими для усиленія революціоннаго провокаторства.

Такъ, они посредствомъ телеграфа пустили въ ходъ легенду о предстоящей будто бы смертной казни какому-то инженеру Соколову, дабы вызвать этою ложью всеобщую желѣзнодорожную забастовку.

Съ тою же цѣлью они 27 ноября по всей Россіи распространили телеграмму о томъ, что эта забастовка уже наступила на Курско-Харьково-Севастопольской, Риго-Орловской, Харьково-Николаевской, Юго-Западныхъ, Юго-Восточныхъ, Самаро-Златоустовской и Сызрано-Вяземской желѣзныхъ дорогахъ.

А между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, изъ собранныхъ нами безусловно-вѣрныхъ справокъ оказывается, что *Юго-Западныя, Юго-Восточныя, Самаро-Златоустовская* и *Сызрано-Вяземская* дороги до сихъ поръ дѣйствуютъ совершенно исправно, а на Риго-Орловской дорогѣ забастовала только станція Рига.

Точно такъ же не слѣдуетъ вѣрить преувеличеннымъ свѣдѣніямъ, распространяемымъ революціоннымъ телеграфомъ, о повсемѣстныхъ будто бы военныхъ бунтахъ.

Всѣ эти извѣстія являются ничѣмъ инымъ, какъ гнуснымъ провокаторствомъ, разсчитаннымъ на то, чтобъ искусственно вызвать всякій разъ забастовки и бунты „по примѣру уже существующихъ“, и этимъ терроризовать общество и Правительство.

1-е декабря въ Царскомъ Селѣ.

1-го декабря, въ Царскомъ Селѣ, въ Александровскомъ Дворцѣ, Государю Императору имѣли счастіе представляться нижеслѣдующія депутаціи:

I. **Отъ Союза Русскихъ людей:**

Предсѣдатель Союза князь Щербатовъ, члены Союза: дворяне: Бартеневъ, Бобровъ, Ознобишинъ, крестьяне: Ларіоновъ, Богачевъ, Буроличевъ, Можаевъ, Скворцовъ, личный почетный гражданинъ Орловъ и профессоръ Н. М. Павловъ.

II. **Отъ Монархической партіи:**

Дѣйствительный статскій совѣтникъ Грингмутъ, дворянинъ Геника, купцы: Константиновъ и Мочалкинъ.

III. **Отъ Союза землевладѣльцевъ:**

Дворяне: Чемодуровъ, Пасхаловъ, Павловъ, Кисловскій, Шараповъ, Булацель, Ознобишинъ, крестьяне: Евстратовъ и Яшинъ.

IV. **Отъ Общества хоругвеносцевъ и добровольной охраны:**

Крестьяне: Красноложкинъ, Толокновъ, Лукьяновъ, Богдановъ, Горбуновъ и купеческій сынъ Минаевъ.

V. **Отъ совѣта редакціи журнала** *Русское Крестьянство*:

Предсѣдатель совѣта, крестьянинъ Богачевъ; члены: крестьяне: Павленковъ и Ивановъ; секретарь совѣта, канцелярскій служитель изъ крестьянъ Ситновъ.

VI. **Отъ Общества крестьянъ села Воробьевы Горы подъ Москвой:**

Крестьяне: Грызловъ и Козловъ.

VII. Сунодальный миссіонеръ, игуменъ Арсеній.

При выходѣ Государя Императора въ залъ, всѣ депутаціи привѣтствовали Его Величество земнымъ поклономъ. Государь Императоръ подошелъ къ игумену Арсенію и депутаціи хоругвеносцевъ, отъ имени которой князь Щербатовъ поднесъ Его Величеству икону Св. Алексія Митрополита со слѣдующими словами

„Ваше Императорское Величество.

„Передъ отъѣздомъ въ Петербургъ, собравшіяся здѣсь депутаціи сошлись помолиться въ Чудовомъ монастырѣ о здравіи и долгоденствіи Вашего Императорскаго Величества и о прекращеніи смуты въ Россіи. Настоятель монастыря и братія благословили насъ иконою Святителя Московскаго и молитвенника за землю Русскую митрополита Алексія. Икону эту, какъ драгоцѣнный залогъ всѣхъ нашихъ моленій и упованій, имѣемъ счастіе передать Вашему Императорскому Величеству съ просьбою сохранить ее у себя и вмѣстѣ съ нами прибѣгать къ заступничеству и помощи великаго Святителя въ трудныя для Государства минуты. По прекращеніи же смуты, не откажите, Великій Государь, возвратить намъ эту святую икону Сами лично въ Москву и да станетъ она великою народною святыней и памятью для Чудова монастыря“.

Принявъ икону и приложившись къ ней, Государь Императоръ поблагодарилъ хоругвеносцевъ, обѣщая, согласно ихъ просьбѣ, передать эту икону впослѣдствіи въ Чудовъ монастырь.

Затѣмъ князь Щербатовъ удостоился представить Его Величеству адресъ отъ Союза Русскихъ людей слѣдующаго содержанія:

„Великій Государь!

„Воля Твоя для насъ, коренныхъ Русскихъ людей, священна. Ей мы покоряемся. За Тобой пойдемъ, куда поведешь.

„Враги Россіи издѣваются надъ Русскимъ народомъ и лживо увѣряютъ, будто силой и угрозами могутъ подчинить себѣ Самодержавную, берущую изъ народа силу, волю Твою.

„Государь! Довольно этихъ надругательствъ надъ Россіей и ея Самодержцемъ!

„Мы всѣ за Тебя.

„Созови великій земскій соборъ въ Москвѣ.

„Собери коренной по вѣрѣ и происхожденію Русскій народъ. И тотъ народъ, который возвелъ на престолъ Твоего Предка и вручилъ ему скипетръ Самодержавія, дастъ Тебѣ силу и мощь осуществить и провести до конца во всей полнотѣ великія начала свободы народной, Тобой провозвѣщенныя Манифестомъ отъ 26 февраля 1903 года и осуществляемыя Тобой нынѣ.

„Подъ Твоимъ державнымъ водительствомъ народъ Русскій сплотится для проведенія начала твердой исторической государственности, какъ залога благоустройства его и всѣхъ народовъ, Державѣ Твоей подвластныхъ.

„Вѣрь, Государь, Твоему крестьянству, преданность котораго не поколеблютъ никакія козни враговъ Россіи.

„Вѣрь лучшимъ людямъ дворянскаго и торговаго состоянія, сохранившимъ нерушимо завѣты предковъ.

„Вѣрь истиннымъ пастырямъ Церкви Христовой, духовно живущимъ одною жизнью съ вѣрнымъ Твоимъ народомъ.

„Вѣрь доблестному казачеству—страху и грозѣ враговъ Россіи.

„Царство Русское на краю гибели.

„Власти бездѣйствуютъ.

„Разрушеніе Церкви и Государства открыто провозглашается на площадяхъ и въ печати.

„Возстаютъ братъ на брата, сословіе на сословіе.

„Кровь льется по всей Землѣ Русской.

„Нужно возстановленіе народной государственной власти.

„Единственный къ тому способъ: немедленный созывъ земскаго собора путемъ существующихъ сословныхъ выборныхъ учрежденій.

„Спроси, Государь, пастырей Церкви Христовой по епархіямъ, созови Свое вѣрное дворянство, торговое, мѣщанское и ремесленныя состоянія, доблестныя войска казачьи.

„Крестьянству же, какъ состоянію наиболѣе многочисленному, неизмѣнно Тебѣ преданному и наиболѣе отъ Тебя удаленному по занятіямъ своимъ при землѣ, дай возможность крѣпче всѣхъ сплотиться вокругъ Тебя, выславъ выборныхъ отъ каждаго уѣзда.

„Среди тяжкихъ ниспосланныхъ нашей Родинѣ испытаній, вѣрные сыны Россіи, собранные вокругъ Тебя, Государь, въ первопрестольной Москвѣ, собирательницѣ и устроительницѣ Земли Русской, забывъ свои раздоры и несогласія, помня завѣты предковъ и данную Тебѣ присягу и готовые жертвовать собой для блага и славы Россіи и пользы государственной,—дадутъ Тебѣ совѣтъ и помощь въ дѣлѣ установленія порядка и правды въ Землѣ Русской.

„Молимъ Всевышняго, да укрѣпитъ и наставитъ Тебя по молитвамъ святыхъ Угодниковъ Божіихъ и Святителей Земли Русской".

Послѣ сего Государь Императоръ обратился ко всѣмъ собравшимся со слѣдующими словами:

„Принимаю васъ въ увѣренности, что вижу передъ Собою истинныхъ сыновъ Россіи, искони преданныхъ Мнѣ и Отечеству.

„Не сомнѣваюсь, что вы пойдете не по иному, какъ только по предначертанному Мною пути; поэтому и призываю васъ передать всѣмъ любящимъ дорогую нашу Родину, что Манифестъ, данный Мною 17 октября, есть полное и убѣжденное выраженіе Моей непреклонной и непреложной воли и актъ, не подлежащій измѣненію.

„Для скорѣйшаго осуществленія дарованныхъ Мною реформъ необходимо при справедливой, строгой и твердой власти водворить спокойствіе и порядокъ въ потрясенной смутами Землѣ Русской.

„Въ этой задачѣ вы должны дружнымъ содѣйствіемъ на мѣстахъ помочь поставленнымъ Мною властямъ и Мнѣ.

„Большой грѣхъ берутъ на душу тѣ, которые своими дѣйствіями и внушеніями создаютъ и поддерживаютъ смуту, разжигая страсти и взаимную вражду.

„Да благословитъ Господь Богъ Россію, да умиритъ ее и да поможетъ всѣмъ намъ исполнить долгъ нашъ до конца".

Затѣмъ Его Величество изволилъ обходить депутаціи, милостиво разговаривая съ входившими въ ихъ составъ лицами.

Когда Его Величество приблизился къ депутаціи Русской Монархической Партіи, предсѣдатель оной В. А. Грингмутъ, представивъ членовъ депутаціи, обратился къ Государю со слѣдующими словами:

„Мы счастливы, Ваше Величество, что можемъ порадовать Ваше сердце доброю вѣстью изъ Москвы. Вѣрноподданническое населеніе Первопрестольной Столицы съ восторгомъ встрѣтило рѣшеніе Вашего Величества назначить Московскимъ генералъ-губернаторомъ генералъ-адъютанта Дубасова. Мы видимъ въ немъ представителя той твердой Власти, которая одна только можетъ возстановить въ Россіи миръ и законный порядокъ, которые столь желательны Вашему Величеству и всему Русскому народу!"

Крестьянинъ Богачевъ, стоявшій во главѣ депутаціи *Русскаго Крестьянства*, имѣлъ счастіе поднести Государю свои народныя изданія.

Приблизившись къ представителямъ Союза Землевладѣльцевъ, Государь Императоръ принялъ поднесенный ими адресъ слѣдующаго содержанія:

„Великій Государь!

„За сотни лѣтъ Царство Твое не переживало такихъ испытаній, какъ тѣ, которыя обрушились на него въ послѣдніе два года. Никогда безправіе, насиліе и произволъ каждой злонамѣренной воли не достигалъ такихъ размѣровъ не только надъ отдѣльными личностями, но и надъ государственными установленіями. Всю страну держатъ въ невыносимыхъ тискахъ всѣмъ извѣстные враги, разсылающіе эмиссаровъ по всей Россіи, распоряжающіеся въ ней помимо законной власти, не оказывающей имъ должнагъ противодѣйствія. Лучшіе слуги Твои падаютъ подъ ударами врага. Вся жизнь Государства и его населенія остановилась по преступному велѣнію крамолы. Страдаютъ милліоны людей всѣхъ состояній по деревнямъ, подъ давленіемъ движенія, ложно называемаго аграрнымъ, а въ сущности представляющаго собой открытый грабежъ, чинимый введенною Твоимъ же Именемъ въ заблужденіе частью крестьянскаго населенія и его пришлыми подстрекателями-агитаторами. Въ городахъ происходитъ то же самое подъ видомъ движенія, якобы рабочаго. Становится невозможнымъ никакое дѣло, никакой трудъ, никакое предпріятіе, и всѣмъ одинаково грозитъ полнѣйшее и неизбѣжное разореніе.

„Время дорого. Врагъ, начавшій развращеніе народнаго образованія всѣхъ степеней, продолжаетъ свою дѣятельность среди расшатанныхъ петербургскою бюрократіей устоевъ нашей государственой жизни, добивая остатки экономическаго благосостоянія страны преступными забастовками, разоряющими казну и частяыхъ лицъ.

„Государь! такъ дальше продолжаться не можетъ, ибо руководители нашей смуты стремятся къ гибели нашей Родины. Нужны рѣшительныя и немедленныя мѣры. Только неусыпный надзоръ, безпощадная кара злоумышленниковъ, а въ особенности ихъ вожаковъ и сановныхъ попусти-

телей всякаго ранга, могутъ смирить ихъ безпримѣрную дерзость. Только подъ строгою властью полномочныхъ начальниковъ по всей Россіи возможна вѣрная охрана сельскаго населенія отъ вліянія подстрекателей, рѣшительное недопущеніе ихъ въ крестьянскую среду. Только строжайшій надзоръ за дѣятельностью всѣхъ неблагонадежныхъ мѣстныхъ элементовъ можетъ предотвратить ихъ злые умыслы. Только окончательное запрещеніе, подъ страхомъ строжайшей кары, по законамъ военнаго времени, всеобщихъ забастовокъ можетъ остановить конечное обнищаніе и гибель Россіи.

„Самодержавнѣйшій Государь! Твой Манифестъ 17-го октября возбудилъ во всѣхъ слояхъ преданнаго Тебѣ населенія существенное сомнѣніе относительно неприкосновенности исконной русской Самодержавной неограниченной власти. Образованное вслѣдъ за Манифестомъ 17-го октября Правительство, въ формѣ Совѣта Министровъ, оказалось не только безсильно къ обузданію крамолы, но, наоборотъ, смута въ Государствѣ растетъ и ширится, пускаетъ болѣе глубокіе корни, охватываетъ все большее пространство нашего Отечества. Правительство это безсильно потому, что ищетъ опоры только въ элементахъ враждебныхъ Твоему Самодержавію.

„Союзъ осмѣливается просить Тебя, Великій Государь: внемли голосу нашему,—людей Земли Русской,—и Самодержавнымъ повелѣніемъ призови иныхъ исполнителей Твоей Монаршей воли“.

Затѣмъ Государь Императоръ изволилъ милостиво выслушать каждаго изъ представителей Союза Землевладѣльцевъ въ отдѣльности.

Приводимъ ихъ рѣчи:

Рѣчь А. А. Чемодурова.

„Вашему Императорскому Величеству имѣютъ счастье представиться депутаты отъ Союза русскихъ землевладѣльцевъ,—землевладѣльцевъ объединенныхъ на исконныхъ началахъ Самодержавія, Православія и Народности. Манифестъ Вашего Императорскаго Величества, о которомъ Вы изволили упомянуть, даровалъ намъ всѣ виды свободы, но, тѣмъ не менѣе, смута растетъ въ нашемъ Государствѣ. Среди крестьянскаго населенія, въ обществѣ, въ рѣчахъ и въ газетахъ утверждается, что Вы ограничили Свое Самодержавіе, и что у насъ скоро будетъ конституція. Это обстоятельство чревато послѣдствіями: смута увеличится.

„Мы, Государь, не вѣримъ въ ограниченіе Самодержавія: это было бы началомъ расчлененія Государства и гибелью нашей Родины!

„Молимъ и просимъ Ваше Императорское Величество утѣшить насъ, подтвердить намъ, что наше пониманіе о неприкосновенности Самодержавной Власти правильно, и что мы видимъ въ Васъ Самодержавнаго Русскаго Царя“.

Рѣчь крестьянина И. Гр. Евстратова.

„Ваше Императорское Величество!

„Осмѣлюсь доложить Вамъ, что насъ, крестьянъ, приводитъ въ немалое смущеніе вопросъ о томъ, какимъ способомъ будутъ производиться

выборы въ Государственную Думу на основаніи Манифеста 17 октября. Если таковые будутъ произведены, какъ того домогается печать, противная нашему духу, всеобщимъ, равнымъ голосованіемъ, то мы, крестьяне, составляющіе 90 проц. населенія и платящіе 90 проц. всѣхъ налоговъ,—какъ въ настоящее время въ земствѣ мы меньшинство, а въ губернскомъ и вовсе отсутствуемъ, — опасаемся, что совсѣмъ не попадемъ въ число выборныхъ въ Государственную Думу, а попадутъ лица намъ чуждыя и никакихъ интерессовъ связанныхъ съ крестьянствомъ и нашею землею не имѣющія. Если же выборы будутъ произведены по волостямъ, то мы увѣрены, что выберемъ изъ нашего крестьянскаго сословія людей достойнѣйшихъ и способнѣйшихъ послужить Вашему Императорскому Величеству и родной землѣ. Посему умоляю принять просьбу утвердить производство выборовъ вышеуказаннымъ способомъ“.

Рѣчь Н. А. Павлова.

„Повелите, Государь, слово молвить:

„Ваше Величество! Все страшнѣе съ каждымъ днемъ разгорается смута, и конца ея не стало видно. На съѣздахъ нашихъ говорилось не о своихъ личныхъ дѣлахъ, нуждахъ и грозящемъ разореніи, а о бѣдствіи всей страны, ввергнутой въ революцію, и о начавшемся повсемѣстно неслыханномъ разбоѣ, и о причинахъ и виновникахъ этого разбоя. Судили мы, кто виноватъ, и отчего горитъ безнаказанно наше добро, и горитъ, разоряется, распадается и гибнетъ Россія.

„Обезумѣлъ народъ, но не онъ виноватъ. Жжетъ и губитъ Россію не народъ, жгутъ и разоряютъ насъ не крестьяне—лучшіе слуги Вашего Величества и Вашего Самодержавія. Жжетъ насъ и Россію безвластіе, жгутъ безнаказанно подстрекатели и преступные попустители всѣхъ рановъ и измѣнники, ютящіеся въ обществѣ, въ городахъ—здѣсь, въ Петербургѣ. Зная крестьянъ, мы не винимъ ихъ и утверждаемъ, что вѣрны они Вашему Величеству, всему Царскому роду и присягѣ.

„Вы изволили сказать, что воля Ваша и велѣнія непреклонны: нашъ долгъ—ихъ исполнить. Но, Государь, смѣю вспомнить, что Вы Сами и съ давнихъ поръ повелѣваете Правительству раньше всего прекратить смуту и насиліе—и съ выраженія таковой же Воли Вашей начинается Манифестъ 17 октября. И мы, люди деревни, долго не знавшіе, изъ кого состоитъ Правительство, теперь его знаемъ и видимъ, что это повелѣніе Вашего Величества Петербургомъ, Правительствомъ—не исполняется.

„Зная теперь все, и зная причины, мы молимъ Васъ, Государь, прежде всего повелѣть Правительству подавить крамолу и взыскать съ главныхъ виновниковъ, съ подстрекателей и попустителей.

„Зная деревню, проживъ въ ней полжизни, я дерзаю завѣрить Ваше Величество, ссылаясь на своихъ товарищей, что того же проситъ многомилліонное мирное населеніе нашей Родины,—населеніе непримиримое съ врагами присяги и порядка.

„Мы знаемъ, Государь, мы видимъ, какъ устали Вы въ заботахъ и въ тяжелой постоянной тревогѣ за Россію. Усталъ и вѣрный народъ Вашъ.

„Такъ повелите же, Государь, всею силой Вашей Самодержавной Царской власти, повелите Правительству исполнить Вашу Волю,—покорить смуту и прекратить насилія. Этого ждетъ народъ.

„Или кликните кличъ! Люди есть, Государь: много ихъ, готовыхъ исполнить точно Вашу волю. Есть люди желѣзной воли и безгранично преданные Россіи и залогу ея единства – Самодержавію. Кликните кличъ вѣрному Вашему крестьянству,—и они въ собраніи дадутъ Вамъ опору, помощь и успокоеніе: кликните кличъ,—и явятся къ Вамъ люди вѣрные присягѣ, и составятъ они Вамъ новую вѣрную армію служилыхъ людей. Вы возьмете изъ нея на выборъ и честныхъ, и прямыхъ, и безстрашныхъ исполнителей повелѣній Вашихъ во имя спасенія Россіи, успокоенія народа и охраны Васъ, Государь, и Державнаго Наслѣдника Престола Вашего Царскаго Величества"!

Рѣчь К. Н. Пасхалова.

„Ваше Величество!

„Какъ дѣти, потерпѣвшія обиды отъ злыхъ людей, стремятся подъ защиту своего отца, такъ и мы, въ нашемъ великомъ горѣ, въ нашемъ отчаянномъ положеніи, прибѣгаемъ къ Вамъ, Государь, нашей единственной надеждѣ.

„Манифестомъ 17 октября Ваше Величество даровали всѣмъ свободы и неприкосновенности, а между тѣмъ никогда еще произволъ и насиліе не только надъ отдѣльною личностью, но и надъ всѣмъ Государствомъ, не достигали такихъ ужасающихъ размѣровъ.

„Открытый разбой громитъ наши усадьбы и разоряетъ наше достояніе, подъ видомъ аграрнаго движенія, совершенно немыслимаго въ Государствѣ, въ которомъ обработана едва $^1/_{10}$ часть его пространства. Среди насъ, стоящихъ предъ Вами землевладѣльцевъ, несмотря на нашу малочисленность и краткость пребыванія, есть люди, какъ, напримѣръ, г. Кисловскій, прибывшіе сюда богатыми, а нынѣ уже въ конецъ разоренные, и, можетъ-быть, многимъ изъ насъ придется вернуться лишь къ дымящимся развалинамъ нашихъ жилищъ.

„Подъ видомъ революціи идетъ ожесточенная борьба не противъ Правительства, а противъ всего населенія, происходитъ полный разгромъ государственной жизни; какія-то враждебныя силы останавливаютъ по произволу во всемъ Государствѣ всѣ способы сообщенія, организуютъ разоряющія его забастовки, лишая города свѣта, воды, необходимыхъ припасовъ и безопасности. Такъ и въ настоящее время уже три недѣли бездѣйствуютъ почта и телеграфъ, и все населеніе Россіи осуждено испытывать весь ужасъ неизвѣстности о своихъ дѣлахъ и близкихъ людяхъ,—а слабость правительственныхъ мѣропріятій не прекращаетъ такого невозможнаго насилія надъ государственнымъ учрежденіемъ, во вредъ десяткамъ милліоновъ отъ того невинно страдающимъ.

„Государь, такое положеніе невыносимо и дольше продолжаться не можетъ! Молимъ Васъ о защитѣ и спасеніи Россіи и насъ, Вашихъ вѣрныхъ подданныхъ: полное крушеніе Государства надвигается съ невѣроятною быстротой, и если власть не окажетъ смутѣ, во всѣхъ ея проявленіяхъ, немедленнаго и самаго энергическаго противодѣйствія, то оно наступитъ неизбѣжно и въ самомъ близкомъ будущемъ".

Рѣчь П. Ѳ. Булацеля.

„Государь! Разрѣшите мнѣ высказать Вамъ столь же смѣло и открыто мои убѣжденія, какъ нѣсколько мѣсяцевъ до Манифеста 17 октября Вы разрѣшили высказаться нынѣ уже покойному князю Трубецкому.

„Насъ привели сюда нашъ долгъ служить Родинѣ и Царю и наша присяга, повелѣвающая всякими мѣрами отвращать опасность и вредъ, грозящіе Вашему Величеству. Эта опасность теперь велика, и если ее скрываютъ, то это дѣлаютъ одни изъ любви къ Вамъ, не желая Васъ огорчать, другіе изъ-за побужденій, которыя оцѣнитъ будущій историкъ. Но русскій народъ не можетъ быть молчаливымъ свидѣтелемъ, какъ расшатываются мощь Россіи и Царскій престолъ. Народъ въ концѣ концовъ смететъ съ лица земли всѣхъ враговъ Россіи и Царя. Но это будетъ стоить потоковъ крови, которою зальется многострадальная Русская земля.

„Отъ Васъ, Государь, зависитъ предотвратить эти ужасы. Еще не поздно! Еще можно спасти Россію—не словомъ, а дѣломъ, не уступками а твердостью, съ которою отстаивалъ свои державныя права и права Русскаго народа Вашъ незабвенный отецъ, дорогой каждому русскому сердцу Царь-Богатырь Александръ III.

„Смута все растетъ, благодаря попустительству и робости Правительства. Шатаніе достигло такихъ размѣровъ, что многіе чиновники въ провинціи и даже иные высокопоставленные сановники въ столицѣ не отдаютъ себѣ отчета, кому они должны служить: Вамъ ли, Помазаннику Божію, или „объединенному министерству". Иные уже не понимаютъ, что законъ и безопасность Царя важнѣе, чѣмъ одобреніе революціонной печати

„Государь среди того ужаса, которымъ объята Россія, среди нѣмого ожиданія страшнаго переворота, всѣ надежды милліоновъ Русскаго народа возлагаются на Васъ. Только твердая, сильная Власть и немедленная активная борьба съ революціей можетъ водворить миръ и порядокъ въ Россіи.

„Вѣрьте, Государь, что для милліоновъ Русскихъ людей безчестіе Родины—хуже смерти, и потому они жизнь свою охотно отдадутъ святому дѣлу поддержанія порядка и законной Царской власти".

Рѣчь Л. Л. Кисловскаго.

„Ваше Императорское Величество!

„Передъ Вами — землевладѣлецъ несчастной Рязанской губерніи, которая нынѣ громится, выжигается и разграбляется шайками пугачевцевъ. За эти послѣдніе дни безпрепятственно разграблены и выжжены до-

тла имѣнія какъ губернскаго предводителя дворянства, такъ и мои и многихъ десятковъ ни въ чемъ неповинныхъ тружениковъ-землевладѣльцевъ. Какъ въ остальныхъ губерніяхъ, такъ и у насъ, нѣтъ никакого аграрнаго движенія, и не можетъ быть рѣчи объ аграрныхъ отношеніяхъ, какъ причинахъ безпорядковъ. Мы жили съ крестьянами честно и мирно. За мѣсяцъ еще крестьяне говорили, что они никогда не пойдутъ на такое дѣло, но что если придутъ чужія толпы, то они ничему помѣшать не могутъ. За нѣсколько мѣсяцевъ какъ мнѣ, такъ и другимъ землевладѣльцамъ, было объявлено, — какъ въ видѣ слуховъ, такъ и прокламаціями, — что мы „назначены" къ истребленію. Кѣмъ назначены? Не сосѣдними крестьянами, а революціоннымъ комитетомъ.

„Три недѣли тому назадъ я лично былъ у Рязанскаго губернатора, изложилъ ему подробно положеніе дѣла и просилъ охраны солдатъ. Имѣніе мое простиралось въ три волости и занимало центральное положеніе, удобное для охраны и другихъ владѣльцевъ, нынѣ также выжженныхъ до-тла. Губернаторъ обѣщалъ нѣсколько солдатъ—*и ничего не сдѣлалъ*.

„26 ноября являются съ желѣзной дороги скопища разныхъ лицъ и „„студентовъ"", разбиваютъ винныя лавки,—и пьяныя толпы крестьянъ къ нимъ присоединяются, идутъ и по дорогѣ грабятъ, жгутъ и уничтожаютъ хутора и усадьбы.

„Разгромъ производили вначалѣ крестьяне казенныхъ селъ въ черноземахъ, которымъ наши песчаныя земли не нужны ни почемъ, аграрнаго тамъ ничего не было. На третій день, видя безнаказанный грабежъ, которому никто не препятствовалъ, и мѣстные крестьяне стали помогать грабить остатки, благо разрѣшено, и чтобы добро не пропадало. Злобы къ разоряемымъ владѣльцамъ въ основаніи разгромовъ не было, а причиной была безнаказанная и безпрепятственная агитація революціонеровъ.

„Мы, мирные, труженики - землевладѣльцы, были всегда вѣрными Твоими слугами, Государь! За что же громятъ и разоряютъ насъ нынѣ— съ вѣдома и безъ защиты со стороны Твоего новаго правительства?

„Въ лицѣ моемъ всѣ разоренные, нищіе нынѣ, вѣрные Тебѣ, Самодержавный Царь, Рязанскіе землевладѣльцы молятъ Тебя колѣнопреклоненно о помилованіи и о защитѣ.

„Вѣдь и отцы наши служили вѣрой, правдой Твоимъ Родителямъ, и я служилъ Тебѣ, Государь, сначала въ лейбъ-гвардіи Гусарскомъ Вашего Величества полку, потомъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства, и мои дѣти, хоть и нищіе, все же будутъ вѣрными слугами Твоими и Твоихъ потомковъ"

Рѣчь В. Н. Ознобишина.

„Ваше Величество!

„Я одинъ изъ представителей несчастнаго, разграбленнаго и поруганнаго Саратовскаго края, гдѣ честные люди, вѣрноподданные Вашего Величества, должны таиться и не смѣютъ говорить громко, гдѣ торжествуютъ измѣнники, гордясь своею безнаказанностью.

„Какъ сыновья къ своему отцу, въ тяжкой бѣдѣ мы прибѣгаемъ къ Вамъ, вѣруя, что Вы одни, и только Вы можете спасти насъ. Спасите, Ваше Величество, нашъ несчастный край!

„Ваше Величество! Нашъ Сердобскій уѣздъ пострадалъ слабѣе другихъ уѣздовъ, главнымъ образомъ окраины, прилегающія къ другимъ уѣздамъ. Нашъ уѣздъ все время, не покладая рукъ, боролся съ крамолой, и, сколько было силъ, не допускалъ ея распространенія въ уѣздѣ: но справа и слѣва бушевала крамола, отъ которой эти уѣзды не сумѣли себя оградить. Борясь одни, безъ поддержки, мы не были въ состояніи устоять передъ ея натискомъ.

„Ваше Величество, позвольте прибавить нѣсколько словъ. По нашему общему убѣжденію, по убѣжденію жителей всего нашего края, все, что произошло до сихъ поръ, ничтожно сравнительно съ тѣмъ, что предстоитъ, конечно относительно; два уѣзда почти уничтожены. Но то, что ожидается,—превзойдетъ все. Аграрнаго движенія не было, а былъ разбой: но если поднимется аграрное движеніе, которое ожидается весной, то подымется такой ураганъ, послѣ котораго не уцѣлѣетъ не только ни одна усадьба, но даже ни одинъ уѣздный городъ не останется цѣлъ: все будетъ сметено этимъ ураганомъ".

Рѣчь С. Ѳ. Шарапова.

„Великій Государь!

„Къ сказанному моими товарищами мнѣ придется добавить немного.

„Не вѣрь тѣмъ, кто говоритъ о могучей силѣ внутренняго врага, о многочисленности людей бунтующихъ и разоряющихъ Россію. Число ихъ ничтожно, творческой мысли у нихъ нѣтъ, ни одинъ здравомыслящій человѣкъ имъ не вѣритъ. И если они имѣли такой успѣхъ, если имъ удалось такое множество злыхъ и черныхъ дѣлъ, то только потому, что имъ мирволило запуганное общество, а Правительство, испугавшееся ихъ крика и наглости, постыдно отступило передъ ничтожною кучкой и предало ей на жертву Россію.

„Вся русская такъ-называемая революція есть одинъ великій и сплошной обманъ—и ничего болѣе. И народъ, и образованное общество страдали и стонали отъ нашего стараго приказнаго строя, приведшаго Россію къ позору и разоренію. Этимъ чувствомъ воспользовались враги Россіи, чтобы стать поперекъ дороги великодушнымъ предначертаніямъ Твоимъ, чтобы не дать Тебѣ, въ согласіи съ Твоимъ вѣрнымъ народомъ, обновить и облагоустроить Россію. Имъ была нужна смута, чтобы вырвать у Тебя и у народа то, что такъ ненавистно врагамъ Россіи—Самодержавіе. И если бы Правительство, ставъ искренно на почвѣ дарованныхъ Тобою свободъ не испугалось этой презрѣнной кучки, а твердою рукой рѣшило оградить наши великія основы и съ ними законность и порядокъ общественный, мы не видали бы этого позорнаго успѣха смутьяновъ и разрушителей.

„Но полное незнаніе Россіи, страхъ за свои жизни и преступное попустительство заставили власть потерять голову, пойти на малодушныя

уступки и этимъ смутить всѣхъ и создать общественную смуту тамъ гдѣ, была только дерзость и наглость. Отсюда все зло, отсюда торжество обмана и насилія, отсюда гибель народнаго достоянія, убійства, грабежи, пожары, доведшіе Россію почти до состоянія анархіи.

„Ты видѣлъ, Великій Государь, какъ Твой вѣрный и православный народъ расправлялся со смутьянами, какъ очищалъ отъ нихъ города, какъ грозно поднимался на защиту своихъ вѣрованій и политическихъ идеаловъ. Лилась кровь, шли убійства, и нигдѣ, ни въ одномъ изъ руссскихъ городовъ, возставшихъ на борьбу со смутой, революція не могла похвалиться ни малѣйшимъ успѣхомъ. Вездѣ она разлеталась, какъ дымъ.

„Но этотъ кровавый народный самосудъ ужасенъ и грѣшенъ, Государь, и не дай Богъ его вызывать. Но мы видѣли и другое, спокойное и мудрое, проявленіе народной воли. Мы видѣли, какъ въ Нѣжинѣ народъ ставилъ бунтовщиковъ на колѣни, заставлялъ ихъ цѣловалъ Твой портретъ и вторично присягать. То же было и въ другихъ мѣстахъ. Вотъ каковы истинныя чувства народа, всѣмъ сердцемъ преданнаго Тебѣ и отъ Тебя ждущаго всѣхъ благъ и прежде всего правды и порядка.

„Повели же, Великій Государь, внявъ нашему неложному свидѣтельству, прекратить эту малодушную слабость Правительства. Призови къ Великому Твоему Государеву дѣлу иныхъ людей, съ мужественною душой, съ русскимъ умомъ и русскими чувствами. Этими людьми не оскудѣла еще Русская земля, ихъ много въ нѣдрахъ Руси Православной. Ждутъ они съ молитвою призыва своего Самодержавнаго Царя. И не побоятся эти люди ни угрозъ, ни бомбъ, а, радостно готовые за Тебя и за Родину сложить свои головы, желѣзною рукой водворятъ на Руси порядокъ и свято осуществятъ дарованныя Тобою свободы“.

По окончаніи пріема, депутаціямъ былъ предложенъ въ одномъ изъ залъ Дворца завтракъ.

Еще новая жертва.

Кровавая крамола выбираетъ себѣ жертвами лучшихъ Русскихъ людей, и пасть отъ ея ударовъ—значитъ быть вѣрнымъ слугой Царю и Отечеству.

Такимъ именно вѣрнымъ слугой былъ предательски-убитый Тамбовскій вице-губернаторъ Николай Евгеньевичъ Богдановичъ.

Имя его стало извѣстнымъ года два тому назадъ, когда онъ состоялъ Уфимскимъ вице-губернаторомъ, явился дѣятельнымъ помощникомъ губернатора, доблестнаго генерала Соколовскаго, которому Уфа обязана законнымъ порядкомъ, воцарившимся въ ней благодаря тѣмъ строгимъ, разумнымъ мѣрамъ, предъ которыми Уфимскіе крамольники принуждены были сократить свою преступную дѣятельность.

Подъ опытнымъ руководствомъ такого выдающагося администратора, какъ генералъ Соколовскій, Н. Е. Богдановичъ могъ съ плодотворнымъ успѣхомъ примѣнять тѣ принципы Русской доблести и горячаго патріотизма, которые онъ унаслѣдовалъ отъ отца своего, уважаемаго всею Россіей генерала Е. В. Богдановича.

Уфа не забудетъ, съ какимъ усердіемъ молодой вице-губернаторъ принялся за исполненіе всѣхъ возложенныхъ на него обязанностей, какую неусыпную заботу посвящалъ онъ Уфимскому населенію! Дѣятельность его отличалась необыкновенною бодростью и горячею вѣрой въ лучшія силы Россіи; вѣра эта сообщалась всѣмъ его окружающимъ, высоко цѣнившимъ его прямоту и откровенность во всѣхъ вопросахъ, касающихся чести и достоинства Россіи.

Къ сожалѣнію, плодотворная дѣятельность Н. Е. Богдановича въ Уфѣ была лишь кратковременною.

Когда пуля подлаго крамольника ранила генерала Соколовскаго, скоро затѣмъ оправившагося отъ этой раны, — Правительство почему-то поспѣшило удалить съ дѣйствительной службы этого выдающагося въ наши дни государственнаго человѣка, замѣнивъ его пресловутымъ губернаторомъ Цѣхановецкимъ, при которомъ крамола расцвѣла въ Уфѣ съ небывалою силой.

Служить съ такимъ губернаторомъ было немыслимо для Н. Е. Богдановича, и онъ, по просьбѣ своей, былъ переведенъ вице-губернаторомъ въ Тамбовъ, гдѣ нашелъ въ лицѣ губернатора В. А. фонъ-деръ-Лауница столь же опытнаго начальника и истинно-Русскаго человѣка, какимъ въ Уфѣ былъ генералъ Соколовскій.

Началась революція, вызванная Манифестомъ 17 октября. Н. Е. Богдановичъ былъ назначенъ для усмиренія крамолы въ Козловъ, гдѣ блестяще исполнилъ возложенную на него задачу. Вернувшись затѣмъ въ Тамбовъ, онъ, вмѣстѣ съ губернаторомъ, благодаря своевременно введенному военному положенію, повелъ серіозно и успѣшно ликвидацію революціи: серіознѣйшіе агитаторы были захвачены въ Тамбовѣ, Козловѣ и Грязяхъ, и этимъ была спасена вся губернія, ставшая мирнымъ оазисомъ среди бушевавшаго вокругъ нея сумбура.

Этотъ успѣхъ крамола простить Богдановичу не могла: мѣткая пуля убійцы положила конецъ его жизни, въ теченіе которой онъ могъ еще такъ много принести пользы своей Родинѣ!

Миръ праху твоему, доблестный Русскій человѣкъ, запечатлѣвшій мученическою смертію свой долгъ передъ Царемъ и Родиной! Ты убитъ на полѣ брани,—той злополучной междоусобной брани, которая терзаетъ Россію и похитила уже у нея столько вѣрныхъ сыновъ!

Н. Е. Богдановичъ оставляетъ послѣ себя неутѣшную вдову; о горѣ же его родителей и подумать страшно!

Да поможетъ же всѣмъ имъ Господь Богъ перенести это ниспосланное имъ тяжкое испытаніе!..

Россія на порогѣ Новаго года.

На порогѣ Новаго года принято окидывать общимъ взглядомъ и перечислять главныя событія года истекшаго.

Но на этотъ разъ сердце обливается кровью при одной мысли объ этихъ событіяхъ, и рука не поднимается для перечисленія тѣхъ ужасовъ, которые у всѣхъ насъ еще въ живой памяти и не перестаютъ давить насъ тяжелымъ кошмаромъ.

Нѣтъ, мы не беремъ на себя безчеловѣчнаго труда снова растравлять всѣ эти еще не зажившія раны, тѣмъ болѣе, что онѣ не ограничиваются предѣлами истекшаго цикла двѣнадцати мѣсяцевъ, а захватываютъ собою не только добрую половину предшествовавшаго года, но и неизвѣстно еще сколько предстоящихъ намъ лѣтъ!

Да, Россія переживаетъ тяжелый недугъ, который несомнѣнно кончится полнымъ ея выздоровленіемъ, но лишь послѣ долгихъ и мучительныхъ кризисовъ, сравнительно съ которыми теперешнее революціонное движеніе окажется хотя и грозною, но лишь предварительною вспышкой. Весь ужасъ еще впереди! Явится ли онъ въ 1906, или въ 1907, или въ еще болѣе позднемъ году,—это никому не извѣстно, кромѣ Господа Бога, пославшаго намъ за грѣхи наши это тяжкое испытаніе. Но что этотъ ужасъ неизбѣженъ, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія, точно такъ же какъ не можетъ быть сомнѣнія и въ томъ, что мы должны всѣми силами готовиться къ его встрѣчѣ и къ окончательной побѣдѣ надъ нимъ.

Предсказывая эту неминуемую тяжелую борьбу за существованіе Россіи, мы руководствуемся не какимъ-либо болѣзненнымъ пессимизмомъ, а логическимъ ходомъ событій и простымъ здравымъ смысломъ.

Слишкомъ велики были преступленія, совершенныя противъ Русскаго Царя, Русскаго народа, Русской Церкви, Русской школы и историческихъ устоевъ Русскаго Государства, — преступленія, немилосердно поражавшія въ теченіе полутора года несчастную Россію, чтобы она такъ скоро могла отъ нихъ оправиться!

Возьмите одну нашу школу, которую такъ варварски изуродовали и почти совершенно уничтожили слѣпые фанатики министры, профессора, преподаватели, студенты и ученики—вопреки лучшимъ желаніямъ и яснымъ указаніямъ Государя Императора! Сколько лѣтъ потребуется, чтобы возстановить въ ней должный порядокъ, религіозно-нравственное воспитаніе и серіозное ученіе! Сколько еще наивныхъ и невѣжественныхъ министровъ будутъ копаться въ ея развалинахъ, дѣлая грубѣйшія педагогическія ошибки, отъ которыхъ она все болѣе будетъ падать и разлагаться! Сколько еще будетъ совершаться преступнѣйшихъ опытовъ надъ душами нашихъ дѣтей со стороны тупыхъ дилеттантовъ, пока, наконецъ, явится настоящій государственный человѣкъ и педагогъ, который поставитъ себѣ единственною серіозною и цѣлесообразною задачей возвысить невѣжественную и

убогую нынѣ русскую школу до уровня лучшихъ школъ цивилизованнаго міра для обезпеченія серіознаго, плодотворнаго развитія высшихъ паукъ въ Россіи и для воспитанія вѣрныхъ слугъ Царю и Отечеству!

А вѣдь тотъ умственный и нравственный развратъ, въ которомъ нынѣ погрязла русская школа, дастъ себя чувствовать на долгіе и долгіе годы, и еще черезъ двадцать, и тридцать лѣтъ, Россія будетъ испытывать послѣдствія теперешнихъ революціонныхъ школъ, питомцы которыхъ, получившіе современное варварское воспитаніе, уничтожившее въ нихъ вѣру, чувство долга, уваженіе къ старшимъ и любовь къ наукѣ, будутъ участвовать въ управленіи Россіи, осуществляя на дѣлѣ свои невѣжественные принципы!

Но не одно только разрушеніе школы обрекло Россію на долгіе годы мучительныхъ страданій: еще болѣе тяжкіе слѣды оставитъ въ ней начавшееся въ прошломъ году разложеніе религіозныхъ основъ Русскаго народа и Русскаго духовенства, вслѣдствіе цѣлаго ряда направленныхъ противъ Православной Церкви необдуманныхъ законовъ и легкомысленныхъ мѣропріятій. Въ наступающемъ году предстоитъ созваніе у насъ помѣстнаго Церковнаго Собора. Одно уже это давно ожидавшееся и, при нормальныхъ условіяхъ, столь желательное событіе произведетъ своею несвоевременностію, среди настоящей политической смуты, величайшую смуту церковную, которая внесетъ, можетъ-быть, надолго неизгладимую распрю въ церковную и общественную жизнь Русскаго народа, а, можетъ-быть, и новые виды раскола.

А что политическая смута не уляжется въ теченіе предстоящаго года, но протянется еще на длинный рядъ лѣтъ,—въ этомъ, къ сожалѣнію, не можетъ быть сомнѣнія.

Разъ рѣшены въ настоящее мятежное время и выборы, и созывъ Государственной Думы, — этимъ самымъ рѣшено и продолженіе, и усиленіе нашей государственной смуты. Одно изъ двухъ: либо Дума лишитъ Царя Его Самодержавной Власти, либо Царь лишитъ мятежную Думу ея полномочій. Въ томъ и другомъ случаѣ волненія и междоусобія неизбѣжны.

Долго ли они протянутся и какую форму они примутъ — неизвѣстно; одно лишь несомнѣнно, что смута эта, такъ легкомысленно вызванная Петербургскимъ Правительствомъ, въ концѣ концовъ *должна* кончиться торжествомъ истины надъ ложью, добра надъ зломъ, Россіи надъ всѣми ея внутренними и внѣшними врагами.

Какими же путями создастся эта побѣда? Не тѣми, которые можетъ предвидѣть жалкій, ограниченный человѣческій разумъ, но тѣми, *ихъ же Ты, Господи, вѣси.*

Если бы у насъ, кромѣ разума, не было вѣры въ Бога, — намъ бы давно слѣдовало опустить руки и считать Россію уже обреченною на неминуемую гибель: такъ тяжелы и зловѣщи окружившія насъ грозныя явленія, что спасительнаго выхода умъ человѣческій нигдѣ не видитъ. „Все потеряно, говоритъ онъ, все погибло“!

„Нѣтъ“, говоритъ горячая, животворная вѣра: „не падайте духомъ, Русскіе люди, не предавайтесь грѣховному унынію, претерпите до конца,

и Россія стряхнетъ съ себя тѣ западные лохмотья и оковы, которые на нее хотятъ надѣть ея злѣйшіе враги, и выйдетъ она лучезарная, возрожденная изъ долгой и тяжкой борьбы"!

Да, ничего утѣшительнаго, радостнаго, мы, по человѣческому размышленію, отъ наступающаго года ждать не можемъ. По всѣмъ вѣроятіямъ, онъ для Россіи настолько же будетъ печальнѣе сравнительно съ отшедшимъ годомъ, насколько этотъ послѣдній превзошелъ своими ужасами первый годъ той несчастной исторической полосы, въ которую Россія вступила съ 15 іюля 1904 года.

Эту тяжелую „красную" полосу намъ нужно мужественно перенести, сколько бы несчастныхъ годинъ она намъ ни сулила. Подъ ея жестокими ударами мы должны бодриться, крѣпнуть, дружно соединяться и организоваться въ милліонныя несокрушимыя, истинно-Русскія дружины, которыя вернувшемуся къ Своему народу Самодержавному Царю представятъ твердую опору въ борьбѣ съ внутренними врагами Россіи и предохранятъ Его отъ ихъ коварныхъ замысловъ, направленныхъ противъ Его Самодержавія.

Но безъ помощи Божіей мы ничего сдѣлать не можемъ. Къ нему возносимъ мы наши смиренныя мольбы о спасеніи Россіи, на Него мы возлагаемъ всѣ наши надежды!

Воззваніе Русской Монархической Партіи.

Избиратели!

Государь Императоръ въ трудное переживаемое нами время призываетъ достойнѣйшихъ, довѣріемъ народа облеченныхъ, избранныхъ отъ населенія людей къ участію въ предварительной разработкѣ и обсужденіи законодательныхъ предположеній, при непремѣнномъ сохраненіи незыблемости основныхъ законовъ Имперіи.

Итакъ, Царю нужны лишь люди, которые собрались бы вокругъ Его Самодержавнаго Престола и служили бы Ему охраной и опорой своими честными, истинно-русскими совѣтами.

Теперь настало время подумать о томъ, каковы должны быть тѣ совѣтчики, которыхъ слѣдуетъ послать въ Государственную Думу, чтобъ они достойны были этого высокаго призванія.

Кого же вы, Русскіе люди, почтите своими выборами въ эту Думу и кого вы не пустите туда, какъ врага нашего Царя и нашей Родины?

Вотъ о чемъ нужно крѣпко подумать, такъ какъ къ вамъ подбираются много людей, которые хотятъ сбить васъ съ толку.

Хищные волки въ овечьей шкурѣ, что успѣли уже надѣлать столько зла, рыщутъ вокругъ васъ, надѣясь черезъ васъ пробраться какъ-нибудь къ Царю въ совѣтчики. Прикинутся волки ягнятами, наобѣщаютъ вамъ журавлей въ небѣ, выставятъ себя передъ вами самыми преданными друзьями, а какъ только добьются своего, попавъ черезъ васъ въ Государственную Думу, такъ и не вспомянутъ про васъ, а оскалятъ зубы и станутъ, вмѣсто распорядка, сѣять только смуту да раздоры.

А кто же будетъ въ отвѣтѣ за это передъ Царемъ и передъ Родиной? Конечно, мы всѣ съ вами, если мы дадимъ себя въ обманъ этимъ проходимцамъ и вмѣсто лучшихъ людей пошлемъ къ Царю для совѣта людей худшихъ.

Кого не слѣдуетъ выбирать?

Кто не исповѣдуетъ Христіанской вѣры, или не чтитъ Святой Церкви и ея уставовъ, кто отвергаетъ храмъ Божій, кто идетъ противъ Царя, кто подбиваетъ къ неповиновенію властямъ, къ разнымъ забастовкамъ, грабежамъ чужого имущества, къ убіенію вѣрныхъ Царскихъ слугъ, кто сѣетъ вражду, смуту и мятежи всякіе, кто измѣннически радовался побѣдамъ Японцевъ,—того, само-собой разумѣется, вы, по здравому смыслу и доброй совѣсти, по долгу святой вѣрноподданнической присяги, не допустите и близко къ выборамъ. Всѣ такіе отъявленные враги Россіи да не будутъ избраны въ Думу Цареву!

Но, кромѣ этихъ явныхъ враговъ, васъ постараются совратить съ прямого пути другіе враги Царя, которые вамъ будутъ говорить, что Царь вамъ далъ слишкомъ мало милостей, что вы должны требовать отъ Него еще большей свободы слова, свободы печати, свободы сходокъ и собраній. Знайте, что этимъ людямъ свобода слова и печати нужна только, чтобы безнаказанно произносить хулу на Бога и Царя, а свободно собираться на сходки они хотятъ для того, чтобы легче сговориться—какъ поднять бунтъ противъ Помазанника Божія.

Такихъ людей вы сторонитесь, такъ какъ они и Царю, и вамъ желаютъ только лишь одного зла. Такихъ людей вы не выбирайте!

Другіе люди будутъ вамъ толковать, что вамъ нужно соблюдать Царскіе Манифесты, толкуя ихъ, однако, въ томъ смыслѣ, будто Царь уже отказался отъ Самодержавія и хочетъ ограничить Себя конституціей, а потому эти люди на самомъ дѣлѣ идутъ противъ воли Царя и хотятъ измѣнить Государственную Думу такъ, чтобъ она Царю не совѣты подавала, а приказанія, чтобъ она выступала противъ Царскаго Самодержавія и взяла Помазанника Божія подъ свое начало. Такіе люди коварно тянутъ Россію на гибельный конецъ: они хотятъ ограничить Царскую Власть, чтобъ самимъ, для своей пользы, распоряжаться Россіей и Русскимъ народомъ, и чтобы Царь смотрѣлъ только изъ-подъ ихъ рукъ, а Своей воли не имѣлъ. Такимъ людямъ въ Государственной Думѣ мѣста быть не можетъ.

Но особенно опасны наши либеральные земцы, которые, называя себя „представителями Русскаго народа", рѣшили покончить съ Россіей и, разорвавъ ее на части, отдать всѣ окраины нашей Родины иновѣрцамъ и инородцамъ, а для Русскаго народа оставить лишь нѣсколько срединныхъ губерній.

Эти люди идутъ противъ всей Русской исторіи, противъ всѣхъ славныхъ дѣлъ нашихъ предковъ, создавшихъ кровью и потомъ своими громадную Россійскую Имперію. Они хотятъ подчинить Русскій народъ людямъ, чуждымъ намъ по вѣрѣ и крови, и возстановить ихъ противъ Самодержавнаго Царя и всего Русскаго народа.

Такіе люди — злѣйшіе враги Россіи, а потому ихъ ни подъ какимъ видомъ выбирать въ Государственную Думу нельзя.

И тѣ же либералы стараются обмануть крестьянъ и рабочихъ несбыточными обѣщаніями.

Крестьянина они увѣряютъ, что будто бы онъ имѣетъ право на сосѣднія помѣщичьи земли, и что всѣ крестьяне въ Россіи должны получить новые надѣлы земли, которые всѣхъ сдѣлаютъ богатыми...

А откуда же они возьмутъ земли для русскихъ крестьянъ, когда они всѣ русскія земли заранѣе раздадутъ Полякамъ, Нѣмцамъ, Армянамъ, Татарамъ, Чухонцамъ и всякимъ другимъ инородцамъ, а для Россіи оставятъ лишь, какъ мы видѣли, нѣсколько уже давно истощенныхъ губерній? Не ясенъ ли тутъ весь ихъ либеральный обманъ?

А рабочимъ они сулятъ какое-то золотое царство, если рабочіе своими забастовками разорятъ хозяевъ, подорвутъ всю промышленность Россіи и остановятъ всю ея торговлю... А о томъ они не говорятъ, что тогда всею Россіей завладѣютъ иностранные торговцы и промышленники, и вся разница будетъ только въ томъ, что русскіе рабочіе будутъ работать не для своихъ русскихъ хозяевъ, а для Нѣмцевъ, Жидовъ и Англичанъ.

Русскій народъ уже давно распозналъ этихъ обманщиковъ, этихъ соціалистовъ, которые уже столько разъ смущали народъ обманными Царскими грамотами и которые нанесли уже столько вреда и нашимъ крестьянамъ, и нашимъ рабочимъ, а потому онъ на выборахъ слушать ихъ не будетъ и ходу имъ въ Государственную Думу не дастъ.

Кого выбирать?

Выбирайте въ Государственную Думу только тѣхъ лицъ, про которыхъ вамъ хорошо извѣстно, что они и Бога боятся, и Царя чтутъ, и любятъ свой родной Русскій народъ. Особенно нужны въ настоящее время люди, крѣпко стоящіе за Самодержавіе Русскаго Царя, чтобъ они въ Государственной Думѣ дали должный отпоръ всѣмъ либераламъ и соціалистамъ, которые хотятъ лишить Царя Богомъ даннаго Ему Самодержавнаго Престола,

А потому первый вопросъ, который вы поставите на выборахъ лицамъ, желающимъ попасть въ выборщики, долженъ быть тотъ: вѣруютъ ли они въ Бога-Вседержителя и считаютъ ли они Церковь Православную тою твердыней, безъ которой ни Русскому народу, ни Царю нашему Самодержавному существовать невозможно?

А вторымъ вопросомъ пусть будетъ такой: готовы ли они строго соблюдать свою вѣрноподданническую присягу и не допускать никакихъ умаленій Самодержавныхъ правъ Государя? Въ особенности же они должны исполнять волю Царскую, чтобы Государственная Дума не осмѣливалась стѣснять чѣмъ бы то ни было Его Державную Волю.

Наконецъ, поставьте и третій вопросъ тому, кто хочетъ быть выборщикомъ: твердо ли онъ намѣренъ бороться за то, чтобы *Россія была для Русскихъ*, а не для людей, чуждыхъ вамъ по вѣрѣ и крови?

Если вы найдете такого вѣрнаго человѣка и если вы знаете, что онъ человѣкъ разумный, твердый и прямой, знающій нужды и бытъ народа, то смѣло выбирайте его и будьте увѣрены, что онъ не за страхъ, а за совѣсть будетъ подавать голосъ въ Думѣ и будетъ служить Царю Самодержав-

ному, Божьему Помазаннику, вѣрой и правдой, да и о вашихъ нуждахъ не забудетъ.

Если же явится человѣкъ, который, можетъ-быть, вамъ покажется и умнымъ, и рѣчистымъ, говоритъ о „Царѣ и Народѣ“, а о повиновеніи *Самодержавному* Государю ничего говорить не будетъ, а то, можетъ-быть, станетъ даже говорить противъ Самодержавія, то будьте увѣрены, что онъ васъ обманываетъ, и вы ему своихъ голосовъ не давайте.

Великій грѣхъ, гнѣвъ Божій и недовольство Царя падутъ на васъ, если вы не приложите всей силы своего разумѣнія и усерднаго старанія, чтобы избрать только достойныхъ довѣрія совѣтчиковъ въ Думу Государственную.

Пославъ въ Думу людей съ дурными мыслями и намѣреніями, или даже только нерадивыхъ и слабыхъ, вы повредите Матери-Россіи и всему народу нашему, и у насъ начнется зловредная, губительная смута, будутъ стараться захватывать власть безбожники, которые во Франціи велятъ изъ школъ выбрасывать честной крестъ Господень и иконы, а Государственная Дума, какъ тамъ, будетъ позориться рукопашными схватками. Да не будетъ этого: отъ васъ зависитъ не допустить этого, если вы усердно и разумно будете участвовать въ выборахъ въ Государственную Думу.

Да, нужно усердно участвовать въ выборахъ. Грѣшно вамъ будетъ, если вы не послушаетесь призыва Государева и станете отлынивать отъ выборовъ по равнодушію, или по лѣни, или по отчаянію въ побѣдѣ. Знайте, что насъ много, а враговъ нашихъ мало, но если мы будемъ сидѣть сложа руки, а они будутъ дѣйствовать, то, въ такомъ случаѣ, мы отдадимъ въ ихъ руки и побѣду, и всю Россію. Нѣтъ, мы всѣ должны бороться съ ними, но, конечно, не насиліемъ, а средствами законными.

Объединимся же теперь въ своихъ русскихъ мысляхъ и чувствахъ и сольемся единодушно, дружно, честно и грозно вокругъ Престола Возлюбленнаго Царя нашего и затѣмъ ужъ скажемъ Ему:

„Царствуй въ сознаніи Своей Силы, Самодержавный Царь. Въ полнотѣ Твоей Власти—сила и надежда Русскаго народа, въ довѣріи къ ней—его единство. Мы же просимъ Тебя лишь объ одномъ:

„Будь, Государь, Царемъ Благочестивѣйшимъ и Самодержавнѣйшимъ, и тогда весь Русскій народъ безпрекословно пойдетъ за Тобой, и вся Россія будетъ спасена“.

Итакъ, приступая къ выборамъ, обратитесь къ Господу Богу съ молитвой, чтобъ Онъ вразумилъ васъ и послалъ вамъ благодатную помощь выбрать въ Государственную Думу людей, вѣрныхъ Православной Церкви, Самодержавному Царю и Русскому народу.

„Праздникъ“ Русскаго Просвѣщенія.

Татьянинъ день! „Праздникъ“ Русскаго Просвѣщенія!

Сколько горькихъ, тяжелыхъ мыслей мгновенно овладѣваетъ умомъ, когда, въ этотъ священный для каждаго образованнаго Русскаго человѣка день, окидываешь взоромъ дѣло народнаго просвѣщенія въ нашей несчастной Родинѣ!

Все въ ней приведено въ разореніе, въ хаосъ, тѣмъ дикимъ, ужасающимъ ураганомъ, который такъ внезапно пронесся по всей Россіи: но ни одна часть ея органовъ не потерпѣла такого глубокаго, позорнаго увѣчья, какъ Русская школа.

Праздникъ Русскаго Просвѣщенія засталъ всѣ высшія учебныя заведенія Россіи заколоченными, и никто не знаетъ, когда и какъ они откроются. Онъ засталъ среднія школы въ состояніи полной анархіи, съ упраздненными наукой, дисциплиной и нравственностью. Онъ засталъ громадное число низшихъ училищъ въ рукахъ революціонной пропаганды; онъ, наконецъ, засталъ и первоисточникъ Русскаго Просвѣщенія — Православную Церковь—въ состояніи мятежнаго броженія, среди котораго выдаются ярко-позорными явленіями священники, безнаказанно идущіе дерзкимъ походомъ противъ своихъ архипастырей, священники, арестуемые за крамольную дѣятельность, священники, развращающіе народъ искаженіемъ евангельскихъ истинъ и самыхъ словъ Господнихъ!

Но весь ужасъ не въ этихъ явленіяхъ, а въ ихъ послѣдствіяхъ!

Расшатанную мѣстную жизнь можно сразу возстановить назначеніемъ дѣльныхъ, строгихъ и разумныхъ администраторовъ,—и мы видимъ, что министръ Внутреннихъ Дѣлъ съ успѣхомъ осуществляетъ этотъ принципъ назначеніемъ цѣлаго ряда губернаторовъ, отличающихся твердою волей, яснымъ умомъ и искренно-Русскими убѣжденіями.

Но въ иномъ положеніи находится Русская школа!

Варварскія опустошенія, произведенныя въ ней вопреки ясно выраженной Волѣ Монарха, столь глубоко задѣли ея корни, что водвореніе въ ней даже одного *внѣшняго* порядка можетъ осуществиться лишь подъ твердымъ руководствомъ человѣка, который соединялъ бы въ себѣ выдающіяся качества первостепеннаго государственнаго человѣка и истиннаго педагога. А для того, чтобы, по водвореніи этого порядка, возвысить Русскую школу до такого научнаго уровня, чтобы намъ не приходилось краснѣть предъ цивилизованнымъ міромъ,—потребуются длинный рядъ лѣтъ и усилія цѣлаго сонма серіозныхъ преподавателей и воспитателей, которыхъ у насъ, увы, такое ничтожное число!

А потому, если позорное банкротство нашей школы произошло вслѣдствіе именно этой малочисленности истинныхъ педагоговъ, оказавшихся слишкомъ слабыми чтобы удержать своихъ товарищей отъ участія въ безумной оргіи революціоннаго движенія, то впредь ихъ будетъ не больше, а еще меньше,—и въ этомъ именно и заключается тотъ ужасъ, о которомъ мы говорили выше.

Если Русская школа въ послѣдніе годы выпускала въ жизнь плохихъ врачей, юристовъ, богослововъ, инженеровъ, профессоровъ и педагоговъ, то теперешняя школа будетъ выпускать круглыхъ невѣждъ, которые въ школѣ не только что *мало* учились, а *вовсе не* учились, занимаясь одною „политикой“ да „революціей“!

Представьте себѣ теперешнихъ гимназистовъ, семинаристовъ и студентовъ въ предстоящей имъ жизненной дѣятельности; представьте себѣ этихъ людей, не пріученныхъ къ какой бы то ни было дисциплинѣ, не

знающихъ ни чувства долга, ни велѣній совѣсти, не признающихъ ни Бога, ни Царя, не знающихъ и не любящихъ серіозной науки и не привыкшихъ къ серіозному труду; представьте себѣ этихъ „дѣятелей“, которые вынесли изъ школы лишь страсть къ пустой болтовнѣ и увлеченіе громкими фразами, эффектными восклицаніями и безумными утопіями,—и вы поймете, въ какой хаотическій ужасъ они ввергнутъ Россію, когда примутся за ея управленіе!

„Все несчастье Россіи“, — говорилъ М. Н. Катковъ,—„заключается въ нашемъ невѣжествѣ и убожествѣ!“ Мы ничего не знаемъ; но это лишь полъ-бѣды; вся бѣда въ томъ, что мы ничего *не хотимъ* знать!

Когда Франція потерпѣла пораженіе въ 1871 году, она немедленно принялась за улучшеніе своихъ школъ, чтобы сравнять ихъ со школами германскими, которыя, благодаря своей серіозности и плодотворности, занимаютъ первое мѣсто во всемъ культурномъ мірѣ.

А мы, потерпѣвъ такое же пораженіе, вслѣдствіе нашего невѣжества поспѣшили сокрушить наши школы, чтобъ онѣ были не только ниже германскихъ и даже японскихъ, но чтобъ ихъ совсѣмъ не было!

Это ли не невѣжество! Это ли не убожество! Это ли не вопіющій позоръ передъ цѣлымъ міромъ! Это ли не грозная смертельная опасность для всей будущности нашего Отечества!

И никто этого ужаса у насъ не сознаетъ!

Когда Московскій попечитель Шварцъ пригласилъ подчиненныя ему учебныя заведенія бросить „политическіе митинги“ и заняться серіознымъ ученіемъ,—Московскіе педагоги возмутились этимъ столь естественнымъ и законнымъ предложеніемъ и потребовали отставки этого дѣйствительно-серіознаго и опытнаго педагога. Эти безумцы нашли себѣ полную поддержку со стороны Петербурга, и г. Шварцъ палъ жертвой возставшаго противъ него невѣжества!

Университеты наши, требовавшіе себѣ „автономіи“, какъ единственнаго условія, при которомъ они будто бы могутъ заниматься наукой, а не политикой, — получили эту автономію. И что же? Они забросили всякую науку и до такой степени увлеклись не только политикой, но и революціей, что сами сочли за лучшее полное закрытіе Университетовъ на неопредѣленное время, къ великому торжеству невѣжества!

И нынѣ, когда Власть приглашаетъ ихъ разъ навсегда бросить политику и заняться исключительно ученіемъ, многіе изъ современныхъ педагоговъ не могутъ понять абсолютной разумности и необходимости этого требованія, — все по той же причинѣ, все по тому же невѣжеству и убожеству ума!

Прочтите всѣ „либеральныя“ газеты, посвятившія статьи „Празднику Русскаго Просвѣщенія“,—и вы ни въ одной не найдете сколько-нибудь яснаго сознанія того ужаса, который нынѣ переживаетъ разгромленная Русская школа, и того ужаса, который она намъ готовитъ!

Невѣжество! Убожество!

Новый Московскій Градоначальникъ.

Отъ всей души привѣтствуемъ генерала Рейнбота на его новомъ посту въ Москвѣ!

Постъ этотъ тяжелый, отвѣтственный даже въ мирное время; теперь же, послѣ едва затихшей и скрывшейся въ свои подполья революціи, откуда она грозитъ вновь вырваться для своего подлаго, кроваваго дѣла,—постъ Московскаго градоначальника становится подъ силу лишь администратору выдающагося ума, твердаго характера и непоколебимаго чувства долга.

Такимъ именно администраторомъ и является Анатолій Анатоліевичъ Рейнботъ.

Главнымъ поприщемъ его дѣятельности, въ которой онъ проявилъ свои блестящія административныя качества, была Финляндія.

Незабвенный Николай Ивановичъ Бобриковъ,—великое государственное дѣло котораго нынѣ такъ немилосердно разрушается измѣнниками Россіи,—сразу обратилъ свое вниманіе на молодого полковника Рейнбота, служившаго въ Гельсингфорсѣ въ числѣ тѣхъ Русскихъ офицеровъ, для которыхъ идея Россіи, Русскаго Царя и Русской государственной идеи не была пустымъ звукомъ. На этихъ лучшихъ представителей Русской арміи генералъ Бобриковъ могъ твердо опираться въ своей многотрудной и многосложной дѣятельности, зная напередъ, что эти люди—не канцелярскіе бюрократы, что они его никогда не выдадутъ, всегда въ точности исполнятъ каждое его приказаніе и не пожалѣютъ своей жизни для того, чтобы отстоять правое Русское дѣло на ея сѣверной окраинѣ.

Среди этихъ истинно-Русскихъ людей въ первомъ ряду стоялъ Анатолій Анатоліевичъ Рейнботъ.

Всѣ въ Гельсингфорсѣ знали его, какъ человѣка твердаго, тактичнаго, рыцарски безупречнаго, у котораго слово никогда не расходилось съ дѣломъ и который въ тонкости изучилъ всю правовую, историческую и современно-фактическую основу Русско-финскихъ отношеній. Въ виду этого ни одинъ изъ шведскихъ или финскихъ софистовъ и крючкотворовъ не могъ и думать о томъ, что полковника Рейнбота можно было бы заманить въ ту хитрую ловушку, въ которую ни на одинъ шагъ не пошелъ генералъ Бобриковъ и въ которую сразу попались и князь Оболенскій, и г. Герардъ, явившіеся жалкими куклами въ рукахъ такихъ отъявлённыхъ государственныхъ негодяевъ, какъ гг. Мехелинъ, Борнъ и К°. Дѣло въ томъ, что генералъ Бобриковъ *нѣсколько лѣтъ* готовился къ генералъ-губернаторскому посту въ Финляндіи, предварительно изучивъ всю литературу по Финляндскому вопросу,—а князь Оболенскій и г. Герардъ явились въ Гельсингфорсъ, никогда не ломавъ себѣ головы надъ этимъ сложнымъ вопросомъ, а потому и сдѣлались жертвами финляндскихъ сепаратистовъ.

Не таковъ былъ Н. И. Бобриковъ, не таковы и администраторы, прошедшіе его школу. Это была школа высокопросвѣщеннаго знанія своего дѣла и неуклоннаго исполненія своего долга.

Такую именно школу прошелъ и А. А. Рейнботъ, котораго Москва имѣетъ теперь счастіе видѣть своимъ градоначальникомъ. Москва, помнящая великія заслуги генерала Бобрикова по отношенію къ Россіи, съ радостью ввѣряетъ свою безопасность одному изъ лучшихъ его учениковъ.

Генералъ Рейнботъ еще мало знакомъ съ Москвой, но такіе люди, какъ онъ, скоро освоиваются съ порученнымъ имъ дѣломъ. Вѣдь и Казань не была знакома А. А. Рейнботу, когда Государь, оцѣнивъ его вѣрную службу въ Гельсингфорсѣ, назначилъ его Казанскимъ губернаторомъ. А между тѣмъ новый губернаторъ сразу сдѣлался хозяиномъ положенія въ чуждой ему губерніи, при самыхъ ненормальныхъ условіяхъ, и водворилъ прочный порядокъ и законность тамъ, гдѣ вчера еще торжествовала революція. Онъ пробылъ въ Казани всего какіе-нибудь полтора мѣсяца,—а населеніе Казанское прощалось съ нимъ съ такою сердечностью, какъ-будто онъ прожилъ съ нимъ душа въ душу цѣлый рядъ годовъ.

Въ Москвѣ новый градоначальникъ встрѣтитъ, впрочемъ, не только тяжелыя, но и въ высшей степени благопріятныя условія для своей дѣятельности.

Москва, пережившая безобразную недѣлю кровавой крамолы, находится еще подъ живымъ впечатлѣніемъ той благотворной и справедливой желѣзной строгости, посредствомъ которой генералъ-адъютантъ Дубасовъ спасъ ее отъ грозившей ей гибели. Такимъ образомъ генералъ Рейнботъ встрѣтитъ, съ одной стороны, энергичнаго и разумнаго руководителя своей дѣятельности, который, во многомъ напоминая ему своимъ яснымъ умомъ, своею прямотой и рѣшительностью покойнаго Н. И. Бобрикова, несомнѣнно будетъ оказывать ему должную поддержку въ твердомъ, неуклонно-законномъ исполненіи обязанностей градоначальника,—а съ другой стороны, А. А. Рейнботъ найдетъ въ Московскомъ населеніи живую, отзывчивую признательность за строгое сохраненіе того законнаго порядка, которымъ Москва теперь дорожитъ болѣе, чѣмъ когда-либо, испытавъ невыносимо-тяжелыя послѣдствія столь долго господствовавшей въ ней анархіи, закончившейся безобразнымъ революціоннымъ терроромъ.

Мы увѣрены, что генералъ Рейнботъ и Москва скоро поймутъ и оцѣнятъ другъ друга, и мы ожидаемъ наилучшихъ результатовъ этого сближенія.

Призывъ къ Русскимъ людямъ.

(Отъ Русской Монархической Партіи).

Приближается время рѣшитьсудьбу нашего Отечества, и за это рѣшеніе мы будемъ отвѣчать предъ нашими предками и отдаленными потомками.

Святая Русь наша стоитъ на распутіи:—идти ли ей испытаннымъ тысячелѣтнимъ путемъ своимъ, согласно съ нашими историческими завѣтами и желаніями нашего Народа,—или же мы, въ угоду немногочисленной, чуждедумной нашей „интеллигенціи“, заставимъ свою Родину пойти въ хвостѣ западныхъ государствъ путемъ чужимъ и ненадежнымъ?

Взвѣсьте это, Русскіе люди, до наступленія выборовъ въ Государственную Думу, въ своемъ здравомъ смыслѣ и доброй совѣсти, при свѣтѣ вѣрноподданнической присяги! И провѣрьте себя опытами своихъ предковъ и указаніями Исторіи, этой великой учительницы жизни!

Отъ васъ, отъ вашей бдительности зависитъ, завладѣютъ ли выборами и самою Государственною Думой тѣ тайныя и явныя партіи, которыя уговорились сокрушить русскій государственный строй и замѣнить его либо разбойничьею республикой, какъ того хотятъ недавно бунтовавшіе въ Москвѣ соціалисты, либо опозорившимся уже на Западѣ парламентскимъ режимомъ, который свяжетъ по рукамъ и ногамъ Царскую Власть и прижметъ и пригнететъ все истинно-Русское.

Если этимъ партіямъ, среди которыхъ особенно зловредны, по своему лицемѣрію, Союзъ 17 октября и Торговопромышленная партія, удастся прибрать къ своимъ рукамъ выборы и Думу, тогда не можетъ быть сомнѣнія, что погибнетъ Царство Русское, Царство Самодержавное, Царство Православное, созданное Божіею Милостью, молитвами, трудомъ и кровью Русскихъ Государей и Ихъ вѣрнаго Народа.

Нашъ великій отечественный историкъ Карамзинъ, на основаніи глубокаго изученія судебъ нашихъ, говоритъ: „Россія гибла отъ разновластія, спасалась единодержавіемъ и крѣпла Самодержавіемъ".

Русскіе люди! Ужели же вы безъ борьбы отречетесь отъ этой спасительной и благотворной силы Единодержавія и Самодержавія Монарха и допустите замѣнить ее разновластіемъ конституціоннымъ или республиканскимъ? Кромѣ горсти нашихъ чужедумовъ и инородцевъ, это разновластіе сильно рекомендуютъ намъ разные иностранцы и злѣйшіе враги наши, особенно евреи, которые главнымъ образомъ и развели по всей Россіи крамолу и всячески стараются, чтобы у насъ скорѣе Царь связанъ былъ конституціей. И это нетерпѣніе ихъ весьма понятно, такъ какъ при конституціи имъ легко будетъ завладѣть всею Россіей и высосать изъ нея всѣ ея жизненные соки.

Нѣтъ, мы имъ не отдадимъ Россіи! Мы всѣ будемъ стоять за нашу завѣтную идею: **Россія для Русскихъ**. Но если мы не сохранимъ Самодержавной Власти Русскихъ Царей, мы и Россіи не сохранимъ для Русскихъ.

Вспомяните, что̀ дала намъ едино—и Самодержавная Власть Монарха въ минувшіе вѣка: это она сплотила въ единый Русскій Народъ разрозненныя племена восточныхъ Славянъ; это она прекратила наши кровопролитныя междоусобія и собрала раздѣленные удѣлы въ цѣльное нераздѣльное Государство; это она освободила народъ отъ Азіатскаго владычества и возвела Русское Государство сперва на степень Царства, а потомъ Имперіи, охватившей шестую часть земного шара; это она не только защищала Народъ нашъ отъ всевозможныхъ враговъ, приходившихъ на Русь, то въ одиночку, то десятками разныхъ народностей, но и покорила многихъ изъ нихъ подъ нозѣ наши.

Полномочная, Самодержавная Власть Русскаго Царя всегда была обильнымъ и неизсякающимъ источникомъ многообразныхъ благъ для нашего Народа: она неизмѣнно была опорой нашего Православія и дала свободу отъ крѣпостной зависимости 20 милліонамъ крестьянъ, надѣливъ ихъ землею, чего не въ силахъ были сдѣлать ни республики, ни конституціонныя монархіи Запада.

Русскіе люди! Ужели же мы не постоимъ за Самодержавіе Боговѣнчаннаго и прирожденнаго Царя нашего, отчича и дѣда Земли Всероссійскія? Неужели мы дадимъ надъ собою власть нѣсколькимъ сотнямъ выборныхъ и смѣняющихся своевольныхъ депутатовъ-самодержцевъ, чтобы они цѣлость и единство ея „несли розно" окраиннымъ инородцамъ и отдавали Русскій Православный Народъ подъ власть тѣмъ, кто чужды намъ по духу и крови? Да не будетъ этого нынѣ и присно.

Иначе противъ нашего малодушія и слабоумія возопіютъ самые камни древне-русскихъ городовъ, свидѣтелей трудныхъ подвиговъ созиданія Русскаго Государства: поднимутся съ ропотомъ изъ гробовъ своихъ наши предки, принимавшіе участіе въ этомъ созиданіи; призовутъ насъ къ отвѣту предъ Богомъ почивающіе въ Кремлѣ нашемъ Первосвятители Всероссійскіе и Собиратели Руси и Творцы ея Самодержавія—Государи наши, а за ними бросятъ намъ горькій, но справедливый укоръ борцы и мученики Русской Государственной идеи: Палицыны, Минины, Пожарскіе и Сусанины...

Вдумчиво памятуйте объ этомъ, Русскіе люди, предъ выборами въ Государственную Думу, и вы тогда будете знать, кого не пускать въ нее и кого удостоить избранія въ совѣщаніе царское:

Кто за Самодержавнаго Царя, тотъ истинно-Русскій человѣкъ, тому и мѣсто въ Думѣ.

Кто противъ Царскаго Самодержавія, тотъ измѣнникъ Царю и Родинѣ, и выбирать его въ Думу не слѣдуетъ.

Покушеніе на незыблемость Основныхъ Законовъ.

Въ Петербургѣ творится что то неладное.

Подъ покровомъ величайшей тайны идутъ какія-то спѣшныя работы, о которыхъ ходятъ разные темные слухи, и о которыхъ преданное графу Витте *Петербургское Телеграфное Агентство* сообщаетъ лишь отрывочныя, туманныя, свѣдѣнія—въ видѣ осторожныхъ пробныхъ шаровъ.

Такъ, оно разослало по всей Россіи слѣдующую депешу:

„**Петербургъ**, 15 января. Въ настоящее время спѣшно идутъ работы по полному согласованію Основныхъ Законовъ Имперіи и Положенія о Государственной Думѣ по закону 6 августа съ Манифестомъ 17 октября".

Что сіе значитъ?

Мы вполнѣ понимали бы, еслибъ эти чьи то „спѣшныя работы" велись съ цѣлью согласованія Манифеста 17 октября съ Основными Законами Имперіи,—но не наоборотъ; ибо Основные Законы Имперіи, по самому существу своему, *незыблемы*—и ни подъ какіе иные, противорѣчащіе имъ акты и законы, подгоняемы быть не могутъ.

Эта единственно правильная точка зрѣнія вполнѣ выражена и въ Высочайшемъ Манифестѣ 6 августа, въ которомъ Государь Императоръ объявляетъ всѣмъ Своимъ вѣрнымъ подданнымъ слѣдующее:

„**Сохраняя неприкосновеннымъ Основной Законъ Россійской Имперіи о существѣ Самодержавной Власти**, признали Мы за благо учредить

Государственную Думу и утвердили Положеніе о выборахъ въ Думу".

Итакъ, Основной Законъ Россійской Имперіи о существѣ Самодержавной Власти долженъ оставаться *неприкосновеннымъ*: это—внѣ всякаго спора. Его неприкосновенность основана не только на вышеприведенномъ священномъ словѣ Монарха, но и на томъ, главнѣйшимъ образомъ, фактѣ, что это непреложное слово само находится въ полномъ согласіи съ Основными Законами.

Да иначе и быть не можетъ.

Основные Законы Россійской Имперіи должны оставаться незыблемыми, такъ какъ сама незыблемость Имперіи всецѣло на нихъ основана.

Этимъ они отличаются отъ всѣхъ прочихъ законовъ Имперіи. Для измѣненія всѣхъ остальныхъ законовъ указаны опредѣленныя нормы и условія,—а измѣненіе Основныхъ Законовъ *нигдѣ въ Сводѣ Законовъ не предвидѣно*, такъ какъ, по самому ихъ существу, никакое измѣненіе ихъ, безъ величайшаго ущерба для Государства, не мыслимо.

Эти Основные Законы и составляютъ тотъ незыблемый укладъ Государственнаго строя Россіи, — ея „конституцію", если хотите, — по которой Россія доселѣ жила, живетъ и только и можетъ жить.

А потому въ Россіи никто не признанъ измѣнять Основные Законы Россійской Имперіи, въ особенности же Основной Законъ о существѣ Самодержавной Власти. Государь воленъ лично Самъ отказаться отъ возложенной на Него Господомъ Богомъ Самодержавной Власти, передавъ ее Своему законному Преемнику,—но умалять эту священную Власть Онъ не властенъ.

Вотъ почему мы съ особою тревогой относимся къ таинственнымъ петербургскимъ „спѣшнымъ работамъ" надъ Основными Законами Россійской Имперіи.

Кто эти таинственные работники?

Но кто-бъ они ни были, пусть они знаютъ, что если они намѣрены въ чемъ бы то ни было умалить Царскую Самодержавную Власть,—они идутъ не только противъ Воли Царя, ясно высказавшагося *„за сохраненіе неприкосновеннымъ Основного Закона Россійской Имперіи о существѣ Самодержавной Власти"*, но и противъ Русскаго Народа, который не можетъ себѣ представить своего Царя инымъ, какъ „Православнѣйшимъ и Самодержавнѣйшимъ".

Пусть они также знаютъ, что, покушаясь на незыблемость Основныхъ Законовъ Россіи, они этимъ самымъ покушаются на незыблемость самого существованія Россіи.

Возмутительный слухъ.

Вчера (№ 14) мы обратили вниманіе нашихъ читателей на слухъ о томъ, что какая-то таинственная коммиссія работаетъ надъ извращеніемъ Основныхъ Законовъ Россійской Имперіи.

Сегодня телефонъ принесъ намъ другой слухъ, пущенный *Новымъ Временемъ*, о томъ, что коммиссія эта работаетъ подъ предсѣдательствомъ графа

Сольскаго, ближайшаго единомышленника графа Витте, и что она будто бы уже составила проектъ закона, въ которомъ *„будетъ уничтожено понятіе неограниченности Власти Монарха, какъ вообще будетъ уничтожена вся первая статья Свода Законовъ“*.

Мы рѣшительно отказываемся вѣрить этому возмутительному слуху!

Какъ бы ни былъ близокъ графъ Сольскій къ графу Витте,—онъ все-таки не можетъ дѣйствовать противъ Священной Воли Государя Императора, который своимъ Манифестомъ 6 августа ясно и опредѣленно подтвердилъ *„сохраненіе неприкосновенности Основного Закона Россійской Имперіи о существѣ Самодержавной Власти“*.

А *существо* Самодержавной Власти заключается именно въ ея *неограниченности*.

Разъ Власть эта будетъ ограничена,—она перестанетъ быть Самодержавною. Это ясно какъ Божій день, и Русскій народъ такъ же отчетливо понимаетъ эту азбучную истину, какъ понимаютъ ее люди серіозной государственной науки.

Одни лишь крючкотворы и обманщики, одни лишь враги Царя и Народа хотятъ увѣрить ихъ, будто можно связать Царя конституціей, а Онъ все-таки останется Самодержавнымъ!

Но ни Русскій Царь, ни Русскій народъ этому обману не поддадутся! Они поймутъ истинное значеніе той каверзы, которую имъ готовитъ, если вѣрить вышеупомянутому слуху, таинственная коммиссія, которая, для отвода глазъ, соглашалась оставить слово „Самодержецъ“ лишь въ *титулѣ* Государя Императора, на томъ де основаніи, что „этотъ титулъ говоритъ только о *Самодержавіи*, не упоминая о *неограниченности*“.

О, эти іезуиты!

Сперва враги Россіи хотѣли совсѣмъ уничтожить и сущность, и форму Самодержавія. Но когда они замѣтили поднявшееся негодованіе Русскаго народа, открыто выступавшаго за Самодержавіе своего Царя, они теперь согласились уничтожить всю сущность Самодержавія, сохранивъ его лишь какъ форму, какъ пустое слово! „Понятіе о Самодержавіи“,—говорятъ они,—„будетъ впредь толковаться исключительно въ смыслѣ *международной* независимости“.

Понимаете, люди Русскіе? „Самодержавнымъ“ нашъ Царь впредь будетъ называться не потому, что Онъ Самъ будетъ править Россіей, а только потому, что Имъ не будетъ править ни богдыханъ Китайскій, ни императоръ Германскій! Самъ же Онъ въ Россіи будетъ связанъ конституціей! Но какое же это тогда будетъ „Самодержавіе“? Это ужъ было бы Самодержавіе не настоящее, исконно-русское, Богомъ установленное, Церковью освященное,—а какое-то подложное, фальшивое, пустое Самодержавіе!

Нѣтъ, мы рѣшительно отказываемся вѣрить, что графъ Сольскій, при всей своей дружбѣ съ графомъ Витте, рѣшился пойти на такую грубую мистификацію!

Слухъ, пущенный *Новымъ Временемъ*, является, очевидно, однимъ изъ тѣхъ „пробныхъ шаровъ“, о которыхъ мы говорили въ нашей вчерашней статьѣ (№ 14).

Въ этомъ предположеніи утверждаетъ насъ и другой, дошедшій до насъ, петербургскій, слухъ,—будто въ названной коммиссіи графа Сольскаго *за* уничтоженіе первой статьи Свода Законовъ стоялъ лишь другой интимный другъ графа Витте, министръ торговли Тимирязевъ, но что самъ графъ Витте нашелъ де предложеніе своего друга „слишкомъ конституціоннымъ" и возсталъ противъ полнаго уничтоженія Самодержавія.

Гдѣ тутъ истина? Гдѣ тутъ ложь? Кто можетъ отвѣтить на эти вопросы,—разъ въ нихъ замѣшанъ графъ Витте?..

Но неужели Русскимъ людямъ можно мириться съ мыслью, что въ Петербургѣ готовится покушеніе на незыблемость Основныхъ Законовъ Россійской Имперіи, въ особенности же покушеніе на неограниченность Самодержавной Власти Русскаго Царя? Намъ нужно знать: правда это, или нѣтъ!

Русскій народъ возмущается при мысли, что будущая Государственная Дума превратится въ Учредительное Собраніе и приступитъ къ совершенію величайшаго государственнаго преступленія—къ ограниченію Самодержавной Власти Русскаго Царя. Но это было бы преступленіе открытое, гласное, и совершили бы его люди, которые называли бы себя „представителями Русскаго народа"! Такъ неужели же теперь, если вѣрить Петербургскимъ слухамъ, въ Учредительное Собраніе обратила себя какая-то коммиссія, готовящаяся совершить то же самое покушеніе подъ покровомъ таинственности и безотвѣтственности?

Нѣтъ, мы не вѣримъ этому,—мы не *хотимъ* этому вѣрить!

Ограниченіе Русскаго Самодержца—вѣдь это не только величайшій *государственный* переворотъ, это—переворотъ *міровой*!

Можно ли совершить этотъ колоссальный переворотъ такъ легкомысленно, по предложенію Василія Ивановича Тимирязева, въ какой-то Петербургской бюрократической коммиссіи, людьми совершенно чуждыми Русской исторіи, Русскимъ традиціямъ и Русскому народу? Можно ли совершить этотъ переворотъ *безъ малѣйшаго къ нему повода*?

Вѣдь если эти господа увѣряютъ Государя, что де *Русскій народъ* требуетъ ограниченія Царскаго Самодержавія, то они *лгутъ*: Русскій народъ желаетъ *неприкосновенности* Самодержавныхъ правъ Государя, какъ того желаетъ и Самъ Государь, заявившій о томъ торжественно въ Своемъ Манифестѣ 6 августа.

Ограничить Царское Самодержавіе желаютъ лишь внѣшніе враги Россіи да еще кучка интеллигентовъ, порвавшихъ свою связь съ Народомъ, кучка крамольниковъ и евреевъ. Неужели же,—въ угоду этимъ врагамъ Россіи,—Государь пойдетъ противъ всей Русской исторіи, противъ завѣтовъ Своего Державнаго Отца, противъ собственныхъ Своихъ завѣреній, противъ желаній Своего вѣрноподданнаго стомилліоннаго народа?

Это было бы такъ чудовищно, что это совершенно невѣроятно!

Нѣтъ, мы не *хотимъ* вѣрить этимъ возмутительнымъ Петербургскимъ слухамъ! Мы не хотимъ вѣрить, что мы снова стоимъ наканунѣ того же революціоннаго террора, которымъ „интеллигенты" и крамольники встрѣтили Манифестъ 17 октября. Вѣдь и тогда графъ Витте увѣрялъ всѣхъ,

что этотъ Манифестъ откроетъ эру мирнаго благоденствія въ Россіи. Неужели онъ еще не убѣдился въ томъ, что всякая уступка крамолѣ только увеличиваетъ ея силы? Неужели онъ не видитъ, что предположенная имъ новая уступка смутьянамъ, въ видѣ ограниченія Царскаго Самодержавія, снова подниметъ ихъ буйный духъ къ еще большимъ требованіямъ и преступленіямъ? Или, можетъ-быть,—это возобновленіе революціи входитъ въ его разсчеты?

Нѣтъ, мы не вѣримъ этому,—не хотимъ этому вѣрить.

Уничтоженіе Царскаго Самодержавія.

Изъ Петербурга извѣстія приходятъ одно нелѣпѣе другого.

Сегодня *Слово* сообщаетъ слѣдующій невѣроятный вздоръ:

„Проектъ измѣненія Основныхъ Законовъ въ настоящее время *совершенно готовъ и отпечатанъ* въ Государственной типографіи. По слухамъ, въ недалекомъ будущемъ проектъ этотъ будетъ *обнародованъ* при соотвѣтствующемъ Манифестѣ. Далѣе, какъ передаютъ, проектъ во всемъ объемѣ поступитъ на разсмотрѣніе Государственной Думы, и лишь послѣ всесторонняго разбора этого проекта Государственною Думой онъ приметъ уже форму окончательнаго закона“.

Мы всѣмъ этимъ слухамъ не вѣримъ, хотя они очень характерны для чуждаго Россіи Петербурга: когда Петербургскіе бюрократы вырабатываютъ какой-нибудь дѣйствительно-необходимый и полезный законъ, они сидятъ надъ нимъ по три года. Когда же дѣло идетъ о томъ, чтобы повредить Россіи, они дѣйствуютъ съ лихорадочною быстротой. А потому, если-бъ это только зависѣло отъ этихъ господъ,—они Самодержавную Власть Русскаго Царя, это драгоцѣнное созданіе тысячелѣтнихъ трудовъ Русскихъ Святителей, Царей и Русскаго Народа, уничтожили бы въ какія-нибудь двѣ, три недѣли! И навѣрное еще гордились бы своею легкомысленною, святотатственною поспѣшностью...

Русскій Народъ, размышляя о предстоящей Государственной Думѣ, предвидитъ въ ней грозную опасность.

„А ну! какъ она, собравшись, объявитъ себя Учредительнымъ Собраніемъ и уничтожитъ Царскую Самодержавную Власть“?

Такъ говорили пессимисты. А оптимисты ихъ утѣшали:

„Да этого не можетъ быть. А если бы Дума и дерзнула совершить такой преступный шагъ, она была бы немедленно разогнана“.

Что же теперь оказалось бы, если-бъ вышеупомянутые петербургскіе слухи соотвѣтствовали истинѣ? Государственная Дума была бы самимъ Правительствомъ превращена въ Учредительное Собраніе, и она *обязана* была бы заняться *уничтоженіемъ Царскаго Самодержавія*! А если выбранные въ эту Думу Русскіе люди возстали бы противъ этого возмутительнаго проекта, они были бы объявлены Царскими ослушниками!

Петербургскіе іезуиты—или, вѣрнѣе, масоны—все это очень ловко и тонко придумали!

Они лишь забыли, что, по русской пословицѣ, гдѣ тонко, тамъ и рвется...

Самодержавіе „для мужиковъ“.

Мы отказывались вѣрить Петербургскимъ слухамъ о предстоящемъ будто бы уничтоженіи Царскаго Самодержавія, до такой степени эти слухи намъ и теперь кажутся возмутительными и невѣроятными!

Сегодня, однако, намъ пишутъ изъ Петербурга слѣдующее:

„Вы ошибаетесь! Жребій уже брошенъ!

„С. Ю. Витте года два тому назадъ сказалъ Петрункевичу и К°.

„—Не безпокойтесь, господа: будетъ вамъ конституція, поганенькая, но будетъ.

„И вотъ теперь графъ Витте благородно сдержалъ обѣщаніе Сергѣя Юльевича!

„*Конституція дана*, и Основной Законъ на-дняхъ будетъ извращенъ. Государственная канцелярія измѣнитъ его такъ, что *слово* „Самодержавіе“ останется („для мужиковъ“), но *смыслъ* ограниченія Государя будетъ совершенно ясенъ.

„Недѣли черезъ полторы самозакланіе Царскаго Самодержавія совершится.

„А пока графъ Витте продолжаетъ оттягивать Думу, дабы за это время вести демократическую пропаганду среди Двора и Правительства. Онъ съ этою цѣлью возноситъ земство до небесъ и создаетъ изъ него нѣкую Совѣщательную Власть. Но развѣ Земство надежный элементъ?

„Счастье, *великое счастье*, что министромъ Внутреннихъ Дѣлъ—Дурново, а Московскимъ генералъ-губернаторомъ — Дубасовъ! Не будь ихъ, мы бы оказались въ безвыходномъ положеніи, *и насъ бы съѣла революція*.

„Многіе надѣются на Думу. Но удастся ли преградить въ нее дорогу революціонерамъ и конституціоналистамъ? Это еще вопросъ!

„Что намъ дѣлать? Насильно милъ не будешь! Вѣрные слуги Царя и всѣ вѣрные Его подданные въ одинъ голосъ говорятъ, что графъ Витте губитъ Россію,—но тщетно: онъ остается у власти и все ближе приводитъ Россію къ бездонной пропасти.

„Вся сила Витте въ томъ, что онъ увѣрилъ всѣ придворныя сферы, будто Россіи необходимо занять деньги у заграничныхъ евреевъ, а евреи дадутъ ихъ Россіи лишь въ томъ случаѣ, если онъ, графъ Витте, останется у кормила правленія“!!

Итакъ, вотъ уже *два года*, какъ С. Ю. Витте *сознательно* и *послѣдовательно* ведетъ Россію къ неминуемой гибели!

Если онъ обѣщалъ своимъ друзьямъ-крамольникамъ, въ родѣ Петрункевичей и К°, на первый разъ лишь „поганенькую“ конституцію, то это потому, что они, конечно, сумѣютъ быстро превратить ее въ конституцію блестящую, совершенно упраздняющую Власть Царя.

Но для того, чтобы достигнуть этой цѣли, къ которой теперь такъ уже близко подошелъ графъ Витте, ему нужно было *сознательно и послѣдовательно привести Россію въ состояніе анархіи*.

Вотъ надъ этимъ онъ и трудился безъ устали цѣлые два года!

Кто виновенъ въ нашей злосчастной войнѣ съ Японіей? *Графъ Витте.*

Кто виновенъ въ позорномъ Портсмутскомъ мирѣ? *Графъ Витте.*

Кто чрезъ князя Святополкъ-Мирскаго подалъ словомъ „довѣріе" сигналъ всему заграничному и внутреннему штабу Русской революціи поднять тотъ мятежъ, отъ котораго нынѣ изнемогаетъ Россія? *Графъ Витте.*

Кто все время якшается съ евреями, давъ полную возможность еврейскому „Бунду" устроить вооруженный мятежъ въ Россіи? *Графъ Витте.*

Кто вернулъ изъ ссылки, изъ тюремъ, изъ-за границы всѣхъ главарей революціи? *Графъ Витте.*

Кто далъ полную свободу революціонной печати вести крамольную пропаганду въ городахъ, деревняхъ и на фабрикахъ? Кто виновенъ въ возникшихъ вслѣдствіе этого террористическихъ забастовкахъ, аграрныхъ грабежахъ, политическихъ убійствахъ и кровопролитныхъ возстаніяхъ? *Графъ Витте.*

Кто допустилъ безнаказанность уличныхъ революціонныхъ манифестацій съ криками „долой Самодержавіе"? *Графъ Витте.*

Кто такимъ образомъ довелъ Россію до полной анархіи и до финансоваго кризиса, вслѣдствіе котораго Россію вынуждаютъ раболѣпно просить денегъ у евреевъ? Кто довелъ Россію до революціоннаго террора, въ угоду которому теперь дается конституція и ограничивается Царское Самодержавіе? *Графъ Витте.*

Но этого мало!

Кто увѣрилъ Петербургскія высшія сферы, будто конституціи требуетъ Русскій народъ? Кто произнесъ эту ложь? Все тотъ же *графъ Витте.*

Кто теперь собирается обмануть „русскихъ мужиковъ", оставляя, *для отвода глазъ*, одно лишь *слово* „Самодержавіе" въ Основныхъ Законахъ Россійской Имперіи, а на самомъ дѣлѣ уничтожая всю *сущность* Самодержавной Власти? „Русскіе мужики вѣдь дураки: они не поймутъ, что мы съ Царя совлечемъ всѣ Его Самодержавныя права, а оставимъ Ему лишь одно названіе Самодержца".

Нѣтъ, ваше сіятельство, Русскіе мужики не дураки. Вы ихъ не знаете. Но они васъ отлично знаютъ. Они въ обманъ не дадутся. Одними словами вы ихъ не проведете.

Самодержавіе „для мужиковъ"! Какая наглая дерзость! Какое оскорбленіе, наносимое и Царю, и Народу! Какое издѣвательство надо всею Россіей, надо всею ея исторіей, надъ ея честью и славой!

Пока жребій еще не палъ, — а онъ еще не палъ, пока не объявлена Царская Воля,—мы будемъ вмѣстѣ съ Русскимъ народомъ молить Господа, да отвратитъ Онъ отъ Царя и Россіи этотъ новый страшный ударъ!

О себѣ мы не заботимся. Графъ Витте силенъ своимъ могуществомъ, а мы—лишь своимъ убѣжденіемъ.

Мы сдѣлали свое дѣло, мы сказали свое слово.

А тамъ—пусть онъ оправдывается или молчитъ, терпитъ или мститъ: онъ все равно не сниметъ съ себя клейма, который на него наложила Русская исторія...

Виды евреевъ на Россію.

Предъ нами послѣдній циркуляръ „Центральнаго Бюро Сіонистской организаціи въ Россіи", содержащій много любопытнаго матеріала и показывающій, что Евреи готовятся къ рѣшительной борьбѣ съ Русскимъ народомъ.

Изъ этого циркуляра узнаемъ, что, въ цѣляхъ осуществленія въ полномъ объемѣ гражданскихъ, политическихъ и національныхъ правъ Еврейскаго народа въ Россіи, „Союзъ для достиженія полноправія Еврейскаго народа въ Россіи" приступаетъ къ созыву „*Еврейскаго Національнаго Собранія*" на началахъ всеобщаго, равнаго и тайнаго, безъ различія пола, избирательнаго права, для установленія, согласно волѣ всего еврейскаго населенія, принциповъ *еврейскаго національнаго самоопредѣленія* и выработки основъ внутренней организаціи еврейской жизни.

Для выработки программы предстоящаго „Еврейскаго Національнаго Собранія" созывается въ ближайшемъ времени Съѣздъ „Союза Еврейскаго полноправія". „Товарищи" приглашаются вступать членами въ этотъ Союзъ, образовывать группы (группа состоитъ изъ 25 человѣкъ) и дѣятельно готовиться къ будущему Съѣзду.

На „Совѣщаніи уполномоченныхъ" была всѣми присутствовавшими единогласно признана необходимость созыва „Всероссійскаго Съѣзда Сіонистовъ". Время, мѣсто и численный составъ Съѣзда еще не рѣшены. Центральное бюро, однако, уже рѣшило, что право посылки делегатовъ на Съѣздъ будетъ предоставлено кружку, отославшему въ „Финансовый (?!) Центръ" ко времени выборовъ на Съѣздѣ деньги „за 100 шекелей".

Очень много вниманія удѣлило Совѣщаніе уполномоченныхъ вопросу объ организаціи *агитаціи устной и печатной.*

Центральное бюро и отдѣльные уполномоченные завалены просьбами командировать агитаторовъ и присылать печатный агитаціонный матеріалъ. Чтобы осуществить это дѣло въ широкихъ размѣрахъ, необходимы большія средства, для чего рекомендуется „товарищамъ" обратить серіозное вниманіе на эту сторону дѣла. Для этой цѣли рекомендуется, между прочимъ, устройство *платныхъ* агитаціонныхъ собраній.

Центральное бюро принимаетъ всѣ усилія, чтобы поставить агитаціонную пропаганду на должную высоту. Рѣшено пригласить „разъѣздного контролера", который находился бы въ распоряженіи Центральнаго бюро и, по порученію послѣдняго, объѣзжалъ бы крупные пункты для контроля дѣятельности кружковъ.

Однимъ изъ интересныхъ пунктовъ циркуляра является тотъ, гдѣ говорится, что совѣщаніе уполномоченныхъ рѣшило ввести *самообложеніе* въ размѣрѣ половины платимаго квартирнаго налога и не менѣе 1% квартирной платы. Одна половина доходовъ самообложенія идетъ въ пользу „Національнаго Фонда", а другая въ пользу „Агитаціоннаго Фонда". Бюро выражаетъ увѣренность, что „товарищи" одобрятъ этотъ „справедливый налогъ на пользу общаго дѣла" и что никто не откажется отъ него. Само-

обложеніе должно дать значительный доходъ національному фонду и, вмѣстѣ съ тѣмъ, должно также въ большей степени дать возможность урегулировать вопросъ о правильной и прочной постановкѣ агитаціи.

Итакъ, какъ видно изъ приведенныхъ выдержекъ, Евреи не складываютъ оружія, а, наоборотъ, усиленно готовятся къ окончательному завоеванію Россіи и къ образованію въ ней Еврейскаго Царства. Они твердо разсчитываютъ на дѣятельную поддержку графа Витте всѣмъ ихъ предпріятіямъ. „Онъ иначе не можетъ", говорятъ они, „онъ *обязанъ* намъ помогать".

Дѣятельнымъ членомъ Центральнаго бюро Сіонистской организаціи въ Россіи является Ш. Х. Левинъ, состоящій „*ученымъ Евреемъ* при Виленскомъ губернаторѣ" (такая есть должность).

Съ другой стороны, о видахъ Евреевъ на Россію мы получили интересное письмо изъ Вѣны, въ которомъ обращаютъ на себя особенное вниманіе слѣдующія строки:

„Еврейская революціонная организація затратила уже около 6 милліоновъ рублей на смуту въ Россіи.

„Главная цѣль Евреевъ—*добиться посредствомъ террора полной равноправности съ Русскими.*

„На Государственную Думу они теперь уже мало возлагаютъ надеждъ, въ виду того, что монархисты и націоналисты въ Россіи пріобрѣтаютъ съ каждымъ днемъ все большую силу и могутъ на выборахъ провести въ Думу большинство депутатовъ, враждебныхъ Евреямъ. Въ такомъ случаѣ Дума, пожалуй, не будетъ сочувствовать всѣмъ еврейскимъ вожделѣніямъ.

„Въ виду этого Евреи рѣшили *во что бы то ни стало* затормозить созывъ Думы усиленною революціонною дѣятельностью, дабы путемъ террора вырвать у Правительства всѣ тѣ льготы, уступки и права, которыя имъ нужны для того, чтобы затѣмъ „„мирнымъ путемъ"" овладѣть всею Россіей и высосать всѣ ея жизненные соки.

„Они, однако, обѣщаютъ правительству графа Витте не прибѣгать къ этому террору, если онъ имъ *добровольно* предоставитъ все, чего они требуютъ; тогда де тотчасъ воцарятся во всей Россіи миръ, тишина и порядокъ.

„Что же касается „„освободительнаго движенія русской интеллигенціи"", то Евреи смѣются надъ нимъ.

„— Русская интеллигенція,—говорятъ они,—находится у насъ на содержаніи. Пока мы ей платимъ деньги, она дѣйствуетъ для нашей пользы, такъ какъ вся смута въ Россіи нужна прежде всего *намъ*; коль скоро мы достигнемъ всего, что намъ надо, мы ни копейки больше на эту смуту не дадимъ, такъ какъ намъ тогда нужно будетъ употребить всѣ силы, чтобы вернуть изъ самой же Россіи всѣ затраченные нами на русскую смуту милліоны. А это можно будетъ сдѣлать только тогда, когда вся смута будетъ прекращена, и мы, подъ твердою охраной русскаго закона, покроемъ всю Россію своею торгово-промышленною, чиновничьею, школьною и судебною сѣтью. Тогда намъ совершенно не нужны будутъ ни русская интеллигенція, ни русскіе террористы, ни русское „„освободительное движеніе"".

Мы предъ носамъ русской интеллигенціи запремъ наши кассы, и они всѣ сядутъ на мель. Правда, дарованіе намъ равноправія вызоветъ негодованіе Русскаго народа, будутъ погромы, избіенія Евреевъ. Это будутъ наши неизбѣжныя жертвы, наши мученики. Мы лишимся ихъ, но мы зато пріобрѣтемъ свои права въ Россіи, которыя *останутся у насъ навсегда* и которыя въ стократъ насъ вознаградятъ за понесенныя нами жертвы и убытки. А Россія намъ *безусловно* нужна. Владѣя Россіей, мы завладѣемъ всѣмъ міромъ.

„Такія рѣчи ведутся въ высшихъ еврейскихъ финансовыхъ сферахъ, имѣющихъ свою общую организацію въ Парижѣ, Римѣ, Берлинѣ, Лондонѣ и Нью-Іоркѣ. Во всѣ эти планы посвященъ и графъ Витте".

Царь или полу-царь?

Какое жалкое зрѣлище представляютъ собой союзы и партіи нашего такъ-называемаго „центра"!

Въ то время, какъ „крайнія" партіи выступаютъ съ ясно-опредѣленными программами, требуя, съ одной стороны, сохраненія неограниченности Царскаго Самодержавія, а съ другой—полнаго его ниспроверженія, „центральныя" партіи стараются угодить и нашимъ, и вашимъ, пытаются усѣсться между двухъ стульевъ, ведутъ между собою безконечные споры, соединяются и разъединяются, перебѣгаютъ изъ одного союза въ другой, основываютъ все новыя и новыя группы, фракціи и „клубы". Болѣе искренніе и честные члены бѣгутъ отъ нихъ, видя, что они занимаются лишь соединеніемъ несоединимаго, объясненіемъ необъяснимаго, держась пресловутой „золотой середины"—этого жалкаго убѣжища всѣхъ дряблыхъ и пошлыхъ людей, хромающихъ на оба колѣна, о которыхъ Господь сказалъ: „Знаю твои дѣла: ты не холоденъ, не горячъ—то извергну тебя изъ устъ Моихъ".

И дѣйствительно, горячо убѣжденнымъ людямъ трудно ужиться съ жалкими, сѣренькими людишками, лепечущими въ партіяхъ „центра" свои избитыя фразы, убогія мысли и лживые софизмы. Мы видимъ, напримѣръ, ежедневное бѣгство изъ „Торгово-Промышленной партіи", которая умственно настолько жалка и труслива, что не рѣшается даже отвѣтить *да* или *нѣтъ* на поставленный ей честный и прямой вопросъ. Мы видимъ, какъ это бѣгство начинаетъ проявляться и изъ „Союза 17 октября", въ которомъ истинно-Русскіе люди уже не могутъ оставаться послѣ того, какъ онъ выступилъ съ новою программой, полною кляузническаго крючкотворства и исторической лжи.

Мы получили эту программу,—которая появилась и въ другихъ газетахъ,—20 января, при офиціальномъ письмѣ Центральнаго Бюро „Союза 17 октября", для напечатанія въ нашей газетѣ „въ отдѣлѣ хроники". Исполняемъ желаніе Центральнаго Бюро и помѣщаемъ этотъ документъ даже на болѣе видномъ мѣстѣ. Вотъ онъ отъ слова до слова:

На прошлой недѣлѣ, подъ предсѣдательствомъ Д. Н. Шипова, происходило соединенное засѣданіе Московскаго и Петербургскаго отдѣленій Центральнаго Комитета „Союза 17 октября".

Ближайшимъ поводомъ совмѣстнаго засѣданія послужили появившіяся въ *Новомъ Времени* сообщенія о высказанномъ графомъ С. Ю. Витте, въ разговорѣ съ нѣкоторыми достовѣрными лицами, мнѣніи, что будто бы Манифестомъ 17 октября не внесено никакого измѣненія въ основу нашего государственнаго строя, и что Государь Императоръ попрежнему остается Царемъ съ неограниченною властью.

Такія сообщенія вызывали для „Союза 17 октября" необходимость обсудить и выяснить создавшееся для него положеніе, такъ какъ въ своемъ воззваніи „Союзъ" выражалъ готовность поддерживать Правительство, исходя изъ увѣренности, что Министерство намѣрено некрепно и откровенно осуществить провозглашенныя 17 октября начала. Хотя на время засѣданія было уже опубликовано оффиціозное разъясненіе по поводу появившихся въ *Новомъ Времени* сообщеній, тѣмъ не менѣе Центральный Комитетъ призналъ необходимымъ опредѣленно установить свое отношеніе къ возбужденному вопросу.

Центральный Комитетъ раздѣляетъ убѣжденіе, что Государь Императоръ по собственному соизволенію ограничилъ Свою власть въ области законодательства, установивъ, „какъ незыблемое правило, чтобы никакой законъ не могъ воспріять силу безъ одобренія Государственной Думы", и предоставилъ выборнымъ отъ народа возможность дѣйствительнаго участія въ надзорѣ за закономѣрностью дѣйствій поставленныхъ отъ Государя властей, и потому Комитетъ держится мнѣнія, что Манифестомъ 17-го октября въ нашъ государственный строй вводится новое начало—*начало конституціонной монархіи* *).

Развитіе и укрѣпленіе этого начала составляетъ одно изъ основныхъ положеній „Союза 17 октября", и „Союзъ" ставитъ главною своею задачей стремиться неизмѣнно къ его осуществленію. Поэтому „Союзъ" можетъ содѣйствовать Министерству постольку, поскольку оно будетъ послѣдовательно и въ должной полнотѣ осуществлять права и свободы, дарованныя означеннымъ Манифестомъ 17 октября.

На основаніи выраженной въ этомъ Манифестѣ Державной воли, *Государь* со времени созыва Государственной Думы *не можетъ уже почитаться Монархомъ неограниченнымъ, но это не противорѣчитъ сохраненію за Нимъ титула „Самодержавный"*

Въ сознаніи Русскаго народа слово „самодержавіе" не отождествляется съ понятіемъ о деспотизмѣ и самовластіи. Согласно нашему основному закону Императоръ именуется монархомъ самодержавнымъ и неограниченнымъ. *Помѣщеніе этихъ двухъ словъ рядомъ свидѣтельствуетъ, что они по мысли нашего законодательства не синонимы.* .

Первымъ самодержавнымъ Государемъ былъ Іоаннъ III, свергнувшій татарское иго. Самодержавнымъ Царемъ именовался Михаилъ Θеодоровичъ, который, однако, былъ *Государемъ съ ограниченною въ значительной мѣрѣ властью и управлялъ страной при участіи выборныхъ отъ народа людей.*

Титулъ „самодержавный" является нашимъ историческимъ достояніемъ и въ представленіи народа связанъ съ понятіемъ о монархѣ, а не о неограниченной власти. *Исключеніе этого титула при богослуженіи могло бы внести смуту и расколъ.*

По вопросу о томъ: должна ли быть Государемъ Императоромъ по открытіи Думы принесена присяга въ сохраненіи дарованныхъ имъ правъ и свободы, Комитетъ пришелъ къ единогласному заключенію, что Манифестъ 17-го октября, выражая собою добрую волю Государя Императора, исключаетъ вопросъ о принесеніи Имъ присяги, и вопросъ этотъ можетъ относиться лишь къ Наслѣднику Престола.

Вы видите, какіе они хитрецы въ „Союзѣ 17 октября"! Имъ хочется и Самодержавіе сохранить, и конституцію пріобрѣсти. Они, видите ли, требуютъ „ограниченнаго Самодержавія". Это такъ же нелѣпо, какъ если-бъ они требовали „горячаго льда" или „холоднаго огня", или какой-нибудь другой „наглядной несообразности".

И они надѣются такимъ грубымъ обманомъ отвести глаза Русскому народу, который, будто бы, не пойметъ, что если связать Монарха конституціей, но сохранить за Нимъ одинъ лишь пустой титулъ „Самодержав-

*) Курсивъ вездѣ нашъ.

ный“, то Царь перестанетъ быть Самодержавнымъ Вождемъ и Отцомъ Своего народа! Какая это клевета на Русскій народъ, который, будто бы, не отличитъ Неограниченнаго Самодержавнаго Царя отъ жалкаго конституціоннаго полу-царя. Неужели они думаютъ, что Русскій народъ настолько „теменъ“, что предпочтетъ имѣть надъ собою такого „не настоящаго“ царя, чѣмъ Царя истиннаго, Царя Самодержавнаго, неограниченно правящаго Своимъ народомъ, неограниченно пекущагося объ его благѣ?

„Союзъ 17 октября“ высказалъ такимъ образомъ въ своемъ новомъ документѣ полнѣйшее незнаніе ума и духа Русскаго Народа.

„Въ сознаніи Русскаго народа,—говоритъ онъ,—слово „„Самодержавіе““ не отождествляется съ понятіемъ о деспотизмѣ и самовластіи“.

Вы видите, какое тутъ крючкотворство? При словѣ „Самодержавіе“ Русскій народъ не думаетъ ни о деспотизмѣ, ни о самовластномъ произволѣ. Съ этими понятіями отождествляютъ „Самодержавіе“ одни лишь наши невѣжественные „интеллигенты“, которые, не зная ни Русской, ни Всемірной исторіи, не видятъ тѣхъ громадныхъ пропастей, которыя отдѣляютъ неограниченное Самодержавіе Русскаго Царя отъ западнаго средневѣковаго деспотизма, съ одной стороны,—и отъ восточнаго тиранническаго произвола—съ другой.

Русскій народъ совершенно вѣрно отождествляетъ „Самодержавіе“ съ понятіемъ о Царѣ, какъ Православномъ Христіанинѣ, служащемъ Богу на высокой чредѣ, на которую Господь Его поставилъ, дабы Царь, по закону Православной Вѣры, управлялъ порученнымъ Ему Богомъ народомъ по Своей христіанской совѣсти, не отдавая отчета въ этомъ правленіи *никому другому*, кромѣ одного лишь Бога. А потому Русскій народъ ясно понимаетъ, что Русскаго Царя ограничивать могутъ лишь законы Вѣры Христовой, данные Богомъ, и законы, изданные Самимъ Царемъ, Помазанникомъ Божіимъ.

Такое понятіе о „Самодержавіи“ Русскаго Царя является единственно вѣрнымъ съ точки зрѣнія Православной Христовой Вѣры и съ точки зрѣнія православно-вѣрующаго Русскаго народа. Что же касается толкованія г. Шипова и прочихъ „интеллигентовъ“ изъ „Союза 17 октября“, то оно есть не что иное, какъ лживое крючкотворство.

Такимъ же крючкотворствомъ является и ссылка на нашъ Основной Законъ, въ которомъ „Императоръ именуется Монархомъ Самодержавнымъ и Неограниченнымъ“. Кляузники 17 октября говорятъ по этому поводу слѣдующее:

„Помѣщеніе этихъ двухъ словъ рядомъ свидѣтельствуетъ, что они по мысли нашего законодательства не синонимы“,—то-есть, что въ нихъ разныя значенія.

Вотъ это ужъ дѣйствительно буквоѣдство! Но *если бы это было и такъ*, то кто же имѣетъ право выбрасывать слово „неограниченный“ изъ Основныхъ Законовъ?

Но *это вовсе не такъ*. Слово „неограниченный“ въ Законѣ служитъ лишь болѣе точнымъ поясненіемъ слова „Самодержавный“, чтобы не явились какіе-нибудь кривотолки въ родѣ людей 17 октября, которые стали бы

объяснять „Самодержавіе“ превратнымъ образомъ. Это все равно, какъ если бы въ законѣ было сказано, что судья долженъ быть „безпристрастнымъ и неподкупнымъ“, а люди 17 октября стали бы доказывать, что второе слово лишнее, такъ какъ судья можетъ оставаться безпристрастнымъ, хотя бы онъ и бралъ взятки!

А затѣмъ идетъ новое крючкотворство и новая ложь:

„Самодержавнымъ Царемъ,—говоритъ „Союзъ 17 октября“—*именовался* Михаилъ Θеодоровичъ, который, *однако*, былъ Государемъ съ *ограниченною* въ значительной мѣрѣ властью и управлялъ страной при участіи выборныхъ отъ народа людей“.

Нѣтъ, это неправда.

Михаилъ Θеодоровичъ не только *именовался*, но и *дѣйствительно былъ* Самодержавнымъ Царемъ и въ глазахъ Православной Церкви, и въ глазахъ Народа.

Въ актѣ избранія Царя Михаила Θеодоровича на царство народъ Русскій ясно выразилъ свою непремѣнную волю имѣть надъ собою лишь „Самодержца“; а при короновании на царство Царя Михаила Θеодоровича, преосвященный митрополитъ Ефремъ Московскій, вручая царю Михаилу Скипетръ и въ точности исполняя свободную волю Народа, сказалъ Ему:

„Богомъ вѣнчанный Царю и Великій Князь Михаилъ Θеодоровичъ, всея Россіи Самодержецъ, пріими отъ Бога данное Ти Скипетро, правити хоругви великаго Государства Россійскаго *и блюди и храни его, елико Твоя сила*“.

Гдѣ же тутъ ограниченіе Царской Власти?

Ученые историки „Союза 17 октября“ хотятъ увѣрить Русскихъ людей,—полагая, что они Русской исторіи не знаютъ,—будто Царь Михаилъ Θеодоровичъ не могъ управлять страной иначе, какъ при участіи выборныхъ отъ народа людей.

Это неправда. Царь Михаилъ созывалъ Земскіе Соборы лишь тогда, когда это Его Царской Волѣ было угодно. Онъ, иной разъ, не созывалъ ихъ въ теченіе двухъ-трехъ, а то и цѣлыхъ десяти лѣтъ,—и не было примѣра, чтобъ Онъ высказывалъ Свою Волю, а Земскій Соборъ возставалъ бы противъ нея.

Да и развѣ можно сравнивать Земскіе Соборы,—въ которыхъ засѣдали лишь одни степенные православные Русскіе люди, готовые жизнь положить за неограниченное Самодержавіе своего Царя,—съ тѣмъ разноплеменнымъ и разновѣрнымъ сборищемъ, въ которомъ будутъ болтать и кричать даже отъявленные враги Россіи, Православной Церкви и Русскаго Царя, подъ верховодствомъ жидовскихъ адвокатовъ!? Отождествленіе такого непотребнаго конституціоннаго парламента съ Русскими Православными Земскими Соборами является не только грубою исторической ложью, но и тяжкимъ оскорбленіемъ, наносимымъ Россіи и Русскому народу крючкотворцами „17 октября“.

Но и этого мало.

Видя въ словѣ „Самодержавіе“ одну лишь пустую форму, эти историческіе шулера стоятъ, однако, за сохраненіе „этого титула при богослуженіи“, такъ какъ „исключеніе его могло бы внести смуту и расколъ“.

Вы понимаете? Сами они этимъ „титуломъ" такъ же мало дорожатъ, какъ, вѣроятно, и самимъ богослуженіемъ; но какъ посмотритъ на это „темный Русскій народъ", „простые мужики"? „Ну, такъ и быть, можно для обмана оставить „Самодержавіе" въ Церкви, а изгнать его изо всего Государства!"

„Союзъ 17 октября" осмѣливается даже разсуждать о томъ, долженъ ли Государь присягать той „поганенькой" конституціи, которою графъ Витте, по обѣщанію, данному имъ разнымъ Петрункевичамъ, хочетъ осчастливить Россію. И вотъ они великодушно разрѣшаютъ Монарху не приносить этой присяги, но зато Наслѣдника Его они отъ этой присяги освободить не желаютъ!

О, Боже, сколько во всемъ этомъ лжи, лицемѣрія, кляузничества и нахальства!

Вотъ они, наши пресловутые бюрократы, всѣ эти люди не 17-го, а 20-го числа, показавшіе себя во всей своей позорной наготѣ. До сихъ поръ они старались обманывать своими софизмами Русскихъ Государей, а теперь они, сверхъ того, хотятъ еще обмануть Русскій народъ!

Да сгинутъ они передъ солнцемъ правды исторической, предъ свѣтомъ Русской совѣсти и Русскаго ума, передъ честностью и искренностью Русскаго народа, который всегда понималъ Помазанника Божія не какъ жалкаго полу-царя, а какъ *неограниченнаго* въ Своемъ Самодержавіи Единодержца Всероссійскаго.

Професоръ Градовскій и „Союзъ 17 октября" о неограниченномъ самодержавіи.

Петербургскими бюрократами и „Союзомъ 17 октября" на дняхъ изобрѣтена и пущена въ ходъ столь же новая, сколь и лживая теорія о неограниченной Самодержавной Власти Русскаго Государя.

По этой теоріи, если выкинуть изъ 1-й статьи Основныхъ Законовъ Россійской Имперіи слово „Неограниченный", опредѣляющее Власть Государя Императора, а оставить только слово „Самодержавный", то это послѣднее опредѣленіе обратится въ пустой звукъ, въ одинъ лишь „титулъ", для отвода глазъ Русскому „темному" народу, который де, по глупости своей, будетъ все еще вѣрить, что его Царь *Самъ держитъ* въ рукахъ правленіе Россіи, тогда какъ Онъ на самомъ дѣлѣ будетъ накрѣпко связанъ конституціей и Своею Волей уже обладать не будетъ.

По другимъ толкованіямъ тѣхъ же крючкотворцевъ, слово „Самодержецъ" обозначаетъ лишь то, что Русскій Царь независимъ отъ прежняго Татарскаго ига или отъ теперешней какой-нибудь иностранной державы, а вовсе не то, что онъ независимъ отъ какихъ-либо лицъ или учрежденій внутри Своего Государства.

Посмотримъ, какъ объ этомъ вопросѣ говоритъ такой научный авторитетъ, какъ покойный профессоръ А. Градовскій въ своихъ *Началахъ Русскаго Государственнаго Права* (Спб. 1875, Т. I, §§ 1 и 2).

Вотъ его слова:

„§ 1. Россія, по формѣ своего государственнаго устройства, есть монархія неограниченная. Сущность этой формы правленія, по русскому праву, опредѣляется двумя постановленіями, *взаимно пополняющими другъ друга.*

„Ст. 1-я нашихъ Основныхъ Законовъ признаетъ Русскаго Императора Монархомъ Неограниченнымъ и Самодержавнымъ.

„Названіе „Неограниченный“ показываетъ, что Воля Императора не стѣснена *юридическими* нормами, поставленными выше Его Власти. Этимъ признакомъ неограниченная монархія отличается отъ конституціонныхъ государствъ.

„§ 2. Выраженіе „Самодержавный“ означаетъ, что *Русскій Императоръ не раздѣляетъ Своихъ Верховныхъ правъ ни съ какимъ установленіемъ или сословіемъ въ Государствѣ*, то-есть, что *каждый актъ Его Воли получаетъ обязательную силу независимо отъ согласія другого установленія*“.

Такъ смотрятъ на „Самодержавіе“ какъ Православная Церковь, такъ и Русскій Народъ; а такъ же понимаетъ его и здравый смыслъ, и истинная наука.

Иначе на „Самодержавіе“ могутъ смотрѣть лишь такіе государственные воры, какъ члены „Союза 17 октября“ и ихъ сановные въ Петербургѣ вдохновители, которые осмѣливаются утверждать такую величайшую нелѣпость, будто Русскій Царь останется Самодержавнымъ даже и въ томъ случаѣ, если у Него похитятъ неограниченность Его Власти, и если ни одинъ актъ Его Воли не получитъ *обязательной* силы безъ согласія Государственной Думы!

Воззваніе отъ Русской Монархической Партіи.

Люди русскіе! Остерегайтесь новаго подвоха **„Союза 17 октября!“** Сперва онъ былъ противъ Царскаго Самодержавія, а теперь, видя, какъ Русскій Народъ дорожитъ Самодержавіемъ своего Государя, „Союзъ 17 октября“, для отвода глазъ, заявляетъ, что онъ тоже стоитъ за Самодержавіе, но только за Самодержавіе ограниченное. Это все равно, какъ если бы кто сказалъ такую нелѣпость, что онъ де желаетъ огня, да только огня холоднаго, или желѣза, да только желѣза деревяннаго. Такъ и „Союзъ 17 октября“ хочетъ Царя Самодержавнаго, да только ограниченнаго, не свободнаго Государя, а связаннаго конституціей, не Царя,—а какого-то полу-Царя. Той же самой нелѣпости желаетъ и Торгово-Промышленная партія, изъ которой поэтому ежедневно бѣгутъ истинно-Русскіе люди!

Люди русскіе! Будьте осторожны въ выборѣ партій. Изъ слѣдующей таблицы вы можете видѣть истинное значеніе всѣхъ партій и союзовъ.

Противъ неограниченнаго Самодержавія Русскаго Царя идутъ не только революціонныя и конституціонныя партіи, открыто называющія себя „соціалистами-революціонерами“, „соціалистами-демократами“, „конституціонными демократами“, „партіей демократическихъ реформъ“ и „клубомъ независимыхъ“, но и слѣдующія партіи: *Партія Правового порядка, Союзъ*

17 октября, *Торгово-промышленная партія* и *Умѣренно-прогрессивная партія*. Кто припишется къ одной изъ этихъ партій, тотъ пусть знаетъ, что онъ обязуется ограничить, уничтожить Царское Самодержаніе, ибо если въ программахъ этихъ партій и говорится о „Царѣ“ и о „Самодержавіи“, то подразумѣвается не настоящее, а ложное Самодержавіе, не настоящій Самодержавный Царь, а какой-то полу-царь, связанный конституціей. А потому, кто, по ошибкѣ, приписался къ одной изъ этихъ партій и не желаетъ связывать Царскую Самодержавную Волю, тотъ долженъ выписаться изъ ихъ списковъ.

За неограниченное Самодержавіе Русскаго Царя стоятъ многочисленные политическіе партіи и союзы, изъ которыхъ главнѣйшіе суть слѣдующіе: *Союзъ Русскихъ людей*, *Русская Монархическая партія*, *Кружокъ Москвичей*, *Общество Хоругвеносцевъ*, *Добровольная народная охрана*, *Союзъ Русскаго народа*, *Союзъ Землевладѣльцевъ*, *Сусанинскій Кружокъ*, *Общество Русскихъ патріотовъ*, *Кружокъ русскихъ студентовъ*, *Союзъ законности и порядка* и другіе, объединившіеся въ общую организацію: *„Всенародный Русскій Союзъ“*. Кто припишется къ одной изъ этихъ партій и союзовъ, тотъ пусть знаетъ, что онъ обязуется защищать неограниченную власть Русскаго Самодержавнаго Царя. Если же кто къ нимъ приписался по ошибкѣ и желаетъ, чтобы Царь нашъ Православный, Помазанникъ Божій, былъ лишенъ своей свободной Царской воли, и чтобы Самодержавная власть Его была связана конституціей, которая Его сдѣлаетъ полу-царемъ, тотъ пусть выпишется изъ рядовъ Русскихъ людей, признающихъ Русскаго Царя не инымъ, какъ только Православнѣйшимъ и Самодержавнѣйшимъ.

Значеніе графа Витте.

Въ одной изъ своихъ безчисленныхъ бесѣдъ съ разными лицами и депутатами, графъ Витте высказалъ, между прочимъ, изумленіе и огорченіе по тому поводу, что у каждаго де великаго государственнаго человѣка есть партія, а у него никакой партіи нѣтъ: всѣ его сторонятся, всѣ его не любятъ, всѣ его бранятъ.

Поистинѣ, можно подивиться изумленію графа Витте.

Прежде всего: если у него нѣтъ партіи, то это только доказываетъ, что онъ вовсе не великій государственный человѣкъ, а что таковымъ является онъ лишь въ собственныхъ своихъ глазахъ, да развѣ еще въ глазахъ своихъ приспѣшниковъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ графъ Витте, къ несчастью всей Россіи, стоитъ у кормила власти, онъ надѣлалъ цѣлый рядъ крупнѣйшихъ, непоправимыхъ ошибокъ и теперь самъ не знаетъ, какъ изъ нихъ выпутаться. А всѣ эти ошибки такого свойства, что ихъ не сдѣлалъ бы даже дюжинный человѣкъ, одаренный здравымъ умомъ и серіознымъ историко-политическимъ образованіемъ.

У графа Витте никто ума отрицать не станетъ: у него умъ живой, впечатлительный, быстрый, работоспособный; но это не здравый умъ,—это умъ болѣзненно-отуманенный безграничною гордостью, колоссальнымъ само-

мнѣніемъ неудержимымъ властолюбіемъ, слѣпою увѣренностію въ своей собственной непогрѣшимости, побуждающей его къ рѣзкимъ, необдуманнымъ мѣрамъ и къ циничеcкой расправѣ со всѣми, кто съ нимъ не согласенъ.

Если-бъ это самообожаніе основано было на глубокомъ знаніи Россіи и всего Русскаго народа, на солидномъ научномъ и обще-философскомъ образованіи, то можно было бы простить графу Витте и его гордость, и его цинизмъ. Но такъ какъ у него этихъ необходимыхъ для государственнаго человѣка свѣдѣній и знаній не имѣется, такъ какъ онъ во всемъ,—кромѣ желѣзнодорожныхъ тарифовъ,—всегда былъ дилеттантомъ, жившимъ чужими мыслями и трудами, то ему ни его гордости, ни его самомнѣнія, ни его властолюбія простить нельзя, тѣмъ болѣе, что всѣ эти недостатки, вмѣстѣ съ его легкомысленнымъ дилеттантизмомъ, такъ неизмѣримо тяжело отозвались на судьбѣ всей Россіи.

Нѣтъ, это не государственный человѣкъ; и если у него нѣтъ партіи, то это болѣе чѣмъ естественно.

Но есть еще и другая причина, которая всѣхъ отъ него отталкиваетъ: это — отсутствіе яснаго плана въ его словахъ и дѣйствіяхъ, его увертливость, двуличность и неискренность. Дошло до того, что теперь ему уже *никто не вѣритъ*. Какая же можетъ быть партія у такого человѣка?

Вы знаете его систему: онъ очень болтливъ и развязенъ съ журналистами и депутаціями, которыхъ онъ удостоиваетъ своихъ „милостивыхъ“ бесѣдъ. Онъ старается „очаровать“ ихъ своею простотой и непосредственнымъ радушіемъ, такъ чтобъ они думали, что у него „душа на распашку“. Онъ полагаетъ, что это необходимо, дабы прослыть „другомъ народа“. А затѣмъ, когда эти „непринужденныя“ бесѣды появляются въ печати, онъ ждетъ, будутъ ли „либеральныя“ газеты его хвалить за пущенные имъ „пробные шары“. Если *да*,—онъ самодовольно молчитъ, если нѣтъ, — онъ опровергаетъ свои слова. Но *какъ* онъ ихъ опровергаетъ,—въ этомъ заключается вся его двуличность, которая такъ отталкиваетъ отъ него честныхъ людей.

Яркимъ примѣромъ такой тактики графа Витте является его бесѣда съ Екатеринодарскими мѣщанами.

Длинный и обстоятельный отчетъ объ этой интересной и весьма характерной для графа Витте бесѣдѣ былъ помѣщенъ въ петербургской газетѣ *Наша Жизнь* (№ 352) и затѣмъ обошелъ почти всю русскую печать. Вызванное ею впечатлѣніе было неблагопріятно для графа Витте. И вотъ онъ въ своемъ официіозномъ *С.-Петербургскомъ Телеграфномъ Агентствѣ* „опровергаетъ“ отчетъ объ этой бесѣдѣ, говоря, что этотъ отчетъ „не соотвѣтствуетъ дѣйствительности“.

Что это значитъ? Весь ли отчетъ не вѣренъ, или только нѣкоторыя его мѣста, а въ такомъ случаѣ,—*какія* именно мѣста? Это весьма важно знать, чтобъ имѣть вѣрное сужденіе о политикѣ графа Витте, въ рукахъ котораго находится судьба всей Россіи. Но графъ Витте *этого именно и не говоритъ*,—понимай, какъ знаешь.

Авторъ отчета объ этой бесѣдѣ, г. Левъ Клячко (Л. Львовъ), въ свою очередь опровергаетъ графа Витте,*) настаивая на томъ, что *все изложенное имъ въ отчетѣ соотвѣтствуетъ истинѣ, а опроверженіе* „С.-Петербургскаго Телеграфнаго Агентства"—**ложно**.

Графъ Витте, уличаемый во лжи журналистомъ Клячко; графъ Витте, уклоняющійся отъ ясныхъ и прямыхъ указаній на то, что онъ дѣйствительно говорилъ и чего онъ не говорилъ; графъ Витте, прячущійся за *Агентство*; графъ Витте, не говорящій ни *да*, ни *нѣтъ*,—да развѣ это государственный человѣкъ, да развѣ такого человѣка можно любить, уважать и составлять ему партію?

Графъ Витте держится на своемъ посту единственно вслѣдствіе своей маніи величія, которая заставляетъ его всѣмъ предсказывать „банкротство Россіи" въ тотъ день, когда онъ вернулся бы къ давно уже ожидающему его „почетному" досугу частной жизни.

Мы не вѣримъ этимъ чисто-террористическимъ угрозамъ. Мы убѣждены, что въ настоящее время уходъ графа Витте съ его поста премьеръ-министра не только произвелъ бы гораздо менѣе впечатлѣнія, чѣмъ уходъ его съ поста министра Финансовъ, но и былъ бы встрѣченъ всеобщею радостью и чувствомъ облегченія. Правда, еврейскія биржи, изъ чувства благодарности, сдѣлаютъ ему *низкій* реверансъ, но черезъ два, три дня и онѣ войдутъ въ обычную свою колею, такъ какъ сами увидятъ, какъ жизненно воспрянетъ Россія, когда получитъ, наконецъ, ту единственную свободу, которая ей теперь нужна,—свободу отъ Витте.

„Священникъ" Петровъ и святотатство.

Въ № 26 *Московскихъ Вѣдомостей* (1906 г.) указано на то, что „священникъ" Петровъ, пользуясь не подобающимъ ему саномъ іерея, побуждаетъ народъ къ новой „всеобщей забастовкѣ" и къ новому вооруженному мятежу.

Но онъ побуждаетъ и ко многому другому преступному, оправдывая даже такія преступленія, какъ святотатство!

Онъ дѣйствуетъ въ этомъ отношеніи по извѣстному рецепту „беллетристовъ"—развратителей народа. Рецептъ этотъ таковъ:

„Возьми самое ужасное преступленіе, осуждаемое и Божескими, и человѣческими законами; придумай для совершившаго его преступника сентиментальную обстановку нужды и нищеты; а затѣмъ докажи, что если онъ терпѣлъ нужду, то онъ не повиненъ въ совершенномъ имъ преступленіи".

Нравоученіе читатель изъ народа выведетъ себѣ уже самъ:

„Я нуждаюсь" (а кто изъ бѣдныхъ людей не нуждается?),—„значитъ, и имѣю право дѣлать преступленіе. Что мнѣ Богъ, что мнѣ законъ, что мнѣ совѣсть? Я *нуждаюсь*,—этимъ все сказано. Меня *должны* оправдать"!

*) Въ № 355 *Нашей Жизни*. См. „Телеграфъ и Телефонъ" въ *Моск. Вѣд.*, 1906 г., № 26.

По такому рецепту печатаются „разсказы“ и въ кощунственной *Правдѣ Божьей* (2 копѣйки) „священника“ Петрова. Такъ какъ онъ—„священникъ“, то и преступленія онъ выбираетъ для оправданія преимущественно направленные противъ Бога.

Такъ, въ № 22 своего богомерзкаго листка онъ напечаталъ разсказъ „Святотатецъ“, а въ немъ вывелъ мужика Трофима, которому нечѣмъ кормить семью (изображена, конечно, по рецепту, сентиментальная картина „нужды“), и который, поэтому, сперва замышляетъ обокрасть богатаго сосѣда Гаврилу Жохова:

„— А не попытаться-ль и взаправду пошарить у Гаврилы?—подумалъ Трофимъ. — Оно, конечно, страшно впервой-то идти на такое дѣло, да и грѣхъ не малый. Ну, да кто же нынче думаетъ про грѣхи? А то, нешь, у Бога украсть?—мелькнула у Трофима мысль.—Одна бѣда: невѣдомо, гдѣ амбары у Бога находятся. А то можно бы идти туда смѣло. Богъ-то, чай не Гаврила-кровопивецъ. Ему, Многомилостивому, ежели бы и попался, все же можно прощенья попросить. Не засадилъ бы, гляди, въ тюрьму, какъ Гаврюха.

„Трофимъ снова усмѣхнулся и принялся размышлять, гдѣ въ самомъ дѣлѣ скрываются Божьи имѣнья, и можно ли тамъ поживиться на бѣдность“?

И вотъ, поразмысливъ, Трофимъ пошелъ ночью къ сельскому храму, взобрался на куполъ, выломалъ окно и спустился для своего преступленія въ церковь, къ „Божьимъ амбарамъ“...

Разсказъ этотъ, написанный тоже какимъ-то „священникомъ“ М. Дубенскимъ (Боже Милостивый, какіе теперь у насъ, съ легкой руки Гапона и Петрова, пошли „священники“!), еще не конченъ, но *самъ* „отецъ“ Петровъ спѣшитъ въ томъ же № своего кощунственнаго изданія, въ передовой статьѣ, подсказать народу „мораль“ этого разсказа, боясь, что народъ, по своему здоровому православному чувству, все-таки отнесется съ отвращеніемъ къ дерзкому святотатцу:

„Прочтите“,—рекомендуетъ онъ,—„прочтите сегодняшній разсказъ *Святотатецъ*. Человѣкъ отъ нужды, отъ голода всей семьи доходитъ до преступленія. *А развѣ это преступникъ*? Развѣ отъ зла, отъ испорченности души идетъ бѣднякъ на такое дѣло? Развѣ по доброй волѣ?—Нужда толкаетъ“.

Такъ и запишемъ. Если теперь въ нашихъ городахъ и селахъ умножатся святотатства и еще чаще будутъ обкрадываться церкви,—мы будемъ знать, подъ чьимъ вліяніемъ будутъ дѣйствовать эти воры и грабители, которые затѣмъ на судѣ будутъ говорить:

— Мы не преступники. Въ самой *Божьей Правдѣ* сказано, что мы имѣли право идти на такое дѣло. Насъ „нужда толкала“.

И, съ помощью адвокатовъ-еврейчиковъ, всѣ они будутъ оправданы, а каждое такое оправданіе породитъ сотни новыхъ святотатцевъ!

Таковы будутъ плоды засѣваемой Петровымъ нивы!

Да еще одни такіе-ли плоды?

Прочтите въ томъ же № 22 его листка другой разсказъ *Темень*. Въ немъ изображено одно изъ уличныхъ столкновеній, вызванныхъ Ма-

нифестомъ 17 апрѣля. Съ одной стороны изображена „толпа, надъ которой развѣвалось *красное знамя.* Слышалась *пѣсня*“, а съ другой—толпа съ иконами и Царскимъ портретомъ. И что же? Всѣ симпатіи разсказчика клонятся къ *первой*, крамольной толпѣ, а вторая представлена въ самомъ отвратительномъ видѣ...

„Да, „священникъ“ Петровъ очень старается готовить новое злое дѣло и губить Россію!

Русское Собраніе.

Въ настоящее время въ Петербургѣ засѣдаетъ созванный Русскимъ Собраніемъ „Всероссійскій Съѣздъ“ всѣхъ монархическихъ партій, союзовъ и кружковъ. Цѣль этого Съѣзда — тѣсное сплоченіе всѣхъ этихъ организацій, въ виду предстоящей выборной борьбы.

Въ тяжелое, смутное время приходится Русскимъ людямъ впервые подать другъ другу руку: но,—кто знаетъ?—не будь этой смуты, они, можетъ-быть, не почувствовали бы необходимости соединиться въ одинъ общій братскій союзъ.

Но если общая опасность вызвала въ нихъ благое стремленіе сплотить свои силы противъ натиска враговъ, то это соединеніе оказалось возможнымъ лишь благодаря „Русскому Собранію“, которое первое, еще четыре года тому назадъ, вѣщимъ чутьемъ предугадало, что уже близится роковое время, когда будетъ поставлена на карту вся будущность Россіи, и когда всѣмъ Русскимъ людямъ придется собраться воедино и стать крѣпкимъ оплотомъ вокругъ священнаго стяга дорогой Родины.

И вотъ, когда Москва и вся центральная Россія, не чуя грядущей бѣды, предавались сладостнымъ мечтамъ о мирномъ цвѣтущемъ развитіи нашего Государства, Русская колонія въ Петербургѣ внезапно встрепенулась и забила тревогу, призывая Русскихъ людей соединиться въ „Русское Собраніе“.

На этотъ призывъ немедленно явилась небольшая, но тѣсно сплоченная рать первыхъ піонеровъ Русской идеи на нашей Санктъ-Петербугской окраинѣ.

Мы всѣ еще помнимъ, какимъ недоумѣніемъ, съ одной стороны, и какою враждой—съ другой, было встрѣчено на первыхъ порахъ появленіе этой Русской дружины въ Невской столицѣ.

— Какъ?—слышались голоса,—Русское Собраніе въ Россіи! Русское Собраніе въ самой столицѣ Русскаго Государства? Что за нелѣпость! Развѣ мыслимы Французское Собраніе въ Парижѣ или Англійскій Клубъ въ Лондонѣ?

„Русское Собраніе“ отвѣтило на эти клики близорукихъ друзей и сознательныхъ враговъ серіознымъ, упорнымъ трудомъ и, вступивъ въ борьбу за свое существованіе, вышло изъ нея полнымъ побѣдителемъ.

Прошло четыре года, и теперь уже никто не сомнѣвается въ томъ, что „Русское Собраніе“ въ Петербургѣ не только вполнѣ естественно, но и совершенно необходимо.

Теперь всѣ поняли громадную разницу между Парижемъ и Лондономъ—съ одной стороны, и Петербургомъ—съ другой.

Парижъ и Лондонъ являются олицетвореніемъ самой интенсивной національной жизни Франціи и Англіи, тогда какъ Петербургъ изо всѣхъ столицъ міра представляетъ собою наименьшее выраженіе національной жизни своего государства.

Да, теперь эта печальная истина для всѣхъ ясна. Но четыре года тому назадъ Русскіе люди ограничивались только смутнымъ сознаніемъ этого вопіющаго факта и безпомощнымъ ему подчиненіемъ.

Но вотъ явилась въ Петербургѣ группа смѣлыхъ Русскихъ людей, сбросившихъ съ себя эту апатію и рѣшившихъ создать на берегахъ Невы крѣпкій, живой, національный центръ. Во главѣ ихъ стали князь Дмитрій Петровичъ Голицынъ и Василій Львовичъ Величко.

Первый изъ нихъ распозналъ сущность Петербурга зоркимъ окомъ художника, для котораго, какъ извѣстно, видимо то, что остается незримымъ для глазъ простыхъ смертныхъ людей. Различные типы иноплеменныхъ и иновѣрныхъ владыкъ Петербурга обступили его воображеніе романиста и драматурга съ такою неотразимою силой, и вызвали въ немъ такой подъемъ національнаго негодованія, что онъ рѣшилъ перейти отъ художественнаго творчества къ творчеству политическому и—положилъ основаніе „Русскому Собранію“.

Въ этомъ дѣлѣ онъ нашелъ бодрое одухотворенное содѣйствіе въ другомъ великомъ художникѣ слова, въ нашемъ незабвенномъ поэтѣ Величко, который давно уже вынужденъ былъ обстоятельствами сочетать свою пѣвучую лиру съ острымъ мечомъ полемиста. Василій Львовичъ вступилъ въ борьбу за русскіе идеалы на противоположной Петербургу Русской окраинѣ—на Кавказѣ. Эта борьба выковала въ немъ истиннаго богатыря, доблестнаго героя и многострадальнаго мученика за Россію. Онъ явился въ Петербургъ съ пламеннымъ желаніемъ посвятить всѣ остатки своей, увы, столь безвременно прервавшейся, жизни—неутомимой борьбѣ за русскіе идеалы и вдохнулъ этотъ высокій, благородный порывъ созданному княземъ Голицынымъ „Русскому Собранію“.

Теперь для всѣхъ стало яснымъ, почему „Русское Собраніе“ возникло въ Петербургѣ и получило тотчасъ же горячій отзвукъ въ Варшавѣ, въ Харьковѣ, въ Кіевѣ, въ Одессѣ, а не въ Москвѣ.

Русскіе люди сплачиваются воедино вокругъ знамени Русской государственной и національной идеи лишь тамъ, гдѣ имъ и этой идеѣ грозитъ непосредственная опасность,—а это до сихъ бывало лишь на окраинахъ Россіи, гдѣ Русскіе люди находятся подъ гнетомъ инородческаго владычества.

Москва доселѣ этого гнета за послѣднее время не чувствовала и мирно спала, давая врагамъ Россіи возможность свить въ ней свои крамольныя гнѣзда.

Но вотъ грянулъ громъ, Москва встрепенулась, перекрестилась и съ ужасомъ увидала, что и надъ ней уже тяготѣетъ иго враговъ русскихъ идеаловъ! Она поняла, что, съ грозящимъ всей Россіи устраненіемъ из-

вѣстной черты осѣдлости, Москва будетъ заполонена тою силой, отъ которой нѣтъ спасенія, и что тогда Москвичамъ придется довольствоваться тою же жалкою ролью „Русской колоніи" въ чужестранномъ городѣ, какая нынѣ выпала на долю Русскихъ людей въ Финляндіи, въ Привислинскомъ, Сѣверномъ, Балтійскомъ, Кавказскомъ краѣ и въ Сибири. Оттуда изгоняются и бѣгутъ въ центральную Россію Русскіе люди; но куда же побѣжимъ мы изъ центральной Россіи, когда и тамъ не будетъ намъ житья отъ иновѣрцевъ и безвѣрцевъ, отъ инноплеменниковъ и отъ людей безъ племени и роду? Куда? За границу? А малодушные люди туда уже и бѣгутъ!..

Но мы крикнемъ великій кличъ:

Стой! Ни шагу съ мѣста! Всѣхъ къ русскому духовному оружію! Здѣсь, на своей родной землѣ, мы станемъ твердою ногой и отстоимъ ее противъ всѣхъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ нашихъ! Не только наши окраины, но и весь центръ нашъ въ опасности! Гроза уже грянула надъ сердцемъ Россіи—Москвой.

Вставайте же, люди Русскіе, во всѣхъ городахъ и весяхъ нашей святой Родины! Взгляните: Русскіе люди въ Петербургѣ протягиваютъ вамъ свои братскія руки для общаго дѣла, для борьбы за все, что намъ свято и дорого! Ударьте же съ ними по рукамъ, и тогда не *намъ* будетъ страшенъ врагъ, а *мы* будемъ страшны врагу! Онъ пойметъ всю нашу силу,—и побѣда останется за нами, за нашими вѣковыми и вѣчными идеалами, за Царемъ Самодержавнѣйшимъ и за всею Россіей Православной.

Партійное правительство.

Одно изъ главныхъ бѣдствій конституціонныхъ государствъ заключается въ томъ, что правительство въ нихъ стоитъ не *выше* партій,—какъ доселѣ стояло Императорское Правительство въ Россіи,—а на одномъ уровнѣ съ ними, сливаясь съ одною изъ нихъ и ведя борьбу съ другими.

Такое „партійное" правительство вынуждено самою силой вещей заботиться не о великихъ интересахъ всего Государства, а лишь о мелочныхъ интересахъ своей партіи, призывая къ государственной службѣ того или другого человѣка не потому, чтобъ онъ выдавался своимъ умомъ, талантами, образованіемъ и административнымъ опытомъ, а только потому, что онъ готовъ всюду поддерживать своихъ партійныхъ единомышленниковъ. Легко понять, какая вопіющая несправедливость воцаряется тамъ, гдѣ дѣйствуетъ подобное „партійное" правительство: вся политика страны попадаетъ въ руки политикановъ, вступающихъ между собой въ непримиримую борьбу для того, чтобы захватить въ свои руки правительственную власть и распоряжаться всѣмъ государствомъ не въ его интересахъ, а исключительно въ интересахъ своей партіи.

У насъ, въ Россіи, „конституціи" еще нѣтъ и, Богъ дастъ, никогда и не будетъ, но „партійное правительство" уже выступило на сцену и дѣйствуетъ совершенно такъ, какъ если-бъ у насъ уже была конституція.

Графъ Витте нисколько не скрываетъ, что онъ стоитъ во главѣ той партіи, которая ведетъ у насъ такъ-называемое „освободительное движе-

ніе". Не только его рѣчи, но и его дѣйствія доказываютъ его полную солидарность съ тѣми партіями „центра", которыя либо совсѣмъ хотятъ отмѣнить Самодержавіе Русскихъ Царей, либо сохранить его въ „ограниченномъ" видѣ, какъ простое „титулованіе", для отвода глазъ „мужикамъ".

Но, идя рука объ руку съ этими „освободительными партіями", графъ Витте вынужденъ исполнять ихъ требованія, дабы заручиться ихъ благорасположеніемъ.

Таково уже неизбѣжное положеніе „партійнаго правительства", которое находится въ полной зависимости не отъ Государя, а отъ вожаковъ „своей" партіи. Если эти вожаки, въ пылу партійной борьбы, не знаютъ, какъ справиться съ противникомъ, состоящимъ на государственной службѣ, они предъявляютъ свои требованія соотвѣтствующему министру, и онъ, безъ дальнѣйшихъ разсужденій, приноситъ имъ въ жертву этого человѣка, какъ бы ни были велики его заслуги, какъ бы безпорочна ни была его служба.

Такъ именно и поступаетъ „объединенное" правительство графа Витте. Мы знаемъ, напримѣръ, такіе факты:

Изъ провинціи вызывается администраторъ въ Петербургъ „по дѣламъ службы". Онъ является къ министру, а тотъ хладнокровно ему говоритъ:

— Подавайте въ отставку.

— За что? Почему?

— Такъ надо.

— Въ чемъ же моя вина?

— Ни въ чемъ.

— Вы лично мною недовольны?

— Нѣтъ, я ровно ничего противъ васъ не имѣю.

— Такъ за что же вы меня гоните?

— Этого отъ насъ требуютъ вожди освободительнаго движенія, и намъ слишкомъ дорого ихъ сочувствіе, чтобы мы могли отказать въ ихъ требованіи.

— Но это требованіе несправедливо!

— Что же дѣлать! Мы должны принести васъ въ жертву; иначе они лишатъ насъ своего довѣрія.

И такіе діалоги происходятъ нынѣ въ Петербургѣ, который никогда еще не видалъ такого бюрократическаго цинизма.

Если ужъ теперь честные люди приносятся въ жертву „либеральнымъ" авантюристамъ, то что же будетъ тогда, когда исполнились бы мечтанія этихъ господъ, и въ Россіи дѣйствительно воцарилась бы конституція! Тогда жертвы, приносимыя Правительствомъ революціонной гидрѣ, считались бы цѣлыми гекатомбами!

Но, Богъ дастъ, этого ужаса не будетъ!

„Объединенный" кабинетъ графа Витте уже распадается. Даже самые преданные, самые смѣлые его приспѣшники покидаютъ его корабль, видя его ненадежность. Послѣ г. Кутлера ушелъ г. Тимирязевъ. Богъ дастъ, уйдутъ и графъ И. И. Толстой съ г. Герасимовымъ...

Но о такомъ счастьѣ для Россіи пока еще можно только мечтать. Вѣдь это было бы начало спасенія нашей несчастной школы, которую въ конецъ загубило наше „партійное“ Правительство! А нашей школѣ, повидимому, предстоятъ еще многія мытарства...

„Аграрный вопросъ“ *).

„Аграрный вопросъ! Русскій аграрный вопросъ! Совершенно новый, небывалый, неразрѣшимый вопросъ! Вопросъ, который нужно немедленно разрѣшить! Если мы его *сейчасъ* не разрѣшимъ, то все у насъ погибнетъ!“

Такіе лихорадочные возгласы можно теперь слышать на каждомъ шагу,—и исходятъ они изъ среды самыхъ разнообразныхъ и даже противоположныхъ партій.

Лихорадочность эта вполнѣ естественна въ виду приближенія всѣми ожидаемыхъ весеннихъ „аграрныхъ безпорядковъ“: но, вмѣстѣ съ тѣмъ, та же лихорадочность мѣшаетъ трезвой и ясной оцѣнкѣ даннаго вопроса.

И прежде всего—тутъ не *одинъ*, а *два* совершенно различные вопроса, которыхъ многіе намѣренно или безсознательно не различаютъ.

Есть „вопросъ аграрный“ постоянный, вѣчный, который существовалъ съ тѣхъ поръ, какъ образовались на земномъ шарѣ осѣдлыя поселенія людей, и который будетъ существовать до тѣхъ поръ, пока будутъ существовать эти поселенія.

И есть *такъ-называемый* „аграрный вопросъ“, который въ сущности есть вопросъ чисто-*революціонный*, который возникъ въ Россіи лишь годъ тому назадъ, одновременно съ возникновеніемъ революціи въ Россіи, и который завтра же можетъ исчезнуть вмѣстѣ съ подавленіемъ *этой революціи*.

Смѣшеніе этихъ двухъ вопросовъ и вызываетъ представленіе, будто бы мы имѣетъ теперь дѣло съ какимъ-то особымъ, спеціально-русскимъ „аграрнымъ вопросомъ“, никогда еще не существовавшимъ въ исторіи человѣчества, и который нужно немедленно же разрѣшить въ 24 часа „для предупрежденія весеннихъ аграрныхъ безпорядковъ“.

Остановимся на этомъ коренномъ заблужденіи, и постараемся разъяснить сущность того явленія, которое у насъ называютъ „аграрнымъ вопросомъ“.

И прежде всего мы должны выразить наше крайнее изумленіе, что наши писатели и дѣятели, наиболѣе горячо относящіеся къ этому вопросу, повидимому, искренно вѣрятъ, что это спеціально-русскій вопросъ, а потому совершенно игнорируютъ не только его вѣчное, совершенно естественное, даже *космическое*, если можно такъ выразиться, значеніе въ исторіи человѣчества,—но также и современныя его формы въ остальныхъ культурныхъ государствахъ, покрывающихъ собой нашъ земной шаръ. А между тѣмъ лишь внимательное изученіе этихъ формъ даетъ намъ ясное представленіе о томъ *естественномъ* видѣ аграрнаго вопроса, въ которомъ онъ

*) Рѣчь, произнесенная на Всероссійскомъ Съѣздѣ Русскаго Собранія въ Петербургѣ.

является у насъ въ Россіи, и о тѣхъ *противоестественныхъ* наростахъ, которыми онъ у насъ въ настоящее время такъ искаженъ и затемненъ.

Вездѣ, гдѣ основывается осѣдлое человѣческое поселеніе съ опредѣленными территоріальными границами, черезъ извѣстный періодъ времени является, вслѣдствіе естественнаго прироста населенія, „*малоземеліе*". То же самое явленіе наблюдается и въ тѣхъ союзахъ поселеній, которые именуются государствами. Образуются классы малоземельнаго, а затѣмъ и безземельнаго населенія, вліяющіе различнымъ образомъ на экономическія и политическія условія всего государства. Возникаетъ „аграрный вопросъ", настойчиво требующій своего рѣшенія.

Существовали и могутъ существовать лишь *четыре* способа рѣшенія этого вопроса, когда бы и гдѣ бы онъ ни возникалъ; изъ нихъ *одинъ* способъ *преступный*; остальные *три—законные*.

Преступный способъ основанъ на грабительскомъ захватномъ правѣ и выражается въ разбойничьемъ хищеніи земли у крупныхъ собственниковъ въ пользу малоимущаго, или неимущаго класса населенія. Подъ какимъ бы видомъ это хищеніе ни совершалось,—подъ видомъ ли случайнаго вооруженнаго разбоя, или подъ прикрытіемъ лженаучныхъ соціалистическихъ доктринъ,—такое рѣшеніе остается одинаково *преступнымъ*, такъ какъ нарушаетъ незыблемость правъ собственности, являющуюся безспорною аксіомой и необходимымъ условіемъ для существованія, развитія и преуспѣванія государства вообще и для обезпеченія законной свободы его гражданъ.

Что касается *законныхъ* рѣшеній аграрнаго вопроса, то *два* изъ нихъ имѣютъ индивидуальный характеръ, а *третій*—характеръ общій, массовый.

Землевладѣлецъ, не удовлетворяющійся своимъ клочкомъ земли, можетъ *либо* возвысить его доходность интенсивнымъ *улучшеніемъ* его культуры, *либо* увеличить его *покупкой* новаго куска земли, по добровольному соглашенію съ другимъ землевладѣльцемъ. Государство можетъ участвовать въ этихъ двухъ земельныхъ способахъ рѣшенія аграрнаго вопроса денежными ссудами какъ для улучшенія существующей земельной собственности, такъ и для пріобрѣтенія новой. Таковы два вида законнаго *индивидуальнаго* рѣшенія аграрнаго вопроса.

Что касается третьяго, законнаго, *массоваго* вида рѣшенія аграрнаго вопроса, то оно замѣчается въ *переселеніи* и *разселеніи* малоимущихъ землевладѣльцевъ въ новыя свободныя мѣста. И пока на земномъ шарѣ еще будутъ существовать такія мѣста,—этотъ способъ рѣшенія „аграрнаго вопроса" будетъ самымъ простымъ и естественнымъ.

Мы знаемъ изъ исторіи, что переселенія людей вслѣдствіе малоземелія совершались и совершаются при трехъ различныхъ условіяхъ:

1) Переселенцы основываютъ новыя *самостоятельныя* колоніи, находящіяся въ болѣе или менѣе тѣсной политической связи со своею метрополіей. Таковы древне-греческія и современныя англійскія колоніи.

2) Переселенцы вступаютъ *въ составъ другихъ государствъ* и сохраняютъ лишь большую или меньшую *нравственную* связь со своею метро-

поліей. Къ этой категоріи принадлежатъ нѣмцы въ Америкѣ и Россіи, итальянцы и славяне въ Америкѣ и т. п.

3) Переселенцы переходятъ въ малонаселенныя провинціи *своего* собственнаго *государства*, не порывая ни политическихъ, ни нравственныхъ связей со своими согражданами. Примѣромъ могутъ служить французы въ Алжирѣ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что этотъ послѣдній типъ переселенія—наиболѣе естественный и наиболѣе желательный для метрополіи, которая *не теряетъ*, какъ во второмъ типѣ, прироста своего населенія и *не рискуетъ* его потерять, какъ это можетъ случиться и часто случалось въ первомъ типѣ.

Но западно-европейскія государства, даже если и имѣютъ свои собственныя колоніи, находятся всѣ безъ исключенія въ чрезвычайно невыгодныхъ по отношенію къ нимъ условіяхъ: всѣ эти колоніи—*заморскія* и лежатъ въ болѣе или менѣе дальнемъ разстояніи отъ своей метрополіи.

Одна Россія можетъ умѣстить приростъ своего населенія въ границахъ своей собственной нераздѣльной территоріи, *въ одной межѣ*, благодаря громадному обилію своихъ еще *свободныхъ* земель. Этимъ она обязана своимъ великимъ Государямъ-Собирателямъ и самоотверженнымъ усиліямъ коренного Русскаго Народа, создавшимъ, подъ благословеніемъ Божіимъ, необъятную Русскую Имперію.

И вотъ, совершенно естественнымъ образомъ,—задолго до переселенческихъ заботъ Правительства,—Русскій народъ отправлялъ излишекъ своего населенія въ наши еще свободныя восточныя окраины, не помышляя о какомъ-либо иномъ рѣшеніи „аграрнаго вопроса".

Когда у насъ явился Крестьянскій Банкъ, народъ сталъ рѣшать этотъ вопросъ старымъ законнымъ способомъ — покупкой новыхъ земель по сосѣдству, безъ переселенія, но иногда съ разселеніемъ. О *первомъ* же законномъ способѣ,—*объ улучшеніи* своего сельскаго хозяйства,—онъ мало думалъ, имѣя широкую возможность выходить изъ нужды малоземелья вторымъ и третьимъ законными путями. Что же касается до *преступнаго* пути, до пути грабительскаго захвата чужой собственности,—то этотъ путь даже и на умъ Русскаго крестьянина не приходилъ, развѣ только какъ тяжкое грѣховное преступленіе.

И вдругъ у насъ все перемѣнилось!

Какъ только у кормила нашего Государства сталъ убѣжденный, ярый соціалистъ, въ лицѣ графа Витте,—всѣ три *законные, естественные* способы рѣшенія аграрнаго вопроса были выброшены за бортъ, и всюду у насъ сталъ проповѣдываться *преступный*, *противоестественный* способъ рѣшенія этого вопроса—способъ грабительскій, прикрытый всею ложью соціалистическаго ученія. Во всѣ села и деревни Россіи полетѣли эмиссары соціализма, убѣждавшіе крестьянъ *не* переселяться, *не* разселяться, не улучшать обработки своей земли, *не* покупать помѣщичьихъ земель, а разбойнически захватывать ихъ въ свои руки, такъ какъ де самъ Царь это приказалъ!

Одновременно графъ Витте засадилъ своего близкаго друга и единомышленника г. Кутлера за работу, приказавъ ему выработать законъ, подъ

которымъ дѣйствительно должна была стоять подпись Государя,—законъ, отмѣняющій незыблемость права частной собственности! Графъ Витте *зналъ*, что г. Кутлеръ всегда стоялъ за это преступное разрѣшеніе аграрнаго вопроса: поэтому онъ и выбралъ его, какъ наилучшаго выразителя своихъ соціалистическихъ убѣжденій.

Вотъ гдѣ причина возникновенія у насъ „аграрнаго вопроса" въ его настоящемъ, безобразномъ, *чисто-революціонномъ* видѣ.

Наши крестьяне сбиты съ толку какъ грабительскою пропагандой снизу, такъ и слухами о такихъ же грабительскихъ законахъ сверху, и уже приступили къ осуществленію этихъ законовъ посредствомъ разбойнически-„аграрныхъ" погромовъ. Землевладѣльцы терроризованы этими погромами и, въ лихорадочномъ волненіи, ищутъ мгновеннаго разрѣшенія „аграрнаго вопроса" для предотвращенія весеннихъ „аграрныхъ безпорядковъ"; всѣ спутались, потеряли голову и не знаютъ, что имъ дѣлать... Всѣ,—кромѣ, конечно, графа Витте...

Господа землевладѣльцы, помните, что у насъ *два* аграрные вопроса, и, ради Бога, не спутывайте ихъ: вопросъ *случайный, чисто-революціонный*, и вопросъ *вѣчный, космическій*.

Разрѣшеніе этого *послѣдняго* вопроса зависитъ и отъ васъ, и отъ Правительства. А разрѣшеніе *перваго* вопроса,—вопроса революціоннаго, вопроса о предотвращеніи весеннихъ погромовъ, *совершенно отъ васъ не зависитъ;* онъ исключительно находится въ рукахъ Правительства, и, въ данномъ случаѣ, въ рукахъ министра Внутреннихъ Дѣлъ: если ему дадутъ средства подавить до весны революцію,—весеннихъ аграрныхъ погромовъ *не будетъ;* а если ему этихъ средствъ не дадутъ, то погромы эти *неизбѣжны*, и всѣ ваши усилія не предотвратятъ ихъ!

Вотъ, если революція будетъ подавлена, если навязанный намъ сверху и снизу *преступный грабительскій* видъ рѣшенія аграрнаго вопроса окончательно будетъ изгнанъ изъ Россіи, *какъ онъ изгнанъ изъ всѣхъ культурныхъ государствъ, свято чтущихъ незыблемость частнаго права собственности, какъ основную государственно-общественную аксіому*,—тогда приходите къ Правительству, только не къ графу Витте,—съ серіозно-обдуманными проектами *законнаго* рѣшенія аграрнаго вопроса; но знайте, что и здѣсь вы ничего *новаго* выдумать не можете, а что вѣчно будете повторять *единственные три вида* космическаго рѣшенія этого вопроса: 1) улучшеніе сельскаго хозяйства, 2) сельскій крупный и мелкій кредитъ, и, въ особенности, 3) переселеніе и разселеніе.

Новаго и *очень много полезнаго* вы можете сказать лишь въ детальной разработкѣ этихъ трехъ вѣковѣчныхъ типовъ рѣшенія аграрнаго вопроса.

Если же вы подъ аграрнымъ вопросомъ будете разумѣть чисто-революціонное движеніе, если вы хотите предотвратить весенніе погромы, то обратитесь по этому вопросу исключительно къ министру Внутреннихъ Дѣлъ или, если хотите, къ Государю, хотя въ доброй волѣ Государя вы сомнѣваться не можете, такъ какъ Онъ, движимый Своимъ любвеобильнымъ и справедливымъ сердцемъ, за послѣднее время неоднократно под-

тверждалъ и крестьянскимъ, и дворянскимъ депутаціямъ незыблемость права частной собственности.

Но, конечно, если Государь будетъ съ высоты Престола ясно высказывать Свою твердую Волю, а графъ Витте со своими единомышленниками будетъ вырабатывать законы, идущіе наперекоръ этой Волѣ,—то у насъ не только аграрный вопросъ, но и всѣ прочіе жизненные вопросы въ Россіи будутъ постоянно рѣшаться въ революціонномъ духѣ.

Гдѣ же тутъ выходъ?

Онъ для всѣхъ совершенно ясенъ.

Небывалый фактъ.

Исторія представляетъ намъ не мало примѣровъ явной измѣны какого-либо правителя своему государю и своей родинѣ,—измѣны, вызывавшей для всей страны болѣе или менѣе тяжкія послѣдствія.

Но исторія не знаетъ примѣра, чтобъ уличенный и смѣщенный съ своего поста измѣнникъ былъ немедленно замѣненъ другимъ правителемъ, въ точности продолжавшимъ идти по предательскимъ стопамъ своего предшественника.

Но все то, чего никогда не бывало въ исторіи, все это вполнѣ возможно въ сферѣ дѣятельности графа Витте. Онъ совершаетъ величайшія ошибки съ гордымъ видомъ тонкаго спеціалиста—и затѣмъ наивно удивляется, что эти ошибки приводятъ не къ благимъ, а къ самымъ пагубнымъ результатамъ.

Перечислять всѣ его ошибки не хватило бы у насъ времени. Сегодня мы остановимся только на Финляндіи, гдѣ именно и совершился тотъ небывалый фактъ, о которомъ мы говорили выше.

Въ октябрѣ 1905 года,—въ связи съ революціей, вспыхнувшею послѣ 17 октября въ Россіи,—Финляндія, благодаря измѣнѣ князя Ивана Оболенскаго, совершила свою пресловутую „безкровную“ революцію, которою такъ восторгаются наши крамольники, ожидавшіе, очевидно, что, напримѣръ, и въ Москвѣ адмиралъ Дубасовъ такъ же позорно отдастся въ плѣнъ крамольникамъ, какъ сдѣлалъ это князь Оболенскій въ Гельсингфорсѣ.

Фактъ измѣны былъ налицо; Финляндія самовольно разорвала ту связь съ Россіей, которая была установлена за послѣдніе годы Высочайшею Волей, и стала готовиться къ полному отложенію отъ Русской Имперіи.

Ущербъ, нанесенный Россіи измѣной князя Оболенскаго, былъ громаденъ: злѣйшіе враги Россіи приступили немедленно къ организаціи обширнаго вооруженнаго возстанія, которое весной охватитъ всю Финляндію, съ цѣлью полнаго разрыва съ Россіей. На это возстаніе, главнымъ образомъ, разсчитываютъ и наши внутренніе крамольники для осуществленія своихъ преступныхъ цѣлей.

Итакъ, мы еще разъ повторяемъ: фактъ измѣны, совершенной въ Гельсингфорсѣ, былъ налицо; ударъ, нанесенный имъ Россіи, былъ ужасенъ:

требовалось немедленно предотвратить послѣдствія допущенной измѣны и остановить въ корнѣ грозную финляндскую революцію.

Намѣченъ былъ для этого важнаго и рѣшительнаго дѣла генералъ Субботичъ, который, конечно, положилъ бы конецъ этому злому дѣлу, начатому подъ покровительствомъ князя Оболенскаго.

Но какъ же тогда? Въ Финляндіи не была бы возможна революція? Значитъ,—ее нельзя было бы устроить и въ центральной Россіи? Вѣдь тогда пали бы всѣ надежды крамольниковъ, стоящихъ во главѣ „освободительнаго движенія"! А вѣдь это отразилось бы уничтожающимъ образомъ и на Польскомъ, и на Кавказскомъ, и на Сибирскомъ революціонномъ движеніи!

Этого никакъ нельзя было допустить! Необходимо было найти человѣка, который не прекратилъ бы предательскаго дѣла князя Оболенскаго, а *продолжалъ бы*, и *довелъ бы его до желательнаго всѣмъ крамольникамъ конца*.

По настояніямъ графа Витте, кандидатура генерала Субботича была устранена, и въ Финляндію былъ посланъ въ качествѣ генералъ-губернатора г. Герардъ... И онъ, дѣйствительно, еще превзошелъ князя Оболенскаго въ своей уступчивости финляндскимъ крамольникамъ и проявилъ такую ненависть ко всѣмъ Русскимъ въ Финляндіи, на какую не способенъ былъ даже и князь Оболенскій.

Теперь крамольники могутъ быть покойны. Въ Финляндіи все пойдетъ, какъ по маслу. Какъ только наступитъ весна, Финляндское возстаніе вспыхнетъ въ полномъ блескѣ,—а въ петербургскихъ газетахъ уже перечисляются всѣ шансы, которые Финляндцы имѣютъ не только для того, чтобы совершенно отторгнуться отъ Россіи, но и для того, чтобы захватить Петербургъ, въ подмогу своимъ русскимъ товарищамъ по „освободительному движенію".

Мы всѣ еще помнимъ, какую сенсацію произвело во всей Россіи обнаруженіе тайнаго подвоза оружія изъ Англіи въ финляндскія шхеры во время позорнаго управленія краемъ князя Оболенскаго. Теперь,—при еще болѣе постыдномъ управленіи г. Герарда,—оружіе и динамитъ подвозятся изъ-за границы для финляндскихъ мятежниковъ уже совершенно явно и безпрепятственно, а въ самой Финляндіи организуется вооруженная милиція, такъ-называемая „красная гвардія", на глазахъ самого г. Герарда, который все это находитъ вполнѣ нормальнымъ и цѣлесообразнымъ!

Если графъ Витте такъ слѣпъ, что „не предвидѣлъ" октябрьскаго возстанія въ Россіи и на ея Финляндской окраинѣ,—то теперь онъ уже не будетъ имѣть возможности сказать, что будущее весеннее возстаніе „застало его врасплохъ".

Если онъ самъ не видитъ, или *не хочетъ* видѣть, что̀ готовится въ Финляндіи,—то весь Русскій народъ, узнавъ изъ *честной* русской печати о томъ, что̀ тамъ творится, громко требуетъ отъ него прекращенія этой слишкомъ опасной игры, которая въ результатѣ потребуетъ новыхъ потоковъ русской крови, а ея и безъ того уже достаточно пролито, благодаря экспериментамъ „объединеннаго кабинета".

Первая побѣда *).

Столько теперь приходится слышать грустнаго и тяжелаго, что, если случится какая радость, она кажется намъ двойною радостью.

Такою двойною радостью является наша первая побѣда.

Какая побѣда? Кого мы побѣдили?

А вотъ послушайте.

Враги Царя и Русскаго Народа давно уже рѣшили между собою, что нужно, во что бы то ни стало, уничтожить Царское Самодержавіе на Руси, чтобъ нами правилъ не Царь нашъ, Помазанникъ Божій, а разные властолюбивые люди, чуждые намъ по вѣрѣ и крови.

А мы говорили, что этому не быть, и что Русскій народъ никогда не согласится жить безъ Царя Самодержавнаго.

И вотъ появился Царскій Манифестъ 17 октября. Враги наши обезумѣли отъ радости и начали кричать, что послѣ этого-де Манифеста никакого уже Самодержавія въ Россіи нѣтъ! Съ красными флагами ходили они по улицамъ, кричали „долой Самодержавіе“, а затѣмъ стали кричать: „долой Царя“!

Мы съ этимъ возмутительнымъ безобразіемъ никакъ помириться не могли.

— Не правда! говорили мы:—Царь нашъ какъ былъ, такъ и остался Самодержцемъ Всероссійскимъ, и мы вамъ не дадимъ глумиться надъ Нимъ, нашимъ Батюшкой.

Но они не унимались и начали оскорблять и бить насъ! А когда мы отвѣтили имъ тѣмъ же,—правительственныя лица стали на ихъ сторону, а не на нашу, и нещадно преслѣдовали насъ, говоря, что они, враги наши, правы, а мы виноваты, такъ какъ, видите ли, Царь нашъ, дѣйствительно, отрекся отъ Самодержавія! А если какой губернаторъ становился на нашу сторону, памятуя свой долгъ и свою присягу, то его предавали за то суду: „Какъ смѣлъ ты защищать Русскій Народъ, поднявшійся за своего Царя и Его Самодержавіе? Самодержавія уже нѣтъ на Руси и никогда не будетъ“!

Мы остановились и растерялись. Кого ни спросимъ,—всѣ намъ говорятъ: „Нѣтъ больше Самодержавія“! Ходили депутаціи даже къ самому графу Витте, и тотъ то же самое говорилъ: „Самодержавія больше нѣтъ, оно пока еще написано на бумагѣ, а скоро и этой бумаги не будетъ“.

Остолбенѣли мы, ушамъ своимъ не вѣрили. Какъ же такъ? Цѣлые вѣка Русская Земля строилась и держалась Царскимъ Самодержавіемъ,—и вдругъ, по какому-то щучьему велѣнію, Самодержавіе куда-то провалилось? Нѣтъ, тутъ что-нибудь не такъ!

И вотъ стали мы сходиться и сговариваться. „Люди добрые, опомнитесь! Возможное ли это дѣло, чтобъ у насъ Царя Самодержавнаго не было? Тутъ кроется какой-нибудь обманъ. Смотрите, кто это кричитъ: „долой Са-

*) Рѣчь, произнесенная на собраніи Союза Русскаго Народа въ Петербургѣ.

модержавіе“! Нехристи, бездѣльники, да съ толку сбитые рабочіе, студенты да курсистки. Нѣтъ, это не Русскій Народъ, и мы имъ вѣрить не можемъ. Они кричатъ вздоръ, а мы ихъ перекричимъ правдой. А ну-ка, давайте-ка попробуемъ! Будемте твердить имъ въ отвѣтъ: „Да здравствуетъ Самодержавіе“!

Такъ говорили Русскіе люди и въ городахъ, и въ селахъ, и положили они отвоевать своему Царю ту крѣпость, которую захватили его враги,— крѣпость Самодержавія.

Послышались сперва глухіе, еще не совсѣмъ смѣлые клики, но быстро они стали усиливаться, расти, оглашать своею мощью всю Россію и, наконецъ, превратились въ неудержимый, бурный, несмолкаемый порывъ народной стихіи. „Самодержавіе, **Самодержавіе,** САМОДЕРЖАВІЕ, **САМОДЕРЖАВІЕ** *)!

Тутъ уже остолбенѣли не мы, а враги наши. Затѣмъ они опомнились.

— Не правда, кричали они:—нѣтъ больше Самодержавія. Замолчите! Вы идете противъ Царя: Онъ Самъ отрекся отъ Самодержавія!

А мы, вся Россія, оглушали ихъ единымъ крикомъ: „Самодержавіе, Самодержавіе“!

Какъ тутъ быть? Они посовѣтовались между собой, сбѣгали за совѣтомъ къ графу Витте и поняли, что имъ не устоять противъ всего Русскаго Народа, идущаго приступомъ на крѣпость Самодержавія, чтобы вернуть ее своему Царю.

И вотъ они, со скрежетомъ зубовнымъ, уступили Русскимъ людямъ, вѣрнымъ слугамъ Царскимъ, и крикнули имъ:

— Ну, такъ и быть! Пусть будетъ по-вашему, пусть останется Царское Самодержавіе!

А графъ Витте сказалъ:

— Да я, ей Богу, всегда и прежде стоялъ за Царское Самодержавіе! Съ чего вы это взяли, что я противъ него? Я первый среди васъ буду кричать: „Самодержавіе! Самодержавіе“!

Вотъ наша первая, великая побѣда!

Мы взяли первую крѣпость, первый оплотъ нашихъ враговъ. Вы видите, какова мощь единодушнаго Русскаго Народа!

Но за *первою* побѣдой должна послѣдовать *вторая*.

Дѣло въ томъ, что враги наши, присоединившись къ нашему искреннему единодушному клику „Самодержавіе“, хотѣли этимъ обмануть насъ.

— Да, говорятъ они,—мы тоже стоимъ за Самодержавіе, но Самодержавіе „ограниченное“. Пусть, такъ и быть, если вамъ это такъ ужъ хочется, Царь нашъ называется „для проформы“ Самодержавнымъ, а на самомъ дѣлѣ мы Его Самодержавіе ограничимъ. Мы подрѣжемъ крылья Русскому Двуглавому Орлу, мы свяжемъ ему ноги и посадимъ его въ клѣтку, а къ клѣткѣ пришпилимъ вывѣску и на ней напишемъ „Самодержавіе“. Вотъ ваше желаніе и будетъ исполнено.

---

*) Десятитысячная масса слушателей подхватила этотъ возгласъ и повторяла его съ возрастающимъ восторгомъ.

Какъ? Они думаютъ, что мы не разглядимъ этого обмана? За кого же они насъ принимаютъ?

Нѣтъ, голубчики, мы васъ насквозь видимъ! Мы снова пойдемъ на приступъ, чтобы взять *вторую* крѣпость—*Неограниченность* Царской Власти, *свободу* Царской Воли!

Царь намъ далъ свободу. Такъ неужели же мы не обязаны ограждать *Его* свободу?

Поднимемъ же новый кличъ, и будемъ требовать: „Свободы Царю, Свободы Царю, Неограниченной Ему Свободы“.

И мы до тѣхъ поръ не умолкнемъ, пока не одержимъ второй побѣды, пока не возьмемъ второй крѣпости.

И, повѣрьте, эта побѣда будетъ легче первой. Когда враги наши кричали „долой Самодержавіе“!—они говорили то, чего дѣйствительно желали: они не лгали. А теперь, когда они вмѣстѣ съ нами кричатъ „да здравствуетъ Самодержавіе“—они *лгутъ*: они подсовываютъ намъ фальшивое Самодержавіе, какъ шулера съ тонкимъ, подлымъ искусствомъ подсовываютъ краплепую карту. А гдѣ тонко, тамъ и рвется.

Итакъ, впередъ, на новый приступъ! Освободимъ Двуглаваго Орла, расправимъ ему крылья, возвратимъ ему свободу величаваго полета! Отнынѣ неустанно мы будемъ возглашать наши требованія:

„Свободу Царю, Свободу Царю, Неограниченную Ему Свободу“!

Тамбовскій губернаторъ.

Мы только-что получили изъ Козлова слѣдующее письмо:

„Новый губернаторъ Янушевичъ систематически разрушаетъ все то, что у насъ въ Тамбовской губерніи было создано упорнымъ трехлѣтнимъ трудомъ его предшественника, генерала фонъ-деръ-Лауница. Открыто выказывая свою приверженность къ „„конституціонно-демократической партіи““, г. Янушевичъ вызываетъ своими словами и дѣйствіями полное одобреніе со стороны этой партіи: онъ порицаетъ и отмѣняетъ распоряженія своего предшественника, считаетъ излишнимъ сообразоваться съ циркулярами Министра Внутреннихъ Дѣлъ и руководствуется инструкціями, которыя де онъ лично получилъ отъ графа Витте. Всѣ Русскіе люди въ Тамбовѣ въ полномъ унывіи, предвидя, что въ Тамбовѣ повторятся тѣ же революціонныя безобразія, которыя имѣли мѣсто въ Уфѣ при такомъ же польскомъ губернаторѣ—Цѣхановецкомъ“.

Другой корреспондентъ изъ самаго Тамбова намъ пишетъ:

„У насъ теперь громко и открыто ликуютъ Поляки и Евреи. Они не нахвалятся губернаторомъ Янушевичемъ. Онъ родомъ Полякъ, но мать его Еврейка, и самъ онъ женатъ на Еврейкѣ. Онъ выписалъ къ себѣ брата своей жены, богатаго Еврея Папентреффа, который играетъ теперь въ Тамбовѣ видную роль при введеніи „„новаго конституціонно-демократическаго режима““, долженствующаго замѣнить собой *русскій* режимъ, введенный въ Тамбовскую губернію генераломъ фонъ-деръ-Лауницемъ. Еврей Папентреффъ является теперь у насъ въ роли *grand faiseur*'а. Все дѣлается

чрезъ него, какъ чрезъ ловкаго маклера. Революціонная пропаганда снова подняла свою голову, и можно опасаться грозныхъ послѣдствій".

Наконецъ изъ Кишинева мы получили письмо отъ Бессарабскаго дворянина, лично знающаго г. Янушевича и все его прошлое. Извлекаемъ изъ этого письма лишь слѣдующія строки:

„Всѣ истинно-Русскіе дворяне нашей губерніи были крайне изумлены назначеніемъ поляка Янушевича, который и по русски-то говоритъ съ польско-еврейскимъ акцентомъ, на столь видный постъ губернатора въ чисто-русскую дворянскую губернію. Мы, конечно, догадываемся, чьему вліянію г. Янушевичъ обязанъ своимъ внезапнымъ повышеніемъ, и, если хотите, я могу вамъ подробно, съ цифрами въ рукахъ, разсказать всю исторію этого назначенія. Говорятъ, что панъ Янушевичъ разстался даже со своимъ Бессарабскимъ имѣніемъ, твердо увѣренный въ престоящей ему быстрой и высокой административной карьерѣ. Въ денежныхъ для сего средствахъ онъ, во всякомъ случаѣ, нуждаться не будетъ, такъ какъ онъ женился на богатой Еврейкѣ Папентреффъ. Но насъ, здѣшнихъ дворянъ, всего болѣе изумляетъ, что губернаторомъ могъ быть назначенъ человѣкъ, имя котораго всѣмъ намъ здѣсь въ Кишиневѣ извѣстно въ связи съ разными инцидентами, о которыхъ я составилъ особую записку, намѣреваясь предоставить ее вамъ въ полное ваше распоряженіе. Если хотите, вы можете справиться о г. Янушевичѣ у нашихъ дворянъ (кромѣ, конечно, единомышленниковъ его, гг. Крупенскихъ), и всѣ они не разойдутся въ оцѣнкѣ теперешняго Тамбовскаго губернатора".

Мы получили еще и другія письма такого же содержанія, изъ Тамбова и изъ Кишинева; но довольно и этихъ трехъ, чтобы составить себѣ понятіе о г. Янушевичѣ и о полной неумѣстности его въ Тамбовѣ на посту губернатора.

Во время всероссійской смуты, вызванной Манифестомъ 17 октября, Тамбовская губернія представляла собой какъ бы оазисъ тишины, спокойствія и законнаго порядка. Правда, и въ ней Поляки и Евреи,—эти природные мятежники,—подговорили легковѣрныхъ Русскихъ людей къ возстанію противъ Царя,—какъ, напримѣръ, въ Козловѣ,—но быстрыми, разумными и энергическими мѣрами попытки эти были подавлены, прежде чѣмъ онѣ успѣли разростись до открытаго вооруженнаго мятежа. Этимъ Тамбовскій край обязанъ какъ самому губернатору, генералу Лауницу, такъ и вице-губернатору Н. Е. Богдановичу, поплатившемуся жизнью за свою неизмѣнную вѣрность долгу и присягѣ. А какъ только спокойствіе было возстановлено, Тамбовъ снова получилъ возможность жить среди законныхъ условій мира и порядка.

Но вотъ, въ концѣ декабря истекшаго года, Тамбовцевъ, какъ громомъ, поразила вѣсть о томъ, что столь пришедшійся имъ по душѣ губернаторъ Лауницъ покидаетъ Тамбовъ, чтобы занять постъ Петербургскаго градоначальника. „Лучшаго губернатора у насъ не будетъ", говорили Тамбовцы, и проводили генерала Лауница съ искреннимъ сожалѣніемъ и съ сердечною тревогой въ ожиданіи неизвѣстнаго его замѣстителя.

Но никогда тамбовцамъ и въ голову не могло придти, что у нихъ явится новымъ губернаторомъ Полякъ, у котораго и мать и жена Еврейки, который систематически будетъ разстраивать всѣ благія начинанія своего предшественника и будетъ править на горе Русскимъ, но на радость Полякамъ и Евреямъ!

Въ Тамбовѣ нынѣ продѣлывается въ болѣе тѣсныхъ размѣрахъ то, что на нашей Финляндской окраинѣ съ такимъ успѣхомъ продѣлалъ князь Иванъ Оболенскій, систематически разстроившій все, что съ такимъ неимовѣрнымъ трудомъ и терпѣніемъ создано было Н. И. Бобриковымъ и его вѣрными соратниками. Въ виду этого, едва ли кто-нибудь удивится, если Тамбовъ превратится теперь въ такое же гнѣздо крамолы, въ какое превратилась Уфа, когда она такъ же внезапно перешла изъ твердыхъ русскихъ рукъ генерала Соколовскаго въ измѣнническія руки Поляка Цѣхановецкаго!

Да не будетъ этого!

Въ Россіи, слава Богу, нынѣ постепенно повсюду возстановляется законный порядокъ. Да не минуетъ это возстановленіе и нашей коренной русской Тамбовской губерніи!

Историческое значеніе всероссійскаго съѣзда Русскаго Собранія.

Всероссійскій Съѣздъ Монархическихъ партій, устроенный Русскимъ Собраніемъ въ Петербургѣ и засѣдавшій съ 8 по 12 февраля 1906 года, явился въ Россіи первымъ опытомъ Всероссійскаго Собора истинно-Русскихъ людей, и опытъ этотъ блестяще удался.

Въ чемъ же заключается эта удача?

Еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, насъ, Русскихъ людей, какъбудто и не безъ основанія упрекали въ томъ, что мы—„не умѣемъ организоваться", что мы—„всѣ сидимъ по своимъ угламъ" и „съ полною пассивностью относимся къ грозящей Россіи опасности". Намъ ставили въ примѣръ лихорадочную дѣятельность враговъ Россіи, которые де сумѣли собраться въ плотную организацію, захватить въ свои руки судъ, печать и школу, и дружнымъ натискомъ идти къ окончательному захвату Верховной Власти.

„Вы не умѣете организоваться", — говорили намъ, — „а потому ваше дѣло проиграно".

И многіе изъ насъ малодушно вѣрили въ справедливость этихъ упрековъ и дѣйствительно обрекали себя на полное бездѣйствіе.

Но тотъ, кто ближе знакомъ былъ съ „блестящею организаціей" нашихъ противниковъ и съ нашею „дезорганизаціей", не могъ, конечно, склонить голову предъ подобными упреками.

Да, говорили мы, у *нихъ* есть организація, а у *насъ* ея пока еще нѣтъ. И это весьма естественно.

Они являются революціонною оппозиціей Самодержавному Царю, а *мы*—вѣрными Ему подданными. Для всякой революціонной крамолы без-

условно нужна крѣпкая организація, а для того чтобы служить вѣрой и правдой Русскому Царю, никакой особой организаціи не требуется.

У *нихъ* организація существуетъ со временъ декабристовъ: *они* въ теченіе почти цѣлаго столѣтія усовершенствовали эту организацію, традиціонно передававшуюся революціонерамъ и 40-хъ, и 60-хъ, и 70-хъ годовъ, когда она окончательно окрѣпла и дошла до нашихъ временъ въ видѣ выработанной долголѣтнимъ опытомъ революціонной техники, всегда готовыхъ кадровъ для крамольниковъ-новобранцевъ и цѣлаго ряда главарей, искусившихся въ революціонной пропагандѣ и въ государственныхъ преступленіяхъ.

У *насъ* ничего подобнаго не могло и не должно было быть. Съ крамолой боролось Правительство, такъ какъ эта борьба являлась прямымъ *его*, а не нашимъ, долгомъ. На то и существуетъ Правительство, на то мы и платимъ ему подати, на то мы и предоставляемъ ему всѣ судебныя, административныя и военныя права, чтобъ оно давало намъ возможность свободно и мирно заниматься *своимъ* дѣломъ среди законнаго порядка. Для чего же мы стали бы создавать партійныя боевыя организаціи, если мы спокойно стояли за Правительствомъ, какъ за каменною стѣной, предоставляя ему отражать враговъ, то-есть исполнять прямую его обязанность.

Но вотъ вдругъ, 15 іюля 1904 года, стѣна эта рушилась. Крамола убила вѣрнаго стража Россіи—министра Плеве, и немедленно С. Ю. Витте и Святополкъ-Мирскій пригласили крамолу вступить, чрезъ пробитую ею широкую брешь, въ самое сердце нашей твердыни; они побратались съ „легальными“ главарями этой крамолы, съ разными Родичевыми, Петрункевичами и всевозможными евреями, объявили имъ „довѣріе“ и предоставили имъ полную свободу организовать всероссійскую революцію для сверженія Самодержавной Власти Русскаго Царя. И мы знаемъ, какъ широко и какъ нагло эти люди воспользовались данною имъ свободой!

Они немедленно пустили въ ходъ свои давно уже организованные революціонные кадры и, съ громкими криками „побѣда“, напали съ оружіемъ въ рукахъ на насъ, совершенно-безоружныхъ, разрозненныхъ, неопытныхъ, захваченныхъ врасплохъ, не видѣвшихъ ни одного вождя правительственнаго, ни одного руководителя общественнаго, высоко держащаго боевой стягъ Россіи, вокругъ котораго можно было бы намъ сплотиться.

А опасность была неимовѣрная! Ворвавшіеся въ крѣпость враги готовились уже раздирать на части и Царскія ризы, самоё Россію. Съ дерзкимъ крикомъ они требовали, чтобы мы давали дорогу ихъ „освободительному“ движенію, которое тотчасъ же приняло форму движенія кроваваго, отмѣнявшаго всѣ законы гражданскаго общежитія и подвергавшаго насилію и рабству всѣхъ честныхъ, истинно-Русскихъ, людей.

И вотъ, совершилось чудо. Подъ безпощаднымъ огнемъ окружившихъ насъ крамольниковъ, мы, неопытные, разрозненные, безоружные, вспомнили о своемъ долгѣ передъ Богомъ, Царемъ и Отечествомъ и стали собираться сперва въ небольшія кучки, сговариваться, ободряя другъ друга, создавать боевые союзы и партіи, иногда безо всякой надежды на

успѣхъ, но по неудержимому влеченію своей совѣсти и по сознанію своей отвѣтственности предъ Россіей и ея судьбой.

Русское Собраніе въ Петербургѣ преобразовалось въ бодрую политическую организацію; весной 1905 года почти одновременно возникли въ Москвѣ Союзъ Русскихъ людей и Русская Монархическая партія, а съ осени того же года во всѣхъ почти городахъ Россіи Русскіе люди воспрянули духомъ и стали либо примыкать къ вышеупомянутымъ монархическимъ организаціямъ, либо составлять свои собственные единомышленные имъ союзы и партіи.

Не прошло и нѣсколькихъ мѣсяцевъ, какъ Русское Собраніе могло кликнуть кличъ всѣмъ этимъ Русскимъ дружинамъ, зовя ихъ на всероссійскій смотръ въ главное гнѣздо захватившей власть крамолы, въ Санктъ-Петербургъ, на глаза изумленной этимъ зрѣлищемъ высшей бюрократіи, которая уже готовилась присягнуть главарямъ „побѣдоносной“ крамолы.

Всероссійскій Съѣздъ Русскаго Собранія состоялся и показалъ какъ Россіи, такъ и западнымъ государствамъ, всю мощь Русскаго народа, который, въ нѣсколько мѣсяцевъ ожесточенной борьбы съ верховною и подпольною крамолой, сумѣлъ покрыть всю Россію цѣлою сѣтью истинно-русскихъ политическихъ организацій, объединенныхъ всеобъемлющимъ ихъ союзомъ и идущихъ единымъ сердцемъ и единымъ умомъ на защиту вѣковыхъ и вѣчныхъ устоевъ Россіи.

Въ наглядной демонстраціи этого историческаго факта, призваннаго сыграть важную роль въ судьбахъ Россіи, и заключается великая заслуга Русскаго Собранія.

Какъ избавиться отъ крестьянскихъ депутатовъ?

Какъ легко было бы произвести въ Россіи революцію и провозгласить республику, если бы не эти проклятые мужики!

Они всему мѣшаютъ и всюду лѣзутъ со своимъ „Православіемъ“ и „Самодержавіемъ“! Заладили одно! Никакъ у нихъ изъ головы не выбьешь этихъ двухъ словъ!

Вотъ „черный передѣлъ“ они понимаютъ, и не только съ жадностью слушаютъ агитаторовъ въ настоящихъ и подложныхъ мундирахъ, когда они имъ читаютъ подлинные или фальшивые министерскіе циркуляры, но и охотно исполняютъ ихъ совѣты, идя на разграбленіе помѣщичьихъ имѣній. Противъ „господъ“ имъ можно говорить все, что́ угодно, а какъ только заикнешься словомъ противъ Бога или противъ Царя, они не только не хотятъ слушать это слово, но готовы сейчасъ же либо растерзать говорящаго, либо предоставить его въ руки начальству. Такой необразованный народъ!

Вѣдь сколько потрачено земствомъ денегъ, сколько употреблено усилій „третьимъ элементомъ“ на то, чтобы должнымъ образомъ „просвѣтить“ крестьянъ насчетъ Бога и Царя. Сколько напечатано и распространено среди нихъ газетъ, брошюръ, листковъ, воззваній, съ тѣмъ чтобы поколебать въ нихъ Православную Вѣру, чтобы отвратить ихъ отъ Церкви Христовой,

чтобы разрушить ихъ беззавѣтную преданность Царю, — ничто не помогаетъ: такъ упорны они въ своихъ вѣрованіяхъ.

Устроенъ былъ „Крестьянскій Съѣздъ“ въ Москвѣ, чтобы завлечь крестьянъ въ революцію противъ Царя. А настоящіе крестьяне на этотъ Съѣздъ не поѣхали! Пришлось устроить ряженый маскарадъ и подъ видомъ крестьянъ выставить разныхъ соціалистовъ, студентовъ, рабочихъ и другихъ городскихъ пролетаріевъ, которые затѣмъ разъѣхались по деревнямъ со своею пропагандой, но и тутъ опять-таки могли поднять крестьянъ только противъ „господъ“, а не противъ Бога и Царя.

А если крестьяне не пойдутъ противъ Царя, то никакая революція въ Россіи не возможна, если бы даже противъ Царя пошли всѣ „интеллигенты“ и всѣ „пролетаріи“.

А крестьяне не только не идутъ противъ Царя, но идутъ прямо къ Царю въ Его дворецъ, говорятъ Ему вѣрноподданническія рѣчи и выслушиваютъ изъ его устъ такія слова, которыя являются новыми непреодолимыми препятствіями для успѣшнаго проведенія революціи. Вѣдь такія знаменательныя слова, какъ тѣ, которыя были сказаны и Шигровцамъ о незыблемости частной земельной собственности, и Иваново-Вознесенцамъ о неограниченности Царской Самодержавной Власти, можетъ-быть, и не были бы произнесены Его Величествомъ, если бы къ нему не были допущены депутаціи изъ этихъ мѣстностей, которыя, — вмѣсто того чтобы просить Царя о новыхъ, необходимыхъ для революціи „свободахъ“, или о еще болѣе необходимой для нея „отмѣнѣ смертной казни“, — стали просить Его о сохраненіи неограниченнаго Самодержавія. Охъ, ужъ это Самодержавіе!

Развѣ можно пускать такихъ людей къ Царю? Для предотвращенія такихъ явленій и придумано было распоряженіе, чтобы „депутаціи представлялись Государю только съ вѣдома графа Витте“ *). При такомъ распоряженіи можно было быть увѣреннымъ, что графъ Витте сумѣлъ бы различить, какія депутаціи можно пускать къ Царю, и какимъ путь къ Царю долженъ быть прегражденъ. Еще на-дняхъ онъ уговаривалъ и даже умолялъ артачившихся евреевъ идти къ Царю, увѣряя ихъ, что Государь приметъ ихъ съ особою лаской. Ну, а Русскіе люди, которые захотѣли бы сказать Царю правду про графа Витте, конечно, никогда бы къ Царю допущены не были. Вотъ это именно и было бы истинное „сближеніе“ Царя съ Народомъ.

А то вотъ еще предстоящіе выборы въ Думу. Чего хорошаго можно ожидать отъ нея, если въ ней будетъ такъ много крестьянъ? Развѣ можно пускать въ одно помѣщеніе съ „интеллигентами“, евреями и армянами такую кучу „черной сотни“? Вѣдь эта „черная сотня“ и въ земскихъ собраніяхъ мѣшаетъ быстрому ходу „освободительнаго движенія“!

Неужели и въ Думѣ будетъ сплоченная дружина, которая будетъ настаивать на Православіи и Самодержавіи и заставитъ насъ краснѣть передъ Европой?

*) См. телеграмму изъ Петербурга въ № 52 *Моск. Вѣд.*—Вчера, 28 февраля, мы получили извѣстіе, что распоряженіе это, славу Богу, въ послѣдней инстанціи *не осуществилось*.

Этого никакъ допустить нельзя. Нужно постараться, чтобы въ Думу попало какъ можно меньше крестьянъ, а для этого всего лучше назначать выборы на такой день, въ который крестьяне всего менѣе будутъ имѣть возможность участвовать въ нихъ.

Такимъ днемъ сперва намѣчалось 25 марта, день Благовѣщенія, приходящійся въ текущемъ году на Вербную Субботу. Это такой двойной праздникъ, въ который крестьяне едва ли стали бы заниматься выборами въ Государственную Думу. Но консервативная печать подняла объ этомъ страшный шумъ, указавъ и на то, что какъ разъ въ концѣ марта полъ-Россіи, вслѣдствіе разлива рѣкъ, остается безъ колесныхъ путей сообщенія, и крестьяне, поэтому, въ такое время обречены на неподвижность.

Пришлось отказаться отъ Благовѣщенія и перенести выборы на слѣдующій день, 26 марта, то-есть на Вербное Воскресеніе. Это хотя и не двойной праздникъ, но крестьяне и въ этотъ день на выборы не поѣдутъ, тѣмъ болѣе, что безпутица въ этотъ день будетъ такая же, какъ и наканунѣ.

Правда, можно было опасаться, что Сѵнодъ заступится за крестьянъ, отвлекаемыхъ графомъ Витте въ такіе Святые дни отъ Божіей Церкви. Но развѣ Сѵнодъ въ настоящее время осмѣлится въ чемъ-либо прекословить графу Витте?..

Такимъ образомъ мѣра принята надлежащая для того, чтобы въ Государственной Думѣ было какъ можно меньше крестьянъ, то-есть чтобы было какъ можно меньше препятствій къ „освободительнымъ" и „учредительнымъ" работамъ Думы.

А если и придутъ какіе крестьяне въ Петербургъ въ качествѣ депутатовъ въ Государственную Думу, то для нихъ уже приготовлены особыя квартиры (конечно—„ради экономіи"). Эти квартиры, по возможности въ одномъ домѣ, будутъ находиться подъ надзоромъ вѣрныхъ представителей „освободительнаго" движенія, которые должнымъ образомъ будутъ муштровать крестьянъ въ политическомъ отношеніи.

Тогда крестьяне, попавши въ Государственную Думу, будутъ какъ слѣдуетъ обезврежены и, утративъ связь со всѣмъ народомъ деревенскимъ, поколебавшись въ Вѣрѣ и преданности Царю, уже не будутъ препятствовать революціи творить свое „великое дѣло"...

Таковы мечты вождей „освободительнаго" движенія.

А намъ, монархистамъ, слѣдуетъ зорко слѣдить за попытками къ осуществленію этихъ мечтаній и, гдѣ можно, противодѣйствовать этимъ попыткамъ, а гдѣ нельзя,—„заносить ихъ въ протоколъ", какъ кассаціонные поводы противъ первой Государственной Думы.

Однимъ изъ главныхъ кассаціонныхъ поводовъ, конечно, будетъ назначеніе выборовъ на 26 марта, лишающее громадную часть Русскаго крестьянскаго населенія принимать дѣятельное участіе въ этихъ выборахъ.

Такъ и запишемъ.

Кстати. А почему Государственная Дума созывается именно въ четвергъ 27 апрѣля?

Вѣдь для такого срока рѣшительно никакого нѣтъ повода, кромѣ того, на который указалъ въ своей газетѣ профессоръ Ходскій, а именно, что созывъ Генеральныхъ Штатовъ во Франціи, — положившій начало Французской революціи и паденію королевской династіи,—былъ тоже назначенъ на 27 апрѣля...

Будетъ ли новый мятежъ?

Всѣ Москвичи съ великимъ душевнымъ облегченіемъ прочли объявленіе Московскаго градоначальника о томъ, что нѣтъ никакихъ основаній давать какую-либо вѣру тревожнымъ слухамъ, распространяемымъ въ городѣ нѣкоторыми злонамѣренными лицами.

Слова генерала Рейнбота дышатъ серіозною рѣшимостью и разумною энергіей:

„Убѣждаю,—говоритъ онъ,—что спокойствіе и безопасность столицы оберегаются самымъ бдительнымъ образомъ; всякая же попытка нарушить порядокъ будетъ немедленно прекращена самыми рѣшительными мѣрами".

Зная ясный умъ и твердость характера теперешняго Московскаго градоначальника, Москвичи ни на минуту не сомнѣваются, что слова его не пустыя фразы и что онъ дѣйствительно немедленно прекратитъ всякую попытку нарушить законный порядокъ на улицахъ Москвы.

Но подготовленія къ возвѣщенному революціонерами мятежу будутъ производиться не на улицахъ, а посредствомъ устной и печатной пропаганды соціалистическихъ лжеученій среди рабочихъ, неопытной молодежи, желѣзнодорожныхъ служащихъ и городского пролетаріата.

Вы знаете, въ чемъ заключается эта революціонная пропаганда.

Безсовѣстные говоруны и писаки объясняютъ легковѣрнымъ полуобразованнымъ слушателямъ и читателямъ, что тѣ „милліоны", которые принадлежатъ фабрикантамъ, „угнетающимъ" рабочихъ, должны-де, „по всей справедливости", принадлежать этимъ рабочимъ, такъ какъ де они одни ихъ „создали своимъ трудомъ", тогда какъ фабриканты живутъ въ безпечной роскоши „безо всякой работы".

Вся грубая ложь этого ученія совершенно ясна всякому образованному человѣку. Но она именно и разсчитана на необразованную и полуобразованную массу для того, чтобы поднять ее на революціонное движеніе. Вездѣ, гдѣ бы ни проявлялась соціальная революція, ей неизмѣнно предшествовала усиленная устная и печатная пропаганда вышеупомянутой соціалистической лжи; и вездѣ, гдѣ раздавалась такая пропаганда, вспыхивалъ и соціалистическій мятежъ—въ видѣ ли буйныхъ забастовокъ или въ видѣ вооруженнаго возстанія.

И въ самомъ дѣлѣ, если постоянно науськивать рабочихъ на фабрикантовъ, которые-де „не имѣютъ никакого права на свои милліоны, добытые трудомъ рабочихъ", то всякій пойметъ, что рабочіе искусственно приводятся въ самое враждебное къ своимъ хозяевамъ настроеніе и что, при первомъ подходящемъ случаѣ, они готовы будутъ перейти къ насильственнымъ дѣйствіямъ противъ „капиталистовъ".

Такая именно преступная пропаганда производится нынѣ и въ Москвѣ, и видную роль въ ней играетъ пресловутый „священникъ“ Петровъ со своею богомерзкою *Правдою Божіей*.

Такъ, напримѣръ, не далѣе какъ сегодня (2 марта) онъ печатаетъ сентиментальный разсказъ, который онъ влагаетъ въ уста какого-то желѣзнодорожнаго рабочаго Рыжикова, не получившаго ожидавшейся имъ прибавки, и затѣмъ сопровождаетъ его собственными размышленіями, составленными по избитымъ шаблонамъ соціалистической пропаганды:

„Письмо рабочаго,—говоритъ онъ,—простое, но какое оно жизненное, какою ужасною горькою правдой отъ него вѣетъ... Это сама нужда писала, само горе творило.

„Подумайте, господа, о чемъ человѣкъ мечтаетъ? О прибавкѣ двугривеннаго въ день. Откуда? Изъ тѣхъ *милліоновъ*, которые эти Рыжиковы своими тяжкими трудами создаютъ... Жалкаго двугривеннаго, и того не дали. А обѣщали! И смотрите, какъ озвѣрѣлъ человѣкъ. Вѣдь, онъ не забудетъ этого обмана, не проститъ. Не нужно тутъ ни агитаторовъ, ни Японскихъ милліоновъ, ни всего этого гнуснаго вздора, который сочиняютъ безчестные люди, въ сытости забывшіе нужду неисходную милліоновъ братіи внизу. Тутъ работаютъ самые страшные агитаторы. Это—нужда. Это—голодъ. Это—забвеніе трудящихся кормящимися отъ нихъ“.

Какъ видите, это самая „классическая“ пропаганда соціализма, возбуждающая рабочіе классы противъ „капитализма“,—и такая пропаганда развращаетъ сотни тысячъ рабочаго люда, разжигая въ нихъ до фанатизма вражду и ненависть и къ Правительству, и къ обществу, и ко всѣмъ имущимъ классамъ.

На почвѣ этого искусственно-разожженнаго фанатизма и вспыхнулъ декабрьскій мятежъ въ Москвѣ, и если такіе провокаторы, какъ „священникъ“ Петровъ, снова свободно будутъ вести свою соціалистическую пропаганду, то въ Москвѣ легко можетъ снова вспыхнуть преступная попытка нарушить порядокъ, которую Московскому градоначальнику придется прекращать „самыми рѣшительными мѣрами“.

Соціализмъ разныхъ Гапоновъ и Петровыхъ вызвалъ уже столько кровопролитій, что ему долженъ быть, наконецъ, положенъ предѣлъ, въ интересахъ простой гуманности, не говоря уже объ интересахъ государственныхъ и общественныхъ.

Благое ли мы дѣлаемъ дѣло? *)

Люди Русскіе, люди православные, приступаютъ къ каждому новому дѣлу своему съ возносимою къ Господу Богу молитвою, испрашивая у Него благословенія и помощи ихъ благому начинанію.

Такъ и мы, созидая новое дѣло на Руси—политическій союзъ Русскихъ монархистовъ,—передъ каждымъ собраніемъ своимъ совершаемъ общую молитву и просимъ Всевышняго не оставить наше благое дѣло Своимъ святымъ покровительствомъ.

*) Рѣчь, произнесенная въ Павловскомъ Посадѣ 10 марта 1906 года.

Мы, слѣдовательно, увѣрены, что мы творимъ *благое* дѣло.

Но вотъ раздаются вокругъ насъ голоса, которые корятъ наше дѣло и бранятъ насъ за наше начинаніе.

А потому намъ нужно хорошенько подумать, не ошибаемся ли мы въ своей работѣ, не идемъ ли мы по ложному пути, дѣйствительно ли мы дѣлаемъ благое, а не злое дѣло.

Послушаемъ, въ чемъ насъ упрекаютъ.

„Вы, монархисты,—говорятъ намъ,—хотите, чтобы въ Россіи все было по-старому: а мы въ ней хотимъ ввести новые порядки. Русскому народу все старое надоѣло, онъ хочетъ жить по-новому, а вы его все зовете назадъ, къ старинѣ; а въ этой старинѣ ничего хорошаго нѣтъ: вся она полна мрака и зла, и вы хотите, чтобъ этотъ мракъ и это зло существовали и впредь; а Русскій народъ требуетъ свѣта и добра“.

Такъ вотъ, въ чемъ наша вина. Мы стоимъ за русскую старину, а въ этой старинѣ одинъ только мракъ, и одно только зло.

Такъ ли это? Вѣдь если-бъ это была правда, то развѣ кто-нибудь изъ насъ стоялъ бы за старину? Никто самъ себѣ не врагъ, и каждый изъ насъ желаетъ жить не во мракѣ, а такъ, чтобы видѣть Божій свѣтъ; каждый изъ насъ желаетъ жить въ добрѣ и правдѣ, а не терпѣть отъ злыхъ людей и отъ несправедливыхъ законовъ. А такихъ людей и такихъ законовъ у насъ теперь завелось многое множество, да и въ старину ихъ было не мало. Мы и прежде ихъ считали зломъ, такимъ же зломъ считаемъ ихъ и теперь, и, конечно, желаемъ отъ нихъ освободиться. Но мы увѣрены, что освободимся мы отъ нихъ только тогда, если твердо будемъ держаться того, что̀ намъ въ старинѣ нашей и дорого, и свято. А въ этой старинѣ мы будемъ дорожить всѣмъ тѣмъ, что̀ въ ней дѣйствительно есть добраго, свѣтлаго и полезнаго для Русскаго народа.

Вотъ насъ, прежде всего, укоряютъ въ томъ, что мы такъ крѣпко стоимъ за нашу *Православную Церковь*.

„Бросьте,—говорятъ намъ,—это старье! Охота вамъ возиться съ нимъ. Русскому народу нужно теперь жить по-новому, безъ церкви, да и вообще безъ Бога“.

Такъ вотъ оно что̀! Они хотятъ всѣхъ насъ сдѣлать безбожниками! Когда у Русскихъ людей уже не будетъ больше ни вѣры въ Бога, ни страха Божія, ни совѣта и ни правды,—тогда, видите ли, на Святой Руси (Крики среди слушателей: *да какая же она тогда будетъ Святая?*) всѣ люди сдѣлаются ангелами, и начнется „новая жизнь“, безъ воровства и мошенничества, въ полномъ счастіи и довольствіи.

Ну кто же повѣритъ такому вздору? *(Никто! Никто!)* Вѣдь и теперь у насъ есть люди богобоязненные, и есть безбожники. Съ кѣмъ же изъ нихъ можно вести серіозное дѣло? На кого можно положиться? Развѣ на безбожника? (*Никогда!*) Значитъ, теперь мы еще пока можемъ выбирать, кому намъ вѣрить, а кому нѣтъ. А ну какъ всѣ мы станемъ безбожниками, и будемъ жить „по-новому“, безъ Церкви Православной, безъ совѣсти и страха Божія,—кто же тогда намъ будекъ вѣрить, и кому мы будемъ вѣрить? Вѣдь вѣра въ Бога нужна для христіанина не только для спасенія

своей души, но и для вѣры въ человѣка, для вѣры въ людей, для знанія и оцѣнки людей въ земной нашей жизни, въ нашихъ житейскихъ дѣлахъ.

Такъ какъ же намъ бросить старину, которою жили отцы и дѣды наши? Какъ намъ отречься отъ Бога и отъ Церкви Его Православной? Вѣдь это невозможно!

Это невозможно и потому, что вся та Россія, которая, принявъ крещеніе отъ Владиміра Святаго, возросла до первой державы въ мірѣ, строилась Русскими святыми Угодниками, Князьями, Царями, и Русскимъ народомъ, все время трудившимися подъ сѣнью Православной Церкви: и если Господь благословилъ ихъ труды, такъ потому, что они крѣпко держались своей Православной Вѣры и какъ братья соединились сердцемъ, умомъ и душой въ Православной Церкви.

И вотъ намъ предлагаютъ отречься отъ нашей Церкви, отъ Бога, отъ Христа Спасителя, отъ Царицы Небесной, отъ всѣхъ святыхъ мучениковъ, отъ Николая Чудотворца, отъ нашихъ Русскихъ великихъ подвижниковъ Божіихъ, отъ Сергія Радонежскаго,—это, видите ли, все „старье“!

Можете ли вы, православные, слышать такое богохульство? Можете ли вы отречься отъ всего того, что намъ такъ дорого и свято? (*Нѣтъ, никогда не отречемся!*)

Такъ *благое* ли дѣло мы творимъ, когда защищаемъ нашу старину Божію, старину Церковную, старину Православную? (*Благое! Благое!*)

Но есть еще и другая старина, любовь къ которой намъ ставятъ въ вину: это—издревле у насъ установившаяся *неограниченная Самодержавная Власть Русскихъ Царей.*

Мы со всѣмъ Русскимъ народомъ дорожимъ неограниченностью этой Власти и твердо за нее стоимъ. Можетъ-быть, мы въ этомъ ошибаемся? Послушаемъ, въ чемъ насъ упрекаютъ.

„Вы, монархисты,—говорятъ намъ,—защищаете давно уже отжившую ветошь. Всѣ просвѣщенныя государства давно уже бросили ее, а вы за нее держитесь. Русскому народу нужно жить по-новому, *по конституціи*, а вы все ему твердите про Самодержавіе, да еще про Самодержавіе неограниченное. Теперь ужъ Самъ Царь отказался отъ такого Самодержавія и издалъ конституцію, а вы ея не признаете: значитъ, вы идете противъ Царя“.

Слышите ли, православные, это *мы съ вами* идемъ противъ Царя! Неужели это правда? (*Неправда! Неправда!*)

Мало, что вы кричите „неправда“, нужно *доказать*, что неправда не на нашей сторонѣ, а на сторонѣ нашихъ обвинителей.

Вы вѣдь помните слова, сказанныя нашимъ Батюшкой-Царемъ 16 февраля Иваново-Вознесенцамъ? Вотъ они:

„**Самодержавіе Мое останется такимъ, какимъ оно было встарь**“.

А какое было встарь Самодержавіе Русскихъ Царей? Ограниченное или неограниченное? (*Неограниченное!*) Была ли встарь конституція? (*Не была!*)

Такъ кто же идетъ противъ Царя? Тѣ, кто хотятъ ограничить Его Власть и навязать Ему конституцію,—или мы, которые хотимъ, чтобы *Са-*

модержавіе Царя оставалось такимъ, какимъ оно было встарь,—неограниченнымъ, безо всякой конституціи? Кто правъ: мы или они? (*Мы правы! Мы правы!*) Кто идетъ противъ Царя: мы или они? *(Они! Они!)*

Вы слышали, Самъ Царь нашъ Батюшка хочетъ, чтобы Самодержавіе Его было, какъ *встарь*. Значитъ, и Онъ дорожитъ стариной. Какъ же намъ не дорожить стариной Царскою, стариной государственною?

А какая у насъ была государственная старина? Была ли у насъ конституція, которая связывала бы руки нашимъ Царямъ, строителямъ и собирателямъ Земли Русской? Нѣтъ, не была. Они были свободны, неограниченны, и отвѣчали за свои дѣла лишь передъ Богомъ. Ну, что-же? Разорили они или возвеличили Россію своимъ неограниченнымъ Самодержавіемъ? Какой же тутъ можетъ быть вопросъ? Цари наши создали великую громаду Россійской Имперіи, а вотъ тѣ люди, которые хотятъ навязать намъ конституцію, намѣрены искромсать Россію. За кого же намъ стоять: за этихъ людей, или за неограниченнаго Самодержавнаго Царя? (*За Царя! За Царя!*)

А посмотрите, какъ Цари наши безо всякихъ конституцій заботились о Своемъ народѣ. Кто у насъ далъ крестьянамъ свободу? Самодержавный Царь Александръ II. Была ли при немъ конституція? Нѣтъ, не была. Ваши дѣды служили въ арміи 25 лѣтъ, ваши отцы служили только пять лѣтъ, вы теперь будете служить только три года. Кто же вамъ далъ это великое облегченіе? Самодержавные Цари, не связанные никакою конституціей. Вотъ и теперь Государь безо всякой конституціи далъ вамъ разныя свободы: такъ неужели вы пойдете съ тѣми, кто Его Самого хотятъ лишить свободы? Нѣтъ, мы съ ними не пойдемъ! Царь намъ далъ свободу,—такъ и мы постоимъ за Его свободу! Не правда ли? (*Правда! Правда! Свобода Царю! Боже, Царя Храни! Гимнъ! Гимнъ!* Гимнъ исполняется всѣми присутствующими).

А если у насъ будетъ конституція, у Царя свободы не будетъ. Конституція,—это все равно, что договоръ или контрактъ. Конституція введена въ тѣхъ государствахъ, гдѣ Государи со своими народами ссорились, враждовали, а подъ конецъ пошли на мировую и подписали между собой контрактъ, по которому каждый норовитъ другъ друга обойти. Ну, развѣ Русскій Народъ когда-нибудь ссорился со своимъ Царемъ? *(Нѣтъ! Нѣтъ!)* Развѣ Русскій Народъ по контракту любитъ своего Царя? Развѣ онъ по контракту служитъ ему? (*Нѣтъ, по любви, по присягѣ! Богъ велитъ служить Царю!*)

Такъ то-то же! Мы *по-старому, по совѣсти* будемъ служить Царю нашему Батюшкѣ, а не „по-новому“, не по контракту, не по конституціи. Русскій народъ связанъ со своимъ Царемъ не бумагой съ печатями, а Вѣрою Христіанскою, Православною, вѣчнымъ, неписаннымъ закономъ, закономъ духовнымъ, душевнымъ. *(Вѣрно! Вѣрно!)*

Но вотъ про конституцію намъ разсказываютъ еще такія басни:

„Если у насъ теперь есть плохіе чиновники, которые кривятъ душой и берутъ взятки, то это потому, что у насъ нѣтъ конституціи. А какъ будетъ конституція, такъ и взятки всѣ исчезнутъ. А вы, монархисты,—гово-

рятъ намъ,—стоите за этихъ дурныхъ чиновниковъ-взяточниковъ, за бюрократію".

Сколько тутъ лжи въ этихъ словахъ! Что ни слово, то неправда!

Вѣдь вы знаете нашу монархическую программу? Вотъ что въ ней написано на 6-й страницѣ:

„Государственная служба должна стоять высоко и честно: слугами Царя могутъ быть лишь лица, свято, строго и безкорыстно исполняющія свой долгъ предъ Самодержавнымъ Царемъ и Отечествомъ!" И дальше говорится: „Монархическая Партія съ негодованіемъ отвергаетъ невѣрныхъ и лукавыхъ слугъ Царя".

Вотъ что мы говоримъ. Какъ же смѣютъ они насъ обвинять въ томъ, что мы будто бы стоимъ за взяточниковъ? Это подлая клевета!

Они говорятъ, что тамъ, гдѣ есть конституція, тамъ нѣтъ взяточничества, тамъ чиновники всѣ ангелы.

И тутъ они лгутъ. Знаете ли вы, гдѣ больше всего чиновниковъ-негодяевъ-взяточниковъ? Въ Америкѣ. А тамъ конституція.—Гдѣ въ послѣднюю Бурскую войну проворовалось военное интендантство? Въ Англіи. А тамъ конституція.—Гдѣ депутаты оказались взяточниками, прикрывшими хищниковъ, обокравшихъ мирное и трудовое населеніе страны? Во Франціи. А тамъ конституція. И эти взяточники не только не были наказаны, но были потомъ президентами и министрами и нажили себѣ большіе капиталы.

Такъ, значитъ, конституція насъ нисколько отъ дурныхъ чиновниковъ и взяточниковъ не избавитъ.

А кто же можетъ избавить насъ отъ этого зла?

„Одинъ лишь неограниченный въ Своей Власти Монархъ, Который однимъ почеркомъ пера можетъ замѣнить плохого чиновника хорошимъ,—а также строгій и справедливый судъ, который долженъ строго наказывать всѣхъ безъ исключенія дурныхъ и въ особенности корыстолюбивыхъ чиновниковъ, хотя бы они стояли на высшихъ служебныхъ мѣстахъ въ государствѣ. А привлекать ихъ къ суду долженъ имѣть право каждый вѣрноподданный".

Вотъ что напечатано въ нашей программѣ. А противники наши все это отъ народа скрываютъ—и про Америку, и про Англію, и про Францію, и про Россію, и про Царя—и про насъ съ вами. Все они лгутъ да обманываютъ! Злое дѣло они творятъ, дѣло лжи и мрака.

А мы говоримъ всю правду, мы свѣта не боимся, что у насъ на умѣ, то и на языкѣ.

Какое же мы дѣло творимъ: злое или благое? *(Благое! Благое!)*.

Но есть и еще одинъ упрекъ, который намъ дѣлаютъ наши враги:

„Вы, монархисты,—говорятъ они,—человѣконенавистники. Вы хотите истребить всѣхъ инoплеменниковъ въ Россіи, уничтожить ихъ языкъ и ихъ вѣру и насиліемъ обратить ихъ въ Православіе".

И опять все это—ложь и клевета!

Пусть инoплеменники свободно живутъ въ Россіи и насъ не трогаютъ; и мы ихъ трогать не будемъ. Пусть они исповѣдуютъ свою вѣру, со-

блюдаютъ свои обычаи, поютъ свои пѣсни, мы имъ никогда въ этомъ не мѣшали и мѣшать не хотимъ. Но пусть только они не забываютъ, что они живутъ у *насъ*, въ *нашемъ* домѣ, и что они не имѣютъ права разорять этотъ, пріютившій ихъ, домъ. Домъ этотъ создали *мы*, а не они, и *хозяиномъ* въ этомъ домѣ можетъ быть только Русскій Царь со Своимъ Русскимъ народомъ.

Мы хотимъ, мы *должны* сохранить единство и цѣлость Великой Россійской Имперіи, а для этого надъ нею должна царить единая неограниченная *Самодержавная Власть* Русскаго Монарха и свободно и достойно живущая *Русская Православная Церковь* при единомъ Русскомъ государственномъ *языкѣ*, единомъ Русскомъ *законѣ* и единой Русской государственной *школѣ*.

Вотъ и всѣ наши требованія, какъ онѣ изложены въ нашей программѣ. Полякъ, Армянинъ, Нѣмецъ, Татаринъ могутъ въ Россіи жить, какъ имъ угодно, по своимъ обычаямъ, и свободно говорить на своихъ языкахъ, лишь бы только они какъ вѣрноподданные повиновались Самодержавному Русскому Царю, не стѣсняли и не оскорбляли Русской Православной Церкви, умѣли говорить по-русски, соблюдали русскіе законы и учились въ русской государственной школѣ. Больше мы отъ нихъ ничего и не требуемъ. Русскій человѣкъ, какъ я уже сказалъ, долженъ чувствовать себя „дома“ въ своемъ домѣ. Въ какую бы комнату этого дома онъ ни вошелъ, въ нѣмецкую, грузинскую, польскую или финляндскую,—всюду онъ долженъ чувствовать себя хозяиномъ, а не гостемъ.

А теперь что мы видимъ: Русскіе люди изгоняются изъ нашихъ финляндскихъ губерній, какъ чужіе пришлецы, какъ иностранцы, и то же дѣлается въ нашихъ польскихъ и литовскихъ губерніяхъ. Развѣ мы можемъ это терпѣть? Не мы гонимъ и тѣснимъ инородцевъ, а они насъ тѣснятъ и гонятъ; не они, а мы страдаемъ за свою вѣру и націю; не они, а мы видимъ, какъ насъ всюду одолѣваютъ иностранцы.

А развѣ Россія должна быть для иностранцевъ? (*Нѣтъ! нѣтъ!*) Для кого она должна быть? (*Для Русскихъ! Россія для Русскихъ!*)

Да, православные! Вы вѣрно говорите. Россія должна быть для Русскихъ. Россія, это—наше добро, которое мы пріобрѣли своими многовѣковыми трудами, трудами угодниковъ Русскихъ, Русскихъ Царей и Русскаго народа. Такъ неужели мы не обязаны охранять это добро, завѣщанное намъ нашими дѣдами и прадѣдами? Иноземцы и иновѣрцы мѣшали намъ пріобрѣтать это добро, а теперь, когда мы его пріобрѣли и создали изъ него свой домъ, они хотятъ ограбить его и разорить. Кто же правъ въ этомъ дѣлѣ? Они, хищники,—или мы, хозяева? Они хотятъ разорить Россію, а мы хотимъ ее сохранить. Кто правъ: мы или они? (*Мы правы, мы правы*).

Такъ и тутъ, я думаю, мы не злое дѣло творимъ, а благое. Не такъ ли? (*Вѣрно, благое, благое!*)

А если такъ, то у насъ совѣсть чиста. Мы смѣло можемъ смотрѣть въ глаза и друзьямъ, и врагамъ. Мы знаемъ, что съ нами заодно стоятъ и Царь, и весь Народъ Русскій Православный.

А если такъ, мы бодро пойдемъ впередъ по намѣченному нами пути. Мы знаемъ, что наше дѣло правое, мы вѣримъ, что Богъ поможетъ намъ въ этомъ правомъ дѣлѣ.

А если такъ, то рано или поздно побѣда будетъ наша. Много еще предстоитъ намъ борьбы за правду и за свѣтъ, за Вѣру и за Царя,—но силы лжи и мрака, враги Вѣры и Царя должны будутъ въ концѣ концовъ разсѣяться предъ нашею многомилліонною ратью, когда она вся подымется и потрясетъ воздухъ дивными звуками нашего народнаго гимна!

Боже! Боже! Храни нашего Царя, храни Его отъ враговъ явныхъ и тайныхъ, отъ совѣтниковъ лукавыхъ и корыстныхъ, сохрани бодрость Его силъ духовныхъ и тѣлесныхъ! Да царствуетъ Онъ на страхъ врагамъ и на радость всѣмъ Русскимъ людямъ и всей Россіи! Боже, Царя храни!

Какъ оправдывается Д. С. Баршевъ.

Ораторъ Торгово-Промышленной Партіи, Д. С. Баршевъ, говоря въ Козловѣ, въ публичномъ собраніи, осмѣлился утверждать, будто *Московскія Вѣдомости* „фабрикуютъ фальшивыя письма о бѣгствѣ изъ Торгово-Промышленной Партіи".

Редакторъ *Московскихъ Вѣдомостей* 10 марта предложилъ Д. С. Баршеву въ теченіе недѣли доказать основательность своего утвержденія или взять его назадъ.

Что же дѣлаетъ г. Баршевъ? Ровно черезъ недѣлю, 17 марта, онъ присылаетъ, въ качествѣ „доказательства фабрикаціи фальшивыхъ писемъ въ нашей редакціи", заявленіе, изъ котораго оказывается, что не мы „фабрикуемъ фальшивыя письма", а что, среди массы писемъ о бѣгствѣ изъ Торгово-Промышленной Партіи, *намъ было прислано* 1 (одно) подложное письмо.

Судите сами: вотъ что г. Баршевъ проситъ насъ напечатать:

„Д. С. Баршевъ осмѣливается предложить редактору *Московскихъ Вѣдомостей* на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ № 65 газеты обращено къ нему требованіе о представленіи доказательствъ, помѣстить нижеслѣдующій отвѣтъ:

„„1) Въ газетѣ *Московскія Вѣдомости* въ № 39 помѣщено письмо за № 122, такого содержанія: М. Г. Прошу— васъ не отказать напечатать въ вашей газетѣ, что я вышелъ изъ состава „Торгово-Промышленной Партіи" въ виду того, что эта партія расходится со взглядомъ истиннаго Самодержавія и Царя не признаетъ.

„Съ почтеніемъ Павелъ Васильевичъ Воробьевъ.

„Коровій Валъ, свой домъ. Февраля 6 дня 1906 г."".

„2) Въ № 44 помѣщено письмо за № 140 такого содержанія: „„М. Г.— Я прочиталъ въ вашей газетѣ № 39, подъ рубрикой „Бѣгство изъ Торгово-Промышленной Партіи", письмо 122, будто бы я вышелъ изъ состава этой партіи. Такого письма я въ редакцію не посылалъ и никого на это не уполномочивалъ, а потому прошу васъ исправить неточность.

„„Павелъ Васильевичъ Воробьевъ, Коровій Валъ, свой домъ."".

„Несмотря на то, что письмо № 140 содержитъ въ себѣ опроверженіе

ложныхъ свѣдѣній, сообщенныхъ газетой отъ имени г. Воробьева въ письмѣ № 122, и просьбу исправить указанную „неточность", редакторъ не только не счелъ нужнымъ исполнить эту просьбу, но занумеровалъ это письмо № 140, включилъ въ общій счетъ заявленій о выходѣ изъ Торгово-Промышленной Партіи и продолжалъ въ № 48 газеты нумерацію съ № 141.

„О характерѣ, названіи этихъ писемъ и цѣляхъ, которыя преслѣдовались ими, предоставляется судить самому редактору и читающей публикѣ.

„Въ заключеніе Д. С. Баршевъ присовокупляетъ, что онъ вообще не признаетъ за г. Грингмутомъ права чинить ему допросъ и помѣщаетъ настоящій отвѣтъ лишь въ интересахъ истины.

„Въ дальнѣйшемъ на такіе допросы онъ отвѣчать не будетъ, а предлагаетъ редактору *Московскихъ Вѣдомостей* за возстановленіемъ своихъ правъ обращаться къ единственно законному пути—суду, въ каковомъ порядкѣ Д. С. Баршевъ и готовъ дать всегда надлежащее разъясненіе.

„Настоящій отвѣтъ, если не будетъ помѣщенъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, черезъ три дня будетъ опубликованъ въ другихъ газетахъ во всеобщее свѣдѣніе".

Итакъ, намъ было подослано подложное письмо (излюбленный пріемъ нашихъ „честныхъ" враговъ), и какъ только подложность его была обнаружена, мы немедленно объ этомъ извѣстили нашихъ читателей. Мы, слѣдовательно, сдѣлались *жертвой* обмана, а такой юристъ, какъ Д. С. Баршевъ утверждаетъ, что мы *виновники* этого обмана!

Какъ вамъ нравится эта подтасовка адвокатской софистики?

Г. Баршевъ утверждалъ, что фальшивыя письма *фабрикуются* въ нашей редакціи. Когда же мы у него потребовали доказательства этой *наглой клеветы*, онъ, *во-первыхъ*, приводитъ доказательство, вовсе не доказывающее того, что̀ онъ утверждалъ, а *во-вторыхъ*, старается увильнуть отъ прямого отвѣта на категорическій вопросъ, говоря, что „онъ вообще не признаетъ за г. Грингмутомъ права чинить ему допросъ".

Понимаете: человѣкъ публично клевещетъ, а когда у него публично же требуютъ доказательствъ, онъ драпируется въ тогу наглости и не признаетъ своей обязанности подтвердить свою клевету!

Да будетъ извѣстно г. Баршеву, что редакторъ *Московскихъ Вѣдомостей* съ клеветниками распоряжается по своему усмотрѣнію: когда нужно, онъ привлекаетъ ихъ къ суду уголовному, а когда нужно—къ суду общественнаго мнѣнія, какъ и въ данномъ случаѣ, когда и клевета была произнесена предъ судилищемъ того же общественнаго мнѣнія.

Если г. Баршеву не нравится, что ему „чинятъ допросы" передъ общественнымъ мнѣніемъ, то это весьма понятно: какому же клеветнику пріятно, когда его публично уличаютъ въ его столь почтенной дѣятельности?

Предстоящія страсти Россіи *).

„Дѣти, не долго уже Мнѣ быть съ вами... Заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга".

Вотъ слова Господни, которыя мы слышали часто, слышали и сегодня, и которыя именно теперь наводятъ насъ на серіозныя, тяжелыя размышленія.

Спаситель говоритъ эти слова Своимъ ученикамъ, предчувствуя, что наступаетъ время страстей Его, тѣхъ несказанныхъ мукъ душевныхъ и тѣлесныхъ, которыя суждено было Ему принять на Себя ради спасенія человѣчества: Онъ говоритъ эти слова, предвидя, что Онъ скроется отъ взоровъ вѣрующихъ въ Него, до того времени, когда Онъ воскреснетъ въ полной славѣ Своей.

И Россіи нашей, вѣковѣчной Руси Святой, не долго уже быть съ нами: вотъ со Страстной Недѣли наступитъ и для нея время страстей, время ожесточенной, сперва выборной, а затѣмъ законодательной, борьбы, борьбы партійной, междоусобной, время несказанныхъ мукъ и волненій: и исчезнетъ отъ нашихъ взоровъ ясный, лучезарный обликъ той Россіи, съ которою всѣ мы свыклись, который всѣмъ намъ дорогъ; останемся мы одни среди новыхъ, невѣдомыхъ намъ, тяжелыхъ, не-русскихъ, условій жизни, съ вѣчною томящею тоской по исчезнувшей нашей Матери, но съ твердою надеждой на ея престоящее свѣтлое воскресеніе.

Что же заповѣдалъ Спаситель Своимъ ученикамъ на то время, когда Онъ уже съ ними не будетъ? Онъ велѣлъ имъ „любить другъ друга".

То же самое заповѣдаетъ и намъ идущая на страсти свои Россія: любить другъ друга, стоять крѣпко другъ за друга и, если нужно, „положить душу свою за друзей своихъ". И такъ на все время, пока не будетъ Россіи.

Дружно, любовно мы должны беречь ея память, съ непоколебимою вѣрностью хранить ея завѣты и проповѣдывать заключающіяся въ нихъ истины среди нашихъ современниковъ, среди нашихъ дѣтей, дабы истины эти хранились и нашими потомками до второго пришествія Руси Святой.

Вы спросите: на какія же „страсти" идетъ Россія, и куда она „исчезнетъ"? Развѣ ей не предстоитъ „обновленіе", а слѣдовательно счастіе и радость? Развѣ она не будетъ существовать все такою же, какою она существовала до сихъ поръ?

Нѣтъ, отвѣтимъ мы, еще нѣсколько дней, и старая Россія исчезнетъ. Да и какъ же ей можно оставаться такою же, какою она была, если ее подвергнутъ „обновленію"? А кто можетъ поручиться за то, что *всякое* обновленіе ведетъ къ счастью и радости? Вѣдь нужно прежде всего еще знать, въ чемъ будетъ заключаться это обновленіе и послужитъ ли оно на пользу или во вредъ Россіи?

---

*) Рѣчь, сказанная 15 марта 1906 года въ районномъ Собраніи Мѣщанской и Срѣтенской частей.

Вѣдь и земная жизнь Спасителя „обновилась“, когда Онъ торжественно вошелъ въ Іерусалимъ. А чѣмъ кончилось это „обновленіе“? Страданіями, пытками, распятіемъ, смертію...

Такъ и Россія встрѣчается нынѣ, вступая на новый путь, криками „Осанна“! со стороны той легковѣрной, близорукой толпы, которая обратится *противъ* нея, когда книжники и фарисеи предадутъ ее суду, Іуды-измѣнники съ лицемѣрной улыбкой выдадутъ ее злѣйшимъ врагамъ ея, которые подвергнутъ ее и заушенію, и оплеванію, и, раздѣливъ ея ризы, распнутъ ее на глазахъ всего міра.

И мы,—это теперь уже видно,—будемъ безсильны отвратить отъ Россіи этотъ позоръ, избавить ее отъ того страстнаго, крестнаго пути, на который она вступитъ съ момента выборовъ въ Государственную Думу.

Мы молимъ Господа, да минуетъ эта чаша нашу Родину. Но, видно, въ Его премудромъ совѣтѣ написано иное.

Если бы чаша, о которой молился Спаситель на горѣ Елеонской, была пронесена мимо Его, если бы Онъ Своимъ крестнымъ страданіемъ не запечатлѣлъ истины Своего ученія, то и ученіе Его не освѣтило бы такъ ярко находившихся во мракѣ язычниковъ и Іудеевъ, и истина христіанская не проявилась бы такъ быстро во всей славѣ своей. Вотъ почему Іисусъ прибавилъ къ Своей молитвѣ о чашѣ слова безусловной покорности предъ Отцомъ своимъ Небеснымъ: „Не Моя воля, но Твоя да будетъ“.

Такъ и мы должны покориться Волѣ Божіей.

Пусть Россія, если такова Его Воля, выпьетъ до дна ту чашу, которая нынѣ ей предносится, пусть она испытаетъ всѣ страданія, неминуемо связанныя съ предстоящимъ ей „обновленіемъ“, но пусть она окончательно познаетъ всю *суть* этого обновленія, которое съ виду кажется столь блестящимъ, а на самомъ дѣлѣ исполнено величайшихъ, смертельныхъ для Россіи, опасностей. Пусть познаетъ она ту „свободу“, которую ей готовятъ торжествующіе нынѣ враги ея, и она увидитъ, что эта свобода для всѣхъ истинныхъ сыновъ ея будетъ крестная мука. Пусть она вкуситъ всѣ отвратительные плоды парламентаризма со всею его ложью, подкупами и шарлатанствомъ, чтобы, стряхнувъ съ себя это грязное, истасканное рубище, снова воскреснуть въ лучезарной славѣ Православнаго Самодержавія.

Если бы чаша сія миновала Россію, если бы мы, какъ Ѳома невѣрный, не получили возможности вложить персты свои въ зіяющія раны, нанесенныя Россіи теперешнимъ „освободительнымъ обновленіемъ“, — среди насъ все еще нашлась бы куча невѣжественныхъ, близорукихъ людей, которые мечтали бы о прелестяхъ „выборной системы“, о цѣлебныхъ свойствахъ „конституціи“ и объ идеальной чистотѣ „парламентаризма“.

Теперь они на дѣлѣ убѣдятся въ гибельной пустотѣ своихъ иллюзій.

Для нихъ даромъ прошелъ весь XIX вѣкъ, — „вѣкъ парламентаризма“, — въ которомъ это уродливѣйшее учрежденіе было искусственно взлелѣяно въ континентальной Европѣ, пышно разцвѣло послѣ 1848 года и позорно провалилось на порогѣ XX вѣка, выродившись въ Панамскіе скандалы, кулачныя схватки и безобразныя обструкціи. Но все это нашихъ благодушныхъ Россіянъ ничему не научило. Они съ такою же наивностью

вѣрятъ въ дѣтскія бредни Жанъ-Жака Руссо, какъ въ нихъ вѣрили Французы конца XVIII вѣка, наканунѣ ужасовъ Революціи. Но тѣ вѣрили въ эти бредни, въ эти теоріи „большинства и меньшинства“, — по которымъ *сто* дураковъ умнѣе *одного* мудреца, — *до* примѣненія этихъ теорій на практикѣ, а потому они заслуживаютъ снисхожденія. Но какого же снисхожденія заслуживаютъ наши Русскіе современники, которые съ изумительною слѣпотой вѣрятъ въ эти сумасбродныя теоріи и искренно думаютъ, что если они эти бредни примѣнятъ къ Россіи, то она „обновится“ на свою пользу, а не на свою гибель?

Это тѣ именно люди, о которыхъ Спаситель сказалъ, что они имѣютъ глаза и не видятъ, имѣютъ уши и не слышатъ. Они лишь тогда *почувствуютъ* свою ошибку, когда предстоящее всеобщее „обновленіе“ отразится на ихъ личныхъ интересахъ, когда предстоящія страсти Россіи заставятъ и ихъ переносить несказанныя страданія. Пусть же тогда они очнутся изъ окутывающаго ихъ мрака и соединятъ свои усилія для возстановленія Россіи, для ея воскресенія!

Но, можетъ-быть, ошибаются не они въ своемъ наивномъ невѣдѣніи, а ошибаемся мы, не забывавшіе уроковъ прошлаго Россіи и Европы и ясно понимающіе ихъ настоящее положеніе? Можетъ-быть, парламентаризмъ не погубитъ, а спасетъ Россію?

Какъ спорить о будущемъ, которое вѣдомо единому Богу? Подождемъ,— увидимъ!

Но одно уже несомнѣнно. Той Россіи, которая жила столько вѣковъ тѣснымъ духовнымъ единеніемъ Царя съ Народомъ, *этой* Россіи остается жить не много дней! Какъ только въ Петербургѣ явятся „представители“ народа и будутъ тамъ признаны таковыми,—это духовное единеніе, которымъ только и существовала Россія, сразу исчезнетъ, а съ нимъ вмѣстѣ исчезнетъ и старая Святая Русь. Явится *новая*, совершенно иная Россія, въ которой не только будетъ Царь *противопоставленъ* Народу, но Царь и Народъ, сверхъ того, будутъ разобщены *представителемъ* Царя, премьеръ-министромъ, и *представителями* Народа, Государственною Думой. Вмѣсто *духовнаго единенія* Царя съ Народомъ явится, — *чего никогда на Руси не бывало,—мнимое соперничество, разладъ, вражда* между Царемъ и Народомъ, и это будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока Царь и Народъ, отбросивъ раздѣляющія ихъ средостѣнія, снова сольются въ одно душевное единеніе.

Вотъ тогда прекратятся страсти Россіи, и тогда мы будемъ праздновать свѣтлое воскресеніе ея.

А до тѣхъ поръ мы будемъ твердо и вѣрно хранить завѣтъ любви между собой, ни на мгновеніе не покидая мысли о дорогой намъ Родинѣ! На нашихъ глазахъ ее распнутъ, погребутъ, наложатъ печать на ея могильный камень и приставятъ къ нему кустодію.

А она, тѣмъ не менѣе, воскреснетъ въ положенный ей Богомъ срокъ.

Въ этомъ наша вѣра, въ этомъ наша сила!

Кадетская „организація".

Говорятъ, что „кадеты" очень хорошо „организованы", и что поэтому они всюду являются „побѣдителями".

Что они хорошо организованы, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, и Москва сегодня въ этомъ убѣдилась.

Всѣ зданія Избирательныхъ Коммиссій были захвачены прекрасно-организованными „кадетскими" шайками, которыя безнаказанно творили тамъ все, что имъ было угодно, во славу своей партіи, которую они для эффекта переименовали въ партію „народной свободы".

Тотъ грубый произволъ и насиліе, которые они производили въ особенности въ Городской Думѣ, гдѣ засѣдала Тверская Избирательная Коммиссія, не поддаются описанію.

Избиратели входили въ вестибюль Думы и немедленно окружались толпившеюся тутъ полсотней кричавшихъ, оравшихъ, галдѣвшихъ мужчинъ, которые не только силою навязывали имъ „кадетскія" записки избирателей, но вырывали у нихъ тѣ записки, которыя избиратели держали въ рукахъ. „Кадетскія" банды завладѣвали этими записками и тутъ же рвали ихъ на глазахъ изумленныхъ избирателей, которые немедленно снабжались „кадетскими" записками. Эти наглые озорники осмѣливались даже вырывать неугодныя имъ записки у лицъ, поставленныхъ другими партіями для раздачи этихъ записокъ избирателямъ. При крикахъ „народная свобода", „кадетская" вольница творила оргію насилія и произвола, лишая избирателей свободы выборовъ.

Да, у „кадетовъ" прекрасно-организованная разбойничья шайка, въ борьбѣ съ которой мирные граждане естественно должны чувствовать себя безсильными, а потому, при такихъ условіяхъ, кадетскія „побѣды" вполнѣ естественны.

Да и вообще на выборахъ побѣда всегда обезпечена за партіей, которая дѣйствуетъ:

1) наглостью,

2) ложью,

3) клеветой,

4) деньгами.

Всѣми этими средствами „кадеты" обладаютъ въ изобиліи и пускаютъ ихъ въ ходъ съ неслыханнымъ цинизмомъ, который ошеломляетъ Русскихъ людей, приступавшихъ къ выборамъ съ чистою, наивною душой, какъ къ нѣкоему священнодѣйствію.

Легко себѣ представить, какъ расправлялась съ этими простыми Русскими людьми нападавшая на нихъ съ дикими криками орава насильниковъ обоего пола, набранныхъ очевидно изъ рядовъ бездѣйствующихъ пока „боевыхъ дружинъ" недоброй памяти.

Къ намъ пришелъ въ редакцію старикъ простого званія со слезами на глазахъ.

— Помилуйте, говоритъ онъ,—что со мной въ Думѣ сдѣлали!

— А что такое?

— Да какъ же: я дома самъ написалъ свою избирательную записку, вписалъ въ нее имена тѣхъ лицъ, которыми я думалъ угодить Царю-Батюшкѣ, однимъ словомъ, самыхъ лучшихъ людей. Отправился я въ Думу, такъ какъ живу въ Тверской части. Не успѣлъ я переступить порогъ Думы, какъ на меня набросился молодой человѣкъ и спрашиваетъ:

„— Вы избиратель?

„— Избиратель.

„— Есть избирательная записка?

„— Есть.

„— Покажите, вѣрная ли она.

„— Вотъ, смотрите.

„Я показалъ ему свою записку, а онъ, взглянувъ въ нее, сейчасъ же разорвалъ ее въ клочки и говоритъ:

„— Ваша записка невѣрная. Вотъ эта—настоящая. Она—за „народную свободу".

„И сунулъ онъ мнѣ въ руку другую бумажку, взялъ меня подъ руку, началъ проталкивать сквозь толпу, которая такъ громко кричала „народная свобода", что я совершенно ошалѣлъ и не зналъ, куда я попалъ, и что со мною дѣлаютъ. А онъ меня все ведетъ и проталкиваетъ къ самому ящику. Господинъ предсѣдатель выхватилъ у меня подсунутую мнѣ записку, которую я даже и не прочелъ, и спросилъ, какъ меня зовутъ. Я назвалъ себя и хотѣлъ объяснить господину предсѣдателю все, что со мной случилось, и что записка не моя, а чужая. А онъ ужъ отмѣтилъ меня, и записку сунулъ въ ящикъ, и обратился къ слѣдующему избирателю, а меня толпа двинула дальше, и я вышелъ растерянный изъ залы. А на лѣстницѣ опять крикъ, шумъ, гамъ, въ разные голоса орутъ: „народная свобода!"

„Я вышелъ изъ Думы, и тутъ только я понялъ, какое я совершилъ преступленіе! Вѣдь я обманулъ своего Царя. Онъ просилъ меня послать Ему лучшихъ людей, а я послалъ Ему, Батюшкѣ, Богъ знаетъ кого, можетъ-быть, этого самаго сорванца, что меня ограбилъ, вырвавъ у меня записку, надъ которою я долго думалъ, которую самъ писалъ, помолившись Богу, въ которой я *по совѣсти* назвалъ тѣхъ людей, которыхъ я дѣйствительно считалъ „лучшими".

„Что же мнѣ теперь дѣлать? Вѣдь у меня теперь грѣхъ на душѣ. Я и самъ не знаю, какъ я могъ до такой степени ошалѣть отъ этого, прости Господи, дьявольскаго водоворота, въ который я попалъ въ Думѣ,—что отдалъ господину предсѣдателю невѣдомо какую бумажонку! Что мнѣ дѣлать? Что мнѣ дѣлать?"

И старикъ залился слезами.

Что ему дѣлать? Если-бъ его въ лѣсу ограбили разбойники, мы посовѣтовали бы ему обратиться къ судебнымъ властямъ. А тотъ дерзкій грабежъ, который съ нимъ учинили въ Думѣ гг. „кадеты", одурманивъ его дикимъ галдѣніемъ и насильно направивъ съ подсунутою запиской къ

избирательному ящику,—это наглое издѣвательство надъ личностью человѣка закономъ не предусмотрѣно.

Мы отпустили несчастнаго старика, не найдя для него ни одного слова утѣшенія. Онъ просилъ только непремѣнно огласить совершенное надъ нимъ насиліе, что мы и дѣлаемъ. На прощаніе мы посовѣтовали ему *въ другой разъ* быть осмотрительнѣе и присутствія духа на выборахъ не терять. Но въ другой разъ онъ, вѣроятно, въ этотъ безобразный омутъ и не пойдетъ.

Да, это дѣйствительно былъ „безобразный омутъ", какой представляли собой Московскіе выборы 26 марта 1906 года.

Мы на-дняхъ прочли въ газетахъ, какъ на одномъ Волжскомъ пароходѣ „прекрасно-организованная" шайка шулеровъ одержала блестящую побѣду надъ нѣсколькими пассажирами. Побѣжденные вывели побѣдителей на палубу и разстрѣляли ихъ. Это—дикая расправа, но она лишила негодяевъ возможности пользоваться своею побѣдой и издѣваться надъ своими жертвами.

Если окажется, что „кадеты" насъ 26 марта обыграли, то мы, конечно, съ ними такъ расправляться, какъ съ Волжскими шулерами расправились обыгранные ими пассажиры, не станемъ, а потому Московскіе „побѣдители" получатъ полную возможность торжествовать свою воровскую побѣду и издѣваться надъ обобранными ими жертвами.

Но всѣмъ честнымъ людямъ будетъ ясно, какого сорта эта „побѣда!"

Впрочемъ, таково уже свойство всякихъ выборовъ: гдѣ борются между собой *честные* люди и люди *безсовѣстные*, побѣда *всегда* остается за послѣдними, ибо у первыхъ *одно* только оружіе—правда, а у людей безсовѣстныхъ есть *тысячи* орудій лжи и насилія...

Московскій позоръ.

Случилось то, что мы вчера предсказывали.

Случилось то, что должно было случиться, что всегда на выборахъ случается.

Ничтожная, но дерзкая, не брезгающая никакими средствами шайка крамольниковъ одержала верхъ надъ скромнымъ, честнымъ большинствомъ населенія.

Вѣдь только очень наивные люди думаютъ, что на выборахъ правда торжествуетъ надъ ложью. Стоитъ только сообразить, что правда—*одна*, а ложь принимаетъ *тысячи* различныхъ видовъ; стоитъ только помнить, что на массу простыхъ, неопытныхъ людей хитрая ложь всегда производитъ гораздо большее впечатлѣніе, чѣмъ простая правда—и вы найдете вполнѣ естественнымъ выборную побѣду лжи надъ правдой, въ особенности на выборахъ политическихъ.

На страницахъ нашей газеты мы издавна и постоянно доказывали и разоблачали всю ложь, всю пагубность выборной системы.

Тѣмъ не менѣе, мы нынѣ всѣхъ убѣждали принимать участіе въ выборахъ и употребляли всѣ усилія для того, чтобы Русскіе люди попыта-

лись выбрать честныхъ, лучшихъ выборщиковъ. Но мы ни на минуту не сомнѣвались, что на выборахъ обманъ одержитъ верхъ надъ правдой, ибо въ этомъ и заключается основная сущность выборовъ: въ самомъ дѣлѣ, вѣдь выборы основаны на нелѣпѣйшей теоріи „большинства и меньшинства", по которой *сто* дураковъ имѣютъ больше значенія, чѣмъ *одинъ* мудрецъ.

Если бы мы отказались отъ выборовъ, всѣ объяснили бы неизбѣжную побѣду „кадетовъ" тѣмъ, что мы де „сидѣли сложа руки" и этимъ дали имъ возможность одержать свою побѣду.

Теперь этого упрека намъ сдѣлать нельзя. Мы добросовѣстно старались бороться съ безсовѣстностью, и если на выборахъ потерпѣли пораженіе, то не по нашей винѣ, а потому, что *на выборахъ* безсовѣстность всегда одерживала и всегда будетъ одерживать „блестящія побѣды".

Москва покрыла себя позоромъ, отвѣтивъ на призывъ Царя избраніемъ цѣлой банды однихъ только революціонеровъ въ качествѣ своихъ „представителей".

Но какая это Москва? въ Москвѣ болѣе милліона жителей, а избирателями оказались какіе-нибудь 60.000 человѣкъ, изъ коихъ большинство состоитъ изъ мелкой, безпочвенной интеллигенціи, которою руководятъ революціонные главари высшей интеллигенціи, засѣдающіе въ Городской Думѣ, въ Земствѣ, въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Эти главари и ихъ приспѣшники столь же мало имѣютъ общаго съ настоящею Москвой, какъ и декабрьскіе „Москвичи", устроившіе „вооруженное возстаніе".

Такимъ образомъ, благодаря выборамъ, истинная Москва отдана въ жертву наглой, безсовѣстной крамолѣ, которая теперь и торжествуетъ свою вполнѣ естественную побѣду.

Но Москва заранѣе протестуетъ и будетъ протестовать противъ того, чтобъ эти крамольники, одержавшіе на выборахъ побѣду путемъ насилія, лжи и клеветы,—считались ея „представителями".

Что̀ теперь говорятъ „кадеты"?

А вотъ что̀ они говорятъ, какъ намъ приходилось слышать въ разговорѣ съ ними:

„Какъ-ни-какъ, а мы побѣдили. Пусть насъ обвиняютъ въ насиліи, лжи и клеветѣ,—намъ это все равно. Вѣдь дѣло не въ томъ, *чѣмъ* и *какъ* мы побѣдили, а въ томъ, что *мы* побѣдили, а не другіе. Точно такъ же мы будемъ одерживать и дальнѣйшія побѣды, не щадя никакихъ усилій, такъ что, безо всякаго сомнѣнія, вся Государственная Дума будетъ въ нашихъ рукахъ. Тогда мы уже по-своему расправимся со всею Россіей. А Россія должна будетъ молчать и подчиняться нашей расправѣ. Разъ Россія выбрала насъ, *мы одни* въ правѣ говорить отъ ея имени.

„Если, напримѣръ, мы заявимъ, что намъ не надо Православной Церкви и что мы отвергаемъ Самодержавнаго Царя,—то это будетъ значить, что нашими устами говоритъ вся Россія, ибо мы ея „представители".

„Если Царь скажетъ, что „Его Самодержавіе останется такимъ, какимъ оно было встарь“,—мы Ему отвѣтимъ, что *мы* этого не желаемъ, а такъ какъ *мы*—представители Россіи, то и вся Россія этого не желаетъ.

„Если къ Царю будутъ приходить народныя депутаціи съ выраженіемъ преданности Его Самодержавію,—мы будемъ заявлять, что всѣ эти депутаціи говорятъ неправду, такъ какъ *мы одни* знаемъ всѣ чувства и желанія народа. Да мы прямо запретимъ этимъ депутаціямъ тревожить Его Величество, такъ какъ отнынѣ Царь долженъ слушать только *однихъ насъ*: весь Русскій народъ для Царя долженъ заключаться въ *однихъ только насъ*. Всякое *наше* требованіе должно считаться *народнымъ* требованіемъ; *нашъ* гласъ для Царя долженъ являться гласомъ *народнымъ*, а слѣдовательно и гласомъ *Божіимъ*.

„Вотъ почему Русскій народъ теперь долженъ будетъ *молчать*, а мы отъ его имени будемъ дѣлать все, что намъ угодно“!

Конечно, такимъ образомъ и будетъ обезпечена „народная свобода“! Еврей Герценштейнъ будетъ требовать, напримѣръ, чтобы по примѣру Франціи, изъ школъ выброшены были святыя иконы,—а Русскій народъ долженъ будетъ *молчать*, такъ какъ, видите ли, за него могутъ говорить только „кадеты“ и другіе попавшіе въ Думу крамольники!

Но „кадеты“ теперь еще и не то говорятъ.

Они говорятъ, что непремѣнно заставятъ графа Витте перейти въ ихъ ряды, такъ какъ они вѣдь выражаютъ „волю Русскаго народа“, а Правительство должно теперь подчиняться не Государю, а народу. Мало того: народу,—то-есть „кадетамъ“,—долженъ будетъ подчиняться и Самъ Государь!

„Если мы представляемъ собой Русскій народъ“,—говорятъ они,—„то кто же можетъ спорить съ нами? *Мы одни* теперь будемъ имѣть право судить министровъ и выражать имъ довѣріе или недовѣріе. Если графъ Витте хочетъ быть въ ладу съ нами, онъ долженъ удалить всѣхъ своихъ министровъ и назначать на ихъ мѣста однихъ только насъ, „кадетовъ“. Тогда въ нашихъ рукахъ будутъ и вся Дума, и все правительство, и Царь, и вся Россія. А если графъ Витте на это не согласится, то мы обойдемся и безъ него. Чѣмъ, напримѣръ, нашъ Герценштейнъ хуже Витте? Его мы и сдѣлаемъ первымъ министромъ. Вѣдь Герценштейнъ излюбленъ Русскимъ народомъ, а графъ Витте только назначенъ Государемъ“.

Такъ теперь говорятъ „кадеты“.

Неужели они правы?

Неужели Царь признаетъ ихъ „представителями“ Русскаго народа? Неужели Онъ приметъ ихъ дерзкія, непотребныя слова за „народную волю“?

Неужели Русскій народъ будетъ молчать и подписываться подъ ихъ требованіями и заявленіями? Неужели онъ откажется отъ непосредственнаго общенія со своимъ Царемъ, довѣривъ всѣ свои дѣла и нужды шайкѣ крамольниковъ, насиліемъ и обманомъ пробравшихся въ Государственную Думу, въ которой, по желанію Царя, должны засѣдать лишь „лучшіе“ люди?

Къ открытію Всероссійскаго Съѣзда Русскихъ людей.

Добро пожаловать къ намъ въ Москву, Русскіе люди, съѣхавшіеся со всѣхъ концовъ Россіи.

Васъ привѣтствуютъ Москвичи стараго закала, еще дорожащіе и Кремлемъ своимъ, и его святынями, и доброю славой Бѣлокаменной Царской Столицы.

Но, увы, намъ приходится не только дорожить этой славою, но и тужить по ней. Помрачилась слава Москвы златоглавой, а вмѣстѣ съ нею помрачилась и вся слава Россіи! Не даромъ Москва зовется сердцемъ Россіи, а извѣстно, если страдаетъ сердце, то страдаетъ и все тѣло.

Вы застаете насъ, братья родные, на нравственныхъ развалинахъ старой Москвы, служившей нѣкогда всей Россіи примѣромъ пламенной вѣры въ Церковь Православную, беззавѣтной преданности неограниченной Власти Самодержавнаго Царя и глубокой любви къ Русскому народу; а нынѣ...

Стыдно сказать, кому нынѣ Москва подаетъ примѣръ своими октябрьскими и декабрскими бунтами и своими мартовскими выборами.

А потому, Русскіе люди, съѣздъ вашъ въ Москву для насъ вдвойнѣ отраденъ.

Мы рады вамъ, какъ дорогимъ гостямъ, какъ роднымъ братьямъ, которыхъ мы во всякое время готовы принять у себя съ распростертыми объятіями.

Но мы сугубо рады вамъ въ настоящую тяжелую годину, какъ добрымъ совѣтчикамъ, какъ искреннимъ радѣтелямъ о благѣ Родины нашей. Намъ необходимо повидаться съ вами, потолковать о стрясшейся надъ Россіей несказанной бѣдѣ и, на общемъ совѣтѣ, найти выходъ изъ этой бѣды, которая, быть-можетъ, потому лишь кажется намъ столь грозною, что мы доселѣ чувствовали себя одинокими, какъ и вы, безъ сомнѣнія, чувствовали себя таковыми же на своихъ мѣстахъ.

Быть-можетъ, собравшись воедино, слившись душой, сердцемъ и умомъ, мы почувствуемъ свою дѣйствительную силу.

Быть-можетъ? Нѣтъ, мы прямо и увѣренно можемъ сказать, что въ единеніи нашемъ, безо всякаго сомнѣнія, будетъ и сила наша!

Мы встрѣчаемъ васъ на развалинахъ старой, вѣковой Москвы. Но развалины эти священны, полны смысла и вселяютъ въ насъ твердую рѣшимость не допускать дальнѣйшаго разрушенія того храма, которымъ является для всей Россіи Москва,—того храма, алтаремъ котораго высится Кремлевская Святыня.

Гдѣ Русскіе люди могутъ почерпнуть большую духовную силу, какъ не въ Москвѣ, какъ не въ Кремлѣ, гдѣ каждый камень говоритъ о русской славѣ? Гдѣ Русскіе люди могутъ соединиться въ одинъ общій, крѣпкій союзъ, какъ не въ той же Москвѣ, собирательницѣ всей Земли Русской?

Такъ добро же пожаловать, братья дорогіе, къ намъ въ Москву для образованія дружескаго, нерасторжимаго союза на спасеніе Родины, на воз-

становленіе святости Церкви Христовой, на огражденіе Царя Самодержавнаго отъ всѣхъ происковъ враговъ Россіи, на укрѣпленіе достоинства и благоденствія Русскаго народа, на возсіяніе лучезарной славы Москвы златоглавой!..

Еврейская побѣда надъ Москвой.

Съ тѣхъ поръ какъ 26 марта 1906 г. „кадеты“ путемъ лжи и насилія одержали въ Москвѣ свою выборную побѣду, честнымъ Русскимъ людямъ оставалось только быть зрителями дальнѣйшихъ дѣйствій этихъ побѣдителей.

Имъ предстояло выбрать четырехъ депутатовъ въ Думу и притомъ изъ своей же собственной шайки.

На трехъ именахъ они быстро сошлись, а на четвертомъ они раскололись.

Съ одной стороны, имъ хотѣлось выбрать въ Думу измѣнника, а съ другой—Жида.

Возгорѣлась страшная борьба, угрожавшая гибелью всей ихъ партіи, но въ концѣ-концовъ, какъ и слѣдовало ожидать, побѣдителемъ оказался Жидъ.

Такимъ образомъ Москва, отвѣчая на приглашеніе Государя Императора прислать Ему лучшихъ, достойнѣйшихъ людей, посылаетъ Ему- Жида.

Это *вопіющій* фактъ, но это *фактъ*, который теперь уже ничѣмъ не смоешь съ опозоренныхъ имъ страницъ исторіи Москвы и всей Россіи.

Это фактъ, предсказанный еще *19 марта* А. С. Шмаковымъ въ послѣднемъ Общемъ Собраніи Русской Монархической Партіи, а слѣдовательно еще до выборовъ 26 марта.

„Въ Москвѣ побѣдятъ кадеты“, говорилъ ораторъ, „а слѣдовательно Жиды. А потому представителемъ Москвы будетъ Герценштейнъ, съ чѣмъ васъ и поздравляю“.

Это предсказаніе сбылось, и нѣтъ сомнѣнія, что сбудутся и другія предсказанія А. С. Шмакова о томъ, какъ застонетъ Москва подъ игомъ еврейства.

Мы лично чрезвычайно рады, что „кадеты“ предпочли Жида измѣннику и этимъ дали намъ крупный козырь для дальнѣйшей упорной борьбы противъ Еврейства, противъ выборной системы и парламентаризма, и противъ всей вообще конституціи.

Достаточно будетъ сказать Русскому народу, что Москва выбрала своимъ представителемъ Жида, чтобы весь народъ Русскій содрогнулся отъ ужаса и негодованія...

„Лѣтній семестръ“.

Слава Богу! Наконецъ-то опомнились наши профессора и студенты и, хотя поздно, но все-таки рѣшились снова приняться за ученіе!

Съ этою цѣлью они желаютъ ввести небывалый доселѣ въ Россіи „лѣтній семестръ“, дабы въ апрѣлѣ, маѣ и іюнѣ, а, можетъ-быть, и въ

іюлѣ, заняться заброшенною ими наукой и нагнать то, что они пропустили въ октябрѣ, ноябрѣ, декабрѣ, январѣ, февралѣ и мартѣ.

Что же? Богъ въ помощь! Учиться никогда не поздно. Желательно только, чтобы это ученіе было серіозно, послѣдовательно и плодотворно. Университетамъ предоставлена нынѣ полнѣйшая свобода, а потому отъ самихъ профессоровъ и студентовъ будетъ теперь зависѣть оградить эту свободу какъ отъ злоупотребленія ею въ стѣнахъ Университета, такъ и отъ покушеній на нее со стороны внѣшнихъ революціонныхъ агитацій.

Будемъ надѣяться, что въ этомъ отношеніи профессора и студенты окажутся на должной высотѣ своего положенія, и что интересы науки будутъ для нихъ дороже, чѣмъ интересы политическихъ партій.

Во всякомъ случаѣ, имъ придется имѣть въ виду двѣ опасности, которыя грозятъ прервать предстоящія имъ научныя занятія.

Объ этихъ опасностяхъ мы получили изъ компетентнаго петербургскаго источника слѣдующія тревожныя свѣдѣнія:

„Кадеты радостно привѣтствуютъ открытіе Московскаго Университета и увѣряютъ, что это событіе давно ими подготовлено и всецѣло входитъ въ ихъ планы. Дѣло въ томъ, что кадеты намѣрены выступить въ Думѣ въ качествѣ „„представителей народа““ и тотчасъ же предъявить Правительству самыя широкія требованія. Предвидя отказъ этимъ требованіямъ, кадеты разсчитываютъ найти шумную и прочную поддержку въ „„народѣ““, каковымъ будутъ считаться тѣ крикуны, которые, по примѣру октябрьскихъ дней, будутъ собираться на студенческія сходки въ университетахъ. Съ этою единственною цѣлью, хвастаются они, для насъ теперь и открываются университеты.

„Съ другой стороны, на тѣ же студенческія сходки возлагаютъ свои надежды и соціалисты. Еще 7 апрѣля они выступили съ заявленіемъ, весьма для насъ поучительнымъ. Заявленіе это ходитъ въ изобиліи по рукамъ студентовъ и поучаетъ ихъ революціонному уму-разуму.

„Принимая во вниманіе, говорятъ гг. соціалисты: 1) что демократическая революція въ Россіи идетъ къ новому подъему, вслѣдствіе чего интересы пролетаріата, какъ передового класса современнаго общества, требуютъ борьбы противъ тѣхъ конституціонныхъ иллюзій, которыя распространяетъ либерально-монархическая буржуазія, прикрывая этимъ свои узко-классовые интересы; 2) что въ Россіи до сихъ поръ не осуществлены основныя начала свободы слова, печати, собраній, союзовъ и неприкосновенности личности; 3) что русское студенчество, всегда стоявшее въ передовыхъ рядахъ борцовъ за освобожденіе, заинтересовано въ осуществленіи этихъ свободъ, содѣйствующихъ скорѣйшему подъему революціоннаго движенія; 4) что *открытіе высшихъ* учебныхъ заведеній въ настоящее время *можетъ только содѣйствовать дѣятельному участію студентовъ въ освободительной борьбѣ* и въ частности осуществленію свободы слова, собраній и неприкосновенности личности.—

„Московскій Комитетъ признаетъ необходимымъ:

„1) *Немедленное открытіе* высшихъ учебныхъ заведеній въ Россіи.

„2) *Использованіе всѣхъ средствъ къ продолженію революціонной борьбы, въ томъ числѣ и тѣхъ, которыя оказываются въ рукахъ студентовъ и послѣ открытія высшихъ учебныхъ заведеній*“.

„Въ виду этого дерзкаго заявленія соціалистовъ, желающихъ представить дѣло такъ, какъ-будто университеты теперь открываются профес-

сорами по требованію революціонеровъ, для большаго успѣха революціоннаго движенія, — необходимо, чтобъ университетскія власти приняли всѣ необходимыя мѣры для опроверженія такого взгляда и категорически выразили, что они открываютъ Университетъ не по приказу „„Московскаго Комитета Русской Соціалъ-демократической Революціонной Партіи"", а исключительно въ интересахъ научнаго преподаванія".

Мы вполнѣ присоединяемся къ этому пожеланію и надѣемся, что Московскіе профессора и студенты на дѣлѣ докажутъ, что они дѣйствительно серіозно думаютъ о *наукѣ*, а не о политикѣ, и что „лѣтній семестръ" ознаменуется не революціоннымъ, а мирнымъ научнымъ движеніемъ въ университетахъ.

Временный уходъ графа Витте.

Носятся упорные слухи, что графъ Витте покидаетъ свой постъ, и на этотъ разъ, повидимому, слухи эти не лишены основанія.

Мы всегда открыто указывали на недостатки Сергѣя Юльевича Витте, но всегда преклонялись предъ его тактическими соображеніями, и если, дѣйствительно, онъ счелъ нужнымъ наканунѣ открытія Думы *на время* сойти съ политической сцены, то и въ этомъ шагѣ мы видимъ новое доказательство его выдающагося тактическаго ума. Ибо въ томъ, что онъ только на время удалится за кулисы политической сцены, а затѣмъ, рано или поздно, снова выступитъ на нее въ новой роли и съ новыми планами,—въ этомъ едва-ли можетъ быть какое либо сомнѣніе.

Теперь уйти ему необходимо, такъ какъ открытіе Думы уже настолько близко, что у графа Витте не было бы физической возможности въ это короткое время подготовить себѣ со стороны „кадетской" Думы сочувственный пріемъ какою-либо эффектною „конституціонно-демократическою" мѣрой.

Такою именно мѣрой и должно было быть то измѣненіе Основныхъ Законовъ, которое слишкомъ рано было оглашено, а потому и подверглось всесторонней безпощадной критикѣ, обнаружившей всю легкомысленность, чтобы не сказать преступность, этой фантастической реформы.

Подготовить, а тѣмъ болѣе осуществить какую-нибудь другую подобную реформу до 27 апрѣля уже немыслимо; съ пустыми же руками являться предъ ясныя „кадетскія" очи графу Витте было бы совершенно невозможно.

Вѣдь они сегодня еще пока—„кадеты", то-есть представители одной изъ русскихъ (?) политическихъ партій, съ которыми можно и не считаться, а когда они 27 апрѣля соберутся въ Думу, то уже будутъ считать себя, по нелѣпѣйшей конституціонной теоріи, „представителями Русскаго народа", и все, что они будутъ говорить и дѣлать,—все будетъ считаться словами и дѣйствіями „самого Русскаго народа". Такъ что еслибы графъ Витте явился въ „кадетскую" Думу, и „кадеты" выразили бы ему недовѣріе, то это равнялось бы тому, что ему выразилъ бы недовѣріе „весь Русскій народъ", и тогда ему пришлось бы уйти со своего поста „по волѣ

Русскаго народа", а это, по конституціонной теоріи, равнялось бы чуть не гражданской смерти.

Подвергаться такому риску для графа Витте не было никакого разсчета: вотъ почему онъ, какъ умный человѣкъ, заваривъ всю думскую кашу, предоставляетъ расхлебывать ее другимъ, отойдя на время въ сторонку.

Да, скажутъ намъ, но если ему теперь не выражено довѣріе со стороны „народа", то оно ему выражено со стороны Царя, а развѣ это не та же гражданская смерть?

Въ монархическомъ государствѣ,—да, въ конституціонномъ же,—а на Россію теперь всячески стараются напялить конституціонно-демократическій кафтанъ,—недовѣріе Царя является въ глазахъ „народа" не только не позоромъ, а величайшею честью.

Къ тому же, уже пущена легенда, что графъ Витте ушелъ де потому, что ему не позволили стать во главѣ „освободительнаго движенія" *).
Такая легенда въ значительной степени поможетъ графу Витте снова выступить на политическую сцену въ какой-нибудь новой роли.

Въ какой? Въ роли предводителя „кадетовъ"? Едвали. Программа „кадетовъ" къ тому времени явится въ такомъ истрепанномъ видѣ, и сами они раздѣлятся на столько фракцій, что для графа Витте вовсе не будетъ лестно фигурировать на одномъ планѣ съ какими-нибудь Родичевыми или Петрункевичами. Графъ Витте выступитъ тогда, вѣроятно, съ совершенно новымъ краснымъ словомъ, которое за-поясъ заткнетъ „кадетовъ", и въ которомъ близорукая толпа увидитъ такой же символъ спасенія, какой она доселѣ видѣла въ словѣ „конституція".

Но у графа Витте будетъ въ рукахъ и другой козырь, который ему подготовитъ возвращеніе на политическую арену.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что начало Государственной Думы будетъ чрезвычайно бурно и хаотично. Правда, господа „кадеты" раздѣлились

*) Основаніе такой легендѣ уже положено газетами *Страна* и *Слово*. Первая изъ нихъ увѣряетъ, будто графъ Витте вошелъ въ сношеніе объ отставкѣ при подробно-мотивированной запискѣ. На этотъ разъ премьеръ ставилъ вопросъ объ отставкѣ въ самой рѣшительной, категорической формѣ. Отставка мотивировалась слѣдующими соображеніями:

1) Опытъ показалъ, что онъ, графъ Витте, безсиленъ направлять внутреннюю политику согласно собственнымъ убѣжденіямъ, такъ какъ на ходъ политики имѣютъ крупныя вліянія и другіе государственные дѣятели.

2) Многіе изъ правительственныхъ актовъ, имъ не раздѣляемые, проведены не имъ, а между тѣмъ онъ лишенъ возможности ссылаться на это обстоятельство для огражденія себя отъ нападокъ, которыя предстоятъ въ Государственной Думѣ.

3) Неосуществленіе той программы, на которой онъ настаивалъ, и, между прочимъ, отмѣны военнаго положенія въ Россіи, послѣ подавленія безпорядковъ въ Россіи, вооружило противъ него всѣ (?) политическія партіи, тогда какъ кабинетъ долженъ опираться на общественныя силы.

Что же касается газеты *Слово*, то эта газета увѣряетъ, будто одною изъ причинъ ухода въ отставку премьеръ-министра графа Витте послужила извѣстная отвѣтная телеграмма генерала Неплюева изъ Севастополя. Графъ Витте передалъ переписку для напечатанія издателю *Биржевыхъ Вѣдомостей* Проптеру, и такимъ путемъ аппеллировалъ къ общественному мнѣнію, для доказательства, что многое совершается помимо его и противъ его личныхъ желаній.

относительно ближайшей своей тактики на двѣ части: одни (Д. Н. Шиповъ) хотятъ въ Думѣ и въ Государственномъ Совѣтѣ „корректничать", чтобы медленнымъ путемъ дойти до своей цѣли, одурачивъ и обобравъ Правительство совершенно незамѣтнымъ для него образомъ: другіе (г. Родичевъ) непремѣнно хотятъ „нахальничать", дабы сразу терроризовать Правительство и сорвать съ него цѣлую уйму уступокъ: но, какъ это всегда бываетъ, крайняя группа возьметъ верхъ надъ умѣренною, и думскіе скандалы станутъ неизбѣжными, —все равно, оставался ли бы графъ Витте премьеръ-министромъ, или нѣтъ.

Теперь же, какъ онъ самъ, такъ и его приверженцы будутъ говорить что „этихъ скандаловъ, разумѣется, не было бы, если бы графъ Витте остался у власти". А отъ такихъ толковъ до требованія возвращенія графа Витте въ качествѣ „спасителя Россіи"—будетъ одинъ только шагъ.

Ну, можно ли послѣ этого сомнѣваться въ тонкомъ тактическомъ умѣ графа Витте? Еслибъ онъ ушелъ слишкомъ поздно,—„представители народа" нанесли бы ему въ Думѣ тяжелый, непоправимый ударъ: а если-бъ онъ ушелъ слишкомъ рано, не доведя „представителей народа" до самаго порога Думы,—они, можетъ-быть, никогда и не переступили бы этого порога, и этимъ революціонное движеніе потерпѣло бы тотъ крахъ, котораго такъ опасаются враги Россіи, и котораго такъ искренно желаютъ всѣ ея друзья, всѣ истинно-Русскіе люди со своимъ Державнымъ Вождемъ.

Теперь,—увы, крахъ революціи уже невозможенъ: открытія Думы никто не предотвратитъ, Дума поведетъ къ открытой революціи, а революція—къ краху Россіи.

Мы говоримъ совершенно одиноко, *безъ всякаго намѣренія и безъ всякихъ надеждъ* повліять на чье-либо убѣжденіе или рѣшеніе, но не можемъ не высказать того, въ чемъ мы сами глубоко убѣждены.

Россію можетъ спасти лишь желѣзная диктатура.

Ее, безъ всякаго сомнѣнія, придется назначить *послѣ* открытія Думы и послѣ крамольныхъ ея дѣйствій, и тогда диктатура потребуетъ неимовѣрной массы жертвъ.

Съ гораздо меньшимъ числомъ жертвъ будетъ сопряжена диктатура, если она учреждена будетъ *до* открытія Думы, съ отмѣной всѣхъ противорѣчащихъ неограниченному Самодержавію законодательныхъ правъ Думы—согласно словамъ Государя: „Самодержавіе Мое останется такимъ, какимъ оно было встарь".

Пока депутаты еще не собраны въ Думу, они и сами себя не могутъ считать „представителями народа". Но если они 27 апрѣля сойдутся въ Думѣ, то они уже будутъ считать себя „народомъ",—и если Государь на ихъ дерзкія требованія не согласится, то они всю Россію огласятъ мятежными кликами, что „Царь противится волѣ народной".

Зачѣмъ же давать врагамъ Россіи возможность созданія этой вредной и опаснѣйшей лжи, когда есть полная возможность предотвратить ее и сохранить вѣковѣчное въ Россіи единодушіе Царя и народа.

Такъ говоритъ здравый смыслъ.

Но Россія увлечена графомъ Витте въ другую сторону отъ здраваго смысла, и остановить ее на этомъ пути, даже послѣ его отставки, въ настоящую минуту ни у кого, къ сожалѣнію, не хватитъ ни силы воли, ни энергіи. Это графъ Витте хорошо знаетъ, а потому и не безпокоится за дальнѣйшій ходъ искусственно-созданнаго имъ движенія.

Но наступитъ время, и диктатура станетъ неизбѣжною.

Тогда, можетъ-быть, вспомнятъ то, что мы теперь говоримъ въ полномъ нашемъ одиночествѣ.

Когда же конецъ?

Новое адское покушеніе!

Снова пролита въ Москвѣ кровь вѣрнаго слуги Царскаго.

Снова изверги, требующіе, „ради гуманности", отмѣны смертной казни для своихъ палачей, доказали всю свою звѣрскую кровожадность.

Когда же этому наступитъ конецъ?

Увы, конца этому не предвидится,—и еще много разъ неистовствующей крамолѣ будутъ приноситься въ напрасную жертву жизни истинно-Русскихъ людей.

Да, еще много разъ: вѣдь у насъ все дѣлается для того, чтобы облегчать гнусныя политическія преступленія!

Пока, послѣ декабрскаго бунта, изверги-крамольники сидѣли по тюрьмамъ, Москва дышала свободно и могла спокойно посвящать себя мирному труду.

Но вотъ, по разсчетамъ крамолы, революціонное движеніе должно было усилиться ко времени открытія Государственной Думы, а для этого необходимо было пополнить революціонные кадры опытными главарями и бойцами. Въ виду этого, крамольныя газеты начали въ одинъ голосъ требовать освобожденія арестованныхъ негодяевъ, которые и стали выпускаться на волю для продолженія своей преступной дѣятельности совмѣстно со своими сообщниками, попавшими посредствомъ лжи и обмана въ Государственную Думу.

При такихъ условіяхъ, само собою разумѣется, революціонное движеніе могло только усилиться, и, при теперешнемъ дрябломъ, шаткомъ, ежедневно мѣняющемся режимѣ, оно достигнетъ еще невиданныхъ доселѣ кровавыхъ преступленій.

И общество, и Правительство наше все еще никакъ не могутъ очнуться и понять всю грозящую имъ опасность, въ полномъ ея объемѣ.

Они беззаботно живутъ изо дня въ день и какъ-будто не видятъ той тѣсной связи между этими днями, которая проходитъ черезъ нихъ красною чертой вотъ уже цѣлые два года!

Сегодня было покушеніе на адмирала Дубасова. Это ужасно. Но гораздо ужаснѣе то, что такія покушенія у насъ стали принадлежать къ числу повседневныхъ событій.

Лишь одно чудо милосердія Божія спасло нашего адмирала,—а мы уже завтра или послѣзавтра, по легкомыслію своему, забудемъ объ этомъ

покушенія, только потому, что оно „не удалось“.. Между тѣмъ, весь ужасъ настоящаго нашего положенія заключается именно въ томъ, что такія адскія покушенія у насъ *возможны*, а не въ томъ, удаются они, или нѣтъ.

Когда же, наконецъ, будетъ положенъ рѣшительный предѣлъ всѣмъ этимъ преступленіямъ, — какъ удающимся, такъ и неудающимся, — когда же, наконецъ, будетъ расчищена та смрадная атмосфера революціонныхъ злодѣяній, въ которой мы не живемъ, а задыхаемся?

До сихъ поръ Петербургъ думалъ побороть революцію *уступками* и старался даже предупреждать ея хищническія желанія. Ну, и что же? Поборолъ онъ ее такою жалкою, трусливою тактикой? Нѣтъ, онъ только усилилъ ея дерзости, увеличилъ ея домогательства.

Неужели еще кому-нибудь не ясна вся ошибочность этой тактики? Неужели и впредь Петербургъ будетъ только все уступать и уступать всѣмъ натискамъ обнаглѣвшей крамолы?

Нѣтъ, пора перейти къ тактикѣ рѣшительной, мужественной.

А ее при данныхъ обстоятельствахъ можетъ осуществить лишь *реальная военная диктатура*—единообразная и разумно-послѣдовательная—во всей Россійской Имперіи.

Мы вотъ уже цѣлый годъ повторяемъ эту истину и не перестанемъ ее повторять до тѣхъ поръ, пока она изъ парадокса не превратится въ аксіому.

Крамольныя газеты говорятъ:

„Репрессивныя, диктаторскія мѣры не помогутъ: ихъ уже и теперь примѣняютъ, а преступленія не прекращаются“.

Это неправда.

Въ примѣнявшихся до сихъ поръ репрессивныхъ мѣрахъ не было ни согласованности, ни послѣдовательности. Такой неравномѣрный, „пестрый“, репрессивный режимъ существенной пользы принести не можетъ, а зачастую приноситъ величайшій вредъ.

Какая же это диктатура, когда наша крамольная печать открыто проповѣдуетъ низверженіе Самодержавія, когда агитаторы безнаказанно ведутъ анархическую пропаганду среди рабочаго и сельскаго народа, когда Государственная Дума, мѣстныя самоуправленія и даже университеты становятся притонами дерзкихъ бунтарей, идущихъ противъ Самодержавнаго Царя?

Нѣтъ, намъ не надо такой диктатуры, при которой политическія преступленія возможны. Намъ нужна такая диктатура, при которой эти гнусныя злодѣянія стали бы абсолютно немыслимы.

Вспомните Вильну въ 1863 году *до* Муравьева и *при* Муравьевѣ. Страшный, кровавый мятежъ, неистово свирѣпствовавшій въ семи губерніяхъ, былъ окончательно усмиренъ въ какіе-нибудь 6 мѣсяцевъ,—и затѣмъ весь Сѣверо-Западный и Привислинскій край вступилъ въ періодъ никогда невиданнаго имъ мирнаго развитія и благоденствія.

Вотъ *такая* намъ нужна диктатура,—диктатура Муравьевская, распространенная на всю Россію.

Противъ *такой* диктатуры никакой мятежъ, никакая революція устоять не можетъ. При *такой* диктатурѣ прекратятся всѣ „политическія" преступленія: при *такой* диктатурѣ Россія вернется, наконецъ, къ законному порядку и мирному развитію.

Чрезвычайныя обстоятельства требуютъ и чрезвычайныхъ мѣръ. А мы какъ-будто все время не видимъ, или не хотимъ видѣть, что Россія переживаетъ такой чрезвычайный, такой острый кризисъ, какой государства переживаютъ однажды во всю свою многовѣковую жизнь.

Кризисъ Татарскій, кризисъ Наполеоновскій, кризисъ Смутнаго времени были совершенно ничтожны, сравнительно съ кризисомъ, переживаемымъ Россіей въ настоящее время. Въ тѣ три кризиса Русскій народъ имѣлъ дѣло съ *внѣшними* врагами, борьба съ которыми лишь тѣснѣе сплачивала его воедино и укрѣпляла его преданность Царскому Самодержавію.

Настоящій кризисъ возбудилъ въ Россіи *междоусобную* непримиримую вражду, возгорѣвшуюся изъ-за жизненнаго вопроса о такомъ основномъ устоѣ Россіи, какъ Самодержавіе ея Царей, то-есть *о собственномъ ея существованіи.* И въ этомъ чрезвычайномъ кризисѣ мы медлимъ обратиться къ единственному чрезвычайному средству, могущему спасти Россію,—къ военной диктатурѣ!

Такая мѣра сразу понизила бы тонъ современной крамольной дерзости, а главное—сразу дала бы возможность воспрянуть духомъ всему Русскому народу, истомившемуся отъ безвластія, безпутія и безпросвѣтнаго мрака, и жаждущему сильной Царской неограниченной Власти, строгаго, справедливаго суда надъ всею крамолой и яркаго свѣта Русской вѣковѣчной правды.

Но вмѣсто этой единственно цѣлесообразной мѣры Петербургъ примѣняетъ къ Россіи разные опыты, которые всѣ оканчиваются усиленіемъ революціи. Теперь вотъ хотятъ попробовать, что выйдетъ изъ Думы. Какъ-будто не ясно, что изъ „кадетской", то-есть крамольной, Думы можетъ только выйти усиленіе крамолы, и что Дума въ концѣ-концовъ приведетъ насъ—но слишкомъ поздно—къ той самой военной диктатурѣ, съ которой она должна бы начаться.

Мы это говоримъ въ послѣдній разъ передъ роковымъ открытіемъ Государственной Думы, не дѣлая себѣ никакихъ иллюзій насчетъ того, что голосъ нашъ будетъ услышанъ.

Но мы себѣ не дѣлаемъ и иллюзій насчетъ ближайшаго будущаго Россіи, если будетъ продолжаться тотъ шаткій, слабосильный режимъ, при которомъ возможны такія гнусныя преступленія, какъ то, которое нынѣ возмутило Москву, а съ ней вмѣстѣ и всю Россію...

Еще и еще.

Вчера мы писали:

„Еще много разъ неистовствующей крамолѣ будутъ приноситься въ напрасную жертву жизни истинно-Русскихъ людей".

И вотъ уже сегодня намъ приходится завести въ длинный скорбный

списокъ мучениковъ за Царя и Родину имя Екатеринославскаго временнаго генералъ-губернатора генерала Василія Петровича Жолтановскаго.

Его вчера убили шесть бунтарей, которые стрѣляли въ него залпами изъ револьверовъ, а затѣмъ, разумѣется, благополучно скрылись.

Почему: „разумѣется“?

Да потому, что революціонныя организаціи у насъ, благодаря дряблости центральныхъ властей, потворствующихъ дерзкой революціонной пропагандѣ, развиваются такъ успѣшно, что политическія преступленія ставятся у насъ на сцену съ полнымъ режиссерскимъ совершенствомъ, которому могъ бы позавидовать даже самъ г. Станиславскій. Въ большинствѣ случаевъ, безчеловѣчные крамольные палачи либо сами гибнутъ (фанатики-изувѣры), либо, совершивъ свое адское дѣло, благополучно скрываются. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаяхъ, тайна ихъ заговора остается тайной.

Мы сказали, что истинно-Русскіе люди приносятся въ *напрасную* жертву крамолѣ.

Почему: „напрасную“? Вѣдь мы сами же говоримъ, что они геройски умираютъ на своемъ боевомъ посту „за Царя и Родину“.

Да, но развѣ теперь кѣмъ-нибудь цѣнится геройская смерть за „Царя и Родину“? Развѣ самоотверженная борьба за Царя и Родину не ставится теперь Русскимъ людямъ въ тягчайшую вину не только со стороны революціонной, но и со стороны Петербургской крамолы?

Бобриковъ умеръ за Царя и Родину. Петербургъ проклялъ его за эту доблестную смерть и былъ въ восторгѣ отъ князя Ивана Оболенскаго и г. Герарда, когда они стали разрушать Бобриковское Русское дѣло и создавать шведское дѣло г. Мехелина, злѣйшаго врага Россіи.

Плеве умеръ за Царя и Родину. И его Петербургъ проклялъ за его вѣрную службу Царю и Россіи и рукоплескалъ князю Святополкъ-Мирскому и Сергѣю Юльевичу Витте, когда они принялись систематически разрушать Самодержавіе Русскаго Царя, вѣрнымъ стражемъ котораго всю свою жизнь былъ В. К. Плеве.

Вотъ та участь, которая ждетъ какъ самихъ Русскихъ людей, умирающихъ за Царя и Родину, такъ и взлелѣянное ими, Царемъ одобренное, Русское дѣло. Всесильный бюрократическій и космополитическій Петербургъ никогда не проститъ человѣку его вѣрную службу Царю и его преданность Русской государственной идеѣ: онъ его либо выкинетъ за бортъ, либо отдастъ на пропятіе своимъ союзникамъ-революціонерамъ.

Чѣмъ провинились, напримѣръ, графъ Шуваловъ, или Слѣпцовъ, или Богдановичъ? Чѣмъ заслужили они произведенную надъ ними крамольную „смертную казнь“?

Ничѣмъ. Они только остались вѣрными своей присягѣ и служили по совѣсти своему Царю.

Но одна уже эта вѣрная служба является непростительнымъ преступленіемъ не только въ глазахъ крамольниковъ, но и въ глазахъ либерально-чиновнаго Петербурга. Вотъ почему онъ предоставляетъ честныхъ истинно-Русскихъ людей крамольникамъ на растерзаніе. А когда крамольники

чувствуютъ, что имъ необходима подмога, то, по ихъ требованію, Петербургъ открываетъ тюремныя ворота, изъ которыхъ летятъ на помощь крамолѣ опытные, озлобленные, готовые на все, революціонные генералы и полковники.

Но этого имъ все еще мало: они требуютъ „полной амнистіи" *всѣхъ* еще не освобожденныхъ крамольниковъ, самыхъ отчаянныхъ преступниковъ, необходимыхъ для намѣченнаго ими новаго революціоннаго похода.

И что же? Крамольники, основываясь на прежнихъ примѣрахъ, вполнѣ увѣрены, что добьются амнистіи для своихъ революціонныхъ сообщниковъ, и что тогда уже революція пойдетъ „во всю", и захватитъ въ свои преступныя руки ту *неограниченную* власть, которая нынѣ пока еще, слава Богу, находится въ рукахъ Русскаго Царя.

Мало того, они рѣшили на первыхъ же порахъ потребовать чтобы Дума торжественно почтила память всѣхъ казненныхъ „героевъ освободительнаго движенія", то-есть тѣхъ негодяевъ, которые открыто пошли противъ Царя и Родины.

Да, они всего добиваются и всего добьются. Петербургъ ихъ слушаетъ, ихъ боится, съ ними считается, съ ними кокетничаетъ, съ ними церемонится, и старается ихъ „не раздражать".

А Русскіе люди?

Для Петербурга они никакого значенія не имѣютъ.

— Что они тамъ дѣлаютъ?—спрашиваетъ Петербургъ.

„Служатъ вѣрой и правдой Русскому Царю, оставаясь непоколебимыми въ исполненіи своего долга, согласно своей присягѣ".

— Жалкіе, смѣшные Донъ-Кихоты!—отвѣчаетъ Петербургъ,—Пусть занимаются такими пустяками, лишь бы только они не мѣшали „освободительному движенію" и не раздражали крамольниковъ.

„Ну, а если крамольники *ихъ* раздражаютъ своимъ походомъ противъ Царя"?

— Пусть терпятъ и молчатъ, дабы все всюду обстояло благополучно.

„Ну, а если крамольники бросаютъ бомбы и убиваютъ Русскихъ людей,—должно ли это тоже считаться благополучіемъ"?

— Тутъ уже сами Русскіе люди виноваты! Вольно имъ держаться какой-то присяги и нести такую службу, которой никто отъ нихъ не требуетъ. Зачѣмъ они мѣшаютъ освободительному движенію? Зачѣмъ они раздражаютъ революціонеровъ? Ихъ убиваютъ, этихъ Донъ-Кихотовъ? Туда имъ и дорога!

„Да, но вѣдь они приносятъ свою жизнь въ жертву Царю и Отечеству"!

— Это совершенно напрасныя жертвы. Никому онѣ не нужны.

Такъ думаетъ и говоритъ Петербургъ, воображая, что онъ „все" въ Россіи.

Но Россія знаетъ, что кромѣ Петербурга есть Царское Село, и что тамъ находится то, что для Россіи есть „все", и что тамъ служба Русскому Царю не пропадаетъ.

Да, это правда: мы—Донъ-Кихоты, и если отъ насъ потребуется *еще* и *еще* „напрасныхъ" жертвъ, мы ихъ *еще и еще* готовы принести...

Когда-нибудь да переполнится чаша, и наша кровь возопіетъ къ небу! Когда-нибудь будетъ услышанъ и нашъ голосъ! Когда-нибудь воскреснетъ Россія,—и тогда мы не пожалѣемъ столь напрасно проливаемой нами теперь крови нашей...

Полтораста лѣтъ „Московскихъ Вѣдомостей".

Полтораста лѣтъ просуществовали *Московскія Вѣдомости*, отражая на своихъ страницахъ съ большею или меньшею отчетливостью исторію Россіи отъ Императрицы Елисаветы Петровны до нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора Николая II.

О многихъ радостныхъ и горестныхъ страницахъ этой полуторавѣковой исторіи вѣщали *Московскія Вѣдомости* своимъ читателямъ, но ни разу имъ не приходилось отмѣчать такіе тяжелые, скорбные дни, какъ тѣ, среди которыхъ нынѣ наступила полуторастолѣтняя годовщина старѣйшей Московской газеты.

Велика была смута на Руси триста лѣтъ тому назадъ, но причины ея были совершенно ясны: не было Царя, и на Русь Святую ополчились злѣйшіе ея, въ то время, враги — Поляки. А потому и задача всего Русскаго народа была ясна, были ясны и средства, съ которыми онъ долженъ былъ выйти на борьбу съ иноземнымъ врагомъ за Царя Православнаго и за дорогую Родину.

Ни мѣщанинъ Мининъ, ни князь Пожарскій, ни крестьяне, ни дворяне, ни лица духовныя не стояли въ 1612 году растерянными передъ вопросомъ „что дѣлать"?, передъ которымъ нынѣ, въ 1906 году, стоитъ вся Россія. Они совершенно ясно *знали*, что нужно дѣлать, а потому и *дѣлали* свое святое, ясное Русское дѣло.

А мы, Русскіе люди, оставшіеся вѣрными и исповѣданію Вѣры Православной, и присягѣ, данной Царю Самодержавному, мы, Русскіе люди, не перешедшіе въ крамольный станъ измѣнниковъ Россіи,—мы въ отчаяніи стоимъ передъ роковымъ „что дѣлать?" и видимъ, какъ на нашихъ глазахъ гибнетъ, тонетъ Россія, безо всякой возможности помочь ей иначе, чѣмъ горячею молитвой къ Господу Вседержителю.

На мятежъ отвѣтить мятежомъ, на подпольный терроръ отвѣтить терроромъ законнымъ *мы не можемъ*, такъ какъ на это нѣтъ еще Воли Государевой, да и борьба съ врагами внѣшними и внутренними лежитъ на обязанности не безоружнаго общества, а вооруженнаго съ ногъ до головы и снабженнаго всѣми моральными и матеріальными средствами Правительства.

Но гдѣ же наше Правительство? Почему же оно давно уже съ корнемъ не вырвало крамолы изъ почвы Россіи?

Увы, — и Правительство стоитъ передъ роковымъ вопросомъ „что дѣлать?", хотя оно само своими ошибками, своею слабостью и непослѣдовательностью подготовило и создало этотъ вопросъ.

Вотъ въ какую небывало-тяжелую годину Россіи газета наша вступаетъ во вторую половину второго столѣтія своего существованія.

Но она ни на одну минуту не теряется въ раздумьи передъ вопросомъ „что дѣлать?“. Для нея этого вопроса не существуетъ. Она *знаетъ*, что нужно дѣлать. У нея есть твердая почва подъ ногами, такъ какъ она неуклонно держится ясныхъ, опредѣленныхъ завѣтовъ, оставленныхъ ей такимъ гигантомъ ясной Русской мысли, какимъ былъ Катковъ.

Полтораста лѣтъ существуютъ *Московскія Вѣдомости*, но въ счетъ идетъ только та четверть вѣка, съ 1863 по 1887 годъ, когда ими управлялъ М. Н. Катковъ, когда онъ изъ ничтожнаго листка создалъ міровую величину, первую истинно-политическую Русскую газету.

Политическое значеніе *Московскихъ Вѣдомостей* до Каткова равняется нулю, а если онѣ сохранили свое значеніе и послѣ кончины великаго патріота, то лишь настолько, насколько онѣ оставались вѣрными Катковскимъ политическимъ традиціямъ.

Эти традиціи обладаютъ такою ясностью и опредѣленностью, что не понять или ложно истолковать ихъ невозможно. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онѣ такъ глубоки и всеобъемлющи, что въ исторіи Россіи не можетъ явиться какого бы то ни было, хотя бы совершенно небывалаго, вопроса, который бы не рѣшался совершенно ясно и просто, если только взглянуть на него съ точки зрѣнія государственныхъ принциповъ Каткова.

Вотъ почему преемники Каткова, не обладая ни его геніальностью, ни его могучимъ вліяніемъ, могли всегда такъ вѣрно и непоколебимо отстаивать истинно-Русское государственное ученіе, завѣщанное Катковымъ Русскому народу.

Вотъ почему они не сбивались съ пути тамъ, гдѣ другія политическія школы метались безъ руля и безъ вѣтрилъ по необъятному морю Русскому, такъ внезапно взбаломутившемуся за послѣдніе годы.

Преемникамъ Каткова уже легко было идти по той прямой, торной дорогѣ, которую онъ имъ на цѣлые вѣка впередъ прочистилъ среди непроходимой до него дебри Русской государственной мысли. Онъ совершенно одинъ вывелъ мыслящую Россію изъ острога Петербургскаго антинаціональнаго бюрократизма и изъ волшебно-золотистаго тумана красивой славянофильской фразеологіи на твердую реальную почву Русской государственной дѣйствительности.

Мы отнюдь не хотимъ умалить великихъ заслугъ нашихъ первыхъ славянофиловъ, попытавшихся дать серіозное, научное обоснованіе поэтическому самосознанію Русскаго народа, пробудившемуся послѣ 1812 года подъ магическимъ жезломъ Пушкина съ его блестящею плеядой. Но ни поэзія Пушкина, ни богословіе Хомякова, ни философія Кирѣевскаго и Аксакова не могли бы сразу *по-русски* рѣшить такой конкретный вопросъ, какъ Польскій, и не могли бы спасти Россію отъ грозившей ей въ 1863 году опасности. Его могъ рѣшить и его рѣшилъ только Катковъ, благодаря своему ясному практическому уму и безпримѣрной силѣ убѣжденія, которому невольно долженъ былъ подчиниться даже бездушный, окостенѣлый, бюрократическій Петербургъ.

Мы твердо убѣждены, что, если бы М. Н. Катковъ дожилъ до нашихъ дней, Россія не дошла бы до настоящаго безвыходнаго положенія. Онъ

во-время возсталъ бы противъ тѣхъ роковыхъ ошибокъ, которыя вызвали настоящій кризисъ, и, безъ сомнѣнія, предотвратилъ бы его, такъ какъ предъ его могущественною, неопровержимою логикой умолкли бы тѣ жалкіе невѣжественные софисты, которые своею ложью одурманили Россію, превративъ ее въ какой-то безпросвѣтный, хаотическій Бедламъ.

Но если бы теперь воскресъ Катковъ и внезапно появился среди этого Бедлама, то онъ и тутъ не растерялся бы, и тотчасъ указалъ бы, что̀ нужно дѣлать тому, кто желалъ бы видѣть Россію снова здравомыслящею, спокойною, Русскою.

Онъ сказалъ бы: „нельзя удивляться тому, что общество и народъ не исполняютъ своего долга и не знаютъ, что̀ имъ дѣлать, коль скоро Правительство не исполняетъ своей прямой обязанности и само своего долга не знаетъ“.

Онъ сказалъ бы: „Правительство должно вернуться на свое мѣсто и открыто заявить о своемъ твердомъ намѣреніи служить Самодержавному Царю Русскому не за страхъ, а за совѣсть, не допуская иного служенія въ какихъ-либо правительственныхъ учрежденіяхъ“. И онъ не ошибся бы, если бы предсказалъ, что такое твердое и ясное Правительственное заявленіе сразу подниметъ духъ всего Русскаго народа, который тотчасъ пойметъ, что̀ ему нужно дѣлать...

Да, *сегодня* еще все это возможно и вполнѣ логично, и нормально, ибо сегодня еще жива старая Россія, Россія мощная своимъ непосредственнымъ единеніемъ Царя и народа.

Завтра настанетъ уже новая эра, гдѣ между Царемъ и народомъ нагромоздится непроницаемою стѣной Государственная Дума.

Узкая межа раздѣляетъ день 26 апрѣля отъ рокового дня 27 апрѣля,— а между тѣмъ какая откроется пропасть между этими двумя днями! Такая же пропасть, какая существуетъ между истиной и ложью, между свѣтомъ и мракомъ! Сегодня еще мы живемъ въ вѣковѣчной истинной Россіи, среди свѣта Русской правды,—а завтра уже нами будутъ командовать подставные, фальшивые „представители народа“, которые повергнутъ насъ и всю Россію въ непроглядный хаотическій мракъ.

Полтораста лѣтъ просуществовали *Московскія Вѣдомости*; много онѣ перевидали на своемъ вѣку тяжелаго, скорбнаго, нелѣпаго въ жизни Россіи, и удивить ихъ чѣмъ-либо не такъ легко. И, тѣмъ не менѣе, онѣ переступаютъ порогъ 151-го года своего существованія съ великимъ трепетомъ и съ тяжелымъ предчувствіемъ. Не потому, чтобъ онѣ не знали, что̀ имъ дѣлать,—такихъ недоумѣній у нихъ быть не можетъ,—а потому, что никто не можетъ предвидѣть, до какихъ предѣловъ можетъ дойти наступающій съ завтрашняго дня хаотическій, нелѣпый эпилогъ Петербургскаго періода Русской исторіи...

Новое революціонное орудіе.

Итакъ, сегодня, 27 апрѣля, народилось на Руси совершенно чуждое ей учрежденіе—Государственная Дума.

Насъ отовсюду спрашиваютъ, какъ мы, монархисты, относимся къ этому учрежденію. Вотъ нашъ отвѣтъ:

Дума, какъ *учрежденіе*, явилась по Волѣ Государя, а мы, монархисты, не можемъ не подчиняться этой Волѣ. Мы поэтому молча ей подчиняемся.

Но теперешняя Дума, по своему *личному составу*, явилась на свѣтъ *противъ* Воли Государя, ибо Онъ пригласилъ народъ Свой прислать ему *лучшихъ, достойнѣйшихъ* людей, а выборами овладѣли, путемъ обмана и насилія, *враги Царя и Россіи*, и прислали Царю большинство людей *худшихъ*, съ намѣреніемъ лишить Царя Его Самодержавной Власти. Предъ такими людьми мы преклониться не можемъ, а будемъ, по мѣрѣ всѣхъ своихъ силъ, съ ними бороться.

Этими словами мы совершенно ясно и точно даемъ отвѣтъ на поставленные намъ вопросы. Такой же отвѣтъ мы всегда давали и прежде, когда намъ приписывали „неповиновеніе Царской Власти". Самодержавную Царскую Власть мы всегда чтимъ и ей повинуемся. Но когда мы видимъ, что крамола старается замѣнить Царскую Власть народовластіемъ, а Царскую Волю—своимъ собственнымъ своеволіемъ, то мы возстаемъ противъ этого преступленія и утверждаемъ, что настоящая Дума есть Дума самозванная, такъ какъ ни Царь, ни Народъ не могутъ признать ее выразительницей ихъ желаній, чувствъ и стремленій.

Настоящая Государственная Дума является въ рукахъ крамолы могущественнымъ чисто-революціоннымъ орудіемъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно прочесть отчетъ о происходившемъ въ Петербургѣ делегатскомъ Съѣздѣ кадетской партіи „народной свободы", къ которой принадлежитъ большинство Думскихъ депутатовъ.

Членъ Думы г. Квасковъ изъ Смоленска говорилъ на этомъ собраніи, что партія „народной свободы" является „выразительницей народнаго гнѣва, которымъ объята вся Россія". Народъ-де теперь уже *никакому* правительству не вѣритъ, будь то правительство Витте-Дурново или правительство Горемыкина-Стишинскаго. „Въ отвѣтъ на тронную рѣчь нужно поднять вопросъ о займѣ".

Комитетъ партіи изъ Смоленска шлетъ Съѣзду „пожеланія успѣха въ борьбѣ за свободу *и землю* и передъ лицомъ всей Россіи обѣщаетъ поддерживать рѣшеніе Думы всѣми силами".

Туляковъ отъ Московской губерніи говоритъ, что Государственный Совѣтъ есть „средостѣніе" между Монархомъ и народомъ и недопустимъ, какъ „явное нарушеніе правъ народа, завоеванныхъ имъ 17 октября".

Генко изъ Пензы заявляетъ: „крестьяне будутъ насъ поддерживать, пока наша партія будетъ двигать аграрный вопросъ". Боевое настроеніе сказалось-де на выборахъ. Не разъ крестьяне говорили выбраннымъ депутатамъ: „Иди, умри тамъ со славою, иначе умрешь здѣсь со стыдомъ".

Ждановъ изъ Москвы *требуетъ* амнистіи не только для всѣхъ политическихъ преступниковъ, но также и для погромщиковъ помѣщичьихъ усадебъ и понесшихъ кару *противъ военной дисциплины*.

Представитель Ярославля рекомендуетъ будущей Думѣ *требовать* „смѣны безотвѣтственнаго министерства, немедленнаго признанія „„правъ

человѣка и гражданина“ и основныхъ положеній конституціонной и парламентской монархіи“. Въ случаѣ неудовлетворенія этихъ требованій, Дума должна обратиться „ко всей странѣ съ манифестомъ о сущности возникшаго конфликта“.

А вотъ какъ членъ отъ Пскова г. Садовень понимаетъ главную задачу кадетской партіи: „она заключается въ расчисткѣ пути для народа. Когда это будетъ выполнено, придется сложить съ себя полномочія и передать ихъ народу“...

Такова генеральная репетиція политической трагедіи, которая будетъ разыграна въ Государственной Думѣ. Совершенно очевидно, что это учрежденіе уже захвачено революціонною партіей, и что истинныя цѣли нынѣшняго состава Думы заключаются совсѣмъ не въ содѣйствіи Монарху въ дѣлѣ управленія, а въ противодѣйствіи Ему и въ продолженіи революціи.

Только стремленіемъ къ борьбѣ во что бы то ни стало, къ полному захвату власти, можно объяснить себѣ тотъ горячечный бредъ, который высказывается въ качествѣ политическихъ стремленій, пожеланій и требованій.

За исключеніемъ развѣ нѣкоторыхъ крестьянскихъ делегатовъ, въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ въ Государственную Думу прошло отребье провинціальной такъ-называемой „интеллигенціи“—какіе-то земскіе врачи, бухгалтеры, политическіе ссыльные, учителя и т. д. Многіе депутаты пріѣхали въ Думу прямо изъ тюремъ, гдѣ они содержались за свою революціонную дѣятельность. Даже сколько-нибудь извѣстные земскіе дѣятели составляютъ рѣдчайшее исключеніе. Цѣлый рядъ губерній представленъ никому невѣдомыми крестьянами и двумя-тремя крикунами изъ революціонеровъ.

И вотъ какой-нибудь земскій врачишка, еще не переступивъ порога Думы, уже является выразителемъ „народнаго гнѣва, которымъ объята вся Россія“. Охочій до чужого добра господинъ изъ Пензы грозитъ смертью тѣмъ, кто противъ ограбленія землевладѣльцевъ. Робеспьеръ изъ Москвы требуетъ, чтобъ истребленіе должностныхъ лицъ и всѣхъ, кто не нравится революціонерамъ, оставалось безнаказаннымъ, чтобы крестьянамъ было предоставлено право грабить помѣщичьи усадьбы и захватывать ихъ землю, и чтобы солдаты могли безвозбранно нарушать дисциплину и участвовать въ вооруженныхъ возстаніяхъ. Если все это не будетъ выполнено, то Государственная Дума, особымъ манифестомъ, призоветъ-де Русскій народъ взяться за оружіе и провозгласить соціально-демократическую республику.

Такова программа партіи, захватившей обманомъ и насиліемъ большинство Думскихъ голосовъ и бросившей еще до открытія Думы свой дерзкій вызовъ Правительству!

Прибавьте къ этому, что революціонное движеніе рѣшительно нигдѣ не прекращается, а, несомнѣнно, прогрессируетъ не только матеріально, но и психически.

О матеріальномъ прогрессѣ говорятъ регулярные бюллетени *Правительственнаго Вѣстника*, сообщающіе, сколько ограблено казначействъ, банковъ, винныхъ лавокъ, монастырей, церквей, купеческихъ конторъ и

т. д., сколько отнято оружія, сколько сдѣлано взрывовъ и убито администраторовъ, офицеровъ и частныхъ лицъ, не сочувствующихъ революціи...

Психически революція прогрессируетъ явно и очевидно: цѣна жизни упала такъ, какъ не падали государственныя бумаги ни въ одну революцію. Къ вооруженнымъ возстаніямъ мы привыкли, не вѣримъ ни въ правительство, ни во власть, начинаемъ сомнѣваться даже въ послѣдней опорѣ — въ арміи...

Огонь яркими струйками бѣгаетъ по низамъ, но близится, кажется, моментъ, когда выкинетъ пламя и съ вершины зданія—съ крыши. Дума, предъявляющая подобныя требованія—это всероссійскій съѣздъ революціонеровъ, и никакая созидательная работа Правительственной Власти съ нею невозможна.

Да, теперешняя Государственная Дума, по своему личному составу, является могущественнымъ революціоннымъ средствомъ въ рукахъ крамолы. *Какъ* она будетъ пользоваться этимъ орудіемъ противъ Царя и Русскаго Народа—мы не знаемъ, не будучи посвящены въ тайны крамольной тактики. Но будетъ ли эта тактика тактикой змѣиною, медленно подкрадывающеюся къ намѣченной жертвѣ, или тактикою кровожаднаго хищника, внезапно бросающагося изъ засады на свою жертву,—во всякомъ случаѣ это будетъ тактика великой подлости и гнусности.

Да хранитъ Господь Царя и Россію отъ адскихъ замысловъ такихъ враговъ!

„Амнистія!"

„Амнистія, амнистія!"

Таковъ въ настоящую минуту боевой кликъ, таково требованіе нашей крамолы.

Для успѣшнаго веденія и завершенія затѣянной ею революціи нужны деньги и люди.

Денегъ у нашей крамолы слишкомъ много: къ ея услугамъ всѣ милліоны еврейско-масонскаго союза.

А людей у нея сейчасъ мало: они сидятъ въ тюрьмахъ, захваченные на мѣстѣ преступленія, не успѣвъ довершить своего дѣла до полнаго конца, до провозглашенія соціальной республики.

Правда, многимъ изъ нихъ удалось бѣжать изъ тюрьмы и даже попасть оттуда прямо въ Государственную Думу, превратившись изъ жалкихъ арестантовъ въ „неприкосновенныхъ" депутатовъ,—но все-таки ихъ слишкомъ мало для столь желаннаго имъ завершенія начатаго ими разрушительнаго дѣла,—и вотъ они требуютъ отъ Правительства, чтобъ оно выпустило имъ на подмогу всѣхъ еще не бѣжавшихъ изъ тюремъ осужденныхъ и неосужденныхъ „политическихъ" арестантовъ и преступниковъ, всѣхъ, безъ разбора и исключенія, „героевъ" баррикадъ, варварскихъ забастовокъ, адскихъ взрывовъ, кровавыхъ убійствъ и прочихъ возмутительныхъ преступленій.

Съ этою арміей дикаго революціоннаго сброда, для котораго ничто не свято и ничто не дорого, который не брезгаетъ никакими средствами

для достиженія своей адской цѣли, который готовъ итти со слѣпымъ изувѣрствомъ на всякое самое гнусное преступленіе,—съ такою оравой одичалыхъ, озлобленныхъ хищниковъ, засѣдающіе въ Государственной Думѣ единомышленные имъ „неприкосновенные" крамольники надѣются быстро ниспровергнуть существующую въ Россіи Верховную Власть и захватить въ свои алчныя руки всю Россію.

Вотъ почему они такъ единодушно кричатъ: „Амнистія, амнистія!"

Одни изъ нихъ прикрываютъ свое дерзкое требованіе „великимъ историческимъ значеніемъ безсмертнаго дня 27 апрѣля".

Другіе требуютъ „милосердія и состраданія" къ извергамъ, съ отмѣнною жестокостью совершившимъ свои кровавыя, безчеловѣчныя преступленія.

Третьи требуютъ амнистіи „во имя справедливости", такъ какъ де они не понимаютъ, почему изъ кучи совершенно-единомышленныхъ крамольниковъ одни сидятъ въ мрачной тюрьмѣ, подвергаясь разнымъ лишеніямъ, а другіе—на мягкихъ креслахъ Государственной Думы, пользуясь недостижимыми для прочихъ честныхъ Русскихъ людей привилегіями и получая 10 рублей въ день за открытое и явное ниспроверженіе Правительства.

Это полное отождествленіе думскихъ и тюремныхъ крамольниковъ взялъ на себя депутатъ Щепкинъ—и осуществилъ его съ полною логическою откровенностью.

Требуя амнистіи для сидящихъ по тюрьмамъ политическихъ преступниковъ, онъ говоритъ:

„Всѣ они стремились къ ниспроверженію существующаго порядка и, можетъ-быть, даже къ вооруженному возстанію. Но вѣдь прежній порядокъ въ данный моментъ именно ниспровергнутъ *(громкіе аплодисменты)*. Слѣдовательно отличіе тѣхъ, кто сидитъ по тюрьмамъ, отъ насъ, депутатовъ, заключается не въ программныхъ вопросахъ, а въ тѣхъ пріемахъ, коими программа проводится въ жизнь. Пріемы же зависятъ отъ темперамента, отъ возраста, отъ характера. Я скажу больше. Нѣкоторые изъ тѣхъ, которые сидятъ въ тюрьмахъ, отличаются отъ тѣхъ, кто сидитъ въ Государственной Думѣ, единственно тѣмъ, что первые были менѣе удачливыми, чѣмъ вторые".

Совершенно вѣрно. Но если думскіе крамольники солидарны съ крамольниками, сидящими по тюрьмамъ, то изъ этого, съ точки зрѣнія государственной, можетъ быть только одинъ логическій выводъ, а именно— что крамольники, пробравшіеся въ Думу, должны покинуть ее и находиться вмѣстѣ со своими единомышленниками тамъ, гдѣ имъ по закону быть полагается.

Ну, а съ революціонной точки зрѣнія, разумѣется, наоборотъ: сидящіе по тюрьмамъ государственные преступники должны быть выпущены на свободу, дабы вмѣстѣ со своими думскими сообщниками *безнаказанно*, съ утроенною энергіей, „эволюціонно" и „революціонно" ниспровергнуть существующій въ Россіи законный порядокъ и воздвигнуть на его мѣсто соціальную республику.

Вотъ почему теперь думскіе крамольники,—вмѣсто того чтобы заниматься серіозною работой, — въ первую голову поставили требованіе объ „амнистіи“, чувствуя, что безъ сидящихъ по тюрьмамъ своихъ товарищей они своего разрушительнаго дѣла до конца довести не могутъ.

Они въ сущности хотятъ создать изъ крамольниковъ особое привилегированное сословіе въ Россіи, такъ чтобы неприкосновенностью пользовались не только крамольники, сидящіе въ Думѣ, но и всѣ вообще революціонеры въ Россіи.

Съ этою цѣлью они послѣ „амнистіи“ выдвинутъ съ такою же наглою настойчивостью требованіе объ „отмѣнѣ смертной казни“, то-есть объ отмѣнѣ военныхъ и военно-полевыхъ судовъ для „политическихъ“ изверговъ-убійцъ. Они опасаются, что военные суды будутъ судить и казнить этихъ злодѣевъ,— какъ это и слѣдуетъ,—въ 24 часа, такъ что ихъ уже никакою „амнистіей“ для дальнѣйшей разрушительной дѣятельности не спасешь.

Коль скоро же такія быстрыя и справедливыя расправы съ „политическими“ душегубами будутъ невозможны, когда этимъ душегубамъ будетъ обезпечена безнаказанность посредствомъ новыхъ и новыхъ „амнистій“, тогда ряды ихъ быстро пополнятся безчисленными новобранцами-анархистами, которыхъ одна лишь боязнь тяжкихъ каръ доселѣ удерживала отъ широкаго участія въ политическихъ преступленіяхъ; тогда ежедневно будутъ убиваться не двое-трое честныхъ Царскихъ слугъ, какъ это дѣлается теперь, а человѣкъ двадцать-тридцать, дабы никому не было повадно служить вѣрой и правдой своему Царю. Убійцы будутъ, какъ и теперь, въ громадномъ большинствѣ случаевъ „безслѣдно исчезать“,—ибо кому будетъ охота арестовывать такихъ высоко привилегированныхъ злодѣевъ, —а если кто и будетъ захваченъ на мѣстѣ преступленія, того думскіе крамольники не только провозгласятъ „героемъ освободительнаго движенія“, но и выведутъ изъ тюрьмы, и увѣнчаютъ передъ глазами Правительства побѣдными лаврами.

Такъ вотъ для чего думскіе крамольники требуютъ амнистіи: для того, чтобы съ новыми силами вести окончательный приступъ не только на теперешнее Правительство, но и на весь существующій монархическій строй, съ цѣлью полнаго его ниспроверженія.

И они требуютъ, чтобы само Правительство, чтобы сама Монархія помогла имъ въ этомъ разрушеніи, давъ полную волю и свободу всѣмъ наиболѣе закаленнымъ въ этомъ адскомъ дѣлѣ лиходѣямъ!

Исполненіе этого требованія было бы равносильно самозакланію Россіи. Неужели же она, въ угоду наглымъ крамольникамъ, сама наложитъ на себя руки? Неужели для нея не ясно, что выпущенные на свободу „политическіе“ преступники зальютъ ее потоками крови?

А потому вопросъ совершенно ясенъ: кто желаетъ этой крови,—тотъ будетъ стоять за амнистію; кто этой крови не желаетъ,—тотъ амнистію отвергнетъ.

Радостная вѣсть.

Весь народъ Русскій вздохнетъ свободно, узнавъ, что Государь Императоръ отказался принять депутацію отъ той чисто-революціонной партіи, которая насиліемъ и обманомъ присвоила себѣ большинство мѣстъ въ Государственной Думѣ.

Эти крамольники забылись до такой степени, что, въ самомъ дѣлѣ, вообразили, будто Русскій Царь и Русскій Народъ приметъ ихъ въ серіозъ, какъ дѣйствительныхъ народныхъ представителей, и что всякое озорное „требованіе", предъявленное ими Царю, должно считаться требованіемъ Русскаго народа, которое де безусловно обязательно для Русскаго Царя!

Но надежды этихъ самозванцевъ не осуществились. Истинный Русскій народъ возмутился тою клеветой, которую они взвели на него, выставивъ его въ совершенно-несвойственномъ ему свѣтѣ какого-то бунтаря, возставшаго противъ своего Государя.

И вотъ со всѣхъ концовъ Россіи возвышается голосъ Русскихъ людей, протестующихъ противъ этой клеветы: отовсюду несутся телеграммы вѣрныхъ подданныхъ своему Царю-Батюшкѣ, умоляющія Его не слушать сидящихъ въ Государственной Думѣ обманщиковъ-„кадетовъ", которые пробрались въ нее только потому, что они на выборахъ обманули Русскій Народъ и желаютъ теперь обмануть Самого Царя! Телеграммы эти ежедневно печатаются теперь въ *Правительственномъ Вѣстникѣ*, и одно уже это обстоятельство доказываетъ, что гласъ истиннаго народа нынѣ доходитъ до Царскаго Престола.

Отказъ Государя принять депутацію „кадетовъ" является поэтому вполнѣ естественнымъ и понятнымъ для всѣхъ Русскихъ людей. Какъ же имъ не радоваться, когда они видятъ, что теперь уже и въ Петербургѣ, какъ и въ народѣ, знаютъ истинную цѣну дерзкому краснобайству Думскихъ „кадетовъ".

О, если бы и впредь въ Петербургѣ крѣпло и упрочивалось правильное отношеніе къ этимъ мнимымъ „народнымъ представителямъ"! Необходимо разъ навсегда сорвать съ нихъ тѣ павлиньи перья, въ которыя они рядятся, и представить ихъ въ настоящемъ видѣ, какъ злѣйшихъ враговъ Царя, Россіи и Русскаго Народа.

При такомъ единственно-правильномъ взглядѣ на этихъ людей, хвастающихся своею солидарностью съ гнусными, обагренными кровью, убійцами,—благополучное разрѣшеніе настоящаго, столь тяжелаго для Россіи, кризиса могло бы совершиться въ одинъ день...

Призывъ къ мятежу.

Революціонное большинство Государственной Думы желаетъ во что бы то ни стало вызвать „конфликтъ", то-есть *столкновеніе*, а затѣмъ, и *разрывъ* „между Царемъ и Народомъ".

Этотъ „конфликтъ" долженъ будетъ послужить первымъ шагомъ къ низверженію Царя, который-де „противится волѣ народа".

Что здѣсь подъ именемъ „народа" фигурируетъ не настоящій Русскій Народъ, который всегда единодушенъ со своимъ Царемъ, а шайка крамольниковъ, пробравшихся обманомъ и насиліемъ въ Государственную Думу,— это для всѣхъ ясно. Но эта шайка и впредь намѣрена дѣйствовать обманомъ и выставлять разныхъ Родичевыхъ, Винаверовъ и Герценштейновъ „представителями" совершенно чуждаго имъ и ненавидящаго ихъ Русскаго народа.

Итакъ, изъ чисто-революціонныхъ видовъ, крамольникамъ нужно создать „конфликтъ" съ Русскимъ Царемъ.

Съ этою цѣлью, они, какъ извѣстно, сфабриковали неслыханныя по своей дерзости требованія и предъявили ихъ Государю въ видѣ „отвѣтнаго адреса" на то милостивое привѣтствіе, которымъ Царь ихъ удостоилъ въ роковой день 27 апрѣля. Они знаютъ, что эти требованія противорѣчатъ не только Царской Волѣ и желаніямъ народа, но и простому здравому смыслу, и что они, слѣдовательно, *неисполнимы*. Но это какъ разъ имъ и нужно. Если бъ ихъ требованія были исполнимы, Государь могъ бы на нихъ согласиться, и тогда—прощай „конфликтъ"! А безъ „конфликта" съ Царемъ дальнѣйшій ходъ революціоннаго движенія невозможенъ. Вотъ поэтому Думскіе крамольники и нагромоздили въ своемъ „адресѣ" такія— не только наглыя, но прямо безумныя—требованія, чтобы Государю ничего не оставалось, какъ отвергнуть ихъ.

Для того чтобъ услышать изъ устъ самого Царя этотъ неминуемый отказъ, Думскіе „кадеты" выбрали особую депутацію, которая должна была прочитать Государю весь адресъ со всѣми его дерзкими, оскорбительными требованіями, и затѣмъ почувствовать себя „оскорбленною за весь Русскій народъ", когда Государь отклонилъ бы эти требованія.

Но въ этомъ Думскіе крамольники ошиблись: имъ не удалось разыграть въ Царскомъ Дворцѣ эффектную „сцену народнаго негодованія" à la Mirabeau, такъ какъ ихъ даже на порогъ Дворца не пустили...

Ну, значитъ, желаніе ихъ исполнилось? „Конфликтъ" готовъ?

Нѣтъ, *такой* „конфликтъ" для нихъ не выгоденъ и не своевременен.

Вѣдь, для того чтобы инсценировать новое революціонное движеніе съ массовыми бомбами, баррикадами, общими забастовками и прочими орудіями крамольной борьбы, имъ необходимо заранѣе высвоб дить изъ тюремъ, *во-первыхъ*, тѣхъ старыхъ хищныхъ волковъ, которые со скрежетомъ зубовнымъ не могутъ дождаться времени, когда имъ можно будетъ съ кровожадностью вновь наброситься на мирныхъ гражданъ и подвергнуть ихъ истязаніемъ за то, что они остаются вѣрными своему Царю,—а *во-вторыхъ*, ту фанатизированную ими молодежь, которая необходима имъ какъ „пушечное мясо" для предстоящаго вооруженнаго мятежа.

Пока нѣтъ амнистіи, мятежъ невозможенъ: онъ тотчасъ станетъ возможнымъ, какъ только амнистія будетъ дана.

Вотъ почему революціонное большинство Думы рѣшило пока проглотить поднесенную ему, даже не позлащенную, пилюлю и объявить

„конфликтъ“ Царю, лишь тогда, когда изъ тюрьмы будутъ выпущены государственные воры, грабители и убійцы, и когда можно будетъ разыграть драму конфликта не на томъ фактѣ, что кадетской депутаціи отказали въ *пріемѣ* („велика важность“!), а на томъ, что ей отказали въ ея *требованіяхъ*.

Среди этихъ требованій самымъ нелѣпымъ, самымъ неисполнимымъ является чисто-соціалистическое разрѣшеніе аграрнаго вопроса. Его-то именно Думскіе крамольники и спѣшатъ поставить въ первую голову.

Планъ ихъ таковъ:

„Мы обѣщали крестьянамъ, что мы дадимъ имъ всѣ помѣщичьи земли. Мы потребуемъ отъ Царя, чтобъ Онъ исполнилъ наши обѣщанія. Онъ, конечно, откажетъ. Тогда мы объявимъ Ему „конфликтъ“ и забастуемъ. Дума будетъ распущена, и назначены новые выборы. Это намъ только и нужно. На этихъ выборахъ мы скажемъ крестьянамъ: „„Мы хотѣли вамъ дать всѣ помѣщичьи земли; значитъ, мы—ваши друзья. А Царь не хочетъ насъ слушать и не желаетъ вамъ дать помѣщичьи земли: значитъ, Онъ—вашъ врагъ. Вы, слѣдовательно, должны идти съ нами противъ Него! Къ оружію! Долой Царя!““ И тогда за насъ станетъ все крестьянство, и революція будетъ готова“.

Что планъ ихъ дѣйствительно таковъ, лучше всего доказываетъ тонъ ихъ печати, прямо призывающій къ вооруженному возстанію, въ случаѣ если Царь не согласится на чисто-революціонныя „аграрныя“ требованія Думскихъ „кадетовъ“.

Вотъ что, напримѣръ, мы читаемъ въ „кадетской газетѣ *Путь* (№ 55):

„Деревня шевелится, вопреки стражникамъ и прочимъ мѣрамъ предупрежденія и пресѣченія.

„Это—первый подземный гулъ, предвѣстникъ разрушительнаго изверженія. Нужно найти выходъ накопившимся лавамъ, иначе катастрофа неминуема.

„Крестьянамъ нужна земля въ количествѣ, достаточномъ для того, чтобы они могли жить безъ голоднаго тифа, безъ цынги. Они ждали вѣка, когда придетъ это желанное время, надѣясь получить отъ самодержавнаго строя необходимую аграрную реформу. Теперь они ждутъ этой реформы отъ Думы. Это—послѣдняя ихъ надежда. Если Дума не оправдаетъ ея, крестьянамъ не останется выбора.

„Дума въ своемъ большинствѣ стоитъ на той точкѣ зрѣнія, что земля должна принадлежать трудящимся на ней. Она вся, безъ различія партій, готова согласиться на самую широкую аграрную реформу. Она можетъ ее осуществить. У нея уже готовы проекты. Словомъ, если Дума не проведетъ аграрной реформы, то виновата въ этомъ не она, а тѣ, кто до сихъ поръ всегда и при всякихъ условіяхъ старались устраивать свое собственное благополучіе на развалинахъ народнаго...

„Когда выяснится, что этой кучкѣ враговъ народа удастся осуществить свой адскій замыселъ, тогда переполнится чаша сдерживаемаго до сихъ поръ гнѣва народнаго. Крестьяне пойдутъ добывать силою то, въ чемъ было имъ отказано, и что является необходимымъ условіемъ ихъ дальнѣйшаго существованія.

„Нужно-ли говорить, что, если это случится, декабрскіе ужасы померкнутъ передъ тѣмъ, что произойдетъ.

„Исторія учитъ, что до тѣхъ поръ, пока крестьяне не вступаютъ въ ряды революціи, революція прогрессируетъ медленно. Заручившись же поддержкою крестьянской массы, революція становится непобѣдима...

„Крестьянство, если оно встанетъ подъ революціонное знамя, будетъ крушить своею массой; а массу, понявшую связь между землею и волею, будетъ не такъ легко разсѣять даже пулеметами.

„Сермяжная Россія насторожилась и подобралась. Она требуетъ и ждетъ. Удовлетворятъ ея требованія,—она станетъ за соху; откажутъ,—она поднимется“.

Для всѣхъ очевидно, что въ этихъ словахъ заключается до цинизма наглая провокація вооруженнаго мятежа, открытый призывъ къ революціи.

Сбудутся ли эти эти крамольныя угрозы?

Да, если такія воззванія къ мятежу будутъ свободно вращаться среди народа.

Нѣтъ, если Правительство, въ сознаніи своего долга, положитъ рѣшительный предѣлъ этой возмутительной революціонной пропагандѣ.

Если для Русскаго человѣка планы и средства революціи такъ ясны и очевидны, то онъ въ правѣ требовать, чтобы для него столь же ясны и очевидны были намѣренія Правительства разстроить эти планы и уничтожить эти средства.

Одинъ уже тотъ фактъ, что депутація Думскихъ „кадетовъ“ не была принята Государемъ, преисполнилъ радости весь Русскій Народъ, увидавшій въ этомъ актѣ *первое* проявленіе той правительственной энергіи, которая куда-то исчезла съ 18 февраля 1905 года или, вѣрнѣе, съ 15 іюля 1904 года.

Не меньшею радостью озарила Россію и та вѣсть, что 6 мая не были выпущены изъ тюремъ государственные преступники, несмотря на настойчивыя предсказанія не однѣхъ только революціонныхъ газетъ. Будемъ твердо надѣяться, что столь же ошибочными окажутся ихъ предсказанія относительно амнистіи, которая должна будто бы послѣдовать 14 мая и открыть новую эру всеобщихъ забастовокъ и вооруженнаго возстанія. Довольно крови! Россія жаждетъ мира и покоя, которые возможны лишь тогда, когда злѣйшіе враги ея поставлены въ физическую невозможность наносить ей смертельные удары.

На призывъ къ революціи со стороны крамолы долженъ послѣдовать призывъ къ законному порядку со стороны Правительства.

И чѣмъ скорѣе, чѣмъ рѣшительнѣе, чѣмъ громче и тверже будетъ этотъ призывъ, тѣмъ скорѣе исчезнетъ у насъ революціонная опасность, потому что этотъ актъ твердой воли не только заставитъ поникнуть головой революціонеровъ, но и подниметъ бодрый духъ всего Русскаго Народа, который немедленно, съ восторгомъ, всецѣло станетъ на сторону своего Царя и его Правительства.

Предотвращенная опасность.

Оффиціозное *Петербургское Телеграфное Агентство* разослало по всей Россіи слѣдующія соображенія о неумѣстности той „амнистіи“, которой такъ настойчиво требуютъ наши революціонеры.

„**Петербургъ,** 11 мая. Вопросъ о полной политической амнистіи, поднятый Государственною Думой и включенный ею въ отвѣтъ на привѣтственное слово Государя, сказанное 27 апрѣля въ Зимнемъ Дворцѣ, поддерживаемый нѣкоторыми органами русской печати,—далеко не находитъ сочувственнаго отклика во всѣхъ слояхъ Русскаго общества.

„Нельзя не отмѣтить сильнаго теченія противъ полной амнистіи въ разныхъ классахъ населенія; различныя и значительныя общественныя группы указываютъ, что политическія убійства не прекращаются: телеграфъ ежедневно продолжаетъ приносить изъ провинціи извѣстія, то о покушеніяхъ на жизнь должностныхъ лицъ, то объ убійствахъ ихъ.

„При такомъ непримиримомъ настроеніи участниковъ террористическихъ организацій, *Правительство не можетъ подвергать опасности мирную благомыслящую часть населенія, не можетъ не преслѣдовать террористовъ и бомбометателей по суду, а также не можетъ освободить отъ наказанія по судебнымъ приговорамъ лицъ, совершившихъ уголовно политическія преступленія* *).

„Что касается лицъ арестованныхъ въ административномъ порядкѣ, многія изъ нихъ частью выпущены послѣ тщательнаго пересмотра причинъ, послужившихъ основаніемъ ареста.

„Полное помилованіе всѣхъ административно-арестованныхъ могло бы послѣдовать при возможности окончательной отмѣны въ законодательномъ порядкѣ положенія военнаго, чрезвычайной и усиленной охранъ, и при возможности судебнаго преслѣдованія въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ проявляется революціонное движеніе.

„Судебная репрессія въ этихъ мѣстностяхъ пока невозможна, вслѣдствіе терроризаціи и убійствъ лицъ, показывающихъ на судѣ.

„Для пересмотра и отмѣны исключительныхъ законоположеній не благопріятствуетъ, однако, возбужденное настроеніе умовъ, главнымъ образомъ на окраинахъ“.

Сообщеніе это носитъ, очевидно, полуоффиціальный характеръ и даетъ всѣмъ Русскимъ людямъ отрадную надежду, что опасность, грозившая намъ по предсказаніямъ революціонеровъ 14 мая, нынѣ предотвращена, и что „вопросъ о полной политической амнистіи“ рѣшенъ въ высшихъ правительственныхъ сферахъ—*отрицательно*.

Оффиціозное Сообщеніе указываетъ и на причины этого отрицательнаго рѣшенія.

Причины эти чисто-практическаго, *политическаго* свойства и не освѣщаютъ вопроса объ амнистіи ни съ *государственной*, ни съ *религіозной* чисто-принципіальной точки зрѣнія.

Выходитъ такъ, что еслибы не замѣчалось „сильнаго теченія противъ полной амнистіи въ различныхъ классахъ населенія“, еслибы политическія убійства прекратились, и еслибы явилась „возможность окончательной отмѣны въ законодательномъ порядкѣ положенія военнаго, чрезвычайной и усиленной охранъ“,—то амнистія оказалась бы мѣрой вполнѣ своевременною, возможною—даже желательною.

Съ этимъ едва ли можно согласиться.

Амнистія невозможна потому, что ея *требуетъ* Государственная Дума, дерзко попирая существующіе законы, присвоивая себѣ Верховную Власть, и осмѣливаясь предъявлять Самодержавному Государю какіе-то ультиматумы.

*) Курсивъ нашъ.

Еслибы Государь подчинился такому ультиматуму, то этимъ создался бы прецедентъ, послѣдствія котораго имѣли бы самое роковое, пагубное значеніе для всей Россіи. Государь Императоръ Всероссійскій превратился бы въ простого приказчика Государственной Думы, которая не иначе обращалась бы къ Нему какъ съ требованіями и приказаніями, а если-бъ она осталась недовольна исполненіемъ этихъ требованій, то она поставила бы себѣ задачей пріискать себѣ новаго ихъ исполнителя.

Въ виду этого необходимо твердо держаться того принципа, что *ни какое* требованіе *Государственной Думы* ни въ какомъ случаѣ *исполненію не подлежитъ*, а такъ какъ въ данномъ случаѣ Думой требуется амнистія, то *амнистія дана быть не можетъ*.

Такимъ образомъ съ *государственной* точки зрѣнія амнистія въ настоящее время невозможна, и если Думскіе крамольники сокрушаются объ участи единомышленныхъ имъ политическихъ воровъ, убійцъ и грабителей, то пусть они пеняютъ на себя: на предъявленныя Государю дерзкія *требованія* объ ихъ освобожденіи отвѣтомъ можетъ быть только—*отказъ*.

Но крамольники, не признающіе Бога и знающіе Евангеліе развѣ лишь въ его грубомъ толстовскомъ искаженіи, призываютъ себѣ на помощь Христа Спасителя (хотя считаютъ его, по Ренану, „простымъ человѣкомъ") для того, чтобы Его Божественнымъ авторитетомъ привлечь на свою сторону, въ вопросѣ объ амнистіи, вѣрующихъ христіанъ. Они увѣряютъ, что Христосъ проповѣдывалъ „всепрощеніе всѣмъ безъ разбора грѣшникамъ, всѣмъ безъ исключенія преступникамъ".

Но вѣрующіе христіане отлично знаютъ, что это—*неправда*.

Христосъ заповѣдалъ намъ *любить* всѣхъ грѣшниковъ, заботиться о спасеніи ихъ душъ, содѣйствовать ихъ раскаянію, утѣшать ихъ въ тяжелой ихъ участи,—но *прощать* имъ грѣхи ихъ Онъ велѣлъ лишь въ томъ случаѣ, если они *раскаются* и сами будутъ *просить о прощеніи*.

Покаяніе—вотъ первое условіе для прощенія съ христіанской точки зрѣнія; а потому амнистія преступникамъ, по Божественному ученію Христа, можетъ быть дана лишь въ томъ случаѣ, если преступники *раскаются* въ своихъ прегрѣшеніяхъ предъ Царемъ.

А наши крамольники не только не думаютъ раскаиваться въ своихъ обманахъ, въ своемъ предательствѣ, въ своихъ поджогахъ, грабежахъ и гнусныхъ убійствахъ, а еще хвастаются ими, считаютъ себя „героями", ожидаютъ себѣ величайшихъ почестей и готовы, немедленно по выходѣ изъ стѣнъ тюремъ, снова приняться за свое кровавое ремесло!

Не *они* хотятъ раскаяться; напротивъ, они хотятъ, чтобы *Царь* раскаялся въ томъ, что они сидятъ въ тюрьмѣ; не *они* просятъ у Него прощенія, напротивъ того, они требуютъ, чтобъ *Онъ* у нихъ просилъ прощенія!

Вотъ смыслъ той „амнистіи", которой они требуютъ отъ Государя; сами же они Ему никакой „амнистіи" давать не намѣрены, а готовятъ противъ Него новый неистовый походъ, какъ только изъ тюремъ будутъ выпущены ихъ сообщники.

Такимъ образомъ, ни съ *государственной*, ни съ *религіозной* точки зрѣнія амнистія невозможна. Она невозможна и съ чисто-практической точки зрѣнія *политической* тактики, на которую единственно и указываетъ приведенное выше оффиціозное телеграфное сообщеніе.

Постановленіе совѣта Всенароднаго Русскаго союза.

Совѣтъ Всенароднаго Русскаго Союза единогласно принялъ 23 мая 1906 г. слѣдующее постановленіе:

„*Первый Всероссійскій Съѣздъ Русскихъ людей въ Москвѣ 34-ою резолюціей постановилъ:*

„„*Руководствуясь требованіями безопасности и для предупрежденія и пресѣченія преступленій, равно какъ и въ огражденіе жизни и здоровья должностныхъ и частныхъ лицъ въ Россіи, — сохранить смертную казнь, какъ высшую кару за важнѣйшія политическія преступленія, за метаніе бомбъ и за ихъ изготовленіе и храненіе*"".

„*Въ разъясненіе этого, Совѣтъ Всенароднаго Русскаго Союза считаетъ, что смертная казнь является со стороны Государства средствомъ самозащиты противъ анархистовъ и революціонеровъ, стремящихся убить Государство или его представителей. Какъ дѣйствіе необходимой самообороны, оно есть дѣйствіе правовое, признаваемое справедливымъ даже для частныхъ лицъ наукою уголовнаго права*".

Постановленіе это имѣетъ, безъ сомнѣнія, весьма важное принципіальное значеніе.

Совѣтъ Всенароднаго Русскаго Союза, объединяющаго, какъ извѣстно, громадное число образовавшихся за послѣднее время монархическихъ союзовъ, партій, обществъ и кружковъ, установилъ совершенно правильный юридическій взглядъ на смертную казнь за важнѣйшія политическія преступленія, приравнивая ее къ той, дозволенной закономъ и наукой уголовнаго права, „необходимой самооборонѣ", которою имѣютъ право пользоваться даже частныя лица.

Въ самомъ дѣлѣ, если на васъ производится разбойничье нападеніе, и ваша жизнь, здоровье или свобода подвергаются дѣйствительной опасности, или если кто-либо вторгнулся съ насиліемъ въ ваше жилище, и вы не можете прибѣгнуть къ защитѣ ближайшаго начальства, — то вы имѣете неоспоримое право употребить, какъ для личной вашей обороны, такъ и для защиты другихъ лицъ, находящихся въ такой же опасности, какія бы то ни было мѣры для отраженія нападенія, и можете безнаказанно нанести нападающему раны, увѣчья и даже лишить его жизни.

Но, что дозволено частному лицу, дозволено и Государству, если на него вооруженною силою нападаютъ анархисты, желающіе разрушить всякую, какую бы то ни было, Государственную форму, то-есть *убить* Государство, или же революціонеры, стремящіеся его *искалѣчить* и *изуродовать* пагубными для него реформами.

Смертная казнь „политическихъ“ извергов, какъ необходимая мѣра Государственной самообороны, имѣетъ, такимъ образомъ, вполнѣ законное право на существованіе и никоимъ образомъ отмѣнена быть не можетъ.

Легко себѣ представить, что сталось бы съ частными лицами, если бы законъ лишилъ ихъ права необходимой самообороны: мы всѣ стали бы жертвами насильниковъ, грабителей и убійцъ, и должны были бы бѣжать изъ того безумнаго государства, которое отняло бы у насъ возможность сохранить свою жизнь и жизнь близкихъ намъ людей. Напротивъ того, предоставляя намъ право самообороны, Государство не рискуетъ, что мы стали бы имъ злоупотреблять, такъ какъ мы не могли бы имъ пользоваться, если бы на насъ не производилось вооруженнаго нападенія.

Точно такъ же и само Государство оказалось бы въ безвыходномъ положеніи и превратилось бы въ хаосъ, если-бъ оно само, отмѣною смертной казни, лишило себя права отвѣчать вооруженнымъ отпоромъ на вооруженное нападеніе.

А потому, какъ бы ни старались засѣдающіе въ Думѣ революціонеры отмѣнить смертную казнь, для того чтобы подготовить новое и на этотъ разъ безнаказанное вооруженное возстаніе, Государство не можетъ согласиться на эту отмѣну, которая равнялась бы его самоубійству.

Какъ Дума обманула Царя и народъ *).

Великія надежды возлагалъ Государь нашъ Батюшка на созванную Имъ Государственную Думу.

„Вотъ, думалъ Онъ, придутъ ко Мнѣ по Моему зову лучшіе люди Земли Русской, достойнѣйшіе избранники вѣрнаго Мнѣ народа, и помогутъ Мнѣ въ Моей работѣ, которую Я неустанно несу на благо всей Россіи“.

И народъ тоже надѣялся на Думу: „Давайте, говорилъ онъ, выберемте дѣйствительно самыхъ лучшихъ людей и пошлемте ихъ Царю и Отцу нашему въ добрые совѣтники и вѣрные помощники. Ему, сердечному, такіе люди теперь и нужны: война показала, что у насъ и въ арміи и во флотѣ много творилось неладнаго; теперь нужно создать новый непобѣдимый флотъ и довести сухопутныя войска до такого совершенства, чтобы никому не было повадно затронуть честь, славу и цѣлость нашей Матушки-Россіи“.

Вотъ какъ мы съ Царемъ нашимъ надѣялись на Думу.

А японцы Думы боялись: „Вотъ, говорили они, соберутся въ Русской Думѣ лучшіе Русскіе патріоты и будутъ дѣлать то же самое, что мы теперь дѣлаемъ: они примутся за укрѣпленіе и возрожденіе своей военной и морской силы, и если они скорѣе и лучше нашего исполнятъ это дѣло, то уже намъ нельзя будетъ снова на нихъ напасть и отнять у нихъ всю богатую область Амурской Сибири. Если только Россія получитъ деньги на свое военное обновленіе,—мы пропали! Намъ не только придется навсегда мах-

*) Рѣчь, сказанная въ Павловскомъ Посадѣ 22 мая 1906 г.

нуть рукой на Сибирскія владѣнія Россіи, но она заставитъ насъ вернуть ей то, что мы у нея взяли, и имя Бѣлаго Царя снова будетъ ярко свѣтить надъ всею Азіей!“

И вотъ Дума собралась и стала работать.

Но оказалось, что въ нее обманомъ и насиліемъ пробрались почти одни только заклятые враги Царя и Народа. Не для того сошлись они вмѣстѣ, чтобы давать Царю добрые совѣты и вѣрно исполнять Его Волю, а для того, чтобы обращаться къ Нему съ дерзкими требованіями и угрозами.

И вотъ мы видимъ теперь, что

Дума идетъ противъ Царя.

Она не оправдала надеждъ Царя и народа, она обманула Царя и народъ. Она ни на минуту не остановилась на самомъ важномъ, самомъ жизненномъ вопросѣ Россіи, она ни единаго слова не сказала о томъ, какъ нашей Родинѣ возстать въ новой полной силѣ послѣ тяжелаго военнаго пораженія, нанесеннаго ей на Маньчжурскихъ поляхъ и въ Японскихъ проливахъ. Ей никакого дѣла нѣтъ до возстановленія чести и славы Россіи. Въ ней засѣдаютъ тѣ самые „кадеты“ и соціалисты, которые радовались побѣдамъ японцевъ, такъ какъ побѣды эти помогали русской крамолѣ. Наши Думцы являются лучшими друзьями и вѣрнѣйшими союзниками японцевъ. Вотъ почему они всячески старались, чтобы Россія не получила отъ дружественной ей Франціи тѣхъ денегъ, которыя нужны для возстановленія Русской военной и морской силы. Теперь ясно, почему они не хотятъ, чтобы у Россіи были мощная армія и сильный флотъ: вѣдь это не желательно японцамъ, которые хотятъ видѣть Россію униженною, обезславленною, искалѣченною, приговоренною къ смерти.

Да, Дума обманула всѣ ожиданія Царя, всѣ надежды народа. Не о чести, силѣ и славѣ нашей Родины заботится она, а только о томъ, какъ бы идти противъ Царя, противъ всѣхъ Его благихъ намѣреній, противъ Его Самодержавія, противъ той любви и того уваженія, съ которыми относится къ Нему народъ. Она ни во что не ставитъ Государевой законной Воли и хочетъ замѣнить ее своимъ беззаконнымъ произволомъ. Она подвергаетъ дерзкимъ оскорбленіямъ вѣрныхъ слугъ Царя, стараясь такимъ образомъ оскорбить и Самого Царя. Она старается заглушить доходящій до Царя истинный народный голосъ и выдаетъ самое себя за Русскій народъ. Всюду, на каждомъ шагу, она проявляетъ свое неповиновеніе Царской Волѣ, непрестанно обманывая и Царя, и Народъ.

Если бы злѣйшіе враги Россіи, если бы сами японцы сидѣли въ нашей Думѣ, то и они не могли бы такъ губить Россію, такъ поддерживать въ ней крамолу, такъ развращать ея сухопутное и морское войско, какъ это дѣлаютъ овладѣвшіе нынѣ Думой „кадеты“ и соціалисты.

Но личина теперь сорвана съ этихъ лицемѣровъ: теперь уже

народъ обману не поддастся!

Чѣмъ больше всѣ эти измѣнники и озорники кричатъ, орутъ и болтаютъ въ Думѣ, тѣмъ больше народъ ихъ презираетъ, какъ безсовѣстныхъ

шарлатановъ. Когда они выболтаются до конца, отъ нихъ ровно ничего и не останется. И если они на новыхъ выборахъ опять явятся со своими истасканными флагами и истрепанными фразами, то Русскій народъ этихъ грязныхъ лохмотьевъ отъ нихъ уже не приметъ и встрѣтитъ ихъ такъ, какъ они этого заслуживаютъ.

Эти люди отрекаются отъ своей Родины; они прямо измѣняютъ ей и стыдятся названія патріотовъ.

Любимый ихъ ораторъ Петрункевичъ заявилъ открыто въ Думѣ, что для него „слово *патріотъ* стало отвратительнымъ!!"

Тѣмъ лучше! Они этимъ сознаются, что Русскими патріотами являются не они, а мы, которыхъ они прозвали „черносотенцами", а нынѣ презрительно называютъ „патріотами". Но мы будемъ гордиться этими именами, такъ какъ они являются символами любви къ Родинѣ и непримиримаго отпора ея врагамъ.

А потому воскликнемъ всѣ вмѣстѣ:

Да здравствуетъ Самодержавный Императоръ!

Да здравствуютъ вѣрноподданные и беззавѣтно преданные Ему всѣ патріоты-черносотенцы Монархической Партіи!

Новая вѣра.

„Кадеты" изобрѣли новую вѣру, которую они хотятъ *навязать* всему Русскому народу, вопреки проповѣдуемой ими „свободѣ совѣсти".

Какая же это вѣра?

„Вѣра въ Думу".

По мнѣнію „кадетовъ", Русскіе люди могутъ не вѣрить въ Бога и въ Христа Спасителя, но „вѣрить въ Думу" они обязаны. И Царь обязанъ исповѣдывать эту новую вѣру, и всѣ Его министры, всѣ губернаторы и градоначальники, всѣ администраторы до послѣдняго стражника включительно.

Боже сохрани, если кто-нибудь изъ нихъ поколеблетъ въ населеніи единую спасительную „вѣру въ Думу"! Если населеніе потеряетъ эту вѣру,—тогда все пропало.

Мы уже видѣли, какъ г. Муромцевъ установилъ догматъ о непорочномъ зачатіи Думы и объ ея непогрѣшимости. Теперь оффиціальный органъ „кадетовъ—"*Русскія Вѣдомости* провозглашаютъ *необходимость и обязательность* всеобщей вѣры въ эту непогрѣшимую Думу.

„Профессорская" газета встревожилась тѣмъ, что нѣкоторые градоначальники и губернаторы предостерегли населеніе ввѣренныхъ имъ городовъ и губерній противъ воззванія къ вооруженному бунту, изданнаго засѣдающими въ Думѣ соціалистами.

Московская газета протестуетъ не только противъ того, что „министерство опубликовало свою декларацію и расклеило ее во всѣхъ городахъ и весяхъ" и этимъ подорвало вѣру населенія въ Думу, но и противъ „попытки уронить значеніе Думы въ глазахъ населенія при помощи губернаторскихъ объявленій".

„Допустимъ на минуту,—говоритъ газета,—что населеніе повѣрило бы этимъ заявленіямъ и *потеряло бы вѣру въ Думу.* Что было бы послѣдствіемъ такого убѣжденія? Отъ чиновниковъ населеніе ничего не ждетъ, *въ Думу оно потеряло вѣру,*—гдѣ исходъ народному напряженію, гдѣ путь, которымъ пойдетъ народъ для осуществленія своихъ желаній?

„Отвѣтъ ясенъ: при отсутствіи легальныхъ путей, остается одинъ, путь—*беззаконный* *).

Итакъ, если мы хотимъ избѣгнуть революціи, намъ нужно установить въ Россіи особый культъ непорочной и непогрѣшимой Думы!

Что бы Дума ни дѣлала и ни говорила, -мы должны поклоняться ей; мы должны—

„освоиться и примириться съ мыслію, что *Дума представляетъ изъ себя такое учрежденіе, уваженіе къ которому необходимо въ интересахъ порядка и спокойствія страны*".

А потому, кто не поклоняется Думѣ и подрываетъ вѣру въ ея непогрѣшимость,—тотъ „колеблетъ основы государственнаго порядка"; а такой „поступокъ является преступленіемъ".

Такимъ же преступленіемъ является, по мнѣнію „кадетовъ", печатаніе въ офиціальной правительственной газетѣ телеграммъ отъ населенія Россіи, возмущеннаго дерзкими, беззаконными дѣйствіями и требованіями Думы. Эти дѣйствія и требованія не должны, по мнѣнію „кадетовъ", встрѣчать не только отпора, но и малѣйшей критики со стороны правительственныхъ органовъ, какъ это сдѣлали „провинціальные администраторы", которые опубликовали объявленія, обращенныя къ населенію и направленныя къ тому, чтобы подорвать у населенія *вѣру въ Думу.*

Неужели „кадеты" серіозно думаютъ, что населеніе „вѣритъ въ Думу".

Какъ? Въ *эту* Думу? Да какой же здравомыслящій человѣкъ можетъ вѣрить въ нее? Вѣдь всѣ же знаютъ, что она возникла изъ нечестиваго соединенія грубаго насилія съ безстыдною ложью. Какъ же можно создавать культъ непорочности для *такой Думы?*

Ну, хорошо: согласимся на минуту съ установленіемъ этого культа непорочной Думы, и условимся—не ронять ея святости въ глазахъ населенія и не подрывать его вѣры въ ея непогрѣшимость.

Ну, а что же намъ дѣлать, если Дума сама своими поступками и рѣчами роняетъ все свое достоинство, подрываетъ всякую къ себѣ вѣру, и сама разоблачаетъ всю неприглядную наготу свою, оказываясь на самомъ дѣлѣ не безпорочною святыней, а полнѣйшею противоположностью этому понятію?

Правительству и его органамъ не было никакой надобности „ронять значеніе Думы въ глазахъ населенія". Народъ съ первыхъ же словъ, раздавшихся въ Думѣ,—словъ наглаго крамольника Петрункевича въ защиту гнусныхъ убійцъ и бунтарей, словъ, покрытыхъ рукоплесканіями Думы,—сразу ясно понялъ, какіе нравственные уроды собрались въ ея стѣнахъ. Народъ уже тогда содрогнулся отъ негодованія противъ этой крамольной

*) ***Русскія Вѣдомости,*** отъ 1 іюня 1906 г., № 142. Курсивъ вездѣ нашъ.

Думы, конечно, никакой святости въ ней не призналъ, никакой вѣры къ ней не почувствовалъ.

А когда всѣ эти шарлатаны, крамольники и болтуны стали говорить свои непотребныя рѣчи противъ Самодержавной Власти Русскаго Царя и противъ пользующихся Царскимъ довѣріемъ вѣрныхъ слугъ Государевыхъ; когда вчерашніе острожники, пробравшіеся насиліемъ и обманомъ въ Думу, стали требовать, чтобы Правительство освободило ихъ сообщниковъ, оставшихся еще въ острогахъ, чтобы вмѣстѣ съ ними поджечь всю Россію кровавымъ вооруженнымъ возстаніемъ,—тогда воспрянулъ Русскій народъ и началъ со всѣхъ концовъ Россіи посылать Государю адресы и телеграммы, протестующіе противъ крамольной Думы, съ которою Русскій народъ ничего общаго не имѣетъ.

Само-собою разумѣется, что этотъ взрывъ народнаго негодованія, сорвавшаго личину съ Думскихъ обманщиковъ, выдающихъ себя за „народныхъ представителей", очень не понравился „кадетамъ", такъ какъ онъ въ корнѣ подорвалъ весь учрежденный ими культъ „непорочной Думы"; вотъ почему они попытались было пустить въ ходъ новый обманъ, будто всѣ присылаемые Государю народные адресы и телеграммы идутъ не отъ самого народа, а „сочинены по чьему-то заказу"! *Но это неправда!* Адресы и телеграммы, печатаемые въ *Правительственномъ Вѣстникѣ*, являются громкимъ крикомъ, вырвавшимся изъ измученнаго сердца истиннаго Русскаго народа, а потому они гораздо болѣе заслуживаютъ помѣщенія въ офиціальномъ органѣ Правительства, нежели вся пустая и вредная болтовня Думскихъ „кадетовъ" и соціалистовъ.

Можно ли послѣ этого говорить, что министерство или губернаторы и градоначальники могутъ „дискредитировать" Думу, когда она уже сама давно лишила себя всякаго кредита?

Можно ли искусственно поддерживать въ населеніи „вѣру въ Думу", когда сама Дума давно уже разрушила всякую къ себѣ вѣру?

И потомъ,—что такое Дума? Представляетъ ли она собою одно сплошное гармоническое цѣлое, которому Русскій народъ долженъ воздавать идолопоклонническія почести? Въ Думѣ есть кадеты, и въ Думѣ есть соціалисты, а еще есть тамъ „октябристы", и всѣ они между собою спорятъ и ругаются. Аладьинъ говоритъ одно, а Герценштейнъ—другое, а графъ Гейденъ—третье, и хотя всѣ они говорятъ нелѣпости, но нелѣпости ихъ совершенно разныя.

Такъ кому же Русскій народъ долженъ поклоняться: Аладьину, Герценштейну или Гейдену?

Ни тому, ни другому, ни третьему, ибо никто изъ нихъ не заслуживаетъ ни вѣры, ни поклоненія, такъ же какъ и остальные ихъ товарищи; а потому никакой вѣры и поклоненія не заслуживаетъ и все ихъ сборище.

Вѣритъ и поклоняется Русскій народъ только Богу Вседержителю. Вѣритъ онъ въ спасительную силу Церкви Христовой. Вѣритъ онъ въ благодать Божію, почивающую на Помазанникѣ Божіемъ, Русскомъ Самодержавномъ Царѣ Православномъ. Вѣритъ онъ своему Царю Батюшкѣ и всѣмъ истинно-Русскимъ людямъ, которые стоятъ за Царя.

А „въ Думу“ онъ не вѣритъ и никогда вѣрить не будетъ, какъ бы „кадеты“ ему эту новую вѣру ни навязывали.

Напротивъ того, онъ будетъ въ восторгѣ, если Государь и Себя, и всю Россію, отъ этой крамольной Думы окончательно освободитъ, вернувъ Себѣ всю полноту Своей Неограниченной Власти.

Тогда лишь Русскій народъ воспрянетъ духомъ и повѣритъ, наконецъ, что вся смута, терзающая нынѣ Россію, прекратится.

Вотъ такъ школа!

Съ будущей осени въ Москвѣ открывается „Свободная Школа“.

Что будетъ твориться въ этой школѣ, легко себѣ представить по той рекламѣ, которая напечатана въ газетѣ *Путь* (№ 74).

Вотъ что въ ней сказано:

Въ свободной школѣ не будетъ ни пріемныхъ, ни переводныхъ, ни выпускныхъ экзаменовъ, никакихъ репетицій, отмѣтокъ или отзывовъ объ успѣхахъ и поведеніи учащихся; не будетъ наказаній (даже въ видѣ выговоровъ и замѣчаній) и наградъ, не будетъ задаванія уроковъ на домъ, не будетъ въ школѣ никакой *обязательной* для учащихся работы и обязательнаго посѣщенія уроковъ. Дѣти будутъ заниматься только тѣмъ, что ихъ заинтересуетъ, имъ будетъ сообщаться только то, что они сами захотятъ узнать.

Однимъ изъ необходимыхъ условій правильнаго нравственнаго развитія является совмѣстное обученіе дѣтей *обоего пола*: оно будетъ проведено въ школѣ на всѣхъ ступеняхъ обученія.

Комментаріи излишни.

Вы желаете узнать, кто учреждаетъ эту безсмысленную школу, въ которой всѣ будутъ ходить на головахъ, никакого ученія не будетъ, а будетъ лишь совмѣстное увеселеніе какъ дѣтей, такъ и юношей и дѣвицъ, обоего пола? Школа основывается „особымъ“ кружкомъ учредителей:

Въ настоящее время кружокъ этотъ состоитъ изъ слѣдующихъ лицъ: М. Х. Свентицкая, Н. В. Чеховъ, М. А. Чехова, Е. В. Смыслова, А. И. Колмогоровъ, А. У. Зеленко, К. Ф. Доценко, В. П. Потемкинъ, М. В. Бередникова, А. В. Вербицкій, Н. А. Скворцовъ: г-жи: Грелихъ, Потемкина, Гинзбургъ, Рогинская и нѣкоторыя другія, примкнувшія къ кружку въ самое послѣднее время.

Но найдутся ли родители, которые рѣшатся отдать своихъ дѣтей на нравственное искалѣченіе въ такую школу, въ которой дѣти, юноши и дѣвицы будутъ безнаказанно дѣлать рѣшительно все, что имъ придетъ въ голову или что имъ подскажетъ товарищъ или подруга?

О, конечно, найдутся! Вѣдь теперь масса родителей, развращающихъ своихъ дѣтей дома; отчего же имъ не воспользоваться для этой цѣли и услугами новой „свободной школы“?

Революціонная программа.

Мы узнали изъ достовѣрнаго источника, что на засѣдавшемъ въ Стокгольмѣ тайномъ съѣздѣ Русскихъ крамольниковъ установлена слѣдующая программа ближайшихъ революціонныхъ дѣйствій въ Россіи:

1. Въ виду того, что первая цѣль, намѣченная русскою революціей, достигнута учрежденіемъ Государственной Думы и образованіемъ народнаго представительства, вступившаго въ открытую вражду съ Правительствомъ, необходимо воспользоваться этою враждой и раздуть ее въ громадный пожаръ всенародной вражды противъ Самодержавія.

2. Для сего необходимо, чтобы изъ Думы брошено было въ народъ воззваніе, указывающее на неисполненіе Правительствомъ требованій Думы и призывающее народъ поддержать эти требованія всѣми доступными ему средствами.

3. Поддержать и распространить это воззваніе среди народа слѣдуетъ всею революціонною печатью, прокламаціями и устною пропагандой.

4. Всѣ власти, препятствующія этой печатной и устной пропагандѣ, должны быть объявлены врагами Думы и народа, а слѣдовательно государственными преступниками, подлежащими народной карѣ.

5. Для организаціи народнаго движенія должны быть возстановлены революціонныя организаціи: Союзъ Союзовъ, Желѣзнодорожный Союзъ, Инженерный Союзъ, Почтово-Телеграфный Союзъ, Крестьянскій Союзъ и другіе боевые союзы, которые должны быть снабжены боевыми инструкціями, оружіемъ и подчинены общему боевому руководству.

6. Вооруженному возстанію должна предшествовать желѣзнодорожная и почтово-телеграфная стачка, которая должна по возможности превратиться во всеобщую стачку.

7. Вооруженному возстанію должны также предшествовать отдѣльныя революціонныя сходки и митинги, для того чтобы должнымъ образомъ разжечь политическія страсти и вызвать кровавыя столкновенія.

8. Какъ забастовка, такъ и возстаніе должны быть поддержаны всею печатью, которая должна приписывать всѣ ужасы и жертвы, вызванныя этими народными движеніями, одному лишь Правительству, упорно не желающему подчиниться требованіямъ народа.

9. Этого будетъ достаточно, чтобы Правительство, по примѣрамъ прошлаго года, пошло на уступки: будетъ дана полная амнистія, отмѣнена смертная казнь, будетъ назначено новое парламентское министерство, которое назначитъ новыхъ администраторовъ, а старыхъ предастъ суду. Тогда наступитъ большая свобода для революціоннаго движенія въ Россіи, которымъ нужно будетъ воспользоваться для достиженія слѣдующихъ цѣлей, имѣющихъ своею задачей полное упраздненіе монархическаго принципа въ Россіи.

10. Необходимо посредствомъ устной и печатной пропаганды перевести всѣ войска на сторону революціи.

11. Необходимо сорвать будущій наборъ новобранцевъ отказомъ населенія отъ воинской повинности.

12. Необходимо подорвать бюджетъ Монархическаго Правительства отказомъ населенія отъ уплаты казенныхъ податей и налоговъ.

Эта программа одобрена и принята не только собравшимися въ Стокгольмѣ революціонерами, но и главными ихъ вожаками, изъ коихъ одни засѣдаютъ въ Петербургѣ, а другіе отдыхаютъ за границей.

Мы не можемъ допустить мысли, что Русское Правительство не знакомо съ этою программой; ему вѣроятно извѣстны и всѣ недошедшія до насъ подробности, а также совершенно невѣдомыя намъ подпольныя программы анархическихъ террористовъ, находящихся, какъ извѣстно, въ тѣсной связи съ „легальными“ вожаками „освободительнаго движенія въ Россіи.

Но если для Правительства ясна программа его враговъ, то для него также должна быть ясна его собственная программа, и Россія ожидаетъ,

что програма эта окажется на должной высотѣ правительственнаго достоинства.

Попытки революціонеровъ вызвать новыя забастовки и вооруженный мятежъ должны быть безпощадно подавлены *въ самомъ ихъ началѣ*, во избѣжаніе страшныхъ кровавыхъ жертвъ въ будущемъ.

Революціонная дѣятельность Думы должна быть прекращена, а этого можно достигнуть лишь прекращеніемъ самой Думы. Не можемъ же мы спокойно смотрѣть, какъ Дума пользуется дарованною ей свободой слова, систематически и упорно разжигая народныя страсти и призывая населеніе къ вооруженному возстанію противъ Самодержавнаго Царя!

Роспускъ Думы и назначеніе новыхъ выборовъ не помогутъ дѣлу, такъ же какъ не помогутъ какія бы то ни было уступки Правительства думскимъ революціоннымъ требованіямъ. И уступки, и новые выборы не только не усмирятъ крамолы, но придадутъ ей лишь новую громадную силу.

Въ этомъ отношеніи совершенно справедливо говоритъ революціонеръ князь А. Крапоткинъ въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ*:

„Пока всѣ эти потребности (то-есть революціонныя требованія) не будутъ удовлетворены, до тѣхъ поръ собраніе народныхъ представителей, сколько бы разъ его ни распускали и ни собирали, постоянно будетъ выражать эти потребности и ратовать за ихъ удовлетвореніе. Большою наивностью было бы предполагать, что при новыхъ выборахъ страна выскажется не за теперешнюю Думу, а за министерство Горемыкина. Несомнѣнно, въ это никто не вѣритъ; не вѣритъ и министерство.

„Ненужный опытъ съ роспускомъ Думы Правительство могло бы производить сколько угодно, если бы страна въ настоящее время находилась въ нормальномъ состояніи правильно-наладившейся государственной и общественной жизни. Но всякій понимаетъ, что страна сейчасъ вся проникнута революціонною энергіей, находится въ состояніи полнаго броженія и, какъ пороховой складъ, можетъ вспыхнуть отъ малѣйшей искры. Роспускъ Думы повлечетъ за собою изверженіе вулкана. Это обязано понимать Правительство“.

Да, дѣйствительно, Правительство обязано это понимать. А потому ни *сохранять* теперешнюю революціонную Думу, ни *распускать* ее, созывая новое, еще болѣе революціонное, сборище, оно не можетъ.

Правительство можетъ только предложить Государю *одинъ* выходъ изъ наступившаго, повидимому, безвыходнаго положенія: — разрубить Гордіевъ узелъ, *упразднивъ* всю законодательную смуту послѣдняго времени и возстановивъ полную неограниченность Самодержавной Власти.

Такой, единственно разумный, выходъ изъ настоящаго кризиса будетъ встрѣченъ неописуемымъ восторгомъ Русскаго народа, истомившагося въ ожиданіи великаго, мужественнаго акта твердой Царской Власти.

Предъ этимъ всеобъемлющимъ народнымъ восторгомъ немедленно падетъ вся мнимая, раздутая сила крамолы, во главѣ которой стоятъ всего-на-всего какіе-нибудь 15 — 20 дѣйствительныхъ вожаковъ. Съ ихъ пораженіемъ поражена будетъ и вся революція...

Руководство черносотенца-монархиста.

1) *Что такое „черная сотня“?* „Черная сотня“, — это тысячи, милліоны, это—весь Православный Русскій Народъ, остающійся вѣрнымъ присягѣ неограниченному Самодержавному Царю.

2) *Откуда это названіе „черная сотня“?* Враги Самодержавія назвали „черною сотней“ тотъ простой, черный Русскій народъ, который, во время вооруженнаго бунта 1905 года, сталъ на защиту своего Самодержавнаго Царя.

3) *Почетное ли это названіе „черная сотня“?* Да, очень почетное. Нижегородская черная сотня, собравшаяся вокругъ Минина, спасла Москву и всю Россію отъ поляковъ и русскихъ измѣнниковъ, и къ этой славной черной сотнѣ присоединился и князь Пожарскій съ вѣрными Царю русскими боярами. Всѣ они были настоящими „черносотенцами“, и всѣ они стали, какъ и нынѣшніе „черносотенцы-монархисты“, на защиту Православнаго Монарха, Самодержавнаго Царя.

4) *Что такое „Монархъ“?* „Монархъ“ значитъ *Единодержецъ, Самодержецъ*. Такимъ Самодержцемъ является Русскій Царь, который Одинъ правитъ всею Россіей. Русскій Самодержавный Царь отвѣтствуетъ только передъ Богомъ и повинуется только тѣмъ законамъ, которые Онъ, установленнымъ порядкомъ, Самъ издалъ по Божьей и Своей собственной Царской Волѣ.

5) *Что такое „монархистъ“?* „Монархистами“ зовутся тѣ Русскіе люди, которые чтутъ и охраняютъ Самодержавную Власть своего Царя и не допускаютъ, чтобы какая-нибудь земная власть ее ограничивала.

6) *Кто же въ настоящее время хочетъ ограничить Самодержавную Власть Русскаго Царя?* Внутренніе враги Россіи въ союзѣ съ ея внѣшними врагами.

7) *Кто эти внутренніе враги?* 1) Конституціоналисты, 2) демократы, 3) соціалисты, 4) революціонеры, 5) анархисты и 6) евреи.

8) *Что такое „конституція“?* Конституція есть *контрактъ, договоръ* между Царемъ и Народомъ. Въ Западной Европѣ, гдѣ Цари со своими народами ссорились и враждовали, они подъ-конецъ пошли на мировую и заключили между собою контрактъ (конституцію), по которому они теперь и живутъ, зорко смотря другъ за другомъ, какъ бы кто кого не обошелъ.

9) *Нужна ли конституція Россіи?* Нѣтъ, не нужна. Въ Россіи народъ споконъ вѣковъ повинуется своему Монарху не по контракту, а по *вѣрѣ* Христовой—какъ Помазаннику Божію, по вѣрноподданнической *присягѣ*—какъ Самодержцу, и по сыновней *любви*—какъ своему Царю-Батюшкѣ. Никогда еще, съ тѣхъ поръ, какъ стоитъ Россія, Русскій Царь съ Своимъ Народомъ не враждовалъ, а потому имъ нѣтъ надобности подписывать контрактъ или конституцію.

10) *Чего хотятъ „конституціоналисты“?* Партія „конституціоналистовъ“ хочетъ ввести въ Россію конституцію, которая связала бы Царя такъ, чтобъ Онъ не только ни одного закона не смѣлъ издавать безъ раз-

рѣшенія „парламента“ или Думы, но чтобъ управлялъ Россіей не Царь, а назначаемые парламентомъ министры.

11) *Что такое „парламентъ“?* Парламентъ есть собраніе выборныхъ отъ народа людей, которые называютъ себя „представителями народа“. На самомъ же дѣлѣ являются только представителями той партіи, которая тѣмъ или инымъ способомъ одержала верхъ на выборахъ. Такимъ парламентомъ оказалась и первая Русская Государственная Дума, члены которой обманно называютъ себя „представителями Русскаго народа“. На самомъ дѣлѣ они являются представителями только конституціонно-демократической („кадетской“) и соціалистическихъ партій, которыя насиліемъ и обманомъ одержали верхъ надъ истиннымъ Русскимъ народомъ во время весеннихъ выборовъ 1906 года.

12) *Что такое „демократы“?* „Демократія“ значитъ *народовластіе*. „Демократы“ желаютъ, чтобы въ Россіи властвовалъ одинъ только *народъ*, а Царская Власть была бы только пустою формой или чтобъ ее даже совсѣмъ не было, а была бы въ Россіи „республика“.

13) *Что такое „республика“?* „Республика“ есть такое государство безъ Царя, въ которомъ одна партія, имѣющая большинство въ парламентѣ, правитъ всѣми дѣлами и угнетаетъ весь остальной народъ, который къ этой партіи не принадлежитъ. Во главѣ такого республиканскаго государства стоитъ выборный на нѣсколько лѣтъ „президентъ“ или предсѣдатель, который никакой власти не имѣетъ и только, какъ кукла, подписываетъ бумаги.

14) *Что такое „конституціонно-демократы“?* Конституціонно-демократическая партія,—которая для краткости обозначаетъ себя буквами *К.-Д.*, и потому прозвана „кадетскою“ партіей,—хочетъ ввести въ Россіи *конституцію*, которая, какъ сказано выше, свяжетъ совсѣмъ волю Царя. Тогда хозяиномъ въ Россіи будетъ не Царь, а только та партія, члены которой захватятъ себѣ большинство мѣстъ въ Думѣ, назовутъ себя „представителями народа“ и будутъ дѣйствовать не для блага всего народа, а только для своего личнаго блага и для блага своей партіи.

15) *Что такое „соціалисты“?* „Соціалисты“ хотятъ переустроить все государство такъ, чтобы вся власть принадлежала ни Царю, ни народу, а одному лишь чернорабочему люду, и чтобы всѣ жители Россіи принуждены были имѣть *одинаковую* работу и *одинаковый* заработокъ, такъ, чтобы никто не былъ богаче или бѣднѣе другого. А это такая нелѣпость, которой нигдѣ никогда не было и никогда не будетъ, такъ какъ всѣ люди разные и одинаково работать не могутъ; а если нельзя будетъ заработать себѣ лишнюю копѣйку, то и никакой охоты не будетъ работать. Такое государство либо умретъ, либо немедленно сброситъ съ себя такую нелѣпую кабалу.

16) *Что такое „соціалисты-демократы“?* Это тѣ соціалисты, которые хотятъ *постепенно* осуществить свое нелѣпое государство „мирнымъ“, „законнымъ“ путемъ, чрезъ парламентъ.

17) *Что такое „соціалисты-революціонеры“?* Это тѣ соціалисты, которые хотятъ осуществить свое нелѣпое государство *немедленно*, путемъ „революціи“.

18) *Что такое „революція“?* „Революція“ есть вооруженное возстаніе

противъ Царя и существующаго государственнаго порядка. Такое возстаніе строго карается Божескими и государственными законами. Къ тому же, если смѣнить Правительство силой, то завтра же будетъ новое возстаніе, и получится „анархія“.

19) *Что такое „анархія“?* „Анархія“ значитъ *безвластіе*. „Анархистами“ зовутъ тѣхъ людей, которые хотятъ разрушить всѣ церковныя и государственныя власти, отмѣнить всѣ законы и ввести всеобщій произволъ. Для нихъ ничего нѣтъ святого; изъ ихъ среды, главнымъ образомъ, выходятъ „политическіе“ убійцы и метатели бомбъ.

20) *Къ внутреннимъ врагамъ причисляются также и евреи. Почему?* Потому что въ теперешней смутѣ ни одинъ еврей не высказывался за Царское Самодержавіе, а большинство евреевъ, войдя въ составъ революціоннаго „бунда“, всячески поддерживаютъ революцію въ Россіи, особенно денежными средствами, для того чтобы добиться равноправія съ Русскими, разселиться по всей Россіи и высосать всѣ ея жизненные соки.

21) *Какая главная цѣль всѣхъ внутреннихъ враговъ Россіи?* Конституціоналисты, демократы, соціалисты, революціонеры, анархисты и евреи дѣйствуютъ иногда различными способами, а иногда даже и спорятъ между собой, но всѣ они соединяются въ общемъ стремленіи къ одной и той же цѣли — къ уничтоженію Самодержавной Царской Власти въ Россіи: одни хотятъ наложить на нее цѣпи, другіе хотятъ совершенно уничтожить ее. Вотъ вся между ними разница.

22) *Какія средства употребляютъ внутренніе враги для достиженія своей цѣли?* Главныя ихъ средства: „революціонная пропаганда“ и „терроръ“.

23) *Что такое „революціонная пропаганда“?* „Пропаганда значитъ *распространеніе среди народа* разныхъ мнѣній, взглядовъ и ученій. „Революціонная пропаганда“ значитъ распространеніе среди народа такихъ слуховъ, взглядовъ и ученій, которые могли бы возбудить его противъ Церкви Православной, противъ Царя Самодержавнаго и противъ любви къ Родинѣ. Такую преступную пропаганду ведутъ внутренніе враги Россіи и въ школахъ, и на сходкахъ, и въ судахъ, и въ газетахъ, и въ книжкахъ, и въ воззваніяхъ, клевеща на Царя и Его Правительство и стараясь возбудить въ народѣ вражду противъ Царя.

24) *Что такое „терроръ“?* „Терроръ“ значитъ *запугиваніе*. Внутренніе враги Россіи стараются запугать Царское Правительство и все Русское общество кровавыми убійствами вѣрныхъ слугъ Царя, метаніями бомбъ, отъ которыхъ гибнетъ мирное населеніе, всякаго рода забастовками, грабежами казенныхъ и частныхъ денегъ, вооруженными возстаніями и всякими иными демонстраціями съ красными флагами и революціонными пѣснями. Эти негодяи надѣются, что Правительство съ испуга передастъ имъ всю власть надъ Русскимъ народомъ.

25) *Почему внутренніе враги Россіи ходятъ съ красными флагами?* Они избрали себѣ красные флаги потому, что подъ красными флагами въ Западной Европѣ совершались самыя кровавыя соціалистическія и анархическія революціи. Такую же кровавую революцію они хотятъ произвести и въ Россіи. Вотъ почему для Россіи такъ опасны люди съ красными флагами.

26) *Кто обязанъ бороться съ внутренними врагами Россіи?* Во-первыхъ, вся Императорская армія, *во-вторыхъ*, всѣ законныя правительственныя и общественныя власти, и *въ-третьихъ*, всѣ черносотенцы-монархисты, то-есть весь Православный Русскій народъ, остающійся вѣрнымъ присягѣ Неограниченному, Самодержавному Царю.

27) *Какими средствами должна бороться Императорская армія съ внутренними врагами Россіи?* Всѣми мѣрами строгости, предписанными военнымъ закономъ, съ соблюденіемъ военной дисциплины.

28) *Какими средствами должны бороться правительственныя и общественныя власти съ внутренними врагами Россіи?* Всѣми мѣрами, которыя имъ предписываютъ законъ и вѣрноподданническая Государю Императору присяга.

29) *Какими средствами должны бороться черносотенцы-монархисты съ внутренними врагами Россіи?* Черносотенцы-монархисты должны всюду дѣйствовать мирными, законными, средствами. Такъ, напримѣръ, на *революціонную пропаганду* они должны отвѣчать *пропагандой монархической*, распространяя среди народа справедливыя мнѣнія, истинные взгляды и вѣрныя ученія, которыя могли бы разоблачить революціонную ложь и укрѣпить Русскій народъ въ его исконной преданности Богу, Царю и Отечеству. Такую пропаганду черносотенцы-монархисты должны вести и въ школахъ, и на сходкахъ, и въ печати, всюду содѣйствуя торжеству свѣта надъ мракомъ, истины надъ ложью.

Лишь въ томъ случаѣ, если внутренніе враги Россіи *первые* поднимаютъ явный бунтъ противъ Царя, производятъ революціонныя демонстраціи съ красными флагами и крамольными пѣснями, или приступаютъ къ вооруженному возстанію,—и если, при этомъ, военныя и полицейскія силы не могутъ прекратить этихъ демонстрацій и этого мятежа,—*лишь въ томъ случаѣ* черносотенцы-монархисты имѣютъ не только право, но и обязанность встать на защиту Царскаго Самодержавія и, если нужно, жертвовать своею жизнію въ непримиримой борьбѣ съ врагами Царя и Россіи. Но и въ этомъ случаѣ черносотенцы-монархисты должны воздерживаться отъ всякихъ излишнихъ крайностей и не унижать своего человѣческаго достоинства.

30) *Могутъ ли черносотенцы-монархисты идти въ чемъ-либо противъ своего Самодержавнаго Царя?* Никогда и ни въ чемъ. Они обязаны повиноваться законной Волѣ Монарха и служить Ему не только за страхъ, но и за совѣсть. Если бы даже какой-либо законъ, изданный Государемъ, оказался неудачнымъ, черносотенцы-монархисты обязаны исполнять его до тѣхъ поръ, пока его Государь не отмѣнитъ; ходатайствовать же объ его отмѣнѣ имѣетъ право каждый вѣрноподданный Государя, а слѣдовательно, это право имѣютъ и монархисты. Лишь отмѣна Самодержавной Монархіи для монархистовъ обязательной силы не имѣетъ, и если внутренніе враги Россіи такъ или иначе лишатъ Россію Самодержавной Монархіи, монархисты обязаны стремиться къ возстановленію этой Монархіи.

31) *Какъ должны черносотенцы-монархисты относиться къ Государственной Думѣ и къ новому Государственному Совѣту?* Учрежденіе

Государственной Думы и преобразованіе Государственнаго Совѣта совершились по волѣ Государя Императора, а потому черносотенцы-монархисты обязаны въ точности исполнять всѣ относящіеся къ Думѣ и Совѣту законы, пока они существуютъ. Но опытъ уже доказалъ все несовершенство этихъ законовъ, а потому черносотенцы-монархисты обязаны ходатайствовать предъ Государемъ Императоромъ объ отмѣнѣ этихъ законовъ и возстановленіи *истиннаго* Самодержавія.

32) *Что такое „истинное" Самодержавіе?* Истиннымъ Самодержцемъ является тотъ Монархъ, Который дѣйствительно Самъ лично правитъ Своимъ народомъ и не отдѣленъ отъ него ни парламентомъ, ни Думой, ни бюрократіей.

33) *Что такое „бюрократія"?* „Бюрократія" значитъ власть, „власть чиновниковъ", которые не допускаютъ народа сообщаться со своимъ Царемъ и управляютъ государствомъ по *своей* волѣ, а не по волѣ Царской.

34) *Какъ могутъ сообщаться Царь и народъ?* Если между Царемъ и народомъ будетъ стоять Дума съ ея болтунами и крикунами, которые думаютъ не о благѣ народа, а только о собственной своей выгодѣ; точно также, если между Царемъ и народомъ будутъ стоять чиновники,—Царь изъ думскихъ рѣчей и чиновничьихъ докладовъ правды о Русскомъ народѣ не узнаетъ. Онъ узнаетъ ее только тогда, когда Онъ будетъ часто видѣться *съ самимъ народомъ*, либо объѣзжая Свою Имперію, либо принимая народныя депутаціи, либо знакомясь съ докладами вызванныхъ Имъ Самимъ изъ народа свѣдущихъ, дѣльныхъ, умныхъ и преданныхъ Царю людей.

35) *Правда ли, что черносотенцы-монархисты стоятъ за сохраненіе чиновничьихъ злоупотребленій?* Нѣтъ, это ложь. Черносотенцы-монархисты требуютъ немедленнаго и строжайшаго суда надъ всѣми чиновниками, хотя бы и самыми высокопоставленными, если они виновны въ незаконныхъ дѣйствіяхъ.

36) *Правда ли, что черносотенцы-монархисты стоятъ противъ мѣстнаго самоуправленія?* Нѣтъ, и это неправда. Мѣстному самоуправленію монархисты желаютъ предоставить самое широкое развитіе, лишь бы оно занималось чисто-мѣстными, а не государственными вопросами.

37) *Правда ли, что черносотенцы-монархисты стоятъ противъ народнаго образованія?* Нѣтъ, неправда. Они желаютъ всеобщаго народнаго обученія, лишь бы оно шло рука объ руку съ религіозно-нравственнымъ воспитаніемъ; они желаютъ, чтобы въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ шло правильное серіозное ученіе, а не велась революціонная пропаганда.

38) *Правда ли, что черносотенцы-монархисты стоятъ противъ свободы слова и печати?* Нѣтъ, неправда: они стоятъ только противъ *необузданнаго произвола* слова и печати, разрушающаго основы Церкви Божіей, Царскаго Самодержавія, народной нравственности и воинской дисциплины, отъ которыхъ зависитъ самое существованіе государства. Черносотенцы - монархисты стоятъ также противъ всякой словесной и печатной *лжи*. Во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ слово и печать должны имѣть право свободнаго обсужденія всего творящагося въ Россіи.

39) *Правда ли, что черносотенцы-монархисты не желаютъ улучшенія положенія рабочихъ?* Нѣтъ, неправда. Положеніе рабочихъ, такъ же, какъ и другихъ классовъ населенія, нуждается въ различныхъ улучшеніяхъ, которыя и входятъ въ программу Монархической Партіи: но монархисты не допускаютъ рабочаго *революціоннаго* движенія, стремящагося не къ улучшенію быта рабочихъ, а къ государственному перевороту.

40) *Правда ли, что черносотенцы-монархисты не желаютъ улучшенія крестьянскаго быта?* Нѣтъ, неправда. Они хотятъ улучшить этотъ бытъ и съ матеріальной и нравственной стороны. Но они знаютъ, что въ *землѣ* нуждаются далеко не во всѣхъ губерніяхъ и не всѣ крестьяне, а что нужды крестьянскія весьма разнообразны и что имъ слѣдуетъ помогать разнообразными способами, а не однимъ только надѣленіемъ новой земли. Тамъ же, гдѣ это надѣленіе возможно, оно должно совершаться безъ нарушенія права собственности.

41) *Къ чему стремятся черносотенцы-монархисты?* Къ тому, чтобы возсоздалась могущественная, единая, недѣлимая Россія, и возстановилась грозная сухопутная и морская ея сила; къ тому, чтобы Россія управлялась Неограниченнымъ Самодержавнымъ Государемъ, и чтобы Государя отъ народа не отдѣляли ни чиновники, ни Думцы; чтобы внутренній порядокъ и всестороннее, свободное развитіе государственныхъ и народныхъ силъ строго ограждались твердыми законами, на полное благополучіе Россіи и въ согласіи съ ея вѣковѣчными историческими основами.

Преосвященный Никонъ.

Москва разстается съ однимъ изъ лучшихъ своихъ сыновъ, съ бывшимъ епископомъ Серпуховскимъ, викаріемъ Московскимъ, преосвященнымъ Никономъ, нынѣ назначеннымъ на самостоятельную каѳедру Вологодскую.

Утрата эта для Москвы несомнѣнно очень тяжелая.

Москва давно уже знала и высоко цѣнила преосвященнаго Никона, когда онъ еще долгіе годы пребывалъ въ своей Лаврской келліи, подъ сѣнью Троице-Сергіевскихъ святынь, радѣя о благѣ монастырской общины и объ изданіи расходившихся по всей Россіи *Троицкихъ Листковъ*. Этими листками зачитывался весь православный Русскій народъ, на нихъ развивался его благочестивый умъ, укрѣплялся его христіанскій характеръ, опредѣлялось его Православное міровоззрѣніе.

Но еще болѣе полюбила и оцѣнила Москва преосвященнаго Никона, когда онъ, послѣ краткаго пребыванія во Владимірской епархіи, поселился въ Даниловскомъ монастырѣ, въ качествѣ одного изъ Московскихъ викарныхъ епископовъ.

Даниловъ монастырь получилъ съ этого времени особенно притягательную силу не только для православныхъ Москвичей, но и для всѣхъ дорожащихъ Православною Церковію Русскихъ людей, пріѣзжавшихъ иной разъ издалека, чтобы поучиться у преосвященнаго Никона, обмѣняться съ

нимъ мыслями, или получить отъ него утѣшеніе въ настоящія, столь трудныя времена.

Имя епископа Никона стало, однако, особенно извѣстнымъ, когда преосвященный предпринялъ свой знаменательный объѣздъ ввѣреннаго ему въ епархіи Рузскаго уѣзда, о которомъ мы въ свое время давали подробный отчетъ.

Преосвященный при этомъ объѣздѣ подробно входилъ въ нужды каждаго прихода, молился и бесѣдовалъ съ народомъ, стараясь удержать его на добромъ пути любви къ Церкви и Родинѣ и предохранить отъ начавшейся уже въ то время революціонной пропаганды, которая велась съ особенною силою именно въ Рузскомъ уѣздѣ подъ руководствомъ князя П. Долгорукова.

Народъ всюду встрѣчалъ и провожалъ преосвященнаго съ особымъ восторгомъ, никогда не видавъ еще такого близкаго, сердечнаго отношенія со стороны носителя епископской власти.

Само собою разумѣется, революціонеры не могли простить преосвященному Никону его ревностной архипастырской дѣятельности. Они съ яростной злобой набросились на него въ своихъ крамольныхъ газетахъ, прозвали его „черносотеннымъ" епископомъ, приписали ему не только нелѣпыя намѣренія, но и нелѣпыя дѣйствія, стараясь оклеветать его передъ гражданскимъ и передъ духовнымъ начальствомъ и добиться удаленія его изъ Москвы.

Но всѣ ихъ нечестивыя старанія оставались втуне. Любовь народа Московскаго къ преосвященному Никону все росла и крѣпла, а самъ онъ оставался твердымъ на указанномъ ему Господомъ праведномъ пути.

Такимъ Москва его видѣла и въ трудные октябрскіе и декабрскіе дни, взирая на него, какъ на истиннаго и вѣрнаго слугу Божія, который ни одной іоты не уступитъ соблазнамъ міра сего.

Нынѣ преосвященный Никонъ призванъ на дѣятельность совершенно самостоятельную, гдѣ онъ получитъ полную возможность управлять ввѣренною ему паствой совершенно такъ, какъ ему это будетъ указывать его совѣсть передъ Христомъ Богомъ, и Вологжане узнаютъ въ немъ истиннаго добраго пастыря, который будетъ охранять ихъ по законамъ Господнимъ отъ всего зла мірского, которое нынѣ гнѣздится не въ однихъ только мірянахъ, но, увы! и въ лицахъ, облеченныхъ въ духовный санъ, какъ это мы, къ сожалѣнію, видимъ въ Москвѣ, на примѣрѣ крамольныхъ поповъ, погубившихъ Общество Любителей Духовнаго Просвѣщенія.

Отъ всей души желаемъ преосвященному Никону прежде всего возстановленія его силъ, надорванныхъ въ послѣдній годъ тяжелою борьбой за истину Православной Церкви, а затѣмъ—благотворной пастырской дѣятельности на новомъ его поприщѣ, среди коренной Русской Вологды, гдѣ его несомнѣнно съ распростертыми объятіями встрѣтятъ всѣ истинно-Русскіе люди, и гдѣ, при обновленной нынѣ администраціи, уже не будутъ всѣмъ верховодить сосланные крамольники.

А затѣмъ мы, Москвичи, не покинемъ надежды видѣть преосвященнаго Никона снова среди насъ—въ златоглавой Москвѣ.

Отъ Совѣта Всенароднаго Русскаго Союза.

Совѣтъ Всенароднаго Русскаго Союза, обсудивъ, въ засѣданіи своемъ отъ 3 іюня, настоящее положеніе Россіи, единогласно высказалъ слѣдующія соображенія:

1) Разнузданность и намѣренно-ложныя сообщенія такъ-называемой „передовой" прессы вполнѣ напоминаютъ скорбныя времена ноября мѣсяца 1905 года и предвѣщаютъ новое, но еще болѣе сильное, чѣмъ декабрское, возстаніе. Какъ тогда, такъ и теперь, замѣчаются такія же сходки неспокойныхъ элементовъ, такая же агитаторская дѣятельность крайнихъ лѣвыхъ партій, при чемъ нынѣ дѣятельность эта еще болѣе усилилась, благодаря открытой революціонной пропагандѣ членовъ Государственной Думы.

2) Крайне-слабые законы отнюдь не соотвѣтствуютъ совершаемымъ нынѣ политическимъ убійствамъ, покушеніямъ и грабежамъ; это обстоятельство, а также растерянность и слабость мѣстныхъ властей—заставляютъ доведенное до крайности населеніе прибѣгать къ самосуду (погромамъ и т. п.). Всѣ крики объ „искусственной организаціи" такихъ естественныхъ проявленій народнаго гнѣва имѣютъ лишь цѣлью отвлечь глаза высшаго Правительства отъ истинной причины этихъ проявленій. По мнѣнію Совѣта Всенароднаго Русскаго Союза, искорененіе истинныхъ причинъ „погромовъ", то-есть примѣненіе законовъ къ государственнымъ преступникамъ по всей ихъ строгости, положитъ конецъ и народному самосуду.

3) Злонамѣренная и разрушительная дѣятельность Государственной Думы раздражаетъ еще болѣе страну. Была допущена серіознѣйшая ошибка въ созваніи Думы до успокоенія Россіи.

Все вышесказанное заставляетъ Совѣтъ Всенароднаго Русскаго Союза указать Правительству на неотложную необходимость водворить желѣзною рукою порядокъ въ измученной Родинѣ.

Такимъ образомъ и Всенародный Русскій Союзъ, объединяющій, какъ извѣстно, болѣе ста монархическихъ организацій, пришелъ къ тому убѣжденію, которое мы не перестаемъ высказывать вотъ уже болѣе года, и которое теперь является аксіомой для всѣхъ истинно-Русскихъ людей: всѣ реформы, въ которыхъ такъ нуждается Россія, должны были осуществляться не *во время* революціонной смуты, охватившей Россію, а *послѣ* рѣшительнаго ея подавленія. Сколько разъ мы въ своей газетѣ твердили и доказывали, что охваченный пламенемъ домъ немыслимо перестраивать, прежде чѣмъ пожаръ будетъ потушенъ! Но, увы, злокозненные совѣты графа Витте показались болѣе убѣдительными—и вотъ, Россія въ безвыходномъ положеніи!

Совѣтъ Всенароднаго Русскаго Союза совершенно правъ, указывая на главную причину тѣхъ ужасовъ, которые нынѣ творятся въ Россіи: на разнузданность нашей открыто-революціонной печати, которую не могутъ

сдержать намѣренно-атрофированные графомъ Витте законы, допускающіе самую широкую пропаганду крамолы среди крестьянъ, рабочихъ, молодежи и арміи.

Такого повальнаго развращенія Русскаго народа *нельзя терпѣть и одного дня*,—а оно длится у насъ уже скоро *два года*, непрерывно усиливаясь и ежедневно принося неисчислимый вредъ Россіи! Терпѣть это страшное зло ради пустозвоннаго принципа „свободы печати", то-есть „свободы лжи", есть прямое преступленіе передъ Родиной, и если прекратить эту повальную заразу можно лишь учрежденіемъ желѣзной диктатуры, съ отмѣной введенныхъ у насъ графомъ Витте разрушительныхъ законовъ,—то уже ради одной этой цѣли желѣзная диктатура необходима.

Мы, конечно, не можемъ не присоединиться и къ указанію Совѣтомъ Всенароднаго Русскаго Союза на истинную причину тѣхъ „погромовъ", которые, то здѣсь, то тамъ, вспыхиваютъ, какъ естественныя проявленія народнаго гнѣва.

Возьмемъ для примѣра хоть послѣдній Бѣлостокскій погромъ.

Еврейскія и еврействующія газеты полны подробностей о *послѣдствіяхъ* этого погрома. Еврейскими воплями объ этихъ послѣдствіяхъ оглашаются залы и „кулуары" Государственной Думы. На эти послѣдствія жаловалась еврейская депутація министру Внутреннихъ Дѣлъ. Но о *причинахъ* этого погрома газетные и Думскіе евреи благоразумно умалчиваютъ.

А причины эти поистинѣ возмутительныя.

Вотъ что пишутъ изъ Бѣлостока *Новому Времени* о первой, главной причинѣ погрома,—о безчеловѣчномъ убійствѣ любимаго всѣми Русскими въ Бѣлостокѣ доблестнаго полицеймейстера П. П. Деркачева:

„28 мая, около 4 часовъ дня, въ управленіе полицеймейстера заѣхалъ начальникъ 16-й пѣхотной дивизіи генералъ-лейтенантъ Богаевскій и обратился къ П. П. Деркачеву съ просьбой побывать на Базарной площади и Суражской улицѣ, такъ какъ, по мнѣнію генерала, могло статься, что между нижними чинами гарнизона, отпущенными по случаю праздника въ городъ, и еврейскою „самообороной" произойдетъ столкновеніе въ родѣ того, какое было 21 мая.

„Исполняя желаніе генерала Богаевскаго, П. П. Деркачевъ объѣхалъ Базарную площадь, внушилъ чинамъ полиціи зорко слѣдить за тѣмъ, чтобы порядокъ нигдѣ не былъ нарушаемъ, послѣ чего, около 5 час. вечера, приказалъ кучеру свернуть на Суражскую улицу.

„Проѣхавъ по этой улицѣ нѣкоторое разстояніе, полицеймейстеръ былъ атакованъ *двумя группами злоумышленниковъ*, которые съ обѣихъ сторонъ улицы *почти въ упоръ стали производить въ полицеймейстера выстрѣлъ за выстрѣломъ. Пуль, какъ говорятъ очевидцы, выпущено изъ револьверовъ свыше 50, причемъ тремя изъ нихъ полицеймейстеръ убитъ наповалъ*.

„Внѣ сомнѣнія, что убійство—дѣло рукъ революціонеровъ. Среди населенія Деркачевъ былъ слишкомъ популяренъ, чтобы можно было допустить другую, кромѣ революціонной, подкладку".

Легко можно себѣ представить, въ какое негодованіе пришло Русское населеніе Бѣлостока, узнавъ объ этомъ возмутительномъ преступленіи, ли-

нившемъ весь городъ главнаго его начальника, который оберегалъ его отъ дерзкихъ выходокъ революціоннаго еврейскаго „бунда“ и организовавшейся въ Бѣлостокѣ еврейской „самообороны“, то-есть еврейской революціонной „боевой дружины“.

Тѣмъ не менѣе, народный гнѣвъ еще сдержалъ себя, хотя Русскіе жители Бѣлостока понимали, что теперь, со смертью полицеймейстера, обнаглѣвшая революціонная шайка евреевъ дастъ полную волю своимъ звѣрскимъ крамольнымъ инстинктамъ.

И дѣйствительно, не прошло и четырехъ дней, какъ 1 іюня Бѣлостокскіе евреи отпраздновали свою свободу отъ устраненнаго съ ихъ пути вѣрнаго Царскаго слуги—слѣдующимъ образомъ, какъ о томъ гласитъ оффиціальное телеграфное сообщеніе:

По Институтской улицѣ 1 іюня шли двѣ церковныя процессіи, православная и католическая, въ которыхъ принимало участіе громадное множество народа изъ окрестныхъ селеній. Евреи, относясь съ одинаковою ненавистью къ обѣимъ Христіанскимъ Церквамъ, забрались на балконы еврейскихъ домовъ Институтской улицы и *оттуда стали обстрѣливать процессіи.*

Находившіеся тутъ солдаты отвѣтили евреямъ выстрѣлами, а паломники въ ужасѣ разсыпались по Николаевской улицѣ и по базару.

Но и тутъ не унялись Евреи, и *стали бросать въ паломниковъ бомбы.* Во время паники, въ процессіи затоптаны дѣти, убиты двое малютокъ, несшія иконы, и нѣсколько женщинъ на Базарной площади, и, по слухамъ, разорванъ ксендзъ, а православному священнику оторвало ногу.

И вотъ, видя всѣ эти, творимые евреями, ужасы, у Русскаго населенія Бѣлостока лопнуло, наконецъ, терпѣніе. Оскорбленные въ своихъ религіозныхъ чувствахъ, рабочіе и крестьяне стали немедленно расправляться съ нѣкоторыми евреями, выбѣжавшими изъ домовъ, изъ которыхъ были сдѣланы выстрѣлы, а затѣмъ они бросились громить еврейскія лавки. Отъ разгрома пострадали Липовая, Нѣмецкая улицы и часть Александровской и Новошоссейной улицъ. Экстренно прибылъ Гродненскій губернаторъ. Центральныя улицы были заняты войсками, открывшими огонь на защиту евреевъ. Съ сумерками погромъ прекратился, но на другой день снова вспыхнулъ.

Какъ видно, это обычный ходъ такъ-называемыхъ „черносотенныхъ“ погромовъ.

Въ той или другой мѣстности евреи или крамольники, пользуясь отсутствіемъ (какъ, напримѣръ, въ Бѣлостокѣ) или послабленіями (какъ, напримѣръ, въ Вологдѣ) мѣстной власти, выступаютъ съ наглыми революціонными демонстраціями и даже преступленіями, испытывая терпѣніе мѣстнаго Русскаго населенія. Одна, другая дерзкая выходка,—населеніе молчитъ; третья, четвертая еще болѣе дерзкая,—Русскіе, преданные своему Царю, негодуютъ, но крѣпятся и молчатъ; пятая, шестая демонстрація еще болѣе возмутительная, еще болѣе нахальная,—„черносотенцы“ внѣ себя отъ негодованія, но еще молчатъ.

Но вотъ еще новое еврейско-крамольное безобразіе переполняетъ чашу терпѣнія Русскаго населенія, негодованіе достигаетъ своихъ крайнихъ предѣловъ,—и наступаетъ грозный народный самосудъ, который никогда не наступилъ бы, еслибъ онъ не былъ вызванъ нахальными демонстраціями евреевъ и крамольниковъ, съ одной стороны, и ихъ безнаказанностію, съ другой.

Но евреи и крамольники тщательно замалчиваютъ эти двѣ *причины* „погромовъ" и только кричатъ и вопятъ объ ихъ *послѣдствіяхъ*, дабы вызвать такое впечатлѣніе, будто евреи и крамольники сидятъ себѣ спокойно, никого не трогая, никого не задирая, а „черносотенцы" вдругъ ни съ того, ни съ сего, на нихъ нападаютъ, подвергая ихъ разнымъ лишеніямъ и истязаніямъ.

Но Русское Правительство и Русскій народъ слишкомъ хорошо знаютъ всѣ эти гнусныя еврейско-крамольныя повадки, чтобы вѣрить такимъ лживымъ картинамъ.

Сидите спокойно, господа евреи и крамольники, не творите своихъ гнусныхъ безобразій, не оскорбляйте христіанскихъ святынь, не поднимайте мятежа противъ нашего Царя,—и вы можете быть покойны: никто васъ пальцемъ не тронетъ.

Гордіевъ узелъ *).

Намъ нечего скрывать отъ себя печальную, ужасную истину: *Россія находится въ безвыходномъ положеніи.*

Но, съ другой стороны, для насъ не можетъ быть и никакого сомнѣнія: *Россія должна выйти изъ этого положенія.*

Но развѣ можно выйти изъ положенія, которое признано безвыходнымъ?

Не только можно, но и должно.

Выйти изъ своего тяжелаго кризиса Россія не можетъ *нормальнымъ* путемъ; но, слава Богу, для нея еще не утрачены другіе, чрезвычайные пути. Къ нимъ именно, и только къ нимъ, и приходится теперь ей обратиться, если она не желаетъ окончательно погибнуть.

И ей нужно не медля, не колеблясь, обратиться къ этимъ путямъ, помня, что „верховнымъ закономъ должно быть спасеніе Государства".

Колебаться можно было бы лишь въ томъ случаѣ, если бы была малѣйшая надежда на спасеніе Россіи нормальными средствами.

Но такой надежды нѣтъ.

Доказать это можно многими, бросающимися въ глаза, примѣрами. Но достаточно будетъ остановиться на вопросѣ о печати.

Мы видимъ, что вся почти печать наша находится въ рукахъ у революціонеровъ, что она приноситъ величайшій вредъ нашей Родинѣ своею пропагандой ненависти не только противъ Царскаго Самодержавнаго Правительства, но и противъ всего культурнаго государственнаго и общественнаго строя, что она развращаетъ крестьянъ, рабочихъ, учащуюся молодежь

*) Рѣчь, произнесенная на Общемъ Собраніи Русской Монархической Партіи 4 іюня 1906 г.

и даже армію, призывая ихъ къ забастовкамъ и къ вооруженному возстанію; мы видимъ всю эту ужасную язву, подтачивающую здоровыя силы народа,—и обращаемся къ Правительству съ вопросомъ: почему же оно терпитъ эту язву, почему оно не кладетъ окончательный предѣлъ ея распространенію? Вѣдь не можемъ же мы допустить, что Правительство и теперь, послѣ паденія графа Витте, стремится къ той же цѣли, какъ и революціонеры. А въ такомъ случаѣ,—почему же Правительство И. Л. Горемыкина предоставляетъ революціонной печати такую же свободу, какую ей предоставлялъ графъ Витте?

Но упреки эти наши совершенно не основательны.

Теперешнее Правительство, дѣйствуя нормальными мѣрами, лишено всякой возможности предотвратить тотъ ужасный вредъ, который революціонная печать наноситъ всей Россіи, ибо Правительство не имѣетъ права измѣнить существующіе законы о печати, а законы эти написаны рукою величайшаго врага Россіи.

Когда-то было время,—давнымъ-давно, пять недѣль тому назадъ,—когда Правительство имѣло полное право отмѣнять дурные законы, какъ только обнаруживался ихъ вредъ, и замѣнять ихъ другими, полезнымъ законами. Это время,—если вѣрить Думскимъ законникамъ,—кануло въ вѣчность. Теперь, по ихъ увѣреніямъ, Царь Собственною Властію никогда уже не можетъ издать ни одного закона, еслибы даже отъ этого закона зависѣло спасеніе всей Россіи. Онъ обязанъ-де испрашивать одобренія, разрѣшенія этого закона у революціонной Думы; а она, уже конечно, не разрѣшитъ Царю издать законъ для спасенія Россіи отъ революціи.

Да, было время, пять недѣль тому назадъ, когда измѣненіе законовъ было во власти Правительства, но, увы, тогда само Правительство было во власти графа Витте, и онъ воспользовался своею властью, чтобы съ лихорадочною быстротой измѣнить важнѣйшіе законы не въ лучшемъ, а въ худшемъ смыслѣ, лишивъ ихъ внутренней силы и строгости и превративъ ихъ въ пустозвонныя, вредныя фразы.

Такъ, между прочимъ, было и съ законами о печати.

Графъ Витте зналъ, что революція въ Россіи возможна лишь при полной „свободѣ печати". Онъ и навязалъ Россіи эту свободу, при громкихъ рукоплесканіяхъ всѣхъ сознательныхъ революціонеровъ и тѣхъ близорукихъ Русскихъ людей, которые такъ слѣпо, такъ необдуманно, увлекаются пустыми фразами.

„Свобода печати"! Развѣ это не „высокій идеалъ", развѣ это не „безусловное благо", къ которому должно стремиться человѣчество? А если кто возстаетъ противъ „свободы печати",—развѣ такой человѣкъ не „безумецъ", не „мракобѣсъ"? „Развѣ можно отрицать пользу печати"?

Да, дѣйствительно, отрицать пользу печати такъ же невозможно, какъ, напримѣръ, невозможно отрицать пользу огня. Развѣ человѣчество можетъ жить безъ огня? Развѣ теперешнее культурное человѣчество можетъ жить безъ печати? Конечно, нѣтъ. Отрицать это было бы безуміемъ.

Но еще большимъ безуміемъ было бы провозглашеніе принципа „свободы огня", „свободы печати"

Ни огонь, ни печать не могутъ быть названы безусловнымъ благомъ, ибо они могутъ принести столько же пользы, сколько и вреда; а потому, для того чтобы приносить одну только пользу, они не могутъ быть предоставлены своей стихійной разнузданности, а должны быть управляемы твердою рукой, по указанію здраваго разума.

Но для революціонеровъ именно и необходима была стихійная разнузданность печати. Графъ Витте и далъ имъ то, что̀ ими требовалось,— и мы знаемъ, въ какихъ ужасающихъ размѣрахъ воспользовались они этимъ даромъ.

А для того, чтобы никто у нихъ этого дара не отнялъ, графъ Витте поспѣшилъ созвать революціонную Думу, которая теперь и не даетъ Правительству возможности измѣнить хотя бы одну іоту въ безумныхъ законахъ о печати, дарованныхъ графомъ Витте русскимъ революціонерамъ.

Заваривъ революціонную кашу, графъ Витте поспѣшилъ уѣхать за границу, предоставивъ расхлебывать эту кашу своимъ преемникамъ.

Но что̀ же могутъ сдѣлать теперь его преемники? Перемѣнить законы о печати *нельзя;* терпѣть ея разнузданность *не мыслимо*; распустить Думу на каникулы, чтобы господа Аладьины, Аникины, Винаверы и Герценштейны продолжали съ большею силой среди народа ту адскую пропаганду, которую они ведутъ въ Таврическомъ Дворцѣ,—*это было бы имъ только на-руку.* Распустить Думу и назначить новые выборы при теперешнемъ безумномъ выборномъ законѣ, который снова обезпечилъ бы побѣду шайкѣ крамольниковъ надъ Православною Русскою Россіей,—это было бы совершеннымъ *сумасшествіемъ.*

Но нельзя ли перемѣнить этотъ выборный законъ? Нѣтъ, и этого нельзя, такъ какъ этотъ злополучный законъ включенъ въ Основные Законы Россійской Имперіи.

О, графъ Витте обо всемъ подумалъ, все взвѣсилъ, чтобы Русское Правительство оказалось въ революціонномъ капканѣ, чтобъ оно ни на шагъ не могло двинуться ни направо, ни налѣво!

Такъ что̀ же остается Россіи, чтобы выйти изъ этого капкана? Нормальнымъ образомъ *раскрыть* его невозможно: его можно только *разорвать.*

Распутать тотъ Гордіевъ узелъ, передъ которымъ очутилась Россія, она не можетъ: она должна *разрубить* его. Она должна освободиться отъ всей законодательной смуты послѣдняго времени и снова выйти на широкую, торную, свѣтлую дорогу Самодержавной Царской Власти, не ограниченной ни чиновничьимъ произволомъ, ни думскою партійною ненавистью и ложью.

Вотъ о чемъ намъ, Русскимъ людямъ, нужно просить Государя, вотъ тѣ желанія, которыя мы выражаемъ Государю въ нашемъ всеподданнѣйшемъ адресѣ.

„Кадетскій" кабинетъ.

Въ Петербургѣ теперь два Правительства:

Одно—законное—въ Петергофѣ; во главѣ его стоитъ Его Императорское Величество Государь Императоръ.

Другое анархическое въ Таврическомъ Дворцѣ: оно подчинено самодурствующему хулигану Аладьину.

Между этими двумя правительствами идетъ непримиримая борьба, и весь вопросъ настоящаго историческаго момента заключается въ томъ, которое изъ нихъ выйдетъ побѣдителемъ изъ этой борьбы.

Либо въ Россіи будетъ возстановлено Царское Самодержавіе во всей своей неограниченной чиновниками и думцами власти, и Аладьинъ будетъ изъятъ изъ обращенія,—либо у насъ воцарится соціальная республика, и Аладьинъ будетъ нашимъ президентомъ.

„Позвольте", скажутъ намъ, есть еще *третій* исходъ: Россія будетъ буржуазно-либеральнымъ конституціоннымъ государствомъ съ кадетскимъ кабинетомъ Муромцевъ—Шиповъ—Гейденъ—Стаховичъ. И это очень возможно; объ этомъ уже пишутъ газеты".

На это мы отвѣтимъ: Ошибаетесь, господа: „кадетскій" кабинетъ былъ еще возможенъ (на короткое время) три недѣли тому назадъ. Теперь онъ уже сталъ *совершенно невозможнымъ*.

Почему?

Да потому, что три недѣли тому назадъ первую скрипку въ Думѣ еще играли гг. „кадеты": а теперь они уже оттѣснены на задній планъ соціалистами съ ихъ типичнымъ главаремъ, хулиганомъ Аладьинымъ.

Иначе не могло и быть.

До созыва Думы близорукіе Россіяне, даже изъ нашихъ единомышленниковъ, глубокомысленно говорили:

— Погодите, не отчаивайтесь, „кадеты" въ Думѣ будутъ гораздо приличнѣе, чѣмъ на выборахъ; изъ нихъ выйдутъ прекрасные, дѣловые, умѣренные государственные люди.

— Нѣтъ,—отвѣчали мы:—такія надежды могутъ питать лишь благодушные люди, незнакомые съ парламентскою азбукой. „Кадеты" *будутъ вынуждены хулиганствовать*, чтобы не отставать отъ соціалистовъ.

И дѣйствительно, Петрункевичи, Родичевы, Кокошкины и Винаверы съ самаго же начала стали говорить въ кабацкомъ тонѣ, чтобъ увлечь за собой хулигановъ - соціалистовъ, или, какъ они себя называютъ, „трудовиковъ".

Цѣлыя три недѣли „кадеты" шли голова въ голову съ хулиганами, пока, наконецъ, передъ ними выдвинулся на цѣлый корпусъ Аладьинъ, оставившій ихъ затѣмъ далеко за флагомъ; а графъ Гейденъ, Стаховичъ и Муромцевъ, — тѣ даже отказались отъ дальнѣйшаго соперничества въ хулиганствѣ.

И поникли „кадеты" головами. „За Аладьинымъ намъ не угнаться".

Какая же при этихъ условіяхъ можетъ быть рѣчь о „кадетскомъ" министерствѣ?

Оно при первомъ же своемъ появленіи будетъ встрѣчено „трудовиками" съ такимъ же „недовѣріемъ" и „презрѣніемъ", какъ и министерство Горемыкина, съ тою только разницею, что И. Л. Горемыкинъ имѣетъ полное право игнорировать это „недовѣріе", а гг. Гейдены, Герценштей-

ны, Стаховичи и Петрункевичи должны будутъ, какъ „конституціонные" министры, преклониться передъ такимъ неодобрительнымъ отзывомъ Думы и немедленно отказаться отъ своихъ министерскихъ окладовъ.

„Трудовики" будутъ къ нимъ безпощадны. Они уже теперь подвергаютъ ихъ безпощадной хулиганской травлѣ. Какъ они, несчастные „кадеты", ни старались усовершенствоваться въ кабацкамъ тонѣ, они все-таки не сумѣли потрафить истиннымъ кабацкимъ ораторамъ. Офиціальный органъ этихъ послѣднихъ, газета *Путь* (№ 78), прочла „кадетской" партіи серіозную нотацію, говоря, что „этой партіи давно уже слѣдовало *оставить курсъ джентльменства и корректности*".

Итакъ, „кадетскій" кабинетъ отцвѣтетъ, не успѣвъ расцвѣсть. Такъ стоитъ ли его назначать? Это будетъ мертворожденный младенецъ.

Нѣтъ, *о такомъ* кабинетѣ и думать нельзя.

Вотъ объ Аладьинѣ стоитъ подумать: но не для того, чтобы ему помочь сдѣлаться президентомъ анархической республики, а для того, чтобы навсегда ему однимъ ударомъ выбить изъ головы такія вожделѣнія и положить рѣшительный конецъ незаконному правительству въ Таврическомъ Дворцѣ.

Кандидатура князя Урусова.

Въ Государственной Думѣ сидитъ „представитель Калужской губерніи" князь Сергѣй Дмитріевичъ Урусовъ.

Онъ не только дослужился до чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника, но состоялъ два раза въ губернаторахъ, послѣ чего пробрался даже на слишкомъ продолжительное время въ товарищи министра Внутреннихъ Дѣлъ.

Онъ уже давно мечталъ о самостоятельномъ министерскомъ портфелѣ, который былъ бы ему врученъ нормальнымъ путемъ, по свободному назначенію Государя. Но такъ какъ эти мечты его не осуществились, онъ рѣшилъ достигнуть своей цѣли инымъ путемъ.

Выбранный въ Государственную Думу, онъ занялъ въ ней мѣсто и полтора мѣсяца упорно молчалъ, терпѣливо выжидая нужнаго ему момента, а именно, появленія на трибунѣ министра Внутреннихъ Дѣлъ Столыпина.

Разсчетъ его, очевидно, былъ такой:

„Министръ долженъ будетъ коснуться въ своей рѣчи Департамента Полиціи. Это такой департаментъ, въ которомъ, по существу его, далеко не всѣ дѣла могутъ быть преданы гласности. А я возьму да и предамъ ихъ гласности, благо мнѣ, какъ товарищу министра Внутреннихъ Дѣлъ, было вполнѣ возможно подсмотрѣть и подслушать многія изъ этихъ тайнъ и даже получить о нихъ свѣдѣнія офиціальнымъ путемъ. Этимъ оглашеніемъ служебныхъ тайнъ я пріобрѣту громадную популярность среди большинства Думы, которое, въ благодарность за мои разоблаченія, и выдвинетъ меня своимъ кандидатомъ на постъ министра Внутреннихъ Дѣлъ. Пусть Шиповъ добивается этого портфеля, какъ „умный организаторъ", Муромцевъ — какъ „тактичный руководитель", Родичевъ — какъ „буйный

ораторъ", — я буду всего милѣе евреямъ и „кадетамъ" разоблаченіемъ полицейскихъ тайнъ, благо у меня ихъ записана цѣлая масса".

Сказано — сдѣлано. Какъ только министръ Внутреннихъ Дѣлъ Столыпинъ выступилъ передъ Думой съ защитой дѣятельности Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, князь Урусовъ тотчасъ же всталъ и съ чисто-аладьинскою развязностью сталъ громить то Правительство, въ составѣ котораго онъ такъ долго находился, получая всякаго рода милости, и которое всегда къ нему относилось съ такимъ полнымъ довѣріемъ.

Злоупотребивъ въ самомъ широкомъ смыслѣ этимъ довѣріемъ, князь Урусовъ пожалъ бурю рукоплесканій со стороны всѣхъ думскихъ хулигановъ, съ восторгомъ принявшихъ его въ свои объятія, какъ новаго достойнаго сочлена.

Князь Урусовъ „разоблачилъ" очень некрасивую „тайну" Департамента полиціи (печатаніе политическихъ воззваній); но онъ этимъ не ограничился, а намѣренно, въ угоду думскимъ и внѣдумскимъ революціонерамъ, преувеличилъ и обобщилъ тотъ единичный фактъ, изъ котораго и состояла вся эта тайна, до чудовищныхъ размѣровъ, прибавивъ къ нему всевозможныя канцелярскія сплетни и шутки въ качествѣ достойныхъ фактовъ.

Но вопросъ не въ томъ, красивыя или некрасивыя тайны разоблачилъ князь Урусовъ, а въ томъ, красиво ли поступилъ онъ самъ въ качествѣ перебѣжчика въ ряды злѣйшихъ враговъ Россіи, передавая имъ новое орудіе лжи и клеветы противъ Царя и Его Правительства?

Какъ бы назвали революціонеры того „товарища", который въ Думѣ сталъ бы разоблачать ихъ красивыя и некрасивыя тайны, если онѣ могли быть ему извѣстны только по тому, что онъ, находясь въ ихъ рядахъ, пользовался ихъ довѣріемъ? Они назвали бы его именемъ, соотвѣтствующимъ его поступку. Но князя Урусова они, конечно, такимъ именемъ не назовутъ, такъ какъ его „разоблаченія" могутъ только содѣйствовать успѣху революціи. Они покроютъ его лаврами и, несомнѣнно, выдвинутъ его кандидатуру на первостепенный государственный постъ.

Мы не удивимся, если завтра или послѣзавтра прочтемъ въ офиціальныхъ крамольныхъ органахъ среди прочихъ небылицъ, что „князь С. Д. Урусовъ выѣзжалъ въ Петергофъ", что „Звѣздная Палата чрезвычайно встревожена его кандидатурой", тѣмъ болѣе, что „князю Урусову выданъ указъ объ его назначеніи, въ который онъ въ любой моментъ можетъ вставить день, число и мѣсяцъ этого назначенія".

Вѣдь ложнымъ извѣстіямъ, ежедневно измышляемымъ революціонною печатью, нѣтъ никакого предѣла, такъ что въ нихъ подобныя вздорныя извѣстія вполнѣ возможны, а потому князь Урусовъ можетъ считать себя „серіознымъ" кандидатомъ не только на „министерство", но даже и на „премьерство".

У него въ запасѣ, вѣроятно, много еще служебныхъ тайнъ, которыми онъ можетъ торговать въ Думѣ какъ гуртомъ, такъ и въ розницу, добывая себѣ этимъ ремесломъ все большую и большую популярность среди хулигановъ и евреевъ.

Кстати объ евреяхъ. По Талмуду еврей, выдавшій какую-нибудь еврейскую тайну, карается смертью.

Какъ счастливъ князь Урусовъ, что онъ считается христіаниномъ!

Русская революція на японскомъ содержаніи.

Намъ уже давно было извѣстно, что въ рукахъ А. С. Суворина находятся важные документы, доказывающіе, что Русская революція производится не „по желанію Русскаго народа", какъ насъ хотятъ увѣрить разные Петрункевичи, а по заказу Японскаго правительства.

Мы удивлялись, что издатель *Новаго Времени* такъ долго молчитъ объ этихъ документахъ, доказывающихъ, что „герои" нашего „освободительнаго движенія" предались злѣйшему врагу Россіи и служатъ не своему народу, а Японскому микадо.

Наконецъ, 8 іюня 1906 г., *Новое Время* (№ 10.859) напечатало слѣдующую статью подъ заглавіемъ „Изнанка Русской революціи":

„Въ русскомъ обществѣ уже давно ходили толки о томъ, что совпаденіемъ нашихъ неудачъ въ войнѣ на Дальнемъ Востокѣ съ ростомъ у насъ, дома, революціоннаго движенія мы въ значительной мѣрѣ обязаны Японцамъ, и что деньги на вооруженное возстаніе черпаются русскими революціонерами изъ японской казны. Народное чутье не ошиблось. И Японцы, и русскіе революціонеры въ циничномъ безразличіи въ выборѣ средствъ борьбы оказались достойны другъ друга. Одни славу своего оружія запятнали грязью подкупа, другіе великое слово свободы осквернили продажей своей родины.

„У насъ въ рукахъ находятся *документы неоспоримой подлинности*, не оставляющіе никакихъ сомнѣній въ томъ, что *поднятое Русскими людьми противъ своего Правительства оружіе* **куплено на японскія деньги** *).

„Извѣстный Петербургу, по своей службѣ у насъ до войны въ качествѣ военнаго агента Японской миссіи, полковникъ японской службы *Акаши* послѣ разрыва дипломатическихъ сношеній между Россіей и Японіей переселился въ Стокгольмъ, который и сдѣлался центромъ японскаго шпіонства въ Европѣ. Съ осени 1904 года, когда волна „освободительнаго" движенія охватила Русскій народъ, а недовольство войной и ея неудачами укрѣпило успѣхи революціоннаго движенія, *Акаши вступилъ въ сношенія съ проживающими въ Парижѣ русскими эмигрантами-революціонерами* **).

„Сношенія, начавшіяся въ ноябрѣ 1904 г., привели къ соглашенію объ *организаціи въ Россіи вооруженнаго возстанія* **на счетъ Японскаго правительства.**

„Посредниками со стороны революціонеровъ явились Грузинъ *Георгій Деканози* и извѣстный дѣятель финляндской партіи активнаго сопротивленія *Конни Цилліакусъ.*

---

*) Курсивъ вездѣ нашъ.

**) Теперь эти господа уже перекочевали въ Россію: одни изъ нихъ сидятъ въ Государственной Думѣ, другіе въ тюрьмахъ, третьи въ разныхъ крамольныхъ союзахъ.

„Какъ Цилліакусъ, такъ и Деканози получили отъ Акаши деньги на покупку оружія и яхты. Оружіе предназначалось для четырехъ революціонныхъ партій: *русскихъ* соціалъ-революціонеровъ, *грузинской* с.-р., *финляндской* и *польской* соціалистической.

„Всего было заказано и куплено въ Швейцаріи 25.000 ружей и 3½ милліона патроновъ. Посредникомъ по покупкѣ и заказу служилъ имъ нѣкій французскій гражданинъ.

„Въ свою очередь Цилліакусъ купилъ въ Гамбургѣ яхту, получившую названіе *Джонъ Крафтонъ*, на которую была нагружена часть оружія, и которая 16 іюля, подъ командой шведа, капитана Бестрема, снялась съ якоря и отплыла по направленію, скрытому имъ даже отъ мѣстнаго портоваго управленія.

„Мы должны напомнить читателямъ, что 25 августа житель города Улеаборга, водолазъ Юнтунекъ, крейсеруя на яхтѣ недалеко отъ г. Кеми, нашелъ на отмели кладь, состоявшую изъ 93 ящиковъ, въ которыхъ оказались 659 винтовокъ, 658 штыковъ и 120.000 боевыхъ ружейныхъ патроновъ.

„26 августа, въ 22 километрахъ къ сѣверу отъ Якобштадта, въ шхерахъ Ларсмо, сѣлъ на отмель направлявшійся къ берегамъ Финляндіи пароходъ. Черезъ нѣсколько часовъ на немъ произошелъ взрывъ. По осмотрѣ же затонувшихъ частей парохода, въ немъ найдено огромное количество револьверовъ, ружей и боевыхъ патроновъ.

„28 августа на островѣ Кольмарѣ обнаружены покрытые брезентами и ельникомъ около 700 винтовокъ, ящикъ съ револьверами, патронами и взрывчатымъ веществомъ, а также революціонныя брошюры на русскомъ языкѣ.

„Найденныя во всѣхъ этихъ случаяхъ винтовки оказались изготовленными въ Швейцаріи. *Въ снаряженіи этой яхты и въ пріемкѣ оружія принялъ, по его собственнымъ словамъ, живѣйшее участіе покойный Гапонъ*, который для этой цѣли конспиративно выѣзжалъ въ Финляндію, въ сопровожденіи одного изъ членовъ партіи соціалистовъ-революціонеровъ. Гапонъ былъ по этому дѣлу въ сношеніяхъ съ Цилліакусомъ, который на его вопросъ, откуда получены средства на снаряженіе яхты и покупку оружія, заявилъ, что партія нашла матеріальную поддержку въ лицѣ одной богатой Американки *).

„Вспомнимъ, что *боевыя дружины въ декабрьскіе дни въ Москвѣ были вооружены также ружьями швейцарскаго приготовленія*.

„Другое судно, снаряженіе коего было поручено Георгу Деканози, было отправлено изъ Марселя въ Батумъ, *куда оно преблагополучно прибыло*.

„По поводу этого таинственнаго судна, командиромъ коего былъ одинъ голландскій анархистъ, еще недавно въ заграничной печати появилось подробное описаніе".

---

*) Самъ Гапонъ, какъ извѣстно, нашелъ матеріальную поддержку въ лицѣ графа Витте. *Ред.*

Итакъ, Японцы били насъ не только въ Манчжуріи, но и на улицахъ Москвы, съ тою разницей, что тамъ насъ били Японцы же, а здѣсь подлые измѣнники, продавшіеся злѣйшимъ врагамъ Россіи. Вся наша революція нужна Китайцамъ, Японцамъ, Англичанамъ, кому угодно, *но только не Россіи.*

Какова же наглость разныхъ Родичевыхъ, Муромцевыхъ и прочихъ Аладьиныхъ, кричащихъ о своемъ „святомъ дѣлѣ", которое находится на содержаніи у Японцевъ!

Казацкіе голоса въ Государственной Думѣ.

Наконецъ-то!

Наконецъ-то раздались въ Государственной Думѣ мужественныя рѣчи честныхъ Русскихъ людей.

Это были не отдѣльные мѣткіе возгласы, подобные тому, которымъ прославился отецъ Концевичъ; это были не тѣ дряблыя, кисло-сладкія фразы, которыми стараются доказать свою „умѣренность и корректность" разные графы Гейдены и Стаховичи, мечтающіе о „конституціонныхъ" министерскихъ портфеляхъ,—нѣтъ, это были простыя, твердыя русскія рѣчи Русскихъ людей.

Вѣдь въ Таврическомъ Дворцѣ тоже сидитъ небольшая кучка настоящихъ православныхъ Русскихъ, но до сихъ поръ они не рѣшались слово молвить, въ виду тѣхъ сумасшедшихъ дикарей, которые насиліемъ и обманомъ овладѣли большинствомъ мѣстъ въ Государственной Думѣ и стараются терроризовать всѣхъ съ ними не согласныхъ депутатовъ.

И вотъ теперь, наконецъ, нашлись Русскіе люди, которые сбросили съ себя это малодушное молчаніе и смѣло выступили противъ этихъ дикарей.

Правда, что эти Русскіе люди—*казаки*; этимъ и объясняется смѣлость ихъ подвига. Онъ станетъ еще болѣе понятенъ всему Русскому народу, если мы скажемъ, что они—*Донскіе* казаки.

Вотъ ихъ имена, которыя мы всѣ должны запомнить:

Иванъ Мартыновичъ Васильевъ,

Ефимъ Яковлевичъ Куркинъ,

Матвѣй Никифоровичъ Савостьяновъ.

Честь и слава нашимъ казакамъ!

Не они ли служатъ надежнѣйшею охраной въ настоящей, небывалой еще на Руси, смутѣ? Не они ли спасаютъ, по мѣрѣ силъ своихъ, и Русскій Царствующій Домъ, и всю Россійскую Имперію, и весь Русскій народъ отъ устремившейся на нихъ революціи? Не они ли несутъ вѣрой и правдой свою вѣрную службу Царю и Родинѣ при самыхъ тяжелыхъ условіяхъ, подвергаясь всевозможнымъ нападеніямъ и нареканіемъ со стороны крамольниковъ и сбитой съ толку „интеллигенціи"?

Вѣдь однихъ только казаковъ и боятся наши революціонеры. Если они еще не довершили своего адскаго кроваваго дѣла, то лишь потому, что имъ въ этомъ препятствуютъ казаки, которыхъ они никакъ не могутъ совратить съ пути долга и чести!

Вотъ почему и „кадеты", и „соціалисты", эти злѣйшіе враги Россіи, подняли такой шумъ въ своемъ главномъ притонѣ, въ завоеванной ими Государственной Думѣ, о необходимости сломить послѣднюю преграду, мѣшающую побѣдоносному ходу русской революціи,—удалить съ ея пути русское казачество!

Съ такою цѣлью эти изверги стали проливать крокодиловы слезы о „несчастной участи" казаковъ, которые-де вынуждены нести такую тяжелую службу, отъ которой будто бы они готовы самовольно бѣжать, если ихъ по доброй волѣ не отпуститъ Государь!

Такой клеветы на казачество не могли снести добрые казаки Васильевъ, Куркинъ и Савостьяновъ! Они громко возразили противъ крамольныхъ словъ, позорящихъ честь и славу казачества, и заявили, что они останутся вѣрными своему Царю, ничего общаго съ крамольниками имѣть не желаютъ и въ ихъ слезахъ и заботахъ не нуждаются.

И это не только личное ихъ мнѣніе. Это—мнѣніе всего Донского казачества.

Казакъ Васильевъ прочелъ предъ всею Думой выдержку изъ того наказа, который имъ, Донскимъ депутатамъ, вручили ихъ избиратели. Вотъ эта выдержка:

„Если вамъ придется въ Петербургѣ говорить съ революціонерами, скажите имъ, пусть оставятъ свою опасную игру, а то лопнетъ терпѣніе, и всколыхнется православный Донъ!"

Вотъ это сказано по-русски!

Легко можно себѣ представить, въ какое бѣшенство пришли отъ этихъ словъ гіены и шакалы Государственной Думы!

Но Васильевъ, Куркинъ и Савостьяновъ не смутились ни криками этихъ хищниковъ, ни ихъ гоготаніемъ, которымъ они встрѣтили казацкую рѣчь о необходимости повиноваться Государю, ни замѣчаніями Муромцева, мѣшавшаго имъ говорить простую русскую правду, такъ какъ она противорѣчила столь любезной ему коварной еврейской лжи. Казаки спокойно и твердо стояли на своемъ: противъ воли Государя они не пойдутъ.

Когда мы получимъ полный текстъ этихъ казацкихъ рѣчей, мы ихъ напечатаемъ въ полномъ ихъ видѣ. Теперь же мы ограничимся только тѣмъ, что, отъ лица всѣхъ истинно-Русскихъ людей, низко поклонимся Савостьянову, Куркину и Васильеву за ихъ вѣрную службу Русскому Царю и Русскому Народу, и за ту правду, которую они сказали въ этомъ сонмищѣ наглой лжи, которымъ является теперешняя Государственная Дума.

Кто устраиваетъ погромы и забастовки? *).

Здравствуйте, люди православные, люди Русскіе! Здравствуйте, монархисты-„черносотенцы".

Насъ съ вами прозвали „черносотенцами". Но кто насъ такъ прозвалъ? Злые враги Русскаго народа. Ну, пусть такъ. Они только ошиблись: считать не умѣютъ. Русскій народъ считается не сотнями, а милліонами.

*) Рѣчь, произнесенная 19 іюня 1906 г., въ Иваново-Вознесенскѣ, на Общемъ Собраніи Монархической Партіи.

Если-бъ насъ было только нѣсколько сотенъ, развѣ насъ боялись бы наши враги, вооруженные бомбами, браунингами и винтовками, тогда какъ мы передъ ними стоимъ безоружными? Они боятся насъ еще и потому, что у нихъ совѣсть не чиста передъ Богомъ, передъ Царемъ и передъ Русскимъ Народомъ. Какъ преступникъ-убійца не можетъ спать, потому что ему мерещутся грозные призраки его жертвъ, такъ и враги Россіи трепещутъ въ вѣчной тревогѣ передъ судомъ Божіимъ: угрызенія совѣсти не даютъ имъ покоя, и отовсюду имъ мерещится грозное возмездіе за ихъ адскія преступленія. Такъ и у враговъ Русскаго народа глаза отъ страха прямо выскочить хотятъ.

Судите сами. Я вчера выѣхалъ изъ Москвы въ Иваново-Вознесенскъ, чтобы исполнить давнишнее мое желаніе—мирно побесѣдовать съ членами той доблестной Самодержавно-Монархической Партіи, которая удостоилась услыхать изъ устъ Государевыхъ знаменательныя историческія слова, нынѣ написанныя на знамени всей нашей Русской Монархической Партіи: „*Мое Самодержавіе останется такимъ, какимъ оно было встарь*".

Эти драгоцѣнныя слова служатъ намъ путеводною звѣздой для всей нашей теперешней дѣятельности, и мы *никогда*,—слышите: *никогда*—отъ нихъ не отступимся. (*Никогда*! *Никогда*!)

Спасибо! Я знаю, что вы этими Царскими словами такъ же дорожите, какъ и мы,—и Русская Монархическая Партія глубоко благодаритъ своихъ Иваново-Вознесенскихъ собратьевъ за то, что они со своимъ достойнымъ предсѣдателемъ, Иваномъ Петровичемъ Борисовымъ, выпросили у Государя эти золотыя, незабвенныя слова.

И вотъ я вчера выѣхалъ изъ Москвы въ Иваново-Вознесенскъ, а при отъѣздѣ я получилъ извѣстіе изъ Петербурга,—извѣстіе, что третьяго дня Владимірскій депутатъ въ Государственной Думѣ, Коммисаровъ, получилъ отъ здѣшней кадетской партіи такую телеграмму.

„*Просимъ предотвратить готовящійся погромъ. Грозные признаки: усиленная черносотенная агитація, массовыя угрозы. Ѣдутъ Грингмутъ и Востурговъ.*

Не правда ли, какъ страшно! Грингмутъ и Востурговъ. Самые что ни на есть „погромщики"!

Однако, вотъ я пріѣхалъ сюда, пробылъ въ Иваново-Вознесенскѣ цѣлый день—и не только „грозныхъ", но и само-малѣйшихъ „признаковъ готовящагося погрома" не замѣтилъ. Всѣ фабрики мирно работаютъ; соціалисты, познавъ свою слабость, прекратили свою преступную дѣятельность; евреевъ въ Иваново-Вознесенскѣ нѣтъ;—такъ кто же можетъ вызвать здѣсь погромъ?

Но если вы, здѣшніе „черносотенцы", спокойны, то, можетъ-быть, это мы съ отцомъ Восторговымъ пріѣхали сюда, чтобы васъ поднять на погромъ?

Но вы видите, что Восторгова здѣсь даже и нѣтъ. Да и отецъ Восторговъ всегда призываетъ всѣхъ къ миру, къ христіанской любви, а не къ погромамъ. А меня вы знаете. Многіе изъ васъ слышали, многіе читали то, что я говорю и пишу. Такъ говорилъ ли я хоть когда-нибудь что-нибудь „погромное"? Призывалъ ли я когда-нибудь къ насиліямъ? (*Нѣтъ*! *Нѣтъ! Никогда*!). Многіе знаютъ меня и по личнымъ бесѣдамъ. Совѣтовалъ

ли я хоть кому-нибудь дѣйствовать противъ враговъ Русскаго народа какими-нибудь средствами иными, кромѣ мирныхъ и законныхъ? *(Нѣтъ)*. Такъ, значитъ, тѣ, кто послали г. Коммисарову эту телеграмму, сказали неправду? *(Неправду! Неправду!)* *)

Да, враги Русскаго народа на каждомъ шагу говорятъ неправду.

Сегодня мнѣ подали здѣсь листокъ, революціонную прокламацію. Много я такихъ листковъ перечиталъ за послѣдніе два года, но такого лживаго листка я еще ни разу не видалъ. Посудите сами!

Вотъ этотъ листокъ:

Сперва все идетъ какъ слѣдуетъ: начинается листокъ истасканнымъ призывомъ „Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!" и подписанъ онъ „Иваново-Вознесенскій Комитетъ Россійской Соціалъ-Демократической Рабочей Партіи 11 іюня 1906 г.".

Но уже само заглавіе листка не обычно:

„*Черная сотня призываетъ къ забастовкѣ*".

Что за притча? Это уже совершенно новая для насъ клевета! До сихъ поръ наши враги обвиняли насъ въ устройствѣ погромовъ, но ни разу еще никто не укорялъ насъ въ устройствѣ забастовокъ. Вѣдь забастовки— это исключительная выдумка и принадлежность соціалистовъ; они ихъ устраивали, они ихъ защищали, а мы всегда боролись противъ забастовокъ. А теперь вдругъ, изволите видѣть: „черная сотня призываетъ къ забастовкѣ!" Вѣдь мы съ вами—„черная сотня"? Да? (*Да! Да!*) Я за себя ручаюсь, что никогда никого къ забастовкамъ не призывалъ. А вотъ, можетъ, вы здѣсь, въ Иваново-Вознесенскѣ, такимъ постыднымъ дѣломъ занимаетесь? А? Признайтесь-ка! *(Смѣхъ. Нѣтъ, нѣтъ, мы всегда были противъ забастовокъ!)* То-то же! Такъ, значитъ, тутъ наши непріятели опять наврали? (*Наврали! Они всегда врутъ!*)

Посмотримъ же, что дальше написано въ листкѣ:

„Сорганизованная въ прошломъ году Правительствомъ..."

Это что такое? Вы не сами собрались, а васъ собрало Правительство? Можетъ-быть, оно вамъ и деньги за это заплатило? Сознавайтесь? Ну, вотъ вы, напримѣръ, сколько получили? (*Смѣхъ. Никто ни копѣйки не получилъ! Мы сами собрались!)*

Вѣрю вамъ, люди православные! Мы всѣ во всей Россіи собрались по зову Царя, безо всякой корысти, а себѣ въ прямой убытокъ, такъ какъ насъ травятъ, насъ же бойкотируютъ за нашу преданность Царскому Самодержавію, а если мы защищаемъ Самодержавіе противъ его враговъ, если мы срываемъ личину съ этихъ враговъ,—насъ же Правительство подъ судъ отдаетъ!

Не Правительство насъ организовало, а мы сами организовались, помимо Правительства, изъ одной любви къ Родинѣ и къ Царю-Батюшкѣ, изъ одной приверженности къ Божіей Церкви Православной. (*Вѣрно! Вѣрно!*)

Такъ вы видите, что и здѣсь у нашихъ враговъ все ложь и ложь!

---

*) Изъ *Русскихъ Вѣдомостей* (№ 158) мы увидали, что г. Коммисаровъ, съ перепугу, поскакалъ съ этою вздорною телеграммой къ министру Внутреннихъ Дѣлъ.

На каждомъ шагу ложь. Они судятъ по себѣ. Сами они организованы на иностранныя, японскія и еврейскія деньги и шагу безъ этихъ денегъ ступить не могутъ, а потому они никакъ не возьмутъ въ толкъ, что другіе люди могутъ дѣйствовать безкорыстно.

Давайте дальше читать:

„Черная сотня, набранная изъ людей, готовыхъ, какъ Іуда, продать за нѣсколько сребренниковъ отца и мать, изъ жандармовъ, шпіоновъ, подхалимовъ,—она завлекаетъ въ свои сѣти темныя, безсознательныя массы".

Позвольте, позвольте! Кто это продалъ Россію, Царя и Русскій народъ за еврейскіе сребренники? Мы или они? (*Они, они! Это они—Іуды-предатели, а не мы!*) А есть ли у васъ, среди вашей черной сотни, „жандармы"? У насъ ихъ нѣтъ. (*И у насъ нѣтъ жандармовъ!*) А „шпіоны"? (*И шпіоновъ нѣтъ!*)

Позвольте, не торопитесь. Почему вы знаете? Можетъ-быть, тутъ среди насъ есть шпіоны, подосланные кадетами и соціалистами! Но только трудъ ихъ напрасенъ. Мы не заговорщики, у насъ секретовъ нѣтъ. Что у насъ на умѣ, то и на языкѣ. Пусть приходятъ къ намъ и шпіоны. Въ чемъ-нибудь дурномъ, незаконномъ, они насъ не уличатъ. У насъ ничего поддѣльнаго, подпольнаго нѣтъ. А у нихъ? Они одними только заговорами и живутъ. Они таятся отъ насъ и отъ Правительства.

Я говорилъ вамъ, что у нихъ совѣсть не чиста; она-то имъ и не даетъ покоя. Вотъ почему они и сочиняютъ про насъ фальшивыя телеграммы!

А кто же эти „темныя, безсознательныя массы", которыхъ мы, будто бы, „завлекаемъ въ свои сѣти"?

Да это вы, православные, Русскіе люди! Это они *васъ* такъ чтятъ! Что же, развѣ вы собрались сюда и творили молитву Господу по „темнотѣ" своей и „безо всякаго сознанія?" Вы все это дѣлаете неизвѣстно почему, какъ безсмысленныя животныя?

Нѣтъ, это неправда! Это они, по слѣпотѣ своей, вѣрятъ въ соціализмъ и во всякій заморскій вздоръ, а не мы. Мы *сознательно* стремимся къ охранѣ Царскаго Самодержавія и ясно понимаемъ, чѣмъ кончится вся эта преступная затѣя соціалистовъ.

И тутъ, слѣдовательно, у этихъ „либеральныхъ" Вральмановъ все извращено, или, попросту сказать, все наврано.

Точно такъ же наврано на насъ и въ этомъ мерзкомъ листкѣ.

Слушайте:

„Теперь по фабрикамъ и заводамъ черная сотня ведетъ агитацію, подговариваетъ рабочихъ бастовать. Подумайте-ка хорошенько, товарищи-рабочіе, что вы должны дѣлать. Должны ли вы поддерживать черную сотню и начинать забастовку? Не поддавайтесь на эту удочку, товарищи-рабочіе, берегитесь провокаціи и гоните отъ себя черносотенцевъ. До тѣхъ поръ, пока *мы* не призовемъ васъ на борьбу, пока *мы* не скажемъ вамъ: „„товарищи, за нами""—до тѣхъ поръ не бросайте работы".

Такъ вотъ какую на насъ, люди Православные, нелѣпую клевету взводятъ враги Русскаго народа!

Это не они, а *вы* ходите по фабрикамъ и заводамъ и ведете агитацію, подговаривая рабочихъ бастовать? (*Неправда! Неправда!*) Вѣдь вотъ васъ здѣсь сколько собралось фабричныхъ рабочихъ; вы лучше всѣхъ знаете, что дѣлается на фабрикахъ и заводахъ; такъ скажите: былъ ли хоть разъ такой случай, чтобы черная сотня подговаривала рабочихъ бастовать? (*Никогда этого не было, никогда!*) Такъ съ чего же это они взяли взводить на черную сотню такой поклепъ? (*Извѣстное дѣло, все врутъ!*)

Врутъ-то они врутъ, вѣрно. Но съ какою цѣлью придумали они эту новую, совершенно-неслыханную, клевету? А вотъ съ какою:

Устроить „всеобщую забастовку" и вмѣстѣ съ нею „вооруженное возстаніе",—это завѣтная мечта всѣхъ нашихъ крамольниковъ.

Вотъ почему они въ Государственной Думѣ съ первыхъ же словъ потребовали освобожденія изъ остроговъ всѣхъ своихъ товарищей, безъ которыхъ они ни забастовки, ни возстанія произвести не могутъ. Но Правительство отлично поняло ихъ цѣль, и какъ они ни кричали: *амнистія, амнистія,* Правительство главныхъ крамольниковъ изъ остроговъ не выпустило.

И вотъ наши революціонеры пришли въ отчаяніе. Имъ до-зарѣзу нужны забастовка и вооруженное возстаніе, а устроить ихъ они никакъ своими ослабѣвшими силами не могутъ.

Тѣмъ не менѣе, кое-гдѣ они попытались нащупать почву и на фабрикахъ, и на желѣзныхъ дорогахъ,—нельзя ли вызвать стачки и бунты и безъ сидящихъ по острогамъ крамольныхъ главарей. Но всѣ ихъ подговоры потерпѣли неудачу: и фабричные рабочіе, и желѣзнодорожники, слишкомъ хорошо еще помнятъ, до какого ужаса довели ихъ крамольники, вызвавшіе послѣднія забастовки и возстанія. Они отказались слушаться крамольныхъ подстрекателей и продолжали работать.

Но какъ же теперь этимъ подстрекателямъ сознаться въ своей неудачѣ? Ужъ больно для нихъ это конфузно и позорно. И вотъ они вздумали, какъ говорится, свалить съ больной головы на здоровую.

Это, видите-ли, не *они* пытались теперь устроить забастовку, а мы, монархисты-черносотенцы. И если забастовки теперь не состоялись, такъ это *мы* потерпѣли неудачу, а не они!! (*Смѣхъ.*)

Ну можно ли такъ безсовѣстно клеветать на насъ, монархистовъ?!

Вы видите: что̀ ни слово у нихъ, враговъ Русскаго народа, то—ложь; одною только ложью они и живутъ, и дѣйствуютъ, какъ среди народа, такъ и въ Государственной Думѣ.

Вотъ почему у нихъ и совѣсть не чиста; вотъ почему они и въ вѣчной тревогѣ, что раскроются ихъ шашни, что спадутъ съ нихъ личины, что предстанутъ они предъ Судомъ Божіимъ въ своемъ настоящемъ мерзкомъ видѣ.

А намъ тревожиться нечего. Мы никогда не лжемъ, никого не обманываемъ, ни на кого не клевещемъ, и совѣсть у насъ чиста. Мы вѣрой и правдой служимъ Царю нашему Батюшкѣ, Неограниченному Самодержцу Всероссійскому и дорогой нашей Родинѣ.

Не къ насиліямъ и грабежамъ зовемъ мы васъ, не къ убійствамъ и погромамъ, но къ мирнымъ, законнымъ средствамъ борьбы противъ враговъ Русскаго Царя и Русскаго Народа.

Насъ обвиняютъ въ томъ, что мы „натравливаемъ одну часть населенія на другую". А вѣдь на самомъ дѣлѣ не мы травимъ, а насъ травятъ. Мы ничего другого не желаемъ, какъ жить мирно и спокойно, строго соблюдая существующіе законы,—а насъ бойкотируютъ, преслѣдуютъ, лишаютъ насъ свободы движенія, лишаютъ насъ почты и телеграфа, лишаютъ насъ пищи, какъ это было во время тѣхъ забастовокъ, которыя мы выстрадали, которыми намъ снова грозятъ крамольники, и которыя они сейчасъ же устроятъ, какъ только изъ остроговъ будутъ выпущены ихъ вожаки.

Развѣ это *мы* подняли революціонное движеніе, которое раздѣлило всю Россію на два враждующіе лагеря? Это сдѣлали *они*! Это *они* объявили въ Россіи войну Царскому Самодержавію и Русскому Народу. Это *они* идутъ походомъ противъ Россіи,—а когда мы, по долгу нашему, становимся на ея защиту, когда, по Царскому зову, собираемся грудью отстоять Его Самодержавный Престолъ,—намъ говорятъ, что во всемъ виноваты *мы*, такъ какъ „раздражаемъ" этихъ заклятыхъ враговъ Россіи!

А мы вѣдь готовимся бороться съ ними лишь мирными, законными средствами! Словомъ, книжкой, газетой... Не то, что они, которые борются кинжалами, бомбами, грабежомъ и разбоемъ...

Обращаюсь лично къ вамъ, дорогіе братья, Иваново-Вознесенцы. Пусть мой пріѣздъ къ вамъ будетъ новымъ доказательствомъ нашихъ мирныхъ, законныхъ стремленій, и пусть онъ изобличитъ клеветническую дѣятельность нашихъ враговъ! Они предсказали, что мой пріѣздъ сюда послужитъ сигналомъ какого-то чудовищнаго погрома. Такъ покажемъ же имъ, что никогда въ Иваново-Вознесенскѣ жизнь не текла такъ мирно и покойно, какъ она потечетъ послѣ сегодняшней нашей съ вами первой дружеской бесѣды, которая, я надѣюсь, не будетъ послѣднею.

Мы и впредь будемъ, согласно правиламъ нашей Монархической Партіи, бороться съ нашими врагами лишь мирными, законными средствами, призывая всѣхъ не къ забастовкамъ, а къ усердному труду, не къ бунтамъ и возстаніямъ, а къ повиновенію законамъ, отстаивая Неограниченное Самодержавіе нашихъ Царей, которое будетъ *„такимъ же, какимъ оно было встарь"*.

Да здравствуетъ Государь Императоръ! (*Ура! Боже, Царя храни!*)

Плодотворная дѣятельность Государственной Думы.

27 іюня 1906 г. Государственная Дума справляетъ свой двухмѣсячный юбилей,—и всюду слышатся недовольные голоса, и слѣва, и справа, упрекающіе ее въ „бездѣйствіи", въ „пустой тратѣ времени", въ „одной только болтовнѣ" и т. д.

Мы сами въ своей газетѣ такъ часто нападаемъ на Думу за другіе ея вопіющіе грѣхи, что въ данномъ случаѣ мы, по справедливости, должны взять ее подъ свою защиту.

Да, конечно, если предположить,—как это дѣлают очень наивные люди,—что Дума собралась для серіозной *законодательной* дѣятельности, то Дума дѣйствительно за эти два мѣсяца ровно ничего серіознаго не сдѣлала.

Но вѣдь она собралась вовсе не для законодательной, а для *чисто-революціонной* дѣятельности, и въ *этомъ* отношеніи она за эти два мѣсяца исполнила свою задачу поистинѣ блестящимъ образомъ.

Правда, Дума въ этой своей дѣятельности въ значительной степени пользовалась содѣйствіемъ бездѣйствовавшаго Правительства; но во всякомъ случаѣ, вся инищіатива, вся энергія въ этомъ взаимодѣйствіи принадлежала исключительно Думѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, что было всего необходимѣе для успѣха революціи, то-есть для успѣха ниспроверженія существующей Верховной Власти?

Для этого прежде всего нужно было лишить эту Власть ея прежняго авторитета и низвести ее въ глазахъ народа на самую низшую ступень уваженія и почета.

Достигнуть такого результата весьма трудно, особенно въ государствѣ, гдѣ Верховная Власть столѣтіями укрѣпляла свой авторитетъ среди народа, относящагося къ ней съ горячею любовью и съ беззавѣтною преданностью.

И вотъ эту трудную задачу, предписанную ей главарями русской революціи, Государственная Дума разрѣшила съ невиданнымъ еще доселѣ въ парламентскихъ государствахъ торжествомъ и успѣхомъ. Но правда и то, что ни одно западно-европейское конституціонное государство не помогало въ этой задачѣ революціонному движенію съ такимъ невозмутимымъ благодушіемъ и толстовскимъ „непротивленіемъ злу“, какъ это сдѣлало Русское Правительство въ первые два мѣсяца своихъ сношеній съ Думой.

И вотъ, если два мѣсяца тому назадъ названіе „министръ“ пользовалось въ глазахъ Русскаго народа высокимъ обаяніемъ, то это обаяніе, послѣ смиренно-выслушанныхъ нашими министрами дерзкихъ рѣчей, криковъ и ругательствъ гг. Аникиныхъ, Аладьиныхъ и К°, окончательно исчезло. И если теперь, съ Божіею помощію, русская революція остановится въ своемъ безумномъ теченіи, то уже не передъ авторитетомъ русскихъ министровъ, игравшихъ такую жалкую роль среди остервенѣвшихъ Думцевъ, а передъ авторитетомъ самого Государя, до Котораго эти крамольники, въ теченіе первыхъ двухъ мѣсяцевъ своей революціонной дѣятельности, еще не осмѣлились коснуться.

Но уже и разрушеніе министерскаго авторитета имѣетъ громадное значеніе для успѣховъ революціи.

Тѣ грубыя оскорбленія, которымъ Думскіе хулиганы ежедневно подвергаютъ министровъ, ежедневно разносятся по всей Россіи въ стенографическихъ и иныхъ отчетахъ о думскихъ засѣданіяхъ и въ корнѣ развращаютъ, въ революціонномъ смыслѣ, все населеніе.

Мы уже не говоримъ о той систематической проповѣди соціализма, которая тѣмъ же путемъ ежедневно разливается изъ Думы по всему про-

странству Россійской Имперіи, подготовляя будущую кровавую соціальную анархію: но мы не можемъ обойти молчаніемъ другой блестящій результатъ двухмѣсячной дѣятельности Думы и правительственнаго долготерпѣнія: мы говоримъ о томъ начавшемся броженіи въ войскахъ, которыя, вѣдь, тоже ежедневно читаютъ призывы Думскихъ провокаторовъ къ возстанію противъ законной Самодержавной Царской Власти.

Развѣ это не величайшій успѣхъ революціоннаго движенія, если Правительство вынуждено подвергать тяжкимъ карамъ развращаемыхъ солдатъ и не находить въ себѣ мужества однимъ ударомъ покончить съ подлыми развратителями и этимъ спасти и армію и всю Россію отъ дальнѣйшаго революціоннаго хаоса съ его страшными потоками крови?

Нѣтъ, будемте справедливы;

Двухмѣсячная дѣятельность Государственной Думы не была безплодна: она принесла плоды въ изобиліи, но плоды, пропитанные адскимъ ядомъ, несущіе въ себѣ сѣмена будущаго полнаго разгрома Россіи.

Что же будетъ въ такомъ случаѣ послѣ третьяго и четвертаго мѣсяца Думской революціонной дѣятельности?

Успѣхи ея будутъ увеличиваться въ ужасающихъ размѣрахъ. Но неужели и тогда Правительство будетъ съ тѣмъ же равнодушнымъ безстрастіемъ выносить наглыя оскорбленія Думы, подрывая этимъ не только свой личный авторитетъ, но и самую идею законной власти на Руси?

Новое звѣрское преступленіе.

Адмирала Чухнина застрѣлилъ какой-то гнусный извергъ.

Вся Россія пришла въ ужасъ и негодованіе отъ этого новаго звѣрскаго подвига нашей кровожадной крамолы.

Революціонная печать, конечно, скрываетъ свое злорадство подъ благоразумнымъ молчаніемъ.

А Государственная Дума? Она вѣдь величаетъ себя „представительницей Русскаго народа“. Содрогнулась ли она вмѣстѣ съ нимъ отъ этого возмутительнаго злодѣйства? Негодуетъ ли она на безчеловѣчнаго убійцу?

Нѣтъ.

Государственная Дума хвастается своимъ „человѣколюбіемъ“, своими „просвѣщенными“ чувствами и рѣшительно высказалась противъ какой бы то ни было смертной казни. Протестуетъ ли она противъ той смертной казни, которой ея единомышленники подвергли адмирала Чухнина?

Нѣтъ.

Чѣмъ объяснить это противорѣчіе?

Да тѣмъ, что *Государственная Дума требуетъ отмѣны смертной казни лишь для того, чтобъ ея единомышленники могли безнаказанно совершать свои убійства! Она хочетъ отмѣнить смертную казнь лишь для того, чтобы больше лилось крови на святой Руси!*

Гіены и шакалы, сидящіе въ Думѣ, жаждутъ крови всѣхъ честныхъ гражданъ и вѣрныхъ слугъ Царя и требуютъ отмѣны смертной казни для тѣхъ родственныхъ имъ извергоівъ, которые внѣ Думы орудуютъ револьверами и бомбами для достиженія той же преступной цѣли, къ которой Думцы стремятся своими крамольными рѣчами и наглыми возгласами...

Петербургскіе бюрократы требуютъ отъ насъ, чтобы мы „уважали" *такую* Думу и предъ нею преклонялись; они сами подаютъ намъ примѣръ такого глубокаго къ ней „уваженія".

Мы отказываемся отъ такого позора: онъ не достоинъ свободнаго, честнаго Русскаго человѣка.

Если Дума не возмущается такими вопіющими преступленіями, какъ то, жертвой котораго палъ адмиралъ Чухнинъ, то мы имѣемъ полное право возмущаться *такою* Думой, презирать ея лицемѣрное „человѣколюбіе" и настаивать на ея упраздненіи,

Ложь, ложь и ложь.

Сегодня (30 іюня 1906 г.) всѣ революціонныя газеты полны подробностей о предстоящемъ чуть не завтра призывѣ „кадетовъ" къ министерской власти.

Одни увѣряютъ, что кабинетъ Горемыкина уже подалъ въ отставку; другіе утверждаютъ, что онъ подастъ въ отставку въ понедѣльникъ; третьи настаиваютъ на томъ, что уже во вторникъ отъ этого кабинета и слѣда не останется, а что призванъ будетъ А. С. Ермоловъ (!!!) для образованія новаго, „кадетскаго", министерства. Приводится даже разговоръ одного теперешняго министра, который будто бы приглашалъ своего знакомаго на вторникъ въ свою частную квартиру, потому что онъ де съ понедѣльника уже министромъ не будетъ.

Мы можемъ, опираясь на *безусловно-вѣрныя* свѣдѣнія, самымъ рѣшительнымъ образомъ опровергнуть всю эту „кадетскую" болтовню, которую мы сколько уже разъ уличали въ безсовѣстной лжи.

Да, все это ложь, ложь и ложь!

Говорятъ, что не бываетъ дыма безъ огня.

На этотъ разъ весь этотъ смрадный дымъ, отъ котораго мы задыхаемся, происходитъ исключительно отъ алчнаго властолюбія „кадетовъ", которые ждутъ не дождутся, что ихъ „пригласятъ въ Петергофъ".

А въ Петергофѣ о нихъ и не думаютъ...

Понедѣльникъ и вторникъ не за горами. Пусть тогда читатели вспомнятъ наши слова и лишній разъ убѣдятся, что все наше „освободительное" движеніе основано на одной *безсовѣстной лжи* нашихъ „освободителей".

Хороша нравственная основа этихъ господъ, которые шагу не могутъ ступить безо лжи и обмана! Что было бы съ Россіей, еслибъ имъ удалось захватить власть въ свои руки!

Слава Богу, что это имъ доселѣ не удалось! И Богъ дастъ, это имъ и впредь не удастся!

Крестьяне и Монархическая Партія *).

Миръ вамъ, люди православные! Миръ вамъ желаю я, и радость, и спокойное житіе въ законѣ и порядкѣ, какъ вы жили здѣсь въ добромъ согласіи, по завѣтамъ предковъ, пока еще не надвинулась на насъ грозовая туча нынѣшняго лихолѣтія.

Спасибо вамъ, люди Русскіе, что вы позвали меня къ себѣ на ваше сельское торжество, на вашъ храмовой праздникъ во славу святыхъ апостоловъ Петра и Павла! Праздникъ этотъ начался Божественною литургіей и молебномъ въ вашемъ сельскомъ храмѣ, а нынѣ онъ продолжается здѣсь подъ открытымъ небомъ, передъ храмомъ, новымъ молебномъ и провозглашеніемъ *многолѣтія* нашему Царю-Батюшкѣ и всему Его Царскому Семейству.

Да, православные, многая лѣта Государю Императору! Да здравствуетъ Онъ и царствуетъ на славу намъ, на страхъ врагамъ, на водвореніе мира и законнаго порядка во всемъ подвластномъ Ему Государствѣ Россійскомъ, на дарованіе намъ мира, тишины и благополучія въ нашей трудовой, и городской, и сельской жизни! Да здравствуетъ Государь Императоръ! (*Громовое ура*).

Благая мысль пришла вамъ, Маливцы, ознаменовать сегодня храмовой вашъ праздникъ основаніемъ своего мѣстнаго отдѣла Русской Монархической Партіи. Я съ особенною радостью пріѣхалъ сюда на вашъ зовъ, чтобы помочь вамъ въ исполненіи вашего желанія. А радуюсь я потому, что наша Монархическая Партія имѣетъ свои отдѣленія во многихъ городахъ и посадахъ Россіи, но еще не было у насъ примѣра, чтобы цѣлая сельская волость поголовно записалась въ ряды нашей Партіи.

Нынѣ объявилась такая волость! Честь и слава Маливѣ, которая первая подала примѣръ русскимъ крестьянамъ вѣрною своею службой Богу, Царю и Русскому народу, присоединивъ себя къ Русской Монархической Партіи, которая твердо стоитъ за святость Православной Церкви, за неограниченную Власть Русскаго Царя и за славу, цѣлость и недѣлимость Россіи, нашей дорогой Родины, которая вся должна быть не для инородцевъ и иновѣрцевъ, а для истинныхъ, честныхъ Русскихъ людей.

Обѣщаете ли и вы твердо стоять за Церковь Православную, за неограниченную Царскую Самодержавную Власть и за Русскій народъ? (*Обѣщаемъ, обѣщаемъ!*)

Ну, такъ помните же свое обѣщаніе, которое вы здѣсь даете передъ храмомъ Божіимъ и передъ изображеніемъ Государя Императора, и отъ этого обѣщанія никогда, ни на шагъ не отступайте! (*Не отступимъ, никогда не отступимъ!*)

Я сейчасъ говорилъ о Православной Церкви. Помните, что люди, держащіеся старыхъ церковныхъ обрядовъ,— такіе же Русскіе православ-

*) Рѣчь, произнесенная 29 іюня при открытіи мѣстнаго отдѣла Монархической Партіи, въ Маливской волости, Егорьевскаго уѣзда, Рязанской губерніи.

ные люди, какъ и мы съ вами. Смотрите, они пришли сюда къ намъ на общее волостное собраніе съ такимъ же чистымъ сердцемъ, съ такою же горячею любовію къ Царю нашему Батюшкѣ и къ Матери-Россіи, съ какими пришли и вы всѣ на дружное общее дѣло. Да не будетъ же въ этомъ общемъ дѣлѣ какихъ-либо различій между ними и нами. Соединимся въ одинъ общій, братскій, Русскій, православный союзъ, забудемъ всякіе разногласія и раздоры, и станемъ въ ряды великой Всероссійской Монархической Партіи, чтобы соединенными силами оградить отъ вражескихъ покушеній все, что для насъ и для всей Россіи такъ дорого и такъ необходимо: нашу Вѣру, нашего Царя и нашу Родину.

А враги не дремлютъ; они все ближе подходятъ къ этимъ нашимъ драгоцѣннымъ сокровищамъ, они хотятъ отнять у насъ то, безъ чего мы жить не можемъ.

Правда, они вамъ вмѣсто этихъ сокровищъ обѣщаютъ дать „землю" и „волю".

Но вѣдь *волю* вамъ уже далъ Государь Императоръ Александръ II, и это была дѣйствительная воля, которую въ самомъ дѣлѣ всѣмъ существомъ своимъ почувствовали отцы ваши и дѣды, изъ которыхъ многіе еще живы и могутъ вамъ разсказать, какъ благословлялъ въ то время Русскій народъ своего Батюшку Царя-Освободителя.

Какую же вамъ еще новую волю теперь сулятъ сидящіе въ Думѣ „благодѣтели" ваши, получающіе по десяти цѣлковыхъ въ день за свою пустую болтовню?

Никакой они вамъ новой воли дать не могутъ: это *они* хотятъ добыть самимъ *себѣ* новую волю, какъ бы имъ безнаказанно врать и обманывать честной народъ, какъ бы имъ въ своихъ школахъ учить вашихъ дѣтей не бояться Бога, не слушаться Царя и не уважать родителей! *(Вѣрно; теперь сынъ на отца пошелъ!)* Они хотятъ, чтобъ *имъ* была полная воля убивать честныхъ Русскихъ людей и бунтовать народъ противъ Бога и Царя. Вотъ какая воля имъ желательна! А вамъ развѣ такая воля нужна? *(Нѣтъ, не нужна! Мы не хотимъ бунтовать!)*

Ну, а теперь посмотримъ, какую *землю* они вамъ хотятъ дать.

А хотятъ они прежде всего всю землю у васъ, и у помѣщиковъ, и у Казны, и у церквей, и у монастырей, *отнять*, а потомъ уже ее подѣлить между всѣмъ населеніемъ. А вы слышали, сколько тогда, при такомъ дѣлежѣ, на душу придется десятинъ? *(Слышали, слышали, по 4 десятины!)* Вѣрно, по 4 десятины и — больше ни одного клочка земли. Такъ что, если у кого изъ васъ есть 5 или 6 десятинъ, то они всѣ ихъ отберутъ отъ васъ, а при дѣлежѣ вернутъ вамъ только 4 десятины; а потомъ, когда увеличится населеніе, опять пойдетъ передѣлъ, и на каждаго придется ужъ только по *двѣ* или по *одной* десятинѣ! Вотъ вамъ и вся обѣщанная Думцами земля! И прикупить уже ничего нельзя будетъ къ этой землѣ, потому что де всѣ должны быть равны, а потому никто не смѣй имѣть хоть на полъ-аршина больше земли, чѣмъ его сосѣдъ. Вотъ вамъ Думская и „земля", и „воля"! (*Смѣхъ*).

Такъ вотъ они какіе ваши „благодѣтели"; вотъ они какую землю и волю вамъ обѣщаютъ, если вы съ ними пойдете противъ Царя. *(Мы противъ Царя не пойдемъ!)*

А Царь вамъ говоритъ: „у кого земля есть, у того она и останется. Ни у кого отбирать ее не будутъ. Кто ее самъ своимъ трудомъ заработалъ, тотъ пусть ею и владѣетъ и для себя, и для дѣтей своихъ; а у кого окажется мало земли, тотъ можетъ купить себѣ, сколько онъ, по своимъ средствамъ, можетъ; а кто дѣйствительно терпитъ тяжелую нужду, о томъ Царь и Царское Его Правительство позаботятся, чтобы прекратить эту нужду на законномъ основаніи, безъ всякой обиды кому бы то ни было. Развѣ это не правильно? *(Правильно, правильно! Зачѣмъ обижать? Пусть все будетъ по совѣсти, по-Божески!)*

Вотъ именно такъ, по-Божески! А они тамъ въ Думѣ совсѣмъ про Бога-то и забыли, и готовятъ теперь прокламаціи, чтобы снова обморочить Русскій крестьянскій народъ и сказать ему, будто не Царь желаетъ добра своему народу, а они, христопродавцы, которые уже столько разъ обманывали народъ, обѣщая ему золотыя горы, если только онъ съ ними пойдетъ противъ Царя. Неужели вы повѣрите этой новой прокламаціи, которою они хотятъ васъ обморочить? *(Нѣтъ, не повѣримъ; мы за Царя стоимъ!)* Молодцы! Я за васъ покоенъ. Мариупольцы себя въ обманъ не дадутъ и сумѣютъ распознать Думскую ложь и Царскую правду. *(Сумѣемъ, сумѣемъ! Спасибо на добромъ словѣ!)*

И вамъ спасибо, люди Русскіе, православные, за ласковый вашъ привѣтъ.

А теперь позвольте мнѣ, на-послѣдокъ, дать вамъ добрый совѣтъ.

Если къ вамъ придутъ люди и станутъ расхваливать Думу, что она, дескать, дѣйствуетъ законно, а Царское Правительство дѣйствуетъ неправильно, — то вы имъ не вѣрьте, и знайте, что они—враги Русскаго Царя и Русскаго народа.

Посудите сами: если бы Дума поступала правильно и законно,— развѣ мы имѣли бы что-нибудь противъ нея? Конечно, нѣтъ. Ну, а посмотримъ теперь, какъ поступаетъ Дума, законно, или незаконно?

Кто по закону можетъ назначать и увольнять министровъ? Царь или Дума? *(Царь! Царь!)* Вѣрно. Одинъ только Царь. А что дѣлаетъ Дума? Она, какъ на базарѣ, ругаетъ Царскихъ министровъ скверными словами и кричитъ имъ: „вонъ, въ отставку". Законно ли она дѣйствуетъ? *(Нѣтъ незаконно!)* Имѣетъ ли она право прогонять министровъ? *(Нѣтъ, не имѣетъ.)* А если это такъ, то Дума идетъ *противъ* закона и *противъ* Царя, и мы съ ней вмѣстѣ идти не можемъ. *(Не можемъ! Мы съ ней не пойдемъ!)*

Такъ вы, люди Русскіе, такъ и запомните. Если кто къ вамъ придетъ и станетъ расхваливать теперешнюю Думу, — такъ это, значитъ, будетъ врагъ Царя и Русскаго народа. *(Вѣрно, вѣрно! Знаемъ мы этихъ брехуновъ!)*

Такъ что̀ же вы съ нимъ сдѣлаете? Бить что̀ ли его будете! Нѣтъ, не дѣлайте этого. Вѣдь вы знаете, насъ съ вами зовутъ „черносотенцами",— и въ этомъ ничего худого нѣтъ. Но про насъ пускаютъ худую славу,

будто мы „насильники", „погромщики", будто мы подговариваемъ народъ къ грабежамъ и убійствамъ.

Вотъ *это* неправда, — и мы такого поклепа на свою душу брать не можемъ.

Вотъ мы здѣсь стоимъ передъ церковью, подъ открытымъ небомъ, передъ Господомъ Богомъ. Мы всѣ свои люди, и намъ нечего таить другъ отъ друга. Такъ скажемъ же открыто, чтобы всѣмъ было вѣдомо:

„Мы, монархисты-черносотенцы, ни на какія насилія не идемъ и другихъ не подталкиваемъ; мы никакихъ погромовъ не подготовляемъ и не устраиваемъ".

Вотъ мы и теперь собрались здѣсь — развѣ для погрома? (*Смѣхъ*). Развѣ вы потому захотѣли устроить себѣ отдѣленіе Монархической Партіи, что у васъ зачесались руки, и вы кого-нибудь хотите поколотить и искалѣчить? (*Смѣхъ*). Вы, можетъ-быть, и меня сюда пригласили, чтобъ я васъ научилъ, какъ стрѣлять въ людей съ красными флагами, и вы, можетъ-быть, ждете, что я вамъ буду раздавать револьверы и ружья? (*Громкій хохотъ*). Вѣдь, можетъ-быть, объ этомъ уже летятъ во всѣ стороны еврейскія телеграммы, что вотъ, молъ, пріѣхалъ въ Маливу Грингмутъ, а потому быть въ Маливѣ погрому! (*Громкій хохотъ*).

Что же, если они насъ такъ боятся! Это хорошо, пусть боятся: насъ вѣдь не *сотни* черныя, а черные *милліоны* Русскаго Православнаго Народа.

А потому, если мы только будемъ тверды духомъ и ни на какія уступки съ врагами не пойдемъ, — враги не посмѣютъ и сунуться туда, гдѣ собраны черносотенцы-монархисты, и тамъ, слѣдовательно, не могутъ произойти ни прогулки съ красными флагами, ни народныя смуты, ни безобразные погромы.

Такъ будьте же тверды духомъ, не поддавайтесь никакимъ хитрымъ обольщеніямъ Думскихъ „благодѣтелей", и крѣпко стойте за Бога, Царя и Родину.

Если придутъ къ вамъ лихіе люди, вы ихъ спокойно выведите изъ своей волости и объясните имъ, что напрасно они ходятъ туда, гдѣ устроилась Русская Монархическая Партія, что тамъ ихъ слушать не будутъ, такъ какъ тамъ всѣ желаютъ законнаго мира и порядка, о дарованіи котораго они ежечасно молятъ Бога и Царя.

Воскликнемте же всѣ единодушно: Да хранятъ насъ своимъ заступничествомъ передъ Господомъ Богомъ святые апостолы Петръ и Павелъ, не оставляющіе своимъ святымъ покровительствомъ древнее село Маливу! И да выведетъ насъ изъ теперешней тяжелой смуты Государь нашъ Императоръ, Отецъ нашъ Самодержавный Николай Александровичъ!

Да будетъ такъ! Да будетъ такъ! (*Да будетъ, да будетъ! Ура!*)

Подвигъ Тамбовскаго губернатора.

5 іюля 1909 г. вся Россія читала телеграмму Тамбовскаго губернатора Поляка Янушевича, въ которой онъ повѣствовалъ министру Внутреннихъ Дѣлъ о своемъ геройскомъ подвигѣ въ селѣ Разсказовѣ.

Телеграмма эта, очевидно, должна была опровергнуть прочно-установившееся мнѣніе о хроническомъ бездѣйствіи Тамбовскаго губернатора.

Вотъ текстъ этой телеграммы:

Петербургъ, 4 іюля. *Телеграмма Тамбовскаго губернатора на имя министра Внутреннихъ Дѣлъ отъ 1 іюля.* Получивъ вечеромъ 29 іюня свѣдѣнія о погромѣ лавокъ на базарѣ въ селѣ Разсказовѣ, Тамбовскаго уѣзда, утромъ 30-го выѣхалъ туда съ эскадрономъ драгуновъ и съ двумя ротами пѣхоты, и выяснилъ, что толпа крестьянъ съ фабричными рабочими напала на лавки Тамбовскихъ торговцевъ и разбила три съ платьемъ и сластями. При появленіи мѣстной стражи и расположенной въ Разсказовѣ полусотни казаковъ, послѣ сдѣланнаго залпа, грабители разсѣялись. Убитыхъ и раненыхъ нѣтъ. Въ день моего пребыванія ожидалось продолженіе погрома съ поджогами, но появленіе войска предупредило. По моему приказанію приступлено къ отобранію награбленнаго и аресту грабителей. Многое отобранное возвращено владѣльцамъ. Сопротивленія при обыскахъ и арестахъ не было. Въ виду наступившаго успокоенія, возвратился въ Тамбовъ, оставивъ въ Разсказовѣ двѣ роты пѣхоты.

Подвигъ г. Янушевича будетъ еще болѣе оцѣненъ современниками, если они узнаютъ, что село Разсказово лежитъ всего въ *30 верстахъ* отъ губернскаго города Тамбова *по желѣзной дорогѣ*, и что прибыть туда изъ Тамбова можно *въ 40 минутъ* (напримѣръ, со *скорымъ* поѣздомъ, отходящимъ изъ Тамбова въ 1 ч. 10 м. ночи; а для губернатора во всякое время могъ быть снаряженъ, на такое короткое разстояніе, и *экстренный* поѣздъ).

Г. Янушевичъ получилъ извѣстіе о погромѣ въ Разсказовѣ *вечеромъ 29 іюня*, преспокойно провелъ весь этотъ вечеръ въ Тамбовѣ, затѣмъ сладко выспался и лишь *на слѣдующее утро*, 30 іюня, удосужился выѣхать на погромъ, отлично зная, что при погромахъ *каждая минута дорога.*

Не удивительно, что когда онъ пріѣхалъ, погромъ уже кончился, и ему пришлось лишь вернуться обратно въ Тамбовъ съ гордымъ сознаніемъ быстро и своевременно исполненнаго долга, о чемъ онъ и не замедлилъ оповѣстить кого слѣдуетъ.

Теперь г. Янушевичъ „реабилитированъ“: его ужс, конечно, въ „бездѣятельности“ обвинять не могутъ, и князь Урусовъ (Думскій) ему навѣрное послалъ телеграмму, поздравлявшую его со столь блестящимъ подвигомъ.

Радостная вѣсть.

Думы нѣтъ!

Нѣтъ больше Думы!

Кончился тяготѣвшій надъ Россіей двухмѣсячный позоръ!

Русскій народъ проснулся отъ тяжкаго, давившаго его кошмара, почти еще не вѣря, что сгинули безобразныя, мучившія его привидѣнія ежедневно ругавшихъ Россію Аладьиныхъ, Герценштейновъ, Жилкиныхъ и прочихъ хулигановъ, безнаказанно издѣвавшихся надъ всѣмъ, что дорого Русскому человѣку.

Всѣ тѣ, кто присутствовалъ 9 іюля на чрезвычайно-многочисленномъ Общемъ Собраніи Русской Монархической Партіи, никогда не забудутъ, какъ вся эта масса Русскихъ людей, при первой вѣсти о послѣдовавшемъ 8 іюля Высочайшемъ Указѣ о роспускѣ Думы,—громко возликовала всѣмъ

сердцемъ и умомъ, со слезами радости поздравляя другъ друга какъ бы съ новымъ „свѣтлымъ праздникомъ“, съ „воскресеніемъ Россіи“ изъ мертвящаго ига Государственной Думы, и колѣнопреклоненно молилась Казанской Божіей Матери о томъ, чтобы Владычица Небесная и впредь не покидала Родины нашей своимъ заступничествомъ предъ Престоломъ Всевышняго и отвратила отъ насъ возможныя скорби и нестроенія въ Царствѣ Россійскомъ!

Думы нѣтъ!

Нѣтъ больше Думы!

Радостная вѣсть эта облетѣла всю Россію и возбудила во всѣхъ вѣрноподданныхъ Русскаго Царя одинаковыя чувства восторженнаго ликованія. Уже слишкомъ долго всѣ они страдали за Царя, за Его доброту сердечную и небывалое долготерпѣніе.

Государь Самъ нынѣ говоритъ въ Своемъ Манифестѣ, что *„ожиданіямъ Его ниспослано тяжкое испытаніе“*. Но такое же испытаніе ниспослано было и всѣмъ Русскимъ людямъ, скорбѣвшимъ, вмѣстѣ съ Царемъ, при видѣ тѣхъ безобразій, которыя творились въ Думѣ.

И вотъ, всей этой Думской оргіи положенъ сразу конецъ!

Правительство избавило себя отъ возмутительной, рабской обязанности распространять чрезъ свою почту и свой телеграфъ всѣ революціонныя рѣчи думскихъ крикуновъ для всеобщаго развращенія Русскаго народа, Русской арміи и Русскаго флота! Этимъ самымъ оно избавило и Русскихъ людей отъ необходимости ежедневно читать эти наглыя подстрекательства къ вооруженному возстанію и возмущаться ихъ ужасной, преступной плодотворности.

Думы нѣтъ!

Нѣтъ больше Думы!

Государь положилъ конецъ ея существованію, такъ какъ она не оправдывала Его ожиданій.

Созвавъ *„избранныхъ отъ населенія людей къ законодательному строительству“*, Государь, какъ сказано въ Высочайшемъ Его Манифестѣ, *„ожидалъ отъ трудовъ ихъ блага и пользы для страны“*. А между тѣмъ никакихъ трудовъ они не проявили, а лишь говорили, кричали и ругались, и въ концѣ концовъ вызвали въ странѣ безумную, опасную смуту.

Они *„уклонились въ непринадлежащую имъ область“* и не только *„обратились къ разслѣдованію дѣйствій поставленныхъ Государемъ мѣстныхъ властей“*, самовольно посылая слѣдственныя коммиссіи въ охваченныя еврейскими безпорядками мѣста,—но и публично шельмовали,—съ явнымъ еврейскимъ пристрастіемъ и дерзкимъ извращеніемъ истины,—и центральное Правительство, и мѣстныя его власти, и Русское воинство, обвиняя ихъ „въ намѣренной организаціи“ систематическаго истребленія „ни въ чемъ неповиннаго, кроткаго и мирнаго“ еврейскаго населенія!

Дума не только *„обратилась съ указаніемъ Государю на несовершенство Законовъ Основныхъ, измѣненія которыхъ могутъ быть предприняты лишь Его Монаршею Волей“*, не только требовала отмѣны этихъ законовъ, — но прямо приступила къ дерзкому, самовольному ихъ нарушенію, при-

своивъ себѣ, напримѣръ, законное право Государя увольнять въ отставку министровъ, и ежедневно осыпая ихъ площадными ругательствами, съ явною цѣлью оскорбить не ихъ только однихъ, вѣрныхъ Царскихъ слугъ, но и Самого Государя Императора.

Дума не только *„обратилась къ дѣйствіямъ явно незаконнымъ, какъ обращеніе отъ лица Думы къ населенію“*, но въ этомъ обращеніи открыто выступила въ борьбу съ Императорскомъ Правительствомъ, повторяя, *вопреки ясно выраженной и безусловно справедливой Волѣ Государя*, свои нелѣпыя соціалистическія бредни, обѣщая крестьянамъ произвести принудительное отчужденіе частновладѣльческой собственности.

Эти явно-крамольныя обѣщанія, открыто дававшіяся „кадетами“ какъ передъ Думскими выборами, такъ и въ самой Думѣ,—развратили русское крестьянство и двинули его на тотъ преступный путь грабежа и разбоя, о которомъ говорится въ Высочайшемъ Манифестѣ въ столь вѣрныхъ словахъ: *„крестьянство, не ожидая законнаго улучшенія своего положенія, перешло въ цѣломъ рядѣ губерній къ открытому грабежу, хищенію чужого имущества, неповиновенію закону и законнымъ властямъ“*.

Могъ ли Государь долѣе терпѣть такую вопіющую смуту въ Россіи, порождаемую Государственною Думой? Могъ ли Онъ не обратить вниманія на тѣ тысячи воплей и просьбъ, которыя въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, съ перваго же возмутительнаго засѣданія Думы, неслись къ Его Престолу со всѣхъ концовъ Россіи, умоляя Его распустить крамольную Думу и положить конецъ ея дѣятельности, покрывавшей Россію однимъ сплошнымъ позоромъ?

Да, Русскій Государь былъ заодно съ Русскимъ народомъ въ этомъ великомъ историческомъ актѣ роспуска первой чисто революціонной Думы.

Итакъ, *этой* Думы нѣтъ.

Но будетъ *вторая* Дума.

Будетъ ли она *лучше* первой?

Она будетъ несомнѣнно еще *хуже* первой, если выборы въ новую Думу будутъ производиться на тѣхъ же основаніяхъ, какъ послѣдніе апрѣльскіе выборы, которые нарочито для того именно были созданы и организованы, чтобы изъ нихъ вышла та крамольная Дума, которую теперь пришлось распустить послѣ того неимовѣрнаго позора и вреда, который она причинила Россіи.

Развѣ мы еще до апрѣльскихъ выборовъ не предсказывали, каковы будутъ, каковы *неизбѣжно должны были быть* ихъ возмутительные результаты?

И наши предсказанія буквально всѣ исполнились.

И мы теперь же, 10 іюля 1906 года, съ тою же увѣренностью предсказываемъ, что та Дума, которая соберется 20 февраля 1907 года, будетъ несравненно хуже первой, если она точно такъ же будетъ выбираться, какъ выбиралась первая Дума.

И это будетъ не по недостатку усердія и энергіи Русскаго народа; онъ, конечно, съ восторгомъ отзовется на драгоцѣнныя слова Государя, которыя всюду будутъ прочитаны въ Россіи съ глубокимъ умиленіемъ:

„Призываемъ всѣхъ благомыслящихъ Русскихъ людей объединиться для поддержанія законной власти и возстановленія мира въ Нашемъ дорогомъ Отечествѣ“.

Благомыслящіе Русскіе люди были объединены и передъ апрѣльскими выборами: они, затѣмъ, еще болѣе объединились на первомъ и второмъ Всероссійскихъ Съѣздахъ Русскихъ Людей въ Петербургѣ и Москвѣ и въ безчисленномъ множествѣ отдѣльныхъ Монархическихъ, патріотическихъ партій, союзовъ и обществъ; они еще тѣснѣе сплотятся послѣ Манифеста 9 іюля, на предстоящемъ осенью Кіевскомъ Всероссійскомъ Съѣздѣ,—но все ихъ единодушное участіе въ новыхъ выборахъ обречено на пораженіе, если выборы эти произойдутъ при тѣхъ же *возмутительныхъ условіяхъ*, при которыхъ произведены были выборы въ первую революціонную Думу,—и на которое мы въ своей газетѣ такъ часто и такъ тщетно указывали.

Прежде всего, выборы должны происходить въ спокойной, умиротворенной странѣ, среди строгаго законнаго порядка, а не во время хаотическаго урагана революціонной смуты, какъ это было въ апрѣлѣ текущаго года.

Великою справедливостью отличаются слова Высочайшаго Манифеста: *„Пусть помнятъ Наши подданные, что только при полномъ порядкѣ и спокойствіи возможно прочное улучшеніе народнаго быта“.*

Но и *выборы* въ Государственную Думу могутъ правильно происходить *только при полномъ порядкѣ и спокойствіи.*

А потому, если выборы эти отсрочены до начала будущаго года, то мы въ этомъ видимъ благой признакъ, что Императорское Правительство поставило себѣ задачей посвятить всѣ свои силы возстановленію въ теченіе второй половины текущаго года *полнаго порядка и спокойствія* во всей Россійской Имперіи.

На это указываетъ и ясно выраженная воля Государя въ слѣдующихъ, наиболѣе драгоцѣнныхъ, словахъ Высочайшаго Манифеста:

„Да будетъ же вѣдомо, что Мы не допустимъ никакого своеволія или беззаконія и всею силою государственной мощи приведемъ ослушниковъ закона къ подчиненію Нашей Царской Волѣ“.

Бѣглая Дума.

Крамольная Дума осталась крамольною до конца.

На совершенно законный Именной Указъ Государя, распускающій ее и созывающій новую Думу на 20 февраля 1907 года,—она отвѣтила дерзкимъ неповиновеніемъ и нарушеніемъ того самаго „конституціоннаго права“, за которое г. Муромцевъ и его „кадеты“ всегда такъ распинались.

Дума, съ г. Муромцевымъ во главѣ, бѣжала въ Финляндію и открыла свои противозаконныя засѣданія въ одной изъ Выборгскихъ гостиницъ, чтобы на безусловно-законный шагъ Правительства отвѣтить шагомъ безусловно-революціоннымъ и призвать народъ къ возмущенію противъ Царской Воли!

Этимъ самымъ всѣ бѣжавшіе въ Выборгъ Думцы, и прежде всего „корректный“ лицемѣръ Муромцевъ,—который все время ждалъ, что его „позовутъ въ Петергофъ“,—стали отнынѣ *государственными преступниками*; а такъ какъ пресловутая ихъ „неприкосновенность“, слава Богу, съ роспускомъ Думы прекратилась, то можно ожидать, что прекратится и дальнѣйшая ихъ преступная дѣятельность въ предѣлахъ Имперіи, въ составъ которой входитъ и „Великое Княжество“ Финляндія.

Правительство наше, очевидно, хочетъ оставаться на строго-законной почвѣ, дабы рѣзче оттѣнить беззаконность думскихъ агитаторовъ.

Противъ такой политики Правительства ничего возразить нельзя, если только оно свою законность доведетъ до конца и подвергнетъ явныхъ государственныхъ преступниковъ строжайшей законной карѣ. Этимъ Правительство выкажетъ всю силу своей государственной мощи, къ великому всеобщему восторгу Русскаго народа, который только и жаждетъ того, чтобы увидать, наконецъ, твердую, законную и разумно-цѣлесообразную энергію Правительства.

Революціонная печать о роспускѣ Думы.

Задача нашей революціонной печати будетъ теперь, очевидно, заключаться въ томъ, чтобы возстановлять народъ противъ Царской Воли, распустившей крамольную Государственную Думу.

И дѣйствительно, хвалящіяся своею „умѣренностью“ *Русскія Вѣдомости* успѣли уже 10 іюля (Приложеніе къ № 175) напечатать крамольную статью, съ цѣлью вызвать народное возмущеніе противъ Царской Воли. „Профессорская“ газета вопитъ о томъ,

что—„закрытъ прямой путь къ обновленію государственнаго строя, къ умиротворенію измученной невзгодами, изстрадавшейся страны... И не закрытъ ли вмѣстѣ съ тѣмъ и клапанъ въ котлѣ, переполненномъ бурными, клокочущими страстями?.. Наканунѣ какихъ ужасовъ мы стоимъ теперь?..

„Для насъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что эта новая попытка реставраціи стараго государственнаго строя не увѣнчается успѣхомъ. Исходъ борьбы Русскаго народа за свободу и человѣческія права предрѣшенъ. Побѣда неизбѣжно будетъ имъ одержана... *Если правящіе круги не прозрѣютъ отъ своей духовной слѣпоты, то ихъ первыхъ, быть-можетъ, скоро ждетъ горькое, запоздалое и потому безполезное, раскаяніе* *). Народъ, потерявъ одну за другой всѣ свои надежды, можетъ повторить вслѣдъ за своимъ безхитростнымъ (?) представителемъ въ Думѣ, „„умри, душа моя, съ Филистимлянами““,—*повторить не словами, а дѣломъ*. И какъ знать: быть-можетъ, и теперь уже поздно предупреждать, говорить и кричать о надвигающейся опасности. *Быть-можетъ, надъ бѣдной русской землей уже занесенъ тяжелый молотъ, который долженъ разбить оковы на ея груди, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ее залить потоками крови*“...

*) Курсивъ вездѣ нашъ.

Таковъ первый сигналъ къ революціонному призыву народа.

Завтра, безъ сомнѣнія, вся необозримая свора революціонныхъ газетъ откликнется по всей Россіи на этотъ сигналъ бѣшеною травлей Высочайшихъ Указа и Манифеста...

—

Русскія Вѣдомости продолжаютъ трубить походъ противъ Царскаго Манифеста.

Государь взываетъ къ *„полному порядку и спокойствію“*, — а „профессорская“ газета призываетъ къ междоусобной борьбѣ, которая, будто бы, теперь неизбѣжна, въ виду того, что Государь распустилъ Думу.

„То, что вчера еще казалось совершенно невѣроятнымъ,—вопитъ офиціальный органъ Московскихъ крамольниковъ, — совершилось! Тревожные слухи обратились въ печальную (??) дѣйствительность,—Дума распущена. *Надежды на мирный исходъ* изъ потрясающаго страну кризиса, связывавшіяся съ дѣятельностью Думы, *не оправдались*, и теперь мы опять стоимъ передъ неизвѣстностью и, можетъ-быть, *передъ новыми потрясеніями, еще болѣе тяжелыми, чѣмъ все пережитое раньше*“ *).

Государь въ Своемъ Манифестѣ обѣщаетъ *„осуществить главнѣйшіе изъ царственныхъ трудовъ своихъ—поднятіе благосостоянія крестьянства“*.

А крамольная газета въ отвѣтъ на это кричитъ:

„Теперь страна *не повѣритъ обѣщаніямъ, въ какой бы формѣ они ни были высказаны*, не можетъ быть увѣрена въ прочности новой Думы, если она и будетъ созвана“.

А потому „профессорская“ газета видитъ въ Царскомъ Манифестѣ „вызовъ къ новой борьбѣ“.

„Страна приметъ этотъ актъ, какъ вызовъ къ новой борьбѣ, еще болѣе упорной, чѣмъ какая велась раньше. Каковы будутъ результаты этой борьбы, какими способами будетъ теперь добиваться страна осуществленія своихъ правъ и удовлетворенія своихъ нуждъ, мы не знаемъ; но ясно, что бюрократія и народъ опять стали лицомъ къ лицу другъ противъ друга, *и можно ждать, что народъ теперь предъявитъ бо̀льшія требованія*“.

Народъ встрѣтилъ Царскій Манифестъ съ полнымъ спокойствіемъ и съ полною вѣрой въ слова Государя.

Вотъ это и злитъ крамольную печать, желающую *во что бы то ни стало* поднять народъ противъ Царя.

Этимъ только и объясняется бѣшеный лай *Русскихъ Вѣдомостей* и прочихъ революціонныхъ газетъ, на отвѣтственность которыхъ всецѣло и падутъ послѣдствія того безсовѣстнаго призыва къ открытому бунту, которымъ онѣ натравляютъ народъ противъ ясно-выраженной Царской Воли.

---

*) Курсивъ вездѣ нашъ.

Кто можетъ успокоить страну?

Во всеподданнѣйшей телеграммѣ Совѣта Всенароднаго Русскаго Союза (*Моск. Вѣд.* 1906 г., № 175) съ особою выразительностью изложена мысль о необходимости твердой Правительственной Власти для умиротворенія Россіи, о которомъ такъ настойчиво говорится въ Высочайшемъ Манифестѣ 9 іюля.

Да, дѣйствительно, „*успокоить страну можетъ только твердое истинно-Русское Правительство*“.

Въ актѣ распущенія крамольной Думы министерство П. А. Столыпина проявило энергію, достойную всякой похвалы.

И смотрите: все населеніе необъятной Россіи встрѣтило эту энергію съ радостью и въ полномъ порядкѣ, который несомнѣнно и будетъ продолжаться, несмотря на всѣ бунтовскія подстрекательства революціонной печати,—если только и впредь министерство во всѣхъ своихъ мѣропріятіяхъ будетъ высказывать ту же разумную и послѣдовательную твердость.

Но если оно, Боже сохрани, проявитъ малѣйшее колебаніе, если оно сдѣлаетъ какую-либо уступку крамольному „общественному мнѣнію“,—оно сразу можетъ утратить превосходную позицію, которую ему теперь удалось занять.

Будемъ надѣяться, что само Правительство ясно сознаетъ это и „*не станетъ малодушными уступками и заискиваніемъ покупать, цѣною блага народнаго, кратковременное расположеніе враговъ Россіи*“.

Этому служитъ ручательствомъ циркулярная телеграмма П. А. Столыпина отъ 11 іюля, въ которой онъ предписываетъ мѣстнымъ административнымъ властямъ „самое рѣшительное безо всякихъ колебаній руководительство подчиненными имъ органами въ дѣлѣ быстраго, твердаго и неуклоннаго возстановленія порядка“.

П. А. Столыпинъ заканчиваетъ свой циркуляръ слѣдующими словами:

„Сильная и твердая власть, дѣйствуя въ указанномъ выше направленіи, найдетъ несомнѣнно поддержку въ лучшей части общества“.

Мы не сомнѣваемся, что рѣшительныя и разумныя дѣйствія мѣстныхъ властей найдутъ поддержку не только „въ лучшей части общества“, но и въ центральномъ Правительствѣ; ибо не „общество“ можетъ спасти Россію, а *само Правительство*, если только оно будетъ идти путемъ строгой законности, встрѣчая открытые безпорядки неослабнымъ отпоромъ и пресѣкая революціонные замыслы всѣми законными средствами,—въ особенности же если оно будетъ заблаговременно предупреждать эти замыслы, уничтожая въ корнѣ ихъ зародыши.

За такимъ Правительствомъ безусловно пойдетъ не только „лучшая часть общества“, но и все многомилліонное населеніе Россіи, *которая лишь при этихъ условіяхъ и можетъ быть спасена...*

Сорвалось!

Всѣ усилія крамольныхъ депутатовъ и газетчиковъ вызвать „народный гнѣвъ“ и „биржевой крахъ“ въ отвѣтъ на роспускъ Думы—потерпѣли жалкую неудачу, и если еще не послѣдовало у васъ окончательнаго „краха“ крамолы, то „крахъ кадетовъ“ уже налицо.

Они окончательно зарѣзали себя шутовскою поѣздкой въ Выборгъ, въ особенности же составленіемъ какого-то пошлѣйшаго „манифеста къ народу“, который долженъ былъ возбудить Русскихъ людей къ открытому бунту, и на который Русскій народъ отвѣтилъ полнѣйшимъ равнодушіемъ и презрѣніемъ.

Нѣтъ, господа „кадеты“,—пѣсенка ваша спѣта! Одинъ разъ вамъ удалось, накапунѣ выборовъ, наглымъ обманомъ одержать громкую побѣду; теперь же народъ васъ раскусилъ и за вами уже не пойдетъ, назовете ли вы себя опять „партіей народной свободы“, или налѣпите на себя какой-нибудь новый фальшивый ярлыкъ.

Неужели вы думали, что вы въ самомъ дѣлѣ „представители“ того многомилліоннаго Русскаго народа, который васъ и знать не знаетъ, и знать не хочетъ?

Неужели вы были увѣрены, что Русскій народъ поддержитъ васъ въ томъ безобразіи, которое вы проявляли въ Государственной Думѣ, и что онъ заступится за васъ, когда васъ за это безобразіе изъ этой Думы выгнали?

За кого же вы считаете Русскій народъ? Вѣдь каждый шулеръ можетъ быть въ блестящемъ выигрышѣ лишь до тѣхъ поръ, пока не замѣтятъ его крапленныхъ картъ. Вѣдь и Кречинскій торжествовалъ и ликовалъ до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, онъ не убѣдился, что у него—„сорвалось“.

Также „сорвалось“ и у васъ, господа кадеты!

Вы въ этомъ теперь могли уже дважды убѣдиться.

Когда вы, съ перваго же дня Государственной Думы съ пѣной у рта лѣзли на стѣну съ бѣшеными криками „*амнистія*“!, всѣ ваши „органы прессы“ клялись всѣми своими богами, что если только Правительство „осмѣлится“ отказать вамъ въ этой амнистіи, то на другой же день „воспылаетъ народный гнѣвъ“, и во всей Россіи сразу вспыхнутъ „всеобщая забастовка“ и „вооруженное возстаніе“.

Да, дѣйствительно, еслибы Правительство выказало предъ вами такую же трусость, какъ во времена графа Витте, и уступило бы вамъ въ вопросѣ объ амнистіи, выпустивъ изъ тюремъ всѣхъ убійцъ и анархистовъ,— то всѣ предсказанные вами ужасы нагрянули бы на Россію.

Но правительство И. Л. Горемыкина осталось твердымъ, непреклоннымъ и, не давъ вамъ амнистіи, спасло этимъ всю Россію; ибо народъ своихъ „избранниковъ“, разумѣется, не поддержалъ, никакого „гнѣва“ не проявилъ, а остался совершенно равнодушнымъ къ участи тѣхъ „полити-

ческихъ" негодяевъ, которымъ Правительство не позволило совершать новыя преступленія на гибель Россіи.

Затѣмъ, второй разъ, когда вамъ, „кадетамъ", вздумалось выразить кабинету Горемыкина „недовѣріе", а кабинетъ Горемыкина отвѣтилъ на это заявленіе полнѣйшимъ презрительнымъ равнодушіемъ и остался на своемъ мѣстѣ, какъ бы думскіе горланы ни надрывались, крича „*въ отставку*"!, разсчитывая, что „весь народъ" подхватитъ эти крики,—народъ снова отнесся къ вамъ съ такимъ же равнодушнымъ презрѣніемъ, какъ и само Правительство.

Наконецъ, теперь: Дума разогнана, Правительство проявило твердую энергію и съ „кадетами" не поцеремонилось.

Вотъ тутъ-то всѣ ваши „кадетскія" газеты и грянули въ набатъ, въ полной увѣренности, что теперь-то ужъ навѣрное „встанетъ, подымется Русскій народъ" и своимъ „гнѣвомъ" свергнетъ Правительство, „принявъ Высочайшій Манифестъ, какъ вызовъ къ новой борьбѣ, еще болѣе упорной, чѣмъ какая велась раньше". Такъ увѣряли насъ *Русскія Вѣдомости*, доказывавшія, что народъ непремѣнно „предъявитъ теперь большія требованія, чѣмъ прежде"...

Что же? Народъ не поднялся, не всталъ, и снова никакого „гнѣва" не проявилъ, ни въ какую борьбу съ Правительствомъ не вступилъ, и не выказалъ ни малѣйшаго интереса къ Выборгскому шутовству господъ „кадетовъ".

Ну,—а биржа? Что же, „крахнула" она?

Увы, и биржа измѣнила „кадетамъ"!

Правда, въ первые два дня она, со свойственною ей жидовскою трусостью, повѣрила-было кадетскимъ громовымъ „угрозамъ" и содрогнулась: но уже на третій день она поняла всю пустоту этихъ угрозъ: она успокоилась и привѣтствовала энергію министерства Столыпина всеобщимъ повышеніемъ курса.

Ну,—а рабочіе? Развѣ они не поддержатъ „кадетовъ"?

Рабочіе? Знаете ли вы, что рабочіе, *настоящіе* рабочіе, а не крикуны-„трудовики", говорятъ крамольнымъ агитаторамъ? Вотъ подлинныя ихъ слова:

— Вы намъ совѣтовали бойкотировать Думу, въ виду ея полной негодности. Ее за негодность и разогнали. А теперь вы требуете, чтобы мы вышли на защиту этой негодной Думы и протестовали противъ ея разгона всеобщею забастовкой! Нѣтъ, господа, вы либо *тогда* врали, либо *теперь* врете. Одинъ разъ вы насъ обманули,—и довольно! Мы за вами больше не пойдемъ. Вы намъ обѣщали 8-часовой рабочій день, а ваша Дума ни разу даже хотя бы о 10-часовомъ днѣ не заикнулась. Туда ей и дорога, да и вамъ вмѣстѣ съ нею!

Значитъ, и тутъ полное разочарованіе, полное фіаско для гг. „кадетовъ".

Они и сами уже приходятъ къ унылому заключенію, что „въ настоящее время всеобщая забастовка едва ли состоится, такъ какъ она не соотвѣтствуетъ теперешнему настроенію рабочихъ".

Другими словами, у „кадетовъ“ всѣ надежды на поддержку со стороны народа лопнули, всѣ разсчеты на „народный гнѣвъ“ провалились, и вся затѣя нашихъ Кречинскихъ, все ихъ дерзкое хитросплетеніе —слава Богу— сорвалось!

Программа адмирала Скрыдлова.

Вновь назначенный главнымъ командиромъ Черноморскаго флота, адмиралъ Скрыдловъ (проѣхавшій сегодня, 13 іюля, черезъ Москву изъ Петербурга въ Севастополь) сказалъ передъ своимъ отъѣздомъ, въ бесѣдѣ съ представителемъ *С.-Петербургскаго Телеграфнаго Агентства*, слѣдующее:

„Я знаю, что иду на странно-трудный и отвѣтственный передъ всей страною постъ. Помимо мѣстныхъ условій, трудность усугубляется общимъ критическимъ положеніемъ всей Россіи.

„Россія больна, Черное море взбаламучено и, составляя часть общаго больного организма, оно требуетъ, какъ весь организмъ, осторожнаго вниманія и бережнаго ухода за собою. Черноморцы нуждаются прежде всего въ участливомъ къ себѣ отношеніи.

„Всего одинъ годъ и нѣсколько дней былъ я главнымъ командиромъ Черноморскаго флота, но за это время я успѣлъ его полюбить. Мнѣ казалось, что и тѣ, съ кѣмъ я служилъ,—матросы и офицеры,—вѣрили мнѣ. И какъ я былъ бы счастливъ, если бъ эту вѣру, это доброе расположеніе ко мнѣ удалось возстановить и теперь.

„Со страхомъ и трепетомъ, съ великимъ смущеніемъ приступаю я къ осуществленію возложенной на меня задачи. Но Богъ поможетъ мнѣ всѣ силы разума и духа направить къ разрѣшенію главной и святой моей задачи—добиться успокоенія при условіи нормальныхъ взаимныхъ отношеній съ тѣми, къ кому я посланъ“.

Кто изъ истинно-Русскихъ людей не пожелаетъ отъ всего сердца, чтобы адмиралу Скрыдлову дѣйствительно удалось достигнуть той цѣли, которую онъ себѣ поставилъ?

Онъ совершенно вѣрно говоритъ, что, „помимо мѣстныхъ условій, трудность усугубляется общимъ критическимъ положеніемъ всей Россіи“.

Да, дѣйствительно, вся „Россія больна“, а „Черное море составляетъ лишь часть общаго больного организма“. А слѣдовательно лѣченіе Чернаго моря должно производиться не только въ Севастополѣ, не только въ Одессѣ, но и въ Петербургѣ, въ центральномъ Правительствѣ, которое одно только можетъ твердыми, цѣлесообразными мѣрами исцѣлить весь нашъ государственный организмъ отъ охватившаго его тяжелаго недуга.

Но и мѣстныя Черноморскія условія сами по себѣ представляютъ неимовѣрную трудность.

Если при Цусимѣ нашъ флотъ погибъ, но сохранилъ свою славу, то въ Черномъ морѣ, наоборотъ, нашъ флотъ остался цѣлъ, но славу свою утратилъ.

А между тѣмъ не только наши дѣды и отцы, но и мы сами, и дѣти привыкли соединять съ именемъ „Черноморскаго флота“ понятіе о чемъ-то

высоко-доблестномъ, безупречно-чистомъ и геройчески-преданномъ Царю и Родинѣ!

Вотъ эту утраченную славу Черноморскаго флота адмиралу Скрыдлову придется теперь возвращать Россіи, какъ великое національное сокровище.

Да поможетъ ему Богъ заслужить полное довѣріе и искреннюю любовь офицеровъ и матросовъ-Черноморцевъ и возстановить среди нихъ расшатанную дисциплину, безъ которой не могутъ существовать ни армія, ни флотъ, ни Государство.

Адмиралу Скрыдлову Черное море уже знакомо, учиться ему въ Севастополѣ нечему: все будетъ зависѣть отъ его опытности, отъ его такта, отъ его несомнѣнной любви къ морскому дѣлу, отъ его преданности Государю и Россіи.

Да пошлетъ же ему Господь полнаго успѣха въ этомъ не новомъ для него, но чрезвычайно трудномъ дѣлѣ!

М. Н. Катковъ.

Ежегодно, 20 іюля, мы вспоминаемъ день кончины великаго патріота, перваго Русскаго публициста, покойнаго редактора-издателя *Московскихъ Вѣдомостей* и незабвеннаго нашего учителя,— Михаила Никифоровича Каткова.

И ежегодно въ этотъ день мы сравниваемъ данное въ текущемъ году положеніе Россіи съ вѣчными идеалами Русской Государственности, провозглашенными Катковымъ на основаніи тѣхъ точныхъ и ясныхъ принциповъ, которые его геніальный умъ вывелъ изъ законовъ исторіи человѣчества вообще и исторіи Русскаго Народа въ особенности.

Мы отлично понимаемъ, какъ въ теченіе первыхъ десяти лѣтъ по его, послѣдовавшей въ 1887 году, кончинѣ намъ приходилось каждое 20 іюля указывать на постепенный ростъ національнаго могущества Россіи одновременно съ осуществленіемъ государственныхъ идеаловъ Каткова. Такъ это длилось вплоть до того критическаго поворота въ исторіи Россіи, который ознаменовался въ 1901 году роковымъ назначеніемъ генерала Ванновскаго министромъ Народнаго Просвѣщенія и начавшимся вслѣдъ затѣмъ варварскимъ разгромомъ Русской школы, подавшимъ знакъ къ столь же варварскому разгрому всего Русскаго Государства.

Съ этого момента государственные идеалы Каткова стали передаваться въ Петербургскихъ сферахъ постепенному забвенію, а когда, два года тому назадъ, съ убійствомъ В. К. Плеве, русская революція получила свою оффиціальную санкцію,—идеалы эти въ правительственныхъ сферахъ были циническимъ ликованіемъ отданы на всеобщее поруганіе.

Съ тѣхъ поръ намъ ежегодно 20 іюля приходилось констатировать то быстрое, головокружительное паденіе Россіи, которое привело ее къ настоящему позорному положенію.

Не служитъ ли это явленіе, наблюдаемое нами въ теченіе двухъ десятилѣтій, лучшимъ доказательствомъ глубокой вѣрности государственныхъ

идеаловъ М. Н. Каткова, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и настойчивымъ указаніемъ того пути къ возстановленію загубленной мощи Россіи, который тождественъ съ путемъ къ великимъ идеаламъ Каткова? Вѣдь эти идеалы не измышлены имъ: онъ обрѣлъ ихъ въ историческомъ стремленіи Русскаго Народа и его лучшихъ вождей; онъ далъ имъ лишь ясный обликъ, благодаря тому, что его тонкій, логическій анализъ сумѣлъ ихъ отчетливо познать, а его блестящій даръ слова—наглядно изложить для яснаго ихъ пониманія современниками и потомствомъ.

То, что̀ намъ пришлось бы говорить сегодня, ко дню 20 іюля позорнѣйшаго въ исторіи Россіи 1906 года, было бы такъ безотрадно, такъ горько, такъ ужасно, что у насъ рука не поднимается, чтобы сопоставить настоящее положеніе разгромленной Россіи съ великимъ Государственнымъ идеаломъ М. Н. Каткова.

Да и къ чему описывать то, о чемъ громко вопіютъ окружающіе насъ наглядные чудовищно-безобразные факты? Вѣдь еще въ прошломъ году, когда мы 20 іюля говорили, что Россія идетъ къ анархіи, находились люди, которые увѣряли насъ, что, наоборотъ, Россія идетъ къ какому-то „весеннему" райскому блаженству. А въ нынѣшнемъ году уже *нѣтъ ни одного человѣка въ Россіи*, который не возмущался бы тѣмъ ужаснымъ положеніемъ, въ которомъ она находится.

Къ тому же, въ настоящемъ году провозглашать идеалы Каткова было бы и совершенно излишне, такъ какъ для всѣхъ истинно-Русскихъ людей они ясны, какъ Божій день, а для Петербургскихъ сферъ, пораженныхъ революціоннымъ дальтонизмомъ, Русскіе Государственные идеалы менѣе понятны, чѣмъ когда-либо. А потому, пока Петербургъ отъ этого умопомрачающаго наважденія не избавится, говорить ему о Русскихъ Государственныхъ идеалахъ значило бы говорить ему на совершенно непонятномъ для его ума и сердца языкѣ, такъ какъ его пониманію доступенъ лишь революціонный жаргонъ.

Гораздо интереснѣе будетъ изслѣдовать причины этого страннаго, чтобы не сказать болѣе, явленія:

Почему Петербургскія сферы такъ легко и быстро перескочили съ русской рѣчи на революціонный говоръ? Почему для нихъ ничего не стоило вчера быть монархистами, а сегодня стать во главѣ революціоннаго движенія и съ легкимъ сердцемъ разбивать то, чему они вчера еще поклонялись?

Другими словами, необходимо уяснить себѣ, что̀ именно привело Россію къ настоящему положенію: шаткость ли Русскихъ Государственныхъ идеаловъ Каткова, или шаткость ума и воли нашихъ Петербургскихъ сферъ?

Въ первой половинѣ минувшаго XIX вѣка Хомяковы, Кирѣевскіе, Аксаковы, Погодины, Самарины стали извлекать изъ глубины русскаго народнаго сознанія тѣ краеугольные камни, на которыхъ долженъ былъ создаться мощною рукой Каткова великій храмъ русской *современной* Самодержавной Государственности. Весь сановный и чиновный Петербургъ относился къ этому великому созидательному труду съ высокомѣрною презрительною улыбкой, такъ какъ этотъ Петербургъ ненавидѣлъ Россію, потому что со-

вершенно ея не зналъ и преклонялся предъ Европой, которую зналъ очень мало.

Тотъ типъ Петербургскаго бюрократа, который, по мановенію графа Витте, такъ преступно предалъ и продалъ своего Царя и свою Родину, зародился у насъ именно въ первой половинѣ XIX вѣка и получилъ первый свой расцвѣтъ въ *шестидесятыхъ* и *семидесятыхъ* годахъ, когда Петербургъ дѣйствительно началъ широко торговать Россіей, какъ оптомъ, такъ и въ розницу.

Эта безсовѣстная торговля была прекращена 1 марта 1881 года и, послѣ тщетныхъ попытокъ къ возобновленію ея, она окончательно была упразднена Самодержавнѣйшимъ Манифестомъ 29 апрѣля 1881 года.

Къ этому времени уже завершено было Катковымъ величавое строеніе идеальной Русской Самодержавной Государственности, и Царь-Миротворецъ Александръ III первый переступилъ порогъ этого русскаго національнаго храма, въ которомъ все дышало могучимъ просторомъ Русскаго генія, его мощною силой и свободой, его великимъ плодотворнымъ творческимъ духомъ. Весь Народъ за своимъ Царемъ вступилъ въ этотъ храмъ, благословляя начало новой эры мирнаго труда и могучаго развитія всѣхъ силъ Россіи.

Это возрожденіе и развитіе продолжалось въ теченіе всѣхъ тринадцати лѣтъ благословеннаго царствованія Великаго Государя и въ теченіе первыхъ пяти годовъ новаго царствованія, шедшаго по тому же Русскому національному пути,—пока на этомъ пути не возросла преграда въ лицѣ злѣйшаго генія Россіи—С. Ю. Витте...

Но что же за это время дѣлалъ сановный и чиновный Петербургъ?

Онъ тоже вмѣстѣ съ Русскимъ Царемъ и Народомъ вошелъ въ величественный національный храмъ Русской Самодержавной Государственности и съ удивленіемъ озирался на совершенно чуждыя ему народныя святыни, предъ которыми онъ безъ толку крестился и преклонялся.

Всѣ эти бюрократы старались казаться націоналистами и патріотами и тщательно произносили, совершенно новыя *для нихъ*, но для насъ старыя, вѣковѣчныя Русскія слова о вѣрности присягѣ, о беззавѣтной преданности Самодержавному Монарху, о святости и спасительномъ значеніи Православной Русской Церкви и даже о незабвенныхъ заслугахъ М. Н. Каткова.

Но какъ только прозвучалъ призывавшій къ революціи набатный колоколъ С. Ю. Витте,—вся эта лживая петербургская шушера опрометью бросилась вонъ изъ національнаго храма Русской Государственности и принялась снова за свое прежнее ремесло—за полную распродажу Россіи всѣмъ злѣйшимъ ея врагамъ.

Первымъ крупнымъ предметомъ позорнаго торга была Русская школа, которая,—при торжествующемъ гиканьѣ невѣжественной „интеллигенціи", со всею многотысячною семьей Простаковыхъ во главѣ,—была отдана на полное сокрушеніе злѣйшимъ врагамъ Россіи, доконавшимъ ее теперь до полной, смертельной, безсознательности.

А затѣмъ, когда, по выраженію Писарева, „тараканъ былъ пойманъ", пошла уже веселая „бойкая распродажа" или, вѣрнѣе, расшвыриваніе Россіи „по самымъ дешевымъ цѣнамъ". Кавказъ былъ отданъ Армянамъ и взбунтовавшимся по ихъ примѣру, дотолѣ мирнымъ, Грузинамъ, флотъ былъ отданъ Японцамъ, армія—революціонной печатной и словесной пропагандѣ, Церковь—еретикамъ и безбожникамъ, Самодержавіе—„кадетамъ", Русскіе рабочіе—соціальной революціи, крестьянство—анархистамъ, жизнь лучшихъ Русскихъ людей гнуснымъ убійцамъ, Финляндія была совершенно даромъ отдана ея будущему „королю" Леопольду Мехелину, а вся Россія—за хорошую цѣну—Евреямъ.

Ну какъ же можно ожидать, что Петербургскія сферы, въ самомъ разгарѣ своей торгашеской дѣятельности, могли бы насъ понять, еслибы мы стали говорить имъ о „чести, славѣ, достоинствѣ и могуществѣ единой, недѣлимой, Православной Самодержавной Россіи",—то-есть о тѣхъ идеалахъ, къ которымъ всегда стремился и стремится весь Русскій Народъ, и которые такъ мастерски вычеканены въ стройномъ художественномъ твореніи Каткова?

Намъ остается только ждать, когда Петербургъ очнется отъ своей преступной дѣятельности, съ тѣмъ чтобы тогда, общимъ подвигомъ Царя и Народа, подобно Спасителю, выступившему изъ дома Отца Своего, разогнать все позорное торжище, расположившееся у подножія Царскаго Престола, возстановить снова законъ и порядокъ во всемъ Россійскомъ Государствѣ, вернуться въ великій національный храмъ Россійской Государственности и приступить къ широкому возрожденію и обновленію Россіи по вѣковѣчнымъ идеаламъ Русскаго народа, ярко намѣченнымъ великимъ Катковымъ,—подъ крѣпкою охраной Неограниченной Самодержавной Власти Царя, подъ благодатнымъ покровомъ Святой Православной Церкви и при пламенномъ сочувствіи всего Русскаго Народа.

Газетѣ „Россія".

Въ Петербургѣ съ нѣкотораго времени издается офиціозная газета *Россія*, которая во многихъ отношеніяхъ представляетъ собой весьма отрадное явленіе.

Прежде всего, благодаря *Россіи*, мы получили, наконецъ, возможность не только знать взгляды Правительства на нашу современную политическую жизнь, но и знакомиться съ его законодательными и административными намѣреніями. Какое это великое благо, могутъ понять лишь тѣ Русскіе люди, которые пережили цѣлые два года въ мучительномъ сознаніи полной неизвѣстности, чего же, наконецъ, желаетъ Правительство, и куда оно насъ ведетъ.

Если громадная часть Русскаго народа оставалась пассивною въ борьбѣ съ крамолой, а другая крамольниками сбивалась съ толку, то это происходило, главнымъ образомъ, вслѣдствіе того, что народъ положительно не зналъ, на чьей сторонѣ стоитъ Правительство—на сторонѣ ли Царя, или

на сторонѣ крамолы. Смута понятій доходила даже до того, что часто нельзя было разглядѣть, на чьей сторонѣ стоитъ Самъ Царь, и лишь тогда, когда, начиная съ 1 декабря прошлаго года, народныя депутаціи, прорвавшись, наконецъ, сквозь бюрократическія и придворныя баррикады, стали удостоиваться величайшаго для Русскаго подданнаго счастья видѣть и слышать Батюшку-Царя,—онѣ получили увѣренность, что, несмотря на всѣ ухищренія графа Витте и другихъ враговъ Россіи, Самъ Государь неизмѣнно стоитъ за Царское Самодержавіе и твердо увѣренъ въ томъ, что *„оно будетъ какъ встарь"*.

Но затѣмъ эти депутаціи, способствовавшія спасенію Россіи и говорившія Царю неподкрашенную народную правду, допускались къ Царскому Престолу все рѣже и рѣже и, наконецъ, были совершенно прекращены тѣми сферами, которымъ необходимо было разобщить Царя съ Его народомъ, разрушить неограниченное Царское Самодержавіе и замѣнить его тою конституціонною ложью, которая привела Россію въ состояніе неслыханной анархіи.

И вотъ снова сгустился туманъ надъ взглядами, дѣйствіями и намѣреніями Правительства, что, конечно, повело къ еще большему усиленію смуты...

Теперь, наконецъ, это великое зло въ значительной мѣрѣ устранено: читая ежедневно офиціозный органъ Совѣта Министровъ, газету *Россія*, мы можемъ слѣдить за дѣятельностью всего кабинета П. А. Столыпина, отдавая себѣ болѣе или менѣе ясный отчетъ не только объ его дѣйствіяхъ, но и объ его міровоззрѣніи и идеалахъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря офиціозному характеру газеты *Россія*, мы получили возможность, среди окружающаго насъ хаоса всевозможныхъ извѣстій, отличать ложь отъ истины, дѣйствительные факты отъ злонамѣренныхъ измышленій. А это, въ настоящее время необузданнаго торжества клеветы и обмана, является также великимъ для насъ благомъ.

Переходя къ *существу* политическаго содержанія *Россіи*, мы съ особымъ удовлетвореніемъ должны отмѣтить ея бодрую, неустанную борьбу съ крайними лѣвыми партіями, въ особенности же съ изолгавшеюся партіей „кадетовъ" и съ ихъ возмутительнымъ органомъ *Рѣчь*. Не проходитъ ни одного дня, чтобы *Россія* не изобличала эту петербургскую газету въ самомъ безсовѣстномъ, тенденціозномъ измышленіи и извращеніи фактовъ, и „кадеты" сами не отрицаютъ, что въ *Россіи* для нихъ возникъ чрезвычайно опасный врагъ, съ которымъ имъ едва ли будетъ подъ силу бороться, если онъ и впредь будетъ съ такою же мѣткостью и энергіей разоблачать ихъ подпольныя и надпольныя шашни.

На-дняхъ *Россія* обратила вниманіе и на крайнія консервативныя партіи, посвятивъ имъ въ своемъ № 180 слѣдующую передовую статью, которую мы здѣсь, въ виду ея принципіальнаго значенія, приводимъ цѣликомъ:

„Слабость нашей консервативной партіи или, скорѣе, консервативныхъ партій заключается въ томъ, что онѣ отрицаютъ Думу и требуютъ уничтоженія народнаго представительства въ Россіи. А это требованіе ставитъ

партіи въ антагонизмъ къ Правительству и лишаетъ Правительство цѣннаго ихъ сотрудничества въ сферѣ экономической политики, гдѣ конечныя цѣли такихъ партій не могутъ расходиться далеко съ цѣлями Правительства. Въ самомъ дѣлѣ, будутъ ли наши консерваторы защищать строгій и непоколебимый римскій взглядъ на право собственности, или будутъ, по завѣтамъ славянофиловъ, отстаивать собственность общинную,—они никогда не пойдутъ на насильственную экспропріацію.

„Съ другой стороны, наши консервативныя партіи суть партіи монархическія, въ этомъ ихъ политическое отличіе отъ партій республиканскихъ, *скрытыхъ и явныхъ* *). Такимъ образомъ, исповѣданіе монархическаго принципа и признаніе и защита права собственности такъ сближаютъ монархическія партіи съ Правительствомъ, что нельзя не пожалѣть, что онѣ не считаютъ возможнымъ для себя сойтись съ Правительствомъ и въ признаніи представительнаго начала.

„*Не прихоть того или другого лица привела Россію къ представительному правленію, а сама исторія.* И если прусская консервативная партія находитъ возможнымъ не только отстаивать свои интересы въ парламентѣ, но и расширять свою программу сообразно новымъ требованіямъ жизни, то и русскимъ консервативнымъ партіямъ слѣдовало бы перейти отъ вздоховъ о прошломъ къ энергичной парламентской работѣ.

„Правительство не можетъ и не должно выступать на революціонный путь и брать назадъ тѣ конституціонныя права, которыя оно дало своему народу. Каждая его попытка въ этомъ направленіи была бы революціоннымъ дѣйствіемъ. Отрицать значеніе общественныхъ силъ въ Россіи и наличность въ русскомъ обществѣ благонамѣренныхъ и устойчивыхъ элементовъ, какъ оно отрицало ихъ прежде (?),—Правительство болѣе не можетъ. Оно намѣрено честно выполнить свой долгъ не только передъ русскою государственностью, но и передъ русскою общественностью, — и оно его выполнитъ.

„Ясно, что вокругъ честнаго и законнаго Правительства могутъ и должны объединиться всѣ тѣ, кто за монархію и за собственность. Внѣ сближенія съ Правительствомъ останутся только противники существующаго политическаго и экономическаго строя: республиканцы и соціалисты. Среди этихъ партій не мѣсто русскимъ консервативнымъ элементамъ, которые, не признавая совершившихся законныхъ перемѣнъ въ нашей государственности, только ослабляютъ русскую государственность, вмѣсто того чтобы всѣми силами ее поддерживать“.

Такъ говоритъ офиціозная *Россія.*

Она совершенно справедливо указываетъ на то, что консервативныя партіи,—точно такъ же, какъ и Правительство,—„никогда не пойдутъ на насильственную экспропріацію“ и на замѣну монархическаго начала въ Россіи „скрытою или явною республикой“. А такъ какъ конституціонный парламентаризмъ есть именно „скрытое“ республиканское начало, то Мо-

---

*) Курсивъ вездѣ нашъ.

нархическая Партія никогда не пойдетъ и на замѣну монархическаго начала конституціоннымъ.

Убѣждая монархистовъ измѣнить своимъ кореннымъ убѣжденіямъ, почтенный петербургскій офиціозъ приводитъ одинъ доводъ, который для него, очевидно, является аксіомой, а для монархистовъ такого значенія никогда имѣть не можетъ.

Въ самомъ дѣлѣ, *Россія* утверждаетъ, будто „не прихоть того или другого лица привела Россію къ представительному правленію, а *сама исторія*".

Это утвержденіе ничѣмъ не доказано, а между тѣмъ въ немъ и заключается вся суть нашего спора съ парламентаристами.

Конечно, съ точки зрѣнія устарѣлой матеріалистической теоріи, отдѣльныя личности никакой выдающейся роли въ исторіи не имѣютъ, такъ какъ въ ней будто бы все дѣлается „само собой". Но вѣдь эта теорія уже сдана въ архивъ здравомыслящими учеными, которые ясно сознаютъ, что если бы мы изъ исторіи исключили, напримѣръ, хотя бы только Александра Великаго, Цезаря, Магомета, Колумба и Наполеона, то всемірная исторія получила бы совершенно другую физіономію, нежели ту, подъ которою мы ее теперь знаемъ.

Точно такъ же и въ нашей Русской исторіи: нельзя отрицать громадной рѣшающей роли такихъ лицъ, какъ Петръ, Екатерина, Николай I и Александръ III. Нельзя отрицать и того, что исторія Россіи за послѣдніе два года получила бы совершенно иное направленіе, еслибы въ ней не возвысилась центральная фигура графа Витте, который употребилъ—и еще употребитъ — всю энергію своей громадной силы воли, чтобы, — вопреки Царю, вопреки народу, наперекоръ здравому смыслу и исторической логикѣ,—навязать Россіи хаотическій ужасъ, приведшій ее на край гибели, отъ которой теперь приходится ее спасать П. А. Столыпину, приступившему съ первыхъ шаговъ къ этому неимовѣрно-трудному дѣлу съ достодолжною энергіей.

Въ этомъ великомъ дѣлѣ спасенія Россіи отъ скрытыхъ и явныхъ революціонеровъ монархическія партіи несомнѣнно готовы оказать новому предсѣдателю Совѣта Министровъ самое искреннее и горячее сочувствіе, и въ этомъ онъ сомнѣваться не можетъ.

П. А. Столыпинъ желаетъ, впервые послѣ кончины В. К. Плеве, создать на Руси ту сильную и твердую Правительственную Власть, безъ которой Россія существовать не можетъ. Этой Власти монархическія партіи громко, но тщетно, требовали въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ, а потому онѣ могутъ лишь привѣтствовать новаго премьера, въ виду его знаменитаго отнынѣ циркуляра о возстановленіи Правительственнаго авторитета, и, само собой разумѣется, онѣ всѣми законными способами будутъ содѣйствовать этому возстановленію.

Такимъ образомъ, уважаемый редакторъ *Россіи* упустилъ изъ виду, что между теперешнимъ Правительствомъ и монархическими партіями въ настоящее время существуютъ не *двѣ*, а *три* точки тѣснѣйшаго соприкосновенія: недопущеніе насильственной экспропріаціи частной собственности,

монархическое начало и твердость Правительственной Власти. И дотолѣ, пока эти столь важныя точки соприкосновенія не исчезнутъ, а будутъ проявляться въ полной своей силѣ, монархическія партіи никогда не заслужатъ упрека, предъявленнаго имъ почтеннымъ руководителемъ *Россіи*, въ томъ, что онѣ де не желаютъ идти объ руку съ Правительствомъ въ возстановленіи того законнаго порядка въ Россіи, къ которому такъ стремятся и Царь, и Народъ, и Правительство, и вся громадная масса благоразумнаго общества. Въ этомъ отношеніи монархисты готовы на всякія жертвы, но только не на жертвы своими убѣжденіями.

Если они глубоко убѣждены, что дважды два—*четыре*, они не могутъ, въ угоду кому бы то ни было, сказать, что дважды два—*пять*. Если они убѣждены, что для Россіи, по ея историческимъ, этнографическимъ и культурнымъ особенностямъ, возможно только одно государственное устройство—*неограниченная Самодержавная монархія съ широкими народными реформами и съ истребленіемъ всѣхъ безобразныхъ бюрократическихъ язвъ*,—то они не могутъ отказаться отъ этого коренного ихъ убѣжденія и присоединиться къ тѣмъ людямъ, которые съ легкимъ сердцемъ ведутъ Россію по пути рискованныхъ экспериментовъ къ междоусобной смутѣ, раздробленію и уничтоженію.

Когда графъ Витте только еще приступалъ къ своему азартному опыту, монархисты въ одинъ голосъ предсказывали все то, что̀ изъ этого опыта неизбѣжно должно было произойти, и что̀, дѣйствительно, нынѣ и произошло. Какъ же можно теперь требовать отъ монархистовъ, чтобъ они сознались въ какой-то своей ошибкѣ и измѣнили своимъ убѣжденіямъ, тогда какъ въ своей грубѣйшей, наглядной ошибкѣ должны сознаться наши парламентаристы, приведшіе Россію къ разоренію и создавшіе такую позорную Думу, которую черезъ два мѣсяца пришлось разогнать!

А между тѣмъ, повинуясь, какъ всегда, Царской Волѣ, монархисты не „бойкотировали“ въ мартѣ и апрѣлѣ думскихъ выборовъ и добросовѣстно напрягли всѣ свои усилія, чтобы провести противокрамольныхъ кандидатовъ въ Думу, хотя напередъ были увѣрены, что, при столь безобразной системѣ выборовъ, которая была навязана Россіи графомъ Витте, всѣ честные истинно-Русскіе люди заранѣе были обречены на пораженіе.

Точно такъ же, съ такимъ же усердіемъ, монархисты будутъ участвовать и на предстоящихъ выборахъ, несмотря на такую же слабую надежду на успѣхъ, — если вторые выборы будутъ происходить при такихъ же ненормальныхъ условіяхъ, какъ и первые. Монархисты будутъ участвовать въ этихъ выборахъ по той же причинѣ, какъ и прошлою весной: чтобы, по возможности, нѣсколько ослабить неизбѣжную побѣду крамолы, и чтобъ эта побѣда не была приписана отсутствію или бездѣйствію монархистовъ, а исключительно недостаткамъ выборной системы и вообще всего выборнаго начала.

Уважаемый редакторъ газеты *Россія* ставитъ намъ въ примѣръ прусскихъ консерваторовъ.

Но вѣдь онъ, вѣроятно, знакомъ съ обширною литературой по вопросу о коренномъ различіи между Западною Европой и Россіей.

Пруссія, какъ государство Западной Европы, подчиняется совершенно инымъ историческимъ законамъ, нежели Россія, которая, по своему происхожденію и развитію, этимъ законамъ вовсе не подчинена, а развивается по своему самобытному историческому закону. Вѣдь не принадлежитъ же почтенный редакторъ *Россіи* къ тѣмъ узкимъ доктринерамъ, которые видятъ только одну формулу государственнаго „развитія“ (или вѣрнѣе—*паденія*): „монархія—конституція—республика“. Вѣдь не можетъ же онъ отрицать, что Русское Самодержавіе можетъ совершать величайшія, благотворныя реформы безо всякаго парламентаризма, а слѣдовательно и безо всякаго хаоса, и что парламентаризмъ,—породившій, напримѣръ, Панаму во Франціи и колоссальное взяточничество въ Сѣверной Америкѣ,—вовсе не является тою панацеей противъ язвъ бюрократизма, какою его выставляютъ „кадеты“.

Монархисты убѣждены, что парламентаризмъ можетъ принести Россіи одинъ только вредъ; они всегда это высказывали и предсказывали. Въ настоящее время они убѣждены въ этомъ болѣе, чѣмъ когда-либо, такъ какъ всѣ ихъ пророчества, къ сожалѣнію, оправдались.

Но идти противъ Царя монархисты не могутъ.

Если произведенный опытъ искусственнаго насажденія парламентаризма въ Россіи еще не считается окончательно неудавшимся, если онъ долженъ еще продолжаться до тѣхъ поръ, пока неудача его окажется для всѣхъ безусловно очевидною и неизбѣжною,—то и монархисты будутъ, повинуясь Царской Волѣ, добросовѣстно и съ полною энергіей участвовать въ Думскихъ выборахъ и работахъ, не возлагая, однако, на эти выборы и работы какихъ-либо розовыхъ надеждъ.

Мы надѣемся, что уважаемый редакторъ *Россіи* пойметъ и оцѣнитъ образъ дѣйствій и образъ мыслей монархистовъ, не поставитъ имъ въ вину твердость ихъ убѣжденій и не станетъ обвинять ихъ въ томъ, что они будто бы „идутъ противъ Царя“. Не пройдетъ много времени,—и *Россія* убѣдится, что наши теперешнія предсказанія, къ сожалѣнію, такъ же сбудутся, какъ и тѣ, которыя мы высказывали въ то время, когда графъ Витте приступалъ къ первому насильственному эксперименту надъ Россіей.

Вотъ тогда вся ошибка парламентаристовъ *станетъ для всѣхъ очевидною*, конституціонный опытъ будетъ признанъ неудавшимся, и Россія, наконецъ, воскреснетъ отъ обуявшаго ее теперь хаоса бюрократизма, парламентаризма и соціализма къ новой плодотворной, культурной національной жизни!..

Воспрянувшая крамольная печать.

Внезапно вспыхнувшіе военные и морскіе бунты, безчеловѣчное убійство Самарскаго губернатора, возникшая въ Петербургѣ общая политическая забастовка — сразу усилили задоръ нашей революціонной печати.

Въ самомъ дѣлѣ, еще недѣлю тому назадъ, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ рѣшительнаго дѣйствія Правительственной Власти, крамольная печать была весьма удручена тѣмъ, что населеніе Россіи не только не воспылало „народнымъ гнѣвомъ“ въ отвѣтъ на роспускъ Думы, по отнес-

лась къ нему совершенно спокойно, равнодушно и даже съ нескрываемою радостью. Въ виду этого революціонная печать впала въ глубокое уныніе, считая дѣло революціи, если еще и не проиграннымъ, то въ значительной степени подорваннымъ.

Даже такая архи-революціонная газета, какъ *Русское Слово*, и та до неузнаваемости поблѣднѣла, опустила свои крылья и жалко склонила свою горькую головушку.

Но вотъ прошли полторы недѣли, и изъ Петербурга стали доноситься вѣсти не о какихъ-либо дальнѣйшихъ энергическихъ дѣйствіяхъ въ борьбѣ съ крамолой, а о полной безнаказанности собравшихся въ Выборгѣ государственныхъ измѣнниковъ и о какихъ-то мирныхъ переговорахъ Правительства со вчерашними врагами.

И вотъ внезапно, какъ по мановенію жезла, вспыхнули военные и морскіе бунты. И тотчасъ же воспрянула крамольная печать и съ ликующимъ торжествомъ привѣтствовала Свеаборгскій и Кронштадтскій позоръ.

Мы привели (№ 183) выдержку изъ петербургской *Рѣчи*, обрадовавшейся „Финляндскому движенію" и требующей, поэтому, *немедленнаго созыва старой Думы*. Но и московская крамольная печать не отстаетъ отъ нея въ дерзкомъ задорѣ.

Вотъ что̀, напримѣръ, пишетъ *Свободная Жизнь* (№ 5 отъ 21 іюля):

„Еще нѣсколько дней тому назадъ, обсуждая предложенные газетою *Рѣчь* лозунги для („освободительнаго") движенія въ данный политическій моментъ, мы имѣли случай замѣтить вскользь, что событія еще недостаточно наросли и назрѣли, и что поэтому декларація лозунговъ — пока преждевременна. Мы полагали, что *благопріятная для движенія коньюнктура* наступитъ лишь *осенью*, когда *оппозиціонная волна должна достичь наибольшей высоты* *).

„И этотъ выводъ, казавшійся намъ фотографіей въ дѣйствительности, теперь приходится, повидимому, отбросить, какъ потерявшій свое реальное содержаніе.

„Въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ дней *конъюнктура измѣнилась подъ вліяніемъ совершенно неожиданныхъ событій,—чрезвычайно-серіозныхъ движеній въ арміи.*

„Мы не будемъ останавливаться на причинахъ этихъ событій. Онѣ ясны, такъ какъ вытекаютъ изъ общихъ условій жизни и сливаются съ общимъ освободительнымъ движеніемъ.

„*Наступили совершенно новыя обстоятельства*, и русская политическая мысль тревожно работаетъ теперь надъ вопросомъ, гдѣ же выходъ изъ постояннаго, весьма опаснаго положенія, гдѣ же средства предупредить *обще-крестьянскій стихійный взрывъ, который неминуемъ осенью*, по окончаніи полевыхъ работъ, *съ началомъ взысканія податей и призыва на военную службу?*

„И тотъ лозунгъ, *который намъ казался непріемлемымъ нѣсколько дней тому назадъ*, теперь получаетъ сильное и глубокое содержаніе,

*) Курсивъ вездѣ нашъ.

является облеченнымъ въ реальную плоть и *звучитъ какъ истинный голосъ жизни.*

„Мы говоримъ о лозунгѣ — *вновь призвать Государственную Думу стараго состава, вновь возстановить ее и собрать опять въ Таврическій дворецъ „излюбленныхъ“ людей*“.

Тотчасъ же снова побагровѣло и *Русское Слово*, и провозгласило тотъ же дерзкій революціонный лозунгъ (№ 185 отъ 21 іюля):

„*Немедленный созывъ Государственной Думы—вотъ желаніе общества.*

„Еще вчера это желаніе не казалось такъ настойчивымъ. Революціонныя партіи шли, конечно, дальше его. Умѣренныя же понимали всю его практическую неосуществимость. Не для того ее распускали, чтобы тотчасъ снова созывать.

„*Не то сегодня.*

„Нервное возбужденіе, вызванное закрытіемъ Думы, росло всѣ эти дни подъ впечатлѣніемъ вѣстей о невѣроятныхъ грабежахъ, волненіяхъ и растущемъ крестьянскомъ движеніи.

„Всѣ понимаютъ, что бюрократическими способами нельзя внести успокоенія, направить народное движеніе въ правильное русло.

„Допустивъ даже наилучшія намѣренія Власти, всѣ сознаютъ, что ей предстоитъ колоссальная задача, которую не осилить безъ помощи народа и общества.

„Общественные дѣятели, которые вступили бы теперь въ Министерство, себя скомпрометтируютъ окончательно. Власти же силы не прибавятъ.“

Въ слѣдующемъ же нумерѣ, отъ 22 іюля, *Русское Слово* прямо говоритъ, что „было не умно радоваться, что послѣ роспуска Думы нѣтъ безпорядковъ и волненій“:

„Всѣ ждали почему-то больше всего волненій въ деревнѣ. Но признаковъ усиленія тамъ волненій не замѣчалось. Въ деревнѣ шли тѣмъ же темпомъ начавшіеся еще до Думы аграрные безпорядки. Въ послѣднее время они даже немного ослабѣли, что объясняется рабочей порой. *Нѣтъ никакого сомнѣнія, что послѣ уборки хлѣба эти волненія опять усилятся...*

„*Нѣтъ сомнѣнія, что усиленіе волненій будетъ идти насчетъ факта роспуска Думы.* Деревня пока стоитъ въ недоумѣніи предъ неожиданно-совершившимся фактомъ, а по мѣстамъ еще не знаетъ о роспускѣ. *Печальная (?) вѣсть придетъ, и деревня, къ несчастью страны, не останется глуха къ происходящему.* Словомъ, если дѣло будетъ обстоять такъ, какъ оно стоитъ сейчасъ,—Думы нѣтъ, реформъ нѣтъ, на политической аренѣ занимаетъ все мѣсто одна „сильная и твердая власть“,—*то не будетъ удивительнымъ, если мы будемъ рано или поздно печальными свидѣтелями роковыхъ „недоумѣній“*.

И въ томъ же нумерѣ *Русское Слово* набрасывается на Министра Юстиціи, за то что онъ посмѣлъ издать циркуляръ, которымъ призываетъ Судебное Вѣдомство „къ особому напряженію и бдительности въ охраненіи силы закона, къ непоколебимой твердости въ огражденіи государственнаго порядка и къ быстрому воздѣйствію на враговъ Государства и общества“:

„Когда у насъ начинаютъ говорить о законахъ и законности",—говоритъ органъ г. Сытина,—„на сцену появляются... циркуляры. И за законность становится жутко. Мы понимаемъ циркуляры въ области внутренняго управленія и внутренняго распорядка; мы понимаемъ циркуляры въ порядкѣ начальственнаго надзора, но циркуляры въ области совѣсти и убѣжденія—это особенность нашей специально-министерской законности".

Но *Русское Слово* нападаетъ не только на Министра Юстиціи, но и на все Министерство П. А. Столыпина. Г. Сытинъ требуетъ, чтобы—

„Правительство шло въ ногу съ народнымъ представительствомъ по пути конституціонныхъ реформъ. Теперь же, взявъ всю громадную отвѣтственность за положеніе страны, *министерство Столыпина рубитъ сукъ, на которомъ сидитъ.* Утишить и, тѣмъ болѣе, предотвратить волненія своимъ авторитетомъ *оно не въ силахъ*; прибѣгая же къ излюбленнымъ способамъ усмиреній, оно ни создастъ себѣ моральнаго могущества, ни гарантируетъ обществу въ будущемъ тишину и спокойствіе.

„Отсюда только одинъ выводъ: *нужно созвать Государственную Думу какъ можно скорѣе.* Нужно дать обществу самому гарантировать себѣ спокойствіе и этимъ уничтожить основаніе для всякихъ волненій".

Точно такъ же и *Свободная Жизнь* (№ 6 отъ 22 іюля) грозитъ Правительству:

„Мы видимъ, что ни мира, ни свободы, ни благоденствія не будетъ въ Россіи, пока будетъ длиться реакція, пока Власть будетъ руководствоваться стремленіемъ подчинить своимъ видамъ волю народа. *Напротивъ, будетъ гражданская война, доколѣ не истощатся силы 150-милліоннаго народа, выбивающагося изъ историческихъ путъ.*

„Кому нужна, для чего нужна эта гекатомба? Хотѣлось бы думать, что никому и ни для чего.

„Но если такъ, то единственный разумный выходъ — *немедленный созывъ Думы*".

А вотъ какъ священникъ Т. Черкасскій въ *Новыхъ Дняхъ* (№ 8 отъ 21 іюня) натравливаетъ своихъ читателей на членовъ Правительства за то, что они осмѣлились „разогнать выборныхъ *лучшихъ* людей отъ лица всего народа":

„Мнѣніе и требованіе объ измѣненіи строя всего народа ставится ни во что *кучкой какихъ-то проходимцевъ, авантюристовъ, забравшихъ себѣ власть, силу, богатство; людей безъ Бога, безъ совѣсти, безъ чести, людей преслѣдующихъ единственно свои личныя цѣли грубаго властвованія надъ людьми, надъ всею русской жизнью!*"

Съ другой стороны, въ *Народной Газетѣ* нѣкій натравливаетъ крестьянъ на Правительство въ статьѣ „Воззваніе *Народу отъ народныхъ представителей* въ деревнѣ" (№ 170 отъ 21 іюля):

„Обращеніе бывшихъ депутатовъ первой Государственной Думы къ своимъ избирателямъ, къ Русскому народу, и само по себѣ является актомъ первостепенной важности, но теперь, когда Правительство подняло гоненіе на него, запретивъ его печатаніе и распространеніе, — интересъ

къ Воззванію удвоился. *И можно быть увѣреннымъ, что ему теперь обезпечено самое широкое и быстрое распространеніе.*

„Не только въ центрахъ, но и по уѣзднымъ городамъ, по селамъ, повсюду, гдѣ только есть группа интеллигенціи, *въ сотняхъ, тысячахъ и десяткахъ тысячахъ печатаются эти Воззванія. И легальныя типографіи, занятыя захватнымъ путемъ, и подпольные ручные станки, и мимiографы, и гектографы — гдѣ что есть — все пущено въ ходъ.* И эти тучи печатной бумаги скоро разлетятся изъ конца въ конецъ по деревнямъ и скоро проникнутъ въ самые глухіе медвѣжьи углы.

„Деревня еще не знаетъ, но узнаетъ скоро. И не трудно предсказать, какъ отнесется она къ этому событію.

„Я уже отмѣчалъ въ одномъ изъ прошлыхъ писемъ, какъ сильна была вѣра въ Думу, и какъ велики возлагавшіяся на нее надежды: *крестьяне заподозрили истинность Манифеста о роспускѣ.*

„Теперь приходятъ подобныя же вѣсти: изъ нѣкоторыхъ селъ, куда проникла грозная (?) вѣсть, спѣшно снаряжаютъ ходоковъ въ Петербургъ, чтобы на мѣстѣ провѣрить слухи, которымъ не хочетъ вѣрить деревня, которымъ она боится вѣрить.

„Теперь, вмѣстѣ съ Манифестомъ, полетятъ въ деревню *Воззванія* депутатовъ.

„— *Значитъ, боится Правительство,* если такъ энергично преслѣдуетъ.

„Вотъ общій выводъ, извлекаемый крестьянами изъ правительственныхъ дѣйствій. *Иначе и быть не можетъ.* И чего иного ждали наши новые руководители внутренней политики? Съ ихъ стороны это или сознательный вызовъ, или непонятное ослѣпленіе.

„Чтеніе крестьянами (правда, не на сходѣ — *что, однако, непремѣнно послѣдуетъ,* — а отдѣльными группами передовыхъ крестьянъ) *Воззванія* къ народу отъ народныхъ представителей и обсужденіе этого *Воззванія* я въ первый разъ услышалъ вчера въ слободѣ Покровской, Самарской губерніи. Близость слободы къ Саратову обезпечиваетъ ей аккуратное полученіе газетъ и всякихъ извѣстій: вѣдь всего одинъ часъ ѣзды пароходомъ, и цѣна сообщенія — пять копѣекъ.

„Слобожане оказались гораздо болѣе радикально настроенными, чѣмъ наши депутаты въ Выборгѣ, и отнеслись къ *Воззванію* очень критически.

„Съ большимъ неудовольствіемъ и даже озлобленіемъ они встрѣтили сообщеніе, что депутаты отказались отъ своего званія и открыто именовали себя на совѣщаніи „„*бывшими* депутатами““.

„— Вотъ тебѣ и сдержали слово! А какъ говорили-то красно: „„народъ права намъ далъ, и только народъ можетъ лишить этихъ правъ““. Мы лишать ихъ ничего и не думали, а они ужъ на-попятный.

„— Страхъ-то, вѣдь, не свой братъ. Хорошо это въ клубахъ говорить было, а при военномъ положеніи больно храбро не заговоришь, — запугали ихъ.

„— Да, нечего сказать, постояли до конца.

„— Куда они всѣ попрятались? Чуть не 500 человѣкъ ихъ было, а 180 подписей.

„Депутаты призываютъ граждапъ постоять за Государственную Думу, и тѣ мѣры, которыя они предлагаютъ, вызвали больше всего неудовольствій и споровъ.

„— Это они въ дальній ящикъ дѣло отложить хотятъ, на осень. Вѣдь и рекрутовъ ставить, и подати платить — это вѣдь все осенью. А теперь, значитъ, молчи?

„— Нѣтъ, господа, ошиблись! Постоять-то мы постоимъ, да не по-вашему. Не умѣли дѣло миромъ рѣшить, такъ теперь не мѣшайте. *Вотъ только, дай срокъ, народъ изъ поля вернется,—тогда мы сами порѣшимъ, какъ теперь дѣйствовать*".

А въ № 171 той же *Народной Газеты* г. Н. Козловъ пишетъ слѣдующее:

„Въ с. Патинѣ- крестьяне спокойно ждали рѣшенія Государственной Думы по земельному вопросу...

„На Думу возложены были всѣ надежды, и когда передъ самымъ роспускомъ, по предписанію губернатора, начали организовывать землеустроительную комиссію, сельскимъ владыкамъ много труда стоило заставить крестьянъ согласиться участвовать въ ней.

„— Думу ждать будемъ.

„И вдругъ черезъ нѣсколько дней крестьяне узнаютъ, что Манифестомъ Дума закрыта.

„Куріозно отмѣтить, что полиція очень усердно распространяла среди народа извѣщеніе, что пришелъ крестьянамъ милостивый Манифестъ.

„Послушали крестьяне и рѣшили:

„— Ждать теперь нечего... Земли не дадутъ, надо самимъ брать!"...

Неужели Правительство еще не поняло того ужасающаго вреда, который наша разнузданная печать наноситъ всему крестьянству, всѣмъ войскамъ, всему флоту, всему народу, всей Россіи?

Если у Правительства есть *серіозное* желаніе спасти Россію, то оно должно *желѣзною, диктаторскою* рукой сразу прекратить ту заразу, которая ежедневно разливается по всей Россіи и на казенный счетъ быстро и систематически отравляетъ весь Русскій народъ.

Если же Правительство болѣе дорожитъ дешевою популярностью и рекламнымъ ярлыкомъ „свободы слова и печати", чѣмъ спасеніемъ Россіи, — въ такомъ случаѣ пусть оно не удивляется, если всѣ его благія намѣренія будутъ разрушаться этою „свободною печатью", ежедневно подстрекающею крестьянъ—къ погромамъ, рабочихъ—къ вооруженнымъ забастовкамъ, солдатъ и моряковъ — къ звѣрскому убійству своихъ офицеровъ и къ военному мятежу, а все населеніе Россіи — къ революціонному возстанію не только противъ Правительства, но и противъ Самого Царя...

Рѣчь Государя.

Государь Императоръ на послѣднемъ смотру въ Петергофѣ обратился со слѣдующими словами къ л.-гв. Семеновскому полку:

„Восемь мѣсяцевъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Семеновцы представлялись Мнѣ послѣдній разъ въ Царскомъ Селѣ.

„Я вамъ говорилъ тогда, что былъ увѣренъ, что Семеновцы при всѣхъ обстоятельствахъ покажутъ себя достойными своихъ предковъ и всегда останутся честными и преданными слугами своихъ Царей и Родины.

„Тяжелыя обстоятельства наступили черезъ нѣсколько дней, и, благодаря доблести, стойкости и вѣрности Семеновцевъ, крамола въ Москвѣ была сломлена.

„Россія и Я искренно благодарны вамъ за вашу службу.

„Я радъ видѣть дорогой полкъ эти дни у Себя и вчера со Своею Семьей принимать васъ по-домашнему.

„Завѣщаю Сыну Моему относиться съ такою же любовію къ полку, съ какою Я отношусь къ вамъ, и такъ же вѣрить полку, какъ Я вѣрю вамъ, Семеновцы, дорогіе Мои.

„Отъ всей души выражаю вамъ Мою горячую благодарность за вашу службу.

„Господа офицеры, то, что́ Я сказалъ нижнимъ чинамъ, относится одинаково и къ вамъ, потому что Семеновцы представляютъ единую, сплоченную, неодолимую, могучую семью, которая такою навѣки останется".

Таковы Всемилостивѣйшія слова, которыми Его Императорскому Величеству благоугодно было осчастливить доблестныхъ Семеновцевъ.

Но не одинъ только Семеновскій полкъ отзовется съ восторженною радостью на эти драгоцѣнныя Царскія слова, но и все Русское Христолюбивое воинство и весь вѣрный своей присягѣ Русскій народъ, въ особенности же все мирное, дорожащее законнымъ порядкомъ, населеніе Первопрестольной Столицы.

Съ мрачныхъ временъ Московскаго декабрьскаго уличнаго бунта Семеновскій полкъ занялъ въ исторіи Россіи особое, высокое, символическое значеніе: онъ олицетворилъ въ себѣ высочайшую доблесть идеальнаго Русскаго воинства, беззавѣтно преданнаго своему Верховному Вождю, соблюдающаго строгія правила дисциплины и ясно сознающаго свою обязанность стоять на стражѣ законнаго порядка въ Имперіи.

Такихъ доблестныхъ полковъ, какъ Семеновскій, много, но ему одному дано было на глазахъ не только всей Россіи, но и всего цивилизованнаго міра,—выдвинуться въ самый критическій моментъ переживаемой нами смуты на видномъ и завидномъ поприщѣ вѣрной службы Царю и Родинѣ при спасеніи Москвы, а вмѣстѣ съ нею и всей Россіи, отъ начавшей уже торжествовать надъ нею крамолы.

Съ этого дня Семеновскій полкъ сталъ типическимъ Русскимъ полкомъ, такъ что теперь всѣ полки Русской арміи могутъ быть раздѣлены на два типа: „Семеновскіе" полки и... (мы не желаемъ называть типическій по своей измѣнѣ полкъ)—„не-Семеновскіе" полки.

Вотъ почему на Семеновскій полкъ сыплются всѣ проклятія адской крамолы, видящей въ немъ и въ ему подобныхъ полкахъ несокрушимую скалу Самодержавной Россіи: вотъ почему къ нему летятъ всѣ сердца вѣрнаго Царю Русскаго народа, томящагося отъ мерзкихъ злодѣйствъ крамолы; вотъ почему его благословляетъ благодарное ему за спасеніе населеніе Москвы; вотъ почему его осчастливилъ такою безпримѣрною милостію Государь Императоръ, обратившись къ нему съ такими умилительно-трогательными словами:

„Благодаря доблести, стойкости и вѣрности Семеновцевъ крамола въ Москвѣ была сломлена... Завѣщаю Сыну Моему относиться съ такою же любовью къ полку, съ какою Я отношусь къ вамъ, и также вѣрить полку, какъ Я вѣрю вамъ, Семеновцы, дорогіе Мои“.

Эти Царскія слова, какъ мы сказали, приведутъ въ восторгъ не одно только Русское войско, но и весь Русскій народъ.

Наконецъ-то, послѣ долгаго мрака сомнѣній и недоумѣній для всей Россіи, стало яснѣе Божьяго дня, *кого* Русскій Царь цѣнитъ, *кого* Онъ любитъ, *кому* Онъ вѣритъ!

Еще вчера все крамольное отребье Государственной Думы дерзновенно хвасталось, что Царь де считаетъ ихъ, крамольниковъ, *„лучшими людьми“!*

Это ихъ увѣреніе поражало смертельною душевною болью всѣхъ вѣрныхъ подданныхъ Русскаго Царя, которые, конечно, должны были казаться „худшими“ людьми, коль скоро „лучшими признавались заклятые враги Россіи, которые еще до вступленія въ Думу всѣмъ были извѣстны, какъ таковые.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, это нестерпимое огорченіе Русскихъ людей сбивало ихъ съ толку, и многіе изъ нихъ переходили въ ряды „лучшихъ людей“ Аладьиныхъ, Винаверовъ и Петрункевичей, думая этимъ угодить Царю.

Великій подвигъ Царской твердой Воли, выразившійся въ разгонѣ бунтовщической Думы, впервые открылъ глаза всей Россіи на истинныя чувства и намѣренія Государя Императора. А нынѣ еще яснѣе проявилось духовное настроеніе Русскаго Царя въ Его рѣчи къ Семеновцамъ, ибо теперь уже ни для кого не можетъ быть малѣйшаго сомнѣнія, *кого* Государь считаетъ „лучшими людьми“.

Онъ „вѣритъ“, только тѣмъ Русскимъ людямъ, которые, подобно Семеновцамъ, остались безусловно вѣрны Его Самодержавному Престолу. Онъ „любитъ“ и считаетъ лучшими людьми лишь тѣхъ Своихъ вѣрноподданныхъ, которые съ такою же энергіей, какъ Семеновцы, борются съ крамолой и готовы сломить ее съ такою же „стойкостью и вѣрностью“, съ какою „Семеновцами была сломлена крамола въ Москвѣ“.

Русское воинство должно окончательно ее сломить присвоеннымъ ему военнымъ оружіемъ, а мирное населеніе — патріотическимъ устнымъ и печатнымъ словомъ, безпощаднымъ разоблаченіемъ всей лжи и всѣхъ обмановъ крамольныхъ партій и охраненіемъ непоколебимою вѣрностью жизненныхъ интересовъ Православной Церкви, Неограниченнаго Царскаго Самодержавія и Русскаго народа.

Да будетъ такъ!

Прочь съ дороги, крамола!

Самодержавный Царь идетъ съ преданнымъ Ему Христолюбивымъ „Семеновскимъ“ воинствомъ и со всѣми милліонами вѣрноподданнаго Ему народа!

Опять сорвалось!

Въ теченіе двухъ послѣднихъ недѣль мы присутствовали при двухъ грандіозныхъ экзаменахъ.

Первому изъ нихъ подвергся Русскій народъ, второму—Русское Правительство.

Тотъ и другой экзаменъ выдержаны вполнѣ удовлетворительно.

Въ чемъ же заключались эти экзамены? Что именно подвергалось испытанію?

Политическая зрѣлость Русскаго народа и Русскаго Правительства.

Русское Правительство доказало свою политическую зрѣлость прежде всего тѣмъ, что оно, наконецъ, поняло всю негодность и чрезвычайную для Россіи опасность Государственной Думы и рѣшилось на столь давно ожидавшееся отъ него серіозное проявленіе государственной энергіи—на роспускъ Думы.

Тогда разогнанные Думскіе крамольники обратились къ Русскому народу съ призывомъ къ проявленію „народнаго гнѣва“ въ виду „оскорбленія“, нанесеннаго, будто бы, Правительствомъ „народу въ лицѣ его представителей“.

Вотъ тутъ именно Русскій народъ и выказалъ свою политическую зрѣлость тѣмъ, что понялъ всю преступную ложь своихъ мнимыхъ „представителей“ и не только не „разгнѣвался“ на ихъ разгонъ, но искренно ему обрадовался и возблагодарилъ Бога и Царя за то, что Россія, наконецъ, избавилась отъ такого возмутительнаго, постыднаго и вреднаго сборища, какимъ была разогнанная Дума.

Убѣдившись, къ своему ужасу, что эта затѣя у нихъ „*сорвалась*“, Думскіе крамольники рѣшили подвергнуть Правительство и народъ новому испытанію.

Такъ какъ *естественнаго* „народнаго гнѣва“ они возбудить не смогли, они рѣшили возбудить *искусственный* террористическій мятежъ, а именно: военный, морской и рабочій бунтъ съ вооруженнымъ кровопролитнымъ возстаніемъ и „всеобщею забастовкой“, дабы исполнилось ихъ предсказаніе, что „возстанетъ вся Россія, если кто пальцемъ посмѣетъ тронуть Думу“.

Они разсчитывали на то, что и Правительство, и народъ испугаются давно подготовленныхъ ими взрывовъ въ Свеаборгѣ, Кронштадтѣ, Ревелѣ, Петербургѣ и Москвѣ, и немедленно потребуютъ и осуществятъ новый созывъ старой Думы.

И что же?

И Правительство, и народъ снова выказали свою политическую зрѣлость и не испугались кровавыхъ эффектовъ крамольныхъ комедіантовъ, а исполнили свой долгъ: Русскій народъ, въ лицѣ своихъ рабочихъ, рѣ-

шительно *отвергнулъ* преступную „всеобщую забастовку", и лишь столичные типографщики поплатились за свое легкомысленное повиновеніе жалкому воробьиному пугалу подъ именемъ „Союза", которое они приняли за какую-то дѣйствительную политическую силу.

А съ другой стороны, Правительство, дважды не выдержавшее испытанія въ октябрѣ и декабрѣ прошлаго года, на этотъ разъ оказалось на высотѣ своего призванія и рѣшительными, разумными мѣрами немедленно подавило морскіе и военные бунты и прекратило „всеобщую забастовку" въ самомъ ея зародышѣ, такъ что не пришлось даже „подавлять" ее военными мѣрами.

Да, у крамольниковъ—опять „сорвалось"!

Мало того, ихъ преступная попытка принесла Россіи великую пользу, о которой они и не помышляли: она спасла Россію отъ нарождавшагося уже зловреднѣйшаго министерства, въ которое уже готовы были войти и Саратовскій покровитель погромщиковъ Львовъ, и лжемонархистъ Гучковъ, и либеральный болтунишка Гейденъ, и оправдатель Вѣры Засуличъ Кони, и мнимый „великій ученый", вызвавшій Московскій студенческій хаосъ, Виноградовъ!

Этотъ махровый революціонный букетъ „мирныхъ обновителей" хотѣлъ, подъ этимъ фальшивымъ знаменемъ, захватить сплоченною кучкой большинство министерскихъ мѣстъ и провести составленную имъ чисто-„кадетскую" программу съ „амнистіей", съ „отмѣной смертной казни", съ новымъ разнузданіемъ всей крамольной печати и съ предоставленіемъ революціонерамъ полнаго простора посредствомъ отмѣны военнаго положенія и чрезвычайной охраны.

Легко можно себѣ представить, въ какую бездну анархіи снова ввергнута была бы несчастная Россія, еслибы у кормила ея правленія появилось *такое* министерство съ *такою* программой!

Но, слава Богу, Правительство и тутъ, въ концѣ концовъ, успѣшно выдержало испытаніе въ политической зрѣлости и осталось на высотѣ своего долга, о которомъ ему напомнилъ грозный орудійный грохотъ въ Свеаборгѣ и Кронштадтѣ.

Правительство отвергло соучастіе „общественныхъ" министровъ съ ихъ революціонною программой, такъ что и эта затѣя у нашихъ крамольниковъ окончательно „сорвалась".

Правительство теперь можетъ спокойно и серіозно заниматься своимъ дѣломъ, привлекая къ своимъ административнымъ и законодательнымъ трудамъ людей знанія и труда, людей не ищущихъ дешевой популярности, а людей готовыхъ *серіозно работать* на благо дорогой Родины.

Правительство сейчасъ снова заняло блестящую позицію: будемъ надѣяться, что оно ея уже не покинетъ, ибо теперь оно можетъ смѣло разсчитывать на твердую поддержку всѣхъ милліоновъ благомыслящихъ Русскихъ людей.

Тогда у крамолы и впредь всегда будетъ все „срываться".

„Общественное“ министерство.

Вся Россія ждетъ - не - дождется *дѣльныхъ, честныхъ, Русскихъ* министровъ,—а въ Петербургѣ хотѣли во что бы то ни стало найти „общественныхъ“ министровъ.

Почему именно „общественныхъ“? И что такое „общественный“ министръ.

Намъ отвѣчаютъ:

— Это министръ, взятый изъ среды „общественныхъ дѣятелей“.

А что такое „общественный дѣятель“?

— Ну, ужъ будто вы не знаете? У насъ вѣдь два рода дѣятелей: *правительственные* и *общественные*. Правительственные—дурные дѣятели, а общественные—хорошіе

Вотъ какъ? А попробуйте-ка перевести эти термины на французскій, нѣмецкій или англійскій языки! Перевести ихъ *невозможно*. Въ цивилизованныхъ странахъ всѣ отлично знаютъ что такое *un homme d'Etat, ein Statsmann, a statesman*, т.-е. *государственный* дѣятель; но никто васъ въ Европѣ не пойметъ, когда вы будете говорить объ „общественномъ“ дѣятелѣ; ибо названіе *un homme de société, ein Gesellschaftsmann, a social man* или *society man*—обозначаютъ „человѣка общества“ и ничего общаго съ политикой не имѣютъ.

„Общественный“ дѣятель—чисто-русское изобрѣтеніе, совершенно незнакомое Западной Европѣ, и заграничные журналисты въ настоящее время приходятъ въ отчаяніе, ломая себѣ голову, какъ перевести и какъ объяснить своимъ читателямъ это мудреное слово, которое теперь именно особенно ярко выдвинулось на первый планъ нашей современной сумбурной исторіи.

Мы на-дняхъ еще вернемся къ объясненію этого интереснаго русско-европейскаго недоразумѣнія, теперь же только отмѣтимъ вѣрное замѣчаніе, которое мы встрѣтили въ частномъ письмѣ одного изъ нашихъ Парижскихъ друзей:

— *Il vous faut des hommes de société*... Вамъ нужны *государственные* дѣятели, а вы ищете „общественныхъ“ дѣятелей.

Вотъ именно! Намъ нужны дѣльные, честные, Русскіе *государственные* дѣятели!

Берите ихъ, откуда вы хотите — изъ „общества“, изъ Правительства, изъ ученаго міра, изъ арміи, изъ міра торгово-промышленнаго, словомъ—откуда угодно, но съ тѣмъ лишь условіемъ, чтобъ они были *дѣльные, честные, Русскіе* люди!

Россія находится въ такомъ критическомъ положеніи, что она нуждается въ *государственныхъ* дѣятеляхъ *перваго, высшаго* разряда. Она нуждается въ Бисмаркахъ, а за неимѣніемъ таковыхъ, она, по крайней мѣрѣ, должна искать себѣ людей *серіозныхъ, основательно знающихъ свое дѣло, безукоризненно-честныхъ, преданныхъ Царю и Родинѣ.*

Каждый министръ долженъ быть полнымъ, *знающимъ*, хозяиномъ своего специальнаго вѣдомства: ему должны быть знакомы всѣ его подробности, ибо лишь въ такомъ случаѣ онъ можетъ дать своему Министерству живую творческую силу и истребить въ немъ всѣ язвы бюрократизма.

А Петербургъ считалъ это „роскошью“! Министру, видите ли, вовсе и не надо быть знатокомъ своего дѣла: онъ долженъ обладать лишь однимъ качествомъ: онъ долженъ непремѣнно быть „общественнымъ“ дѣятелемъ съ „популярнымъ“ именемъ.

Какъ онъ пріобрѣлъ себѣ эту „популярность“, пустою ли болтливостью, моднымъ ли „радикализмомъ“, или эффектными антимонархическими демонстраціями—это рѣшительно все равно! А что онъ въ дѣлахъ правительственныхъ вообще, и въ дѣлахъ своего вѣдомства въ особенности, ни аза не смыслитъ—это ничего!

„Позвольте, спросите вы, а какъ же онъ будетъ управлять Министерствомъ, если онъ ничего въ немъ не смыслитъ?“

И вамъ въ Петербургѣ преспокойно отвѣтятъ:

— А на что же существуютъ директора департаментовъ?

Такъ вотъ оно что! И это называется „уничтоженіемъ бюрократизма“! Мы должны превратиться въ тѣ конституціонныя государства, какъ, напримѣръ, Франція, въ которыхъ директора департаментовъ *все*, а министры *ничто*, въ которыхъ бюрократія является такимъ несокрушимымъ, тѣсно сплоченнымъ самодовлѣющимъ организмомъ, о которомъ мы въ Россіи съ нашею дряблою, распущенною, раздробленною бюрократіей и понятія не имѣемъ.

Нѣтъ, Боже насъ сохрани отъ *такихъ* министровъ!

Мы еще разъ повторяемъ: Россіи нужны *серіозные, дѣловитые, честные Русскіе* министры, а Петербургу нужны лишь „общественные дѣятели“, потому что, по теперешней Петербургской модѣ, все, что пахнетъ „общественностью“, есть верхъ совершенства.

Подъ „общественными“ дѣятелями Петербургъ подразумѣваетъ, конечно, дѣятелей „земскихъ“ и „городскихъ“

Но вѣдь какъ разъ эти именно дѣятели и *осрамились* на всю Россію своимъ безалабернымъ, чтобы не сказать хуже, хозяйничаніемъ!

Возьмемъ „образцовое“ общественное хозяйство Москвы и Московской губерніи. Вотъ что мы недавно читали въ *Новомъ Времени* (№ 18.041).

„Финансы Москвы находятся въ самомъ плачевномъ состояніи. На очереди стоитъ платежъ свыше 5 милліоновъ рублей текущаго расхода, а денегъ нѣтъ. Петербугское городское управленіе, сначала любезно согласившееся ссудить Москву, теперь уклоняется отъ выдачи ссуды подъ облигаціи города Москвы, и, вѣроятно, сдѣлка не состоится, хотя Московскій голова теперь будетъ объ этомъ хлопотать въ Петербургѣ. Остается одинъ выходъ — реализовать городскіе займы по низкой и убыточной цѣнѣ, иначе придется пріостановить платежи.

„Задолженность Московскаго губернскаго и уѣздныхъ земствъ Московской губерніи выражается въ крупныхъ цифрахъ. Такъ, всѣ земства губерніи должны Казнѣ и своимъ капиталамъ 6.356.000 руб. Изъ этой сум-

мы губернское земство должно 3.753.000 руб., въ томъ числѣ 2.359.000 р. своимъ собственнымъ капиталамъ".

И вотъ такихъ-то „общественныхъ" дѣятелей, — провалившихся на своемъ „общественномъ" дѣлѣ и загубившихъ его своею полною неспособностью и безсовѣстностью,—Петербургъ мечталъ видѣть во главѣ Правительства! Ну, не безуміе ли это?!

Существуютъ, конечно, и серіозные, дѣльные, земскіе и городскіе дѣятели; существуютъ образцовые предводители дворянства, которые вѣдь тоже не „бюрократы", а общественные дѣятели, и мы могли бы начесть длинный рядъ ихъ именъ.

Но Петербургъ ихъ и знать не хочетъ! Коль скоро они *серіозные* и *дѣльные* люди, — значитъ, они не „либералы", а Петербургу *непремѣнно* нужны, ради дешевенькой популярности, „красненькіе", если не „красные" общественные дѣятели. И вотъ онъ сталъ - было заигрывать съ болтунишками Гейденами, съ авантюристами Львовыми, съ лжемонархистами Гучковыми, упорно отталкивая отъ себя людей серіознаго общественнаго дѣла, людей государственнаго ума, *вполнѣ признавая и цѣня ихъ качества*, но все-же отталкивая ихъ только потому, что они не „красненькіе"!

Слава Богу, что вся эта затѣя съ „общественными" министрами рухнула!

Правительство объяснило въ своемъ органѣ *Россія*, *почему* эта затѣя рухнула, а вчерашніе „общественные" кандидаты уже сегодня въ *Новомъ Времени* стараются уличить Правительство во лжи!

Надѣемся, что это послужитъ серіознымъ предостереженіемъ Правительству имѣть какое-либо общеніе съ *такими* дѣятелями!

Еще разъ повторимъ: Россія нуждается, болѣе чѣмъ когда-либо, въ *честныхъ*, *дѣльныхъ*, *Русскихъ* государственныхъ дѣятеляхъ, и они могутъ быть взяты *откуда угодно*, хотя бы и изъ сферъ общественной дѣятельности, коль скоро они отличаются вышеуказанными тремя качествами.

Но *одна* „общественная дѣятельность" далеко еще не служитъ гарантіей, что во главѣ Правительства не окажется величайшій государственный злодѣй, какимъ, напримѣръ, оказался Сергѣй Юльевичъ Витте, пробравшійся въ министры именно изъ *„общественныхъ дѣятелей"*.

Кому нужна Дума?

На-дняхъ мы писали:

„Если революціонеры, преднамѣренно притихшіе, начнутъ дѣйствія поближе къ назначенному сроку выборовъ,—Правительство обязано испросить у Государя Императора отсрочку ихъ до тѣхъ поръ, пока не получится полной увѣренности, что для выборовъ создана, наконецъ, почва полнаго общественнаго спокойствія и соблюденія законнаго порядка" *).

Одна изъ петербургскихъ газетъ съ этимъ не согласна. По ея мнѣнію, выборы должны происходить когда угодно, хотя бы въ самый разгаръ революціоннаго хаоса. Она даже удивляется нашему мнѣнію и говоритъ:

*) *Моск. Вѣд.* 1906 г., № 185.

„Выходитъ, что Дума нужна не законом́ѣрному населенію, а революціонерамъ!“ *)

Это очень типическое замѣчаніе. Въ немъ выражено то коренное недоразумѣніе, которое привело на край гибели всю Россію.

Въ самомъ дѣлѣ, кому нужна Дума?

Дума прежде всего нужна была графу С. Ю. Витте.

Для его адскихъ, честолюбивыхъ плановъ необходимо было привести Россію въ состояніе предсмертной агоніи, дабы затѣмъ явиться ея „спасителемъ“.

Съ этою цѣлью графъ Витте нанесъ ей два ужасные удара: съ внѣшней стороны онъ ошеломилъ ее Портсмутомъ, съ внутренней—Думой.

Портсмутъ лишилъ Россію готовой уже побѣды надъ Японцами и предстоявшаго усиленія той всемірной Русской славы, которая совершенно не входила въ планы графа Витте и его друзей—масоновъ, Евреевъ, Англичанъ, Американцевъ и русскихъ революціонеровъ. Ибо блестящая побѣда на Востокѣ укрѣпила бы на вѣки Царское Самодержавіе въ Россіи, а оно всѣми врагами Россіи, съ графомъ Витте во главѣ, было обречено на полное уничтоженіе: внѣшніе враги Россіи видѣли въ неограниченномъ Самодержавіи Царя несокрушимый оплотъ ея внѣшней мощи, а графъ Витте со своими друзьями-революціонерами видѣли въ Самодержавіи главное препятствіе для торжества столь необходимой имъ крамолы.

Дума лишила Россію того мирнаго внутренняго порядка, среди котораго она прожила почти три столѣтія, развивая всѣ свои національныя силы. Дума ввергла ее въ партійную междоусобную борьбу, въ братоубійственный хаосъ, и расшатала всѣ ея государственныя основы,—что только и надобно было злому генію Россіи, сумѣвшему одновременно, цѣлымъ рядомъ коварствъ и насилій, навязать намъ и Думу, и Портсмутъ.

Онъ увѣрялъ всѣхъ и каждаго, будто мы уже ни на какую побѣду надъ Японіей разсчитывать не можемъ. Это была ложь. И изъ этой лжи родился Портсмутъ.

Онъ увѣрялъ, будто весь Русскій народъ ненавидитъ Царское Самодержавіе. Это была вопіющая неправда. И изъ этой неправды родилась Дума.

А правда была та, что Русскій народъ стоялъ и доселѣ твердо стоитъ за неограниченную Власть Русскихъ Царей, ни о какой Думѣ не мечталъ и никакой Думы не требуетъ.

За „мнѣніе“ и „желаніе“ *Русскаго народа* графъ Витте подложно выдалъ мнѣнія и желанія *русскихъ революціонеровъ*, свившихъ себѣ гнѣзда въ такъ-называемыхъ „общественныхъ“ учрежденіяхъ, въ земскомъ и городскомъ „самоуправленіи“, въ судахъ, въ высшихъ школахъ и особенно въ печати.

Вотъ *этой* шайкѣ крамольныхъ писакъ и краснобаевъ *Дума дѣйствительно была нужна* для ихъ чисто революціонныхъ цѣлей: для того, чтобы вызвать въ Россіи обширную кровавую смуту, а рабочихъ, крестьянъ, уча-

---

*) *Нов. Время* № 10.910.

щуюся молодежь, духовенство и войско развратить бунтовскою пропагандой, терроризировать Правительство и вырвать у него такіе законы, которые содѣйствовали бы распространенію и усиленію революціонной смуты.

Вотъ для кого нужна была Дума, а вовсе не для „закономѣрнаго населенія Россіи", о которомъ говоритъ петербургская газета.

Графъ Витте выдалъ крамольныя вожделѣнія этой ничтожной шайки „общественныхъ" бунтарей за „волю Русскаго народа", и этою циничеcкою ложью ввергнулъ Россію въ тотъ ужасный хаосъ, въ которомъ она нынѣ находится.

Нѣтъ, видитъ Богъ: Дума *не нужна* мирнымъ, трудящимся вѣрноподданнымъ милліонамъ Русскаго народа! *Она нужна только революціонерамъ.*

Въ этомъ откровенно сознался и Аладьинъ, сказавшій, что Дума его единомышленникамъ нужна не какъ цѣль, а лишь какъ *средство* для сверженія Самодержавія и превращенія Россіи въ соціальную республику.

Мы, монархисты, давно уже предсказывали, что если у насъ будетъ Дума, то она будетъ Думой *чисто-революціонною*, а не народною, такъ какъ она нужна не народу, а крамольникамъ. Графъ Витте увѣрялъ всѣхъ въ противномъ, что Дума будетъ де „закономѣрною" и прекратитъ всю смуту; а за графомъ Витте повторяло ту же самую очевидную нелѣпость все Петербургское Панургово стадо!

Правыми оказались *мы*, а не *онъ*; Дума дѣйствительно получилась чисто-революціонною, и ее пришлось разогнать.

Мы, монархисты, такимъ образомъ, только утвердились въ своихъ взглядахъ и повторяемъ еще съ большею непреложностью и убѣжденностью:

Дума нужна не русскому народу. Дума нужна графу Витте, всѣмъ внѣшнимъ врагамъ Россіи, всѣмъ русскимъ, вѣрнѣе, еврейскимъ, революціонерамъ, всѣмъ окраиннымъ сепаратистамъ.

Значитъ ли это, что мы, монархисты, на будущихъ выборахъ будемъ „бойкотировать" Думу?

Боже насъ сохрани! Мы не были бы монархистами, еслибъ отказались исполнять Волю Неограниченнаго Монарха, Самодержавнаго Русскаго Царя.

Каковъ бы ни былъ законъ, изданный Царемъ-Самодержцемъ, монархистъ обязанъ безпрекословно исполнять его до тѣхъ поръ, пока законъ этотъ не будетъ отмѣненъ тою же Самодержавною Властію. Но никто не можетъ запретить вѣрному подданному Русскаго Государя изъяснять Ему несовершенство того или другого закона и всеподданнѣйше ходатайствовать объ измѣненіи или отмѣнѣ несовершеннаго закона.

Такимъ именно и является законъ о Думѣ.

Монархисты считаютъ всякое выборное законодательное собраніе несовмѣстимымъ съ неограниченною Властью Русскихъ Царей, а слѣдовательно—безусловно вреднымъ для Россіи.

Тѣмъ не менѣе, повинуясь Царской Волѣ, монархисты примутъ самое дѣятельное и энергическое участіе въ Думскихъ выборахъ для того, чтобы, по возможности, ослабить вредное вліяніе законодательной Думы, въ ожи-

данія, что Государю Императору, по Собственному Его Величества усмотрѣнію, благоугодно будетъ положить конецъ этому несомнѣнному злу, необходимому лишь графу Витте и всѣмъ его друзьямъ,—злѣйшимъ врагамъ Россіи.

„Шумливая организація".

Такъ назвалъ финскую „красную гвардію" Финляндскій генералъ-губернаторъ (!) г. Герардъ въ своемъ „Отвѣтѣ на открытое письмо Анатолія Антоновича Рейнбота" *).

Для этой гнуснѣйшей вооруженной шайки Финляндскихъ бунтарей, подавшей руку русскимъ крамольникамъ для кроваваго преступленія—измѣнническаго захвата Свеаборгской крѣпости,—г. Герардъ не нашелъ ни слова осужденія, ни упрека: онъ назвалъ ее лишь „шумливою организаціей"!!

А. А. Рейнботъ, съ доказательствами въ рукахъ, обвинилъ г. Герарда въ томъ, что онъ покровительствовалъ этой возмутительной „красной гвардіи".

Г. Герардъ старается увернуться отъ этого прямого и грознаго обвиненія, но самъ же тутъ выдаетъ себя головой, сознаваясь, что онъ—

„не одобрялъ распоряженій Военной Власти въ Выборгѣ, воспретившей сборы красной гвардіи подъ стѣнами крѣпости и въ городѣ".

Итакъ, когда вышло столкновеніе между Русскою Военною Властью и финскою крамольною шайкой,—на чью сторону сталъ г. Герардъ?

На сторону этой шайки.

И онъ еще хочетъ насъ увѣрить, будто онъ „не покровительствовалъ" этимъ подлымъ измѣнникамъ! Это уже не простое покровительство, а сознательное предательство.

И послѣ этого, въ концѣ своего „Отвѣта", г. Герардъ еще рѣшается ставить такой вопросъ:

„Если бы нашлись люди, которые бы пустились въ политическія авантюры, какъ это сдѣлалъ капитанъ Кокъ, то можно ли сомнѣваться, на чьей сторонѣ будетъ Русская Власть въ этомъ краѣ?"

Это зависитъ отъ того, въ чьихъ рукахъ, въ данный моментъ, будетъ находиться Русская Власть въ этомъ краѣ. Если въ рукахъ такихъ людей, какъ кн. Иванъ Оболенскій или г. Николай Герардъ, то Русская Власть безо всякаго сомнѣнія станетъ на сторону тѣхъ подлыхъ финскихъ измѣнниковъ, которыхъ „добродушный" г. Герардъ снисходительно называетъ „политическими авантюристами", устроившими „шумливую организацію".

Г. Герардъ клянется и божится, что это не онъ выдумалъ „красную гвардію".

„Когда я пріѣхалъ въ Гельсингфорсъ,—оправдывается г. Герардъ,—въ концѣ ноября прошлаго года, я засталъ красную гвардію уже вполнѣ сформированною".

Но развѣ это—оправданіе?

*) См. *Новое Время*, 1906 г., отъ 4 августа, № 10.916.

При комъ была сформирована „красная гвардія“? При честномъ Русскомъ витязѣ Н. И. Бобриковѣ, или при измѣнникѣ князѣ Оболенскомъ? Конечно, при послѣднемъ.

А г. Герардъ, какъ извѣстно, былъ посланъ въ Гельсингфорсъ не для того, чтобы продолжать измѣну Оболенскаго, а для того, чтобы положить ей рѣшительный предѣлъ.

Исполнилъ ли это порученіе г. Герардъ?

Нѣтъ, онъ поступилъ какъ разъ наоборотъ, въ угоду своему другу, злѣйшему генію Россіи, графу Витте.

Онъ со злорадствомъ выгналъ изъ края всѣхъ честныхъ, доблестныхъ соратниковъ Н. И. Бобрикова и окружилъ себя измѣнниками. Онъ разрушилъ все Русское дѣло въ Финляндіи и всецѣло, безъ оглядки, бросился въ коварныя объятія г. Мехелина; онъ безпрекословно исполнялъ всѣ приказанія этого злѣйшаго врага Россіи, какъ бы явно ни клонились они къ величайшему ущербу нашей Родины и къ торжеству Финляндской крамолы.

Вотъ почему онъ не распустилъ „красной гвардіи“, а всячески ей покровительствовалъ!

Онъ смотрѣлъ на нее глазами враговъ Россіи и находилъ ее не только безвредною, но даже „достойною уваженія“!

Этотъ жалкій человѣкъ даже самъ въ этомъ признается:

„Общественное мнѣніе относилось къ „„красной гвардіи““ съ уваженіемъ; въ рабочемъ населеніи она пользовалась большою популярностью“.

Ну, а какъ самъ Финляндскій генералъ-губернаторъ (!) смотрѣлъ на „красную гвардію“?

Да точно такъ же, какъ финляндское „общественное мнѣніе“ и какъ „рабочее населеніе“.

Такъ неужели же у него не было *своего* русскаго, честнаго ума, чтобы смотрѣть на нее *своими* глазами?

А если у г. Герарда этого ума не было, то развѣ ему не раскрывали глаза Русскіе люди и русскія газеты? Развѣ они ему не твердили объ опасности, которою грозила „красная гвардія“ мирному порядку? Развѣ они не предсказывали ему все то, что̀ теперь дѣйствительно и случилось?

Почему же онъ не вѣрилъ Русскимъ людямъ, которые ему говорили правду, а слушался однихъ Финляндцевъ, которые ему говорили только одну ложь?

Прочтите еще слѣдующій перлъ въ „Отвѣтѣ“ г. Герарда на обвиненія А. А. Рейнбота:

„Сколько я понимаю, вы мнѣ ставите упрекъ, что я не взялъ на себя распущеніе красной гвардіи. Но подумали ли вы о томъ, какія я для этого долженъ бы былъ употребить средства? Даете ли вы себѣ также отчетъ, къ какимъ бы эти мѣры повели послѣдствіямъ?“

Такъ можетъ говорить только жалкій трусъ, а не Финляндскій генералъ-губернаторъ(!)

Даетъ ли онъ самъ себѣ отчетъ, къ какимъ послѣдствіямъ повело бы распущеніе красной гвардіи? Къ тому, что Свеаборгскій бунтъ не могъ бы состояться и не пролилась бы та Русская кровь, которая теперь всецѣло

падаетъ на совѣсть г. Герарда и которую Россія ему простить не можетъ!

И у него теперь еще хватаетъ духа, когда его такъ одурачили, когда, благодаря ему и столь любезной ему „шумливой организаціи", совершились такія возмутительныя преступленія,—онъ имѣетъ духъ оправдываться, вмѣсто того чтобы поникнуть головой предъ грознымъ судомъ Россіи!

И какое же это жалкое, глупое, позорное оправданіе!

И *это*—Финляндскій генералъ-губернаторъ!!

Какой стыдъ, какой срамъ для Россіи!

Отрадное назначеніе.

Телеграфъ принесъ намъ отрадную вѣсть, за которую мы не можемъ не выразить нашей благодарности министру Внутреннихъ Дѣлъ П. А. Столыпину:

Онъ назначилъ Астраханскимъ губернаторомъ одного изъ достойнѣйшихъ Царскихъ слугъ и истинно-Русскихъ людей,—бывшаго Семипалатинскаго и Уфимскаго губернатора генерала Ивана Николаевича Соколовскаго.

Генералъ Соколовскій, какъ извѣстно, былъ жертвой злодѣйскаго покушенія въ Уфѣ, затѣмъ, съ помощью Божіей, поправился отъ нанесенныхъ ему ранъ и, вернувъ себѣ всѣ свои силы и свою бодрость, лишенъ былъ возможности, къ удивленію всей *русской* Россіи, продолжать свою доблестную службу Царю и Родинѣ, потому только, что имя его „не пользовалось симпатіями русскаго освободительнаго движенія". А послѣ кончины В. К. Плеве у насъ вѣдь, какъ извѣстно, все честное, Русское, все высокое, благородное приносилось въ жертву этому кровожадному Молоху, который поистинѣ долженъ быть названъ не „освободительнымъ", а *порабощительнымъ* движеніемъ.

Честь и слава П. А. Столыпину, что онъ на этотъ разъ назначилъ настоящаго, честнаго, дѣльнаго губернатора, не справляясь съ „общественнымъ мнѣніемъ"—этимъ жалкимъ и ничтожнымъ флюгеромъ, которымъ истинные государственные люди всегда *управляютъ*, но никогда ему не подчиняются.

Доблестная дѣятельность генерала И. Н. Соколовскаго хорошо извѣстна нашимъ читателямъ изъ цѣлаго ряда блестящихъ очерковъ нашего уважаемаго сотрудника г. Нарда, напечатанныхъ въ прошломъ году въ нашей газетѣ *).

Можно прямо позавидовать Астраханской губерніи, во главѣ которой теперь стоятъ такой образцовый губернаторъ, какъ И. Н. Соколовскій, и такой примѣрный вице-губернаторъ, какъ П. Н. Масальскій, который выказалъ себя съ самой лучшей стороны въ Тамбовской губерніи въ борьбѣ съ крамолой и съ бездѣятельностію тамошняго губерватора, пресловутаго и совершенно невозможнаго г. Янушевича.

---

*) См. *Моск. Вѣд.* 1905 г., №№ 180, 181, 194 и 205. *Къ исторіи губернской администраціи.*

Мы никакъ не можемъ понять, почему П. А. Столыпинъ такъ дорожитъ такими совершенно безполезными, чтобы не сказать вредными, администраторами, какъ г. Янушевичъ въ Тамбовѣ и г. Бибиковъ въ Воронежѣ, благодаря которымъ въ Бобровскомъ уѣздѣ стерты съ лица земли всѣ помѣщичьи усадьбы. Вѣдь и популярность ихъ среди крамолы не Богъ знаетъ какъ велика.

Россія въ правѣ ожидать, наряду съ отрадными назначеніями, и столь же отрадныхъ увольненій.

Прямой путь къ Царю *).

„Приношу вамъ, дорогіе братья Туляки, низкій поклонъ отъ Матушки-Москвы Златоглавой. (*Спасибо! Спасибо!*) Приношу вамъ и радостное поздравленіе съ Высочайшею Милостію. Она, вмѣстѣ съ тѣмъ, и величайшая милость, которую только и можетъ получить Русскій человѣкъ отъ своего Батюшки-Царя.

„Подумайте только, какое счастье: вы обратились прямо къ Царю съ просьбой, и Онъ услышалъ васъ! Вы просили Его о помилованіи невинноосужденнаго Русскаго воина,—а Онъ помиловалъ вмѣстѣ съ нимъ и его товарища.

„Вотъ ужъ именно оправдалась евангельская истина: *Просите, и дастся вамъ; ищите, и обрящете; толцыте, и отверзится вамъ.*

„Вотъ ужъ именно оправдалось и изреченіе Русской народной мудрости: *За Богомъ молитва, а за Царемъ служба не пропадутъ.*

„Подумайте только, что означаютъ ваша просьба и Царскій на нее отвѣтъ! Вотъ оно—*единеніе Царя съ народомъ.* Вотъ прямой путь народа къ Царю.

„Или, можетъ-быть, васъ объединяла съ Царемъ разогнанная Дума? (*Нѣтъ, нѣтъ*)!

„Развѣ не стояла она непроницаемою стѣной между Царемъ и вами? Она вѣдь тоже просила,—нѣтъ не просила, а *требовала*—у Царя помилованія. Но кого хотѣла она помиловать? Злѣйшихъ извerговъ, гнусныхъ убійцъ, лютыхъ враговъ Царя и народа. И Царь, конечно, этихъ дерзкихъ требованій не исполнилъ.

„А какъ вы думаете? Стала бы Дума просить за невинно-осужденныхъ доблестныхъ воиновъ Русскихъ? (*Нѣтъ, нѣтъ, никогда*)! Вѣрно вы говорите: за этихъ мучениковъ, конечно, не заступились бы ни Аладьины, ни Винаверы, ни Родичевы, ни Петрункевичи, ни даже Гейдены и Стаховичи, и ужъ, конечно, не вашъ князь Львовъ! (*Онъ не нашъ, не нашъ*)! Какъ не вашъ? Вы его выбрали! (*Нѣтъ, мы его не выбирали! Это кадеты! Они обманщики!*). Ну ладно! Но только смотрите, какъ бы они васъ опять не обманули! Какъ бы вы князя Львова опять не послали въ Думу? (*Нѣтъ, теперь мы ихъ знаемъ! Не быть князю въ Думѣ*)!

---

*) Рѣчь, произнесенная 6-го августа 1906 года на общемъ собраніи Тульскаго Союза Русскаго Народа.

„Такъ вотъ, о чемъ я говорилъ? Я спрашивалъ, почему Аладьины, Винаверы, Петрункевичи, Стаховичи и Гейдены не заступились бы за доблестныхъ Русскихъ воиновъ? Потому что они — люди не Русскіе: они и знать не хотятъ ни Царя, ни Россіи, ни Русской славы, ни Русскаго войска.

„А вотъ вы—люди Русскіе—заступились за невинно-осужденныхъ казаковъ; вы пали за нихъ къ стопамъ Царя,—и Царь васъ услышалъ.

„Онъ и не вѣдалъ, какіе ужасы, какія несправедливости творятся Его Именемъ въ нашихъ гражданскихъ и военныхъ судахъ, – и вотъ вы указали Ему хоть на одинъ случай такой несправедливости, и вотъ Царь немедленно отмѣнилъ кривду и возстановилъ правду.

„Вотъ вы теперь сами ясно видите, для чего намъ нуженъ Неограниченный Самодержавный Государь. Онъ долженъ стоять выше партій и сословій, выше лести и страха, выше всѣхъ Своихъ слугъ, выше всѣхъ судей, генераловъ и губернаторовъ, выше всего Русскаго народа,—подчиняясь лишь Своему христіанскому долгу предъ Господомъ Богомъ на небесахъ. (*Это вѣрно! вѣрно! Ура! Ура!*)

„Вотъ какъ Русскій народъ понимаетъ своего Царя, и инымъ онъ Его никогда не пойметъ. А вотъ гг. Петрункевичи, Стаховичи, Гейдены, Гучковы и Муромцевы понимаютъ Русскаго Царя въ качествѣ какой-то жалкой куклы, обязанной слушаться Думскихъ болтуновъ и негодяевъ. Вѣдь этихъ болтуновъ они называютъ „народными представителями“, а у Русскаго народа есть только Одинъ Представитель—Богопомазанникъ Неограниченный Самодержавный Царь.

„Спасибо вамъ, братья, люди Тульскіе! Вы научили насъ, Москвичей, и всѣхъ вѣрноподданныхъ сыновъ Россіи, вы научили насъ, какъ искать правды Царской, вы указали намъ путь къ сердцу Государя, нашего Отца и Покровителя, единственнаго нелицепріятнаго и справедливаго Судіи въ землѣ Русской.

„Отсюда я взываю ко всему Русскому Народу: если кто видитъ, что какой-либо судья или сановникъ мирволитъ крамолѣ и, въ угоду ей, угнетаетъ Русскаго человѣка, — немедленно обращайтесь къ Царю; непосредственно къ Нему, нашему Печальнику, безо всякаго хожденія по судамъ и канцеляріямъ, — и прямо скажите Ему, по почтѣ-ли, или по телеграфу, всю чистую правду о нарушенной справедливости въ пользу крамолы и въ ущербъ истинныхъ сыновей Россіи,—вотъ какъ это сдѣлалъ уважаемый предсѣдатель Тульскаго Союза Русскаго народа, доблестный Русскій человѣкъ Иванъ Львовичъ Бѣловъ.

„Мы одно время сомнѣвались, доходятъ ли до Государя наши просьбы и моленія. Вы теперь видите: они не только до Него доходятъ, но Онъ, нашъ Сердечный, ихъ читаетъ, Онъ вѣритъ нашему слову, какъ и мы вѣримъ Его словамъ, — и только въ этомъ духовномъ непосредственномъ общеніи мы и видимъ столь желанное *единеніе Царя съ народомъ*.

„Да здравствуетъ же Неограниченный Самодержавный Русскій Царь и весь вѣрноподданный Ему Русскій Народъ“! (*Ура! Ура!*)

Русская Монархическая Партія и Государственная Дума*).

Когда, въ апрѣлѣ 1905 года, въ Москвѣ зародилась Русская Монархическая Партія,—злополучной Государственной Думы еще не существовало.

О ней лишь мечтали русскіе крамольники съ С. Ю. Витте во главѣ, который въ то время еще держался за кулисами, чтобы во-время выступить на сцену и пожать свои позорные Портсмутскіе лавры, которые и привели Россію, посредствомъ ловко подстроенной „всеобщей забастовки", къ ужасной катастрофѣ 17 октября.

Въ виду этого, въ программу Русской Монархической Партіи въ апрѣлѣ 1905 года не могло войти опредѣленнаго взгляда на то чудовище, которое родилось черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ 17 октября, къ ужасу всей Православной Россіи, подъ именемъ „Государственной Думы".

Эта безобразная, возмутительная „Дума" нынѣ, слава Богу, разогнана; но,—увы,—опять черезъ шесть мѣсяцевъ должна родиться новая „Дума"!

Въ виду этого Русской Монархической Партіи необходимо высказать свой опредѣленный взглядъ на это чудовищное, совершенно не Русское, учрежденіе и занести этотъ взглядъ въ свою программу.

Это тѣмъ болѣе необходимо, что мы цѣлый годъ слышали неотступные вопросы: „Существуетъ ли еще Самодержавіе Государя, или же у насъ введена конституція? Признаютъ ли монархисты Думу, или ее отвергаютъ. Не идутъ ли монархисты противъ Царя, если они отвергаютъ конституцію?"

На всѣ эти вопросы мы должны дать ясный и точный отвѣтъ—во избѣжаніе какихъ-либо недоразумѣній со стороны нашихъ единомышленниковъ и нашихъ враговъ, со стороны Верховной Власти и представителей Правительства.

Вотъ нашъ отвѣтъ:

Для насъ, монархистовъ, единственною путеводною звѣздой является Воля нашего Неограниченнаго, Самодержавнаго Монарха, выраженная въ Его незабвенныхъ золотыхъ словахъ:

„Самодержавіе Мое останется такимъ, какимъ оно было встарь".

Отъ этихъ словъ мы *никогда не отступимся*, за нихъ мы будемъ *твердо держаться*, за нихъ мы готовы *положить свою жизнь*.

Кто съ нами не согласенъ, пусть уходитъ отъ насъ, пусть примыкаетъ къ другимъ, ежедневно возникающимъ и вѣчно мѣняющимся партіямъ,—мы, какъ стояли, такъ и будемъ стоять за единственное спасеніе Россіи, за драгоцѣннѣйшій завѣтъ, полученный нами отъ нашихъ прадѣдовъ,—за *Неограниченное Самодержавіе Русскихъ Царей*.

Конечно, намъ скажутъ то, что мы слышали уже тысячу разъ:

„Царь де пересталъ быть Самодержавнымъ, коль скоро Онъ ввелъ въ Россію законодательный парламентъ".

*) Рѣчь, произнесенная 8 августа 1906 г. въ VII Общемъ Собраніи Русской Монархической Партіи.

Нѣтъ, отвѣтимъ мы, Онъ не лишилъ Себя этимъ Своего Самодержавія.

Какъ же такъ?

Пояснимъ свою мысль слѣдующимъ сравненіемъ:

Стоитъ громадная фабрика, всецѣло принадлежащая одному хозяину. Подъ его руководствомъ она съ успѣхомъ работаетъ уже много лѣтъ, обрабатывая отечественное сырье въ прекрасныя издѣлія.

И вотъ директоръ этой фабрики, какъ водится у насъ, иностранецъ, обращается къ хозяину съ совѣтомъ замѣнить всѣ дѣйствующія на фабрикѣ машины новыми, иностранными.

— Знаю я эти иностранныя машины,—говоритъ хозяинъ,—самъ я ихъ видѣлъ и изучалъ: онѣ годятся только для иностраннаго сырья, а не для нашего.

Не угомонился директоръ-иностранецъ, снова и снова докучаетъ хозяину своими совѣтами: „съ иностранными машинами дѣло будетъ идти быстрѣе и съ большими выгодами".

Не уступаетъ хозяинъ предъ этими доводами, зная ихъ ошибочность.

Но вотъ на сторону директора переходитъ значительная часть рабочихъ и заявляютъ хозяину, что они иначе не могутъ работать, какъ на новыхъ машинахъ, которыхъ они отъ роду и въ глаза-то не видали.

Долго крѣпился хозяинъ, но, наконецъ, уступилъ директору и сбитой имъ съ толку ватагѣ рабочихъ.

— Ну, ладно, говоритъ онъ,—поставьте на пробу новыя машины: я на время отстранюсь и посмотрю, что̀ выйдетъ изъ вашей затѣи; но власть надъ фабрикой я попрежнему сохраню всецѣло за собой.

И вотъ приходятъ къ хозяину тѣ рабочіе, которые были однихъ съ нимъ взглядовъ и не ожидали никакого добра отъ новыхъ машинъ.

— Какъ же намъ быть? спрашиваютъ они:—неужели и намъ работать на этихъ заморскихъ чудовищахъ?

— Да, говоритъ хозяинъ,—работайте, чтобы для всѣхъ ясно было, что если этотъ опытъ не удастся, то въ этомъ виноваты будете не вы, а директоръ со своими иностранными машинами.

— А ты, хозяинъ, зачѣмъ же ты самъ отстранился и предоставилъ всѣмъ распоряжаться директору? Неужели теперь ты, въ самомъ дѣлѣ, передалъ ему всю свою власть надъ фабрикой?

— Нѣтъ, никогда! Власть моя надъ фабрикой останется такою, какою она была встарь. Удастся опытъ, я буду ему радъ; а не удастся, я выгоню директора со всѣми его иностранными затѣями и снова водворю на фабрикѣ прежніе порядки. Власть моя во время всего этого опыта ни на вершокъ не умалится. Я самъ на время отойду отъ дѣла, но и самъ вернусь къ нему, когда найду это нужнымъ.

Нужно ли еще пояснять это сравненіе?

Рабочіе, оставшіеся вѣрными фабричному хозяину—это мы, монархисты. Мы уже теперь видимъ, къ чему клонятся новыя заморскія законодательныя учрежденія, насильственно введенныя въ нашъ государственный организмъ: едва были пущены въ ходъ эти новыя машины, какъ онѣ произвели величайшій хаосъ во всей Россіи, и этотъ хаосъ все увеличивается.

Но мы, какъ вѣрные подданные нашего Монарха, свято исполняемъ Его Волю; мы работаемъ на этихъ проклятыхъ машинахъ, и будемъ работать, пока не услышимъ желаннаго голоса Хозяина Русской Земли, Который крикнетъ намъ: „Стой, довольно, опытъ не удался. Дальше вести его было бы безуміемъ. Мы возвращаемся къ прежнему испытанному порядку, но предварительно вычистивъ и исправивъ всѣ его учрежденія".

Вотъ каково должно быть отношеніе Русской Монархической Партіи къ Государственной Думѣ, а потому въ нашу програму должно быть введено слѣдующее новое *Положеніе*:

„**Законодательная Дума противорѣчитъ неограниченности Царскаго Самодержавія**. Считая всякое выборное законодательное Собраніе несовмѣстимымъ съ Неограниченною Самодержавною Властью Русскихъ Царей и безусловно вреднымъ для Россіи,—Монархическая Партія, повинуясь Царской Волѣ, принимаетъ участіе въ Думскихъ выборахъ лишь для того, чтобы, по возможности, ослабить вредное вліяніе законодательной Думы, въ ожиданіи, что Государю Императору, по собственному Его Величества усмотрѣнію, благоугодно будетъ положить конецъ этому несомнѣнному злу".

Да, выборная законодательная Дума — несомнѣнное зло! Но это зло еще усугубляется, если эта Дума избирается на основаніи тѣхъ нелѣпѣйшихъ законовъ, которые графъ Витте придумалъ для того, чтобы создать спеціально-крамольную Думу.

Если Государь намъ прикажетъ идти на новые выборы по этимъ возмутительнымъ законамъ, мы пойдемъ на эти выборы и приложимъ всѣ старанія, чтобы одержать побѣду, въ полной, однако, увѣренности, что мы никоимъ образомъ этой побѣды одержать не можемъ, въ особенности, если къ выборамъ попрежнему будутъ допущены бунтари-Евреи.

Если же Государь намъ дастъ новые избирательные законы, то мы ихъ примемъ и будемъ имъ повиноваться. Мало того, мы и сами постараемся выработать новые выборные законы, которые были бы не такъ уже изъ рукъ вонъ плохи, какъ теперешніе, и предложимъ ихъ Царю, но отнюдь не какъ средство къ исцѣленію Россіи—это средство заключается въ одномъ лишь Неограниченномъ Царскомъ Самодержавіи *безо всякой Думы*,—а лишь для того, чтобы въ Думу попали не одни только болтуны и негодяи, но хоть нѣсколько и дѣльныхъ людей.

Словомъ, мы все будемъ дѣлать согласно Волѣ Царя, дабы никто насъ не могъ упрекнуть въ томъ, что мы Царю не повинуемся. Но мы оставляемъ за собой неотъемлемый нашъ вѣрноподданническій долгъ говорить Государю отъ чистаго сердца *одну лишь правду*.

А правда въ данномъ случаѣ та, что выборная законодательная Дума рано или поздно погубитъ Россію, а потому ее слѣдуетъ, чѣмъ раньше тѣмъ лучше, *совершенно упразднить* и довольствоваться законосовѣщательнымъ Государственнымъ Совѣтомъ, состоящимъ исключительно изъ членовъ, выбранныхъ Самимъ Государемъ, изъ всѣхъ классовъ населенія, за ихъ умъ, дѣловитость и за ихъ преданность Самодержавному Престолу.

Всеобщая забастовка и графъ Витте.

Почему у насъ въ Россіи состоялась и удалась всеобщая забастовка? На этотъ вопросъ можно теперь отвѣтить съ полною достовѣрностью. Но для этого прежде всего необходимо опредѣлить различіе между *простою* и *всеобщею* забастовкой.

Простая забастовка можетъ имѣть либо *экономическій*, либо *политическій* характеръ; *всеобщая* забастовка имѣетъ всегда характеръ *политическій*, являясь однимъ изъ наиболѣе сильныхъ средствъ борьбы въ рукахъ *соціалистовъ*.

Цѣль соціалистовъ—разрушить во всѣхъ государствахъ теперешній ихъ культурный строй и замѣнить его совершенно-неосуществимымъ строемъ соціалистическимъ.

Для того, чтобы достигнуть этой цѣли, соціалисты имѣютъ въ своемъ распоряженіи *три* пути, о преимуществахъ которыхъ они ведутъ между собой безконечные споры.

Одни изъ нихъ, *соціалъ-демократы*, думаютъ достичь желаемаго государственнаго и общественнаго переворота мирнымъ путемъ чрезъ *парламентъ*, а въ Россіи, конечно, чрезъ *Думу*. Для этого они ведутъ усиленную соціалистическую пропаганду среди крестьянъ и рабочихъ, въ той надеждѣ, что съ каждыми новыми выборами число соціалистовъ въ парламентѣ будетъ увеличиваться, и въ одинъ прекрасный день, лѣтъ черезъ 25 или 50, большинство голосовъ въ какомъ-нибудь парламентѣ будетъ принадлежать соціалистамъ, которые тогда и проведутъ въ данномъ государствѣ тѣ законы, которые необходимы для превращенія культурнаго государства въ соціалистическую общину.

Иначе думаютъ *соціалисты-революціонеры*; они такъ долго ждать не желаютъ. Они увѣрены, что разрушить теперешній государственный и общественный строй можно если не сегодня, такъ завтра, посредствомъ *„всеобщей забастовки“*.

Третьи, наконецъ, *соціалисты-террористы*, тоже ждать не хотятъ, но доказываютъ, что одна всеобщая забастовка будетъ безсильна, если ея не поддержать *„вооруженнымъ возстаніемъ“*.

Само собою разумѣется, что если-бы „всеобщая забастовка“ удалась, то и первая и третья категоріи соціалистовъ слились бы воедино со второю.

Но *можетъ* ли „всеобщая забастовка“ удаться?

Вотъ въ этомъ и заключается весь вопросъ, который въ соціалистической литературѣ подвергается безконечнымъ спорамъ и разъясненіямъ.

Мысль „всеобщей забастовки“ является, конечно, для соціалистовъ очень соблазнительною.

Они разсуждаютъ такъ:

„Если простая, частичная, забастовка можетъ увѣнчаться успѣхомъ, вынудивъ исполненіе различныхъ требованій забастовщиковъ на отдѣльной фабрикѣ или въ цѣломъ районѣ однородныхъ предпріятій,—то всеобщая забастовка, въ которой участвовали бы всѣ работники во всѣхъ казенныхъ

и частныхъ производствахъ, могла бы точно такъ же принудить все Правительство къ капитуляціи предъ требованіемъ соціализма".

По *теоріи* это, можетъ-быть, и вѣрно, но мало ли что кажется вѣрнымъ въ теоріи, а на практикѣ оказывается никуда негоднымъ!

Такъ и въ данномъ случаѣ, теоретики „всеобщей забастовки", которыхъ особенно много въ Германіи, въ своихъ статьяхъ и брошюрахъ, въ своихъ рѣчахъ и воззваніяхъ, на своихъ съѣздахъ и собраніяхъ, стараются доказать, что единственнымъ путемъ къ торжеству соціализма является „всеобщая забастовка", которая вполнѣ де *возможна*,—а остальные соціалисты имъ не вѣрятъ, пока они на *практикѣ* не докажутъ исполнимость своей идеи.

И вотъ въ теченіе послѣдняго десятилѣтія было произведено нѣсколько опытовъ „всеобщей забастовки" въ Голландіи, Бельгіи и Италіи,—и всѣ эти опыты потерпѣли самый жалкій провалъ.

Во-первыхъ, забастовки были произведены на сравнительно очень небольшомъ районѣ; *во-вторыхъ*, забастовала, по приказанію главарей соціализма, лишь одна часть производствъ (такъ, напримѣръ, въ Италіи однѣ только частныя желѣзныя дороги); *въ-третьихъ*, само населеніе отнеслось къ нимъ въ высшей степени враждебно; *въ-четвертыхъ*, продолжались онѣ лишь нѣсколько дней, такъ какъ были прекращены правительственною властью и, *въ-пятыхъ*, онѣ не только остались совершенно безплодными,—такъ какъ соціалисты не добились ни малѣйшихъ уступокъ отъ правительства,—но и отвратили отъ соціализма массу рабочихъ, пострадавшихъ отъ этихъ безумныхъ затѣй.

Такимъ образомъ дѣло „всеобщихъ забастовокъ" казалось окончательно проиграннымъ.

Но соціалисты-теоретики не сдавались; у нихъ возникла новая, грандіозная по своей нелѣпости, мысль—организовать обширный опытъ „всеобщей забастовки" *въ Россіи*.

Какъ, въ Россіи? Если „всеобщія забастовки" не удавались въ „конституціонныхъ государствахъ", то какая же могла быть надежда на то, что такая забастовка удастся въ Самодержавной Россіи, въ которой Правительство стоитъ во всеоружіи Власти, не стѣсненное въ выборѣ средствъ для немедленнаго подавленія какой угодно забастовки?

Да, по теоріи, о „всеобщей забастовкѣ" въ Россіи и рѣчи быть не могло; но мы уже видѣли, что въ вопросѣ о „всеобщихъ забастовкахъ" теорія съ практикой не сходится.

Да, въ Самодержавной Россіи было возможно то, что было не мыслимо въ конституціонныхъ государствахъ. Да, въ Россіи было Правительство, неограниченное въ своихъ средствахъ въ борьбѣ со всякими видами революціи,—но во главѣ этого Правительства стоялъ графъ Витте.

Этимъ все сказано!

Графъ Витте, въ своихъ личныхъ видахъ, считалъ нужнымъ не бороться съ созданною имъ же самимъ революціей, а протянуть ей дружественную руку, дабы воспользоваться ею, какъ средствомъ для того, чтобы добиться осуществленія всего того, что ему было нужно.

Въ другихъ государствахъ „всеобщія забастовки" были не мыслимы, такъ какъ во главѣ ихъ правительствъ стоятъ *настоящіе* государственные люди, люди чести, долга, высокаго образованія, а въ Россіи такая забастовка не только стала возможною, но и удалась, потому что во главѣ Правительства стоялъ совершенно-исключительный по своей безпринципности, по своему невѣжеству и по своему алчному властолюбію человѣкъ, какимъ былъ графъ Витте! Былъ?—Увы, нѣтъ: былъ, есть и будетъ.

Но мы слышимъ возраженіе: да развѣ всеобщая стачка *удалась* въ Россіи?

Да, несомнѣнно, удалась.

Удача „всеобщей стачки" заключается въ капитуляціи Правительства передъ требованіями революціи. У насъ графъ Витте подписалъ 17 октября капитуляцію Русскаго Правительства передъ революціей, а слѣдовательно „всеобщая забастовка" въ Россіи удалась.

Правда, та революція, передъ которою капитулировало Русское Правительство, не была еще революція *соціальная*; но вѣдь все дѣло въ *принципѣ*. Въ культурныхъ странахъ Правительство никогда предъ всеобщими забастовками не капитулировало, считая это прямою измѣной своему долгу. Ну, а въ Россіи, если Правительство сегодня не сочло унизительнымъ для себя спустить свой флагъ передъ *простою* революціей, то завтра оно найдетъ возможнымъ спустить его еще ниже передъ соціализмомъ, а послѣзавтра—передъ анархизмомъ!

Но вернемся къ интересующему насъ вопросу, и посмотримъ, *какимъ образомъ* удалась у насъ „всеобщая забастовка".

Связи, существующія между графомъ Витте и революціей, теперь уже не подлежатъ сомнѣнію. Объ этомъ слишкомъ краснорѣчиво говоритъ одна уже исторія попа Гапона. Безумная, преступная авантюра 9 января была инсценирована для того, чтобы произвести необходимое для С. Ю. Витте террористическое давленіе, которое уже тогда должно было вызвать на сцену либо его диктатуру, либо конституцію съ его премьерствомъ.

Эта первая попытка, къ счастію для Россіи, не удалась.

Тогда графъ Витте принялся за вторую. Опозоривъ Россію въ Портсмутѣ, онъ вернулся въ Петербургъ съ твердымъ намѣреніемъ быть руководителемъ судебъ Россіи. Съ этою цѣлью онъ замыслилъ добиться своего—не путемъ такой частичной демонстраціи, какъ это было 9 января, а посредствомъ грандіозной „всеобщей забастовки".

„Пролетаріи всѣхъ странъ" воспрянули духомъ: „вотъ онъ,—говорили они,—тотъ обширный опытъ, который долженъ доказать, что *всеобщая забастовка*, не удавшаяся въ Бельгіи, Голландіи и Италіи, удастся въ Россіи, а слѣдовательно послужитъ примѣромъ для ея удачи и въ другихъ государствахъ".

И пока мы въ Россіи страдали отъ безобразій разыгравшейся у насъ „всеобщей забастовки", соціалисты-теоретики въ цѣломъ мірѣ съ замираніемъ сердца слѣдили за всѣми перипетіями нашихъ страданій. Для нихъ мы были живыми кроликами, надъ которыми производился „научный опытъ", а для графа Витте—баранами, закалываемыми въ честь его величія!

Всѣ приготовленія были должнымъ образомъ сдѣланы, и забастовка началась по всѣмъ правиламъ искусства. Правда, „всеобщею“ ее нельзя было назвать, но одна уже желѣзнодорожная и почтово-телеграфная стачка, а въ большихъ городахъ стачка фабрикъ, булочныхъ, трамваевъ, водопроводовъ и аптекъ были сорганизованы, очевидно, опытною и властною рукой, при полномъ дружественномъ попустительствѣ графа Витте и его правительственныхъ клевретовъ.

Забастовка шла уже нѣсколько дней, и графъ Витте въ Петербургѣ честно исполнялъ принятую на себя роль въ этой новой авантюрѣ: онъ клялся и божился, что безъ крупныхъ политическихъ уступокъ забастовка не только не кончится, а все болѣе будетъ разрастаться и кончится „всеобщею революціей“.

Но вотъ случилось то, что *должно* было случиться, что неизмѣнно случалось и въ заграничныхъ опытахъ „всеобщихъ забастовокъ“: забастовка стала *сама собой* стихать и прекращаться, ибо продолжительности ея не могутъ выдержать ни населеніе, ни сами забастовщики, принадлежащіе къ тому же самому населенію и несущіе во время забастовки одни и тѣ же страшныя лишенія.

Поэтому, совершенно естественнымъ образомъ,—несмотря на полное отсутствіе репрессій и на изобиліе потраченныхъ на забастовщиковъ денегъ,—забастовка, начавшаяся 9-го октября, уже къ 15 октября еле дышала, а 16 октября почти совсѣмъ прекратилась, и на желѣзныхъ дорогахъ уже служились молебны предъ возобновленіемъ работъ.

Графъ Витте понялъ, что еще день или два,—и его вторая попытка также плачевно для него кончится, какъ кончилась первая, январская. Онъ рѣшилъ дѣйствовать энергически: вмѣсто того, чтобы сказать *правду* о томъ, что забастовка сама собой прекращается безо всякихъ уступокъ со стороны Правительства,—онъ сознательно *скрылъ эту правду* и заявилъ, что наступила крайняя опасность, и что вся Россія погибнетъ, если Правительство немедленно не спуститъ флага предъ революціей и не уступитъ ей во всѣхъ тѣхъ требованіяхъ, исполненіе которыхъ такъ необходимо было графу Витте, чтобы сдѣлаться фактическимъ хозяиномъ Россіи.

Вотъ откуда возникло злополучное 17 октября съ его немедленными потоками крови и со всѣми дальнѣйшими ужасными послѣдствіями...

Что же доказалъ произведенный въ Россіи опытъ „всеобщей забастовки“?

Да то же самое, что онъ доказалъ и въ Западной Европѣ: „всеобщая забастовка“ не возможна, потому что *долго* она продолжаться не можетъ, ибо само населеніе и сами забастовщики черезъ нѣсколько дней уже не бываютъ въ силахъ ее продолжать, а ни одно правительство ни на какія уступки передъ *кратковременною* „общею забастовкой“ не пойдетъ.

И въ Россіи то же самое. Если во главѣ Правительства будетъ стоять сколько-нибудь честное, преданное Государю и своему долгу Правительство,—всеобщая забастовка никакого успѣха имѣть не будетъ, какъ это и доказала послѣдняя жалкая іюльская забастовка послѣ разгона Думы.

Ну, а если во главѣ Россіи будутъ стоять такіе авантюристы *sans foi ni loi*, какъ графъ Витте,—тогда все возможно, тогда ни за что ручаться невозможно.

Еще кровавая жертва!

Симбирскій губернаторъ генералъ-майоръ Константинъ Сократовичъ Старынкевичъ скончался 23 сентября отъ тѣхъ 400 ранъ, которыя нанесены ему были 21 сентября осколками брошенной въ него бомбы.

Это—новая жертва, принесенная кровожадному Молоху революціи, и—увы—жертва не послѣдняя! Пока Правительство окончательно не порветъ съ позорнымъ наслѣдіемъ, завѣщаннымъ ему злымъ геніемъ Россіи, графомъ Витте, вѣрные слуги Царя и Родины будутъ попрежнему падать жертвами спущенной съ цѣпи крамолы, которую въ Петербургѣ все не рѣшаются сразу подавить однимъ рѣшительнымъ и смѣлымъ ударомъ—**военною диктатурой.**

Крамольныя газеты говорятъ:

„Монархисты требуютъ репрессивныхъ мѣръ, а мы утверждаемъ, что репрессивныя мѣры безполезны. И вотъ смотрите, введены военно-полевые суды, а убійства продолжаются“.

Это неправда.

Мы, монархисты, никогда не требовали тѣхъ или другихъ репрессивныхъ мѣръ: мы вотъ уже второй годъ требуемъ лишь одного—**военной диктатуры.**

Другого средства спасти Россію отъ гибели теперь уже быть не можетъ. А между тѣмъ, именно это средство и не примѣняется!

Какая же разница между „репрессивными мѣрами“ и диктатурой? Разница громадная.

„Репрессивныя мѣры“ примѣняются въ *разныхъ* мѣстахъ *различно.* Или вы, можетъ-быть, думаете, что губернаторъ Янушевичъ, за негодностью переведенный изъ Тамбова въ такое крамольное гнѣздо какъ Ставрополь, будетъ тамъ примѣнять репрессивныя мѣры“ съ тою же энергіей и послѣдовательностью, съ какою ихъ примѣняютъ другіе, вѣрные своему долгу, губернаторы?

Конечно, нѣтъ. То, что у насъ въ одной губерніи считается запрещеннымъ, въ другой считается дозволеннымъ. А между тѣмъ вывести Россію изъ теперешняго кроваваго хаоса можетъ только полное *единство* истребляющей крамолу власти, а это единство можетъ дать только **военная диктатура.**

Военная диктатура во все время своего существованія прекращаетъ дѣйствіе тѣхъ законовъ, которыми пользуется въ своихъ преступныхъ цѣляхъ революція. А для кого же не ясно, что у насъ кровавая революція до тѣхъ поръ не прекратится, пока крамольники будутъ пользоваться, напримѣръ, *свободой печати* для дальнѣйшаго развращенія Русскаго Народа? Нормальное Правительство не рѣшается вырвать у революціи это могущественное ея орудіе, а также и другія не менѣе сильныя средства борьбы и пропаганды. А **военная диктатура** однимъ ударомъ сразу обезоружитъ всю крамолу, спасетъ Россію и водворитъ въ ней законный порядокъ, послѣ чего она удалится и откроетъ Правительству широкій путь къ мирнымъ реформамъ.

Увы, вотъ именно этого Петербургъ понять не можетъ, или не хочетъ. Онъ съ трудомъ рѣшился, наконецъ, на одиночныя репрессивныя мѣры, но возвыситься до единственнаго спасительнаго средства, до **военной диктатуры**, у него не хватаетъ духу!

Вотъ почему мы утверждаемъ, что доблестная кончина генерала Старынкевича является новою, но не послѣднею, жертвой кровожадному Молоху революціи.

Монархисты и Правительство *).

Намъ сегодня снова приходится вернуться къ самому важному для насъ, монархистовъ, тактическому вопросу: *какъ намъ относиться къ Правительству?*

Вопросъ этотъ имѣетъ въ настоящее именно время особенно важное значеніе.

Мы стоимъ наканунѣ Всероссійскаго Кіевскаго Съѣзда Русскихъ Людей, гдѣ всѣмъ монархическимъ союзамъ Россіи предстоитъ выработка принципіальной и тактической программы въ виду будущихъ выборовъ въ Государственную Думу. При обсужденіи этой программы у насъ возникнетъ цѣлый рядъ вопросовъ, на которые наша Монархическая Партія должна уже заранѣе имѣть совершенно ясные, опредѣленные отвѣты.

Всѣ эти отвѣты—кромѣ одного—уже предрѣшены нашею Программой, отъ которой мы никогда, ни при какихъ условіяхъ, не отступимся, такъ какъ эта Программа основана не на случайныхъ соображеніяхъ, не на особыхъ классовыхъ интересахъ и не приспособлена къ тому или другому числу какого-нибудь мѣсяца, а является прямымъ результатомъ правильнаго, теоретическаго и практическаго пониманія Русскаго Государственнаго права и основаннаго на немъ Русскаго Государственнаго строя.

Всѣмъ извѣстно, что мы твердо стоимъ за святость Православной Церкви, за неограниченность Царскаго Самодержавія, за національную независимость Русскаго Народа.

Мы всегда открыто возставали противъ всѣхъ злоупотребленій Петербургскаго бюрократизма, но мы никогда не смѣшивали его—какъ это умышленно дѣлаютъ враги Россіи—съ Самодержавною Властью Русскаго Царя, которая одна только и можетъ властною рукой очистить всю русскую администрацію отъ накопившихся въ ней язвъ и пороковъ.

Мы никогда не звали Россію назадъ къ тому Петербургскому режиму, который породилъ эти язвы и пороки, сосредоточившіеся, въ полномъ своемъ развитіи, въ режимѣ графа Витте,—но всегда указывали на необходимость для Россіи идти впередъ по пути тѣхъ реформъ, которыя подробно перечислены въ нашей Программѣ, и которыя однѣ только могутъ вернуть Россіи ея померкшую славу въ сонмѣ культурныхъ націй.

Было нѣкоторое сомнѣніе относительно того, какъ мы должны относиться къ Государственной Думѣ; но и этотъ вопросъ окончательно рѣ-

*) Рѣчь, произнесенная 24 сентября 1906 г. на VIII Общемъ Собраніи Русской Монархической Партіи.

женъ для насъ въ томъ смыслѣ, что пока у насъ есть Самодержавный Государь,—воля Его для насъ, монархистовъ, обязательна, иначе мы не могли бы называться монархистами; а потому, если Государю угодно снова созвать Думу, мы должны приложить всѣ усилія, чтобы новая Дума была, по возможности, лучше старой, хотя бы мы и были увѣрены, что, при существующемъ выборномъ законѣ, навязанномъ Россіи графомъ Витте, достигнуть этого результата невозможно.

Итакъ, наши отвѣты на всѣ эти вопросы для насъ совершенно ясны, и мы ихъ будемъ неизмѣнно повторять и на Кіевскомъ Съѣздѣ, и на выборахъ, и при всѣхъ случаяхъ, когда намъ придется высказывать свои убѣжденія.

Но есть одинъ вопросъ, на который у насъ предрѣшеннаго отвѣта быть не можетъ. Это вопросъ о нашихъ отношеніяхъ къ Правительству.

Въ самомъ дѣлѣ, если основное начало *Самодержавной Власти Русскихъ Царей* остается всегда *неизмѣннымъ*, каковы бы ни были носители этого начала,—то политическое значеніе того или другого *Правительства* въ Россіи можетъ быть весьма *различно*. А потому весьма различно должно быть и отношеніе монархистовъ къ тому или другому Правительству.

Или вы, можетъ-быть, думаете, что мы, безусловно преклоняясь предъ Верховною Властью, ясно проявляемою Самодержавнымъ Русскимъ Царемъ, обязаны столь же безусловно преклоняться предъ Его министрами—будь это Плеве или Мирскій, Побѣдоносцевъ или Оболенскій, Витте или Столыпинъ? Мы были бы самыми жалкими людишками, еслибы мы каждые три мѣсяца мѣняли свои убѣжденія, чтобы всегда попадать въ тонъ этихъ столь различныхъ и по своему уму и по своей честности администраторовъ.

Нѣтъ, такая роль была бы недостойна прямыхъ и искреннихъ Русскихъ людей, считающихъ своимъ долгомъ быть вѣрными подданными своего Самодержавнаго Государя и имѣющихъ право требовать, чтобы такою же безпредѣльною преданностью Русскому Самодержцу отличались и Его министры.

Вотъ почему мы открыто боролись съ предательскою политикой графа Витте, когда онъ стоялъ въ апогеѣ своей силы, и мы не скрывали, что, изъ пламенной любви къ своему Государю, мы являлись *непримиримыми врагами Правительства*. Да, мы были врагами Правительства, пока оно олицетворялось въ зловредномъ, губившемъ Россію, всемогуществѣ сіятельнаго авантюриста.

Мы не можемъ достаточно возблагодарить нашего Государя за то, что Онъ рѣшительнымъ ударомъ положилъ конецъ измѣнической дѣятельности этого узурпатора, который, такъ-сказать, явочнымъ порядкомъ экспропріировалъ въ свою пользу Верховную Власть и этимъ подалъ сигналъ всѣмъ тѣмъ вопіющимъ кровавымъ экспропріаціямъ и преступленіямъ, отъ которыхъ и донынѣ еще не можетъ успокоиться Россія.

Графъ Витте ушелъ,—будемъ надѣяться, что онъ ушелъ окончательно, и что ему не удастся выступить въ той роли „спасителя Россіи", которая, несомнѣнно, ему такъ улыбается. Россія будетъ спасена, съ Божьею помощью, и безъ его услугъ.

Но вотъ наступила новая эра, явилось новое Правительство, которому приходится, съ одной стороны, ликвидировать оставленное ему тяжелое наслѣдіе графа Витте, а съ другой—вести Россію къ новымъ реформамъ.

Какъ же слѣдуетъ намъ, монархистамъ, относиться къ этому новому Правительству?

Прежде всего мы должны оговориться.

Съ тѣхъ поръ какъ существуетъ Русская Монархическая Партія, она всегда самымъ рѣшительнымъ образомъ высказывалась противъ одновременнаго веденія двухъ совершенно различныхъ дѣлъ,—подавленія революціи и введенія новыхъ реформъ. Мы и теперь остаемся при томъ безусловномъ убѣжденіи, которое высказано во главѣ нашей Программы

„Никакія реформы, въ которыхъ такъ нуждается Россія, не могутъ приносить благихъ плодовъ, коль скоро онѣ будутъ производиться подъ натискомъ теперешняго революціоннаго движенія“.

Въ самомъ дѣлѣ: если бы, напримѣръ, *сперва* былъ возстановленъ законный порядокъ во всей Россіи, мы могли бы теперь совершенно спокойно приступить къ правильнымъ занятіямъ въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ. Тогда не приходилось бы опасаться, что въ нашихъ высшихъ школахъ хранятся склады бомбъ и динамита, и министру Народнаго Просвѣщенія и въ голову не пришло бы открывать всѣ наши школы передъ необозримою ватагой Евреевъ, и надѣяться, что они-де, въ благодарность за это, всѣ выйдутъ изъ революціоннаго „Бунда“ и сразу откажутся отъ всѣхъ наслѣдственныхъ чертъ своего тысячелѣтіями упроченнаго національнаго характера.

„Сперва порядокъ, потомъ реформы“,—таковъ девизъ нашей Монархической Партіи. „Если заразъ погнаться за двумя зайцами, то ни одного не поймаешь“,—такъ говоритъ народная мудрость, которой придерживаемся и мы, монархисты.

Въ виду этого, мы предпочли бы, чтобы и теперешнее Правительство распредѣлило свои двѣ великія задачи въ хронологическомъ порядкѣ. Къ тому же и о второй задачѣ, о сущности предполагаемыхъ новыхъ реформъ, намъ съ Правительствомъ нужно было бы еще столковаться. Но такъ какъ насъ эта вторая задача, *въ настоящее революціонное время*, менѣе интересуетъ, чѣмъ первая, заключающаяся въ подавленіи революціи, то мы прежде всего должны опредѣлить наше отношеніе къ Правительству на почвѣ именно *этой* задачи.

И тутъ мы должны прямо и откровенно заявить, что мы въ этомъ отношеніи смѣло можемъ сочувствовать политикѣ П. А. Столыпина.

Вотъ пока тѣ заслуги передъ Россіей, которыя могутъ быть вписаны въ активъ его послужного списка: 1) *разгонъ Думы*, 2) *преданіе суду* (хотя, къ сожалѣнію, запоздалое) *Выборгскихъ измѣнниковъ*, 3) *запрещеніе кадетскаго съѣзда*, (который, однако, г. Герардъ, закадычный другъ графа Витте, разрѣшилъ въ Гельсингфорсѣ), 4) *введеніе военно-полевыхъ судовъ*, 5) *назначеніе* (въ нѣкоторыя губерніи) *дѣйствительно убѣжденныхъ Русскихъ, преданныхъ Самодержавному Императору людей.*

Но главная заслуга новаго Правительства заключается въ послѣднемъ его циркулярѣ, обнародованномъ въ *Правительственномъ Вѣстникѣ*.

Циркуляръ этотъ составляетъ цѣлую эпоху въ исторіи русской администраціи.

Дѣло въ томъ, что до сихъ поръ русскіе министры, даже наиболѣе дѣльные, относились съ полнымъ равнодушіемъ къ политическимъ убѣжденіямъ своихъ подчиненныхъ. Они, видите ли, искали въ своихъ чиновникахъ лишь „дѣловитости и исполнительности", предоставляя самимъ себѣ политическое руководство дѣлами. И вотъ мы не разъ видѣли, какъ прекраснѣйшія мѣропріятія, напримѣръ, покойнаго В. К. Плеве намѣренно извращались его „дѣловитыми и исполнительными" чиновниками!

Такой уродливой административной системы нѣтъ ни въ одномъ государствѣ міра, кромѣ одной Россіи. Теперь, послѣ циркуляра П. А. Столыпина,—мы надѣемся,—ея не будетъ и въ Россіи.

Въ этомъ циркулярѣ прямо сказано, что для лицъ, — состоящихъ на государственной службѣ,—

„*участіе въ партіяхъ, стремящихся къ ниспроверженію существующаго государственнаго строя, не допустимо*. Затѣмъ, такъ какъ прямой долгъ служащихъ въ правительственныхъ учрежденіяхъ—*добросовѣстно блюсти Государеву Волю и исполнять усердно обязанности по службѣ*, налагаемыя на нихъ закономъ,—то, независимо отъ той или иной программы партіи, занятіе политикой не должно ни въ чемъ препятствовать *честному, по долгу присяги*, исполненію служебныхъ обязанностей".

„*Въ еще болѣе ограничительномъ смыслѣ долженъ быть разрѣшенъ вопросъ объ участіи чиновъ въ политическихъ союзахъ, представляющихъ собою сплоченныя организаціи, преслѣдующія собственныя, нерѣдко враждебныя государству*, цѣли и проявляющія по отношенію къ своимъ членамъ такую власть, которая не можетъ не ослабить лежащихъ на должностныхъ лицахъ ихъ служебной дисциплины и іерархической подчиненности. Притомъ же, какъ показываетъ опытъ, *подобные союзы*, пріобрѣтая значительное вліяніе именно въ силу участія въ нихъ должностныхъ лицъ, *приносятъ иногда странѣ огромный вредъ, нарушая правильное теченіе государственной и общественной жизни*. Очевидно, что при такихъ условіяхъ участіе должностныхъ лицъ въ политическихъ союзахъ можетъ быть допускаемо лишь въ видѣ исключенія по отношенію къ *такимъ организаціямъ, дѣятельность коихъ ни явно, ни скрыто не направлена къ разрушенію основъ государственности и монархическаго строя*".

П. А. Столыпинъ, очевидно, не намѣренъ ограничиться однимъ *изданіемъ* циркуляра, предоставляя его исполненіе на усмотрѣніе отдѣльныхъ вѣдомствъ. Нѣтъ, онъ прямо говоритъ слѣдующее:

„Соблюденіе устанавливаемыхъ въ интересахъ государственной службы требованій должно обезпечиваться, прежде всего, *постояннымъ наблюденіемъ начальствующихъ лицъ за своими подчиненными* и твердымъ примѣненіемъ, въ случаѣ нарушенія ими этихъ требованій, предоставленной начальству дисциплинарной власти, *вплоть до увольненія служащихъ безъ прошенія*, на основаніи ст. 788 Уст. о. сл. гражд. (Св. Зак. т. 3, изд. 1896

года). Противъ же изобличенныхъ въ такомъ незакономѣрномъ образѣ дѣйствій лицъ *судебнаго вѣдомства*, пользующихся правомъ судейской несмѣняемости, *должны быть принимаемы особыя, указанныя въ законѣ, мѣры воздѣйствія*. Такой порядокъ долженъ быть примѣненъ, безъ сомнѣнія, ко всѣмъ лицамъ, служащимъ въ правительственныхъ учрежденіяхъ, независимо отъ того, находятся ли они на дѣйствительной государственной службѣ, *или служатъ по вольному найму*, такъ какъ лица и той и другой категоріи состоятъ въ служебныхъ къ государству отношеніяхъ, налагающихъ на нихъ обязанность всемѣрно *поддерживать существующій государственный строй*.

„Вышеизложенныя мѣры могутъ принести дѣйствительную пользу только въ томъ случаѣ, если онѣ будутъ примѣняться *съ одинаковою строгостью во всѣхъ вѣдомствахъ и ко всѣмъ служащимъ*, ибо обнаружившееся у насъ *противодѣйствіе Правительству* со стороны самихъ его агентовъ представляетъ собою *такое вопіющее зло*, которое въ большей или меньшей степени присуще самымъ разнообразнымъ отраслямъ государственной службы. Понятно, что борьба съ нимъ должна вестись *по всѣмъ вѣдомствамъ на одинаковыхъ основаніяхъ*, иначе она будетъ приписана исключительно личнымъ склонностямъ и пристрастіямъ начальствующихъ лицъ и поведетъ не къ укрѣпленію служебной дисциплины, а къ еще большему ея паденію".

Всѣ эти соображенія побудили Совѣтъ Министровъ преподать всѣмъ вѣдомствамъ къ руководству слѣдующія указанія:

„Должностнымъ лицамъ, какъ состоящимъ на государственной службѣ, такъ и вольнонаемнымъ, *воспрещается всякое участіе въ политическихъ партіяхъ, обществахъ и союзахъ, не только явно-революціонныхъ*, но и такихъ, которые, хотя и не причисляютъ себя открыто къ революціоннымъ, тѣмъ не менѣе въ программахъ своихъ, въ воззваніяхъ своихъ вожаковъ, *какъ, напримѣръ, Выборгское воззваніе*, и въ другихъ проявленіяхъ своей дѣятельности обнаруживаютъ *стремленіе къ борьбѣ съ Правительствомъ или призываютъ къ таковой борьбѣ населеніе*.

„Должностныя лица и служащіе въ правительственныхъ учрежденіяхъ по вольному найму, принимающіе участіе въ организаціяхъ враждебныхъ Правительству, или противогосударственной агитаціи, *подлежатъ немедленному увольненію отъ службы*; а относительно тѣхъ изъ упомянутыхъ лицъ, кои не могутъ быть уволены въ административномъ порядкѣ, *должны быть приняты другія, указанныя въ законѣ, мѣры для удаленія ихъ съ государственной службы*".

Итакъ, вы видите, что новое Правительство рѣшило приняться за основательную чистку всей нашей администраціи. Во всей Западной Европѣ и въ Америкѣ это явленіе совершенно нормальное, и всѣ считаютъ его вполнѣ естественнымъ, такъ какъ каждое Правительство имѣетъ неоспоримое право выбирать себѣ такихъ чиновниковъ, которые ему помогаютъ, а не мѣшаютъ исполнять его прямую обязанность—управлять страной.

Лишь у насъ въ Россіи этого нормальнаго явленія до сихъ поръ не было, и мы не можемъ не выразить теперешнему Правительству полнаго

нашего сочувствія за то, что оно, наконецъ, впервые стало на одинъ уровень съ правительствами всѣхъ культурныхъ государствъ.

Мы ожидаемъ самыхъ благотворныхъ результатовъ отъ строгаго примѣненія циркуляра П. А. Столыпина ко всѣмъ вѣдомствамъ, въ особенности къ вѣдомствамъ Судебному и Народнаго Просвѣщенія. Мы надѣемся, что наши школы очистятся, наконецъ, отъ тѣхъ кадетовъ и соціалистовъ, которые такъ привыкли калѣчить нашихъ дѣтей въ совершенно неподобающей имъ роли профессоровъ, учителей и воспитателей.

Конечно, намъ могутъ возразить, что циркуляръ Совѣта Министровъ хорошъ только тѣмъ, что, при строгомъ его примѣненіи, онъ обезсилитъ кадры революціонныхъ партій, такъ какъ изъ нихъ должны будутъ выйти всѣ лица, состоящія на государственной службѣ; но ряды администраціи въ политическомъ отношеніи не улучшатся, ибо вышедшіе изъ крамольныхъ партій крамольники останутся преспокойно на своихъ казенныхъ мѣстахъ и будутъ попрежнему коверкать благія министерскія мѣропріятія и выдавать крамолѣ правительственныя тайны.

Мы не отрицаемъ, что, конечно, лучше было бы прямо уволить всѣхъ чиновниковъ, числящихся въ какой бы то ни было революціонной партіи. Но нужно принять въ соображеніе, что во время хаотическаго сумбура, организованнаго графомъ Витте и превратившаго всю Россію въ сумасшедшій домъ, когда само Правительство загоняло своихъ чиновниковъ въ крамольныя партіи,—въ эти партіи попала масса людей теперь уже отрезвившихся и только ожидающихъ благовиднаго предлога, чтобы выйти изъ-подъ партійнаго ига. Многіе изъ нихъ научены горькимъ опытомъ и, вѣроятно, будутъ теперь уже съ полнымъ убѣжденіемъ исполнять свой служебный долгъ.

Вотъ почему мы можемъ отъ всей души привѣтствовать политику П. А. Столыпина, проявившуюся въ этомъ мужественномъ циркулярѣ, и выразить надежду, что эта политика постепенно, логическимъ путемъ, придетъ къ тѣмъ мѣрамъ, которыя дѣйствительно могутъ раздавить революцію и затѣмъ проложить путь къ новой національной жизни Россіи.

Привѣтъ Матери городовъ Русскихъ—Кіеву *).

Русская Монархическая Партія, посылая насъ изъ Москвы въ Кіевъ на III Всероссійскій Съѣздъ Русскихъ Людей, поручила намъ не только привѣтствовать древнюю Мать Русскихъ городовъ отъ имени златоглавой Первопрестольной Столицы, но и указать на ту выдающуюся задачу, которая нынѣ выпадаетъ на долю Кіева въ дѣлѣ охраненія Монархическаго принципа, — задачу, которая соединяетъ Кіевъ столь тѣсными узами съ Русскою Монархическою Партіей. Не даромъ наша партія, послѣ Москвы, нашла себѣ именно въ Кіевѣ наиболѣе прочную основу и расцвѣла подъ мудрымъ водительствомъ Б. М. Юзефовича до такой самостоятель-

*) Рѣчь, произнесенная 1 октября 1906 года въ Кіевѣ на III Всероссійскомъ Съѣздѣ Русскихъ Людей.

ной творческой дѣятельности, которой можетъ позавидовать Московская центральная организація Русской Монархической Партіи.

Чѣмъ объяснить это столь отрадное, въ настоящія тяжкія времена, явленіе? Да тѣмъ, что Кіевъ не только по справедливости слыветъ Матерью городовъ Русскихъ,—хотя эту славу съ ней желаютъ дѣлить и нѣкоторые древніе города Сѣверной Руси, но Кіевъ съ еще большею справедливостью имѣетъ право называться *Матерью Русской христіанской государственности, колыбелью Русскаго Царскаго Самодержавія.*

Идея этого Самодержавія возникла въ древнемъ Римѣ, вся исторія котораго, даже въ республиканскій ея періодъ, имѣла своимъ назначеніемъ постепенную, тщательную выработку отдѣльныхъ государственныхъ учрежденій, которыя всѣ затѣмъ слились въ одно гармоническое цѣлое подъ верховнымъ самодержавіемъ императора.

Но Римское самодержавіе имѣло два недостатка: 1) сухой законный формализмъ, не смягченный духомъ Христіанства, и 2) отсутствіе здоровой, нравственной основы какъ въ императорскихъ династіяхъ, такъ и въ народныхъ массахъ; ибо ко времени окончательнаго созданія самодержавной идеи Римъ, совершивъ эту свою историческую миссію, клонился уже къ упадку, который вскорѣ затѣмъ и наступилъ на зарѣ торжества Христіанства надъ языческимъ міромъ.

Константинъ Великій перенесъ идею Царскаго Самодержавія въ Царьградъ, и здѣсь она слилась воедино съ идеей Христіанства. Такимъ образомъ первый главный недостатокъ Римскаго самодержавія былъ устраненъ, съ того момента, какъ Царьградскій императоръ сталъ смиреннымъ рабомъ Божіимъ и послѣдователемъ Христова вѣроученія, съ тѣхъ поръ какъ и народъ проникся истиной этого ученія; но—увы—второй недостатокъ этого самодержавія сказался еще сильнѣе въ Восточной Греческой Царьградской имперіи, чѣмъ въ Западной имперіи Римской. Если Римъ исполнилъ свою міровую задачу лишь ко времени пришествія на землю Христа Спасителя, то древняя Греція закончила свою миссію — созданіе европейской философіи, науки и искусства—двумястами годами раньше и съ того времени уже находилась въ полномъ нравственномъ, старческомъ безсиліи. Такимъ образомъ въ Царьградѣ произошло лишь тѣсное сліяніе самодержавной идеи съ идеей христіанскою и правильное распредѣленіе государственныхъ и религіозныхъ задачъ между царскимъ самодержавіемъ и Православною Церковью; но дальнѣйшихъ плодовъ столь благодатнаго сліянія этихъ двухъ могущественныхъ творческихъ силъ возникнуть не могло, такъ какъ для этого нужна была свѣжая, дѣвственная государственная и народная почва, а въ Византійской Имперіи почва эта была старая, изжившаяся, безсильная, гнилая.

Эту свѣжую, дѣвственную почву Православно-Самодержавная идея нашла себѣ въ Россіи и прежде всего въ Кіевѣ. Здѣсь Русскій Народъ при Владимірѣ Святомъ принялъ не только святое крещеніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и единственно-правильное воззрѣніе на Верховную свѣтскую Власть, на отношеніе ея къ Церкви и на отношеніе Церкви къ ней. Вотъ почему Русскій Народъ сталъ не только *христіаннѣйшимъ*, но и *вѣрноподданнѣй-*

шимъ народомъ въ мірѣ. Вотъ почему вся Россія могла занять первое во вселенной поприще могущества и славы.

Такова была великая міровая миссія Кіева. Здѣсь, подъ сѣнью Лаврскихъ Святынь, вырабатывалась во всей ея чистотѣ та великая идея Христіанскаго Самодержавія, которая была такъ искажена и окончательно утрачена на Западѣ, вслѣдствіе чисто-свѣтской власти Римскихъ папъ, боровшихся съ западными представителями верховной власти и создавшихъ такимъ образомъ разрушительные элементы реформаціи и революціи. Кіевъ передалъ затѣмъ свою миссію Владиміру, Владиміръ—Москвѣ, а Москва,—къ сожалѣнію,—Петербургу.

Петербургъ совершенно не понялъ этой великой Русской идеи и цѣлыя два столѣтія надъ ней мудрилъ, стараясь ее перетолковать и перековеркать, создавая учрежденія и обычаи, издавая законы и правила, совершенно противорѣчащіе основному смыслу Православно-Самодержавной идеи.

Создалась спеціальная петербургская бюрократическая идея со всѣми ея позорными язвами и пороками, олицетворившаяся въ концѣ концовъ въ одномъ человѣкѣ, величайшемъ преступникѣ Земли Русской, графѣ Сергѣѣ Витте, нанесшемъ однимъ дерзкимъ ударомъ тягчайшую рану какъ Православію и Самодержавію на Руси, такъ и всему Русскому Народу.

И вотъ нынѣ Москва является съ повинною къ Кіеву.

„То сокровище,—говоритъ она,—которое я отъ тебя получила, я не сумѣла сохранить: я передовѣрила его полу-нѣмцу Петербургу, а онъ перепродалъ его жидамъ. Нынѣ приходится все начинать сначала и вновь закладывать основы Русскаго Православно-Самодержавнаго государственнаго строя. Куда же собраться Русскимъ людямъ для этого великаго дѣла, какъ не въ Кіевъ, дабы, помолившись у гробницъ великихъ свѣтильниковъ и созидателей Земли Русской, приступить, съ ихъ святого благословенія, къ дружному совѣщанію о сохраненіи могущества Святой Православной Церкви во всей ея неприкосновенности и о спасеніи Верховной Власти Царскаго Самодержавія во всей ея неограниченности“.

Русская Монархическая Партія увѣрена, что Господь Вседержитель окажетъ Свою святую помощь въ этомъ дѣлѣ Русскимъ людямъ, съѣхавшимся сюда, на берега древняго Днѣпра, дабы вторично получить подъ сіяніемъ Святого Животворящаго Креста обновленіе отъ всего вреднаго, наноснаго зла, что накопилось за послѣднія 200 лѣтъ вокругъ многострадальной нашей Родины.

Русскіе люди *).

Мм. Гг.—Нашъ Съѣздъ называется „Всероссійскимъ Съѣздомъ *Русскихъ Людей*“.

„Русскіе люди“! Какое ясное, опредѣленное представленіе вызывалось въ былыя времена этими словами, при которыхъ въ нашемъ воображеніи

*) Рѣчь, произнесенная 6 октября, 1906 года на Всероссійскомъ Съѣздѣ Русскихъ Людей въ Кіевѣ.

представлялся весь Русскій Народъ во всей его цѣльности, во всей духовной его чистотѣ и простотѣ, во всемъ его величіи и благородствѣ, во всей его глубокой религіозности и беззавѣтномъ патріотизмѣ! Въ Русскихъ людяхъ не было раскола: при всемъ естественномъ различіи характеровъ, ихъ воодушевляла *одна* мысль, *одно* чувство, *одна* воля—служить вѣрой и правдой Богу, Царю и Россіи.

Но вотъ наступило на Руси первое тяжелое революціонное лихолѣтіе, наши пресловутые 60-тые годы. Тогда отъ общей громады Русскихъ людей откололись не единичныя лица,—такія исключенія всегда были возможны, какъ о томъ свидѣтельствуютъ примѣры Курбскаго и измѣнниковъ Смутнаго времени, передавшихся на сторону Поляковъ и ѣздившихъ къ Тушинскому вору,—нѣтъ, въ 60-хъ годахъ откололись цѣлыя группы или, вѣрнѣе, шайки лицъ, отрекшихся и отъ Бога, и отъ Царя, и отъ идеаловъ Русскаго Народа.

Это они положили сѣмена той кровавой жатвы, которая черезъ тридцать лѣтъ взошла къ ужасу всей Россіи, и надъ уборкой которой пока еще тщетно трудятся Русское Правительство и Русскій Народъ.

Эти смутьяны и злодѣи размножились затѣмъ въ 70-хъ годахъ подъ лживою личиной все тѣхъ же Русскихъ людей. Но дѣятельность ихъ стала до такой степени противорѣчить жизненнымъ интересамъ Россіи, что уже въ началѣ 80-хъ годовъ явилась необходимость поставить, во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, заблужденій и обмановъ, рѣзкую грань между *ложными* и *истинными* сынами Россіи.

Съ тѣхъ поръ все чаще и чаще въ нашей политической литературѣ стало появляться наименованіе „истинно-Русскихъ“ людей, получившее наконецъ Верховную санкцію въ 1887 году въ извѣстной телеграммѣ Государя Императора Александра III, въ которой онъ утѣшаетъ вдову скончавшагося въ то время великаго Русскаго патріота М. Н. Каткова.

Вы всѣ знаете, какъ озлились подложные Русскіе люди на это разграниченіе, являвшееся вмѣстѣ съ тѣмъ и изобличеніемъ всей ихъ лжи, всѣхъ ихъ каверзъ и обмановъ. Вы знаете, съ какою злостью накинулись они на истинно-Русскихъ людей, стараясь закидать ихъ клеветой, издѣвательствомъ и площадною бранью, съ которою они возстали и противъ нашего патріотизма, и противъ нашей вѣры, и противъ нашего національнаго чувства и достоинства.

Но всѣ ихъ усилія были тщетными, ибо всякое поруганіе этихъ драгоцѣнныхъ святынь Русскаго Народа обрушивалось на головы ругателей и все болѣе удаляло ихъ отъ вѣрныхъ своему долгу Русскихъ людей...

И вотъ грянуло роковое 17 октября!

Поднялось огненнымъ столбомъ всепожирающее пламя революціи, ввергнувшее всю Россію въ тяжелую междоусобную брань.

Все Русское образованное общество раскололось въ этой смутѣ уже не на двѣ части, а на цѣлый рядъ враждующихъ партій; а затѣмъ этотъ расколъ пошелъ и дальше—въ народъ.

Поразила Россію та великая бѣда, которая была доселѣ знакома лишь Западу: смута, раздоръ, вражда воздвигли одну часть населенія на другую;

мало того, расторглись узы дружбы, узы семьи: сынъ пошелъ на отца, жена на мужа, братъ на сестру! Семейный очагъ подвергся поруганію, даже церковная святыня осквернена ополчившимися другъ на друга членами клира и прихода,—словомъ, совершилось то, что неизбѣжно должно было совершиться, коль скоро въ мирную страну вносится адское оружіе парламентской конституціи.

Но, какъ часто бываетъ, даже тяжелыя несчастія имѣютъ нѣкоторыя благія послѣдствія.

Такъ и теперь. Разразившаяся надъ Россіей гроза прояснила сгустившуюся вокругъ насъ атмосферу, заставила насъ ближе приглядѣться другъ къ другу и отчетливо опознаться и разграничиться между собою.

Въ самомъ дѣлѣ съ первымъ ударомъ революціоннаго набата Русскіе люди сразу раздѣлились на три части, на три разряда:

Прежде и раньше всего обозначились тѣ пасынки Россіи, которые, подавъ руку ея злѣйшимъ врагамъ, подняли противъ нея кровавый мечъ революціоннаго движенія. Эти „Русскіе люди“,—какія бы они ни носили старинныя Русскія и даже княжескія названія,—съ той минуты, какъ они поступили въ ряды террористовъ, соціалистовъ, „кадетовъ“ и прочихъ враговъ Самодержавнаго Царя, порвали свою связь съ роднымъ народомъ, а потому и лишились права называться Русскими людьми.

Но нельзя отрицать, что они свою измѣну совершили открыто, безо лжи и лукавства, съ полнымъ сознаніемъ дерзкой преступности своего гнуснаго дѣла, съ сильною волей и циническою энергіей. А потому, составляя, въ сущности, немногочисленную шайку отчаянныхъ людей, они сумѣли внушить и Правительству, и обществу, иллюзію, будто они составляютъ обширную дружину въ нѣсколько сотъ тысячъ Русскихъ людей, которые де требуютъ, чтобы Русскій Царь склонилъ предъ ними Свое Самодержавное знамя.

Вотъ чѣмъ объясняется то малодушіе Правительства, которое, изъ страха передъ этими головорѣзами, дѣлало уступку за уступкой, воображая, что эти уступки дѣлаются—Русскому народу! Еслибы Правительство не впало въ эту роковую ошибку, не повѣрило этой обманчивой иллюзіи, злонамѣренно созданной графомъ Витте, оно еще два года тому назадъ однимъ ударомъ покончило бы съ революціей при первой ея вспышкѣ, такъ какъ вся эта революція состояла въ то время изъ нѣсколькихъ десятковъ измѣнниковъ Россіи, отщепившихся отъ необозримаго стана Русскихъ людей.

Но если *первый* разрядъ только-что указанныхъ мною лже-Русскихъ людей отличается ничтожною малочисленностью, но зато большою энергіей, то *второй* разрядъ Русскихъ людей отличается громаднымъ своимъ числомъ, но полнѣйшимъ отсутствіемъ твердой воли.

Я говорю о той необозримой сѣрой массѣ среднихъ, посредственныхъ Русскихъ людей, у которыхъ нѣтъ ни яснаго ума, ни твердыхъ убѣжденій, ни силы воли; а о гражданскомъ ихъ мужествѣ лучше всего хранить полное молчаніе.

Вы знаете всю эту рыхлую, жалкую кислятину, всю эту дряблую, трусливую массу „интеллигенціи“, которая боится всякихъ „крайностей“, для которой ни долгъ, ни присяга ничего не значатъ, которая въ тяжелыя смутныя времена забываетъ о своей прямой обязанности и трепетно озирается, стараясь угадать, на чьей сторонѣ власть, чтобы скорѣе примазаться къ этой сторонѣ. Эти люди готовы идти куда угодно, лишь бы плыть по общему теченію.

И вотъ, когда у насъ вспыхнула революція, Правительство, по приказанію графа Витте, выпустило изъ своихъ рукъ не только главныя основы власти, но даже послѣднюю ея тѣнь, и она всецѣло перешла въ руки главарей революціи. Немедленно же все безвольное стадо „посредственныхъ“ Русскихъ людей шарахнулось въ сторону революціоннаго движенія. Повторилось то, о чемъ Алмазовъ такъ мѣтко говорилъ въ шестидесятыхъ годахъ:

Чиновники, семинаристы,
Кадеты, дамы, гимназисты,
Квартальные, профессора,
Грудныя дѣти, фельдшера,
Просвирни, даже генералы,—
Все поступило въ либералы,
И всякій взяточникъ оралъ:
„Я прогрессистъ, я либералъ“!

Конечно, мы могли бы отнестись къ этимъ жалкимъ участникамъ либеральнаго канкана лишь съ глубокимъ чувствомъ презрѣнія, еслибы мы не знали, что среди нихъ есть не малая доля горемычныхъ подневольныхъ либераловъ—среднихъ и низшихъ чиновниковъ, обремененныхъ семействомъ. Они потому только пошли противъ Правительства, что боялись потерять свои казенныя мѣста. И въ самомъ дѣлѣ, если въ первыхъ рядахъ канканировалъ какой-нибудь прокуроръ, губернаторъ или даже министръ, то поневолѣ приходилось участвовать въ этой позорной свистопл𝑦скѣ и подвластнымъ имъ чиновникамъ.

О, если бы Правительство наше сознавало всю власть, которая, по законному правилу и по здравому смыслу, ему принадлежитъ! Если-бъ оно, наконецъ, рѣшило проявить эту власть и возымѣло смѣлость заявить, что *мнѣніе, будто Русскій Народъ желаетъ конституціи, есть наглая ложь, выдуманная графомъ Витте!* Если-бъ Правительство открыто и твердо заявило, что оно рѣшительно отказывается отъ защиты этой лжи и становится на стражу истины, на стражу свято чтимаго всѣмъ народомъ неограниченнаго Самодержавія Царскаго,—то вся эта невообразимая масса малодушныхъ посредственностей, почуявъ, что власть снова въ рукахъ Правительства, шарахнулась бы обратно на его сторону, и одно уже это стихійное явленіе нанесло бы смертельный ударъ революціи,

Смотрите, уже теперь, когда Правительство проявило первые, далеко еще не рѣшительные, признаки власти, среди Русскихъ людей колеблющагося разряда появились и первые признаки отрезвленія. Пусть завтра Правительство встанетъ во всемъ грозномъ законномъ своемъ величіи,— и вся Россія будетъ на его сторонѣ, благословляя его за возвращеніе ми-

ра и порядка нашей истерзанной Родинѣ. Тогда появятся десятки тысячъ Русскихъ людей, которые заявятъ, что они все это смутное время были тайными послѣдователями Правительства, такъ же какъ и у Христа былъ тайный послѣдователь Никодимъ. И тогда всѣ эти современные Никодимы и Никодимки,—какъ ихъ здѣсь на Съѣздѣ мѣтко назвалъ профессоръ Вязигинъ,—будутъ съ такою искренностью пѣть Русскій народный гимнъ, съ какою они нынѣ поютъ *Марсельезу*, ибо искренности у нихъ нѣтъ ни на грошъ, а есть только страхъ и трепетъ предъ властью, въ чьихъ бы рукахъ она ни находилась.

Но довольно объ этихъ жалкихъ слизнякахъ, пресмыкающихся по такъ-называемой „золотой серединѣ" и ежеминутно готовыхъ поставить и Богу свѣчку, и чорту кочергу. Вся бѣда не въ томъ, что они—безвольные, легкомысленные флюгера, а въ томъ, что этихъ флюгеровъ такая масса! И это по той весьма простой причинѣ, что людей посредственныхъ, ограниченныхъ и слабовольныхъ неизмѣримо больше, чѣмъ людей съ яснымъ умомъ и твердою волей.

Перейдемъ же къ этому послѣднему разряду Русскихъ людей, къ тому разряду, къ которому принадлежите вы всѣ, собравшіеся нынѣ въ Кіевъ, Русскіе люди, и всѣ наши единомышленники.

Когда 17 октября грянулъ громъ революціи и стогны Русскихъ городовъ покрылись невиданными дотолѣ на Руси красными флагами и огласились преступными криками: „долой Самодержавнаго Царя!",—вы сразу во всей Россіи встали, какъ одинъ человѣкъ, не спрашивая, гдѣ *власть*, а гдѣ *долгъ*.

Среди васъ тоже были люди подчиненные, обремененные семействами, при скудномъ казенномъ жалованьи; но вы ни на минуту не подумали о своей служебной карьерѣ, а вспомнили лишь о своей присягѣ на службу Царю и Родинѣ.

Вы предоставили своимъ начальникамъ участвовать въ либеральной пляскѣ, а сами позаботились лишь о томъ, какъ бы прекратить обуявшій Россію кровавый мятежъ противъ Царя,—мятежъ, которому такъ благосклонно потворствовалъ графъ Витте!

И когда вашъ великій гражданскій подвигъ правительство того же графа Витте объявило „преступленіемъ", когда васъ за этотъ подвигъ заключали въ тюрьмы и предавали казнямъ либеральные судебные слѣдователи и прокуроры,—вы мужественно, какъ древніе христіане, не отступили ни на шагъ отъ своей вѣры въ Бога, отъ своей преданности Царю, отъ своей любви къ Родинѣ. И сколько изъ васъ еще томятся понынѣ въ тюрьмахъ за свою русскую доблесть!

А, между тѣмъ, имъ такъ легко было бы освободиться отъ этого мученичества, преклонившись предъ требованіями революціоннаго Молоха и отрекшись отъ своего Самодержавнаго Царя! Вѣдь такъ легко быть „среднимъ" человѣкомъ, не имѣть убѣжденій и спокойно плыть по теченію революціи...

Но нѣтъ. Вы „воздвигнули", по словамъ поэта, „теченіе противъ теченія",—и смотрите: ваше русское національное теченіе уже беретъ верхъ

надъ теченіемъ революціоннымъ. Вы стоите твердо, не дѣлая ни малѣйшей уступки крамолѣ, и съ каждымъ днемъ вы крѣпнете, все тѣснѣе сплачиваясь въ одну всероссійскую громаду, въ тотъ „Объединенный Русскій Народъ“, который выйдетъ на страхъ врагамъ изъ нашего Кіевскаго Съѣзда.

А посмотрите, что сдѣлалось за это время съ „средними“ партіями: однѣ исчезли, другія—перессорились, третьи—расщепились до мелкихъ единицъ. Даже „всесильныхъ“ кадетовъ постигла та участь, которая ожидаетъ всякую ложь: они тоже раскололись. А мы, наоборотъ, окрѣпли, идя по пути правды.

Враги Россіи васъ презирали, а теперь они уже начинаютъ васъ ненавидѣть и страшиться. Правительство васъ игнорировало, а теперь оно уже начинаетъ интересоваться вами, чуя въ васъ силу, на которую оно можетъ твердо опереться. Вы не были Никодимами Русскаго Самодержавія: вы были его Павлами. Оставайтесь же и впредь несокрушимымъ оплотомъ Неограниченнаго Самодержавія Русскихъ Царей!

Вы видите, Русскіе люди: „наша беретъ“. Вѣруйте же: „наша возьметъ“!

Итоги Кіевскаго Съѣзда.

Вся монархическая Россія находится еще подъ чарующимъ впечатлѣніемъ только-что закрывшагося III Всероссійскаго Съѣзда Русскихъ Людей, засѣдавшаго съ 1 по 7 октября 1906 года въ древнемъ Кіевѣ.

Такого высокаго, свѣтлаго подъема патріотическаго духа никогда еще не испытывали Русскіе люди въ настоящую тяжелую годину!

Всѣ участники Съѣзда разъѣхались нынѣ во всѣ концы Россіи не только съ повышенною бодростью и окрѣпшими надеждами на окончательную побѣду Русскихъ идеаловъ, но и съ отраднымъ чувствомъ состоявшагося между ними крѣпкаго, могущественнаго объединенія.

Если мы оглянемся назадъ, на первый, Петербургскій, и на второй, Московскій, Всероссійскій Съѣздъ Русскихъ Людей, то мы сразу увидимъ и поймемъ, чѣмъ эти два первые Съѣзда отличаются отъ Съѣзда Кіевскаго:

Петербургскій Съѣздъ явился какъ бы торжественнымъ „заглавіемъ“ или „введеніемъ“ въ великую книгу исторіи объединенія Русскаго Народа для борьбы съ современною крамолой. На этомъ Съѣздѣ мощно прозвучали первые гармоническіе аккорды Русскаго политическаго символа вѣры и дали основной тонъ всему нашему великому противокрамольному движенію.

Совершенно иной характеръ носилъ *Московскій* Съѣздъ:

Послѣ общаго Петербургскаго „заглавія“ онъ представляется какъ бы обширнымъ „оглавленіемъ“ или перечнемъ *всѣхъ* современныхъ жизненныхъ вопросовъ Россіи, освѣщенныхъ съ точки зрѣнія вѣковыхъ національныхъ принциповъ Русскаго Народа.

Съ *Кіевскаго* Съѣзда начинается уже подробная, тщательная разработка *отдѣльныхъ группъ* этихъ вопросовъ, чтобы дать на нихъ точные, опредѣленные, отвѣты.

Такихъ вопросовъ Кіевскому Съѣзду было поставлено три:

1) Русскимъ монархистамъ предстояло высказать свое обсужденіе тому возмутительному *выборному закону*, посредствомъ котораго графъ Витте передалъ всю Думу въ полное распоряженіе своихъ друзей, а слѣдовательно враговъ Россіи,—въ руки лживой, преступной партіи „кадетовъ".

Кіевскій Съѣздъ указалъ на основныя ошибки этого предательскаго выборнаго закона, выставилъ тѣ національно-бытовыя основы, на которыхъ могъ он быть выработанъ болѣе справедливый выборный законъ, и постановилъ ходатайствовать предъ Государемъ, чтобы еще до назначенія новыхъ выборовъ теперешній негодный избирательный законъ былъ замѣненъ новымъ—русскимъ національнымъ, сословно-бытовымъ закономъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ ни Правительство, ни Русскіе люди не будутъ въ состояніи предотвратить новой искусственно-подтасованной выборной побѣды злѣйшихъ враговъ Россіи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Съѣздомъ было высказано мнѣніе, что если Правительствомъ рѣшено еще продолжать надъ истерзанною Россіей опытъ съ Думой, то Дума эта должна быть лишь законосовѣщательною, дабы она ничѣмъ не стѣсняла Неограниченной Самодержавной Власти Государя Императора.

2) Вопросъ о составленіи *общей программы всѣхъ монархическихъ организацій* рѣшенъ Кіевскимъ Съѣздомъ въ томъ смыслѣ, что существующія уже программы различныхъ монархическихъ организацій настолько по существу своему сходны, что переработка ихъ въ одну общую программу становится излишнею.

Это единодушное признаніе всего Съѣзда имѣетъ чрезвычайно важное теоретическое и практическое значеніе. Оно свидѣтельствуетъ о томъ, что когда, 17 октября, совершенъ былъ государственный переворотъ, ввергнувшій несчастную Россію въ кровавую пучину революціи,—на всемъ необъятномъ пространствѣ Русской земли сразу возстали Русскіе люди и, безо всякаго предварительнаго уговора, единымъ сердцемъ и единымъ духомъ стали на защиту дорогихъ имъ Русскихъ святынь, на которыя разбойнически нагрянули злѣйшіе враги Русскаго Народа по давно уже коварно-обдуманному, злодѣйскому плану. Во всѣхъ городахъ Россіи стали совершенно самостоятельно образовываться монархическіе союзы, кружки, партіи и братства, подъ самыми разнообразными наименованіями, и всѣ они стали составлять свои программы для того, чтобы ясно обозначить и закрѣпить свои политическія вѣрованія.

И вотъ возникло опасеніе, не встрѣтятся ли какія-либо противорѣчія въ этихъ программахъ, написанныхъ въ разныхъ мѣстахъ разными, другъ другу незнакомыми, Русскими людьми. Съ этою цѣлью Кіевскому Съѣзду была предложена задача разобраться во всѣхъ этихъ разноименныхъ программахъ и выработать вмѣсто нихъ, въ случаѣ надобности, одну общую всероссійскую программу.

Этой надобности, слава Богу, не оказалось: гдѣ бы Русскіе люди ни вступали въ борьбу за Бога, Царя и Отечество,—всюду они оказывались

вполнѣ единомышленными, а программы ихъ вдохновленными одними и тѣми же Русскими народными идеалами.

Великая знаменательность этого явленія станетъ еще болѣе ясною, если обратить вниманіе на немалое число враждебныхъ между собою партій, союзовъ и фракцій, на которые дѣлятся враги неограниченнаго Царскаго Самодержавія, на то, какъ долго, какъ мучительно вырабатывались и доселѣ вырабатываются ихъ зловредныя революціонныя программы, свести которыя къ одному знаменателю совершенно невозможно! И это весьма понятно: правда — *одна*, а неправдъ — *безчисленное множество*: въ этомъ именно и велика сила истины, и залогъ ея побѣды; въ этомъ вся слабость лжи и неминуемое ея пораженіе.

Но если монархическія организаціи не нуждаются въ буквально-тождественной программѣ, то *единое*, *общее* для нихъ „предвыборное знамя" (такъ-называемая на политическомъ жаргонѣ „платформа") весьма желательно. Въ виду этого, Съѣздъ постановилъ выработать требованія, которыя будутъ начертаны на этомъ знамени, сообразно съ тѣми обстоятельствами, при которыхъ будетъ происходить предстоящая выборная борьба.

3) Главная заслуга Кіевскаго Съѣзда заключается, однако, въ томъ, что онъ окончательно разрѣшилъ ту задачу, которая была поставлена Петербургскимъ Съѣздомъ, и надъ которою такъ много трудился Московскій Съѣздъ: онъ слилъ всѣ монархическіе союзы, партіи и кружки въ одну общую Всероссійскую организацію, наименовавъ ее „Объединеннымъ Русскимъ Народомъ".

„Объединенный Русскій Народъ"!

Да, такое названіе наиболѣе соотвѣтствуетъ и сущности той великой, всеобъемлющей, организаціи, въ которую входятъ всѣ отдѣльные монархическіе и патріотическіе союзы, партіи и кружки, хотя бы они и продолжали сохранять дорогія имъ собственныя наименованія.

Отнынѣ они будутъ идти подъ единымъ Всероссійскимъ стягомъ, по единому плану, къ единой цѣли, близко зная другъ друга, находясь въ постоянномъ между собою общеніи, оказывая другъ другу постоянную помощь и поддержку.

На предстоящихъ выборахъ враги Россіи уже не встрѣтятъ ея защитниковъ разрозненными, неорганизованными, другъ друга не знающими: Петербургскій и Московскій Съѣзды дали возможность познакомиться всѣмъ русскимъ дружинамъ, начиная отъ Астрахани до Архангельска, отъ Привислинья до Сибири; а Кіевскій Съѣздъ слилъ ихъ въ одинъ „Объединенный Русскій Народъ".

Въ концѣ декабря 1906 года состоится *четвертый* Всероссійскій Съѣздъ,—и нѣтъ никакого сомнѣнія, что на немъ уже обнаружатся плодотворные результаты этой учрежденной Кіевскимъ Съѣздомъ новой *всероссійской* монархической организаціи.

Дай Богъ!

„Семнадцатое“.

На-дняхъ прошелъ по всей Россіи тревожный слухъ, вызвавшій негодованіе во всѣхъ Русскихъ людяхъ:

„Графъ Витте возвращается въ Россію!“

Не только отдѣльныя монархическія группы, но и весь Кіевскій Съѣздъ находился нѣкоторое время подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ этого извѣстія, и въ числѣ выраженій естественнаго противъ него протеста предполагалось послать соотвѣтствующія телеграммы: Государю Императору, предсѣдателю Совѣта Министровъ и даже самому графу Витте.

Предложенія эти остались неисполненными, такъ какъ пришла благая, отрадная вѣсть, что графъ Витте отложилъ свой пріѣздъ въ Россію.

Изъ этого явленія легко можно сдѣлать выводъ, какая буря негодованія поднимется во всей странѣ, если графъ Витте вздумаетъ осуществить свое, пока отложенное, намѣреніе.

Но, по правдѣ сказать, мы не думаемъ, чтобы пребываніе графа Витте въ Россіи, или даже въ самомъ Петербургѣ, могло ухудшить то безвыходное положеніе, въ которое онъ поставилъ Россію своею предательскою политикой.

Есть даже основаніе, по которому слѣдовало бы не только пустить, но даже привлечь сіятельнаго графа въ Россію,—дабы посадить его на скамью подсудимыхъ рядомъ съ г. Носаремъ.

Насъ никто не заподозритъ въ сочувствіи этому еврею, обманувшему и погубившему столько честныхъ рабочихъ; но мы совершенно становимся на его сторону, когда онъ требуетъ, чтобы въ залу суда былъ приведенъ и графъ Витте, который совѣтовалъ и приказывалъ Носарю обманывать рабочихъ, точно такъ же, какъ графъ приказывалъ это дѣлать „священнику“ Гапону.

А что касается главной измѣны графа Витте,—той страшной бомбы, которую онъ подложилъ подъ Россію въ видѣ рокового „17 октября“, то эта измѣна дѣйствуетъ и будетъ дѣйствовать до полнаго своего взрыва совершенно независимо отъ того, будетъ ли жить графъ Витте, или нѣтъ, и будетъ ли онъ жить въ Россіи, или гдѣ ему угодно.

Дѣло теперь не въ графѣ Витте, а въ этой измѣнѣ, въ этой бомбѣ. Не *его* нужно устранить, а *ее*.

Неоднократно приходилось слышать намъ отъ простыхъ Русскихъ крестьянъ:

— Вся бѣда пошла отъ „семнадцатаго“. Съ „семнадцатаго“ пошли красные флаги; съ „семнадцатаго“ стали открыто кричать на улицахъ: „долой Царя“; съ „семнадцатаго“ евреи подняли голову и кричали намъ: „мы вашъ Богъ—мы вашъ Царь!“; съ „семнадцатаго“ пошли бунты, забастовки и погромы; съ „семнадцатаго“ стала ручьями литься Русская кровь;—вся бѣда наша пошла съ „семнадцатаго“!

Въ этихъ инстинктивныхъ жалобахъ простецовъ лежитъ глубокій историческій смыслъ.

Нынѣ прошелъ цѣлый годъ съ того злополучнаго „семнадцатаго" числа, когда графъ Витте совершилъ свое *первое* предательское дѣло, солгавъ передъ цѣлымъ міромъ, будто Русскій народъ требуетъ конституціи!

Для того, чтобы сдѣлать правдоподобною эту наглую, возмутительную неправду, Витте искусственно устроилъ черезъ Носарей и подобныхъ имъ негодяевъ ту октябрскую „всеобщую забастовку", вся подлая, провокаторская подкладка которой теперь обнаружилась въ процессѣ рабочихъ депутатовъ. А между тѣмъ, годъ тому назадъ, эта мошенническая продѣлка выдавалась графомъ за „стихійное выраженіе воли всего Русскаго народа, требующаго конституціи".

А когда, уже въ ноябрѣ прошлаго года, стало очевиднымъ, что Русскій народъ не только не требуетъ конституціи, но даже понятія о ней не имѣетъ, тогда графъ Витте совершилъ *второе* преступленіе, пустивъ по всѣмъ русскимъ селамъ и деревнямъ ту очевидную ложь, будто бы „мужикамъ Дума даромъ дастъ землю" и что поэтому мужики должны требовать себѣ Думы.

Эта ложь имѣла успѣхъ,—и вотъ графъ Витте могъ снова передъ цѣлымъ міромъ лживо утверждать, будто вся крестьянская Россія требуетъ созванія Думы, то-есть парламента, то-есть конституціи, то-есть уничтоженія Самодержавія!

И этой наглой лжи, этому ловкому карточному фокусу повѣрили не только въ Петербургѣ, но и въ Западной Европѣ.

Этого мало: графа прогнали за ложь, *а этой лжи продолжаютъ вѣрить* и пресеріозно воображаютъ, съ его словъ и со словъ его клевретовъ, что Русскій Народъ дѣйствительно требуетъ конституціи.

А это—неправда!

Вотъ корень бѣды Россіи. Слѣпая вѣра лживымъ словамъ графа Витте породила то ужасное „семнадцатое" число, отъ котораго нынѣ изнемогаетъ вся Россія.

А между тѣмъ эта слѣпая вѣра продолжается и понынѣ!

Перестаньте вѣрить предателю! Выньте изъ-подъ Россіи страшный разрушительный снарядъ, подложенный 17 октября графомъ Витте,—и Россія будетъ спасена!..

Урусовъ, Лопухинъ и К-о *).

Въ Петербургѣ, какъ извѣстно, происходитъ въ настоящее время уголовный судъ надъ тѣми рабочими депутатами, которые въ прошломъ году, по наущенію еврея-адвоката Носаря и съ соизволенія всемогущаго въ то время графа Витте, задумали поднять рабочее населеніе Петербурга на вооруженное возстаніе, дабы низвергнуть Русскаго Самодержавнаго Царя.

На судѣ главнымъ защитникомъ всей этой шайки является, конечно, еврей, а именно Петербургскій адвокатъ Грузенбергъ. Улики противъ

*) Рѣчь, произнесенная на 1 Частной Бесѣдѣ Русскаго Монархическаго Собранія 18 октября 1906 года.

подсудимыхъ такъ явны, и собственныя ихъ признанія такъ убѣдительны, что всѣ старанія г. Грузенберга и его товарищей выставить Носаря и его сообщниковъ какими-то „героями“ оказались тщетными, а г. Грузенбергу хотѣлось во что бы то ни стало доказать, что шайка Носаря „спасла весь Петербургъ отъ погибели“. Эта циническая ложь отличалась такою еврейскою наглостью, что никто ей, конечно, не повѣрилъ.

И вотъ жиду пришелъ на помощь Русскій —уволенный со службы бывшій директоръ Департамента Полиціи Алексѣй Лопухинъ. Онъ собственноручно передалъ Грузенбергу письмо, которое онъ, Лопухинъ, писалъ въ маѣ мѣсяцѣ 1906 года министру Внутреннихъ Дѣлъ П. А. Столыпину, въ дополненіе или разъясненіе тѣхъ „разоблаченій“, которыя сдѣланы были въ Государственной Думѣ тоже уволеннымъ со службы княземъ Урусовымъ, бывшимъ товарищемъ министра Внутреннихъ Дѣлъ,—тѣмъ княземъ Урусовымъ, котораго за этотъ поступокъ вся честная Россія заклеймила именемъ предателя.

„Разоблаченія“ эти, какъ извѣстно, касались жандарма Коммисарова, который въ укромной комнатѣ Департамента Полиціи печаталъ „черносотенныя“ воззванія къ Русскому Народу. Князь Урусовъ, имѣвшій, въ качествѣ товарища министра Внутреннихъ Дѣлъ, свободный доступъ въ Департаментъ Полиціи, узналъ объ этой „преступной“ дѣятельности жандарма Коммисарова, и изъ нея вывелъ заключеніе, что если жандармъ Коммисаровъ тайкомъ печатаетъ воззванія, то Бѣлостокскій погромъ устроенъ самимъ Правительствомъ.

Крамольная Дума покрыла рукоплесканіями доносъ князя Урусова, и съ тѣхъ поръ его лавры не давали спать Лопухину. Онъ вѣдь тоже, какъ директоръ Департамента Полиціи, имѣлъ возможность знать разныя его „тайны“, разбалтываніемъ которыхъ онъ могъ стяжать себѣ славу среди жидовъ и крамольниковъ, тѣмъ болѣе, что эти „тайны“ можно было, ради пикантности, уснащать еще своею собственною фантазіей.

Какою цѣною Грузенбергъ получилъ отъ Лопухина копію съ вышеозначеннаго письма, мы не знаемъ, да это насъ и не интересуетъ. Гораздо занимательнѣе содержаніе этого письма и тотъ выводъ, который изъ него сдѣлалъ на судѣ г. Грузенбергъ.

Вотъ его слова, напечатанныя въ отчетѣ о судебномъ засѣданіи 12 октября, по изложенію *Русскаго Слова* (№ 151).

„Письмо Лопухина, о которомъ я говорилъ въ первомъ заявленіи, доставлено мнѣ отъ него непосредственно и имѣетъ на себѣ его подпись. Разрѣшеніе о пріобщеніи письма отклоняется Палатой. Поэтому я возбуждаю новое ходатайство—о вызовѣ Лопухина въ качествѣ свидѣтеля. По закону, я обязанъ обосновать это ходатайство.

„Палата обязана выслушать мои указанія, являются ли показанія Лопухина существенными и новыми для дѣла.

„Существенны-ли они?

„Лопухинъ долженъ подъ присягой показать на судѣ, что въ Департаментѣ Полиціи на особомъ типографскомъ станкѣ подъ надзоромъ Коммисарова печатались прокламаціи, призывающія населеніе къ избіенію

Евреевъ, Армянъ и интеллигенціи. На томъ же станкѣ печатались воззванія съ грязными клеветами на Совѣтъ рабочихъ депутатовъ.

„Лопухинъ долженъ засвидѣтельствовать, что всѣ эти прокламаціи предварительно просматривались директоромъ Департамента Полиціи, нынѣ сенаторомъ, Вуичемъ, и имъ провѣрялись.

„Лопухинъ долженъ подъ присягой удостовѣрить, что Рачковскій распространялъ эти прокламаціи по Петербургу *черезъ доктора Дубровина* и „Союзъ Русскаго народа" въ Москвѣ—*черезъ Грингмута*, въ Вильнѣ—черезъ чиновника при генералъ-губернаторѣ *Шкотта*.

„Вмѣстѣ съ тѣмъ Лопухинъ въ письмѣ своемъ утверждаетъ, что, несмотря на устраненіе Высочайшею властью Рачковскаго отъ исполненія обязанностей, начальство все же продолжало поручать ему завѣдываніе всѣми охранными отдѣленіями Россійской Имперіи.

„Лопухинъ подъ присягой долженъ показать, что готовился грандіозный разгромъ интеллигентной Россіи. Мы еще увидимъ, что̀ скажете вы, г. предводитель дворянства, что̀ скажете вы, г. городской голова, и представители крестьянства, когда услышите, что *Петербургъ былъ спасенъ отъ погрома исключительно благодаря дѣятельности Совѣта рабочихъ депутатовъ, который вы теперь судите* *).

„Неужели обстоятельства эти не существенны? Неужели они не новы? Неужели не ново то, что Власть, призванная успокоить населеніе, вноситъ въ него вражду и призываетъ къ преступленіямъ?.. Если это и не ново для васъ, то это ново для всей Россіи".

Если тутъ что̀ ново для всей Россіи, то это—неслыханная продѣлка Урусова и Лопухина.

Эта достойная чета „честныхъ" людей воспользовалась тѣмъ, что пробралась на такіе высокіе посты государственной службы, которые могутъ занимать лишь люди достойные высокаго довѣрія. Предъ ними, поэтому, раскрылись всѣ подробности государственнаго управленія, къ которымъ относится и борьба съ *тайными* революціонными обществами. Съ этими подпольными шайками нельзя бороться съ открытою, всѣмъ доступною, гласностью. Урусовъ и Лопухинъ явились въ учрежденія, спеціально назначенныя для этой борьбы съ тайною крамолой, не какъ государственные люди, а какъ шпіоны крамольниковъ, съ цѣлью передать послѣднимъ все, что̀ имъ могло быть полезнымъ для ихъ подлой, преступной дѣятельности.

Такого гнуснаго предательства въ Россіи до сихъ поръ не было. Оно, дѣйствительно, для нея совершенно ново.

Но вернемся къ письму Лопухина, прочитанному на судѣ Грузенбергомъ.

Въ немъ говорится въ сотый разъ все о томъ же „великомъ разоблаченіи", о томъ что въ Департаментѣ Полиціи жандармъ Коммисаровъ на особомъ типографскомъ станкѣ печаталъ какія-то прокламаціи. И далѣе говорится, что „эти прокламаціи распространялись по Петербургу черезъ

---

*) Курсивъ вездѣ нашъ.

доктора Дубровина, въ Москвѣ—черезъ Грингмута, въ Вильнѣ—черезъ чиновника при генералъ-губернаторѣ Шкотта.

Г. Шкоттъ уже уличилъ русско-еврейскую шайку Лопухина и Грузенберга во лжи *).

Въ той же лжи и я долженъ изобличить этихъ господъ.

Никогда ни одной прокламаціи изъ Департамента Полиціи отъ кого бы то ни было не получалъ и нигдѣ, ни въ Москвѣ, ни въ другихъ мѣстностяхъ, я ни лично, ни черезъ кого-либо другого, такихъ прокламацій не распространялъ.

А между тѣмъ черезъ мои руки прошли сотни тысячъ воззваній къ народу, къ войскамъ, къ рабочимъ, къ духовенству, но среди нихъ *не было ни единаго воззванія, которое бы составлялось или печаталось въ Департаментѣ Полиціи.* Да и вообще о томъ, что въ этомъ Департаментѣ печатались какія бы то ни было прокламаціи, я впервые узналъ лишь изъ пресловутой шпіонской рѣчи князя Урусова.

Значитъ ли это, что—если бы мнѣ прислали изъ какого-нибудь Департамента Министерства Внутреннихъ Дѣлъ для распространенія какія-нибудь *хорошія* воззванія,—я бы воздержался отъ ихъ распространенія?

Нисколько. Я охотно ихъ распространилъ бы, если-бъ онѣ были дѣйствительно хороши, то-есть, если-бы онѣ отличались тѣми тремя качествами, которыми отличаются всѣ воззванія нашей Монархической Партіи. Вамъ всѣмъ, господа, извѣстны эти три качества: наши воззванія—

1) безусловно *правдивы*,

2) *ясны* и *убѣдительны*, и

3) *не содержатъ* призывовъ къ насильственнымъ дѣйствіямъ.

Если я получалъ откуда бы то ни было воззванія, отвѣчающія этимъ тремъ условіямъ, я ихъ немедленно широко распространялъ.

Но изъ Департамента Полиціи я не получилъ ни единаго, ни хорошаго, не дурного воззванія, а потому я и не могъ распространять таковыя.

Департаментъ Полиціи съ его охранными отдѣленіями является необходимымъ государственнымъ учрежденіемъ, имѣющимъ важное назначеніе—предохранять мирныхъ гражданъ отъ преступнаго нарушенія законнаго порядка въ Государствѣ.

---

*) Вотъ что̀ онъ пишетъ въ № 10.991 *Новаго Времени*:

„На судебномъ разбирательствѣ дѣла Совѣта рабочихъ депутатовъ присяжный повѣренный Грузенбергъ, ссылаясь на письмо бывшаго директора Департамента Полиціи Лопухина къ г. предсѣдателю Совѣта Министровъ, указалъ, между прочимъ, на меня, какъ на распространителя въ городѣ Вильнѣ прокламацій, печатавшихся въ Департаментѣ Полиціи, часть которыхъ, по утвержденію Грузенберга, была мною разбросана ночью по улицамъ города, а часть передана полицеймейстеру.

„Такъ какъ очевидная несообразность факта разбрасыванія прокламацій по городу чиновникомъ особыхъ порученій при генералъ-губернаторѣ не остановила присяжнаго повѣреннаго Грузенберга отъ его категорическаго утвержденія, то я поставленъ въ необходимость столь же категорично заявить во всеобщее свѣдѣніе, что *ни лично, ни черезъ кого иного, прокламацій, печатавшихся въ Департаментѣ Полиціи, въ городѣ Вильнѣ я не распространялъ*, а слѣдовательно не передавалъ ихъ и полицеймейстеру“

Департаментъ Полиціи дѣйствуетъ хорошо, если онъ исполняетъ свою задачу; онъ дѣйствуетъ плохо, если законный порядокъ въ Государствѣ нарушается.

Мы можемъ открыто сказать, что нашъ Департаментъ Полиціи дѣйствовалъ *отвратительно* все время, пока во главѣ его стоялъ Лопухинъ. Въ его директорство подготовилась вся та тайная крамола, которая теперь выступила наружу и привела Россію на край гибели. Г. Лопухинъ очевидно не зналъ или не хотѣлъ знать какихъ-либо революціонныхъ тайнъ: зато для революціонеровъ никакихъ не было тайнъ въ Департаментѣ г. Лопухина. А если тамъ и осталась какая-нибудь „тайна", въ родѣ „тайны о жандармѣ Коммисаровѣ", то князь Урусовъ съ такимъ же эффектомъ предалъ ее думскимъ крамольникамъ, съ какимъ Лопухинъ предалъ ее защитнику Носарей еврею Грузенбергу, украсивъ ее еще цвѣтами собственной клеветнической фантазіи.

Урусовъ, Лопухинъ и Грузенбергъ!

Какая милая компанія! Какое сочетаніе именъ!

Но если первые два представителя русской родовитой знати принимали участіе въ *такомъ* дѣлѣ лишь вслѣдствіе очевиднаго вырожденія, то Грузенбергъ принималъ въ немъ участіе, конечно, вслѣдствіе своего вполнѣ нормальнаго расоваго характера.

Но какъ бы то ни было, *я открыто протестую противъ наглой ихъ лжи*!

Университетскій скандалъ *).

Такого варварскаго хаоса, какой нынѣ царитъ въ Русскихъ Университетахъ, никогда въ мірѣ нигдѣ не бывало; онъ никогда не бывалъ и въ Россіи, а мало ли въ ней было университетскихъ скандаловъ!

Но то были мелкіе скандалы; они происходили тогда, когда Русскіе Университеты еще не были вполнѣ „автономны". Тогда всѣ, и профессора, и студенты, клялись святынею науки, что эти скандалы совершенно исчезнутъ изъ нашихъ Университетовъ, лишь только Университетамъ будетъ дана полная „автономія".

Для всякаго благоразумнаго человѣка было вполнѣ ясно, что такая „автономія" совершенно погубитъ и Университеты, и Русскую науку, и мнѣ лично, какъ публицисту, неоднократно приходилось предсказывать весь тотъ ужасъ, который будетъ твориться въ Университетахъ, если имъ будетъ дана та „автономія", которой они такъ жаждали и которая имъ теперь стала поперекъ горла!

Они получили ее отъ того человѣка, отъ котораго можно было получить все, что содѣйствуетъ гибели Россіи.

И вотъ, все то, что было предвидѣно и предсказано, нынѣ совершается въ еще болѣе возмутительномъ видѣ, чѣмъ можно было ожидать.

Возьмите, напримѣръ, нашу, столь дорогую намъ, Московскую Alma Mater.

*) Рѣчь, произнесенная на Девятомъ Общемъ Собраніи Русской Монархической Партіи, 22 октября 1906 г.

Она закрыта.

Кто ее закрылъ?

„Административный произволъ?" „Тупоумная бюрократія?" „Кровожадная полиція?"

Нѣтъ, ее закрылъ „автономный" ректоръ „автономнаго" Университета

И мы вполнѣ становимся на его сторону, мы его понимаемъ, мы его одобряемъ: ему ничего другого не оставалось, какъ закрыть Университетъ, превратившійся въ буйный вертепъ разнузданной шайки жидовствующихъ студентовъ-революціонеровъ.

Но мы также вполнѣ понимаемъ,—хотя, конечно, одобрить не можемъ, всѣ безобразныя дѣйствія этой шайки. Вѣдь она тоже „автономна"; вѣдь и она можетъ дѣлать въ Университетѣ все, что ей угодно. Разъ студентамъ-крамольникамъ предоставлено полное право творить въ стѣнахъ „автономнаго" Университета „автономныя" безобразія, то было бы очень наивно предполагать, что они не воспользуются этимъ правомъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, тѣмъ болѣе, что имъ гарантирована полная безнаказанность за эти безобразія. Полиція не смѣетъ переступить „священнаго порога храма науки", а за этимъ порогомъ царитъ полнѣйшая „автономная" анархія, такъ какъ нынѣ устранена даже послѣдняя тѣнь какого-либо университетскаго начальства—устранена даже инспекція.

Студенты и профессора предоставлены самимъ себѣ безо всякой надъ собой власти. А тамъ, гдѣ изгнана власть, тамъ воцаряется кулачное право.

И вотъ мы видимъ, какъ студенты идутъ на профессоровъ, профессора—на студентовъ, и не въ стѣнахъ только Университета, но и на страницахъ уличной печати. Мало того, сами студенты раздѣлились на враждующіе между собою лагери, между которыми дѣло доходитъ до драки: враждуютъ между собою и профессора. Наука забыта, заброшена, затоптана...

Вотъ плоды университетской „автономіи", и иныхъ плодовъ она въ нашихъ Университетахъ *никогда* принести не можетъ!

И какимъ жалкимъ и смѣшнымъ является приватъ-доцентъ Кизеветтеръ, который обращается къ студентамъ-безобразникамъ съ обвиненіемъ, что они де—

„оказываются самыми желанными союзниками всѣхъ тѣхъ, для кого автономный Университетъ нестерпимъ, какъ бѣльмо на глазу, и кто только ждетъ случая, чтобы стереть его съ лица Русской земли" *).

Кто стираетъ Московскій Университетъ съ лица земли? Кто проституировалъ въ немъ науку на произволъ кровожадной крамолы? Кто осквернилъ храмъ научной истины уличными безумными митингами?

Кто,—какъ не вся та революціонная шайка пустозвонныхъ лженаучныхъ крикуновъ, которая добивалась и добилась университетской „автономіи", погубившей Русскую науку! И она-же смѣетъ обвинять въ томъ *насъ*, что будто-бы это *мы* хотимъ стереть Университетъ съ лица земли, будто-бы

*) См. *Русс. Вѣд.* 1906 г., № 258.

ми враги науки! А мы только и думаемъ о томъ, какъ бы предоставить наукѣ ту свободу отъ уличныхъ и площадныхъ безобразій, среди которыхъ *никогда* и *нигдѣ никакая* наука развиваться и процвѣтать не можетъ.

Меня лично часто обвиняютъ мои друзья въ томъ, что я за все последнее время въ своей газетѣ совершенно не касаюсь школьнаго и въ особенности университетскаго вопроса.

Но что мнѣ, старому педагогу, говорить о нашей школѣ, о нашихъ Университетахъ, когда вмѣсто нихъ на самомъ дѣлѣ существуютъ лишь жалкія, безобразныя развалины, при взглядѣ на которыя сердце обливается кровью, на глаза навертываются горькія слезы, а руки безсильно опускаются?

Русская школа! Что отъ нея осталось! Все въ ней варварскими руками злостно изломано, исковеркано, извращено!

Подведите зодчаго къ разрушенному храму, и спросите его, не лучше ли эту валяющуюся колонну перекатить направо, а тотъ треснувшій архитравъ перетащить налѣво. Неужели зодчій найдетъ въ себѣ силы давать вамъ отвѣты на эти глупые, праздные вопросы?

Точно такъ же все, что дѣлается теперь въ нашихъ школахъ и Университетахъ, и праздно, и безсмысленно, и безполезно.

Какъ можно улучшить культурную жизнь среди жалкихъ развалинъ? Я этого не понимаю. Это могутъ дѣлать варвары, Вандалы, которымъ не только чужды, но и ненавистны великіе памятники искусства, и которые, разрушивъ ихъ, равнодушно и даже весело ютятся на ихъ обломкахъ.

Нѣтъ, если мы, выйдя изъ варварскаго состоянія и совершивъ извѣстный кругъ культуры, снова вернулись къ варварскому-же состоянію,—то намъ нужна не жалкая починка разрушенной Русской школы, намъ нужна *новая Русская Національная школа!* Таковъ долженъ быть отнынѣ нашъ лозунгъ,—и я впервые его здѣсь провозглашаю не какъ дорогую мечту, не какъ завѣтное желаніе, которое давно уже таится въ сердцахъ всѣхъ Русскихъ Людей, а какъ зрѣло обдуманное предположеніе *съ будущаго же учебнаго года открыть въ Москвѣ Первую Русскую Національную Школу.*

Вѣдь нужно же намъ, наконецъ, выйти изъ того заколдованнаго круга, въ который насъ поставилъ злой геній Россіи—графъ Витте.

Наши школы пришли въ такое состояніе, что Русскіе люди боятся отдавать своихъ дѣтей въ эти вертепы умственнаго, да и нравственнаго разврата.

Нужно создать такія школы, въ которыхъ Русскія православныя дѣти оставались бы и Русскими, и православными,—такія школы, въ которыхъ преподаваніе шло бы объ руку съ *воспитаніемъ*, о чемъ такъ часто и такъ тщетно взывалъ со Своего Престола нашъ любвеобильный Монархъ, тогда какъ Его министры, наперекоръ Его Волѣ, упорно все толкуютъ лишь объ *умноженіи*, а не объ *улучшеніи* школъ, и стремятся похвалиться количествомъ открываемыхъ ими *училищъ*, а не количествомъ дѣльныхъ и честныхъ *учителей*, которые дѣйствительно могли бы служить добрыми сѣятелями религіозно-нравственнаго просвѣщенія на Руси.

Министры махнули рукой на школу; они не хотятъ и знать о той революціонной и атеистической пропагандѣ, которая ведется въ громадномъ большинствѣ земскихъ и городскихъ школъ; они готовы передать земскимъ крамольникамъ и свои министерскія, и церковно-приходскія школы, единственные уже остатки истинно-народныхъ школъ!

Министры махнули рукой и на Университеты, не исполняя своего прямого правительственнаго долга—обезпечивать всею предоставленною имъ мощью законный порядокъ и необходимое спокойствіе въ Университетахъ для серіозныхъ занятій профессоровъ и студентовъ. Вмѣсто этого, они имѣютъ безсердечіе приглашать этихъ студентовъ сперва подраться между собой, а потомъ рѣшить, учиться или не учиться, смотря по тому —„чья возьметъ".

Съ министровъ берутъ примѣры и профессора, натравливающіе—въ прошломъ году—студентовъ-террористовъ на студентовъ-академистовъ, а въ нынѣшнемъ—академистовъ на террористовъ! А министры умываютъ себѣ руки, такъ какъ ихъ вовсе не касаются ни Университетъ, ни наука, ни Русская школа, ни Русская семья, ни настоящее, ни будущее благо Россіи!

Такъ что же намъ разсчитывать на министровъ? Возьмемтесь сами за дѣло, будемте сами открывать необходимыя намъ Русскія національныя школы.

Мы знаемъ: это дѣло не наше, это—прямое дѣло Правительства; но какъ же намъ быть, если Правительство бросило свое дѣло на произволъ евреевъ, которые уже цѣлыми оравами накинулись на него, чтобы новымъ „явочнымъ" порядкомъ захватить въ свои руки ученіе и воспитаніе Русскихъ дѣтей!

Противопоставимте-же, какъ нынѣшнимъ безбожнымъ и революціоннымъ школамъ, такъ и будущимъ школамъ жидовскимъ, наши *родныя, православныя Русскія школы*, которыя въ научномъ и гигіеническомъ отношеніяхъ не должны уступать никакимъ лучшимъ образцовымъ школамъ Европы, но сами должны представлять образцы религіозно-нравственнаго Русскаго національнаго воспитанія.

При томъ варварскомъ разореніи, въ которомъ нынѣ находится Русская школа, намъ придется строить и создавать ее съ самаго начала, а потому я предлагаю поставить ее подъ покровительство тѣхъ двухъ святыхъ угодниковъ, которые являются для насъ идеаломъ Православія и національнаго самосознанія, подъ покровительство святыхъ Кирилла и Меѳодія, учителей Словенскихъ.

Покроемъ Россію густою сѣтью „Кирилло-Меѳодіевскихъ" школъ—низшихъ, среднихъ, а съ помощью Божіею и высшихъ, въ которыхъ широко процвѣтало бы научное преподаваніе, на здоровыхъ религіозно-нравственныхъ и національныхъ основахъ воспитанія.

Учредимте такія школы, въ которыя Русскіе люди могли бы безбоязненно отдавать своихъ дѣтей даже при скромныхъ средствахъ своего существованія,—но, прежде всего, учредимте въ Москвѣ съ будущаго учебнаго года первую образцовую Кирилло-Меѳодіевскую школу!

Объ этомъ я отнынѣ буду мечтать и хлопотать, не покладая рукъ,—а вы, Русскіе люди, помогите мнѣ въ этомъ своимъ сочувствіемъ и добрымъ совѣтомъ!

Русская національная школа *).

Мм. гг.—Правительство графа Витте разрушило нашу школу, какъ низшую, такъ, въ особенности, среднюю и высшую, и теперь она брошена на произволъ судьбы, а въ Россіи это значитъ—на произволъ Евреевъ.

Какъ велико это преступленіе передъ настоящею и будущею Россіей, объ этомъ нечего и говорить, такъ какъ для всѣхъ насъ это преступленіе столь же ясно, какъ и его послѣдствія.

Уже съ первой минуты объявленія „явочнаго" порядка открытія школъ, евреи и еврейки ринулись гурьбой въ канцеляріи попечителей съ „заявленіями", что они открываютъ школы и для еврейскихъ, и для русскихъ дѣтей,—и мутная, отвратительная волна все растетъ и растетъ!

Скоро настанетъ время, когда у насъ, въ Москвѣ, русскіе православные родители,—теперь уже съ трепетомъ отдающіе своихъ дѣтей въ школы умственнаго разврата и разсадники баррикаднаго искусства,—вынуждены будутъ либо воспитывать своихъ дѣтей дома, что невозможно, либо отдавать ихъ въ еврейско-масонскія школы, изъ которыхъ, по примѣру Франціи, будутъ съ хулиганскимъ гикомъ выброшены не только кресты и иконы, но и элементарныя понятія о нравственности и патріотизмѣ.

Этому безумному движенію сверху,—какъ бы оно ни печалило нашего Государя, такъ усиленно и такъ тщетно напоминавшаго Своимъ министрамъ о необходимости религіозно-нравственнаго воспитанія дѣтей въ Его школахъ,—мы воспрепятствовать не можемъ. Пусть же это движеніе идетъ своимъ разрушительнымъ путемъ, а мы пойдемъ путемъ созидательнымъ.

Мы возмущаемся тѣмъ „явочнымъ" порядкомъ, которымъ евреи такъ пользуются для захвата школъ въ свои руки; но разъ этотъ „порядокъ" (?!) существуетъ, воспользуемся имъ и мы съ вами: вступимте въ мирную борьбу съ евреями и станемте рядомъ съ жидовскими школами создавать русскія школы, русскія по вѣрѣ и воспитанію. Учебное Вѣдомство намъ въ этомъ мѣшать не будетъ,—ему вѣдь все равно,—а Судебное—авось не усмотритъ „возбужденія одной части населенія противъ другой", если мы въ свои русскія православныя школы исключительно будемъ принимать русскихъ православныхъ дѣтей и будемъ ихъ воспитывать въ русскомъ православномъ духѣ!

Вотъ дочего мы дошли! Мы вернулись въ первобытное духовное варварство и должны съ самаго начала строить русскія школы для Русскихъ людей! Но не думайте, что такое явленіе сдѣлалось необходимостью только въ Россіи; нѣтъ всюду, гдѣ евреи и масоны завладѣваютъ школой, мѣстное населеніе находится вынужденнымъ создавать собственными силами свои родныя, національныя школы; это видимъ во Франціи, гдѣ школы

*) Рѣчь, произнесенная 25 октября 1906 года на II Частной Бесѣдѣ Русскаго Монархическаго Собранія.

уже находятся въ безжалостныхъ еврейско-масонскихъ когтяхъ; это мы скоро увидимъ и въ Англіи, гдѣ эти когти почти овладѣли англійскою, національною, религіозною школой.

Въ Россіи русская школа погибла подъ ударами революціоннаго движенія, возбужденнаго тѣми же евреями и масонами черезъ ихъ ставленника Витте:—соединимтесь же вмѣстѣ чтобы ее воскресить!

Въ нашей новой Русской школѣ должно стоять на первомъ мѣстѣ то, что совершенно отсутствуетъ въ нашей современной школѣ—*воспитаніе*.

Воспитаніе это должно быть религіозно-нравственное и національное.

Религіозно-нравственное воспитаніе должно развивать въ дѣтяхъ любовь къ Богу, любовь къ Церкви, любовь къ родителямъ, наставникамъ и ближнимъ, любовь къ труду, любовь къ своему долгу и самоусовершенствованію. А воспитаніе національное должно развивать въ нихъ любовь къ Царю и Россіи.

Но это не должна быть расплывчатая, пассивная, сентиментальная любовь, а любовь бодрая, дѣятельная, влекущая человѣка къ подвигу.

Что значитъ любить Бога? Съ искреннею, благоговѣйною любовію исполнять Его заповѣди, бодро стоять за истину Христову, за Церковь Православную.

Что значитъ любить Царя, если эта любовь не является пустою фразой?

Любить Царя—значитъ быть Его вѣрнымъ поддапнымъ, свято исполнять принесенную Ему присягу и быть готовымъ пожертвовать своею жизнью за Его Престолъ.

И любовь къ Родинѣ и къ своимъ Русскимъ согражданамъ должна быть дѣятельнымъ, а не пассивнымъ чувствомъ. Русскій человѣкъ долженъ не только любоваться великими героями своей Отечественной исторіи, но и всѣми силами стремиться къ ихъ высокому духовному уровню, дабы и самому сравниться съ ними въ ревностной, безкорыстной борьбѣ за благо Россіи и Русскаго Народа.

Столь же дѣятельною должна быть и любовь къ ближнимъ въ огражденіи ихъ отъ всякой предстоящей имъ опасности и въ энергическомъ противленіи всякому грозящему имъ злу.

Та школа будетъ дѣйствительно Русскою національною школой, которая будетъ выпускать изъ своихъ стѣнъ Русскихъ людей такого именно закала, людей съ бодрою, дѣйственною любовію къ Богу, Царю и Отечеству.

Но этого мало. Наша школа должна будетъ воспитывать людей *труда* и *долга*, людей *любящихъ* и *умѣющихъ* работать, людей свято чтущихъ свой нравственный долгъ и свои государственныя и общественныя обязанности.

А потому наша школа будетъ *школою труда и долга*, и въ этомъ отношеніи она столь же будетъ отличаться отъ нашей современной школы бездѣлія и своеволія, какъ она будетъ отличаться отъ нея въ отношеніи религіозной нравственности и національнаго самосознанія!

Что значитъ „школа труда“? Значитъ ли это такая школа, въ которой трудно учиться? Нѣтъ, та —плохая школа, въ которой трудно учиться, а наша школа должна быть хорошая, образцовая. Трудность и легкость уче-

нія вполнѣ зависятъ отъ учителя. У хорошаго учителя легко учиться, у плохого—трудно. Нѣтъ „трудныхъ" и „легкихъ" предметовъ ученія, а есть только плохіе и хорошіе учителя, и часто бываетъ такъ, что въ какой-нибудь школѣ гимнастика считается труднымъ, противнымъ предметомъ, а тригонометрія—легкимъ. Все зависитъ отъ преподавателя.

Въ нашей русской національной школѣ подборъ преподавателей долженъ быть *образцовый*, а потому въ ней будетъ легко учиться. Но она будетъ „школой труда", потому что она будетъ пріучать дѣтей, отроковъ и юношей съ перваго класса до послѣдняго къ *серіозному, систематическому*, но вполнѣ *посильному, успѣшному*, а потому *легкому* и *любимому* труду.

Изъ современной русской школы выходятъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ молодые люди, не способные ни къ какому серіозному труду, не умѣющіе даже толкомъ взяться за трудъ, а потому ненавидящіе и не цѣнящіе его до такой степени, что имъ не стыдно устраивать „научныя забастовки".

Изъ будущей Русской школы должны выходить юноши трудо*любивые* и трудо*способные*, въ рукахъ которыхъ каждое порученное имъ дѣло будетъ спориться, идти успѣшно и заканчиваться полною удачей, вселяя радость и бодрость въ трудившихся и побуждая ихъ къ новому осмысленному и столь же успѣшному труду.

Но наша школа, какъ я уже сказалъ, должна быть и „школой долга". Съ перваго же класса ребенокъ долженъ пріучаться къ строгому исполненію своихъ обязанностей какъ въ области своего труда, такъ и въ отношеніи къ своимъ наставникамъ и товарищамъ.

Если мы столько видимъ вокругъ себя людей нерадивыхъ, небрежныхъ, людей безъ совѣсти и безъ чувства долга, то мы должны всецѣло винить въ этомъ нашу школу, такъ какъ на ней, болѣе чѣмъ на семьѣ, лежитъ обязанность создавать изъ своей миніатюрной общественной жизни прообразъ будущей дѣйствительной жизни, въ которой ея бывшіе питомцы должны будутъ обладать, въ борьбѣ за существованіе, наивысшею степенью энергіи труда, чувства долга и силы воли и характера.

А для развитія силы воли и характера воспитаніе въ нашей школѣ должно быть воспитаніемъ не казарменнымъ, не формально-бюрократическимъ, а *индивидуальнымъ*, основаннымъ на изученіи характера *каждаго отдѣльнаго* воспитанника и на бережномъ развитіи всѣхъ его личныхъ добрыхъ качествъ въ ущербъ его дурнымъ наклонностямъ.

Такое воспитаніе возможно лишь при двухъ условіяхъ: 1) воспитатель долженъ быть истиннымъ педагогомъ, любящимъ и знающимъ свое дѣло, а, слѣдовательно, любовно и разумно относящимся къ своимъ питомцамъ, и 2) количество его питомцевъ не должно превышать его воспитательной силы.

Въ виду этого, въ каждомъ классѣ новой школы не должно быть болѣе 30 учениковъ, такъ какъ дознано опытомъ, что *лишь при такомъ ограниченномъ числѣ воспитанниковъ* наставникъ можетъ знать ихъ не только по именамъ, но и по личнымъ ихъ качествамъ, и принимая во вни-

маніе всѣ особенности ихъ характеровъ, дѣйствительно *воспитывать* эти характеры въ должномъ направленіи, развивая въ нихъ силу воли, трудоспособность и чувство долга.

Воспитаніе въ нашей школѣ должно всегда идти объ руку съ *преподаваніемъ*, другими словами: каждый преподаватель долженъ одновременно дѣйствовать и какъ воспитатель, развивая въ своихъ ученикахъ всѣ вышепоименованныя добрыя качества. *Какъ* это сдѣлать? Для хорошаго педагога сдѣлать это очень легко, для плохаго—совершенно невозможно. Въ нашей же школѣ должны быть исключительно образцовые педагоги.

Мы видимъ, что все воспитаніе въ будущей русской школѣ должно основываться на *любви*. Та же любовь должна царить и въ отношеніяхъ наставниковъ къ ученикамъ, но опять-таки любовь не пассивная, не сентиментальная, не потакающая порокамъ воспитываемыхъ дѣтей, ибо такое потакательство есть величайшее *зло*, а потому и не можетъ проистекать изъ истинной, дѣятельной любви. А потому наставникъ, побуждаемый истинною любовью къ своему воспитаннику, будетъ желать сдѣлать его честнымъ, благороднымъ и дѣльнымъ человѣкомъ, и приложитъ всѣ усилія, чтобы не дать развиться въ немъ противоположнымъ порокамъ, тщательно ихъ устраняя съ серіозною, строгою послѣдовательностью.

Вотъ приблизительно та схема воспитанія, которою должна будетъ отличаться Русская національная школа отъ существующихъ нынѣ въ Россіи, исковерканныхъ и изуродованныхъ школъ лѣни, праздности, безбожія и крамолы.

Изъ нашей школы должны будутъ выходить православные Русскіе люди, готовые засвидѣтельствовать свою любовь къ Богу, Царю и Отечеству беззавѣтнымъ исполненіемъ своего долга передъ ними и бодрымъ, неустаннымъ, цѣлесообразнымъ трудомъ на ихъ пользу.

Въ какомъ отношеніи новая Русская школа будетъ находиться къ семьѣ, къ родителямъ?

Это чрезвычайно важный вопросъ, который почти совершенно игнорировался въ прежней школѣ у насъ, а теперь рѣшенъ въ самой уродливой формѣ въ школѣ современной.

Прежде семья и школа составляли два другъ другу непонятные, если не враждебные, лагеря, и ребенокъ, переходя изъ семьи въ школу и изъ школы въ семью, подвергался двумъ совершенно различнымъ формамъ воспитанія. Въ школѣ, вслѣдствіе переполненія ея учениками, воспитаніе было чисто-казарменное, при которомъ совершенно уничтожалась индивидуальная личность ученика. Въ семьѣ, наоборотъ, воспитаніе было совершенно случайное, въ зависимости отъ того или другого характера родителей, отъ болѣе или менѣе разумной ихъ любви къ дѣтямъ, отъ большей или меньшей образованности, отъ ихъ болѣе или менѣе здравыхъ убѣжденій.

При этихъ условіяхъ, о какомъ-либо правильномъ гармоническомъ школьно-семейномъ воспитаніи не могло быть и рѣчи.

Недостатокъ этотъ всѣми ярко ощущается, и когда началась современная варварская ломка школы, вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ школы

и семьи былъ тоже рѣшенъ самымъ варварскимъ образомъ: въ школу, превратившуюся въ какую-то анархическую. хаотическую ораву, призвана была семья въ видѣ такой же анархической, хаотической оравы, и образовались такъ-называемыя „родительскія совѣщанія", оказавшіяся, въ большинствѣ случаевъ, революціонными митингами.

Мы не станемъ распространяться объ этихъ прискорбныхъ уродливыхъ явленіяхъ въ современной нашей школѣ, а постараемся установить, каковы должны быть въ будущей школѣ нормальныя отношенія межеу школой и семьей.

Каждый ученикъ, поступающій въ школу, является для наставниковъ его живѣйшею, интереснѣйшею загадкой, отъ правильнаго разрѣшенія которой зависитъ все воспитаніе, а слѣдовательно и вся будущность ученика.

Разгадать ученика—значитъ въ точности опредѣлить не только степень его познаній, но и всѣ физическія, умственныя и духовныя его особенности, его качества и недостатки, различныя свойства его характера, какъ случайныя, такъ и наслѣдственныя.

Не зная всѣхъ индивидуальныхъ особенностей своего воспитанника, добросовѣстный наставникъ воспитывать его *не можетъ*, такъ какъ на каждомъ шагу онъ рискуетъ сдѣлать роковыя, иногда непоправимыя, ошибки.

Но какъ же наставникъ можетъ знать своего воспитанника, если онъ его видитъ въ школѣ лишь одинъ или два часа въ день, и то лишь во время классныхъ занятій? При этихъ условіяхъ онъ никогда его вполнѣ не узнаетъ. Тутъ ему на помощь должны придти родители, которые въ высшей степени заинтересованы въ томъ, чтобы школа совершенно вѣрно и точно поняла индивидуальный характеръ ихъ ребенка.

Вотъ почему въ новой школѣ сношенія между ней и семьей должны быть постоянными, но не въ видѣ митинговъ для обсужденія общихъ школьныхъ и всякихъ иныхъ вопросовъ, а въ видѣ тщательныхъ совѣщаній отдѣльныхъ наставниковъ и отдѣльныхъ родителей о наилучшемъ воспитаніи даннаго воспитанника.

Вотъ тѣ нормальныя отношенія между семьей и школой, на которыхъ будетъ зиждиться воспитаніе въ будущей національной школѣ.

Къ циркуляру Совѣта Министровъ.

Мы получаемъ много писемъ отъ разнаго рода должностныхъ лицъ, состоящихъ на государственной службѣ, съ просьбой разъяснить имъ точный смыслъ Циркуляра Совѣта Министровъ, воспрещающаго чиновникамъ участвовать въ революціонныхъ партіяхъ.

Собственно разъяснять тутъ нечего: достаточно прочитать означенный Циркуляръ, чтобы въ немъ найти разрѣшеніе всякихъ недоумѣній. (Циркуляръ цѣликомъ напечатанъ въ № 233 нашей газеты, отъ 24 сентября 1906 г.). Но для тѣхъ, кто его не читалъ, мы считаемъ своимъ долгомъ привести изъ него тѣ мѣста, которыя относятся къ данному вопросу.

Вотъ, напримѣръ, одно изъ полученныхъ нами писемъ:

„М. Г.—Какъ къ борцу за правое и святое дѣло, мнѣ поручено обратиться къ вамъ съ настоящимъ письмомъ, прося разъясненія:

„Обязаны ли мы, чиновники разныхъ правительственныхъ учрежденій, Циркуляромъ Совѣта Министровъ ни къ какимъ положительно партіямъ не принадлежать, рискуя, въ противномъ случаѣ, удаленіемъ со службы? Неужели мы должны выбирать изъ двухъ одно—оставить службу и вмѣстѣ съ семействомъ терпѣть всякія лишенія и нищету,—или же, скрѣпя сердце, смотрѣть, какъ вы боретесь съ нашими общими врагами, не имѣя возможности вамъ помочь? Послѣднее для Русскаго человѣка невыносимо.

„Если дѣйствительно Циркуляръ Совѣта Министровъ воспрещаетъ намъ принадлежать, напримѣръ, къ Монархической Партіи, то мы покорнѣйше просили бы васъ внести этотъ вопросъ на очередное Собраніе и просить Государя Императора не воспрещать намъ быть членами этой Партіи. Имѣя открыто таковое положеніе, мы, какъ государственные чиновники и члены Монархической Партіи, съ бóльшимъ успѣхомъ внесемъ оздоровленіе и въ стѣны правительственныхъ учрежденій.

„Странно еще: если мы не должны принадлежать ни къ какой партіи, то для чего же намъ выданы были избирательные листки? Разъ я буду избирать лицъ Монархической Партіи, стало-быть, я къ этой партіи принадлежу. Не такъ ли?".

Да, совершенно такъ.

Въ Циркулярѣ совершенно ясно сказано, къ *какимъ* именно партіямъ *не* могутъ принадлежать должностныя лица и къ *какимъ*, слѣдовательно, они принадлежать *могутъ*. Объ этомъ въ Циркулярѣ говорится нѣсколько разъ.

1) „Хотя принадлежность къ той или иной партіи есть дѣло личнаго убѣжденія каждаго, но участіе въ партіяхъ, *стремящихся къ ниспроверженію существующаго государственнаго строя* (для должностныхъ лицъ), недопустимо".

Такъ какъ Монархическая Партія стремится не къ ниспроверженію, а къ сохраненію существующаго государственнаго строя, то участіе въ ней должностнымъ лицамъ не возбраняется.

2) „Независимо отъ той или иной программы партіи, занятіе политикой не должно *ни въ чемъ препятствовать* честному, *по долгу присяги*, исполненію служебныхъ обязанностей".

Итакъ, должностныя лица *могутъ* заниматься политикой и держаться программы Монархической Партіи, такъ какъ она не только не препятствуетъ, но прямо *требуетъ* честнаго, *по долгу присяги*, исполненія служебныхъ обязанностей.

3) „Въ еще болѣе ограничительномъ смыслѣ долженъ быть разрѣшенъ вопросъ объ участіи чиновъ въ политическихъ союзахъ, преслѣдующихъ собственныя, нерѣдко *враждебныя Государству, цѣли*, и проявляющихъ по отношенію къ своимъ членамъ такую власть, которая не можетъ не ослабить лежащихъ на должностныхъ лицахъ узъ *служебной дисциплины* іерархической подчиненности".

Монархическая Партія никакихъ „собственныхъ, *враждебныхъ Государству*, цѣлей *не* преслѣдуетъ, а напротивъ, стоитъ за государственную цѣлость и за строгую служебную дисциплину.

4) „Союзы, пріобрѣтая значительное вліяніе именно въ силу участія въ нихъ должностныхъ лицъ, приносятъ иногда странѣ огромный вредъ, *нарушая правильное теченіе государственной и общественной жизни*".

Здѣсь, очевидно, разумѣются тѣ организаціи, которыя, какъ пресловутый „Союзъ Союзовъ", „Почтово-телеграфный" и „Желѣзнодорожный Союзъ", устроили октябрскую и декабрскую забастовки, *нарушившія* правильное теченіе государственной и общественной жизни. Монархическая же Партія всѣми силами содѣйствовала *возстановленію* правильнаго теченія этой жизни.

5) „Должностнымъ лицамъ, какъ состоящимъ на государственной службѣ, такъ и вольнонаемнымъ, воспрещается всякое участіе въ политическихъ партіяхъ, обществахъ и союзахъ, не только *явно-революціонныхъ*, но и такихъ, которые, хотя и не причисляютъ себя открыто къ революціоннымъ, тѣмъ не менѣе, въ программахъ своихъ вожаковъ, *какъ, напримѣръ, Выборгское воззваніе*, и въ другихъ проявленіяхъ своей дѣятельности, обнаруживаютъ стремленіе *къ борьбѣ съ Правительствомъ или призываютъ къ такой борьбѣ населеніе*".

Здѣсь, очевидно, прямо имѣется въ виду *кадетская партія „Народной Свободы"*, члены которой и не должны быть терпимы на государственной службѣ. Монархическая же Партія никогда не призывала населеніе къ борьбѣ съ Правительствомъ.

6) „Должностныя лица и служащіе въ правительственныхъ учрежденіяхъ по вольному найму, принимающіе участіе въ организаціяхъ *враждебныхъ Правительству, или въ противогосударственной агитаціи*, подлежатъ немедленному увольненію отъ службы".

И это постановленіе, очевидно, не относится къ Монархической Партіи, которая всегда стояла и стоитъ, и будетъ стоять—за твердую Правительственную Власть, не переставая бороться со всякою противогосударственною агитаціей.

7) *Запрещается* же участіе *въ какихъ бы то ни было партіяхъ*, а слѣдовательно и въ Партіи Монархической, только *лицамъ, состоящимъ на военной и военно-морской службѣ*, въ отличіе отъ гражданскихъ чиновниковъ, которымъ запрещается участіе лишь *въ явно-или тайно-революціонныхъ обществахъ*.

8) Въ циркулярѣ есть даже прямое указаніе, въ какихъ союзахъ и партіяхъ гражданскимъ чинамъ *дозволяется* участвовать. Вотъ это указаніе:

„Участіе должностныхъ лицъ въ политическихъ союзахъ *можетъ быть допускаемо*, въ видѣ исключенія, по отношенію къ такимъ организаціямъ, *дѣятельность которыхъ ни явно, ни скрыто не направлена къ разрушенію государственнаго и монархическаго строя*".

Такою именно организаціей и является „Русская Монархическая Партія".

Русскій и еврейскій элементы въ нашей революціи *).

Переживаемая нами революція представляетъ собою явленіе весьма сложное, такъ какъ въ ней участвуетъ много различныхъ элементовъ, которые нужно въ точности изслѣдовать, чтобъ имѣть ясное представленіе о причинахъ и развитіи небывалой еще на Руси тяжелой междоусобной смуты.

Среди этихъ различныхъ элементовъ не послѣднюю роль въ возникновеніи и ходѣ этой смуты играютъ элементы расовые.

Въ самомъ дѣлѣ, въ числѣ боевыхъ дѣтелей нашей революціи мы встрѣчаемъ Русскихъ, Евреевъ, Поляковъ, Финляндцевъ, Румынъ, Грузинъ, Армянъ и представителей другихъ народностей, населяющихъ Россію и соединившихся нынѣ между собою на ея гибель.

Всѣ эти различныя племена имѣютъ свои расовыя особенности, которыя всѣ, несомнѣнно, отражаются на томъ характерѣ, который приняла наша крамола, и подробный анализъ этихъ расовыхъ отраженій представилъ бы, несомнѣнно, много интереснаго и поучительнаго.

Остановимся сегодня пока на томъ вліяніи, которое оказали на возникновеніе и ходъ нашей революціи расовыя особенности Евреевъ и Руских.

Опредѣлимъ сперва, въ чемъ заключается расовый характеръ этихъ двухъ народностей.

Кіевскій профессоръ И. А. Сикорскій въ своемъ капитальномъ трудѣ *Всеобщая психологія* (Кіевъ, 1904 г.) такъ опредѣляетъ основной характеръ Еврейской расы: Семиты имѣютъ „раздражительную и страстную душу". Они отличаются „выдающеюся настойчивостью въ трудѣ и неутомимостью", а также „острымъ, но не глубокимъ умомъ". Что же касается нравственныхъ качествъ Евреевъ, то профессоръ Сикорскій опредѣляетъ ихъ слѣдующимъ образомъ:

„Главный отпечатокъ, которымъ отличаются чувства Еврейской расы, можно бы назвать „нравственнымъ симплицизмомъ" (нравственною упрощенностью). Чувство Еврея часто является въ упрощенной формѣ, въ своей обособленности и безъ осложненія однихъ чувствъ другими; такъ, *стыдъ* принимаетъ форму *уничиженія*, *страхъ* является въ видѣ *растерянности*, *печаль*—въ видѣ *слезъ*, *самодовольство*—въ видѣ *тщеславія*, *кичливости*, *надменности и заносчивости*, *самоувѣренность*—въ видѣ *самомнѣнія* и т. п.

„Сущность подобныхъ оттѣнковъ и варьяцій состоитъ въ замѣнѣ многихъ чувствъ или однимъ изъ сильнѣйшихъ, или однимъ изъ элементарнѣйшихъ.

„Поясннмъ примѣромъ: человѣкъ, чувствующій себя униженнымъ, презираемымъ,—каковыми часто чувствуютъ себя Евреи,—можетъ не поддаться полностью одному этому чувству, *если только будетъ хранить въ*

*) Рѣчь, произнесенная въ III Бесѣдѣ Русскаго Монархическаго Собранія 1 ноября 1906 года.

себѣ чувство нравственнаго достоинства; подобнымъ образомъ, человѣкъ гордый не впадетъ въ заносчивость и кичливость, *если будетъ поддерживать въ своей душѣ уваженіе къ чужой личности* и т. д. Но если подобнаго осложненія нѣтъ, если эмотивный противовѣсъ не привыченъ для души, то всякій вообще субъектъ, независимо отъ его національности, становится *нравственнымъ симплицистомъ*: его натура, вмѣсто *тонкости*, пріобрѣтаетъ *вульгарность*".

Съ другой стороны, „основною чертой Славянъ" профессоръ Сикорскій признаетъ—

„чуткую впечатлительность, нервную подвижность, живость характера, непостоянство и слабую волю", которая „гораздо менѣе энергична, чѣмъ у другихъ народовъ, и въ этомъ отношеніи Славяне представляютъ противоположность Германскимъ и Англо-Саксонскимъ расамъ. Воля у Славянъ выражается порывами, какъ-будто для накопленія ея требуется срокъ. Славянскій геній не чуждъ яснаго сознанія этой особенности и поэтически изобразилъ ее въ былинѣ объ „„Ильѣ Муромцѣ"".

Эти два столь различные расовые характера мы дѣйствительно и наблюдаемъ въ нашей революціи.

Вся ея фанатическая *раздражительная страстность, настойчивость, неутомимость, тщеславіе, кичливость, надменность, заносчивость, самоувѣренность* внесены въ нее Еврейскою расой, такъ же какъ и вся ея низменная, матеріалистическая, грубая, животная подкладка и всѣ ея хищническія, грабительскія цѣли.

Зато все ея безпардонное легкомысліе, быстрое увлеченіе пустыми фразами и неосуществимыми бреднями, утопическими мыльными пузырями и невѣжественно-дѣтскими мечтами, весь ея нервно-измѣнчивый характеръ, съ быстрымъ подъемомъ духа и столь же быстрымъ паденіемъ, все это слѣпое преклоненіе предъ заносчивою наглостью (инoплеменныхъ) вaжаковъ и стадное за ними безотчетное слѣдованіе до первой ихъ неудачи,—все это къ сожалѣнію, является въ нашей революціи вліяніемъ отрицательныхъ сторонъ Славянской расы.

И вотъ, по инициативѣ Евреевъ и по сигналу, данному графомъ Витте, начинается въ Россіи революція.

Къ *Еврейскимъ* крамольникамъ примыкаютъ крамольники *Русскіе*; но какая громадная разница въ ихъ цѣляхъ!

Евреи видятъ въ этой революціи вѣрное средство достиженія чисто-реальныхъ, грубо-матеріальныхъ цѣлей; они требуютъ себѣ равноправія для того, чтобы, какъ жадные паразиты, присосаться не къ одной только части Россіи, но ко всей необъятной территоріи Россійской Имперіи, дабы высосать кровь изъ всего ея населенія и всѣ сокровища изъ ея подземныхъ нѣдръ,—и къ этой цѣли они стремятся со всею *неутомимою страстностью* своего расоваго характера.

У русскихъ крамольниковъ совершенно другія цѣли: не реальныя, а нелѣпо-идеальныя, безсмысленно-мечтательныя и совершенно неосуществимыя, то-есть *соціалистическія*, всей вздорности которыхъ они не видятъ, увлекаясь громкими, пустыми фразами соціально-революціонныхъ листковъ

о всевозможныхъ „свободахъ", „гражданскихъ правахъ и неприкосновенностяхъ", о „равноправіи", о возможности завтра же достигнуть „земного рая" и т. д.

Кто же соблазняетъ этихъ наивныхъ, близорукихъ, легкомысленныхъ *впечатлительныхъ* Русскихъ людей? Да все тѣ же Евреи, сочиняющіе соціально-революціонныя прокламаціи и пускающіе въ нихъ тѣ мыльные пузыри для того, чтобы заманить въ свои крамольные ряды Русскихъ невѣжественныхъ мечтателей, обѣщая наиболѣе честолюбивымъ изъ нихъ даже участіе въ верховной Власти, лишь бы осуществилась главная, единственная цѣль Евреевъ—допущеніе ихъ, въ видѣ „равноправности", къ повсемѣстному, безпрепятственному высасыванію Россіи.

Въ этой „равноправности" вся суть, вся цѣль нашей революціи. Но только подъ этой „равноправностью" еврейскіе и русскіе революціонеры разумѣютъ два совершенно различныя понятія: евреи видятъ въ „равноправіи" реальное средство для удовлетворенія своихъ хищническихъ инстинктовъ; русскіе пустоголовые фантазеры видятъ въ „равноправіи" идеалъ „безкорыстнаго человѣколюбія", и если они, по указанному выше славянскому расовому стадно-подражательному свойству, заражаются фанатизмомъ евреевъ и даже смѣло идутъ на преступленія, для того чтобы добыть евреямъ равноправіе,—то они это дѣлаютъ лишь потому, что желаютъ играть эффектную роль „героевъ освободительнаго движенія", не сознавая, что это движеніе имѣетъ своею непосредственною цѣлью порабощеніе Русскаго Народа подъ тяжелое, невыносимое, еврейское ярмо.

Указавъ на роль Еврейской и Русской расы въ *возникновеніи* нашей революціи, разсмотримъ теперь ихъ вліяніе на ея *развитіе* и *теченіе*.

Какъ это всегда бываетъ, Евреи выпустили застрѣльщиками впередъ своихъ Русскихъ пустоголовыхъ единомышленниковъ, осторожно держа свои собственныя силы въ резервѣ, такъ какъ еще не извѣстно было, не встрѣтитъ ли революція сильнаго отпора со стороны Правительства: тогда пострадали бы одни Русскіе застрѣльщики, а Еврейскій главный штабъ съ припасеннымъ имъ боевымъ матеріаломъ остался бы незамѣченнымъ, отложивъ революцію до болѣе благопріятнаго для него времени.

Но опасенія эти были напрасны: Правительство по насильственномъ устраненіи В. К. Плеве,—бывшаго единственнымъ препятствіемъ революціонному движенію,—всецѣло перешло въ предательскія руки С. Ю. Витте (элементъ еврейскій) и его легкомысленнаго болтливаго ставленника князя Святополкъ-Мирскаго (элементъ русско-польскій).

Оба они объявили свое полное „довѣріе" русской крамолѣ, и застрѣльщики ея — во главѣ съ такими пустозвонными краснобаями, какъ Шиповъ, Петрункевичъ, Родичевъ, Муромцевъ, Гейденъ, Стаховичъ, и прочими земскими смутьянами, — собрались въ концѣ ноября 1904 года въ Петербургѣ, и тутъ, задыхаясь и упиваясь своею вздорною болтовней, провозгласили въ своихъ пресловутыхъ „пунктахъ" низверженіе Царскаго Самодержавія.

Это былъ первый Русскій пробный шаръ, пущенный еврейскими ру-

ками. Весь вопросъ заключался въ томъ, какъ на эту дерзкую фанфаронаду отзовутся всемогущій Витте и послушный ему Святополкъ.

Если-бъ они были вѣрными слугами своего Самодержавнаго Царя, они сразу положили бы конецъ всей этой преступной шумихѣ.

Какъ же они поступили?

Они предали своего Царя крамолѣ.

Въ этомъ сказался еврейскій и польскій элементъ въ нашей революціи.

Одержавъ такую легкую побѣду, русскіе застрѣльщики революціи возликовали гласомъ веліимъ, разбрелись по всѣмъ городамъ Россійской Имперіи и стали безпрепятственно на всѣхъ перекресткахъ трубить о своихъ великихъ подвигахъ. Всюду начались пресловутые „банкеты", полилось широкою рѣкой легко-пѣнистое шампанское, а вмѣстѣ съ нимъ столь же легко-пѣнистые тосты и рѣчи, провозглашавшіе низверженіе Царскаго Самодержавія и замѣну его самодержавіемъ крамолы.

Ни въ чемъ такъ ярко не проявился русскій элементъ въ нашей революціи, какъ въ этомъ пьяномъ самовосхваленіи. Это именно тотъ чисто-русскій внезапный подъемъ духа, за которымъ такъ часто слѣдуетъ его упадокъ.

Русская революція дошла до своего апогея въ этой шумной банкетной болтовнѣ, послѣ которой все это разливанное море вина и рѣчей легко улеглось бы,—еслибъ не Евреи!

Евреи, конечно, не могли удовольствоваться хлопаньемъ шампанскихъ пробокъ и словоизверженіями такихъ жалкихъ вулкановъ, какъ Шиповъ Родичевъ и Гейденъ.

У нихъ уже были припасены взрывчатыя орудія иной, реальной, силы, которыя одни только могли имъ доставлять „равноправіе", столь необходимое имъ для того чтобы захватить въ свои хищническія сѣти всю, безъ исключенія, Россію.

Вотъ почему первый *русскій* періодъ революціи, закончившійся банкетами, смѣнился вторымъ періодомъ чисто-*еврейскимъ*, достигшимъ своего апогея во „всеобщей забастовкѣ" и „вооруженномъ возстаніи", который и нынѣ еще пробавляется дерзкими случаями грабежа, насилія и убійства.

Отъ *русскаго* пустозвоннаго пьянаго *слова* Россія перешла къ адски-разсчитанному гнусному *еврейскому дѣлу*.

Полились по всей Россіи потоки еврейскаго золота, а вслѣдъ за нимъ потоки русской крови.

Наступили выборы въ Государственную Думу, для которыхъ графъ Витте выработалъ специальный предательскій законъ, который обезпечилъ бы проходъ въ Думу жидамъ и ожидовѣвшимъ на еврейскихъ милліонахъ русскимъ измѣнникамъ.

Правда, среди одержавшихъ выборную побѣду „кадетовъ" были и наивные Русскіе люди, соблазненные, по русскому обычаю, громкими пустыми фразами о народной свободѣ, подъ которою, на самомъ дѣлѣ, кроется одна лишь еврейская свобода на повсемѣстное и безнаказанное высасываніе Россіи; но и эти добродушные русскіе бараны, попавъ въ Думу,

обратились въ Панургово стадо, слѣпо метавшееся туда, куда его вели Винаверы и Герценштейны.

А Винаверы и Герценштейны вели всю Думу къ полному разрыву съ Царемъ и къ превращенію Россіи въ еврейскую республику, въ которой Евреи-капиталисты были бы хозяевами, а Русскіе—рабочимъ скотомъ. Въ этой *заносчивой самоувѣренности* сказалась вся та основная еврейская расовая черта, которую, какъ мы видѣли, такъ мѣтко опредѣлилъ профессоръ Сикорскій.

Еврей либо пресмыкается предъ Русскимъ, пока онъ его боится, либо нахально задираетъ надъ нимъ свой носъ, коль скоро чувствуетъ за собой силу.

Во время октябрской революціи, по улицамъ Русскихъ городовъ разъѣзжали жиды, нагло кричавшіе Русскимъ: „я вамъ царь, я вамъ богъ".

Это — чисто-еврейская черта. Мы смѣло утверждаемъ, что ни одинъ русскій революціонеръ, какою бы смѣлостью онъ ни обладалъ, не способенъ на *такую* наглость.

Упоенные своимъ успѣхомъ, Винаверы, Якубсоны, Герценштейны, Френкели и прочіе жиды превзошли въ Думѣ всякую мѣру нахальства, а когда Дума была распущена, они потащили за собой безмозглыхъ „кадетовъ" въ Выборгъ и заставили ихъ подписать то глупѣйшее по своей чисто-еврейской заносчивости „Воззваніе", которое погубило „кадетовъ" въ глазахъ всей Россіи.

„Евреи",—говоритъ профессоръ Сикорскій,—„обладаютъ острымъ, но не глубокимъ умомъ", но они теряютъ и послѣднюю каплю этого остренькаго мелкаго умишка, коль скоро успѣхъ туманитъ ихъ мысли, и они переходятъ къ кичливому самохвальству.

Вотъ почему они серіозно подумали, что по ихъ „воззванію" Русскій народъ возстанетъ противъ Царя и откажетъ Ему и въ рекрутахъ, и въ деньгахъ.

Ну, а русскіе „кадеты" подписались подъ жидовскимъ „воззваніемъ" просто по русскому стадному чувству, въ чемъ и признался самъ старый баранъ Муромцевъ, заявившій, что онъ и до сихъ поръ не можетъ отдать себѣ отчета, какъ могъ онъ подписать такую колоссальную глупость.

„Кадеты" въ Выборгѣ, какъ говорится, „дурака свалялп". Они всѣ, какъ ихъ хваленый вождь Муромцевъ, „заднимъ умомъ крѣпки", что, какъ извѣстно, является, по собственному нашему признанію, чисто-русскою чертой.

И вотъ „кадеты", сознавъ свою ошибку, покинутые жидами и лишившись жидовскихъ денегъ, перессорившись между собою, утративъ всю свою блестящую позицію, жалко, позорно сѣли!

Но и евреямъ пришлось туго. Заграничные еврейскіе капиталисты отпускали имъ милліоны на русскую революцію съ тѣмъ, чтобы она *въ теченіе года* была закончена равноправіемъ Евреевъ, такъ чтобы уже на слѣ-

дующій годъ можно было бы обратно высосать эти милліоны изъ захваченнаго въ еврейскіе когти Русскаго народа.

Годъ прошелъ, а равноправія еще нѣтъ: поэтому заграничные капиталисты извѣрились въ успѣхѣ русской революціи и считаютъ болѣе для себя выгоднымъ предложить свои милліоны не русской крамолѣ, а Русскому Правительству, говоря ему:

„Дайте намъ равноправіе Евреевъ, и мы вамъ ручаемся, что у васъ тотчасъ же прекратится революція, и откроется полная возможность заключать, гдѣ угодно и сколько угодно, сто-милліонные займы. Вѣдь для насъ совершенно все равно, будетъ ли у васъ Самодержавная Монархія или республика: намъ только одно нужно,—чтобы по всей Россіи могли свободно жить и свободно работать Евреи".

Русское Правительство до сихъ поръ рѣшительно отказывалось отъ этихъ льстивыхъ сатанинскихъ предложеній, и весь вопросъ теперь въ томъ, сохранитъ ли Правительство до конца свое достоинство *Русскаго* Правительства, заботящагося о благѣ Россіи,—или же оно пойдетъ на уступки Евреямъ и предастъ Россію на ихъ истерзаніе?

А между тѣмъ русская революція продолжается. Русскимъ она давно опротивѣла и надоѣла, но Евреи, со свойственною ихъ расѣ упорною настойчивостью, продолжаютъ свою крамольную дѣятельность, а такъ какъ источникъ заграничныхъ милліоновъ для нихъ пресѣкся, они добываютъ себѣ деньги на бомбы и браунинги путемъ наглыхъ, грабительскихъ „экспропріацій".

Впрочемъ, ихъ шансы сразу поднялись, какъ только въ Россію пріѣхалъ графъ Витте, ихъ ставленникъ и покровитель,—и все время, пока онъ будетъ находиться въ предѣлахъ Россіи, Россія снова будетъ находиться на краю гибели...

Подводя итоги нашему изслѣдованію, мы смѣло утверждаемъ:

Русская революція по своему происхожденію и по своимъ цѣлямъ есть революція чисто-еврейская. Русскіе революціонеры сыграли въ ней, согласно своему расовому характеру, лишь эпизодическую роль увлеченныхъ пустыми фразами застрѣльщиковъ, а затѣмъ упоенныхъ своею пустозвонною болтовней „банкетчиковъ".

Вся дѣйствительная, опасная, зловредная сила нашей революціи принадлежитъ Евреямъ, добивающимся „равноправія" изъ чисто-хищническихъ побужденій и вербующихъ въ свои ряды легкомысленныхъ, невѣжественныхъ Русскихъ людей, соблазняя ихъ несбыточными мечтами и осязательною реальностью еврейскаго золота.

Нашъ „Талейранъ".

Открытое письмо графу Витте.

Ваше Сіятельство!

Лавры Талейрана, очевидно, не даютъ Вамъ покоя.

Вамъ очень хотѣлось бы сравняться съ этимъ тонкимъ дипломатомъ, и Вы всячески добиваетесь, чтобы, въ виду Вашей Портсмутской

дипломатической „побѣды“, Вы были бы назначены на какой-нибудь высокій дипломатическій постъ, на которомъ Вы могли бы „защищать“ интересы Россіи въ интересахъ ея враговъ.

Но, увы, съ Талейраномъ у Вашего Сіятельства нѣтъ ничего общаго, исключая только одной дѣйствительно характерной черты:

У Талейрана, какъ извѣстно, не было никакихъ убѣжденій. Онъ поочередно служилъ и королю, и революціи, и Наполеону, содѣйствовалъ его паденію, и затѣмъ снова служилъ королю. Онъ постоянно лгалъ, лгалъ и лгалъ, и прославился своимъ изреченіемъ, что „языкъ данъ человѣку для того, чтобы скрывать свои мысли“.

Вотъ въ этомъ отношеніи Ваше Сіятельство дѣйствительно не только сравнились съ Талейраномъ, но даже превзошли его.

Вы тоже свободны отъ всякихъ убѣжденій, и такъ же, какъ и Талейранъ, находитесь въ непримиримой враждѣ съ правдой.

Вернувшись нынѣ, къ негодованію всѣхъ Русскихъ людей, изъ-за границы въ Россію, вы сдѣлали попытку придать себѣ видъ, будто Вы ровно ни въ чемъ не виноваты, будто Вы ничего не имѣете общаго съ тѣмъ ужасомъ и позоромъ, который Вы навлекли на Россію.

Съ этою цѣлью Вы написали въ редакцію *Новаго Времени* письмо, въ которомъ стараетесь доказать, будто Вы до 18 октября, когда Ваше Сіятельство были назначены премьеръ-министромъ, никакого участія въ приготовленіи революціи не принимали!!

Это вопіющее искаженіе истины выражено Вами слѣдующими словами:

„Организація Совѣта Рабочихъ и всѣхъ другихъ союзовъ, равно какъ устройство ими всѣхъ забастовокъ и доведенія рабочихъ массъ до высшей революціонной экзальтаціи—совершилась до 18 октября, когда я не стоялъ непосредственно у власти и, главнымъ образомъ,—когда я находился въ Америкѣ“.

Возстановимъ факты въ ихъ дѣйствительномъ, а не ложномъ освѣщеніи.

Ваше Сіятельство изволили выѣхать въ Америку 8 іюля и, заключивъ 16 августа столь позорный для Россіи и столь радостный для внѣшнихъ и внутреннихъ ея враговъ Портсмутскій миръ, Вы вернулись обратно въ Петербургъ 15 сентября.

Въ эти два слишкомъ мѣсяца въ Россіи не было ни революціонныхъ забастовокъ, ни какой-либо „экзальтаціи“ рабочихъ.

Но какъ только Вы вернулись въ Россію, тотчасъ-же закипѣла вся работа въ ея революціонномъ подпольѣ, и на этой работѣ Вы построили всѣ свои властолюбивые планы.

Вы знали, что Вы могли достигнуть премьерства лишь путемъ поощренія революціи, чтобы посредствомъ ея воздѣйствовать въ желательномъ Вамъ смыслѣ на Верховное Правительство. Вы знали также, что безъ „свободы печати“ революція въ Россіи не возможна, что въ *этой* „свободѣ“ главный залогъ ея успѣха. Но Вы знали также, что для этого успѣха, Правительство само должно подать руку крамолѣ въ ниспроверженіи Основныхъ Законовъ Государства.

Въ виду этого, Вы 4 октября открыто провозгласили свою революціонную программу въ засѣданіи Коммиссіи графа Сольскаго.

Вотъ что̀ Вы тогда сказали:

„Нельзя отдѣлываться обѣщаніемъ свободы на время выборовъ въ Государственную Думу, оставляя при этомъ въ силѣ статьи Цензурнаго Устава. Правительство должно заявить, что оно внесетъ въ Думу законопроектъ о свободѣ печати, *а до того времени необходимо дать газетамъ полную свободу*, привлекая ихъ къ отвѣтственности только въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ входятъ въ конфликтъ съ уголовнымъ закономъ. И во всѣхъ другихъ областяхъ необходимо положить конецъ произволу—этому главному несчастью нашему.

„Наше несчастье заключается въ томъ, что Правительство, чуждаясь откровенности, отнимаетъ одною рукой то, что̀ даетъ другою. Вотъ почему нѣтъ довѣрія къ Правительству. Безъ поддержки же со стороны общественнаго мнѣнія никакое Правительство не справится съ революціоннымъ движеніемъ. *Репрессивныя мѣропріятія отталкиваютъ отъ Правительства тѣ колеблющіеся элементы, въ которыхъ оно могло бы находить опору.*

„Необходимо принять опредѣленное рѣшеніе еще до созыва Государственной Думы.

„Свобода выборовъ безъ свободы печати и собраній есть нѣчто нелѣпое. Если правительство этого не признаетъ, то Дума не будетъ имѣть никакого авторитета.

„Не слѣдуетъ забывать, что съ 6 августа Основные Законы существуютъ лишь на бумагѣ. Государственная Дума пока остается только небольшою дырой, которую народные представители превратятъ въ широко-раскрытую дверь, какъ только соберутся".

Эта цинически-наглая рѣчь, напечатанная въ газетѣ столь близкаго Вашему сердцу жида Проппера и Вами не опровергнутая,—эта рѣчь, какъ Вы помните, послужила сигналомъ для открытаго поднятія революціоннаго знамени.

Тотчасъ же вслѣдъ за нею начались крамольныя желѣзнодорожныя забастовки; изъ нихъ выросла „всеобщая забастовка", которая дошла до своего апогея 14 октября, а 15 октября стала уже падать и идти, къ общей радости всего Русскаго народа, на полное прекращеніе.

Вотъ тогда-то Ваше Сіятельство, чувствуя, что отъ Васъ ускользаетъ премьерство, осмѣлились сочинить, вопреки истинѣ, террористическій докладъ о состояніи Россіи, и вырвали себѣ тотъ диктаторскій постъ, на который Вы вступили 18 октября. И тогда Вы тотчасъ же открыли настежь всѣ двери для торжествующей революціи, которая залила кровью всю Россію, погубила столькихъ русскихъ людей и надолго отравила нашу молодежь—будущность Россіи.

Въ виду всего вышеизложеннаго, я совѣтовалъ бы Вашему Сіятельству, если Вы желаете оставаться въ Россіи,—наложить на себя обѣтъ молчанія, ибо каждое Ваше слово есть ложь, и каждая Ваша ложь будетъ изобличаться и опровергаться.

Къ тому же Вы принадлежите къ тому сорту государственныхъ

людей, которые всѣ свои ошибки сваливаютъ на своихъ Государей, вмѣсто того, чтобы Ихъ защищать своею грудью, беря за все отвѣтственность лично на себя.

Эта черта лукаваго Царскаго слуги-предателя глубоко ненавистна Русскому Народу, а потому я полагаю, что Вашему Сіятельству лучше всего уѣхать снова—*вонъ изъ Россіи.*

Въ противномъ случаѣ, *вся Россія обратится къ Вамъ съ этимъ единодушнымъ требованіемъ.*

Какъ вертится Витте.

Вчера,—на вопросъ, поставленный *Новою Мыслію*, „что теперь скажетъ графъ Витте“ послѣ изобличенія его во лжи рабочими депутатами,—мы отвѣтили:

„Что скажетъ графъ Витте? Ну, конечно, какую-нибудь новую ложь“.

Такъ и случилось.

Графъ Витте, который сперва написалъ ложь въ *Новомъ Времени* за полною своею подписью, теперь спохватился и послалъ въ *Новое Время* отвѣтъ рабочимъ депутатамъ по испытанному своему старому способу—безъ подписи, дабы потомъ легче можно было отказаться отъ своихъ словъ.

Какъ помнятъ читатели, графъ Витте кратко и опредѣленно заявилъ:

„Я не имѣлъ ни офиціальныхъ, ни частныхъ сношеній съ рабочими депутатами“.

Теперь же,—когда рабочіе депутаты изобличили его во лжи и съ величайшею точностью указали, когда, гдѣ и какъ графъ Витте лично велъ съ ними переговоры,—его сіятельство вынужденъ признаться въ слѣдующемъ:

„22 октября къ графу Витте стали являться разныя лица съ заявленіями о предстоящемъ, во что бы то ни стало, осуществленіи намѣченной демонстраціи. *Въ числѣ являвшихся рабочихъ могла быть и группа рабочихъ, принадлежавшихъ къ составу Совѣта рабочихъ депутатовъ*“.

Какъ „могла быть“? Она *была!*

Графъ Витте въ присутствіи ея велъ переговоры по телефону съ генераломъ Треповымъ, затѣмъ далъ депутатамъ на руки письмо къ градоначальнику. Все это *было*, а не „могло быть“.

Какое жалкое зрѣлище! Всемогущій, нѣкогда, графъ Витте вертится, какъ пойманный школьникъ, передъ изобличающими его сообщниками, которыхъ онъ посадилъ въ тюрьму.

Онъ вообразилъ себѣ, что, разъ они въ тюрьмѣ, имъ уже нельзя будетъ опровергнуть его лжи. Вотъ онъ и принялся лгать съ истинно-графскимъ апломбомъ.

И вдругъ этотъ неожиданный, повергающій его въ прахъ, голосъ изъ-за тюремныхъ рѣшетокъ!

И вотъ графъ вынужденъ сознаться въ своей лжи.

Вчера онъ гордо говорилъ: „этого не было“; сегодня онъ уже съ

дрожью въ голосѣ лепечетъ: „это могло быть"; завтра онъ безсильно умолкнетъ передъ грознымъ приговоромъ Россіи: „это было".

А если это было, то—вонъ его изъ Россіи!

А. И. Гучковъ и монархисты.

Въ Петербургѣ состоялось Общее Собраніе членовъ Союза 17 октября. На этомъ собраніи лидеръ Союза А. И. Гучковъ произнесъ обширную рѣчь, въ которой коснулся и Монархической Партіи

Уважаемый Александръ Ивановичъ, прежде всего, считаетъ насъ „желанными союзниками", но *„не теперь, а на другой день послѣ выборовъ"*.

Такъ и запишемъ: хотя, по правдѣ сказать, мы отказываемся понять, почему „на другой день послѣ выборовъ" будетъ возможно то, что А. И. Гучковъ считаетъ невозможнымъ „теперь".

Далѣе А. И. Гучковъ сказалъ слѣдующее:

„Одну лишь опасность я вижу въ союзѣ съ монархистами, это— сложность ихъ состава. Въ Монархическую Партію вошли элементы, ранѣе состоявшіе на службѣ реакціи, охранявшей узко-классовые интересы и *темноту народную*: они *враги мирнаго разрѣшенія наиболѣе болѣзненнаго крестьянскаго вопроса*... Видя, что *на охрану Самодержавія становятся теперь элементы, доведшіе его до катастрофы*, я боюсь ихъ".

А. И. Гучковъ, очевидно, берется судить о Монархической Партіи, не ознакомившись ни съ ея *программой*, ни съ входящими въ ея составъ *лицами*,—иначе онъ никогда не рѣшился бы взводить на Монархическую Партію такой поклепъ.

Вотъ что значится въ нашей программѣ по поводу „народной темноты":

„Монархическая Партія ставитъ себѣ цѣлью всячески содѣйствовать широкому распространенію народныхъ школъ, заботящихся не только о томъ, чтобы обучить дѣтей крестьянъ и рабочихъ грамотѣ и полезнымъ ремесламъ, но и дать имъ прочное религіозно-нравственное воспитаніе, возбудивъ въ нихъ любовь къ Царю и Отечеству, и пріучить къ исполненію своего долга и къ соблюденію законнаго порядка". (*Русск. Мон. Партія*, стр. 8.)

Вся разница между нами и „октябристами" заключается только въ томъ, что они желаютъ широкаго распространенія *какихъ бы то ни было*, хотя бы и вредныхъ, школъ,—а мы стоимъ за широкое распространеніе *только хорошихъ* школъ. И на этомъ мы будемъ настаивать какъ „теперь", такъ и „на другой день послѣ выборовъ".

Далѣе А. И. Гучковъ взводитъ на насъ совершенно голословную клевету, будто мы — „враги мирнаго разрѣшенія наиболѣе болѣзненнаго крестьянскаго вопроса".

Такой нелѣпости намъ не приписывали даже злѣйшіе наши враги!

Вотъ что сказано въ нашей программѣ:

„Монархическая Партія считаетъ необходимымъ содѣйствовать преобразованію крестьянскаго и рабочаго законодательства, которое должно

улучшить условія жизни какъ крестьянскаго, такъ и рабочаго населенія и обезпечить имъ мирное и полезное развитіе." (Тамъ же, стр. 8).

Мирному рѣшенію крестьянскаго вопроса посвящена вся XIV глава Программы Монархической Партіи, которую мы совѣтуемъ внимательно прочесть А. И. Гучкову и тогда уже разсуждать о монархистахъ. Да и безъ этой Программы неужели онъ такъ-таки совершенно не знаетъ нашихъ взглядовъ на крестьянскій вопросъ? Кто же какъ не монархисты требовали не насильственнаго, а *мирнаго* разрѣшенія крестьянскаго вопроса?

А. И Гучковъ изволилъ перепутать *монархистовъ* съ *соціалистами*. Странная ошибка для серіознаго государственнаго человѣка.

Далѣе лидеръ „октябристовъ" говоритъ, что онъ „боится насъ", такъ какъ де въ нашихъ рядахъ стоятъ лица, „доведшія Самодержавіе до катастрофы".

Мы можемъ успокоить уважаемаго Александра Ивановича: графъ Витте, доведшій Самодержавіе до катастрофы, въ спискахъ Монархической Партіи не значится.

Въ Программѣ же нашей партіи такимъ лицамъ посвящена цѣлая XI глава, въ которой говорится слѣдующее:

„*Государственная служба должна стоять высоко и честно; слугами Царя могутъ быть лишь лица, свято, строго и безкорыстно исполняющія свой долгъ предъ Самодержавнымъ Царемъ и Отечествомъ.*

„*Государственная служба, какъ показали послѣднія событія, не стоитъ у насъ на должной высотѣ. Во всѣхъ ея сферахъ встрѣчаются лица, нарушающія законы Государства, или потакающія ихъ нарушителямъ, изъ малодушія или своекорыстія; содѣйствуя этимъ пониженію Правительственнаго авторитета и развращенію общества, они, сверхъ того, причиняютъ неисчислимый вредъ Государству.*

„*Монархическая Партія съ негодованіемъ отвергаетъ этихъ невѣрныхъ и лукавыхъ слугъ Царя, полагая, что на Царской службѣ не могутъ быть терпимы лица, считающія служеніе свое за выпавшую на ихъ долю выгодную привилегію, а не за долгъ и обязанность, исполняемые не за страхъ, а за совѣсть передъ Царемъ-Самодержцемъ и Родиной.*

„*Наши „либералы" стараются отождествить Самодержавіе съ дурною бюрократіей и увѣряютъ, что лишь одинъ конституціонный парламентъ можетъ дать Россіи хорошее чиновничество. Они намѣренно скрываютъ отъ Русскаго народа, что парламентаризмъ самъ по себѣ устранить язвы бюрократизма не можетъ, чему служатъ примѣромъ, съ одной стороны, парламентарныя Франція и Сѣверная Америка, прославившіяся на весь свѣтъ своимъ дурнымъ чиновничествомъ, и даже Англія съ проворовавшеюся бюрократіей во время Бурской войны,—а съ другой Германія, въ которой чиновники стояли на болѣе высокой степени дѣловитости и честности до введенія парламентаризма, нежели въ настоящее время.*

„*Монархическая Партія полагаетъ, что освободить Россію отъ дурного бюрократизма можетъ лишь неограниченный въ Своей Власти Монархъ, Который однимъ почеркомъ пера можетъ замѣнить плохого чиновника хорошимъ,—а также строгій и справедливый судъ, къ которому*

должны быть привлекаемы всѣ безъ изъятія неисправные и въ особенности корыстолюбивые чиновники, хотя бы и занимающіе высшія служебныя мѣста въ Государствѣ. Право почина въ дѣлѣ такого привлеченія должно быть обезпечено за каждымъ вѣрноподданнымъ".

Программа Монархической Партіи опубликована полтора года тому назадъ и широко распространена въ крестьянскомъ и городскомъ населеніи А потому *серіозные* государственные люди имѣютъ полную возможность говорить о монархистахъ на основаніи точныхъ данныхъ, а не на основаніи слуховъ, сплетенъ и клеветъ, измышленныхъ крамолой и рабски повторяемыхъ „срединными" интеллигентами.

Эта Программа составляетъ непреклонную политическую вѣру Монархистовъ, и отъ нея они не откажутся ни „теперь", ни „на другой день послѣ выборовъ", ни при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ, ибо вся сила ихъ въ томъ, что они *убѣжденій своихъ относительно Бога, Царя и Родины никогда не мѣняютъ.*

Открытое письмо Правительству.

Обращаясь съ настоящимъ Открытымъ письмомъ къ Русскому Императорскому Правительству, я дѣйствую не отъ имени какой-либо группы населенія или какой-либо политической партіи, а лично отъ себя, по долгу своей совѣсти и по долгу присяги, данной мною Государю моему Императору. Но, зная взгляды и настроеніе Русскаго народа и Русскаго образованнаго общества, я не сомнѣваюсь, что къ настоящему моему Открытому письму присоединятся всѣ Русскіе люди, которымъ дорога судьба нашей несчастной Родины.

Я считаю своимъ нравственнымъ долгомъ предостеречь Правительство отъ издающейся въ Петербургѣ газеты „Россія", которая, выдавая себя за органъ, стоящій близко къ Правительству, на самомъ дѣлѣ своею безтактностью и легкомысліемъ подрываетъ то довѣріе и то уваженіе, которымъ Императорское Правительство должно пользоваться въ глазахъ Русскаго народа.

Такъ, въ № 294 этой газеты, отъ 12 ноября 1906 года, появилась передовая статья, приписывающая Правительству совершенно невѣроятные взгляды на рѣшеніе еврейскаго вопроса,—взгляды, которые могутъ быть свойственны лишь злѣйшимъ врагамъ Правительства и Россіи.

Я считаю достаточнымъ указать лишь на самыя возмутительныя ея части. Вотъ онѣ:

1) Газета сознается, что она „*не располагаетъ данными утверждать, въ какихъ именно размѣрахъ и какія мѣропріятія предположены Правительствомъ къ осуществленію*" *по еврейскому вопросу*, и, несмотря на эту явную неосвѣдомленность, „Россія" беретъ на себя смѣлость *приписывать Правительству намѣренія, которыхъ, очевидно, Русское Императорское Правительство имѣть не можетъ, не переставая быть Русскимъ Правительствомъ.*

2) „Россія" говоритъ: *„нѣкоторыя общественныя группы проявили несомнѣнное стремленіе повліять на Правительство и какъ бы оказать на него извѣстное давленіе въ смыслѣ неблагопріятномъ для евреевъ.*

Да, это совершенно вѣрно. Но развѣ *русская* печать и *русскія* политическія организаціи могли высказываться въ *благопріятномъ* для евреевъ смыслѣ, не нарушая долга своей совѣсти, не извращая истины, извѣстной всему свѣту и прежде всего самому Правительству? Вѣдь никто же не можетъ отрицать, въ виду очевидныхъ нынѣ доказательствъ, что вся наша крамола поднята евреями и организована на еврейскія деньги! Неужели же Русскіе люди, испытавшіе столько жертвъ, столько нравственныхъ и матеріальныхъ ударовъ, благодаря евреямъ, должны были обращаться къ Правительству съ „благопріятными" для евреевъ отзывами? Да само Правительство пристыдило бы ихъ въ такой безсовѣстной лжи. А „Россія" дѣлаетъ видъ, будто Правительство желало слышать отъ Русскихъ людей такія же похвалы, которыми на Правительство оказывали давленія еврейскіе и жидовствующіе органы общества и печати.

Можетъ ли Русское Императорское Правительство равнодушно относиться къ такой очевидной, чисто-еврейской клеветѣ, которую на него взводитъ газета „Россія"?

3) Затѣмъ слѣдуетъ еще болѣе возмутительная клевета: „Могло ли Правительство, спрашиваетъ „Россія", не признать неотложнымъ еврейскій вопросъ? Естественно ли то *приподнятое, нервное, скажемъ, даже явно озлобленное, настроеніе*, которое, несомнѣнно, охватило эту пятимилліонную группу населенія? Правительство не только не могло, но и не должно было пройти мимо такого явленія, не обративъ на него самаго серіознаго вниманія... Если оно пришло къ убѣжденію, что часть подданныхъ Государства справедливо (!!) жалуется на свое положеніе и что *эта часть подданныхъ видитъ для себя выходъ только въ насиліи*, оно обязано принять мѣры, которыми, въ соотвѣтствіи со всѣми условіями момента, создавался бы и этотъ выходъ".

Этими словами газета „Россія" заставляетъ Правительство выдать всей адской крамолѣ, растерзавшей нашу Родину и истерзавшей сердце нашего Царя аттестатъ благонадежности и законной справедливости! Вѣдь если бы „Россія" говорила правду, то Правительство признало бы въ этой крамолѣ не вопіющее преступленіе, заслуживающее строжайшей кары, какъ на нее дѣйствительно смотрятъ и Царь, и Русскій Народъ, а естественный „выходъ" изъ того положенія, въ которомъ у насъ находятся евреи. Это опять чисто-еврейская точка зрѣнія, которая вполнѣ свойственна названной газетѣ, но которую она не имѣетъ права навязывать Русскому Императорскому Правительству! Вѣдь если бы Правительство смотрѣло на крамолу не какъ на преступное, безчеловѣчное явленіе, а какъ на явленіе естественное и даже справедливое, если-бъ оно адскій фанатизмъ еврейскихъ крамольниковъ считало, какъ его считаетъ названная газета, лишь „приподнятымъ, нервнымъ, явно озлобленнымъ настроеніемъ", то къ чему же тогда были карательныя экспедиціи, военные и полевые суды? Если евреи подняли возстаніе, требуя себѣ равноправія для распространенія своей

хищнической дѣятельности по всей Россіи, и если бы, по словамъ „Россіи“, Правительство считало это требованіе „справедливымъ“, то оно уже давно отдало бы всю нашу Родину на еврейское расхищеніе, дабы прекратить этимъ кровопролитную междоусобицу. Но именно потому, что Императорское Русское Правительство не можетъ совершить такого предательства, которое ему приписываетъ названная газета, оно охраняетъ сѣверъ, центръ и востокъ Россіи отъ гибельнаго еврейскаго нашествія, а на еврейскую крамолу оно смотритъ такъ, какъ весь Русскій Народъ, а не какъ еврейскія и еврействующія газеты.

4) Кого хочетъ успокоить „Россія“ такими словами: „*уничтоженіе до Думы черты еврейской осѣдлости было бы актомъ легкомысленнымъ и поспѣшнымъ. Подобная мѣра, предпринятая безъ спроса народныхъ представителей, была бы ничѣмъ невызванной уступкой?*“ Если эти слова должны обнадежить евреевъ, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Дума дастъ имъ полное равноправіе, то какой же это ударъ для всей Россіи. Но мы не хотимъ вѣрить этому! Газета „Россія“ приписываетъ Правительству совершенно недостойную роль іезуита. Правительство очень хорошо знаетъ, что при теперешнемъ избирательномъ законѣ вторая Дума будетъ такъ же мало походить на дѣйствительное русское народное представительство, какъ и первая еврействующая Дума.

И такой-то Думѣ, по словомъ „Россіи“, Правительство предоставитъ радикальное рѣшеніе еврейскаго вопроса въ желательномъ для евреевъ смыслѣ, а потомъ будетъ лицемѣрно говорить: „это не я отдало Россію на разграбленіе евреямъ, а самъ Русскій Народъ этого пожелалъ“. Да вѣдь это будетъ вопіющая ложь! И на такую ложь вышеназванная газета считаетъ способнымъ Русское Императорское Правительство! Нѣтъ, это неправда! Правительство не можетъ взвести на Русскій Народъ такую клевету, пока еще, слава Богу, въ Правительствѣ засѣдаютъ люди Русскіе, а не жиды!

Если вѣрить всѣмъ измышленіямъ „Россіи“, то оказалось бы, что Правительство собирается повторить измѣну графа Витте, спустивъ Русскій флагъ передъ еврейскою крамолой!

Вѣдь въ такомъ случаѣ отсрочка капитуляціи передъ еврейскою крамолой „до Думы“ была бы пустою формальностью, а эта капитуляція была бы позорнѣе, чѣмъ капитуляція Портсмутская: тамъ мы уступили японцамъ, а здѣсь евреямъ.

Японцамъ мы отдали, къ великому стыду нашему, полъ-Сахалина, а евреямъ мы отдали бы всю Россію.

Если бы Правительство держалось того позорнаго образа мыслей, который ему приписываетъ „Россія“, то оно произвело бы самое развращающее дѣйствіе на все населеніе Россіи, ибо оно, исполнивъ всѣ требованія взбунтовавшихся евреевъ, поощрило бы къ такимъ же бунтамъ и всѣ остальныя племена, населяющія Россію.

Въ редакціи „Россія“ стоятъ люди, близкіе къ графу Витте; поэтому неудивительно, что они хотятъ навязать теперешнему Правительству ту самую предательскую роль, которую занималъ С. Ю. Витте въ еврейскомъ

вопросѣ. Это онъ обѣщалъ евреямъ равноправіе, это онъ побудилъ ихъ добиваться этого равноправія путемъ крамольныхъ преступленій; за это именно и палъ графъ Витте, а газета „Россія" хочетъ насъ увѣрить, будто теперешнее Правительство готово заплатить евреямъ по тѣмъ векселямъ, которые имъ выдалъ графъ Витте.

Вотъ почему я обращаюсь къ Правительству съ просьбой опровергнуть клеветы, взводимыя на него газетой „Россія". Она увѣряетъ, что у насъ противъ евреевъ говорятъ лишь люди, увлекаемые „политическою страстью", а что люди серіозные должны восхвалять евреевъ. Это неправда.

За евреевъ говорятъ въ Россіи люди легкомысленные или продажные: *противъ* нихъ говорятъ тѣ, кто серіозно изучилъ исторію еврейства и исторію Россіи.

Какимъ, напримѣръ, легкомысліемъ, если не издѣвательствомъ, звучатъ заключительныя слова газеты „Россія" о томъ, что если расширить права евреевъ, они „найдутъ большій просторъ для приложенія своей энергіи и труда", какъ будто бы никому неизвѣстно, что еврейская энергія и трудъ будутъ направлены на истребленіе всего, чѣмъ жива Россія.

Какъ легкомысленно находящееся тамъ же пророчество, что если евреи за свою крамолу будутъ награждены и поощрены Правительствомъ, то они „не будутъ выдѣлять изъ своей среды только бомбистовъ и грабителей". Гдѣ же гарантія этого пустозвоннаго обѣщанія? Въ какомъ-либо договорѣ? Или въ какихъ-либо историческихъ расовыхъ чертахъ еврейства, вѣчно неблагодарнаго, вѣчно заносчиваго, вѣчно хищно-коварнаго? Развѣ евреи намъ страшны только своими „бомбистами и грабителями"? А еврейскіе ростовщики, биржевики, банкиры, адвокаты, вносящіе всюду культъ обмана, умственной и духовной безнравственности, развращающіе всякую среду, къ которой они приписываются? Развѣ все восточное и южное Русское населеніе нашей Родины стонетъ, изнемогаетъ и тщетно взываетъ о помощи только противъ еврейскихъ „бомбистовъ и грабителей", а не противъ тѣхъ желѣзныхъ экономическихъ клещей, въ которыхъ его держитъ тамошнее еврейство?

И газета „Россія" хочетъ насъ увѣрить, что Правительство намѣрено наградить евреевъ за ихъ гнусную крамолу предоставленіемъ имъ права— до Думы или послѣ Думы, не все ли это равно?—права захватить въ тѣ же желѣзныя клещи и остальную Россію?

Нѣтъ, Правительство должно стоять выше этихъ клеветъ „Россіи". Оно должно знать, что такая торжествующая побѣда еврейской крамолы легла бы на сознаніе Русскаго народа болѣе тяжелымъ камнемъ, чѣмъ Цусимское пораженіе и Портсмутскій миръ.

Народъ увидитъ въ этомъ пораженіи побѣду еврейскихъ капиталовъ, а потому Императорское Русское Правительство, обязанное всегда стоять выше всякихъ подозрѣній, несомнѣнно поспѣшитъ отречься отъ тѣхъ неподобающихъ ему намѣреній, которыя ему приписываетъ Петербургская газета „Россія".

О легкомысленной статьѣ газеты „Россія“.

Та статья газеты *Россія*, которую мы перепечатали въ нашемъ изданіи (№ 277), явилась въ названной петербургской газетѣ въ видѣ передовой статьи, не нося на себѣ ни малѣйшаго офиціознаго или офиціальнаго характера.

Это ясно уже было изъ того, что неизвѣстный авторъ этой статьи самъ сознается, что онъ „не располагаетъ данными утверждать, въ какихъ именно размѣрахъ и какія мѣропріятія предположены Правительствомъ къ осуществленію“ по еврейскому вопросу.

Итакъ, ясно, что между авторомъ этой статьи и Правительствомъ нѣтъ ничего общаго.

И, тѣмъ не менѣе, извлеченіе изъ этой статьи было разослано по всей Россіи Петербургскимъ Телеграфнымъ Агентствомъ, съ помѣткой: „*офиціально*“!!

Съ этою фальшивою помѣткой телеграмма Агентства была напечатана и въ нашей газетѣ (№ 276).

Откуда явилась эта помѣтка?

И чья это чисто-еврейская продѣлка, встревожившая всю Россію и набросившая на Правительство незаслуженную тѣнь юдофильства?

Мы получаемъ со всѣхъ концовъ Россіи тревожные запросы: „Неужели Правительство перешло на сторону крамольниковъ-жидовъ?“

И пока мы имѣли въ рукахъ только лживую телеграмму Петербургскаго Агентства, мы сами находились въ крайнемъ смущеніи, такъ какъ мы все время стояли за правительство П. А. Столыпина и не могли допустить мысли, чтобъ оно могло рѣшиться на такую вопіющую несправедливость, какъ на выдачу евреямъ преміи за поднятую ими крамолу и за павшихъ жертвами этой крамолы Русскихъ людей.

У насъ камень свалился съ сердца, когда мы получили подлинный нумеръ *Россіи* и съ радостью убѣдились, что ея легкомысленная статья не имѣетъ ни офиціальнаго, ни офиціознаго характера, а просто является личнымъ взглядомъ ея юдофильствующаго автора.

Мы поэтому увѣрены, что Правительство разслѣдуетъ дѣло о самовольной телеграфной отмѣткѣ „*офиціально*“ и привлечетъ виновнаго къ должной отвѣтственности.

Вѣдь нельзя же допустить, чтобы неизвѣстный авторъ помѣщенной въ еврействующей газетѣ статьи приписывалъ Правительству такую, напримѣръ, несообразность:

„Намъ ясно, что, до опроса представителей народа, Правительство можетъ отмѣнить полицейскія стѣсненія, существующія въ предѣлахъ черты осѣдлости“.

Въ чемъ же заключаются эти полицейскія мѣры?

Въ томъ, что евреямъ разрѣшается жить въ городахъ, а не въ сельскихъ мѣстностяхъ, которыя, такимъ образомъ, предохраняются отъ ихъ разрушительнаго вліянія.

Мы знаемъ, что намъ отвѣтитъ авторъ легкомысленной статьи *Россіи:*

„Да развѣ вы не знаете, скажетъ онъ, что евреи давно уже обошли этотъ законъ и преспокойно живутъ и въ городахъ, и въ селахъ, точно такъ же, какъ они свободно живутъ въ Кіевѣ, хотя *городъ* Кіевъ не находится въ чертѣ еврейской осѣдлости“.

Да, такой отвѣтъ намъ можетъ дать тотъ или другой сотрудникъ еврействующей *Россіи*.

Но такого страннаго взгляда не можетъ держаться Правительство, которое отлично понимаетъ, что если слѣдовать этой чисто-еврейской логикѣ, то придется разсуждать такъ: „если изданъ законъ, а евреи его нарушаютъ, то этотъ законъ долженъ быть отмѣненъ“.

Какой же серіозный государственный человѣкъ согласится подписаться подъ такою нелѣпостью?

А между тѣмъ газета *Россія* приписываетъ эту нелѣпость Правительству!

А какъ, напримѣръ, согласовать предполагаемое, будто бы, Правительствомъ дарованіе евреямъ полнаго равноправія („послѣ Думы“) со слѣдующими словами легкомысленной статьи *Россіи:*

„Намъ ясно, что эти мѣры, съ одной стороны, отнюдь не должны являться уступками революціонной наглости, какъ, съ другой стороны, никоимъ образомъ онѣ не должны влечь за собой какой бы то ни было ущербъ Русскому населенію и Русскому народу“.

Въ самомъ дѣлѣ, посудите сами: евреи подняли наглый кровавый бунтъ, требуя себѣ равноправія, и вотъ Правительство *уступитъ* имъ въ этомъ ихъ требованіи („послѣ Думы“), но эта *уступка* Правительства почему-то „отнюдь не должна являться уступкой еврейской революціонной наглости“.

Но какъ же это сдѣлать, когда это противно здравому смыслу?

Къ вамъ въ домъ входитъ хулиганъ-экспропріаторъ, кричитъ, „руки вверхъ“ и забираетъ себѣ ваши деньги, а вы изъ трусости, уступая ему во всемъ, говорите ему: „берите, но моя уступка отнюдь не должна являться уступкой вашей революціонной наглости“.

И это смѣшное, глупое положеніе газета *Россія* хочетъ навязать Русскому Императорскому Правительству!

Съ другой стороны, Правительство знаетъ, что равноправіе евреевъ приведетъ Россію къ гибели.

Такъ можетъ ли оно, какъ увѣряетъ газета *Россія*, давая евреямъ это равноправіе („послѣ Думы“), увѣрять, что эта мѣра „никоимъ образомъ не должна влечь за собой какой бы то ни было ущербъ Русскому населенію и Русскому народу?“

Вѣдь это было бы разсужденіе какого-нибудь ребенка, а не серіознаго государственнаго Правительства.

Развѣ можно заразить организмъ человѣка чумой такъ, чтобъ это „никоимъ образомъ не влекло за собой какой бы то ни было для него ущербъ?“

Ну, не правы ли мы были, указывая на то, что легкомысленная статья газеты *Россія* наноситъ ущербъ авторитету Русскаго Правительства?

Долгъ правительства.

Надѣлавшая столько шуму противоправительственная статья газеты „Россія“ вызвала крайнее смущеніе въ Русскомъ Народѣ, въ сознаніи котораго Русское Императорское Правительство представляется въ совершенно иномъ видѣ, нежели въ легкомысленномъ воображеніи сотрудниковъ „Россіи“, а именно въ величавомъ видѣ сонма умудренныхъ опытомъ, серіозныхъ государственныхъ людей.

Правительство, стоящее на высотѣ своей задачи, никогда не забываетъ, среди текущихъ заботъ и занятій, о своемъ высокомъ нравственномъ долгѣ передъ Царемъ и о своей отвѣтственности передъ Родиной и передъ исторіей.

Долгъ Русскаго Правительства—идти съ высоко-поднятымъ Русскимъ государственнымъ стягомъ, открыто, безъ обиняковъ, провозглашая исповѣданіе своей политической вѣры и ясно ставя незыблемыя грани между тѣми явленіями государственной жизни, которыя оно считаетъ **полезными** для Государства, и тѣми, которыя, по его убѣжденію, приносятъ ему **вредъ**. Безразличное отношеніе къ этимъ явленіямъ можно простить единичному, частному, малодушному человѣку; для Императорскаго же Правительства такое малодушное различіе является преступленіемъ передъ Родиной, которая въ правѣ требовать отъ Правительства ясной, разумной программы и твердой энергіи въ ея исполненіи. „Слабость Правительства есть величайшее несчастіе для народа“, говорилъ Наполеонъ I, и безусловная справедливость этихъ словъ подтверждается опытомъ всей міровой исторіи.

Отмѣна черты еврейской осѣдлости является столь же критическимъ моментомъ въ жизни Россіи, какъ великіе по своимъ послѣдствіямъ акты 19 февраля 1861 года и 17 октября 1905 года.

Можетъ ли Правительство относиться безразлично и равнодушно къ тому, какимъ образомъ будетъ рѣшенъ капитальный вопросъ о передачѣ всей Россіи на хищническую эксплуатацію евреевъ? Конечно, нѣтъ.

Тутъ могутъ быть только два взгляда: Правительство считаетъ эту мѣру либо **полезною**, либо **вредною**. Средины быть не можетъ.

Если Правительство считаетъ **полезнымъ** для Государства уничтоженіе черты еврейской осѣдлости, оно обязано во что бы то ни стало осуществить эту мѣру черезъ Думу, видя въ этой мѣрѣ спасеніе Россіи.

Если же Правительство считаетъ противнымъ своему долгу обрекать Россію на еврейское порабощеніе, если оно считаетъ уничтоженіе черты еврейской осѣдлости **вреднымъ** для Государства, то оно должно бороться законнымъ путемъ не противъ одной, а противъ двадцати Думъ, если—бъ онѣ захотѣли принять столь гибельную для Россіи мѣру. Это ясно, какъ Божій день, и такъ именно Русскій народъ понимаетъ долгъ Правительства передъ Царемъ и Народомъ.

А потому Русскій Народъ никогда не пойметъ, чтобы Правительство могло, по словамъ „Россіи“, относиться съ такимъ холоднымъ бюрократиче-

скимъ равнодушіемъ къ столь важному вопросу: уничтожитъ ли вторая Дума черту еврейской осѣдлости, или нѣтъ?

Правительство, какъ насъ хочетъ увѣрить газета „Россія“, лишь потому считаетъ уничтоженіе черты еврейской осѣдлости „актомъ легкомысленнымъ“, что подобная мѣра еще не одобрена Думой: слѣдовательно, этотъ актъ сразу сдѣлался бы разумнымъ, какъ только опрошенная Дума выразила бы сочувствіе этой легкомысленной мѣрѣ!

Вѣдь если-бъ это было такъ, то Дума обладала бы небывалою магическою силой! Но какое же это было бы Правительство, которое не имѣло бы никакого собственнаго умственнаго и нравственнаго мѣрила и вѣрило бы въ чудодѣйственную силу Думы!

По этой логикѣ, если Дума объявитъ черное бѣлымъ, то и Правительство обязано повторить за Думой ту же нелѣпость. Развѣ приговоръ Думы можетъ измѣнить расовыя особенности еврейства и сдѣлать ихъ изъ хищныхъ вампировъ ангелами-хранителями человѣчества? Вѣдь до Думы и послѣ Думы еврей останется евреемъ, и взглядъ серіознаго Правительства на него измѣниться не можетъ.

Развѣ это достойно Русскаго Императорскаго Правительства прятаться за спину Думы и, подобно Пилату, умывать свои руки, оправдываясь тѣмъ, что это-де „не я, а Дума отдала Русскій Народъ евреямъ на пропятіе“?

А въ такой именно позорной роли газета „Россія“ хочетъ выставить Правительство. И не правъ ли я, называя эту газету противоправительственною?

Наконецъ, если даже Правительство считало своимъ долгомъ въ такомъ первостепенномъ государственномъ вопросѣ считаться не со своею совѣстью, а съ „опросомъ народныхъ представителей“, то развѣ не ясно для каждаго человѣка, одареннаго здравымъ смысломъ, что въ данномъ случаѣ Правительство имѣетъ право обращаться съ опросомъ къ представителямъ **одного лишь народа Русскаго, Православнаго**, въ формѣ ли личнаго всенароднаго плебисцита, либо въ формѣ Русскаго Православнаго Земскаго Собора? Вѣдь лишь Русскій Православный Народъ съ Русскимъ Православнымъ Царемъ является хозяиномъ Россіи, и отъ нихъ лишь можетъ зависѣть рѣшеніе вопроса, надѣвать ли на себя еврейское ярмо или нѣтъ, — а не отъ того разноплеменнаго сборища, какимъ является Государственная Дума, въ которой голосъ Православнаго Русскаго Народа теряется въ хаосѣ голосовъ ненавидящихъ его армянъ, поляковъ и тѣхъ же евреевъ со своею сворой подкупленныхъ ими еврействующихъ Русскихъ ренегатовъ.

Долгъ Русскаго Императорскаго Правительства—относиться съ глубокимъ уваженіемъ къ историческимъ правамъ Русскаго Народа, если оно желаетъ, чтобы и Русскій Народъ относился къ нему съ такимъ же уваженіемъ.

Этотъ свой долгъ несомнѣнно помнитъ Русское Правительство, но его совершенно забыла газета „Россія“.

Эта газета, столь усердно ратущая за евреевъ, желала бы выставить теперешнее Правительство въ томъ именно видѣ легкомысленнаго раздавателя обѣщаній, какимъ отличался кабинетъ графа Витте. Газета „Россія“ хочетъ насъ увѣрить, что само Правительство уже постановило предо-

ставить Думѣ рѣшеніе еврейскаго вопроса, игнорируя Верховную Власть Государя Императора, Который, можетъ-быть, въ своемъ Отеческомъ попеченіи о благѣ Русскаго Народа, и не согласится на эту мѣру. А между тѣмъ, такое легкомысленное обѣщаніе, если ему не суждено будетъ осуществиться, еще болѣе усилитъ вѣковую ненависть евреевъ къ Русскому Народу и его Государю.

Кто же можетъ повѣрить „Россіи", что на такую чреватую грозными послѣдствіями „ошибку", — которая была бы совершенно въ духѣ графа Витте,—могъ бы быть способенъ теперешній руководитель нашей государственной политики, помнящій, какъ велика отвѣтственность Русскаго Правительства передъ Царемъ и Россіей?

Дѣло Гурко-Лидваль*).

Въ Петербургѣ произошелъ крупный скандалъ въ продовольственномъ дѣлѣ, находившемся до послѣдняго времени въ завѣдываніи товарища министра внутреннихъ дѣлъ В. I. Гурко.

Объ этомъ скандалѣ говоритъ вся печать, все читающее газеты общество, о немъ начинаетъ уже говорить и народъ.

И съ особымъ любопытствомъ обращаются взоры на насъ, Монархистовъ: какъ мы отнесемся къ этому скандалу, что мы о немъ скажемъ?

Откуда это любопытство? Да очень просто: о насъ, Монархистахъ, составилась клеветническая легенда, будто мы стоимъ за гнилую бюрократію, за всѣ темныя ея дѣла и желаемъ вернуться къ „прежнему режиму", для того чтобы всѣ бюрократическія тайны оставались тайнами, и чтобы подъ покровомъ ихъ творились всякаго рода мерзости, беззаконія и хищенія.

А между тѣмъ при самомъ основаніи Монархической Партіи, полтора года тому назадъ, она однимъ изъ основныхъ пунктовъ своей программы выставила слѣдующія положенія.

„Государственная служба должна стоять высоко и честно; слугами Царя могутъ быть лишь лица, свято, строго и безкорыстно исполняющія свой долгъ предъ Самодержавнымъ Царемъ и Отечествомъ.

„Государственная служба, какъ показали послѣднія событія, не стоитъ у насъ на должной высотѣ. Во всѣхъ ея сферахъ встрѣчаются лица, нарушающія законы Государства, или потакающія ихъ нарушителямъ, изъ малодушія или своекорыстія; содѣйствуя этимъ пониженію Правительственнаго авторитета и развращенію общества, они, сверхъ того, причиняютъ неисчислимый вредъ Государству.

„Монархическая Партія съ негодованіемъ отвергаетъ этихъ невѣрныхъ и лукавыхъ слугъ Царя, полагая, что на Царской службѣ не могутъ быть терпимы лица, считающія служеніе свое за выпавшую на ихъ долю выгодную привилегію, а не за долгъ и обязанность, исполняемые не за страхъ, а за совѣсть, передъ Царемъ-Самодержцемъ и Родиной.

---

*) Рѣчь, произнесенная на Девятомъ Общемъ Собраніи Русской Монархической Партіи, 10 ноября 1906 г.

„Наши „либералы“ стараются отожествить Самодержавіе съ дурною бюрократіей и увѣряютъ, что лишь одинъ конституціонный парламентъ можетъ дать Россіи хорошее чиновничество. Они намѣренно скрываютъ отъ Русскаго Народа, что парламентаризмъ самъ по себѣ устранить язвы бюрократизма не можетъ, чему служатъ примѣромъ, съ одной стороны, парламентарныя Франція и Сѣверная Америка, прославившіяся на весь свѣтъ своимъ дурнымъ чиновничествомъ, и даже Англія съ проворовавшеюся бюрократіей во время Бурской войны.

„Монархическая партія полагаетъ, что освободить Россію отъ дурного бюрократизма можетъ лишь неограниченный въ Своей Власти Монархъ, Который однимъ почеркомъ пера можетъ замѣнить плохого чиновника хорошимъ, — а также строгій и справедливый судъ, къ которому должны быть привлекаемы всѣ безъ изъятія неисправные и въ особенности корыстолюбивые чиновники, хотя бы и занимающіе высшія служебныя мѣста въ Государствѣ. Право почина въ дѣлѣ привлеченія должно быть обезпечено за каждымъ вѣрноподданнымъ“.

Если таковъ нашъ взглядъ на гнилую часть нашей бюрократіи, то нашъ взглядъ на дѣло Гурко-Лидваля уже предрѣшенъ, и если бы наши враги говорили правду, а не ложь о нашей партіи, они заранѣе могли бы предсказать, какъ мы отзовемся на это дѣло.

Если падаетъ малѣйшая тѣнь на нашу бюрократію, тѣнь эта должна уступить яркому свѣту.

Если дѣло Гурко-Лидваля представляется дѣломъ не чистымъ, — оно должно быть разсмотрѣно и объяснено на-чистоту.

Мы лично убѣждены, что В. І. Гурко въ настоящемъ дѣлѣ былъ не активнымъ дѣятелемъ, а пассивною жертвой обмана; но наше личное убѣжденіе въ данномъ случаѣ никакого значенія не имѣетъ; мы живемъ въ такомъ лихорадочномъ, сумасбродномъ времени, что всякое сомнительное дѣло можетъ быть истолковано въ самомъ чудовищномъ смыслѣ, если его не разобрать по ниткамъ, такъ чтобы и тѣни сомнѣнія не оставалось.

Намъ нужно свѣта, яркаго свѣта во всемъ. И этотъ яркій свѣтъ возможенъ только при неограниченномъ Царскомъ Самодержавіи.

„Однимъ почеркомъ пера неограниченный въ Своей Власти Монархъ можетъ замѣнить плохого чиновника хорошимъ“, — говорится въ нашей программѣ.

И вотъ мы дѣйствительно видимъ, что, какъ только до слуха нашего Монарха дошла вѣсть о появившейся въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ темной исторіи, въ которой замѣшано даже имя товарища министра, Его Величество немедленно изволилъ назначить особую коммиссію изъ непричастныхъ къ Министерству лицъ для полнаго, яркаго освѣщенія всей этой исторіи.

И замѣтьте, все это оказалось возможнымъ безо всякаго участія какой бы то ни было Думы, которая, конечно, воспользовалась бы этимъ дѣломъ для бравурныхъ рѣчей и безобразныхъ криковъ противъ Самодержавія, тогда какъ на самомъ дѣлѣ здѣсь необходимы не пустозвонныя рѣчи и крики, а серіозное, строгое изслѣдованіе истины.

И вотъ, по Самодержавной Волѣ Русскаго Царя, истина будетъ раскрыта, и виновные понесутъ заслуженное наказаніе.

А посмотримъ, какъ подобныя дѣла рѣшаются въ демократическихъ республикахъ.

Когда во Франціи съ неслыханнымъ трескомъ лоппулъ гнойный нарывъ безобразнаго Панамскаго дѣла, въ которомъ были замѣшаны и уличены въ безсовѣстнѣйшемъ взяточничествѣ и министры, и республиканскіе депутаты, то дѣло тянулось въ парламентской комиссіи цѣлые полгода, а наказаннымъ явился *только одинъ* Байо, имѣвшій „глупость" сознаться въ полученныхъ имъ взяткахъ; всѣ же остальные взяточники, разорившіе тысячи бѣднаго народа и съ мѣднымъ лбомъ отрицавшіе свою виновность, несмотря на уничтожающія ихъ улики,—всѣ вышли сухи изъ воды, сохранили всѣ свои теплыя мѣста, одинъ же изъ нихъ сдѣлался даже президентомъ респулбики, а другой—министромъ-президентомъ!

Вотъ какъ широко и безнаказанно орудуетъ гнилая бюрократія въ демократическихъ республикахъ. Вѣдь всѣмъ извѣстно, что въ Соединенныхъ Штатахъ Америки взяточничество чиновниковъ введено въ особую систему и далеко превосходитъ своимъ безобразіемъ взяточничество французскихъ министровъ, чиновниковъ и депутатовъ.

На насъ взводятъ еще другую клевету — въ томъ, что будто бы мы, Монархисты, стоимъ противъ свободы печати. Мы уже неоднократно выражали протестъ противъ этой клеветы.

Дѣло Гурко-Лидваля обнаружено русскою свободною печатью. Честь ей и слава! И въ этихъ предѣлахъ раскрытія истины ей долженъ быть предоставленъ полный просторъ.

Но развращеніе народа путемъ проповѣди противъ Бога, противъ Царскаго Самодержавія и путемъ цинической безнравственности терпимо быть не можетъ.

Сохраните свободу печати въ этихъ разумныхъ предѣлахъ, и всѣ дѣйствительныя язвы стараго режима будутъ устранены. Свободная печать обезпечитъ открытый путь истинѣ до Царскаго Престола, и для этого не нужно будетъ никакой выборной Думы, которая, какъ мы видѣли, способна не разъяснять, а только запутывать вопросы.

Вотъ, напримѣръ, на предстоящихъ выборахъ дѣло Гурко-Лидваля будетъ служить темой для всевозможныхъ толковъ, и тѣ злоупотребленія, которыя откроетъ назначенная Государемъ коммиссія, послужатъ вѣскими аргументами противъ нашей петербургской бюрократіи.

И прекрасно! Такъ ей и слѣдуетъ! Это она въ лицѣ графа Витте устроила колоссальныя хищенія на Манчжурской желѣзной дорогѣ; это она вызвала Манчжурскую войну и подготовила наши пораженія; это она, въ лицѣ того же графа Витте, подписала Портсмутскій миръ и организовала всю русскую кровавую революцію; это она развратила и разорила нашу школу и превратила ее въ очагъ крамолы.

Какъ же не разоблачать, какъ же не изобличать ее во всѣхъ этихъ преступленіяхъ? На то и должна существовать свободная печать.

Но наша либеральная и революціонная печать нарочно отождествляетъ нашу бюрократію съ Самодержавіемъ, и *въ этомъ* заключается вся ея возмутительная ложь!

Коль скоро продажная бюрократія можетъ съ одинаковымъ успѣхомъ процвѣтать и въ Самодержавной Монархіи, и въ демократической республикѣ: коль скоро она въ послѣдней расцвѣтаетъ еще гораздо пышнѣе, чѣмъ у насъ,—то отождествлять Самодержавіе съ гнилою бюрократіей есть дѣйствительно возмутительная ложь.

Качество бюрократіи зависитъ не отъ формы правленія, а отъ строгой, справедливой энергіи Правительственной Власти, которая гораздо легче можетъ проявиться въ Самодержавной Монархіи, чѣмъ въ конституціонномъ государствѣ.

Вотъ почему на предстоящихъ выборахъ и мы будемъ говорить о дѣлѣ Гурко-Лидваля, какъ о примѣрѣ неограниченной Воли Государя, по собственному почину озарившаго яркимъ свѣтомъ темную бюрократическую тайну, и будемъ настаивать, чтобы въ Россіи сохранилась эта неограниченная Власть Государя при сильномъ, честномъ и безпощадномъ ко всякаго рода хищникамъ Правительствѣ.

Итакъ, мы еще разъ, въ сотый разъ, открыто и ясно высказываемся противъ всѣхъ язвъ нашего бюрократизма.

Вы думаете, что теперь, наконецъ, прекратятся всѣ взводимыя на насъ грубыя клеветы о томъ, что мы, будто бы, защищаемъ гнилую бюрократію?

Нѣтъ, ибо наши враги только и могутъ жить ложью и клеветой, и яркій свѣтъ истины для нихъ ненавистенъ и смертеленъ.

Но намъ до нихъ нѣтъ никакого дѣла: мы смѣло пойдемъ дальше по открытому пути чести и правды, зная, что истина восторжествуетъ надъ ложью, а свѣтъ надъ тьмою, во благо нашей дорогой Родины, Самодержавнаго Царя и Русскаго Народа!

Новая клевета на Правительство.

Не успѣли умолкнуть ложные, надѣемся, слухи о намѣреніи Правительства отдать Россію въ кабалу евреямъ,—какъ появляется новая совершенно невѣроятная клевета все на то же Правительство.

Эта клевета идетъ изъ польскихъ и изъ петербургскихъ полонофильствующихъ источниковъ и приписываетъ Русскому Императорскому Правительству намѣреніе произвести своего рода государственный переворотъ для западныхъ окраинъ Россіи путемъ *введенія* въ эти окраины *земскихъ учрежденій 1890 года.* Увѣряютъ даже, будто проектъ этого предательства *уже готовъ* и будто поляки надѣются исходатайствовать на него высшую санкцію съ такимъ разсчетомъ, чтобъ объ этомъ могло послѣдовать объявленіе *уже 1-го декабря 1906 года.*

Въ этой надеждѣ поляки уже подготовили *втихомолку* на мѣстахъ избирательные земскіе списки, такъ чтобы *выборы* въ земство могли быть произведены *до новаго года.*

Само собою разумѣется, что земство на нашихъ западныхъ окраинахъ

будетъ *польское*, и въ его рукахъ очутится конечно и все *школьное дѣло*, и все дѣло *польской* пропаганды среди *русскаго*, и *католической* среди *православнаго* населенія нашихъ западныхъ губерній. Это составитъ первый рѣшительный шагъ къ *автономіи Польши* и ко включенію въ „*Королевство Польское*" *всей исконной западной Руси* до Днѣпра, а частью и далѣе.

Если поляки готовятъ весь этотъ переворотъ *втихомолку*, то это вполнѣ понятно: за третій раздѣлъ Польши они хотятъ отомстить намъ *первымъ раздѣломъ Россіи*. Этотъ коварный ударъ, очевидно, можетъ подготовляться лишь *въ глубочайшей тайнѣ*, подъ покровомъ которой творятся всѣ польскія предательства и измѣны; ибо въ противномъ случаѣ они не могли бы достигнуть своей цѣли. Вѣдь если бы то пагубное для цѣлости Россіи дѣло, которое поляки нынѣ готовятъ въ своемъ подпольѣ, выплыло наружу до 1-го декабря, оно рушилось бы отъ *единодушнаго крика*, который раздался бы со стороны *всѣхъ Русскихъ людей, дорожащихъ единствомъ, славой и будущимъ Россіи*.

Но что вполнѣ *естественно* для *поляковъ*, то было бы совершенно *противоестественно для Императорскаго Русскаго Правительства*.

Съ какой стати стало бы оно *втихомолку* вырабатывать законы? Ужъ не для того ли, чтобъ внезапно *огорошивать* ими *Русскій Народъ* и ставить его лицомъ къ лицу съ „*совершившимся фактомъ?*" Такія воровскія уловки дѣйствительно пускались въ ходъ такимъ низкимъ интриганомъ, какъ графъ Витте; но такія уловки совершенно недостойны теперешняго руководителя Русской внутренней политики, гордящагося своею безукоризненною честностію.

Да и не могутъ поляки надѣяться, что какой бы то ни было Русскій государственный человѣкъ имъ подастъ руку для того, чтобы положить начало *раздѣлу Россіи*. Или, можетъ-быть, они полагаютъ, что Правительство обязано имъ помочь въ этомъ предательствѣ *въ награду* за то, что польскіе депутаты не подписывали Выборгскаго воззванія? Или они надѣются получить *автономію Польши* и *порабощеніе Русскаго населенія* въ награду за будущія блага, за поддержку Правительства въ будущей Думѣ? Такъ неужели же они думаютъ, что Русское Императорское Правительство будетъ распродавать Россію евреямъ, полякамъ, армянамъ, стараясь заслужить благосклонное вниманіе разныхъ инородческихъ предателей, *въ прямой ущербъ Россіи и Русскаго православнаго народа*?

Они ошибаются: они не найдутъ такого *Русскаго* министра, который гнался бы за позорною популярностью среди заклятыхъ враговъ Россіи: они не найдутъ *министра, которому дороже были бы польскія ласки*, чѣмъ *цѣлость и благо Россіи*:

Нѣтъ, Русскіе люди увѣрены, что Императорское Русское Правительство не станетъ *втихомолку* вводить въ Западныхъ губерніяхъ (съ чисто-русскимъ сельскимъ населеніемъ, но съ полонизованнымъ дворянствомъ и еврейскими городами) земскія учрежденія, *разрушая этимъ начала Русской народности въ этомъ краѣ*.

Русскіе люди не могутъ допустить мысли, будто Русское Правительство держитъ *въ секретѣ* столь великое дѣло, угрожающее цѣлости Государства, съ тою цѣлью, чтобъ о немъ не могли своевременно высказаться всѣ тѣ, кому дороги честь, единство и будущность Россіи, а чтобы, наоборотъ, поляки имѣли возможность сдѣлать, подъ шумъ „освободительнаго движенія", первый шагъ къ осуществленію постоянной своей мечты о *„Польшѣ отъ моря до моря"*.

Русскіе люди возмущаются при одной уже мысли, будто Правительство способно на такую измѣну Россіи, чтобъ оно, въ разсчетѣ привлечь на свою сторону поляковъ-депутатовъ будущей Государственной Думы, за эту услугу готово было заплатить полякамъ столь неслыханно-дорогою цѣной, какъ *первымъ раздѣломъ Россіи!*

Нѣтъ, все это—*клевета на Правительство*, и мы надѣемся, что оно не замедлитъ рѣшительно *отречься отъ такого предательства*, которое ему приписываютъ поляки, что оно *успокоитъ встревоженную Россію* и *очиститъ себя отъ того позора, которымъ польскіе интриганы хотятъ его заклеймить.*

Еврейскій вопросъ и октябристы *).

Въ настоящее время мы всѣ находимся подъ гнетущимъ впечатлѣніемъ грозной опасности, о которой намъ внезапно возвѣстили газетные, до сихъ поръ не опровергнутые, слухи о томъ, будто Правительство намѣрено теперь же *расширить* права евреевъ, а затѣмъ, совмѣстно съ Думой, дать евреямъ *полное равноправіе*, съ уничтоженіемъ черты еврейской осѣдлости.

Доказывать вамъ, монархистамъ, какою гибелью для Россіи грозитъ эта опасность, излишне; вы уже изъ однѣхъ рѣчей нашего почетнаго члена А. С. Шмакова неоднократно выносили убѣжденіе, что не кто иной, какъ именно евреи подняли настоящую крамольную смуту, отъ которой истекаетъ кровью Россія, и что они подняли ее съ единственною цѣлью достигнуть столь необходимаго имъ, для порабощенія Россіи, равноправія. Если Правительство вмѣстѣ съ еврействующею Думой дастъ имъ это равноправіе, то оно, стало-быть, признаетъ себя побѣжденнымъ крамолой, и этою позорною капитуляціей погубитъ и себя, и всю Россію.

Вотъ почему Русское Монархическое Собраніе обратилось къ Государю Императору съ вѣрноподданнической телеграммой, умоляющею Его Величество не допускать разоренія Россіи путемъ расширенія правъ величайшихъ и злостнѣйшихъ ея враговъ—евреевъ. Вы уже знакомы съ текстомъ этой телеграммы, и я ея здѣсь повторять не стану **). Сотни такихъ же телеграммъ полетѣли къ Русскому Царю со всѣхъ концовъ Россіи, и, на основаніи послѣднихъ извѣстій, можно надѣяться, что побѣда

---

*) Рѣчь, сказанная на X Общемъ Собраніи Русской Монархической Партіи, 19-го ноября 1906 года.

**) Телеграмма эта была напечатана въ № 273 *Моск. Вѣд.* 1906 г.

евреевъ надъ русскимъ христіанскимъ міромъ еще не близка. Дай, Господи, чтобъ она никогда и не наступала!

Но евреи будутъ неуклонно добиваться ея, производя все новыя и новыя атаки на Правительство. Вотъ почему на насъ, Русскихъ людяхъ, лежитъ великая обязанность поддержать Правительство въ его борьбѣ съ еврействомъ.

На Думу надежда плоха. Мы, правда, по долгу своей присяги, будемъ напрягать послѣднія силы, чтобы, по желанію Царя, въ новую Думу вошли дѣйствительно лучшіе Русскіе люди; но при существующемъ избирательномъ законѣ, наша побѣда едва ли возможна: снова будутъ выбраны соціалисты, жиды и „жидеты“,—какъ теперь мѣткое народное остроуміе окрестило „кадетовъ“,—и они-то, конечно, дадутъ жидамъ какія угодно права надъ Православною Россіей.

Итакъ, если Правительство, въ борьбѣ съ еврействомъ, вздумаетъ опереться на Думу, оно не найдетъ въ ней опоры и позорно падетъ передъ еврействомъ. Оно можетъ опереться лишь на коренной, православный Русскій Народъ, которому одному принадлежитъ право высказаться: желаетъ онъ или не желаетъ идти въ кабалу къ евреямъ?

Вотъ почему на предстоящихъ выборахъ главная борьба будетъ вертѣться вокругъ *еврейскаго* вопроса, подобно тому, какъ въ первые выборы борьба шла вокругъ вопроса о Царскомъ Самодержавіи.

Въ первые выборы всѣ партіи и союзы дѣлились на два разряда: однѣ стояли за *неограниченное* Самодержавіе Царя (это были *мы*, то-есть Союзъ Русскаго Народа, Монархисты, Союзъ Русскихъ Людей, Общество Патріотовъ и т. д.),—а другія стояли либо за *ограниченное* Самодержавіе (то-есть за такую же нелѣпость, какъ за „деревянное желѣзо“ или „холодный кипятокъ“), либо за полное его *уничтоженіе*.

Нынѣ же всѣ партіи раздѣлятся на другіе два разряда: однѣ будутъ *противъ* евреевъ (это всѣ *наши* партіи, союзы и братства), а другія будутъ *за* евреевъ (соціалисты, жидеты, обновленцы, торгово-промышленники, правовой порядокъ,—если только эти двѣ провалившіяся партіи еще гдѣ-нибудь существуютъ).

„Ну, а октябристы?“ спросите вы: „за евреевъ они или противъ евреевъ“?

Да, господа,—для „октябристовъ“ это—Гамлетовскій вопросъ.

Я, напримѣръ, встрѣчалъ „октябристовъ“ въ разныхъ городахъ, которые о евреяхъ и слышать не хотятъ.

— Такъ какіе же вы октябристы? спрашиваю я ихъ.—Вѣдь октябристы должны стоять за евреевъ.

— Почему такъ?

— Потому что ваши главари стоятъ за евреевъ.

— Какъ за евреевъ?

— Да такъ. Спросите-ка ихъ, они противъ евреевъ ни одного дурного слова не скажутъ и ничего противъ уничтоженія черты еврейской осѣдлости не имѣютъ.

— Нѣтъ, мы съ этимъ не согласны. Мы—противъ евреевъ.

— Такъ и слѣдуетъ, разъ вы—Русскіе люди. Но только, извините, вы, въ такомъ случаѣ, не „октябристы". Ну, а за Русскаго Царя Самодержавнаго вы стоите?

— Стоимъ.

— И за Церковь Православную?

— Конечно.

— А вотъ о ней-то ваши главари помалкиваютъ.

— Неужели?

— Вѣрно. Мы вотъ каждое свое дѣло, каждое собраніе начинаемъ съ молитвы, а всѣ остальныя партіи, и жидеты, и трудовики, и октябристы, и анархисты, на своихъ собраніяхъ никогда и лба не перекрестятъ; въ *этомъ* отношеніи всѣ эти партіи вполнѣ солидарны между собой.

— Нѣтъ, мы не на себя надѣемся, а на Бога.

— Да я изъ всего вижу, что вы не „октябристы", а монархисты. Переходите къ намъ.

— Да неловко. А вотъ мы съ вами въ „блокъ" войдемъ.

— Зачѣмъ въ „блокъ"? Съ *такими* „октябристами", какъ вы, мы войдемъ не въ „блокъ", а въ *полное объединеніе* и этимъ исполнимъ завѣтную мечту начальства. Вы никогда октябристами не были, а всегда были *безсознательными монархистами*. Но рядомъ съ вами въ вашемъ Союзѣ есть и безсознательные кадеты.

Вообще весь Союзъ 17 октября есть одно сплошное недоразумѣніе. Это амальгама всевозможныхъ благонамѣренныхъ Русскихъ людей съ неопредѣленнымъ міросозерцаніемъ, съ слабою волей и туманными вожделѣніями. Бываютъ въ химіи такія жидкости-реактивы, одной капли которыхъ достаточно, чтобы разложить какую-нибудь смѣсь на составныя ея части. Такою именно смѣсью является и Союзъ 17 октября: капнете въ нее каплю „жидъ", и она тотчасъ же раздѣлится на двѣ части: на безсознательныхъ кадетовъ и на безсознательныхъ монархистовъ. Останется, правда, еще третья неопредѣленная муть, но объ этой мути и говорить не стоитъ.

И вотъ, когда намъ говорятъ о „блокѣ" съ Союзомъ 17 октября, мы отвѣчаемъ:

„Ни о какомъ у насъ блокѣ съ нимъ и рѣчи не можетъ быть, пока онъ въ своей программѣ не выскажется ясно *противъ* равноправія евреевъ и *противъ* уничтоженія черты еврейской осѣдлости. А до тѣхъ поръ у него ничего не можетъ быть общаго съ Русскими людьми, коль скоро онъ въ такомъ первостепенномъ, коренномъ вопросѣ съ ними расходится".

А кто знаетъ? Можетъ-быть, и не расходится. Можетъ-быть, октябристы (кромѣ вращающихся въ ихъ средѣ „безсознательныхъ кадетовъ") въ душѣ своей тоже всѣ противъ евреевъ, но только не рѣшаются это высказать. Можетъ-быть, они только, *страха ради Іудейска*, скрываютъ свои истинныя убѣжденія и лишь тѣмъ отъ насъ отличаются, что не обладаютъ ни нашею прямотой, ни нашею отвагой. Въ такомъ случаѣ плохіе они намъ будутъ союзники. Когда мы смѣло пойдемъ впередъ къ свѣтлому

національному возрожденію Россіи, они на полдорогѣ насъ покинутъ, *страха ради Іудейска*!

Но будемъ надѣяться, что они поборютъ свой страхъ и *открыто, категорически* выскажутся *противъ* евреевъ, *противъ* уничтоженія черты ихъ осѣдлости.

О, тогда у насъ съ ними будетъ не „блокъ", а полное, русское, братское единеніе!

Уже теперь, какъ мы видимъ, отдѣльные „октябристы" открещиваются отъ евреевъ и, причисляя себя къ Союзу 17 октября, тѣмъ не менѣе остаются *искренними* Русскими людьми и, какъ таковые, дорожатъ интересами Россіи и ее въ кабалу евреямъ давать не желаютъ. Вотъ такихъ, *отдѣльныхъ* „октябристовъ" мы съ радостью будемъ поддерживать на выборахъ. Еслибы таковымъ, паче чаянія, оказался самъ Александръ Ивановичъ Гучковъ, если-бъ онъ имѣлъ гражданское мужество *открыто* заявить себя противникомъ евреевъ,—мы охотно и за него подадимъ свои голоса.

Итакъ, помните, на выборахъ девизомъ всей Россіи будетъ: „Свобода Россіи отъ евреевъ"! Всѣмъ нашимъ кандидатамъ мы будемъ ставить этотъ кардинальный вопросъ. Кто *за* эту свободу, тотъ—*нашъ*, кто противъ этой свободы, тотъ *не нашъ*, тому въ Думѣ мѣста быть не должно!

Да и съ какой стати стали бы мы вступать въ „блокъ" съ такъ-называемыми „срединными" партіями, состоящими изъ такихъ непостоянныхъ людей, которые вѣчно перебѣгаютъ изъ одной межеумочной партіи въ другую, вѣчно сочиняютъ и пересочиняютъ свои убѣжденія и программы?

То ли дѣло мы? Намъ не приходится раскаиваться въ томъ, что мы какъ написали свою программу, такъ ея и не мѣняемъ.

Смотрите, что было годъ тому назадъ: вокругъ насъ бушевала крамола, и для насъ *выгоднѣе* было перейти на ея сторону, и многіе, по трусости, *страха ради Іудейска*, такъ и поступили. А мы, терпя оскорбленія, подвергаясь травлѣ, испытывая всевозможныя невыгоды, неся во всемъ тяжелый ущербъ,—мы оставались твердо на своей позиціи, не уступая ни іоты изъ своей программы.

Гдѣ въ то время были „октябристы"? Они примыкали къ „освободительному" движенію, они кокетничали съ кадетами, они вмѣстѣ съ ними обзывали насъ „черносотенцами", „человѣконенавистниками" и вмѣстѣ съ ними взводили на насъ самыя оскорбительныя, самыя лживыя клеветы.

А теперь, когда они видятъ, что ихъ товарищи-кадеты окончательно провалились, они начинаютъ поглядывать въ нашу сторону, но боятся открыто и честно протянуть намъ руку; они и теперь еще пережевываютъ старыя лживыя про насъ сплетни, которыя они подслушали у дверей кадетскихъ гостиныхъ.

Мы всегда открыто громили и громимъ гнилую бюрократію, а они до сихъ поръ упорно продолжаютъ лгать, что мы ее защищаемъ! Они знаютъ насъ не по нашей программѣ, не по нашимъ статьямъ, брошюрамъ и рѣчамъ, которыхъ они не читали и читать не хотятъ,—а по издѣвавшимся надъ нами жидовскимъ газетамъ и карикатурнымъ листкамъ.

Нѣтъ, господа, идите открыто къ намъ! Вглядитесь въ насъ! Не бой-

тесь насъ! Признайте, что мы были правы, когда стояли вмѣстѣ со всѣмъ Народомъ Русскимъ за Церковь Православную, за Царя Самодержавнаго, за Россію для Русскихъ.

Къ чему „блокъ"? Идите въ полное единеніе! Мы въ своей программѣ не ошиблись, и вы въ ней не ошибетесь: она дѣйствительно *русская* программа! Смотрите: каждый день по всей необъятной Россіи открываются все новые и новые союзы Русскаго Народа! Онъ насъ понимаетъ, онъ намъ вѣритъ, онъ идетъ къ *намъ*, а *не къ вамъ*, которыхъ онъ никогда не пойметъ, пока вы ему не будете говорить открыто и прямо ту истину, которою онъ дорожитъ выше всего, ту истину, которою мы привлекли къ себѣ его честное, русское, золотое сердце.

Вотъ мы подаемъ вамъ руку, чтобы вы вышли изъ той трясины, въ которой вы такъ безпомощно топете. Выходите изъ нея, станьте на тотъ твердый, торный путь, на вѣковой путь Россіи, на которомъ мы стоимъ, чтобы вмѣстѣ съ нами двинуться впередъ къ свѣту, къ истинѣ, къ славѣ и единству Россіи, къ ея независимости отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ.

Въ *такомъ тѣсномъ, братскомъ единеніи* мы побѣдимъ нашихъ общихъ враговъ и спасемъ Россію!

Мы вамъ протягиваемъ руку. А не хотите,—какъ хотите: мы и безъ этого единенія одни исполнимъ священный долгъ всѣхъ искреннихъ Русскихъ людей, ибо мы вѣруемъ, что съ нами Богъ, и знаемъ, что за нами весь многомилліонный Русскій Народъ!

„Русскій Домъ" въ Москвѣ.

22 ноября, 1906 года, Русское Монархическое Собраніе выслушало въ своей Частной Бесѣдѣ горячій, краснорѣчивый докладъ отца протоіерея Восторгова о необходимости основать въ Москвѣ „Русскій Домъ".

Всѣ присутствовавшіе на Собраніи,—выслушавъ затѣмъ еще пояснительную рѣчь предсѣдателя Русской Монархической Партіи В. А. Грингмута,—единогласно, съ необычайнымъ подъемомъ духа, немедленно присоединились къ мысли отца Восторгова и тутъ же собрали между собой болѣе 2000 рублей, какъ основаніе фонда для сооруженія или покупки „Русскаго Дома" въ Москвѣ.

Тѣмъ, кто не присутствовалъ на этой Бесѣдѣ и не слышалъ вышеназванныхъ ораторовъ, можетъ показаться страннымъ, почему въ *Москвѣ* необходимо создать *Русскій* Домъ.

Если въ Петербургѣ основано *Русское* Собраніе, то это еще понятно: всѣмъ извѣстно, что Петербургъ изъ всѣхъ крупныхъ городовъ Россіи по направленію своему наименѣе Русскій, а потому Русской колоніи въ Петербургѣ необходимо было объединяться и отгородиться отъ окружающихъ ее нѣмцевъ, финновъ, поляковъ, западниковъ, либераловъ-бюрократовъ и въ особенности евреевъ.

Но Москва? Москва вѣдь сердце Россіи! Москва вѣдь всегда была по преимуществу Русскимъ городомъ!

Да, была—и перестала быть.

Если она на выборахъ въ первую Думу плѣнила сьзлѣйшими врагами Россіи: евреями и юдофилами „кадетами"; если въ ней прежній оплотъ Россіи — купечество въ видныхъ представителяхъ своихъ отрекается отъ національныхъ идеаловъ Россіи; если въ составѣ 305 Московскихъ первой гильдіи купцовъ въ настоящее время состоятъ 176 жидовъ (60%!!); если Московскій Университетъ представляетъ собою вертепъ революціоннаго хулиганства; если Московская Дума и Московское Земство братаются съ бомбистами и баррикадными „героями"; если, наконецъ, среди Московскаго духовенства объявляются крамольники, идущіе противъ своего митрополита,—то можно ли Москву назвать Русскимъ городомъ?

Да, въ Москвѣ, какъ и въ Петербургѣ, *Русскимъ* людямъ уже приходится объединяться и отгораживаться и отъ инородцевъ, и отъ евреевъ, и отъ всѣхъ многочисленныхъ ренегатовъ, измѣнившихъ Родинѣ, ея вѣковымъ идеаламъ и ея великому міровому призванію.

Да, и въ Москвѣ Русскіе люди начинаютъ уже чувствовать себя Русскою „колоніей", которой необходимо имѣть свое пристанище, свое убѣжище—свой *домъ*.

Вотъ объ этомъ *домѣ* намъ и надо позаботиться.

Русскимъ людямъ въ Москвѣ необходимо имѣть домъ, гдѣ они были бы хозяевами, гдѣ они чувствовали бы себя *дома*.

Это не пустая фраза, а фактическая истина, обусловленная горькою дѣйствительностью.

Во время забастовокъ и вооруженнаго возстанія Русскіе люди не находили въ Москвѣ типографіи, гдѣ они могли бы печатать свои книги, брошюры и газеты. Да и теперь,—сколько стоило труда для „Союза Русскаго Народа", для „Всенароднаго Русскаго Союза", для „Московской Областной Управы Объединеннаго Русскаго Народа", чтобы найти себѣ хотя бы наемное пристанище: Русскіе Московскіе домохозяева, въ душѣ сочувствуя намъ, все-таки чураются насъ „страха ради іудейска"; да и наше Монархическое Собраніе нашло лишь случайно временное гостепріимство у добрыхъ Русскихъ людей, но стѣны этого помѣщенія уже становятся тѣсными для все прибывающихъ новыхъ членовъ,—и уже съ января придется мыкаться по Москвѣ, отыскивая хотя бы наемный Русскій домъ для Русскихъ людей въ центрѣ Москвы.

Для всѣхъ насъ стало вполнѣ очевиднымъ, что настала уже пора имѣть намъ *свой собственный домъ*, Русскій Домъ, принадлежащій Русскимъ Москвичамъ.

„Мой домъ—моя крѣпость", говоритъ англичанинъ, и Русскій Домъ въ Москвѣ долженъ быть крѣпостью, твердыней, неприступнымъ „кремлемъ" Русскаго народнаго духа.

Если мы теперь собираемся воедино въ переживаемое нынѣ Россіей тяжелое время, то мы должны будемъ точно такъ же собираться и въ ту блаженную пору, когда исчезнетъ смута, дабы она не появилась снова.

Россія спала до тѣхъ поръ, пока злой ея геній не замахнулся на нее, дабы нанести ей смертельный ударъ.

Но Господь не допустилъ этого вопіющаго преступленія; предательскій ударъ графа Витте не убилъ Россіи, а только разбудилъ ее на погибель самому злодѣю.

Русскій Народъ проснулся, всталъ во весь исполинскій свой ростъ и теперь уже не заснетъ на вѣки. Онъ распозналъ своихъ друзей и своихъ враговъ, въ особенности своихъ тайныхъ враговъ, старающихся уловить его въ свои льстивыя, пагубныя сѣти. Онъ знаетъ, что враги эти никогда не перестанутъ покушаться на цѣлость, единство, силу и славу Россіи, и что, слѣдовательно, Русскому Народу необходимо будетъ, пока жива Россія, крѣпко и бодро стоять на ея стражѣ, въ особенности пока будетъ еще продолжаться злосчастный Петербургскій періодъ ея исторіи.

На этой стражѣ должна будетъ стоять по преимуществу *Русская* Москва, крѣпко сплотившись между собою и имѣя во всякое время полную возможность немедленно собираться въ своемъ Домѣ на свое вѣче для обсужденія и принятія немедленныхъ мѣръ къ предотвращенію новыхъ бѣдъ и смутъ въ Россіи.

Но Русскій Домъ долженъ служить и для мирныхъ, культурныхъ цѣлей Русскаго Народа. Въ немъ должна помѣщаться та образцовая Русская національная „Кирилло-Меѳодіевская“ средняя школа, надъ созданіемъ которой нынѣ трудится Русское Монархическое Собраніе.

Въ томъ же домѣ должна имѣть свою Управу и та „Русская школьная Матица“, которая, имѣя попеченіе объ этой первой Русской національной школѣ, должна будетъ покрыть всю Россію цѣлою сѣтью такихъ же, по религіозно-національному духу, низшихъ, среднихъ и высшихъ школъ.

Въ этомъ же Русскомъ Домѣ въ Москвѣ должны имѣть свое обезпеченное отъ внѣшнихъ насилій помѣщеніе—книгоиздательство и типографія Московской Областной Управы, приступившей уже къ обширной народно-литературной дѣятельности, а также къ издательству Русскихъ національныхъ учебниковъ, которымъ суждено будетъ вытѣснить съ книжнаго рынка тотъ лженаучный тенденціозно-революціонный хламъ, которымъ нынѣ отравляется наша школа.

Мы уже не говоримъ о томъ Русскомъ національномъ книгохранилищѣ, которое должно будетъ найти себѣ помѣщеніе въ Русскомъ Домѣ, содержа въ себѣ все *національное* духовное, научное и литературное творчество Русскаго народа.

Наконецъ, въ Русскомъ Домѣ всѣ Московскія патріотическія партіи и союзы должны будутъ имѣть удобныя помѣщенія для своихъ Управъ, обширныя залы для своихъ собраній и образцовую аудиторію для многолюдныхъ публичныхъ чтеній.

Найдется ли такой домъ въ Москвѣ?

Онъ *долженъ* найтись.

Если онъ не найдется, то его нужно будетъ выстроить.

Но найдутся ли для этого необходимые капиталы?

Они *должны* найтись.

Слишкомъ велика, слишкомъ очевидна потребность въ такомъ домѣ, чтобы можно было хоть на минуту сомнѣваться въ томъ, что высказанная мысль о Русскомъ Домѣ получитъ дѣйствительное свое осуществленіе.

Развѣ насъ не убѣждаетъ въ осуществимости этой мечты тотъ разительный фактъ, что не успѣла проявиться мысль о „Русскомъ Домѣ" въ Москвѣ въ Частной Бесѣдѣ Русскаго Монархическаго Собранія, какъ въ нѣсколько минутъ оказалась уже подписанною такая, сравнительно, крупная, сумма, какъ 2000 слишкомъ рублей? .

Открывая съ сегодняшняго дня подписку на созданіе Русскаго Дома въ Москвѣ, мы непрерывно будемъ давать отчетъ о поступающихъ на эту цѣль пожертвованіяхъ, которыя, мы надѣемся, будутъ идти не изъ одной Москвы, но изо всей Россіи, дорожащей созданіемъ въ Москвѣ твердаго оплота своихъ духовныхъ, государственныхъ и народныхъ идеаловъ.

Принимаясь за это великое, благое дѣло, мы молимъ Господа Вседержителя не оставить насъ Своею благодатною помощью, въ уповаціи на которую мы бодро смотримъ въ будущее и уже видимъ предъ духовными своими взорами величественное зданіе „Русскаго Дома" въ Москвѣ.

Адская злоба и милость Божья.

Всѣ Русскіе люди содрогнутся отъ ужаса при чтеніи полученнаго изъ Петербурга извѣстія о новомъ покушеніи на адмирала Дубасова.

Вотъ что намъ передано по телеграфу и телефону:

„По городу сейчасъ распространяются подробности новаго покушенія на жизнь бывшаго Московскаго генералъ-губернатора, адмирала Дубасова.

„Адмиралъ Дубасовъ живетъ сравнительно въ глухой мѣстности, вблизи Таврическаго дворца. Въ послѣднее время онъ иногда гулялъ въ Таврическомъ саду. Послѣ ряда гнилыхъ дней, сегодня (2 декабря) хорошій, морозный день, и адмиралъ Дубасовъ послѣ завтрака отправился на прогулку.

„Когда онъ проходилъ въ Таврическомъ саду около пруда, въ садъ вошли по одиночкѣ трое молодыхъ людей. Двое сѣли на горкѣ на скамейку, куря папиросы, наблюдая за адмираломъ, третій же зашелъ за горку. Когда адмиралъ поравнялся съ нимъ, злодѣй къ нему приблизился, направилъ на него револьверъ и въ упоръ выстрѣлилъ три раза; но всѣ пули пролетѣли мимо.

„На звуки выстрѣловъ показались сторожа сада и чины охраны; тогда неизвѣстный молодой человѣкъ, отбѣжавъ отъ Дубасова, бросилъ бомбу, которая разорвалась вблизи адмирала, но, къ счастью, лишь осколокъ контузилъ ему опять ту самую ногу, которая была контужена при первомъ покушеніи въ Москвѣ.

„Въ первый моментъ адмиралъ упалъ, но вскорѣ поднялся и намѣревался удалиться отъ мѣста взрыва. Въ это время подбѣжавшіе дворники схватили человѣка, бросившаго бомбу. Тогда сидѣвшіе на скамейкѣ террористы открыли пальбу изъ браунинговъ, а одинъ изъ нихъ приблизился къ адмиралу и также произвелъ въ него выстрѣлъ изъ револьвера.

Адмиралъ схватилъ его за руку, а сторожа и полицейскіе поспѣшили къ нему на помощь.

„Второй молодой человѣкъ вырвался и, отбѣжавъ нѣкоторое разстояніе, бросилъ вторую бомбу, которая, однако, взорвалась лишь съ слабымъ трескомъ.

„Оба покушавшіеся задержаны, третій бѣжалъ.

„Нѣкоторые изъ очевидцевъ утверждаютъ, что была брошена и третья бомба.

„Адмиралъ Дубасовъ затѣмъ благополучно дошелъ, безъ посторонней помощи, до своей квартиры на Сергіевской улицѣ.

„Днемъ адмирала посѣтили съ поздравленіемъ по случаю спасенія многія высокопоставленныя лица и представители высшаго общества.

„Оба задержанные молодые люди, лѣтъ 19—20. Одинъ блондинъ съ длинными волосами, другой брюнетъ. У второго при обыскѣ найдено 12 запасныхъ патроновъ. Мѣтки на бѣльѣ у обоихъ срѣзаны. Преступники, отправленные въ Охранное отдѣленіе, назвать себя отказались“.

Какою адскою злобой пропитаны эти изверги, если они съ такимъ изступленнымъ фанатизмомъ преслѣдовали человѣка, уже давно покинувшаго свой постъ, за то, что онъ годъ тому назадъ не далъ разыграться крамолѣ во всей ея дьявольской кровожадности!

Душа двоится между чувствомъ ужаса и чувствомъ глубокаго умиленія предъ милостью Божіей, второй уже разъ предотвратившею цѣлый рядъ смертельныхъ ударовъ отъ того человѣка, которому Москва, а за ней и вся Россія, обязана своимъ спасеніемъ.

Это ли не новое чудо Господней благодати, спасшей за послѣднее время отъ гибели уже нѣсколькихъ вѣрныхъ слугъ Царскихъ! Двѣ, а, можетъ-быть, даже и три бомбы брошены, цѣлый рядъ револьверныхъ выстрѣловъ сдѣланъ въ упоръ,—и адмиралъ Дубасовъ остался живъ!

Какъ отнесутся открыто-революціонныя газеты къ этому гнусному злодѣянію, легко себѣ представить. Но весьма характерно будетъ поведеніе кадетской партіи, этой мерзкой шайки іезуитовъ, гнѣздящихся въ пропитанныхъ ложью редакціяхъ *Рѣчи*, *Русскихъ Вѣдомостей*, *Руси*, *Русскаго Слова* и прочихъ крамольныхъ рептилій.

Они, отвергнутые всѣми честными людьми, протягиваютъ свои руки для блока съ открытыми революціонерами.

Сами они бомбъ не бросаютъ, но поощряютъ бомбистовъ, какъ „піонеровъ“ революціоннаго движенія.

А потому, новое адское покушеніе на адмирала Дубасова падаетъ на головы и террористовъ, и кадетовъ. Обѣ эти партіи забрызганы кровью честныхъ Русскихъ людей—и Русскій народъ на выборахъ припомнитъ, что на совѣсти кадетовъ лежитъ не только возмутительное Выборгское воззваніе, но что на ней лежатъ и „подвиги“ ихъ товарищей-бомбистовъ.

Война?

Да, легко можетъ быть и война.

Новая война съ Японіей.

Мы пережили первую войну и всѣ ужасы крамолы. Но все это лишь ничтожная часть тѣхъ бѣдъ, которыми наградилъ Россію графъ Витте. Главная часть—впереди. Она обрушится на нашихъ дѣтей и внуковъ, и тѣ проклятія, которыя они будутъ посылать графу Полусахалинскому, заглушатъ собою наши проклятія.

Грозящая намъ новая война съ Японіей является прямымъ послѣдствіемъ предательской политики этого злого генія Россіи.

Унизивъ Россію въ Портсмутѣ, Витте не только спасъ Японію отъ грозившаго ей неминуемаго пораженія, но и придалъ ей еще больше высокомѣрія и наглости.

Пока мы тратили дорогое время на наши, навязанныя намъ графомъ Витте, „конституціонныя" реформы, вызвавшія нашу кровавую смуту,—японцы успѣли снова вооружиться и спѣшатъ теперь воспользоваться нашими внутренними неурядицами: они предъявили намъ новыя дерзкія требованія, на которыя *Россія согласиться не можетъ*, не утративъ послѣдняго уваженія въ глазахъ всѣхъ остальныхъ державъ.

Что слѣдуетъ намъ дѣлать?

По нашему мнѣнію, тутъ колебаній быть не можетъ:

1) Мы должны немедленно прекратить всѣ наши внутреннія смуты, неурядицы и реформы, въ особенности всѣ приготовленія къ этимъ несуразнымъ выборамъ въ Государственную Думу,—и отсрочить ее до полнаго возстановленія мира внѣшняго и внутренняго.

2) Мы должны сосредоточить все свое вниманіе исключительно на грозящей намъ новой войнѣ, готовясь къ ней съ усиленною, неустанною энергіей.

3) Мы должны отвѣтить на требованія Японіи съ твердымъ достоинствомъ и не дѣлать ей ни малѣйшихъ уступокъ.

4) Мы должны сказать Царю нашему, что мы, Русскіе люди, готовы на всякія жертвы и лишенія, чтобы отстоять честь и славу нашей Родины. По Его Державному слову мы охотно пойдемъ на коварнаго и дерзкаго врага и не положимъ оружія, пока не возстановимъ обаянія Бѣлаго Царя на Востокѣ во всемъ Его прежнемъ величіи.

Люди Русскіе! Развѣ это не правда? Откликнитесь! Успокойте Государя нашего Батюшку! Скажите Ему, что Онъ можетъ смѣло положиться на Свой православный народъ. Японцы разсчитываютъ на наше малодушіе. Докажемъ имъ, что на этотъ разъ они въ

своихъ разсчетахъ ошиблись. Русскіе люди сплотятся вокругъ своего Самодержавнаго Царя, и на этотъ разъ не перестанутъ биться до полной побѣды!

Пусть Государь будетъ въ этомъ увѣренъ, и пусть въ этой увѣренности Онъ черпаетъ силы, бодрость и утѣшеніе.

Великое преступленіе.

Каждый разъ, какъ возвращаешься съ какого-нибудь народнаго собранія и дѣлишься впечатлѣніями съ присутствовавшими на немъ единомышленниками, у всѣхъ неизмѣнно вырывается одно и то же восклицаніе:

— Какой это чудный народъ! Если-бъ только Правительство *знало* этотъ народъ, если-бъ оно только *пожелало на него опереться*, оно сразу пріобрѣло бы такую *несокрушимую мощь*, предъ которою не могла бы устоять никакая смута, никакая крамола.

Въ самомъ дѣлѣ, какой это чудный народъ, съ чистой, искренней душой, съ золотымъ сердцемъ, съ яснымъ, трезвымъ умомъ! Какъ отзывчивъ онъ на всякую благородную мысль, на всякое доброе чувство, на всякое горячее патріотическое слово!

Сколько разъ я видѣлъ предъ собой эти сотни, эти тысячи открытыхъ, добрыхъ, озаренныхъ общею радостью лицъ, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдящихъ, притаивъ дыханіе, за рѣчью человѣка, пришедшагося имъ по душѣ и въ ясныхъ словахъ излагающаго то, что у нихъ такъ долго и такъ смутно таилось въ глубинѣ ихъ сердецъ. Нельзя безъ захватывающаго очарованія взирать на эту трогательную картину, на этихъ сосредоточенно слушающихъ сѣдыхъ и бѣлыхъ, какъ лунь, стариковъ, на этихъ умиленно внимающихъ, съ катящимися по морщинистому лицу слезами, старушекъ, на эту восторженную молодежь, съ искрящимися глазами, ловящую каждое слово, побуждающее ее къ благороднымъ подвигамъ на поприщѣ вѣрнаго и стойкаго служенія Богу, Царю и Родинѣ!

И какъ отзывчива, какъ благодарна эта народная масса, чуждая какого бы то ни было слѣпого фанатизма, слушая разъясненіе и оправданіе своихъ самыхъ дорогихъ, завѣтныхъ убѣжденій, которыя въ настоящее время подвергаются со стороны разбушевавшихся враговъ Русскаго Народа дерзкому издѣвательству и злобному гоненію; съ какимъ искреннимъ, задушевнымъ увлеченіемъ выражаетъ этотъ народъ свою признательность тѣмъ его пастырямъ и руководителямъ, которые раскрываютъ предъ ними истинную сущность творящихся на Руси событій и разъясняютъ, какъ къ нимъ долженъ относиться Русскій человѣкъ, вѣрующій въ Бога, повинующійся Царю и любящій свою Родину.

Да, какой это *чудный, славный, добрый народъ! Народъ Боголюбивый и Царелюбивый.* Сколько въ немъ еще сохранилось *духовныхъ сокровищъ*, давно уже утраченныхъ развращенными народами Запада! Какія *чудеса* могъ бы совершать съ *такимъ* народомъ *Русскій Царь*, еслибъ представители Его Власти руководствовались *свѣтлыми, вѣковыми, побѣдоносными*

идеалами многомилліоннаго Русскаго Народа, а не такъ называемымъ „*общественнымъ мнѣніемъ*", выражаемымъ лишь ничтожною кучкой „*интеллигенціи*", утратившей послѣдніе слѣды Русскаго облика въ своихъ чувствахъ и мысляхъ и опирающейся на жалкую фразеологію еврействующей печати.

Но, увы! *Петербургъ не знаетъ или не хочетъ* знать ни высокихъ, свѣтлыхъ идеаловъ Русской души, ни великой благородной мощи ея вѣковыхъ завѣтовъ, ни трогательной умиленности ея глубочайшихъ чувствъ къ Богу, Царю и Родинѣ.

Русская народная душа—это величайшее сокровище, которымъ дорожило бы всякое *національное, народное* Правительство, но *для нашего Петербурга* она *гроша мѣднаго не стоитъ*: для него дороги лишь тѣ *обтрепанные западные идеалы*, которые насильно навязаны Россіи графомъ Витте и усиленно рекламируются его рептиліями.

И въ этомъ заключается *великое преступленіе* Петербурга,—преступленіе, совершаемое подъ покровомъ *глубокаго лицемѣрія*.

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ всѣ реформы, которыя теперь съ такою лихорадочною поспѣшностью изготовляются, и явно и тайно, въ Петербургскихъ канцеляріяхъ, не проходятъ подъ флагомъ „*народа*", „*народнаго* блага", „*народныхъ* интересовъ", „*народныхъ* желаній, „*народной* воли"? Но разъ Петербургскія канцеляріи не знаютъ или не хотятъ знать Русскаго Народа, то какъ же онѣ могутъ знать, въ чемъ заключаются его блага, его интересы, его желанія, его воля? Онѣ имѣютъ предъ собой статистическія цифры, собранныя по искусственнымъ бюрократическимъ шаблонамъ, разные доклады, записки и другіе столь же бюрократическіе и столь же шаблонные матеріалы, но *живой народной души* съ ея *завѣтными мечтами* и *духовными нуждами* у нихъ *нѣтъ*, и они даже не замѣчаютъ отсутствія этого *наиболѣе цѣннаго и необходимаго* для ихъ работы „матеріала".

Русская народная душа, полная высшихъ религіозно-нравственныхъ сокровищъ,—мы ее видимъ, мы ее чувствуемъ на нашихъ народныхъ собраніяхъ, мы понимаемъ ея трепетъ, ея стремленія, ея чистые порывы,—но, увы, мы видимъ и понимаемъ, какъ *безсердечный Петербургъ* не только ее *презрительно игнорируетъ*, —это было бы лишь полбѣды,—но какъ онъ ее систематически *развращаетъ и отравляетъ*, и въ этомъ заключается его *страшное, наибольшее преступленіе*.

Въ самомъ дѣлѣ, сердце обливается кровью, когда видишь, съ какимъ безчувственнымъ, казеннымъ равнодушіемъ Петербургъ взираетъ на тѣ *потоки развращающей народную душу литературы*, которые ежедневно своими ядовитыми волнами разливаются по всей Россіи, *стараясь лишить Русскій Народъ его Боголюбія и Царелюбія!* И съ такимъ же казеннымъ равнодушіемъ тотъ же Петербургъ караетъ тѣхъ крестьянъ и рабочихъ, которыхъ самъ же онъ своимъ преступнымъ попустительствомъ отравилъ этимъ ядомъ!

Что̀ же можетъ сказать Петербургъ въ свое оправданіе?

О, конечно, очень многое. Онъ вѣроятно прежде всего вотъ что скажетъ:

„Я долженъ свято хранить великій принципъ *свободы слова*".

Какого слова? Всякаго? И добраго и злого, и цѣлебнаго и ядовитаго, и правдиваго и лживаго? Значитъ, если злое, ядовитое и лживое слово отравляетъ Русскую народную душу и превращаетъ честный, благочестивый и преданный Царю Русскій Народъ въ разбойническую толпу хулигановъ, то такое слово должно даже пользоваться полною свободой?

„Да, конечно, иначе будетъ нарушенъ священный принципъ свободнаго слова".

Значитъ, этотъ „священный" почему-то принципъ дороже спасенія Русской народной души?

„Конечно, дороже. Если этотъ принципъ будетъ нарушенъ, „кадеты" заѣдятъ Правительство въ Думѣ своими запросами, а печать разстроитъ нервы Петербурга своими обвиненіями въ нарушеніи этого священнаго принципа".

И изъ-за этого принципа, изъ-за „кадетовъ" и изъ-за Петербургскихъ нервовъ должна погибнуть Русская народная душа?

„Но вѣдь мы допускаемъ свободу не только яда, но и противоядія. Пусть ядовитая печать отравляетъ народъ, а хорошая его исцѣляетъ"!

Но что̀ сказали бы мы о врачѣ, который равнодушно давалъ бы своему паціенту ядъ въ перемежку съ противоядіемъ? Зачѣмъ отравлять народъ и затѣмъ подвергать его болѣе чѣмъ сомнительному лѣченію, если можно сохранить его цѣлымъ и невредимымъ? А къ тому же гдѣ ручательство, что каждый отравленный печатью Русскій человѣкъ получитъ и свою долю противоядія? Подумайте только о необъятномъ количествѣ ядовитой крамольной литературы! Сколько она отравитъ людей, которые затѣмъ станутъ заражать своимъ ядомъ другихъ людей, прежде чѣмъ къ нимъ достигнутъ листки правдивой печати!

Одинъ изъ дѣятелей Французской революціи обезсмертилъ себя преступною фразою: „Пусть лучше погибнутъ колоніи, чѣмъ какой-нибудь принципъ"! Но тамъ шла рѣчь только о колоніяхъ. Что̀ же сказать о Петербургѣ, который театрально-пошло восклицаетъ: *„Пусть лучше погибнетъ Русскій Народъ, чѣмъ принципъ свободы слова"*!

Принципъ „свобода слова"! Пусть свободное слово изобличаетъ всѣ язвы нашей государственной бюрократіи. Кто можетъ возразить противъ такого ея дѣйствія? Но Петербургъ своимъ преступнымъ попустительствомъ даетъ крамольникамъ полный просторъ развращать душу Русскаго Народа *кощунственною проповѣдью противъ Бога, анархическою пропагандой противъ Царя, возмутительнымъ издѣвательствомъ надъ всѣмъ, что̀ дорого и свято Русскому Народу!*

Еще есть время положить конецъ этому преступному бездѣйствію Петербурга! *Необходимо теперь же принять строгія мѣры охраны Русскаго народа отъ потоковъ развращающаго его печатнаго яда!*

Пусть лучше нарушится безсмысленный принципъ „свободы всякаго слова", чѣмъ погибнетъ Боголюбивая и Царелюбивая душа Русскаго Народа!

Опомнитесь, Петербургскіе душегубы!

„Турниръ".

„Октябристы" очень гордятся побѣдой, одержанною ими надъ „кадетами", на томъ „турнирѣ", на который они ихъ пригласили 30 ноября 1906 года.

Дѣйствительно, побѣда эта была полная, и этого не отрицаютъ даже тѣ „кадеты", которые еще не вполнѣ утратили чувство правды.

Но могло ли быть иначе, какъ по *существу* преній, происходившихъ между представителями обѣихъ партій, такъ и по той *формѣ*, въ которой они велись?

По *существу* побѣдить „кадетовъ" такъ легко, что въ сущности всякій споръ съ ними излишенъ. Такъ какъ всѣ аргументы ихъ основаны на грубой лжи и нагломъ обманѣ, то стоитъ только разоблачить эту ложь и этотъ обманъ, какъ они тотчасъ же принуждены замолчать.

Такъ, напримѣръ, на дняхъ *„Русскія Вѣдомости"* по обыкновенію, солгали, заявивъ, что Панамскій бюрократическій скандалъ во Франціи былъ де „послѣдствіемъ Наполеоновскаго режима", и что ни одинъ изъ уличенныхъ въ этомъ скандалѣ взяточниковъ не былъ впослѣдствіи ни президентомъ республики, ни министръ-президентомъ. Они говорили эту ложь въ доказательство того, что будто бюрократическое взяточничество возможно только въ монархіяхъ, а не въ республикахъ.

Но стоило только намъ опровергнуть ихъ завѣдомую ложь фактическими доказательствами и указать на республику Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, какъ на *классическую* страну бюрократическаго взяточничества, какъ профессора *„Русскихъ Вѣдомостей"* закусили губы, жалко поджали хвостъ и—умолкли *).

И таковы всѣ аргументы „кадетовъ". Всѣ они разлетаются въ пухъ и прахъ, какъ только приблизятъ къ нимъ свѣтъ истины.

Вотъ почему мы и утверждаемъ, что „октябристамъ" на устроенномъ ими „турнирѣ" чрезвычайно легко было побѣдить „кадетовъ" по самому существу ихъ аргументаціи.

Но еще легче было это сдѣлать по той *формѣ*, которую „октябристы" придали этому „турниру", и противъ которой мы считаемъ своимъ долгомъ протестовать самымъ рѣшительнымъ образомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, въ формѣ этого „турнира" не было и тѣни справедливости.

Первымъ говорилъ „октябристъ" г. Бобрищевъ-Пушкинъ въ теченіе *двухъ часовъ*, а затѣмъ изъ „кадетовъ" было предоставлено говорить безъ ограниченія времени лишь г. Шершеневичу, всѣмъ же остальнымъ „кадетамъ" собраніе „октябристовъ" позволило говорить лишь по *пяти минутъ!!* Мы удивляемся добродушію „кадетовъ", которые согласились участвовать въ *такомъ* „турнирѣ" въ которомъ они, если бы даже были вполнѣ правы, заранѣе обречены были на вѣрное пораженіе.

---

*) См. *„Моск. Вѣд."* 1906 г., № 285.

Г. Кизеветтеръ, хотя и „кадетъ", но въ данномъ случаѣ говорилъ сущую правду, жалуясь на то, что—

„турниръ 30-го ноября былъ во всякомъ случаѣ не рыцарскаго характера. Что сказали бы о рыцарѣ, который, вызвавъ противника на честный и открытый бой, передъ началомъ поединка связалъ бы ему руки для предоставленія себѣ самому безпрепятственной возможности махать мечомъ? Во всякомъ случаѣ, его не признали бы рыцаремъ „„безъ страха и упрека"" *).

Мы недоумѣваемъ, почему г. Гучковъ счелъ нужнымъ придать устроенному имъ „турниру" столь странную форму. Неужели онъ боялся, что „кадеты", при иныхъ условіяхъ, разбили бы „октябристовъ"? Плохого же онъ мнѣнія о программѣ своей партіи. Или онъ опасался, что у „октябристовъ" нѣтъ достойныхъ борцовъ, чтобы ниспровергнуть карточные домики „кадетовъ". Плохого же онъ мнѣнія о г. Бобрищевѣ-Пушкинѣ, одномъ изъ наиболѣе блестящихъ и умныхъ ораторовъ современной Россіи, которымъ „октябристы" поистинѣ могутъ гордиться. Мы на мѣстѣ А. И. Гучкова предоставили бы „кадетамъ" вполнѣ высказать всю свою ложь въ теченіе двухъ-трехъ часовъ, а затѣмъ г. Бобрищевъ-Пушкинъ уничтожилъ бы ихъ въ полчаса.

При такихъ условіяхъ пораженіе „кадетовъ" сдѣлалось бы для нихъ еще болѣе позорнымъ.

Теперь же побѣда „октябристовъ" вовсе не имѣетъ того значенія, которое она могла бы имѣть, ибо „кадеты" на всѣхъ перекресткахъ жалуются, подобно г. Кизеветтеру, что ихъ „заманили въ ловушку" и „связали имъ руки".

Впрочемъ, это неизбѣжная судьба „кадетовъ", которые столь же лживы, какъ и легкомысленны. Вѣдь Выборгъ тоже былъ для нихъ ловушкой, въ которую ихъ заманили евреи и трудовики и которая имъ нанесла еще болѣе пораженіе, чѣмъ „турниръ", въ который ихъ заманили „октябристы".

Бояться ли войны **).

Можетъ ли война кому-нибудь быть желательною?

Конечно,—нѣтъ.

А потому намъ необходимо употребить всѣ мѣры, чтобы войны не было.

Если мы будемъ бояться войны и дѣлать японцамъ уступки, мы только увеличимъ ихъ заносчивость,—и тогда война непремѣнно будетъ.

Если же, наоборотъ, мы докажемъ японцамъ, что мы, опираясь на свои законныя права, ни на какія уступки съ ними не пойдемъ, если они убѣдятся въ томъ, что мы не жалкіе трусы и ихъ не боимся,—тогда, конечно, войны не будетъ.

Такъ разсуждаетъ здравый смыслъ Русскихъ людей, не желающихъ

*) См. „*Русск. Вѣд*". 1906 г., № 290.

**) Рѣчь, произнесенная въ VIII Частной Бесѣдѣ Русскаго Монархическаго Собранія 8 декабря 1906 года.

ввергать Родину въ новую тяжелую войну. Они помнятъ золотое правило: „если хочешь мира, готовься къ войнѣ“.

Но для „кадетовъ“ и ихъ союзниковъ справа и слѣва война въ высшей степени желательна, такъ какъ они разсчитываютъ на новое пораженіе Русскихъ войскъ съ такимъ же злорадствомъ, съ какимъ встрѣчали такія же пораженія и въ прошлую войну, черпая въ нихъ силы для своего „освободительнаго“ движенія.

Вотъ почему они совѣтуютъ Россіи выказать передъ японцами величайшую трусость, дабы побудить ихъ къ неслыханному высокомѣрію и къ новой войнѣ, надѣясь на новыя побѣды японцевъ въ Азіи и на тѣсно-связанныя съ ними побѣды крамольниковъ въ Россіи.

Всѣмъ вѣдь извѣстно, съ какимъ радостнымъ восторгомъ „кадеты“ и ихъ приспѣшники встрѣтили въ „кулуарахъ“ Государственной Думы японскаго посланника Мотоно, и какъ горячо они благодарили его за то, что японцы побили Русскихъ и этимъ доставили побѣду русской крамолѣ.

Не удивительно, поэтому, если г. Мотоно,—повѣривъ, будто гг. Аладьины, Гредескулы и Винаверы въ своихъ подлыхъ рѣчахъ выражаютъ истинныя чувства Русскаго народа,—позволяетъ себѣ говорить такимъ дерзкимъ тономъ съ Русскими министрами, требуя отъ нихъ немедленныхъ уступокъ въ пользу Японіи.

А между тѣмъ, за этими громкими фразами таится не та грозная сила, которою Японія обладала наканунѣ прошлой войны, а тщательно скрываемое ею безсиліе.

Мы все воображаемъ, что мы одни лишились флота, а что у японцевъ морскія силы находятся все въ томъ же блестящемъ состояніи, въ какомъ онѣ были въ началѣ прошлой войны. А теперь обнаруживается, что у японцевъ нѣтъ ни одного цѣлаго броненосца, что всѣ они тяжело пострадали и теперь чинятся заклепками на заклепкахъ, вслѣдствіе чего японцы рыскаютъ по всѣмъ портамъ вселенной, стараясь подыскать себѣ новые броненосцы и бронированные крейсера.

Финансовое положеніе Японіи несравненно хуже теперь, чѣмъ передъ первою войной, и добрые ея друзья тоже охладѣли къ ней до того, что Америка находится въ настоящее время даже въ болѣе натянутыхъ отношеніяхъ съ Японіей, чѣмъ Россія.

Затѣмъ, не слѣдуетъ забывать, что вѣрнѣйшіе союзники Японіи—наши крамольники—находятся теперь въ болѣе „стѣсненномъ“ положеніи, чѣмъ три года тому назадъ, когда они, своими подлыми забастовками на Сибирской дорогѣ, съ звѣрскимъ безсердечіемъ обрекали нашихъ солдатъ на вѣрную смерть, а японцамъ доставляли вѣрную побѣду.

Но что всего важнѣе, что намъ даетъ возможность говорить съ японцами,—для предотвращенія войны—съ должною твердостью и неуступчивостью,—это очевидность самой слабой ихъ стороны: *въ ихъ игрѣ у нихъ уже нѣтъ теперь главнаго козыря—графа Витте!*

Въ Смоленскѣ *).

Злая рука, тяготѣющая надъ Россіей, лишена теперь возможности править судьбами Россіи явнымъ образомъ; съ тѣмъ большимъ ожесточеніемъ она мститъ за вынужденное безсиліе кровавыми ударами изъ-за угла.

Великій Князь Сергѣй Александровичъ, В. К. Плеве, графъ А. П. Игнатьевъ — это все та же серія мученическихъ жертвъ, павшихъ для того, чтобы очистить дорогу крамолѣ и дать доступъ ея главарямъ къ Верховной Власти.

О, эти главари умѣютъ выбирать свои жертвы; даромъ они своихъ ударовъ не наносятъ, и если они избрали предметомъ своей злобы графа А. П. Игнатьева, то они, очевидно, знали его заслуги передъ Царемъ и Родиной, которые имъ такъ ненавистны.

Объ этихъ заслугахъ мало кто зналъ внѣ Петербурга, а между тѣмъ заслуги эти долгое время предохраняли Россію отъ той гибели, къ которой она послѣ 17 октября такъ внезапно и быстро сразу покатилась.

Православная Церковь теряетъ въ графѣ Игнатьевѣ одного изъ искренно и дѣятельно любившихъ ее сыновъ, Русскій Государь — одного изъ наиболѣе вѣрныхъ и честныхъ Своихъ слугъ, а мы всѣ, весь Русскій Народъ, лишаемся въ немъ одного изъ самыхъ твердыхъ оплотовъ нашихъ завѣтныхъ вѣрованій и національныхъ идеаловъ, одного изъ самыхъ ревностныхъ ходатаевъ за нужды и интересы Русскаго народа передъ Царскимъ Престоломъ.

Миръ твоей душѣ, доблестный витязь, честно стоявшій настражѣ нашей Родины!

Ты покидаешь ее какъ разъ въ то время, когда надъ нею стали расходиться грозовыя тучи. Дай Богъ намъ увидѣть ясный, радостный день спасенія Россіи, ради котораго ты не щадилъ своихъ силъ, но котораго дождаться въ земной жизни тебѣ не было суждено. Тамъ, у Престола Всевышняго, ты будешь слѣдить за нашею дальнѣйшею борьбой, которую мы потщимся вести по твоему примѣру—честно, искренно, неутомимо!

А борьба эта еще далеко не окончена, и хотя побѣда для насъ, опирающихся на Божію помощь, несомнѣнна, но, прежде чѣмъ мы ея достигнемъ, намъ нужно будетъ пережить еще много тревожныхъ дней.

Мы несомнѣнно благополучно переживемъ ихъ, но при одномъ лишь условіи:

Мы должны тѣсно сплотиться противъ общаго врага и не дѣлать ему ни малѣйшихъ уступокъ.

Но кто же этотъ врагъ?

Не васъ мнѣ объ этомъ спрашивать, доблестные граждане древняго Смоленска!

На-дняхъ я былъ въ Тамбовѣ и Козловѣ; даже и тамъ, на мой вопросъ,

*) Рѣчь, говоренная въ Смоленскомъ Отдѣлѣ Союза Русскаго Народа 10 декабря 1906 года.

Русскій народъ единогласно называлъ этого врага, хотя тамъ, слава Богу, онъ пока еще не получилъ возможности наложить свое невыносимо тяжкое ярмо на Русскій народъ.

Что же сказать о Смоленскѣ, который почти уже всецѣло находится въ его цѣпкихъ рукахъ?

Я сегодня утромъ пріѣхалъ въ Смоленскъ и перевидалъ уже много Русскихъ людей,—и у всѣхъ одна жалоба на устахъ: „намъ отъ евреевъ житья нѣтъ!“ *(Вѣрно! Вѣрно!)* А замѣтьте: Смоленскъ числится *внѣ* черты еврейской осѣдлости.

Каково же жить Русскимъ людямъ внутри этой черты! Каково же будетъ жить Смоленску, когда эта черта будетъ прорвана еврейскимъ натискомъ и вся эта страшная саранча разсыплется по всей необъятной землѣ Русской!

А этотъ ужасъ неминуемо совершится, если въ Государственной Думѣ снова очутятся евреи и сочувствующіе имъ соціалисты, „кадеты“ и „октябристы“.

А потому будьте осторожны на предстоящихъ выборахъ и выбирайте только такихъ Русскихъ людей, которые ясно, точно, безо всякихъ оговорокъ выскажутся *противъ* евреевъ. *(Вѣрно! Кто за евреевъ, тотъ не Русскій человѣкъ!)*

Смоленскъ былъ всегда Русскимъ форпостомъ, оберегавшимъ Москву отъ западныхъ нашествій, подобно тому, какъ другіе города Россіи охраняли Москву отъ напора восточныхъ завоевателей, принимая на себя первые ихъ, наиболѣе грозные, удары.

Вотъ почему Москва, выражая глубокую благодарность Смоленску, ожидаетъ отъ него, что онъ и теперь должнымъ образомъ исполнитъ свой великій историческій долгъ и, вступивъ въ тѣсное и дружное единеніе съ остальными городами Россіи, окажетъ отпоръ еврейскому нашествію, какъ нѣкогда удѣльные города Русскіе, собравшіеся вокругъ Москвы, дали окончательный отпоръ нашествію татарскому.

Кто же руководитъ этимъ нашествіемъ? (Крики: *графъ Витте, графъ Полусахалинскій!)*

Нѣтъ, вы ошибаетесь.

Конечно, если взять какую-либо русскую бѣду и прослѣдить внимательно до ея источника, то мы непремѣнно наткнемся въ концѣ концовъ на графа Витте. Но, тѣмъ не менѣе, онъ не верховный руководитель всѣхъ бѣдствій, обрушившихся на Россію. *(А кто же?)*

Есть люди, стоящіе несравненно выше его и руководящіе *изъ-за границы* судьбами Россіи. Если вы хотите, я вамъ могу ихъ назвать даже по именамъ. Это—три еврея: Бенедиктъ, Луццати и Адлеръ; въ особенности первые двое. Запомните эти имена: это настоящіе владыки Россіи.

Мнѣ говорятъ, что тутъ находится корреспондентъ здѣшней еврейской газеты. Такъ потрудитесь, господинъ корреспондентъ, записать въ точности эти имена и не переврать ихъ. Впрочемъ, вашему патрону они лучше извѣстны, чѣмъ мнѣ. *(Смѣхъ).*

Вся сила всемірнаго еврейскаго движенія лежитъ въ рукахъ Бенедикта и Луццати.

Первый изъ нихъ, Морицъ Бенediktъ, состоитъ главнымъ издателемъ извѣстной Вѣнской ультра-еврейской газеты *Neue Freie Presse*, и нѣтъ человѣка на свѣтѣ, который бы съ такою адскою злобой ненавидѣлъ Россію, какъ этотъ австрійскій жидъ.

А Луиджи Луццати, венеціанскій жидъ,—извѣстный итальянскій соціологъ, неоднократно занимавшій постъ министра финансовъ.

Сравнительно съ этими двумя заклятыми нашими врагами, графъ Витте—мальчишка и щенокъ, одна изъ тѣхъ жалкихъ маріонетокъ, которыя движутся въ Россіи по волѣ и указаніямъ заграничнаго еврейскаго политически-финансоваго заговора противъ Россіи, во главѣ котораго стоятъ вышеназванные еврейскіе главари, снабжающіе русскую крамолу своими милліонами.

Центромъ этого заговора служитъ Парижъ съ его еврейскимъ „высокимъ финансовымъ міромъ" (haute finance), отъ котораго всецѣло зависитъ опутанная заграничными долгами, благодаря графу Витте, наша несчастная Родина. Вотъ почему Полусахалинскій графъ такъ усиленно добивался,— и, къ счастью нашему, не добился,—чтобъ его назначили нашимъ посломъ въ Парижъ, такъ какъ оттуда ему гораздо легче было бы управлять Русскимъ Государствомъ, постегивая его золотымъ еврейскимъ бичомъ, чѣмъ даже изъ Зимняго Дворца, въ которомъ онъ проживалъ въ апогеѣ своего полновластія.

Я сказалъ вамъ, что концы всѣхъ нитей, руководившихъ всѣми нашими бѣдствіями, находились въ рукахъ графа Витте.

Въ самомъ дѣлѣ, на кого только не возлагалась отвѣтственность за наши военныя неудачи! А между тѣмъ *единственнымъ* ихъ виновникомъ является Витте. *(Вѣрно! Долой его!)*

Лѣтъ десять тому назадъ, военный министръ Куропаткинъ представилъ докладъ, по которому требовалось организовать столь же сильную охрану на нашей Дальне-Восточной границѣ, какую мы имѣемъ на границѣ Западной. Въ противномъ случаѣ, писалъ генералъ Куропаткинъ, *мы потерпимъ тяжелыя пораженія отъ пробудившагося Востока, и одновременно у насъ вспыхнетъ внутренняя революція, пользуясь нашимъ неизбѣжнымъ пораженіемъ на Востокѣ*, гдѣ наша граница въ то время защищалась лишь рѣдкими пикетами дремлющихъ казаковъ.

Графъ Витте опровергнулъ этотъ докладъ: онъ поручился за то, что на Востокѣ у насъ никогда никакой войны не будетъ, такъ какъ Востокъ онъ беретъ въ свои руки и будетъ тамъ вести свою политику. Мы знаемъ, какая эта была политика! Политика безшабашнаго авантюризма, политика безсовѣстнаго хищенія и грабежа, политика измѣны *(вѣрно! вѣрно!)*,—политика, которая неминуемо должна была кончиться войной, дѣйствительно обрушившеюся на нашу лишенную военной защиты далекую окраину.

Но этого мало: въ то самое время, когда графъ Витте отвергнулъ прозорливый докладъ генерала Куропаткина, онъ сочинилъ фантасмагорію Гаагской конференціи, за которую, по его увѣреніямъ, *должно было послѣдовать всеобщее разоруженіе всѣхъ державъ и настать вѣчный миръ.*

Вы знаете, что ничего этого не случилось и случиться не могло. Ни

одна держава не разоружилась, и послѣ конференціи ни одного года безъ войны въ той или другой части свѣта не проходило.

Да, никто не разоружился, кромѣ Россіи, которая стала съ каждымъ годомъ отставать въ качествѣ и количествѣ своего вооруженія, такъ какъ графъ Витте, благодаря фикціи, созданной Гаагскою конференціей, получилъ возможность ежегодно урѣзывать наши военные бюджеты до такого минимума, при которомъ немыслимо было имѣть войска на высотѣ современныхъ военныхъ потребностей. *(Это измѣна!)*

И вотъ, когда грянула война, у насъ не оказалось войска въ Азіи, а въ Европѣ его вооруженіе никуда не годилось. Сколько трагизма было въ судьбѣ Куропаткина, который долженъ былъ принять командованіе въ походѣ, *неудачу котораго, сопряженную съ внутреннею революціей, онъ самъ предсказалъ десять лѣтъ тому назадъ*! Онъ взялъ на себя эту тяжелую задачу, умоляя насъ лишь объ одномъ, о нашемъ *терпѣніи*: онъ зналъ, что, послѣ цѣлаго ряда неизбѣжныхъ пораженій, наступитъ моментъ, когда японцы окажутся слабѣе насъ, и что тогда лишь начнутся наши побѣды.

Но терпѣть намъ пришлось дольше, чѣмъ онъ предполагалъ: руководители нашей революціи,—исполнявшіе, какъ по писанному, предсказаніе Куропаткина,—рѣшили войти въ союзъ съ японцами и напасть на русскую армію съ тыла.

По приказанію еврейскаго заграничнаго кагала, вспыхнула *забастовка на Сибирской желѣзной дорогѣ*,—и наши солдаты лишены были подвоза всего для нихъ необходимаго. Сибирскіе желѣзнодорожники, среди которыхъ была такая масса жидовъ и поляковъ, громко ликовали при каждой неблагопріятной для нашей арміи вѣсти и *умышленно заставляли ее гибнуть* не только отъ ударовъ войска, но и отъ голода и холода, явившихся вслѣдствіе коварной желѣзнодорожной забастовки.

Вотъ кто виноватъ въ нашихъ пораженіяхъ! Русскіе „освободители" и великій главарь ихъ, графъ Витте! *(Вѣрно! Они виноваты!)* Не забывайте этого, господа! Виноваты всѣ эти безсердечные хищники-желѣзнодорожники, съ такимъ злорадствомъ относившіеся къ гибели нашихъ отцовъ, братьевъ и сыновей! Виноваты заграничные главари евреи, поддерживавшіе и графа Витте, и забастовщиковъ.

Но вотъ настала, наконецъ, жданный моментъ, когда мы, послѣ Мукдена, стали сильнѣе Японцевъ. Побѣда была въ нашихъ рукахъ. Японцы предчувствовали свою неминуемую гибель и обратились съ мольбой выручить ихъ изъ грозившей имъ бѣды. Еврейскіе режиссеры разгрома Россіи быстро поставили на сцену возмутительную комедію Портсмутской конференціи, на которой графъ Витте поспѣшилъ предотвратить разгромъ Японіи подписаніемъ позорнѣйшаго мира! (*Предатель!*)

Дальнѣйшіе ужасы, явившіеся прямымъ послѣдствіемъ всей этой предательской политики, всѣмъ извѣстны, и я ихъ повторять не стану. Но прошу васъ имѣть въ виду, что, несмотря на все то зло, которое евреи причинили Россіи, мы, тѣмъ не менѣе, къ еврейскимъ „погромамъ" никого не призываемъ!

Да, да, г. корреспондентъ *Смоленскаго Вѣстника*, васъ это удивляетъ? А между тѣмъ это сущая правда! Смотрите, если вы записываете мои слова, то не перевирайте ихъ. *(Смѣхъ).*

Вотъ уже цѣлый годъ какъ я почти ежедневно пишу газетныя статьи и говорю рѣчи. И *ни разу*, слышите, г. корреспондентъ, *ни разу* я не призывалъ Русскихъ людей громить евреевъ. Но что подѣлаешь съ ними? У нихъ совѣсть до такой степени не чиста, что имъ на каждомъ шагу мерещатся страхи, и нѣтъ ни одного правовѣрнаго еврея, который не былъ бы глубоко увѣренъ, что Грингмутъ ничѣмъ другимъ не занимается, какъ только „устраиваетъ еврейскіе погромы". *(Смѣхъ).*

А между тѣмъ, Грингмутъ и всѣ монархисты еще годъ тому назадъ, составляя свою программу, категорически *исключили изъ нея всякое насильственное дѣйствіе* и съ тѣхъ поръ остались безусловно вѣрны своей программѣ. Но евреи ни за что нашей программы читать не хотятъ, и предпочитаютъ ей совершенно-дикую и нелѣпую легенду, будто монархисты разъѣзжаютъ по городамъ и селамъ для устройства еврейскихъ погромовъ! Я убѣжденъ, что и сейчасъ вотъ смоленскіе евреи трепещутъ, опасаясь, что мы изъ этого собранія пойдемъ громить ихъ лавки *(смѣхъ)*, подобно тому какъ въ Кіевѣ евреи на Подолѣ вполнѣ были увѣрены, что „начнется погромъ", когда мы на высотѣ Днѣпровскаго берега пѣли: *Боже, Царя Храни* и *Спаси, Господи, люди Твоя*!

Вотъ и другую клевету взводятъ на насъ евреи. Тысячу разъ мы ее отвергали, и въ тысячу первый разъ они опять ее повторяютъ.

Мы, видите ли, хотимъ во что бы то ни стало воскресить „старый режимъ". Намъ, видите ли, очень хочется, чтобы чиновники у насъ попрежнему были взяточники и казнокрады, а министры предатели и измѣнники! Г. корреспондентъ *Смоленскаго Вѣстника*, смотрите: это я иронически говорю, не вздумайте мнѣ приписать преступнаго и нелѣпаго желанія вернуться къ старому режиму взяточничества и казнокрадства, которыя мы бичуемъ съ большею искренностью и съ меньшею пощадой, чѣмъ вы. *(Смѣхъ).*

Вѣдь это не *мы*, а *вы* желаете возвращенія къ власти графа Витте, этого олицетворенія Петербургской бюрократіи въ самомъ худшемъ ея видѣ,— бюрократіи, не знающей Россіи, бюрократіи нахальной, бюрократіи продажной, бюрократіи хищнической, Манчжурской, набившей себѣ карманы при постройкѣ города Дальняго, который какъ-будто нарочно былъ выстроенъ спеціально для японцевъ, чтобы имъ легче было овладѣть Портъ-Артуромъ, на должное укрѣпленіе котораго, съ тою же цѣлью, графомъ Витте не было отпущено необходимыхъ суммъ. *(Вѣрно, вѣрно!)*

Намъ говорятъ, что мы нападаемъ на графа Витте теперь: когда онъ палъ, „лежачаго-де не бьютъ". Это неправда! Мы изобличали графа Витте въ его измѣнѣ, когда онъ былъ на вершинѣ своего всемогущества и когда всѣ евреи, еврействующіе „освобожденцы" и весь бюрократическій Петербургъ валялись у его ногъ, ожидая себѣ какой-нибудь милости и „теплаго мѣстечка". *(Смѣхъ).*

Мы и теперь не перестанемъ напрягать всѣ усилія, чтобы онъ не вернулся къ власти, чтобъ онъ удалился изъ Россіи, чтобы у насъ, на-

конецъ, прекратилась кровавая серія убійствъ такихъ людей, какъ новопреставленный рабъ Божій графъ Алексѣй!..

Пораженіе Кокошкина.

Честь и слава Московскому дворянству!

Давно оно не проявляло такой зрѣлости мысли и такого гражданскаго мужества, какъ 15 декабря 1906 года, когда оно извергло изъ своей среды одного изъ недостойныхъ и преступныхъ своихъ членовъ, Выборгскаго крамольника Кокошкина.

Правда, это, въ сущности, не Богъ знаетъ какой подвигъ уличить и выгнать человѣка, опозорившаго честь Русскаго дворянства. Но по нынѣшнимъ временамъ дряблаго малодушія нужно радоваться и такому акту твердости Московскаго дворянства и видѣть возрождающееся въ немъ сознаніе своего долга передъ Царемъ и всею Россіей.

Жаль, что, по чисто-формальнымъ причинамъ, Московское дворянство лишено было возможности произнести такой же карательный приговоръ и надъ другимъ своимъ членомъ, княземъ П. Д. Долгоруковымъ, который, по своему положенію, несравненно зловреднѣе, чѣмъ какой-то тамъ Кокошкинъ. Но если не юридически, то фактически князь Долгоруковъ, дерзнувшій выступить предъ дворянами защитникомъ Кокошкина, уже теперь нравственно заклейменъ тѣмъ же клеймомъ, какъ и его кліентъ, въ ожиданіи того момента, когда Московское дворянство получитъ возможность расправиться по долгу совѣсти и чести и съ этимъ измѣнникомъ.

Конечно, и Кокошкинъ, и Долгоруковъ, будутъ еще хорохориться, что, дескать, дворянскій приговоръ „только возвыситъ ихъ въ глазахъ народа", но въ дѣйствительности они сами знаютъ, что пѣсня ихъ спѣта, какъ спѣта пѣсня всей ихъ кадетской партіи! Примѣръ Москвы повліяетъ и на другія дворянскія собранія, и мы увѣрены, что даже Костромскіе дворяне, вышедшіе изъ-подъ деспотическаго ига своего, привлеченнаго нынѣ къ суду, предводителя Шулепникова, очнутся отъ охватившаго ихъ крамольнаго безумія и, какъ честные Русскіе люди, будутъ открещиваться отъ Выборгскихъ преступниковъ!

15 декабря 1906 года явилось радостнымъ проблескомъ свѣта среди окружающаго насъ безпросвѣтнаго мрака. Мы обязаны этимъ свѣтомъ главнымъ образомъ нашимъ ближайшимъ единомышленникамъ и сотоварищамъ по союзу „Объединеннаго Русскаго Народа"—князю А. Г. Щербатову, К. Н. Пасхалову и Ю. П. Бартеневу. Безпощадная правда и неотразимая логика ихъ обвинительныхъ рѣчей изобличили предъ лицомъ Московскаго дворянства всю гнусность совершеннаго Кокошкинымъ преступленія и обезпечили полную побѣду здравому смыслу, высшей справедливости и чувству долга.

Да будетъ эта побѣда добрымъ предзнаменованіемъ грядущихъ нашихъ побѣдъ! Всюду, во всей Россіи, раздаются побѣдные клики: „Русь идетъ!" И съ Божьею помощью придетъ и побѣда, придетъ спасеніе Россіи!..

„Возрожденіе“ графа Витте.

Одинъ за другимъ падаютъ тѣ Русскіе богатыри, которые, служа вѣрой и правдой Царю и Родинѣ, преграждаютъ путь преступнаго честолюбія къ полновластію.

Вчера графъ Игнатьевъ, сегодня—генералъ Лауницъ,—а завтра кто?

А завтра и послѣзавтра такіе же честные Русскіе люди, безтрепетно исполняющіе свой долгъ, остающіеся вѣрными своей присягѣ и приносящіе свою жизнь въ жертву—неизвѣстно за что, ибо Правительство не реагируетъ на это геройское мученичество, не возмущается неслыханною гнусностью крамолы, истребляющей, по намѣченному плану, лучшихъ и вѣрнѣйшихъ слугъ Царя, и,—вмѣсто того чтобы сразу положить конецъ этому истощающему Россію злу строгою, справедливою, безпощадною *диктатурой*,—продолжаетъ заниматься кропотливою и безполезною починкой крамольнаго выборнаго закона.

Если Правительство думаетъ, что революція, поднятая графомъ Витте, успокоилась,—оно глубоко ошибается.

Революція встрѣтила непредвидѣнныя ею и графомъ Витте препятствія въ отдѣльныхъ честныхъ Русскихъ людяхъ, изъ коихъ одни заставили порѣдѣть шайки крамольниковъ, а другіе пробудили всю мощь Русскаго народа, дабы дать всеобщій, стихійный отпоръ дерзкому мятежу.

Вотъ почему революція на время пріостановилась: она сперва хочетъ устранить со своего пути, то-есть съ пути графа Витте, всѣхъ своихъ главныхъ единичныхъ противниковъ, дабы затѣмъ съ удвоенными силами приступить къ возобновленію своихъ массовыхъ дѣйствій, тѣмъ болѣе, что къ тому времени ряды крамольниковъ пополнятся всѣми тѣми преступниками, которые нынѣ съ такою предупредительною любезностью всюду освобождаются нашими судами,—этимъ вѣрнѣйшимъ оплотомъ нашей революціи.

Но это только одна сторона дѣла.

Если графу Витте расчищается путь бомбами, браунингами и кинжалами, то онъ очень хорошо знаетъ, что по этому пути ему нельзя будетъ совершить свое тріумфальное шествіе, пока онъ не возстановилъ своей репутаціи въ глазахъ Русскаго народа.

Съ этою цѣлью онъ пригласилъ къ себѣ нововременскаго Меньшикова и—„очаровалъ“ его. Какія именно „чары“ были пущены въ ходъ въ данномъ случаѣ, объ этомъ можно только догадываться, и мы ниже позволимъ себѣ высказать свои догадки. Но во всякомъ случаѣ „очарованіе“ Меньшикова графомъ Витте было полное, какъ о томъ свидѣтельствуютъ нижеслѣдующія, совершенно невѣроятныя даже для этого шалаго, безпринципнаго болтуна, строки, появившіяся 19 декабря 1906 года на страницахъ Суворинской газеты:

„Я отнюдь не одобряю нервности нѣкоторыхъ государственныхъ людей, капризничающихъ въ отношеніи къ Верховной Власти, подающихъ въ отставку при первомъ серіозномъ „треніи“ въ ихъ карьерѣ. *Считаю серіозной ошибкой самоудаленіе* отъ большой работы такихъ дѣятелей какъ *г. Ти-*

*мирязевъ, гр. Витте, г. Кони и т. п.**). Но, съ другой стороны, тяжкая вина за крушеніе карьеръ этихъ выдающихся людей ложится на ту среду незначительныхъ, ничтожныхъ ихъ сослуживцевъ, которые кое-гдѣ нашептываютъ, плетутъ сплетни, заводятъ тонкія козни и подвохъ, создавая на верхахъ опаснѣйшую изъ *темныхъ* (*sic!*) *силъ*—„общественное мнѣніе". Тѣ, „тѣсною толпой стоящіе у трона свободы, генія и славы палачи", которые, по словамъ Лермонтова, сгубили Пушкина, которыхъ спеціальность ополчаться *на все великое, что есть въ странѣ*, они еще существуютъ, ихъ порода не вывелась. Толпа льстецовъ ведетъ свою гнусную работу и теперь, когда разгромъ Россіи доказалъ, какая опасность въ предпочтеніи бездарныхъ людей талантамъ. *Таланты капризны, но такова природа этого Божьяго дара. Отеческая власть*, пренебрегая счетами съ мелкою слабостію, *хорошо сдѣлаетъ, ухаживая за рѣдкими людьми, какъ садовникъ за рѣдкими растеніями. Снизойдя къ капризу замѣчательнаго человѣка*, выигрываютъ для государства иногда богатырское служеніе, незамѣнимое рабскою службой цѣлой сотни посредственностей".

Тутъ что ни строчка, то—перлъ.

Начать съ того, что позорное, трусливое бѣгство С. Ю. Витте передъ созданною имъ хаотическою Думой называется то „ошибочнымъ самоудаленіемъ", то „нервнымъ капризничаніемъ по отношенію къ Верховной Власти", то, наконецъ, „крушеніемъ карьеры" вслѣдствіе „сплетенъ мелкихъ сослуживцевъ", которые де создаютъ „темную силу общественнаго мнѣнія".

Тутъ ничего не разберешь: ясно только усиленное стараніе вызвать въ „общественномъ мнѣніи",—которое въ данномъ случаѣ, очевидно, представляется „свѣтлою" силой,—сожалѣніе о паденіи величайшаго измѣнника Россіи, а слѣдовательно и желаніе, чтобъ онъ снова вернулся къ своему всемогуществу!

А затѣмъ выходитъ, что графъ Витте имѣетъ право „капризничать", а Русскій Государь обязанъ „ухаживать" за нимъ, какъ садовникъ за „рѣдкимъ растеніемъ"! Ибо, видите ли, „капризы" графа Витте входятъ въ составъ того „Божьяго дара", который ему данъ въ видѣ „таланта". Сколько тутъ цинизма и кощунства!

Если графъ Витте думаетъ, что „очарованный" имъ нововременскій болтунъ такимъ цинизмомъ поможетъ ему „возродиться" въ глазахъ проклинающаго и презирающаго его народа,—онъ, конечно, очень далекъ отъ истины.

Но иначе, чѣмъ грубымъ цинизмомъ, графъ Витте дѣйствовать не можетъ. Вся его прежняя карьера зиждилась на этомъ цинизмѣ; на немъ же будетъ зиждиться и новое его поприще, начало котораго ознаменовано смертоносными выстрѣлами въ Твери и Петербургѣ.

Ну, развѣ не цинизмъ то увѣреніе, которое графъ Витте расточаетъ направо и налѣво, и которое, вѣроятно, и „очаровало" нововременскаго фельетониста? Дѣло въ томъ, что графъ Витте постоянно ссылается на свои „вѣрноподданническія чувства, которыя одни будто бы препятствуютъ

---

*) Курсивъ вездѣ нашъ.

ему обнародовать (подтасованные имъ) „документы“, изъ которыхъ де видно, что онъ ни въ войнѣ, ни въ позорномъ мирѣ, ни въ крамолѣ, *совсѣмъ не виноватъ*, а что въ этомъ виноватъ Тотъ, Кого онъ не желаетъ назвать „изъ вѣрноподданническаго чувства“.

Можетъ ли идти дальше циническая наглость? Нѣтъ, какъ бы крамола и нововременскіе фельетонисты ни усердствовали, расчищая этому измѣннику путь къ полновластію, Русскій Народъ станетъ поперекъ этого пути и не дозволитъ графу Витте всю тяготѣющую на немъ вину свалить на Того, Кто является первымъ Страдальцемъ въ настоящей невзгодѣ Россіи!

Но Правительство должно помочь народу въ охраненіи Государя отъ направленныхъ противъ Него козней, и не оставаться равнодушнымъ, когда гибнутъ лучшіе Его слуги! Вѣдь есть-же возможность прекратить весь этотъ невыносимый кошмаръ!

Генералъ Лауницъ не разъ жаловался близкимъ ему людямъ, что у него „руки связаны“ въ борьбѣ съ крамолой! Вѣдь это ужасно! Его прямо выдали головой крамолѣ, которую ему не позволяли сразу подавить. „Дайте мнѣ на *шесть* часовъ полную власть, и отъ крамолы не осталось бы и слѣда“, неоднократно повторялъ онъ, унывая въ борьбѣ съ противодѣйствующими ему силами,—и силы эти его побороли:

Неужели и теперь Правительство останется со „связанными руками“?

И еще новая жертва...

На-дняхъ мы писали:

„Вчера — графъ Игнатьевъ; сегодня — генералъ Лауницъ; а завтра кто?“ *)

Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ слѣдующая только-что полученная нами телеграмма:

Петербургъ, 27 декабря. „*Сегодня, въ 9 часовъ утра, убитъ главный прокуроръ генералъ-лейтенантъ Павловъ тремя выстрѣлами изъ револьвера*“.

Вы думаете, что хоть теперь Петербургъ воспрянетъ изъ своего мертвеннаго равнодушія и почувствуетъ въ себѣ хоть каплю того негодованія, которымъ переполнены сердца Русскихъ людей? Вы думаете, что хоть теперь Петербургъ приметъ тѣ, сами напрашивающіяся, мѣры строгаго предотвращенія подобныхъ крамольныхъ убійствъ? Вы думаете, что Петербургъ рѣшится, наконецъ, водворить въ Россіи тотъ законный порядокъ, который такъ быстро и такъ успѣшно былъ водворенъ въ 1881 году послѣ такого же ряда возмутительныхъ „террористическихъ“ убійствъ? Вѣдь данный безошибочный примѣръ передъ глазами; почему-же ему не послѣдовать?

Вы ошибаетесь: для Петербурга все это „пустяки“; онъ и впредь будетъ относиться съ полнѣйшимъ равнодушіемъ къ подобнымъ душу раздирающимъ преступленіямъ, а на революціонный терроръ крамольниковъ и на негодующіе вопли Русскихъ людей будетъ отвѣчать все тѣмъ

*) См. *Моск. Вѣд.* 1906 г., № 309.

же невозмутимымъ старчески-бюрократическимъ перебиранiемъ бирюлекъ и гаданьемъ о будущемъ составѣ Государственной Думы!

Петербургъ, установивъ полевые суды, на этомъ и успокоился. Но вѣдь полевые суды караютъ лишь *послѣднихъ* преступниковъ революцiи, а не *первыхъ*: они казнятъ лишь *исполнителей*, а не *внушителей* революцiонныхъ преступленiй, — а эти *внушители* живутъ себѣ припѣваючи, издѣваясь надъ Царемъ, Правительствомъ и Народомъ и готовя ему новые, для нихъ, *внушителей*, совершенно безнаказанные, террористическiе сюрпризы!

Крестьянинъ, раздающiй бумажку съ Выборгскимъ воззванiемъ, подвергается карѣ,—а гнусные составители этой мерзкой провокацiи гуляютъ себѣ на свободѣ и, въ крайнемъ случаѣ, подвергнутся не полевому суду, *котораго они заслуживаютъ*, а тому „милостивому“, „либеральному“ суду, который обычно оправдываетъ еще и не такихъ политическихъ негодяевъ, дабы ими пополнить порѣдѣвшiе кадры революцiонной банды. Запомните имена „оправданныхъ“ и „полуоправданныхъ“ фидлеровцевъ: они будутъ фигурировать въ будущихъ террористическихъ преступленiяхъ.

Петербургъ видитъ, что наши высшiя учебныя заведенiя превратились въ революцiонные вертепы, умственно и нравственно развращающiе нашу молодежь, въ разсадники тѣхъ самыхъ террористовъ, которые убиваютъ лучшихъ Русскихъ людей; Петербургъ видитъ, какое возмутительное преступленiе творится этимъ надъ будущностью Россiи,—но ему и горя мало, онъ и пальцемъ не пошевельнетъ, чтобы прекратить это преступленiе: ему не до того!

Петербургъ видитъ, какъ революцiонная печать ежедневно разливаетъ свой ядъ по всему пространству Россiи, подготовляя ея гибель,—но Петербургу нѣтъ дѣла и до этого возмутительнаго преступленiя; у него на умѣ одна только мысль, его занимаетъ одинъ только вопросъ: „сколько будетъ октябристовъ въ Государственной Думѣ?“

Пусть гибнетъ Россiя, лишь бы торжествовалъ А. И. Гучковъ!..

А между тѣмъ С. Ю. Витте мефистофельски потираетъ себѣ руки, видя, какъ дѣятельность террористовъ и бездѣятельность Петербурга расчищаютъ ему путь къ новому перiоду его предательской дѣятельности.

Бѣдная Россiя!

Не полумѣры, а полныя мѣры.

Еврействующая печать, какъ извѣстно, рукоплещетъ каждому политическому убiйству и выставляетъ его какъ новое доказательство безполезности принимаемыхъ Правительствомъ репрессивныхъ мѣръ.

Такимъ образомъ, трогательная родственная связь между „кадетами“ и гнусными убiйцами очевидна: чѣмъ больше послѣднiе будутъ убивать честныхъ Русскихъ людей, тѣмъ скорѣе первые надѣются свергнуть Самодержавiе Русскаго Царя.

Вѣдь вся разница между „кадетами“ и соцiалъ-революцiонерами заключается въ томъ, что послѣднiе кричатъ: „долой Самодержавiе, а то—*мы* бомбой“!, а „кадеты“ кричатъ: „долой Самодержавiе, а то—*они* бомбой“.

Такъ именно разсуждаютъ и *Русскія Вѣдомости*, доказывающія (№ 314), что „терроризмъ“ не прекратится до тѣхъ поръ, пока предъ нимъ не покорится Самодержавіе. Бороться же съ терроризмомъ Самодержавіе, видите ли, не можетъ, такъ какъ оно будто бы уже исчерпало всѣ мѣры репрессіи.

„Ясно,—говорятъ московскіе кадеты,—что ни многочисленные аресты, ни продолжающіяся высылки, ни простые, ни военные, ни даже военно-полевые суды не въ состояніи предотвратить и уничтожить того общественнаго недуга, который называется терроризмомъ. О безсиліи этихъ мѣръ вся оппозиціонная печать не перестаетъ твердить съ давнихъ поръ“.

О безсиліи этихъ мѣръ не перестаемъ твердить съ давнихъ поръ и мы, — и мы всегда предсказывали, что всѣ эти мѣры являются, въ сущности, жалкими полумѣрами, которыя никогда съ терроризмомъ не справятся.

Съ анархическимъ терроромъ можетъ справиться лишь терроръ законный, *временная полновластная диктатура*, какова была диктатура графа М. Н. Муравьева въ 1863 г. и графа Д. А. Толстого въ 1881 г.

Пусть отвѣтятъ намъ лжецы *Русскихъ Вѣдомостей*, былъ ли прекращенъ въ 1863 и въ 1881 годахъ „общественный недугъ, называемый терроризмомъ“,—прекращеніемъ или усиліемъ репрессивныхъ мѣръ?

Что они могутъ отвѣтить на этотъ очевидный фактъ?

О, конечно, они, какъ лжецы и трусы, просто промолчатъ, какъ они, поджавши хвостъ, промолчали, когда мы ихъ уличили во лжи и въ извращеніи историческихъ фактовъ, касавшихся французской Панамы.

Цинически лгать и обманывать народъ—въ этомъ вся сила „кадетской“ банды.

Нѣтъ, не жалкія полумѣры теперешняго Правительства спасутъ Россію отъ терроризма, а тѣ полновластныя, справедливыя и безпощадныя мѣры, которыя дважды спасли Россію и которыя однѣ только могутъ и теперь ее спасти.

Графъ Д. А. Толстой даже не назывался диктаторомъ,—онъ былъ имъ *de facto*, а не *de jure*.

Да и намъ теперь дѣло не въ титулѣ, а въ человѣкѣ.

Предстоящій намъ выборный періодъ съ его безумными „свободами“ грозитъ намъ усиленіемъ революціи, усиленіемъ терроризма.

Если теперь честные, вѣрные слуги Царя убиваются черезъ каждые 4—5 дней, то во время выборной разнузданной горячки головы ихъ будутъ падать ежедневно, какъ еслибы уже теперь у насъ работала республиканская гильотина.

Такъ ради чего-же эти ужасныя жертвы?

Неужели ради будущей Думы, которую, безо всякаго сомнѣнія, *при данныхъ обстоятельствахъ* придется опять разгонять?

Ради чего будутъ литься это потоки благороднѣйшей Русской крови, крови людей, столь необходимыхъ Царю и Родинѣ?

О, Боже мой, развѣ не ясно, развѣ не очевидно, что *сперва* необходимо возстановить порядокъ и прекратить терроръ тѣми же средствами,

какими онъ былъ такъ быстро и такъ успѣшно прекращенъ въ 1863 и 1881 годахъ, а *потомъ уже*, если это окажется важнымъ, можно будетъ собирать и Думу, и Земскій Соборъ, и Церковный Соборъ, и все, что угодно.

Это ясно, очевидно для всякаго здравомыслящаго, честнаго Русскаго человѣка,—но этого не видитъ, не хочетъ видѣть злосчастный Петербургъ, помѣшавшійся на „октябристахъ".

Бѣдная Россія!

1906 годъ.

Проклятый годъ!

Годъ нестерпимаго душевнаго гнета!

Годъ небывалаго въ Россіи національнаго униженія!

Годъ всѣхъ позорныхъ послѣдствій позорнѣйшаго 1905 года!

Все то безуміе, которое Правительственная Власть посѣяла подъ насиліемъ сатанинской руки графа Витте въ 1905 году, все это безуміе она пожала въ стократномъ видѣ въ истекшемъ 1906 году.

Громко протестовала вся *Русская* Россія противъ той *лжи*, посредствомъ которой графъ Витте заключилъ унизительный для Россіи Портсмутскій договоръ, когда истомлены были силы—не Россіи, какъ увѣрялъ этотъ измѣнникъ,—а истомлены были силы Японіи, Россія же стояла наканунѣ вѣрной побѣды.

Громко протестовала *Русская* Россія противъ другой такой же подлой *лжи* того же Витте, посредствомъ которой онъ исторгъ у Верховной Власти злополучный актъ 17 октября, увѣряя, будто (устроенная имъ-же самимъ) крамольная затѣя всеобщей забастовки превратится во всенародную революцію,—увѣряя въ то время, когда затѣя эта сама собой уже успѣла рухнуть, встрѣтивъ рѣшительный отпоръ со стороны Русскаго народа.

Но *Русскую* Россію правительство графа Витте, конечно, презрительно игнорировало, считаясь лишь съ Россіей *еврейскою* и *еврействующею:* всѣ протесты Русскаго народа были оставлены безъ вниманія, и преступная работа разрушенія, разоренія и уничтоженія Россіи была начата!

1906 годъ показалъ ужасающіе результаты этой работы,—результаты ясно провидѣнные и громко предсказанные всѣми здравомыслящими, честными Русскими людьми.

Никогда Петербургскій бюрократизмъ не оказывался столь дрябло-гнилымъ, столь близорукимъ, столь далекимъ отъ Русскаго народа, какъ въ эту злосчастную годину. Когда уже будущій крамольный составъ Государственной Думы былъ ясенъ какъ Божій день, графъ Витте со слѣпымъ упорствомъ настаивалъ и настоялъ на выборахъ и на созывѣ этого адскаго вертепа, наканунѣ открытія котораго онъ самъ же позорно бѣжалъ. Но и послѣ этого Петербургская бюрократія настояла на своей совмѣстной „законодательной" работѣ съ этимъ вертепомъ и имѣла дерзость представить Государю Императору отборныхъ завѣдомыхъ хулигановъ и крамольниковъ, какъ „лучшихъ представителей Русскаго народа"!

Когда же Государь, распознавъ этотъ обманъ и соединясь душой съ

Своимъ народомъ, разогналъ всю эту крамольную банду, то Петербургъ не понялъ этого великого момента и,—вмѣсто того, чтобы сразу искоренить всѣ Виттевскія „освободительныя" затѣи,—сталъ рабски продолжать ихъ пагубныя къ Россіи примѣненія, не взирая на то, что все это „освободительное движеніе" стало превращаться въ разбои, пожары, грабежи, прошедшіе по городамъ и весямъ съ безсмысленною жестокостью, и въ безчисленныя убійства такъ-называемаго „террора", возбуждающаго уже только ужасъ отвращенія.

Но даже и не эти явленія внутренняго гніенія возбуждаютъ невыносимо-тяжкое чувство при мысли о 1906 годѣ,—а нѣчто иное.

За этотъ годъ вполнѣ выяснилось, что Россія *могла бы быть* жива и здорова, что она въ глубинахъ своего духа кроетъ тѣ-же силы для благоденствія, величія и благочестія, какія показала съ 1881 года при незабвенной памяти Императорѣ Александрѣ III.

Воочію показалъ 1906 годъ, что лживое „освободительное движеніе" въ дѣйствительности составляетъ ничтожную язву на богатырскомъ организмѣ Русскаго народа. Безобразные скандалы Государственной Думы, ея чисто-революціонныя стремленія къ низверженію Самодержавія, ея безшабашный анархическій соціализмъ, ея измѣнническое Выборгское воззваніе къ подрыву Русскаго Государства -разоблачили, въ какую „весну" потащила насъ жалкая дряблость Власти, не умѣвшей различить пустыхъ сумасбродныхъ фразъ отъ національной здравомыслящей дѣйствительности.

Воочію разоблачилось и безсиліе того измѣнническаго передъ Царемъ и Русскою Россіей движенія, которое было предпринято коварнымъ руководителемъ „революціи сверху". Даже простое отстраненіе этого измѣнника безъ преданія его заслуженной карѣ, даже простое распущеніе Думы, безъ сколько-нибудь справедливаго законнаго возмездія ея стремленій къ государственному перевороту, даже самые слабые признаки рѣшимости Правительства карать убійцъ и грабителей за ихъ возмущающія душу преступленія,—короче говоря, даже самые небольшіе признаки пробужденія и самосознанія Власти въ Государствѣ уже обнаружили слабость революціи, которая быстро выродилась въ простую систему грабежа и убійства.

Въ то же время, при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, при захватѣ врагами Царя и Россіи всѣхъ средствъ общественнаго дѣйствія, при пособничествѣ имъ со стороны иныхъ власть имѣющихъ, при малодушномъ паденіи множества лицъ духовнаго и свѣтскаго чина, отъ которыхъ Русскій народъ въ правѣ былъ бы ожидать того, чтобъ они стали во главѣ его національнаго воскресенія,—даже при этомъ гниломъ состояніи духовныхъ и политическихъ авторитетовъ, Русскій народъ, подъ страшною угрозой еврейско-инородческой анархической революціи, началъ въ 1906 г. вставать изъ бездѣйствія и повсюду организоваться въ грозную силу. Сотни и тысячи Русскихъ кружковъ и союзовъ начали расти по всей Россіи.

Напрасно враги Россіи, захватившіе въ свои руки печать и множество учрежденій общественнаго и даже государственнаго управленія, пустили въ ходъ ложь, насмѣшки, клеветы, угрозы и даже убійства, для того чтобы подавить это начинающееся пробужденіе Россіи.

Несмотря на то, что Россія привыкла вставать какъ одинъ человѣкъ, только объединяясь около Верховной Власти, несмотря на то, что на этотъ разъ Русскіе люди съ огорченіемъ и недоумѣніемъ видѣли, что эта Власть уже не хочетъ стать центральною силой Русскаго объединенія, а хочетъ быть одинаково „безпристрастно-равнодушною“ и къ сынамъ Россіи, и къ ея врагамъ,—несмотря на то, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ представители Церкви обнаружили даже больше симпатій къ врагамъ Православія, чѣмъ къ вѣрнымъ сынамъ его,—несмотря на все это, невиданное и неслыханное въ исторіи зрѣлище,—Русскій народъ, даже пренебреженный властями свѣтскими и духовными, быстро развивалъ свои національные союзы.

И что же оказалось на знамени этихъ союзовъ? То, чѣмъ Россія родилась, жила и крѣпла, то, что хочетъ подорвать враждебная Россіи коалиція внутреннихъ враговъ ея.

Православіе, неограниченное Царское Самодержавіе, власть Русской народности въ созданной ею Имперіи: вотъ что мы видимъ во всѣхъ программахъ подымающагося Русскаго народа.

Съ небольшихъ сотенъ—наши національныя Общества въ теченіе года доросли до сотенъ тысячъ и милліоновъ, болѣе или менѣе тѣсно объединяющихся,—и для всякаго стало ясно, что *одно мановеніе той Власти, въ Которой Русскій народъ привыкъ видѣть историческое руководство*, моментально бы превратило армію Русскихъ людей въ десятки милліоновъ и этомъ *моментально бы водворило законный миръ и порядокъ во всей Россіи*!

Ясно, какъ день, показалъ 1906 годъ, что безчисленныя силы въ Россіи стоятъ за Царя, вѣру и національность, и что только не-русскія части Имперіи, евреи и разные инородцы, съ небольшою горстью нашихъ Русскихъ „воровъ“, какъ выражались въ старину, стремятся ниспровергнуть основы Русскаго политическаго и религіозно-бытового бытія.

И что же? Вмѣсто того, чтобы, сообразно такому выясненію истиннаго положенія силъ, увидѣть и Власть на ея должномъ мѣстѣ, то-есть во главѣ Русскаго народа, -мы видѣли въ теченіе всего года, что не исполняется это ожиданіе народа, что не осуществляется это, казалось бы, неизбѣжное сліяніе Власти и народа...

И вотъ это есть наиболѣе томительное, непонятное, страшное явленіе истекшаго позорнаго 1906 года.

Онъ ясно показалъ, что не страшна намъ „революція“ по ея собственнымъ силамъ, а страшна по добровольной, непростительной слабости Власти; онъ намъ ясно показалъ, что не оборимы русскія національныя силы, и что полны онѣ чисто-Русскаго духа, безпредѣльной любви къ Царю, безпредѣльной преданности Отечеству, безпредѣльной готовности жить подъ хоругвію Православной Церкви.

И спрашиваешь себя со щемящею тоскою, *почему же* продолжаетъ погибать несчастная страна, полная способности къ жизни? *Почему* вездѣ дается ходъ ея врагамъ, совершенно безсильнымъ?

Вотъ тягчайшая мысль, вотъ и корень нашихъ бѣдствій!

Прошелъ 1906 годъ, показавъ всѣ эти—и отрадныя, и тяжкія явленія. Наступаетъ новый годъ... Чего же намъ пожелать для того, чтобъ онъ сталъ годомъ не гибели Россіи, но годомъ славнаго ея воскресенія?

Да пошлетъ Господь Богъ свѣтъ разумѣнія въ тѣ высокія сферы, откуда Русскій народъ ждетъ отклика на свою готовность постоять за спасеніе Отечества. Да вразумитъ этотъ свѣтъ кого нужно, что спасеніе въ рукахъ самой же Власти. Пусть исполнитъ она свой историческій долгъ, пусть станетъ съ Русскими людьми, во главѣ ихъ,—и годы смуты, убійствъ и разбоевъ смѣнятся съ 1907 года воскресеніемъ славы, благочестія и благоденствія спасенной Родины!..

Монархисты и октябристы.

Съ тѣхъ поръ, какъ на горизонтѣ Русскихъ политическихъ партій появился „Союзъ 17 октября", онъ не переставалъ быть предметомъ особенно нѣжнаго попеченія со стороны теперешняго Петербургскаго Правительства.

„Союзъ" этотъ выставлялся и до сихъ поръ выставляется въ Петербургѣ, какъ идеальный образецъ русской политической партіи, на которую-де только и можетъ опереться Правительство во второй Думѣ, а потому всѣмъ „правымъ" партіямъ ставилось и доселѣ ставится въ патріотическій долгъ отречься отъ своихъ убѣжденій и содѣйствовать побѣдѣ „Союза 17 октября" на предстоящихъ выборахъ.

Когда же „правыя" партіи возмущаются этимъ предложеніемъ и наотрѣзъ заявляютъ, что онѣ отъ своихъ убѣжденій отказаться *не могутъ*, тогда Петербургъ презрительно улыбается надъ „донъ-кихотствомъ" монархистовъ, проситъ ихъ „пожалуйста, оставаться при своихъ убѣжденіяхъ, до которыхъ Петербургу никакого дѣла нѣтъ", а вступить въ „блокъ" съ „октябристами", дабы, хоть такимъ образомъ, содѣйствовать ихъ побѣдѣ на выборахъ во вторую Думу. Если даже при этомъ „блокѣ" проскочутъ въ Думу два-три монархиста, то Петербургъ примирится и съ этимъ неудобствомъ, лишь бы большинство въ Думѣ принадлежало „октябристамъ".

Русская Монархическая Партія,—вполнѣ понимая предпочтеніе, оказываемое теперешнимъ Петербургскимъ Правительствомъ „Союзу 17 октября", какъ партіи наиболѣе ему близкой по своей программѣ,—видитъ, однако, между собой и этою партіей болѣе широкую пропасть, нежели между „Союзомъ 17 октября" и всѣми прочими партіями центра, лѣвой и крайней лѣвой стороны.

Со всѣми этими партіями „Союзъ 17 октября" вполнѣ солидаренъ въ такихъ трехъ капитальныхъ вопросахъ, какъ:

1) въ полномъ равнодушіи къ Православной Церкви;

2) въ желаніи ограничить Самодержавіе Русскаго Царя, и

3) въ стремленіи предоставить евреямъ неограниченное равноправіе во всей Россіи.

Эти три вопроса кладутъ такой рѣзкій предѣлъ между всѣми существующими въ Россіи партіями, съ одной стороны, и „Объединеннымъ

Русскимъ Народомъ", — въ составъ котораго входитъ и Русская Монархическая Партія—съ другой, что ни о какомъ сліяніи „монархистовъ" съ „октябристами", „кадетами" или „соціалистами" и рѣчи быть не можетъ.

Монархисты *никогда, ни подъ какимъ предлогомъ* и *никому въ угоду* не отступятся ни отъ защиты Православной Церкви противъ натисковъ атеизма, ни отъ охраны неограниченнаго Царскаго Самодержавія противъ происковъ парламентарныхъ конституціоналистовъ, ни отъ огражденія Русскаго Народа отъ нашествія эксплуататоровъ-евреевъ.

Могутъ ли при этихъ условіяхъ монархисты входить въ „блокъ" съ „октябристами" и подавать свои голоса за враговъ Православной Церкви и неограниченнаго Царя и за друзей евреевъ, — въ той, весьма сомнительной надеждѣ, что, можетъ-быть, и „октябристы" сдержатъ свое слово и подадутъ свои голоса за тѣхъ двухъ-трехъ монархистовъ, съ которыми, какъ мы видимъ, готовъ примириться Петербургъ?

Конечно,—нѣтъ.

И, несмотря на все это, „Монархическая Партія" 9 января послала „Союзу 17 октября" приглашеніе на взаимное обсужденіе своихъ программъ и на разсмотрѣніе вопроса, возможны или нѣтъ какіе-либо способы объединенныхъ ихъ дѣйствій на предстоящихъ выборахъ.

Нѣтъ ли тутъ противорѣчія?

Нисколько.

1) Монархическая Партія, исполняя Манифестъ 17 октября *по Царскому повелѣнію*, не только не отказывается отъ участія въ выборахъ въ новую Думу, но и усердно приглашаетъ своихъ членовъ къ этому участію, дабы *по чистой совѣсти* содѣйствовать побѣдѣ дѣйствительно „лучшихъ" людей, насколько это возможно при существующемъ избирательномъ законѣ, негодность котораго признана единогласно какъ самимъ Правительствомъ, такъ и всѣми безъ исключенія партіями,—конечно, по весьма различнымъ причинамъ. *Изъ дурного закона можетъ выйти только дурная Дума*, но пусть Правительство *вполнѣ и окончательно* убѣдится, что дурная Дума, которую несомнѣнно придется вторично разогнать, получится отъ *дурного избирательнаго закона, а не отъ нерадѣнія и злой воли монархистовъ*. Монархисты должны быть совершенно чисты отъ подобныхъ упрековъ, дабы негодность избирательнаго закона и безусловная необходимость коренного его измѣненія стали *совершенно очевидными* даже и Петербургу.

Если Петербургъ настаиваетъ на томъ, что объединеніе монархистовъ и октябристовъ *возможно*, то покажемъ же ему наглядно, насколько онъ правъ или не правъ въ этомъ отношеніи: устроимъ на его глазахъ „турниръ,—какъ нынѣ говорятъ,—между „монархистами" и октябристами" при наиболѣе справедливыхъ и цѣлесообразныхъ условіяхъ для обѣихъ партій, дабы и въ этомъ отношеніи монархисты были совершенно чисты отъ всякихъ нареканій, дабы не *они* служили Правительству „козломъ отпущенія", если на ближайшихъ выборахъ побѣдителями не окажутся столь любезные Петербургу „октябристы".

Вотъ почему Монархическая Партія не „перчатку бросаетъ" „Союзу 17 октября", а *приглашаетъ* его на *серіозное* обсужденіе своихъ программъ,

въ присутствіи не тысячной галдящей толпы, среди которой никакое серіозное дѣло невозможно, а въ присутствіи 200 человѣкъ, по 100 отъ каждой организаціи, съ совершенно равнымъ распредѣленіемъ времени для ораторовъ-монархистовъ и ораторовъ-октябристовъ. Пренія должны будутъ ограничиваться лишь печатными программами обѣихъ организацій, такъ что октябристы могутъ быть вполнѣ спокойны, что никакія *личныя* нападки или даже намеки не будутъ допущены со стороны „монархистовъ“.

Монархическая Партія строго озаботилась о полной справедливости предлагаемаго „октябристамъ“ турнира. Если бы послѣдніе пожелали внести еще другія условія, обезпечивающія строгій порядокъ и серіозность преній, то Монархическая партія несомнѣнно согласится на эти условія.

Для нея важно то, что, если „Союзъ 17 октября“ уклонится отъ этого предложенія,—*вся отвѣтственность за несостоявшееся обсужденіе падетъ на него*, а не на Монархическую Партію.

2) Но есть и другая причина, по которой это взаимное обсужденіе программъ „Союза 17 октября“ и Монархической Партіи въ высшей степени желательно.

Дѣло въ томъ, что если обликъ „монархиста“, „кадета“ и „соціалиста“ вполнѣ опредѣленны, то обликъ „октябриста“ весьма шатокъ, неуловимъ и неопредѣленъ. Мы уже не разъ говорили, что „октябристы“ состоятъ наполовину изъ „безсознательныхъ монархистовъ“, а наполовину изъ „безсознательныхъ кадетовъ“, которые сидятъ вмѣстѣ только по недоразумѣнію, потому что они боятся договориться обо всемъ на чистоту, боятся поставить точки надъ і по всѣмъ кореннымъ русскимъ вопросамъ.

Есть „октябристы“, которые *за* евреевъ, а есть октябристы—противники еврейскаго равноправія, но они никогда между собой объ евреяхъ *не говорятъ*, отлично зная, что въ противномъ случаѣ имъ вмѣстѣ въ „Союзѣ 17 октября“ сидѣть будетъ невозможно. Такъ же и по вопросу о Православной Церкви и о неограниченномъ Самодержавіи. Вообще „Союзъ 17 октября“ это—партія „тактическихъ“ недомолвокъ, умолчаній и іезуитской *reservatio mentalis*.

Этой неискренности необходимо положить конецъ.

„Монархисты“ говорятъ то, что думаютъ. Почему бы и „октябристамъ“ не дѣлать того же самаго? Вотъ имъ дается возможность на предложенномъ имъ „турнирѣ“ открыто высказаться и по вопросу о Православной Церкви, и о Царскомъ Самодержавіи, и о равноправіи евреевъ. Чего же лучше? Неужели ясность хуже таинственности, свѣтъ хуже мрака.

Карты на столъ! маски долой! Вотъ нашъ девизъ, девизъ каждой честной политической партіи. А таковымъ себя несомнѣнно считаетъ и „Союзъ 17 октября“.

Вотъ почему мы надѣемся, что онъ приметъ предложеніе, дѣлаемое ему Монархическою Партіею.

Патріотическій вечеръ.

Состоявшійся 8 января 1907 года Патріотическій Вечеръ долго останется въ памяти Москвичей.

Мы уже не говоримъ объ его полной, блестящей удачѣ, которая была обезпечена, какъ участіемъ въ этомъ торжественномъ собраніи несравненнаго Сvнодальнаго хора подъ управленіемъ такого мастера-художника, какъ В. С. Орловъ,—такъ и докладами выдающихся ораторовъ Московскихъ патріотическихъ союзовъ.

Мы видимъ въ этомъ Вечерѣ другое, болѣе важное, симптоматическое значеніе.

Еще годъ и даже два, три года тому назадъ подобная публичная патріотическая манифестація въ Москвѣ была *невозможною*. А четыре-пять лѣтъ тому назадъ, въ первые два года нашего столѣтія, она была совершенно *излишня*, ибо тогда никому, кромѣ подпольной крамолы, въ голову не приходило *отвергать* то, что 8 января 1907 года Московскимъ патріотамъ пришлось такъ настойчиво и побѣдоносно *утверждать*.

А утверждать живучесть *русской* Россіи и ея вѣковыхъ идеаловъ явилось нынѣ неотложною необходимостью послѣ пережитаго нами ужаснаго трехлѣтія.

Правда, мы, монархисты, за всѣ эти три года неслыханныхъ государственныхъ преступленій, ни разу, ни на минуту, не переставали отстаивать незыблемость этихъ идеаловъ: но мы дѣлали это лишь въ нашихъ кабинетахъ и редакціяхъ, на нашихъ вечерахъ и собраніяхъ,—и то только въ кругу нашихъ единомышленниковъ, которыхъ необходимо было укрѣплять и поддерживать въ ихъ убѣжденіяхъ, дабы они устояли противъ напора поднятыхъ внезапнымъ крамольнымъ шкваломъ мутныхъ бушующихъ волнъ нашего революціоннаго движенія.

Эта задача удалась намъ съ такимъ успѣхомъ, какого мы и не ожидали. Духовныя основы Русскаго Народа оказались болѣе крѣпкими и надежными. чѣмъ дряблыя душонки русской либеральной „интеллигенціи“, которая рада была забыть и Бога, и Царя, и Россію, лишь бы поплыть по модному теченію революціи. Наши партіи, союзы и братства стали быстро крѣпнуть, умножаться и развиваться, и намъ все чаще приходилось убѣждаться въ томъ, что не намъ учить Русскій Народъ твердой вѣрѣ въ его идеалы, а что намъ приходится у него учиться этой вѣрѣ.

Но вотъ, настало, наконецъ, время обратиться съ нашею проповѣдью не къ однимъ только единомышленникамъ, но и къ широкимъ кругамъ Московскаго общества и населенія, давъ имъ полную возможность свободно, безо всякаго партійнаго контроля, собраться въ наиболѣе обширномъ помѣщеніи древлепрестольной столицы—въ Большомъ залѣ Благороднаго Собранія, чтобы выслушать рядъ докладовъ исключительно патріотическаго содержанія, утверждающихъ нерушимость тѣхъ великихъ основныхъ началъ Россіи, которыми она жила, живетъ и будетъ жить, сколько бы ни ста-

ралось исказить или разрушить эти начала открытое или тайное революціонное движеніе.

8 января 1907 года опытъ *всенародной* проповѣди русскихъ вѣковѣчныхъ идеаловъ былъ впервые произведенъ въ Россійскомъ Благородномъ Собраніи,—и опытъ этотъ превзошелъ самыя пылкія наши ожиданія: такое единодушіе въ громкомъ выраженіи сочувствія этимъ дорогимъ Русскому Народу идеаламъ трудно было себѣ представить при предвзятомъ предположеніи о глубокомъ умственномъ и духовномъ недугѣ Московскаго населенія.

Нѣтъ. Москва жива. Москва здорова, Москва не отдѣлилась сердцемъ отъ *русской* Россіи: Москва скажетъ рѣшающее слово, когда настанетъ кризисъ въ современной Русской исторіи, — она скажетъ его свободнымъ выраженіемъ своей завѣтной мечты, а не въ тискахъ безумнаго выборнаго закона: въ Москвѣ—спасеніе Россіи!

Вотъ что намъ сказалъ знаменательный Патріотическій Вечеръ 8 января 1907 года.

Октябристы увильнули.

Московское Центральное Бюро „Русской Монархической Партіи“ получило 13 января слѣдующее заявленіе Центральнаго Комитета „Союза 17 октября“ въ отвѣтъ на сдѣланное Союзу приглашеніе къ совмѣстному обсужденію способовъ объединенія дѣйствій обѣихъ организацій:

„Центральный Комитетъ „Союза 17 октября“ въ своемъ засѣданіи 11-го января 1907 года, обсудивъ приглашеніе Центральнаго бюро „Русской Монархической Партіи“ къ совмѣстному обсужденію ихъ программъ и способовъ объединенія дѣйствій обѣихъ организацій, пришелъ къ единогласному рѣшенію отклонить это приглашеніе.

„Призывая къ себѣ членовъ „Союза 17 октября“ для публичнаго диспута, Центральное бюро „Монархической Партіи“ обставило это приглашеніе цѣлымъ рядомъ произвольныхъ условій и, сверхъ того, помѣстило одновременно съ приглашеніемъ въ своемъ органѣ *Московскія Вѣдомости* № 7, отъ 10 января, статью „Монархисты и Октябристы“, въ которой, согласно своей тактикѣ, возводило на Союзъ рядъ обвиненій, голословныхъ и извращающихъ истинный смыслъ и значеніе Союза, какъ Русской Монархическо-Конституціонной партіи. „Монархическая Партія“ приглашаетъ „Союзъ 17 октября“ „на взаимное обсужденіе способовъ объединенія дѣйствій обѣихъ организацій“, а въ то же время въ упомянутой статьѣ категорически заявляется, что „ни о какомъ сліяніи монархистовъ съ октябристами... рѣчи быть не можетъ“, и на вопросъ о томъ, „могутъ ли... монархисты входить въ блокъ съ октябристами“, статья говоритъ: „конечно — нѣтъ“, называя притомъ октябристовъ „врагами Православной Церкви и неограниченнаго Царя и друзьями евреевъ“.

„Послѣ такихъ заявленій и при обнаруживаемомъ вождями „Монархической Партіи“ въ Москвѣ непониманіи, какъ неизбѣжнаго хода историческаго развитія нашего отечества, такъ и требованій переживаемаго политическаго момента, даже если бы то „объединеніе дѣйствій“, о которомъ

говорится въ приглашеніи монархистовъ, было бы само по себѣ возможно, нельзя ждать со стороны противниковъ Союза ни „серіознаго обсужденія вопросовъ“, упоминаемыхъ въ указанной статьѣ, ни выясненія того, на кого падетъ отвѣтственность за тотъ или иной исходъ выборовъ, о чемъ, повидимому, хлопочутъ авторы Приглашенія“.

Какъ видятъ читатели, октябристы стараются объяснить свое отступленіе слѣдующими доводами:

1) „Монархическая Партія обставила свое приглашеніе произвольными условіями“.

Это неправда. Монархическая Партія, предлагая „Союзу 17 октября“ взаимное обсужденіе, должна была, естественнымъ образомъ, *предложить* ему и выработанныя ею *условія* обсужденія. Почему же эти условія „произвольны“? Мало того, въ поясненіе этого предложенія въ статьѣ „Монархисты и Октябристы“ нами было сказано слѣдующее:

„*Если бы октябристы пожелали внести и другія условія, обезпечивающія строгій порядокъ и серіозность преній, то „Монархическая Партія“* **несомнѣнно согласится на эти условія**“.

Гдѣ же тутъ „произволъ“?

2) „Монархическая Партія, согласно своей тактикѣ (?), возводитъ на Союзъ рядъ обвиненій, голословныхъ и извращающихъ истинный смыслъ и значеніе Союза, какъ Русской Монархическо-Конституціонной партіи“.

Тактика Монархической Партіи, состоитъ, какъ извѣстно, въ томъ, что она всегда говоритъ то, что̀ думаетъ, и всегда говоритъ правду, одну только правду и всю правду.

Она поставила „Союзу“ на видъ:

1) Что онъ въ своей программѣ *выражаетъ полное равнодушіе къ Православной Церкви.* Развѣ это не правда?

2) *Что онъ желаетъ ограничить Самодержавіе Русскаго Царя* Развѣ это не правда?

3) *Что онъ готовъ предоставить евреямъ неограниченное равноправіе во всей Россіи.* Развѣ это не правда?

Такъ гдѣ же тутъ „голословное извращеніе истины“? Пусть Союзъ докажетъ это извращеніе! Но этого доказать онъ не можетъ, а потому ясно, что въ данномъ случаѣ выставленный Союзомъ предлогъ своего отступленія не только не выдерживаетъ ни малѣйшей критики, но самъ является *голословнымъ искаженіемъ истины.*

3) „Монархисты категорически заявляютъ, что ни о какомъ *сліяніи* монархистовъ съ октябристами и рѣчи быть не можетъ и что монархисты конечно не могутъ входить въ *блокъ* съ октябристами“.

Совершенно вѣрно. Но вѣдь монархисты приглашали октябристовъ не на *сліяніе* обѣихъ партій и не на составленіе между ними *блока*, а на „взаимное обсужденіе способовъ объединенія дѣйствій обѣихъ организацій“, что̀ далеко не одно и то же.

Мы могли объединиться съ октябристами, напримѣръ, въ тождественныхъ дѣйствіяхъ противъ „кадетовъ“ и соціалистовъ, нисколько не „сливаясь“ между собой. Теперь, если октябристы отвергли наше предложеніе,

и на выборахъ одержать побѣду „кадеты“ и „трудовики“, то во всякомъ случаѣ не мы будемъ въ этомъ виноваты.

4) „Монархисты не понимаютъ какъ неизбѣжнаго хода историческаго развитія нашего Отечества, такъ и требованій переживаемаго момента“.

А мы утверждаемъ, что октябристы всего этого не понимаютъ. Разсудитъ насъ исторія.

Но какой-же это поводъ къ уклоненію отъ взаимнаго противодѣйствія „кадетамъ“ и „соціалистамъ“?

Итакъ, всѣ четыре предлога, выдвинутые октябристами для прикрытія своего отступленія, гроша мѣднаго не стоятъ.

Они отступаютъ по совершенно другой причинѣ, о которой легко догадаться.

Ихъ всего болѣе испугало наше тревованіе „маски долой“!

Со своими масками, со своимъ двуличіемъ имъ никакъ не хочется разстаться, такъ какъ безъ этихъ масокъ имъ никакъ не удастся обмануть Русскій Народъ.

Но въ такомъ случаѣ намъ въ ихъ маскарадѣ участвовать невозможно, такъ какъ мы всегда привыкли идти съ поднятымъ забраломъ, съ открытымъ лицомъ и откровенными рѣчами.

Апостолы и ученики нашего національнаго евангелія *).

Въ чемъ состоитъ наше „національное евангеліе“, въ чемъ состоитъ та „благая вѣсть“, которую мы несемъ и въ народъ, и въ общество, и въ Правительство?

Въ нашемъ тріединомъ знамени—„Православіе, Самодержавіе, Русская Народность“.

Мы всегда и всюду повторяемъ эти столь священныя для насъ слова и дѣлаемъ это такъ часто, что является опасность, какъ бы они не превратились въ пустую формулу не только для нашихъ враговъ и единомышленниковъ, но и для насъ самихъ.

Съ другой стороны, намъ необходимо защитить наше національное евангеліе отъ другого нареканія, будто въ немъ ничего нѣтъ самобытно-Русскаго, будто оно есть лишь сколокъ съ германскаго, точнѣе прусскаго, девиза: *„Mit Gott für König und Vaterland!“* —то-есть „съ Богомъ, за короля и отечество“.

Но уже при сравненіи нашихъ завѣтныхъ словъ съ этою формулой мы найдемъ въ нихъ болѣе глубокое значеніе.

Тамъ говорится только вообще о „Богѣ“, мы же говоримъ о Святой Православный Церкви, какъ самой вѣрной хранительницѣ Христовой истины.

Тамъ говорится только о „королѣ“, мы же говоримъ о неограниченномъ Самодержавіи Русскаго Царя.

Тамъ, наконецъ, говорится лишь о германскомъ „отечествѣ“, населен-

*) Рѣчь, произнесенная на Патріотическомъ Вечерѣ 8 января 1907 г.

номъ почти одними нѣмцами; мы же говоримъ о Русской народности и о томъ первенствующемъ положеніи, которое ей принадлежитъ въ Россіи.

Такимъ образомъ наше національное евангеліе не есть пустая внѣшняя формула, подобная германскому девизу, а отличается глубокимъ нравственно-религіознымъ и государственнымъ содержаніемъ.

Къ тому же германскій девизъ, впервые провозглашенный Прусскимъ королемъ Фридрихомъ Вильгельмомъ III въ 1813 году, во время войны съ Наполеономъ, никогда въ Германіи не оспаривался и никакой роли въ развитіи государственнаго и общественнаго самосознанія Германіи не игралъ.

Совершенно иное дѣло – наша національная хоругвь: „Православіе, Самодержавіе, Русская Народность". Провозглашеніе, утвержденіе и защита этой святой хоругви совпадаетъ тѣснѣйшимъ образомъ съ исторіей Россіи, съ развитіемъ ея національной самобытности, съ ростомъ ея величія и славы.

Объ этомъ стоитъ серіозно подумать.

Россія,—занимая географически мѣсто между Азіей съ ея тысячелѣтними преданіями, съ одной стороны, и между Европой съ ея вѣковыми традиціями, съ другой,—должна была рѣшить жизненный вопросъ своего историческаго существованія: держаться ли ей азіатскихъ или европейскихъ государственныхъ завѣтовъ, или же, наконецъ, выработать свои собственные идеалы, на основаніи собственныхъ своихъ государственныхъ началъ?

Долгое время Россія держалась послѣдняго, единственнаго правильнаго, взгляда на этотъ, для нея столь важный, жизненный вопросъ.

Но вотъ пришелъ Петръ и своимъ могучимъ порывомъ не только „прорубилъ окно въ Европу", но настежь открылъ ворота изъ Европы въ Россію и, превративъ Московское Царство во Всероссійскую Имперію, приказалъ ей забыть самобытныя Русскія преданія, броситься въ погоню за европейскими обычаями и учрежденіями безо всякаго разбора, не отличая въ нихъ драгоцѣннаго золота отъ обманчивой мишуры.

Покинутая, обиженная Москва попробовала было протестовать, но очень скоро она была принуждена довольствоваться однимъ глухимъ ропотомъ. Она роптала со всею Русскою Россіей, видя, какъ въ Петербургѣ попиралось все то, что было дорого Русскому уму и сердцу; она инстинктивно чувствовала свою правоту, но не могла ее ясно доказать на основаніи непреложныхъ научныхъ данныхъ, такъ какъ въ то время преданность Православію, Самодержавію и Русской самобытности таилась лишь смутно въ глубинѣ сердецъ Русскихъ людей, и никто еще не думалъ о томъ, чтобы обосновать эту самобытность на строгой исторической и логической почвѣ.

Да и можно ли было въ то время спорить съ Петербургомъ, когда онъ, подъ водительствомъ Петра I и Екатерины II, отвѣчалъ на всѣ доводы Москвы громомъ побѣдъ, раздававшимся на всѣхъ границахъ Россійской Имперіи, превращая ее въ могущественную первоклассную европейскую Державу?

Впрочемъ, мы должны быть справедливы.

Кто обратилъ первый любовный взоръ къ *Русской* Россіи съ искреннимъ желаніемъ постичь ея тайны посредствомъ изученія ея особенностей?

Петербургская Императрица Екатерина II, окружившая себя цѣлою плеядой не только западныхъ, но и Русскихъ ученыхъ и поэтовъ и направившая ихъ вниманіе на серіозное изслѣдованіе столь дорогой Ея сердцу Россіи.

Ломоносовъ, Державинъ, Румянцевъ, фонъ-Визинъ проложили путь великому чародѣю Пушкину, который своимъ творческимъ геніемъ сразу постигъ всю суть Россіи и представилъ ее въ такомъ истинномъ, обаятельномъ видѣ, что мы и доселѣ въ его твореніяхъ продолжаемъ учиться, *какъ* и *за что* любить Россію.

Но ни инстинктивно-народное, ни поэтическое самосознаніе Россіи не могли создать тотъ непреложный кодексъ нашего національнаго евангелія, который необходимъ былъ для ея сознательной государственной жизни: онъ былъ выработанъ въ тиши кабинетовъ глубокими Русскими мыслителями, начиная съ конца 20-хъ и въ теченіе 30-хъ годовъ прошлаго столѣтія.

Основою нашего національнаго евангелія является Православіе: эта основа и была прежде всего изучена и опредѣлена первыми апостолами нашего національзма — Алексѣемъ Степановичемъ *Хомяковымъ*, Иваномъ Васильевичемъ *Кирѣевскимъ* и Константиномъ Сергѣевичемъ *Аксаковымъ*.

Они доказали намъ, что мы должны крѣпко держаться Православной Церкви не только потому, что мы въ ней рождены и крещены, не только потому, что вѣрными ея сынами были наши отцы и дѣды, но и потому, что Православная Церковь хранитъ въ себѣ непреложную истину Христова ученія, искаженнаго въ западныхъ церквахъ.

Эти же три первоапостола нашего національнаго евангелія, изучивъ особенности Славянскихъ народовъ вообще и Русскаго народа въ частности, доказали, что Русскій народъ имѣетъ особую историческую миссію, и что лишь сохранивъ свою самобытность, онъ можетъ исполнить назначенную ему Провидѣніемъ великую историческую задачу.

Такимъ образомъ былъ положенъ прочный фундаментъ Русскому національзму въ его Православной Вѣрѣ и въ его исторической самобытности.

Но это новое ученіе проповѣдывалось лишь въ тѣсныхъ „славянофильскихъ“ кружкахъ Москвы, а отчасти и Петербурга, среди личныхъ знакомыхъ Хомякова, Кирѣевскаго и Аксакова.

Вышло оно изъ ихъ скромныхъ ученыхъ кабинетовъ и получило болѣе широкое распространеніе среди образованнаго Русскаго общества лишь подъ вліяніемъ тяжкаго оскорбленія, нанесеннаго Русскому національному чувству въ 1836 году пресловутымъ „философическимъ письмомъ“ Чаадаева.

Письмо это, по свидѣтельству современниковъ, произвело цѣлую бурю въ читающей Россіи. Въ немъ прямо доказывалось іезуитскими софизмами, что Россіи нечѣмъ дорожить въ своемъ прошломъ и настоящемъ, и что нѣтъ для нея свѣтлаго будущаго.

Всѣ Русскіе, въ которыхъ хоть капля была національнаго достоинства, возстали противъ этой кощунственной клеветы и потребовали себѣ готоваго оружія, чтобы опровергнуть ее не одними только пламенными чувствами своего сердца, но и неотразимыми доводами логики и науки.

Оружіе это оказалось крѣпко и надежно выкованнымъ въ ученой лабораторіи славянофиловъ, и этимъ оружіемъ немедленно воспользовалось

все Русское общество, не только для того чтобы изобличить Чаадаевскую ложь, но и для того, чтобы самому просвѣтить себя обнаруженною Хомяковымъ, Кирѣевскимъ и Аксаковымъ Русскою національною истиной.

Начались знаменитые 40-ые годы, явившіеся первымъ расцвѣтомъ Русскаго національнаго самосознанія и озлобленнымъ противъ него походомъ космополитизма.

Вся образованная Москва раздѣлилась на два лагеря: на „западниковъ" и „славянофиловъ", изъ коихъ послѣдніе постепенно увеличивали свои силы въ борьбѣ съ противниками, тѣмъ болѣе, что въ славянофильскомъ лагерѣ вскорѣ затѣмъ явились два новые, сильные борца: Юрій Θеодоровичъ *Самаринъ* и Иванъ Сергѣевичъ *Аксаковъ*.

Первый изъ нихъ изучилъ положеніе Русскаго народа на нашемъ западномъ побережьѣ и начерталъ первыя основы нашей окраинной политики; а второй, близко изучивъ характеръ Русскаго народа въ центральныхъ и южныхъ нашихъ губерніяхъ, сталъ на защиту его самобытности, отражая попытки исказить ее со стороны Петербургской бюрократіи.

И вотъ впервые проповѣдь Русскихъ національныхъ идеаловъ дошла и до Петербургскихъ правительственныхъ сферъ, которыя немедленно отнеслись къ нимъ такъ же враждебно, какъ онѣ относятся къ нимъ и въ настоящее время.

И это весьма естественно: Петербургъ всегда относился и относится къ Москвѣ съ надменнымъ пренебреженіемъ, въ особенности если Москва желаетъ поучить Петербургъ уму-разуму, если Москва указываетъ ему на церковныя и государственныя традиціи Россіи, на ея самобытность и на ея міровыя, историческія задачи.

Вотъ почему Петербургъ сталъ коситься на первыхъ апостоловъ нашего національнаго евангелія и далъ почувствовать Самарину и Ивану Аксакову свою тяжелую полицейско-бюрократическую руку совершенно такъ же, какъ и онъ въ настоящее время изволитъ косо смотрѣть на учениковъ и преемниковъ великихъ русскихъ апостоловъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, провозгласившихъ непреложныя истины Русскаго національнаго евангелія, столь непонятныя легкомысленно-шаблонному петербургскому бюрократизму.

Но этимъ истинамъ суждено было проявиться въ еще большемъ блескѣ и заставить умолкнуть предъ собою изумленный этимъ блескомъ Петербургъ.

Какъ и въ 1836 году, причиной этого торжества національной идеи явилось тяжелое оскорбленіе національнаго чувства Русскаго Народа, нанесенное Россіи въ 1863 году взбунтовавшимися поляками и ихъ заграничными коронованными подстрекателями.

Но для отраженія этого позора не достаточно было славянофильскаго оружія, выкованнаго Хомяковымъ, Кирѣевскимъ, Самаринымъ и Аксаковыми: для сохраненія единства Россіи и для отраженія наносимаго ей удара необходимо было дополнить провозглашенныя славянофилами истины *церковныя* и *народныя* такою же великою истиной—*государственною*.

Эту истину провозгласилъ послѣдній изъ апостоловъ нашего національнаго евангелія—Михаилъ Никифоровичъ *Катковъ*.

Катковъ первый понялъ великую заслугу Петра, которую не могутъ умалить великія его ошибки: онъ превратилъ Московское Царство во Всероссійскую Имперію и далъ этимъ Россіи широкую возможность быть вершительницей судебъ вселенной. Онъ сдѣлалъ Россію первою великою державой въ Европѣ и Азіи, намѣтилъ ея морскія границы, давшія ей возможность дышать широкою грудью. Онъ же положилъ основаніе Русскому флоту и правильно-устроенной Русской арміи.

Увлекаясь, къ сожалѣнію, безъ разбора, европейскими „новшествами“ и прививая ихъ насильственнымъ путемъ въ Россіи, Петръ, однако, сохранилъ въ неприкосновенности неограниченное Самодержавіе Русскихъ Царей, которое стало для Имперіи Всероссійской, при ея могучемъ и широкомъ развитіи, еще болѣе необходимымъ, чѣмъ для сравнительно небольшаго Московскаго Царства. Великому организму Всероссійской Имперіи стали необходимы новыя могущественныя учрежденія для твердаго обезпеченія ея цѣлости и единства: но эти учрежденія должны были развиться изъ естественнаго роста Россійской Державы, которая не могла уже довольствоваться, при измѣнившихся условіяхъ, старымъ патріархальнымъ бытомъ Московскаго Царства, но еще менѣе могла искусственно измѣниться по западно-европейскимъ мертвеннымъ шаблонамъ.

Катковъ указалъ на то равновѣсіе Государственныхъ учрежденій, которымъ должна была отличаться Россія, занимая твердое, незыблемое положеніе въ Азіи и въ Европѣ.

Такимъ образомъ, Катковымъ былъ произведенъ окончательный синтезъ *церковныхъ, народныхъ и государственныхъ* началъ Россіи. Онъ привелъ въ должную гармоническую связь тѣ великія три сокровища нашего національнаго евангелія, которыми жила, живетъ и будетъ жить Россія— Православіе, Самодержавіе и Русская Народность.

Само-собою разумѣется, что Петербургъ со своей космополитической бюрократіей отнесся въ 60-хъ годахъ съ *такою же враждой* къ великой національной проповѣди Каткова, съ какою Петербургское Правительство 40-хъ годовъ отнеслось къ Юрію Самарину и Ивану Аксакову. Одно лишь личное довѣріе Императора Александра II, выказанное Каткову, спасло его отъ когтей невѣжественнаго, хлыщеватаго, Петербургскаго Правительства, члены котораго, конечно, никогда и въ руки не брали великихъ твореній Хомякова, Кирѣевскаго, Самарина и Аксаковыхъ, а Каткова читали лишь потому, что его читалъ Самъ Государь.

Проповѣдь Каткова, спасшая Россію отъ международнаго позора 1863 года, длилась въ теченіе 60-хъ и 70-хъ годовъ, въ непрестанной борьбѣ съ начавшимся тогда уже революціоннымъ походомъ противъ Самодержавія Русскихъ Царей и съ содѣйствовавшею этому походу Петербургскою бюрократіей.

Революція организовала пресловутое „хожденіе въ народъ“, кончившееся жалкимъ фіаско, такъ какъ народъ, хотя инстинктивно, но твердо стоялъ за свои національныя сокровища. Тогда началось „хожденіе“ въ нашу невѣжественную, расшатанную космополитизмомъ интеллигенцію и бюрократію,—и этотъ походъ увѣнчался блестящимъ успѣхомъ.

Катковъ въ своихъ пламенныхъ статьяхъ не переставалъ указывать на это грозное явленіе, какъ на предзнаменованіе революціи; но никто изъ тогдашнихъ „умниковъ“ его и слушать не хотѣлъ, издѣваясь надъ его „неизлѣчимымъ пессимизмомъ“, такъ какъ де „революція въ Россіи невозможна“.

Мы теперь знаемъ, до какой степени былъ правъ Катковъ, и какъ непростительно близоруки были тогдашніе „умники“.

Новое національное горе, вызванное гнуснымъ преступленіемъ 1 марта 1881 года, вызвало вмѣстѣ съ тѣмъ и новое торжество Русскаго государственнаго идеала.

Русское національное евангеліе возсіяло на самомъ Царскомъ Престолѣ и немедленно вызвало такое могущественное возрожденіе всѣхъ національныхъ силъ Россіи, какого она еще никогда не достигала, ибо Провозвѣстникомъ и Осуществителемъ великихъ идей славянофиловъ и Каткова явился Самъ Царь-Миротворецъ, незабвенный Александръ III.

Въ безсильной злобѣ умолкли всѣ адскія силы революціи, и къ нимъ присоединились, для общаго заговора противъ Царя, предательски-легкомысленныя Петербургскія правительственныя сферы.

Убивъ своими интригами въ 1887 году Каткова, они возликовали, когда въ 1894 году такъ безвременно почилъ Самъ Великій Государь, вознесшій Россію Своимъ Русскимъ національнымъ правленіемъ до недосягаемыхъ высотъ славы, мира и благоденствія.

Началось новое царствованіе...

Но я умолкаю, такъ какъ событія послѣдняго десятилѣтія не только у всѣхъ въ живой памяти, но и увсѣхъ передъ глазами.

Петербургская бюрократія сдѣлалась изъ „либеральной“ прямо революціонною: она повернулась спиной ко всей Россіи, ко всей ея исторіи, ко всему ея народу и, измѣнивъ Царскому Самодержавію, устремилась, на европейскій манеръ, ограничить Его тысячью путями. Русское національное евангеліе въ Петербургѣ не только закрыто и запечатано, но и Богъ вѣсть куда заброшено.

И мы видимъ, какъ немедленно, вслѣдствіе этой петербургской измѣны Русскимъ національнымъ идеаламъ, рухнули законы въ Россіи, воцарился грубый произволъ разнузданной крамолы,—и Русская земля обагрилась кровью своихъ лучшихъ, преданнѣйшихъ Царю и Отечеству сыновъ.

И вотъ настала теперь *наша* очередь нести Русское національное евангеліе въ Русскій народъ и въ Русское Правительство.

Кто мы такіе? Кто намъ даетъ это право?

Мы—ученики тѣхъ великихъ апостоловъ, которые научили Россію *сознательно* дорожить своими національными сокровищами.

Мы идемъ въ народъ, пробуждаемъ его своимъ словомъ, объединяемъ его въ крѣпкіе союзы,—и народъ радостно идетъ намъ навстрѣчу, съ перваго же слова насъ понимаетъ, такъ какъ мы лишь разъясняемъ то, что̀ онъ вѣками хранилъ инстинктивно въ своемъ умѣ и сердцѣ.

Мы несемъ „благую вѣсть“ и въ Петербургскія Правительственныя сферы и тамъ возвѣщаемъ истины Русскаго національнаго евангелія; но

Петербургъ насъ упорно не понимаетъ, то-есть не хочетъ понять, и жалуется на то, что мы, будто бы, „вмѣшиваемся въ его дѣло“ и „даемъ ему приказанія“.

Нѣтъ, мы далеки отъ этого, мы не имѣемъ ни права, ни охоты „приказывать Петербургу.“

Мы лишь считаемъ своимъ долгомъ просвѣщать его невѣжество; мы доказываемъ ему, что безъ непрестаннаго осуществленія вѣковѣчныхъ истинъ, провозглашенныхъ Хомяковымъ, Кирѣевскимъ, Самаринымъ, Аксаковыми и Катковымъ, Россія *жить не можетъ. Россія погибнетъ, умретъ.*

Вотъ что мы говоримъ Петербургу, и отъ нашей проповѣди мы не отстанемъ до конца нашей жизни, въ твердой увѣренности, что, если не теперь, то въ будущемъ, великія истины Русскаго національнаго евангелія снова возсіяютъ на Царскомъ Престолѣ, и Россія снова возродится во всемъ блескѣ своей славы, своего единства и могущества.

Событія истекшаго мѣсяца *).

Убійства, убійства и опять убійства! Вотъ выдающіяся событія каждаго мѣсяца, о которыхъ мнѣ приходится говорить.

Падаютъ лучшіе Русскіе люди, падаютъ одинъ за другимъ, какъ бы по роковой необходимости, неизвѣстно зачѣмъ, неизвѣстно за что.

Вы мнѣ скажете, что они падаютъ жертвами своего долга передъ Царемъ и Родиной, что они приносятъ свою жизнь на алтарь Отечества, умирая за его благо, за его славу, за его могущество.

О, если-бъ это было такъ, то развѣ мы оплакивали бы ихъ смерть? Развѣ мы всѣ съ радостью не стремились бы раздѣлить ихъ участь, если бы намъ предстояло своею жизнію купить славу и благоденствіе нашей Родины? Если бы намъ сказали, что сегодня намъ нужно умереть, чтобы завтра Россія была счастлива, освободившись отъ ужасовъ крамолы, занявъ то высокое, первенствующее мѣсто среди всѣхъ державъ вселенной и пользуясь съ ихъ стороны тѣмъ уваженіемъ, какое ей онѣ оказывали въ незабвенное царствованіе Александра III,—то вѣдь, не правда ли, мы всѣ готовы были бы заплатить своею жизнію за такое счастіе нашей Родины! (*Да, всѣ, всѣ, мы всѣ готовы!*)

Да, такъ умирать легко и радостно, когда умираешь не даромъ, когда знаешь, что своею жизнію приносишь спасеніе и счастіе своей Родинѣ.

Но каково падать жертвой гнусныхъ убійцъ не во благо, а во зло Отечеству, не для спасенія, а для гибели его!

Великій Князь Сергѣй Александровичъ, Бобриковъ, Плеве, Чухнинъ, Богдановичъ, графъ Шуваловъ, Минъ, Игнатьевъ, Литвиновъ, Павловъ, Лауницъ и многіе, многіе другіе пали жертвами своего долга, но безо всякой надежды на то, что ихъ мученическая кончина послужитъ къ освобожденію Россіи отъ варварской крамолы и призоветъ Правительство къ

*) Рѣчь, произнесенная 14 января 1907 года на XII Общемъ Собраніи Русской Монархической Партіи.

исполненію своего долга, къ немедленному, властному возстановленію законнаго порядка въ Россіи.

Они умирали, видя, какъ грозныя тучи надъ Россіей не расходятся, а все сгущаются; они умирали съ глубокою тоской, съ сознаніемъ безполезности приносимой ими жертвы.

И тѣмъ не менѣе они ни на минуту не колебались въ исполненіи своего долга, твердо оставались на своемъ посту и умирали... За что?.. За кого?

Да за своего Государя, за Носителя идеи неограниченнаго Самодержавія, отъ котораго только и зависитъ спасеніе всей Россіи, за Того, Кто намъ поручился Своимъ Державнымъ словомъ, что Самодержавіе Его останется такимъ, какимъ оно было встарь! (*все Собраніе поднимается съ мѣстъ при громовыхъ, единодушныхъ кликахъ „ура!"*) Наступитъ день, и мы его дождемся, когда сгинетъ вся подлая крамола на Руси, и снова возсіяетъ солнце счастья, мира и правды надъ нашею Родиной, и тогда имена всѣхъ павшихъ за Царское Самодержавіе героевъ-мучениковъ будутъ вознесены въ неугасимой славѣ передъ лицомъ всего народа!

А пока намъ нужно терпѣливо ожидать этого дня и съ болью въ сердцѣ видѣть, какъ съ каждымъ днемъ рѣдѣютъ славные ряды нашихъ полководцевъ при полномъ равнодушіи нашей бюрократіи, при ликованіи нашихъ враговъ, при щемящей сердечной боли всѣхъ Русскихъ людей. Мы не должны скрывать отъ себя той горькой истины, что пока не воспрянетъ во всей своей мощи Правительство, намъ еще не одинъ разъ придется открывать свои собранія панихидами по убіеннымъ крамолой лучшимъ Русскимъ людямъ, вѣрнѣйшимъ слугамъ Царя и Родины.

Но если падаютъ наши полководцы, зато ежедневно по всей необъятной Россіи сгущаются ряды Русской мирной арміи: пробуждается самосознаніе всего Русскаго Народа, готовится великое національное возрожденіе Россіи. Русскій Народъ, не прибѣгая ни къ какимъ насильственнымъ дѣйствіямъ, однимъ своимъ *грознымъ молчаніемъ* и православнымъ крестнымъ знаменіемъ заставитъ сгинуть всѣ исчадія злобствующаго ада, возставшія нынѣ на Святую Русь! (*Вѣрно, вѣрно, всѣ они сгинутъ! Русь идетъ!*)

Наши „храмы науки" *).

До сихъ поръ мы учились у Западной Европы уму-разуму. Теперь Европа учится уму-разуму у насъ.

Но тутъ есть существенная разница: мы учились тому, *что намъ нужно дѣлать*, а Европа теперь, смотря на насъ, мотаетъ себѣ на усъ: *вотъ такъ дѣлать не слѣдуетъ.*

Возьмемъ, напримѣръ, соціалистовъ въ Германіи: они, какъ и всѣ вообще соціалисты, сильны одними лишь *обѣщаніями*. И вотъ они германскимъ рабочимъ тоже все время обѣщали молочныя рѣки въ кисельныхъ бере-

*) Рѣчь, сказанная 18 января 1907 г. на Частной Бесѣдѣ Русскаго Монархическаго Собранія.

гахъ. Прошло полвѣка, а эти обѣщанія все не сбывались. Въ виду этого, соціалисты придумали такую уловку: молочныя де рѣки потекутъ тотчасъ же, какъ только будетъ устроена „всеобщая забастовка“.

Но въ Германіи устроить всеобщую забастовку не мыслимо, такъ какъ тамъ въ правительственныхъ сферахъ нѣтъ и не можетъ быть такихъ измѣнниковъ, какъ графъ Витте; поэтому вожаки соціалистовъ могли до безконечности дурачить рабочихъ радужною перспективой „всеобщей забастовки“, которая де превратитъ жизнь рабочихъ въ сущій рай. И этихъ вздорныхъ обѣщаній было достаточно, чтобы ими привлекать все большее и большее число одураченныхъ рабочихъ въ ряды соціалистовъ и заставить ихъ выбирать каждый разъ все большее и большее число депутатовъ-соціалистовъ въ германскіе парламенты.

Но вотъ графъ Витте, самъ слѣпой поклонникъ всего того вздора, который нагородили Марксъ, Лассаль, Бебель и Каутскій, рѣшилъ облагодѣтельствовать Россію, допустивъ въ ней образованіе въ 1905 году рабочей „всеобщей забастовки“. И что-же? Она всею своею тяжестью обрушилась прежде всего на самихъ же рабочихъ: она обратила ихъ жизнь во время забастовки не въ рай, а въ сущій адъ и вызвала затѣмъ ту небывалую дороговизну предметовъ первой необходимости, отъ которой всего больше нынѣ страдаютъ крестьянскія и рабочія семьи.

Въ Германіи тотчасъ же по достоинству оцѣнили результаты произведеннаго надъ Россіей преступнаго опыта и сразу уразумѣли всю лживую голословность соціалистическихъ обѣщаній, основанныхъ на будущей „всеобщей забастовкѣ“.

Вотъ почему соціалисты нынѣ на выборахъ въ Германіи потерпѣли такое тяжелое пораженіе, какъ прямое послѣдствіе русской забастовки 1905 года.

Такимъ образомъ нѣмцы научились у насъ уму-разуму, а мы сами у себя никакъ ему научиться не можемъ. Вотъ когда въ Германіи окончательно рухнетъ соціализмъ, тогда, можетъ-быть, и у нашихъ соотечественниковъ откроются глаза на ту истину, которую мы не перестаемъ имъ разъяснять и отъ которой они только отмахиваются, находясь подъ чарами соціалистической лжи.

Но Западная Европа можетъ поучиться у Россіи и по другимъ вопросамъ тому, чего *не слѣдуетъ дѣлать* разумнымъ государствамъ.

Россія въ настоящее время даетъ публичный спектакль подъ заглавіемъ *Революція на казенный счетъ.*

Въ этой траги-комедіи ясно показывается, какъ слѣдуетъ на казенный счетъ устраивать революцію совершенно новымъ, нигдѣ еще не виданнымъ, манеромъ, а Европа смотритъ и поучается, какъ ей избѣгнуть такой нелѣпости, какъ „казенная революція“.

До сихъ поръ нигдѣ еще не примѣнялся такой способъ крамольнаго мятежа, какой мы наблюдаемъ нынѣ у насъ въ Россіи. Развѣ былъ хоть когда-нибудь такой примѣръ, чтобы само правительство организовало по всей странѣ отдѣльныя, направленныя противъ него, революціонныя цитадели, въ стѣнахъ которыхъ спокойно могли бы производиться всѣ необхо-

димыя для революціи подготовительныя дѣйствія, какъ-то: скопленіе боевого матеріала, обсужденіе стратегическихъ и тактическихъ плановъ и организація самой широкой революціонной пропаганды во всѣхъ ея разнообразныхъ видахъ?

А вотъ въ Россіи наше Учебное Вѣдомство изобрѣло и примѣнило этотъ неслыханный способъ революціонированія государства: оно образовало революціонные блокъ-гаузы изъ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній, даровавъ имъ, съ этой цѣлью, полную автономію и отказавшись отъ всякаго надъними наблюденія, прекрасно зная, что ничего кромѣ безобразнаго революціоннаго хаоса изъ такой мѣры выйти не могло.

Но этого мало: изъ того, что высшія учебныя заведенія у насъ въ Россіи нѣкогда дѣйствительно были храмами науки, Петербургъ вывелъ заключеніе, что они де и теперь являются такими-же святынями, тогда какъ, на самомъ дѣлѣ, они, благодаря „автономіи", превратились въ революціонные вертепы. Въ виду такого страннаго воззрѣнія Петербурга, пороги этихъ вертеповъ не переступимы для нормальнаго наблюденія за законнымъ порядкомъ и государственною безопасностью; наблюденіе это допускается развѣ только въ видѣ экстренныхъ внезапныхъ (?) „вторженій" и „повальныхъ обысковъ". Но и они остаются, конечно, большею частью „безрезультатными", такъ какъ „развѣдочная" служба у гг. крамольниковъ организована, во всякомъ случаѣ, не хуже, чѣмъ у Департамента Полиціи, въ которомъ до сихъ поръ еще служатъ ставленники Лопухина, одного изъ главныхъ руководителей русской революціи на казенный счетъ.

Административныя власти отлично знаютъ, что наши высшія учебныя заведенія давнымъ-давно уже ничего общаго съ наукою не имѣютъ, что въ нихъ широкою волной разливается революціонная пропаганда, немилосердно губящая цвѣтъ нашего юношества, а слѣдовательно и будущность Россіи; и, тѣмъ не менѣе, власти эти безсильны помѣшать этому возмутительному разврату, такъ какъ онъ творится не на улицѣ, не въ какомъ-либо общественномъ или частномъ помѣщеніи, а въ крамольной цитадели, именуемой, по старой памяти, „храмомъ науки".

Въ этихъ храмахъ пышно разрослись цвѣты „автономіи".

Пока этой „автономіи" не было, „либеральные" профессора и вся революціонная печать ежедневно твердили, что между профессорами и студентами не можетъ быть ни умственнаго, ни сердечнаго единенія, и что это единеніе немедленно явится, какъ только будетъ даровано университетамъ „самоуправленіе".

И вотъ Правительство исполнило это безумное желаніе. И что же? Студенты и профессора немедленно такъ окрысились другъ на друга, какъ этого никогда не бывало во времена самаго строгаго подчиненія университетовъ Правительству.

Въ Московскомъ „храмѣ науки", напримѣръ, образовались двѣ враждебныя другъ другу власти: Совѣтъ профессоровъ и чисто-революціонный, такъ-называемый, „Центральный Университетскій Органъ", состоящій, подъ предсѣдательствомъ еврея, изъ студентовъ, принадлежащихъ большею частію къ крайнимъ крамольнымъ партіямъ.

Между этими двумя враждебными силами загорѣлась борьба изъ-за власти надъ Университетомъ. Подъ напоромъ революціоннаго „Центральнаго Органа“, Совѣтъ профессоровъ уже теперь пошелъ на позорныя уступки, и легко предвидѣть то время, когда революціонная студенческая банда будетъ по своему усмотрѣнію командовать и хозяйничать въ Университетѣ, а „либеральный“ профессорскій Совѣтъ будетъ у нея на побѣгушкахъ.

Такіе же революціонные порядки водворятся, конечно, и въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, и вотъ тогда вся цѣль дарованной университету „автономіи“ будетъ достигнута.

Вся Россія покроется сѣтью неприступныхъ твердынь революціи, въ которыхъ, подъ поруганнымъ флагомъ „науки“, будетъ подготовляться для всей Россіи небывалая еще доселѣ кровавая крамола, предъ которою административныя власти будутъ стоять въ гипнотическомъ оцѣпенѣніи, не дерзая переступить „священный“ порогъ „научнаго храма“.

Развѣ это не назидательный примѣръ для Западной Европы, съ ужасомъ взирающей на дѣло грубаго, циническаго варварства, которое творится въ Русскихъ университетахъ ректорами, профессорами и студентами, заживо зарѣзавшими Русскую науку при благосклонномъ попустительствѣ высшей учебной администраціи...

Разоблаченіе кадетской „тактики“.

Нѣтъ такой лжи, нѣтъ такихъ мошенническихъ продѣлокъ, къ которымъ не считала бы для себя позволительнымъ прибѣгать кадетская партія, подъ видомъ выборной „тактики“.

Правда, выборное начало само по себѣ является источникомъ глубокаго нравственнаго разврата. Всюду, гдѣ это начало царитъ на Западѣ, оно породило такъ-называемые „избирательные маневры“, основанные на самой подлой лжи, клеветѣ, обманѣ и пройдошествѣ.

И Россіи теперь приходится также испытывать послѣдствія этого возмутительнаго, развращающаго начала. Уважаемыя лица, которыя дожили до сѣдинъ, дорожа своею безупречностью, считаютъ для себя позволительнымъ подписывать подложные, „фиктивные“, документы, такъ какъ де „безъ нихъ на выборахъ обойтись нельзя“. Судебныя учрежденія входятъ въ стачку съ революціонными партіями для того, чтобы лишать избирательныхъ правъ неугодныхъ крамолѣ гражданъ. Къ такимъ же продѣлкамъ принадлежитъ и обнаруженная нынѣ избирательная „тактика“ кадетовъ, насколько это видно изъ инструкціи кадетскаго Московскаго Городского Комитета, изданной имъ для руководства кадетскимъ агитаторамъ (№ 20).

Документъ этотъ самъ по себѣ такъ краснорѣчивъ, что ни въ какихъ комментаріяхъ не нуждается. Особенно интересны въ немъ пункты о „малокультурныхъ“ избирателяхъ, о „пивныхъ лавкахъ“, о запрещенныхъ закономъ маневрахъ „въ толпѣ избирателей“, о „добываніи пустыхъ бюллетеней“, и т. п.

Охота на „пустые бюллетени“ составляетъ одну изъ наиболѣе нечисто-

плотныхъ формъ кадетской „тактики“. Въ нѣкоторыхъ городахъ кадеты устроили даже *перекупку* пустыхъ бюллетеней. Въ Москвѣ они совѣтуютъ избирателямъ взять принадлежащіе имъ по праву *два* пустые бюллетеня изъ Городской Управы, затѣмъ подать *ложное* заявленіе объ ихъ потерѣ, получить вмѣсто нихъ, по закону, еще *два* пустые бюллетеня и затѣмъ всѣ *четыре* передать въ кадетскую лабораторію, гдѣ эти бюллетени будутъ заполнены кадетскими именами.

Они такъ и пишутъ въ разсылаемыхъ ими печатныхъ воззваніяхъ. (Предъ нами воззваніе „Отъ Комитета *Мѣщанскаго* района партіи Народной Свободы):

„Въ виду недостатка бланковъ избирательныхъ записокъ, партія проситъ каждаго избирателя получить *4 бланка* (*слѣдовательно обманнымъ образомъ*), и оставшіеся изъ нихъ свободными доставить въ ближайшія мѣста по нижеслѣдующимъ адресамъ“ (*слѣдуетъ одиннадцать точно обозначенныхъ адресовъ запрещенныхъ кадетскихъ избирательныхъ бюро, съ указаніемъ часовъ, въ которые эти бюро открыты*).

Въ другихъ воззваніяхъ той же кадетской партіи указывается, какъ одинъ изъ главныхъ пунктовъ для сбора „пустыхъ бюллетеней“, квартира нѣкоего надворнаго совѣтника Михаила Герасимовича Коммиссарова.

Въ одной изъ Московскихъ гимназій устроенъ между учениками сборъ все тѣхъ же „пустыхъ бюллетеней“, которые они должны брать у своихъ родителей для доставленія въ таинственныя кадетскія лабораторіи... Какая мерзость!

Словомъ, выборный развратъ всюду старается проникнуть, но въ кадетской партіи,—партіи *лгуновъ* по преимуществу (одинъ Павелъ Долгоруковъ чего стоитъ!),—развратъ этотъ царитъ во всемъ своемъ блескѣ.

Одни лишь мы, монархисты, идемъ на выборы съ чистою совѣстью, безо всякой, *сколько бы ни было предосудительной, тактики* и боремся *одною* лишь правдой противъ *тысячи* измышленій лжи, обмана и мошенничества.

Вотъ почему, при безнравственномъ выборномъ законѣ, наши шансы такъ малы, а шансы враговъ Россіи такъ велики.

И, тѣмъ не менѣе, побѣда за правымъ Русскимъ дѣломъ обезпечена, если не на этихъ выборахъ, то въ тотъ великій историческій моментъ, когда наступитъ отрезвленіе всей Россіи отъ обуявшаго ее нынѣ кошмара,—когда наступитъ національное ея возрожденіе.

Вотъ почему мы не унываемъ, не падаемъ духомъ, а, исполняя волю Царя, идемъ бодро на выборы, что бы они намъ ни сулили; они во всякомъ случаѣ даютъ намъ поводъ собираться, столковываться, увеличивать свои нравственныя и численныя силы, дабы быть готовыми къ вышеуказанному великому моменту, котораго вся *русская* Россія ждетъ съ непоколебимою увѣренностью и несокрушимымъ терпѣніемъ.

Выборы.

Наступилъ день выборовъ для Москвы и многихъ другихъ Русскихъ городовъ.

Кто можетъ сказать, что̀ сулятъ намъ эти выборы, что̀ сулятъ они нашей многострадальной Родинѣ?

Явятся ли они новымъ шагомъ къ исцѣленію Россіи отъ охватившаго ее недуга, или они на одинъ шагъ приблизятъ ее къ тяжелому роковому исходу этого недуга?

Никто этого предвидѣть и предсказать не можетъ.

Россія такъ велика, населеніе ея такъ разнообразно, политическія и общественныя условія, въ которыя она такъ внезапно и такъ насильственно поставлена, столь для нея чужды, что рѣшительно нѣтъ никакой возможности предугадать, чѣмъ кончится тотъ въ высшей степени рискованный экспериментъ, который нынѣ производится надъ Россіей подъ названіемъ „выборовъ во вторую Государственную Думу".

Къ тому же нѣтъ возможности предугадать результаты этихъ выборовъ на основаніи какой-либо аналогіи, взятой изъ исторіи другихъ государствъ: тотъ ужасъ, который творится нынѣ надъ Россіей, въ буквальномъ смыслѣ *безпримѣренъ*. Никогда, съ тѣхъ поръ какъ существуютъ культурныя государства, мы не видѣли того, что̀ нынѣ на нашихъ глазахъ совершается въ Россійской Имперіи, въ смыслѣ искусственнаго отравленія здороваго государственнаго организма, съ такимъ неожиданно-изумительнымъ распредѣленіемъ ролей среди различнаго рода ея отравителей.

При такихъ условіяхъ,—еще разъ повторяемъ,—никто не можетъ предугадать, какое значеніе будутъ имѣть въ исторіи Россіи предстоящіе выборы, никто,—кромѣ Господа Бога.

Но Богъ не только всевѣдущъ, Онъ и всемогущъ. Онъ одинъ знаетъ, что̀ въ настоящее время Россіи послужитъ во вредъ, а что—во благо.

Мы проходимъ теперь черезъ горнило бѣдствій, чтобы, можетъ-быть, затѣмъ выйти изъ него болѣе крѣпкими и болѣе здоровыми. Мы, со своимъ слабымъ человѣческимъ разумомъ, не можемъ знать, когда наступитъ полнота мѣры этихъ бѣдъ, для того чтобъ онѣ дѣйствительно послужили намъ на пользу. Кто знаетъ, можетъ-быть, мы еще не испили и половины чаши назначеннаго намъ горькаго, но цѣлебнаго, зелья.

Какъ-же можемъ мы, при этомъ невѣдѣніи, судить и рядить о томъ,—желательна ли, для окончательнаго спасенія Россіи, *наша* побѣда на предстоящихъ выборахъ, или побѣда нашихъ враговъ? Мы желаемъ лишь одного, чтобы Господь даровалъ нашей Родинѣ полную побѣду надъ ея врагами!

Какимъ ничтожнымъ представляется настоящій выборный „эпизодъ" въ сравненіи съ тысячелѣтнею историческою судьбой Россіи, съ великими ея міровыми задачами, съ предстоящимъ ей, послѣ настоящихъ и грядущихъ терзаній, великимъ ея національнымъ возрожденіемъ,—безъ твердой вѣры въ которое намъ, Русскимъ людямъ, и жить было бы невозможно!

Побѣда „кадетовъ“.

28 января 1907 года, въ Москвѣ, при полномъ образцовомъ внѣшнемъ порядкѣ, царившемъ на выборахъ, побѣду одержала революція.

Слѣдовательно, депутатами отъ города Москвы опять будутъ евреи и еврействующіе кадеты, вродѣ разныхъ Мандельштамовъ и Кизеветтеровъ.

Другого исхода выборовъ нельзя было ожидать, и мы его давно уже предсказывали, вмѣстѣ со всѣми честными, серіозными Русскими людьми, считающимися не съ легкомысленными иллюзіями, а съ дѣйствительными фактами.

Если Москва и въ третій, и въ четвертый разъ будетъ производить выборы по тому революціонному выборному закону, которымъ насъ наградилъ С. Ю. Витте,—Москва и въ третій, и въ четвертый разъ неизмѣнно будетъ давать побѣду революціонерамъ.

Кіевскій Всероссійскій Съѣздъ Русскихъ Людей еще въ октябрѣ мѣсяцѣ 1906 года открыто, громко и ясно предсказалъ тѣ результаты, которые неминуемо дастъ существующій революціонный выборный законъ,—и выставилъ проектъ новаго закона, соотвѣтствующаго дѣйствительнымъ интересамъ Россіи.

Петербургъ, по обыкновенію, оставилъ мнѣнія, желанія и прозорливость Русскаго Народа безо всякаго вниманія: дорожа сочувствіемъ революціонеровъ, онъ не посмѣлъ прикоснуться къ ихъ созданію и заставилъ Россію, а въ данномъ случаѣ и Первопрестольную Столицу, второй разъ подчиниться революціонному закону, изъ котораго, по необходимости, могли выйти только революціонные выборщики.

Невниманіе Петербурга ко мнѣніямъ и желаніямъ Русскаго Народа породило и другую причину, содѣйствовавшую побѣдѣ революціи—апатію и равнодушіе Русскихъ людей къ самымъ выборамъ.

Вожаки октябристовъ и монархистовъ не щадили своихъ силъ, чтобы пробудить Московскихъ избирателей къ живому участію въ выборахъ,—въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Но болѣе 15.000 избирателей ощутили такое инстинктивное отвращеніе къ революціонному выборному закону, что не почувствовали ни малѣйшей охоты принимать участіе въ выборахъ, которыми они обречены были, при примѣру прошлаго года, на неминуемое пораженіе.

Московскія цифры, сверхъ того, ясно показываютъ, что если-бъ и составился столь желанный для Петербурга „блокъ“ *монархистовъ* (2.800 гол.) съ *октябристами* (9.443 гол.), революціонный законъ все-таки далъ бы побѣду *революціонерамъ* (21.025 гол.), которые, само собою разумѣется, и приняли живѣйшее участіе въ выборахъ, желая использовать *всѣ* выгоды, дарованныя этимъ, спеціально для нихъ составленнымъ, закономъ.

Если находятся люди, удивляющіеся исходу Московскихъ выборовъ, то мы, въ свою очередь, удивляемся наивности этихъ людей. Во всякомъ случаѣ мы лишній разъ констатируемъ, что *мы не ошиблись въ своихъ предсказаніяхъ* и что *не мы* виноваты въ нашемъ пораженіи...

Правительство предъ кадетскою побѣдой.

Въ силу существующаго *революціоннаго* выборнаго закона, Петербургъ, такъ же какъ и Москва, вынужденъ былъ предоставить побѣду *революціонной* же партіи „кадетовъ“.

Благодаря этому, столь очевидно вредному Россіи, закону, кадеты пріобрѣтутъ снова большинство и во второй Думѣ, какъ это было совершенно ясно для всякаго разумнаго Русскаго человѣка, и какъ мы это на всѣ лады *указывали* и *предсказывали* съ перваго же дня, когда Правительство, ко всеобщему изумленію, заявило свое намѣреніе произвести выборы въ новую Думу на основаніи того же негоднаго закона, который создалъ первую негодную Думу.

Но того, чего ожидала вся Россія, Правительство, какъ оказывается, совершенно не ожидало, и крайне удивилось тому естественному явленію, что однѣ и тѣ же причины даютъ одни и тѣ же послѣдствія.

Правда, кое-гдѣ въ провинціальныхъ городахъ кадеты потерпѣли пораженіе и должны были уступить свои мѣста крайнимъ лѣвымъ или крайнимъ правымъ партіямъ; но частичныя побѣды лѣвыхъ революціонныхъ партій являются послѣдствіемъ того же революціоннаго выборнаго закона, который и въ третью Думу дастъ еще большее число открытыхъ крайнихъ революціонеровъ; мѣстныя же удачи монархистовъ объясняются лишь невѣроятными усиліями „черносотенныхъ“ организацій, которыя лишь при исключительно-благопріятныхъ мѣстныхъ условіяхъ могли кое-гдѣ дать выраженіе истиннымъ чувствамъ и желаніямъ Русскаго Народа, несмотря на тотъ намордникъ, который на него надѣтъ въ видѣ революціоннаго выборнаго закона.

Какъ поступитъ теперь Правительство, въ виду неминуемой кадетской Думы?

Какъ поступятъ сами кадеты въ виду своей очевидной побѣды?

Отвѣты на эти вопросы раздаются нынѣ со всѣхъ сторонъ, и ихъ можно раздѣлить на нѣсколько категорій.

1) Правительство не испугается кадетовъ и, при первой ихъ „некорректности“, распуститъ Думу, съ тѣмъ чтобы возстановить законный порядокъ въ Россіи, а затѣмъ приступитъ къ кореннымъ реформамъ, которыя обезпечили бы Россіи національное возрожденіе и вернули бы ей прочное единство, могущество и славу, устранивъ всѣ недостатки Петербургскаго бюрократическаго періода ея исторіи, приведшаго ее къ теперешнему ея смутному состоянію.

Это единственное правильное рѣшеніе перваго вопроса.

2) Правительство распуститъ Думу съ тѣмъ, чтобы ее болѣе не созывать до полнаго возстановленія законнаго порядка въ Россіи, а затѣмъ созоветъ русскій православный Земскій Соборъ для выработки новаго Думскаго выборнаго закона, для созданія новой, чисто-законосовѣщательной, Думы (*которая черезъ годъ превратится опять въ законодательную революціонную Думу, такъ какъ совѣты „представителей народа“, по*

существу своему, будутъ приравниваться къ выраженіямъ „народной воли“, „обязательной для Государя“).

3) Правительство распуститъ Думу, само измѣнитъ избирательный законъ (*по какому праву?*) и созоветъ затѣмъ, среди революціоннаго хаоса, новую Думу. (*Послѣдствіемъ будетъ неминуемое усиленіе этого хаоса*).

4) Правительство распуститъ Думу и назначитъ новые выборы по старому закону. *Это было бы такъ глупо, что это даже невѣроятно*).

5) Правительство испугается кадетовъ и вступитъ съ ними въ переговоры, предлагая имъ нѣсколько портфелей въ теперешнемъ кабинетѣ, (*Это было бы началомъ крушенія и Правительства, и всей Россіи*).

6) Правительство накапунѣ открытія Думы провозгласитъ болѣе или менѣе полную амнистію политическимъ преступникамъ, министерскую отвѣтственность, отмѣну полевыхъ судовъ, всякихъ осадныхъ и военныхъ положеній, а также смертной казни, „чтобы кадетамъ нечего было просить у Правительства, и оно могло бы опираться на ихъ большинство“. (*Кадеты никогда на это не согласятся и съ такимъ „капитулировавшимъ“ передъ ними Правительствомъ и разговаривать не станутъ*).

7) Правительство уступитъ свое мѣсто кадетамъ либо передъ самымъ открытіемъ Думы, либо послѣ первой на него кадетской атаки. (*Это будетъ крушеніемъ всей Россіи, такъ какъ кадеты немедленно займутъ всѣ должности съ верху до низу революціонерами, а затѣмъ превратятъ Русскую Монархію въ республику*).

8) Кадеты будутъ вести себя „корректно“, чтобы втереться въ довѣріе Правительства и получить отъ него нужные имъ портфели. (*Трудовики разстроятъ этотъ планъ кадетовъ и увлекутъ ихъ въ открытую борьбу съ Правительствомъ, а легкомысленные кадеты, какъ извѣстно, легко поддаются на всякія увлеченія).*

9) Кадеты съ самаго начала выступятъ съ грозными требованіями, разсчитывая на малодушіе Правительства. (*Если эти разсчеты окажутся вѣрными, Россія погибла, какъ это видно изъ отвѣта на 7-ое предположеніе*).

Которое изъ этихъ девяти предположеній оправдается, мы не знаемъ; *желать* мы можемъ осуществленія лишь *перваго* изъ нихъ.

Знаменательная годовщина.

Ровно годъ тому назадъ, 16 февраля 1906 года, совершилось событіе, которое одно лишь служитъ яркимъ маякомъ среди окружающаго насъ хаотическаго мрака.

16 февраля 1906 года Государь Императоръ, принимая въ Царскомъ Селѣ депутацію отъ Иваново-Вознесенской Самодержавно-Монархической Партіи, изволилъ произнести знаменательныя, вѣковѣчныя слова:

„Самодержавіе мое останется такимъ, какимъ оно было встарь“.

Мы, монархисты, кромѣ этихъ Державныхъ Царскихъ Словъ, ничего не знаемъ, знать не можемъ и знать не хотимъ.

Что бы въ Россіи ни совершалось, кто бы и какъ бы ни старался затмить яркое сіяніе этихъ словъ, — они въ глазахъ Русскаго Народа пріобрѣтаютъ все болѣе ясное, побѣдоносное значеніе.

Какъ бы Правительство ни старалось убѣдить насъ, что въ Россіи существуетъ „конституція", уничтожившая Самодержавіе Царя,—мы этому повѣрить не можемъ, а вѣримъ одному лишь нашему Государю, Которому мы принесли присягу, какъ Самодержавному Царю, Который и въ Основныхъ Законахъ именуется Самодержцемъ Всероссійскимъ, и Который насъ завѣрилъ Своимъ Царскимъ словомъ, что Самодержавіе Его не измѣнится, а „останется такимъ, какимъ оно было встарь".

Да будетъ же впредь 16 февраля торжественнымъ днемъ для всѣхъ вѣрноподданныхъ Русскаго Самодержавнаго Царя, Всероссійскимъ Монархическимъ праздникомъ.

Открытое письмо С. Ѳ. Шарапову.

Глубокоуважаемый

Сергѣй Ѳеодоровичъ!

Въ вашемъ послѣднемъ (7) нумерѣ *Русскаго Дѣла* вы упрекаете *Московскія Вѣдомости* и Русскую Монархическую Партію въ томъ, что онѣ, будто-бы, требуя коренныхъ реформъ, упорно умалчиваютъ, „какія же именно и въ чемъ должны заключаться тѣ коренныя реформы, которыя „„обезпечили бы Россіи національное возрожденіе и вернули бы ей прочное единство, могущество и славу""?"

Ничего мы не утаиваемъ и не замалчиваемъ. Наша программа, составленная еще весною 1905 года, дважды была напечатана цѣликомъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, а затѣмъ издана отдѣльною брошюрой, въ которой перечислены всѣ требуемыя нами коренныя реформы. Брошюра эта, изданная въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ, распространена по всей Россіи и находится въ рукахъ всѣхъ Русскихъ людей, серіозно интересующихся современною политическою жизнью Россіи. Если у васъ этой брошюры нѣтъ, я могу вамъ прислать ее. Вы можете соглашаться или не соглашаться съ содержащеюся въ ней программой нашею, но вы во всякомъ случаѣ уже не будете говорить объ отсутствіи у насъ программы реформъ или о какихъ-то „сознательныхъ умалчиваніяхъ" *Московскихъ Вѣдомостей*, которыми, будто бы, „тяготятся патріотическія организаціи и только въ виду общаго врага пока не нарушаютъ дисциплины".

Кромѣ подробной программы Монархической Партіи существуютъ еще такія же программы „Союза Русскаго Народа" и Петербургскаго „Русскаго Собранія".

Всѣ эти три программы тождественны по своему внутреннему содержанію и разнятся лишь своею внѣшнею формой и нѣкоторыми несущественными подробностями.

Прочтите внимательно эти три программы, и вы тогда сами увидите, что насъ можно обвинить въ чемъ угодно, но только не въ „сознательномъ умалчиваніи". Мы всегда говоримъ громко, ясно, открыто и ставимъ

всѣ точки на і, и я въ первый разъ слышу, чтобы насъ обвиняли въ какомъ-то трусливомъ молчаніи.

Далѣе, въ той же статьѣ вы предлагаете мнѣ вступить съ вами въ публичный печатный турниръ по поводу *вашей* программы.

Вы знаете изъ нашихъ устныхъ бесѣдъ, что я твердо держусь того принципа, что публичные турниры должны происходить между открытыми врагами, а не между товарищами по оружію.

Когда горитъ домъ, нужно общими дружными усиліями тушить пожаръ, а не препираться о тѣхъ или другихъ планахъ будущаго новаго дома.

Вотъ почему я считаю совершенно излишнимъ разыгрывать намъ съ вами роли Куропаткина и Гриппенберга, поспорившихъ между собою на глазахъ наступающаго непріятеля.

У васъ, вѣроятно, есть много свободнаго времени, чтобы бороться не только съ врагами, но и съ друзьями.

У меня, къ сожалѣнію, нѣтъ ни времени, ни охоты тратить свои силы на преждевременныя препирательства съ вами, когда я всѣ свои силы отдалъ на борьбу съ крамолой, и ихъ у меня не хватаетъ, чтобы во-время всюду поспѣвать на отпоръ врагамъ и на защиту друзей.

Вотъ почему я держусь твердаго правила: — *никогда* не спорить публично съ единомышленниками, сосредоточивая всѣ свои силы на борьбѣ съ противниками.

Мы имѣемъ возможность столько разъ лично встрѣчаться и бесѣдовать съ вами, что, право, не стоитъ выносить наши разногласія на публичную арену и на потѣху нашихъ враговъ.

Давайте лучше дружно, по-товарищески, бороться съ врагами Россіи, устраняя поводы ко всякому внутреннему разногласію.

Да если бы мы и согласились вести публичный турниръ, то намъ необходимо было бы предварительно въ частной бесѣдѣ вымести цѣлую массу недоразумѣній, которыя лишь мѣшали бы отчетливости нашего публичнаго спора.

Но я еще разъ повторяю, — я изъ принципа теперь, въ виду общей страшной опасности, грозящей Россіи, на публичный споръ ни съ какимъ единомышленникомъ не пойду, считая преступленіемъ передъ Родиной отдавать хоть одну минуту иному дѣлу, кромѣ борьбы съ врагами Россіи.

Или, можетъ-быть, вы думаете, что насъ такъ много, и дѣла у насъ такъ мало, что мы могли бы себѣ позволить такую роскошь — публично спорить между собой?

Что бы вы ни писали противъ меня, я *никогда* вамъ, какъ единомышленнику, *ни однимъ* словомъ не отвѣчалъ. И теперь отвѣчаю вамъ въ первый и въ послѣдній разъ.

Первый Думскій скандалъ.

Революціоннымъ газетамъ—и не имъ однѣмъ—хотѣлось бы увѣрить всю читающую публику, что открытіе второй Думы совершилось вполнѣ „корректнымъ" и „лойяльнымъ" образомъ, безо всякихъ скандальныхъ инцидентовъ.

Но имъ могутъ повѣрить лишь глухіе слѣпцы. Всякій, кто имѣетъ очи, чтобы видѣть, и уши, чтобы слышать, не могъ не замѣтить возмутительной сцены, которою ознаменовалось торжество 20 февраля.

Когда дѣйствительный тайный совѣтникъ Голубевъ сталъ читать отъ Высочайшаго Имени Государя Всемилостивѣйшія Его пожеланія членамъ Думы, тогда встали лишь члены правыхъ партій, а „кадеты" и „лѣвые", составляющіе большинство Думы, демонстративно *не поднялись со своихъ сидѣній*, желая выказать полное пренебреженіе къ Царскимъ словамъ.

Когда же, по выслушаніи этихъ словъ, депутатъ-монархистъ Крупенскій воскликнулъ: „Да здравствуетъ Государь Императоръ!", то „правые" покрыли этотъ возгласъ громовымъ *ура*, а „лѣвые" и „кадеты", и среди нихъ г. Головинъ, *продолжали молча сидѣть*, желая этимъ показать, что они вовсе этому, громко выраженному, вѣрноподданническому желанію не сочувствуютъ.

Они, такимъ образомъ, не только выказали свою неблаговоспитанность, но и прямое желаніе оскорбить Императорское Величество.

Какъ же отвѣтили на эту дерзкую выходку присутствовавшіе въ Думѣ представители Государя Императора?

Они сдѣлали видъ, какъ-будто ничего не замѣтили; они простили „кадетамъ" ихъ грубую выходку, какъ-будто оскорбленіе относилось лично къ нимъ, а не къ Государю.

Мало того, когда принявшій участіе въ этой наглой демонстраціи Головинъ былъ избранъ „кадетами" и соціалистами въ предсѣдатели Думы, то къ нему самымъ „корректнымъ" образомъ подошелъ нашъ премьеръ-министръ и почтительнѣйше спросилъ Его Высокопредсѣдательство, когда ему угодно будетъ разрѣшить императорскому русскому правительству прочесть свою декларацію передъ Государственною Думой.

Итакъ, съ одной стороны—грубое, безнаказанное нахальство, а съ другой—безусловно-„корректное" и безгранично-уступчивое малодушіе.

Вотъ подъ какими созвѣздіями родилась вторая Дума, и гороскопъ ея ничего спасительнаго и полезнаго для Россіи не предвѣщаетъ.

И дѣйствительно, допущенный скандалъ въ Думѣ немедленно вызвалъ еще большій скандалъ на улицѣ.

Снова появились на петербургскихъ площадяхъ и улицахъ революціонные *красные флаги*, снова раздались возмутительные революціонные крики и пѣсни, снова пришлось разгонять толпу крамольниковъ вооруженною силой.

Разсѣянная полиціей, толпа революціонеровъ направилась къ Петербургскому Университету, заняла безо всякой помѣхи его аудиторіи, — и тутъ совершенно *безпрепятственно* и *безнаказанно* отпраздновала свои анархическія оргіи.

Даже революціонныя газеты и тѣ изумились, что полиція держала тутъ себя „совершенно корректно", то-есть—попросту бездѣйствовала.

Такимъ образомъ и тутъ мы видимъ все то же старое явленіе: съ одной стороны—грубое насиліе, съ другой—бездушную „корректность".

Пусть гибнетъ Россія, но Правительство бѣлыхъ перчатокъ не сниметъ.

Въ самомъ дѣлѣ,—какъ можетъ полиція переступить порогъ Университета, этого „святого храма науки“, даже въ томъ случаѣ, если въ этомъ храмѣ происходитъ анархическій шабашъ!

Всѣмъ извѣстно, что наши высшія учебныя заведенія давно уже превратились въ революціонныя цитадели и крамольные блокъ-гаузы, служащіе для склада террористическихъ прокламацій и боевыхъ снарядовъ.

А наши власти считаютъ эти революціонные арсеналы какою-то неприкосновенною святыней, вступить въ которую нельзя безъ цѣлаго ряда китайскихъ церемоній.

Да, и вообще,—сколько у насъ теперь появилось новыхъ „святыхъ“ послѣ огульнаго попранія святыни Божіей!

Вонъ въ Петербургѣ, въ любимомъ дѣтищѣ графа Витте, въ Политехникумѣ, произведены аресты крамольниковъ, оказавшихся тамъ среди бомбъ и другихъ взрывчатыхъ снарядовъ. Среди задержанныхъ оказались два революціонера, числящіеся членами Государственной Думы. И полиція ихъ тотчасъ же съ полною „корректностью“ освободила, ибо они—„неприкосновенные“, „святые“.

Мы и тутъ наталкиваемся все на тотъ же контрастъ: грубый цинизмъ—съ одной стороны, и утонченная „корректность“—съ другой.

Два преступника сидятъ въ острогѣ: одного изъ нихъ выбираютъ въ члены Думы,—и губернаторъ спѣшитъ скорѣе его освободить и почтительнѣйше спрашиваетъ его:

— Какой вы партіи?

— Бомбистъ.

— Прекрасно. Вотъ вамъ прогонныя деньги въ Петербургъ. Желаю вамъ всякаго успѣха.

Корректно и мило и—возмутительно гадко! За одно и то же злодѣяніе одинъ преступникъ сидитъ въ Думѣ, а другой—въ тюрьмѣ!

До сихъ поръ всѣ думали, что „кадеты“ будутъ „корректничать“ передъ министерствомъ, а теперь мы видимъ, что министерство, желая играть „въ Европу“, старается корректничать передъ „кадетами“.

Посмотримъ, до чего доведетъ насъ эта „корректность“.

Во всякомъ случаѣ пусть знаетъ министерство, что въ *настоящей* Европѣ подобныя возмутительныя отношенія къ Монарху совершенно не мыслимы.

Первые плоды Второй Думы *).

Послѣ роспуска Первой Думы кадеты ожидали всеобщаго возстанія всего Русскаго Народа.

Они жестоко ошиблись, и этимъ доказали, что они Русскаго Народа *не знаютъ*: онъ не только не возсталъ, узнавъ о разгонѣ его мнимыхъ „представителей“, но даже въ значительной степени успокоился.

Это успокоеніе легко было предвидѣть каждому, кто дѣйствительно знакомъ съ желаніями и настроеніемъ Русскаго Народа, а потому мы, въ

*) Рѣчь, произнесенная 22 февраля 1907 года, на XVII Частной Бесѣдѣ Русскаго Монархическаго Собранія.

теченіе всей скандальной сессіи Первой Думы, не переставали открыто и громко предсказывать, что „во всей Россіи настанетъ начало успокоенія и умиротворенія, какъ только Царь распуститъ крамольную Думу".

Предсказанія эти оправдались.

Русскій Народъ перекрестился, когда узналъ, что, наконецъ, избавился отъ того кошмара, который его давилъ въ видѣ Думскаго хаоса, отслужилъ молебны по случаю роспуска Думы и послалъ Государю благодарственныя телеграммы за великую милость, оказанную Имъ Его вѣрноподданнымъ, избавившую ихъ отъ ежедневнаго чтенія безнаказанныхъ издѣвательствъ надъ самыми завѣтными для Русскаго сердца святынями.

Разошлась Дума и сама себя зарѣзала Выборгскимъ воззваніемъ. Русскій Народъ вздохнулъ свободно и сталъ снова приспособляться къ мирной жизни и къ законному порядку. Прекратились всякія уличныя демонстраціи съ красными флагами и революціонными пѣснями, всякія „иллюминаціи" помѣщичьихъ усадебъ, всякія политическія забастовки въ правительственныхъ и частныхъ учрежденіяхъ, и „вооруженное возстаніе" стало отходить въ легендарную область давно-прошедшихъ и безвозвратныхъ событій.

„*Массовыя* крамольныя манифестаціи кончились; теперь будутъ вспыхивать лишь *единичныя* террористическія преступленія", предсказывали мы.

Наши предсказанія сбылись и въ этомъ отношеніи.

Мы не сомнѣваемся, что окончательно прекратились бы и подвиги бомбистовъ и браунингистовъ, если бы Дума была разогнана не на время, а навсегда и если бы дѣло возстановленія порядка въ Россіи было поручено *кому слѣдуетъ*.

Мы эту увѣренность высказывали съ полною ясностью и откровенностію, но насъ, по обыкновенію, не слушали; а между тѣмъ Петербургъ усердно подготовлялъ созваніе новой Думы, то-есть подготовлялъ прекращеніе начавшагося умиротворенія Россіи.

Снова окунули Русскій Народъ въ возмутительный, глубоко-развращающій его, выборный хаосъ,—и изъ этого хаоса нынѣ вышла Вторая Дума...

И вотъ первыя ея, давно предсказанныя нами, послѣдствія.

Самымъ вопіющимъ изъ нихъ является, несомнѣнно, тотъ скандалъ, который учинили „кадеты," устроившіе наглую, направленную противъ Государя Императора, демонстрацію; они—и въ томъ числѣ г. Головинъ—*сидѣли*, когда исполнялся гимнъ *Боже, Царя храни*; они *сидѣли*,—и въ томъ числѣ сидѣлъ и г. Головинъ,—когда читались слова Государя Императора, обращенныя къ членамъ Думы; они, наконецъ, вмѣстѣ съ тѣмъ же Головинымъ, *продолжали сидѣть*, когда группа истинно-Русскихъ депутатовъ, повинуясь естественному влеченію своего сердца, дружно воскликнула: „Да здравствуетъ Государь Императоръ"!

Демонстрація „кадетовъ",—и въ томъ числѣ г. Головина,—свидѣтельствуетъ не только объ ихъ грубой невоспитанности, не только объ ихъ чисто-революціонныхъ, *республиканскихъ* вожделѣніяхъ, но и о прямомъ ихъ намѣреніи, въ первомъ же засѣданіи Думы, нанести оскорбленіе Императорскому Величеству.

Такой дерзости мы оставить безъ негодующаго протеста не можемъ!

Къ сожалѣнію, мы уже предупреждены въ этомъ исполненіи нашего гражданскаго долга: вчера Тульское населеніе уже выразило свое негодованіе по этому поводу въ прекрасной всеподданнѣйшей телеграммѣ. Выскажемъ же и мы нашему Царю то, что у насъ на сердцѣ! Пошлемъ ему слѣдующее заявленіе нашихъ искреннихъ чувствъ:

„Русская Монархическая Партія и Московскій Союзъ Русскаго Народа, глубоко возмущенные непочтительностью, оказанною большинствомъ членовъ Государственной Думы къ Твоему, Великій Государь, Имени, видятъ въ этомъ прискорбномъ явленіи новое доказательство, что это большинство Думы ничего не имѣетъ общаго съ Твоимъ вѣрноподданнымъ Народомъ, который всегда высоко чтилъ Твое Державное Имя, непрестанно вознося искреннія молитвы Господу Богу о драгоцѣнномъ Твоемъ здравіи и о здравіи Твоей Августѣйшей Семьи“.

Но возмутительныя послѣдствія открытія Второй Думы не ограничились вышеуказанною демонстраціей *въ стѣнахъ* нашего „парламента“: въ тотъ же день возобновились *на улицахъ и въ Университетахъ* тѣ безобразныя крамольныя манифестаціи 1905 года, которыя, казалось намъ, давно уже канули въ вѣчность! Снова на Петербургскихъ улицахъ развѣвались красные флаги, при ораніи революціонныхъ пѣсенъ, и я увѣренъ, что если эти безобразныя явленія еще не омрачаютъ нашей Московской жизни, то это лишь благодаря особой энергіи и бдительности нашихъ властей.

Но что можетъ сдѣлать эта бдительная энергія, когда она встрѣчается съ такими препонами, какъ „автономія“ главныхъ революціонныхъ вертеповъ, какими нынѣ являются наши Университеты?

Вы вѣдь знаете, что наши власти не имѣютъ права слѣдить за дѣйствіями крамолы, коль скоро она творитъ свои мерзости въ стѣнахъ Университета, и наши выборные университетскіе администраторы зорко наблюдаютъ за неприкосновенностью всей этой мерзости! Съ ними дѣлаются либеральныя судороги, если они увидятъ городового, хотя бы на разстояніи полуверсты отъ тѣхъ складовъ бомбъ и террористической литературы, которая хранится въ революціонныхъ блокъ-гаузахъ, именуемыхъ университетами!

Вы знаете, къ чему привела эта „бдительная зоркость“ автономнаго университетскаго начальства? Сами же студенты ограбили свой Университетъ!

Вотъ естественные, прямые, законные плоды университетской автономіи.

И эти плоды будутъ разрастаться все пышнѣе, пока не будетъ прекращена эта автономія, пока Правительство не будетъ само отвѣчать за необходимый для научныхъ занятій законный порядокъ въ Университетахъ, вмѣсто того, чтобы предоставлять водвореніе этого порядка на произволъ студенческаго кулачнаго права...

Открытіе Второй Думы сопровождалось, по обыкновенію, революціонными салютами: въ Ревелѣ убитъ баронъ Будбергъ, консерваторъ, бывшій Эстляндскій предводитель дворянства, а въ Севастополѣ уже во второй разъ подвергся адскому покушенію комендантъ крѣпости Неплюевъ.

Мы и этихъ возмутительныхъ явленій безъ протеста оставить не можемъ. Пошлемъ теперешнему Эстляндскому предводителю дворянства слѣдующую телеграмму:

„Союзъ Русскаго Народа и Монархическая Партія выражаютъ Эстляндскому дворянству глубокое соболѣзнованіе по случаю злодѣйскаго убійства доблестнаго и вѣрнаго слуги Русскаго Царя, барона Будберга. Онъ палъ жертвой той крамолы, которая объявила безпощадную войну всѣмъ вѣрнымъ сынамъ Россіи, и противъ которой необходимо дружно бороться общими силами всѣмъ честнымъ людямъ во всѣхъ концахъ Россіи".

А неустрашимому начальнику Севастопольской крѣпости выразимъ наше глубокое сочувствіе въ слѣдующей депешѣ:

„Русское Монархическое Собраніе и Московскій Союзъ Русскаго Народа шлютъ свои искреннія пожеланія быстраго вамъ выздоровленія отъ вторичнаго адскаго покушенія на вашу жизнь, столь необходимую для Царя и Родины".

А затѣмъ, взирая на эти первые плоды Второй Государственной Думы, мы въ правѣ предсказать, что *дальнѣйшіе ея плоды будутъ еще горше.*

Уже толкуютъ объ амнистіи, то-есть о Правительственномъ содѣйствіи не только пополненію рядовъ революціонной арміи, но и приданію ей новой, еще болѣе наглой дерзости!

Уже ходятъ слухи о готовящейся новой всеобщей фабричной забастовкѣ.

Что же? Съ открытіемъ Второй Думы мы снова вступаемъ въ то ужасное время, когда самая невѣроятная нелѣпость становится возможною, когда приходится вѣрить всякому слуху, какъ бы онъ возмутителенъ ни былъ.

Съ открытіемъ Второй Думы Россія снова вступила въ острый революціонный періодъ, который, все болѣе разгораясь, кончится лишь съ ея закрытіемъ.

„Мы снова пророчествуемъ?"

Да.

„Но намъ опять не повѣрятъ!!"

Придетъ время:—сами камни возопіютъ и подтвердятъ наши слова. Тогда повѣрятъ!

„Но это будетъ слишкомъ поздно!"

При *полновластномъ* Царскомъ Самодержавіи спасеніе Россіи возможно *во всякое время.*

А при отсутствіи его—гибель Россіи можетъ наступить въ любой изъ переживаемыхъ нами тяжелыхъ дней...

Самоубійственная „экспропріація".

Ни одно революціонное грабительство не повредило такъ революціонной пропагандѣ, какъ послѣднее университетское самограбленіе.

Студенты-революціонеры, участвовавшіе въ этомъ мерзкомъ преступленіи,—въ видѣ-ли главныхъ дѣйствующихъ лицъ, или въ видѣ пособни-

ковъ, укрывателей, или „благосклонныхъ“ зрителей,—окончательно опозорили и себя, и все свое „освободительное“ дѣло въ глазахъ не только Московскаго населенія, но и всей Россіи, возвысивъ вмѣстѣ съ тѣмъ сочувствіе къ Московскимъ административнымъ властямъ, въ особенности къ Московскому градоначальнику и ввѣренной ему полиціи.

Все это ясно обнаружилось на проводахъ злодѣйски-убитаго студентами несчастнаго околоточнаго Кропина.

Густыя толпы Московскаго населенія шли за прахомъ этого мученика, за прахомъ простого полицейскаго околоточнаго, выражая этимъ въ его лицѣ горячее сочувствіе и уваженіе всей той скромной, но доблестной рати вѣрныхъ слугъ Царя и Родины, которая вотъ уже третій годъ подаетъ всѣмъ намъ примѣръ гражданскаго мужества въ твердомъ, непреклонномъ исполненіи своего вѣрноподданническаго долга.

Гдѣ вы найдете другихъ Русскихъ людей, которые готовы были бы, *за грошевое вознагражденіе*, ежечасно жертвовать своею жизнью не въ пылу фанатической экзальтаціи и не въ боевомъ подъемѣ духа на глазахъ товарищей и начальства,—а одиноко, въ темную морозную ночь, стоя на своемъ посту въ глухомъ переулкѣ какой-нибудь отдаленной городской окраины, или во внезапномъ столкновеніи съ крамольниками, совершающими свои гнусныя преступленія подъ прикрытіемъ револьверныхъ залповъ?

А такихъ простыхъ героевъ въ нашей полиціи цѣлыя сотни. Мы проходимъ мимо нихъ, не цѣня ихъ высокой доблести, для которой и сами они не ищутъ нашихъ похвалъ. И лишь когда они падаютъ жертвами отъ рукъ гнусной крамолы, мы вспоминаемъ объ ихъ героизмѣ и стараемся загладить свою вину передъ ними торжественными похоронами, вѣнками, проводами, сборами денегъ и т. п.

Но зато съ каждымъ разомъ, съ каждымъ прискорбнымъ такого рода случаемъ,—а какъ часты теперь эти случаи!—мы проникаемся все болѣе глубокимъ уваженіемъ къ этимъ Русскимъ людямъ, такъ просто и такъ безтрепетно умирающимъ за Царя. Мы все ниже преклоняемся предъ этими дѣйствительно-*лучшими* Русскими людьми.

Такъ было и 25 февраля, когда Москва хоронила околоточнаго Кропина, этого несчастнаго юношу, лежавшаго въ гробу съ покойнымъ выраженіемъ почти еще отроческаго лица! Москвичи въ этотъ день все ему дали, что̀ могли,—одного только они не въ состояніи были дать ему—жизни: а онъ именно этой жизни и жаждалъ: она вся еще у него была впереди съ любимою женой и дѣтьми... И эту жизнь у него отняли такіе-же юноши, какъ и онъ, но озвѣрѣлые, безсердечные, развращенные крамольною заразой.

Сколько горячаго сочувствія выказывалось тѣми, тоже простыми, людьми, которые необозримою толпой шли за его гробомъ,—сочувствуя не только ему, герою, не только его осиротѣвшей семьѣ, но и его товарищамъ по службѣ, шедшимъ тутъ же, смѣшавшись съ этою толпой!

Но зато сколько глубокаго негодованія слышалось въ этой толпѣ по отношенію къ тѣмъ негодяямъ, которые и грабятъ, и убиваютъ своихъ невинныхъ жертвъ съ хладнокровіемъ грубыхъ дикарей!

Мы не желаемъ повторять всего того, что Московское населеніе нынѣ говоритъ о Московскихъ студентахъ; но мы во всякомъ случаѣ не совѣтовали бы имъ теперь возбуждать чѣмъ-либо противъ себя простой Московскій народъ.

Да, студенты-революціонеры не могли придумать лучшаго средства, чтобы совершенно погубить и себя, и свое подлое дѣло,—какъ ту возмутительную, самоубійственную для нихъ, университетскую „экспропріацію".

Почему при Думѣ усиливается революція?

Съ открытіемъ Думы сразу по всей Россіи поднялся общій тонъ революціоннаго движенія, усилились волненія, участились грабежи и убійства, объявились забастовки, и языкъ разнузданной крамольной печати сталъ совершенно цинически-дерзкимъ.

У насъ въ Москвѣ уже начались серіозныя подготовленія ко всеобщей забастовкѣ, и наступило тревожное настроеніе въ ожиданіи безумныхъ декабрскихъ дней 1905 года.

Не успѣла Москва похоронить несчастнаго, убитаго *студентами*, околоточнаго Кропина, какъ въ ночь на 27 февраля *студенты* же напали на городового, обезоружили его, а затѣмъ убили другого городового, Горина, пытавшагося задержать ихъ.

Да и вообще нападенія на полицію, прекратившіяся было въ сравнительно-спокойный періодъ „междудумія", снова зачастились, какъ только въ Таврическомъ Дворцѣ начались засѣданія новой Думы.

Крамольники, очевидно, помогаютъ другъ другу и ведутъ общее свое дѣло, какъ въ стѣнахъ, такъ и внѣ стѣнъ Думы.

Но въ чемъ состоитъ ихъ взаимная помощь?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы найдемъ въ томъ несомнѣнномъ фактѣ, что Дума поощряетъ революціонное движеніе въ странѣ не сама по себѣ, а косвенно, черезъ Правительство.

Въ самомъ дѣлѣ, пока не было Думы, Правительство имѣло возможность прекращать въ корнѣ каждый зачатокъ революціоннаго проявленія. Если Правительство не воспользовалось этою возможностью въ полной мѣрѣ и все еще не водворило законнаго порядка въ Государствѣ, если оно, стремясь къ этой цѣли, прибѣгало не къ кореннымъ мѣропріятіямъ, а къ жалкимъ полумѣрамъ, отъ которыхъ оно само же на практикѣ малодушно отрекалось *), — то въ этомъ виновато уже само Правительство, все время трепетавшее передъ будущею Второю Думой и передъ ея „грозными запросами". Если бы предъ глазами Петербурга не стоялъ вѣчно этотъ красный призракъ, онъ давно уже покончилъ бы съ крамолой, а мы теперь жили бы въ благоустроенномъ, культурномъ государствѣ, обезпечивающемъ всѣмъ гражданамъ законный порядокъ и мирную свободу.

*) Такъ, напримѣръ, Правительственный циркуляръ, запрещавшій лицамъ, состоящимъ на государственной службѣ, принадлежать къ революціоннымъ партіямъ, *совсѣмъ не примѣнялся* во всемъ Вѣдомствѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, во главѣ котораго стоитъ кадетъ Герасимовъ.

Но какъ бы ни страшился Петербургъ будущей Думы, онъ все-таки успѣлъ въ теченіе этого безумнаго полугодія сдѣлать, если не все, то весьма многое для умиротворенія страны.

Но вотъ, наконецъ, столь страшный для Петербурга призракъ воплотился въ реальную Государственную Думу, наполнившуюся крамольниками всякихъ наименованій, и Правительству теперь предстоитъ необходимость отвѣчать на каждый запросъ всякаго политическаго хулигана, „кадета" или „товарища", считающаго себя „представителемъ народа" и старающагося прижать Правительство къ стѣнѣ дерзкимъ запросамъ о томъ или другомъ случаѣ подавленія революціоннаго мятежа.

Крамола разсчитываетъ на то, что Правительство, во избѣжаніе этихъ „непріятныхъ" запросовъ, дастъ всѣмъ своимъ провинціальнымъ агентамъ циркулярныя предписанія воздержаться отъ всякаго насильственнаго подавленія революціонныхъ вспышекъ, которыя, пользуясь этою льготой, разыграются до полнаго революціоннаго пожара.

Будемъ надѣяться, что эти разсчеты крамольниковъ окажутся ошибочными, что Правительство такихъ позорныхъ циркуляровъ не разошлетъ, что революціонныя вспышки будутъ всюду немедленно и безпощадно подавляться въ присутствіи Думы, какъ онѣ должны были быть подавлены во время ея отсутствія, и что наши министры не будутъ краснѣть, блѣднѣть и теряться передъ дерзкими запросами думскихъ крикуновъ, а будутъ имъ отвѣчать достойно и твердо съ глубокимъ сознаніемъ исполненнаго долга и всецѣло покрывая своею отвѣтственностью своихъ подчиненныхъ, если они съ разумною строгостью прекращали то или другое нарушеніе порядка внѣ-думскими крамольниками.

Иного отношенія Правительства къ пробравшимся въ Думу политическимъ шарлатанамъ мы не понимаемъ; а если-бъ эти господа зазнались до того, что стали бы своею наглостью напоминать хулигановъ первой Думы,—то у Правительства всегда подъ рукою превосходное средство ихъ успокоить: разогнать вторую Думу такъ же, какъ оно разогнало первую, и затѣмъ приступить къ коренному водворенію законнаго порядка въ Государствѣ, — но уже безъ страха передъ какой-нибудь новою „Третьею" Думой...

Еще и еще!..

27 февраля произведено въ Ялтѣ злодѣйское покушеніе на доблестнаго полковника Думбадзе, водворившаго законный порядокъ въ Ялтѣ.

28 февраля произведено такое же покушеніе на ярославскаго губернатора Римскаго-Корсакова, который лишь чудомъ Божіимъ былъ спасенъ отъ вѣрной смерти.

Завтра, послѣзавтра будутъ новыя крамольныя покушенія, новыя жертвы, новая кровь и новыя слезы... *и такъ далѣе, безъ конца.*

И въ этомъ весь ужасъ, что—*безъ конца.*

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ можетъ быть конецъ всѣмъ этимъ ужасамъ, когда Петербургъ относится къ нимъ съ полнѣйшимъ равнодушіемъ, интересуясь только тѣмъ, какъ бы ему вмѣстѣ „работать" съ сообщниками

тѣхъ самыхъ гнусныхъ негодяевъ, которые подвергаютъ своимъ адскимъ козням лучшихъ Русскихъ людей.

„Лучшіе люди“! Для Петербурга „лучшими людьми“ являются не тѣ доблестные герои, которые жертвуютъ своею жизнію за Самодержавнаго Царя, а тѣ политическіе хулиганы, что̀ сидятъ въ Таврическомъ Дворцѣ, открыто выражая Царскому Самодержавію свою злобу и вражду.

Петербургъ, Петербургъ! Доколѣ будешь ты предавать Царя и Россію!

Ты хочешь подражать Европѣ; но гдѣ и когда видѣлъ ты въ Европѣ то позорное зрѣлище, которое нынѣ разыгрывается въ твоихъ стѣнахъ, покрывая позоромъ Россію предъ всѣмъ культурнымъ человѣчествомъ?

Развѣ въ Европѣ было когда-нибудь такое правительство, которое открытыхъ и наглыхъ враговъ государства и общества, явно одобряющихъ и ободряющихъ гнусныхъ бомбистовъ и террористовъ, сажало бы не въ тюрьму, а въ парламентъ, унижаясь предъ ними своею „корректностью“ и надѣясь на ихъ „работоспособность?“

О, они способны „работать!“—и еще какъ!

Объ этомъ свидѣтельствуютъ потоки крови, которою въ предсмертныхъ мукахъ истекли достойнѣйшіе Русскіе люди, вѣрнѣйшіе слуги Царя и Родины.

Эту „работу“ всякій видитъ, всякій понимаетъ ея грозное значеніе, всякій знаетъ, какимъ радикальнымъ средствомъ можно положить этой гнусной „работѣ“ окончательный, рѣшительный предѣлъ.

Одинъ только Петербургъ ничего не видитъ, ничего не знаетъ, ничего не понимаетъ...

Хитроумный планъ.

Что между „большинствомъ“ Второй Думы и Русскимъ Народомъ ничего нѣтъ общаго, — въ этой очевидной истинѣ не сомнѣваются теперь даже въ серіозныхъ Правительственныхъ сферахъ; о легкомысленныхъ сферахъ Правительства мы, конечно, не говоримъ,—тѣ въ самомъ дѣлѣ думаютъ, что всѣ эти крамольники, хулиганы и кадеты дѣйствительно являются „народными представителями“.

Весьма понятно, что самимъ этимъ гг. „представителямъ“ весьма непріятно, что ни одинъ здравомыслящій человѣкъ ихъ въ серіозъ не беретъ и не желаетъ признавать за ними какой бы то ни было авторитетъ.

А безъ авторитета имъ никоимъ образомъ быть нельзя.

Въ только-что начавшейся Думской сессіи этимъ шарлатанамъ придется говорить цѣлую уйму рѣчей „отъ имени народа“. Кто же имъ повѣритъ, если они потеряли всякій кредитъ и въ глазахъ самого народа, и въ глазахъ серіознаго Правительства? Напыщенныя рѣчи ихъ будутъ встрѣчены громкимъ хохотомъ и никакого эффекта не произведутъ.

Вотъ почему всѣмъ этимъ господамъ, пробравшимся всякими правдами и неправдами въ Государственую Думу, хотѣлось бы добыть себѣ во что̀ бы то ни стало недостающій имъ авторитетъ.

Добыть же себѣ этотъ авторитетъ они рѣшили у самого Царя и придумали съ этой цѣлью хитроумный планъ, исполнить который взялся членъ Государственнаго Совѣта князь П. Н. Трубецкой.

Объ этомъ планѣ намъ пишутъ изъ Петербурга слѣдующія подробности:

„Среди толковъ о провалившемся потолкѣ Таврическаго Дворца и о „деклараціи" Правительства, которая никакъ не можетъ доселѣ увидать свѣтъ Божій, и которая, какъ увѣряютъ, не будетъ соотвѣтствовать великимъ возлагаемымъ на нее ожиданіямъ — *parturiunt montes, nascetur ridiculus mus*—у насъ въ послѣдніе дни очень много говорятъ о новой идеѣ князя П. Н. Трубецкого, мечтающаго отнынѣ играть первую роль въ Государственномъ Совѣтѣ. Для перваго своего дебюта въ качествѣ тонкаго государственнаго человѣка, князь Петръ Николаевичъ желаетъ во что бы то ни стало возстановить въ глазахъ Царя и Народа столь сильно пошатнувшуюся славу Государственной Думы.

„Съ этой цѣлью имѣется въ виду добиться у Государя Императора ряда аудіенцій отдѣльныхъ группъ сперва *выборныхъ членовъ* Государственнаго Совѣта, а потомъ Государственной Думы, съ извѣстною, однако, постепенностью: сперва должны представиться Царю самые спокойные, умѣренные члены нашей Верхней Палаты, противъ Высочайшаго пріема которыхъ ничего нельзя будетъ возразить.

„*Этимъ пріемомъ будетъ созданъ прецедентъ, то-есть первый примѣръ для дальнѣйшихъ пріемовъ.*

„Въ этомъ именно и заключается вся геніальность мысли князя П. Н. Трубецкого, сговорившагося въ этомъ отношеніи съ лидерами столь близкой его сердцу и уму кадетской партіи.

„Разъ принята будетъ депутація выборныхъ членовъ Государственнаго Совѣта, трудно будетъ отказать въ пріемѣ такой-же депутаціи членовъ выборной Государственной Думы, сперва умѣренныхъ, *а потомъ и болѣе радикальныхъ.*

„Цѣль этихъ депутацій троякая:

„*Во-первыхъ*, изъ ихъ пріема въ Царскомъ Селѣ будетъ сдѣланъ такой выводъ, что Государь де вполнѣ одобряетъ Государственную Думу и ея революціонную политику, и что, слѣдовательно, Русскій Народъ, не сочувствующій этой политикѣ, *идетъ противъ Царя.*

„*Во-вторыхъ*, депутаты будутъ говорить не отъ себя, а *отъ имени Народа*, и, такъ какъ противъ этого не послѣдуетъ, — надѣются составители хитроумнаго плана,—возраженія, то изъ этого можно будетъ сдѣлать выводъ, что Государь де призналъ членовъ Думы *представителями Русскаго Народа*; если же Русскій Народъ будетъ утверждать, что онъ ничего общаго съ пробравшимися въ Думу крамольниками и врагами Самодержавнаго Царя не имѣетъ и имѣть не желаетъ, — то можно будетъ ему зажать ротъ, на томъ де основаніи, что *онъ, опять-таки, идетъ противъ Царя.*

„*Въ-третьихъ*, депутаты болѣе радикальной серіи будутъ благодарить Государя за дарованную *конституцію*. Если Царь приметъ эту благодар-

ность, то можно будетъ приписать Государю, *ни разу этого слова нигдѣ не произносившему*, утвержденіе, будто Онъ дѣйствительно *отказался отъ Самодержавія и замѣнилъ его конституціей*. Тогда уже можно будетъ объявить Русскій Народъ, стоящій за Царское Самодержавіе, *ослушникомъ Царской Воли*, чего теперь сдѣлать нельзя, пока Народъ твердо опирается на великое обѣтованіе, данное 16 февраля 1906 года Царемъ Русскому Народу о томъ, что *Самодержавіе Его останется такимъ, какимъ оно было встарь*.

„Какъ вы видите, этотъ планъ вполнѣ достоинъ тонкаго ума князя П. Н. Трубецкого, который уже сдѣлалъ первые шаги къ его исполненію.

„Но, какъ слышно, нашлись люди, не уступающіе въ своей прозорливости бывшему Московскому предводителю дворянства и понявшіе истинную сущность этой *игры въ депутаціи*,—а потому едва-ли удастся милѣйшему князю возстановить непорочность Второй Думы, которой кадеты старались придать эпитетъ „*Осторожной*“, но которую гораздо правильнѣе называть „*Острожною*“.

Письмо это нашего Петербургского корреспондента едва-ли нуждается въ дальнѣйшихъ комментаріяхъ.

Мы можемъ только присоединиться, вмѣстѣ со всѣми нашими читателями, къ его пожеланію, чтобы планъ хитроумнаго Московскаго Одиссея, „много странъ и людей и много видавшаго видовъ“, потерпѣлъ заслуженную неудачу, и чтобъ истинное существо Второй Думы не было скрыто отъ ясныхъ очей Русскаго Государя.

Царь и Народъ.

„Россія крѣпка лишь единеніемъ Царя съ Народомъ“.

Это—столь очевидная историческая истина, что ее и оспаривать нельзя, а потому нѣтъ надобности ее и доказывать.

Этой истины не отрицаютъ даже наши „республиканцы“ и „соціалисты“; они лишь утверждаютъ, что единеніе Царя съ Народомъ является прекраснымъ идеаломъ, который, однако, нельзя осуществить; а потому,—говорятъ они,—коль скоро единеніе Царя съ Народомъ невозможно, то—„долой Царя!“ Они не отрицаютъ и того, что если въ Россіи не будетъ Царя, то Россія распадется на части; но этого распаденія они именно и желаютъ для своихъ цѣлей, не имѣющихъ ничего общаго съ величіемъ, славой и могуществомъ Россіи, составляющими завѣтную цѣль Русскихъ монархистовъ.

Необходимости единенія Царя съ Народомъ не отрицаютъ и наши „октябристы“ и другіе „конституціоналисты“ и „парламентаристы“. Ради этого именно единенія они и создали Государственную Думу, которая должна была, по ихъ предположенію, „привести Народъ прямо къ Царю, разрушивъ бюрократическое средостѣніе“.

Противъ этого средостѣнія, отдѣляющаго Царя отъ Народа, борются и Русскіе монархисты, видящіе въ Петербургской бюрократіи не только

пагубное препятствіе на пути Народа къ Царю и Царя къ Народу, но и искаженіе Царскаго идеала въ глазахъ Народа. Бюрократическое Правительство всегда старается отожествить себя съ Государемъ и свои дѣйствія съ Государевою Волей, даже и тогда, когда оно сознательно или безсознательно извращаетъ эту Волю.

Недавнія событія наглядно это доказываютъ.

Въ самомъ дѣлѣ, кто, напримѣръ, осмѣлится сказать, что Государь желалъ превратить наши университеты и другія высшія учебныя заведенія въ очаги революціонной крамолы. А между тѣмъ Правительство ихъ въ таковые превратило и ничего, абсолютно ничего не дѣлаетъ, чтобы прекратить это неслыханное безобразіе, уничтожающее Русскую науку и позорящее Россію на весь культурный міръ. Мало того, Правительство,—зная, что университетская анархія произошла отъ дарованной университетамъ „автономіи",—даже и не думаетъ объ искорененіи этого очевиднаго зла, а напротивъ старается еще болѣе укоренить его.

Извращеніе Державной Воли Государя въ нашемъ университетскомъ дѣлѣ совершенно очевидно и неоспоримо. А между тѣмъ бюрократическое Правительство настаиваетъ и всегда будетъ настаивать, что оно разрушило наши университеты согласно Царской Волѣ.

Такимъ образомъ ясно, что бюрократическое средостѣніе не только разобщаетъ Царя съ Его Народомъ, но и роняетъ въ глазахъ Народа все обаяніе Царской Воли, извращая ея самыя благія желанія, направленныя на пользу Народа.

Вотъ почему сближеніе Царя съ Народомъ является столь-же желанною цѣлью для Русскихъ монархистовъ, какъ и для „октябристовъ", и прочихъ „конституціоналистовъ".

Сближенія этого пожелалъ и Самъ Государь, убѣдившійся во всемъ пагубномъ вредѣ бюрократической стѣны.

Но какимъ путемъ осуществить это сближеніе?

Такихъ путей нѣсколько: одни—лучше, другіе—хуже.

Бюрократическое правительство графа Витте, извративъ, какъ и всегда, Волю Государя, избрало *самый худшій изъ всѣхъ путей*—безсословный, антинаціональный парламентъ, созданный по самымъ негоднымъ, истасканнымъ и забракованнымъ западнымъ образцамъ, на основаніи совершенно нелѣпой, запутанной выборной системы. Это уродливѣйшее изъ учрежденій было названо „Государственною Думой".

Два раза избиралась и созывалась эта чудовищная говорильня,—и оба раза она явилась выраженіемъ полнѣйшаго извращенія воли и стремленій Русскаго Народа.

Такимъ образомъ, между Царемъ и Народомъ, вмѣсто *одной* глухой стѣны, выросло ихъ теперь *двѣ*: одна—извращающая благія намѣренія Царя, а другая—извращающая благія же намѣренія Народа.

Это—двѣ великія лжи, которыя хотятъ управлять Россіей безъ правды Царской и безъ правды Народной; онѣ не только стремятся обратить и Царя и Народъ въ пустыя, безмолвныя фикціи, но и лишить ихъ какого бы то ни было дѣйствительнаго, реальнаго общенія между собой.

Министерскій Кабинетъ долженъ, по этой теоріи, играть роль Царя, а Государственная Дума—роль Народа, а Самъ Царь и самъ Народъ должны быть только безмолвными зрителями этой комедіи и обязательно ей рукоплескать, отнюдь не имѣя права возмутиться этимъ обманнымъ зрѣлищемъ, и, устранивъ своихъ „представителей", вступить въ собственныя свои права и въ *непосредственное* между собой общеніе.

Такое противорѣчащее здравому смыслу, положеніе Царя и Народа, отдѣленныхъ другъ отъ друга двумя глухими стѣнами и обреченныхъ на безмолвное созерцаніе гибели Россіи, въ угоду всѣмъ внутреннимъ и внѣшнимъ ея врагамъ,—долѣе терпимо быть не можетъ.

Должны пасть *оба* средостѣнія,—и *бюрократическое* и *думское*,—и лишь тогда Царь увидитъ предъ Собой истинный Русскій Народъ, стремящійся къ Нему всѣмъ сердцемъ, всею душой, всѣми помышленіями, какъ любящія дѣти къ своему ненаглядному Отцу; и лишь тогда Царь узнаетъ *всю правду* о Своемъ Народѣ, которой Онъ не можетъ узнать ни отъ Петербургской бюрократіи, не знающей Русской Россіи, ни отъ „большинства" Государственной Думы, не только не знающаго, но и ненавидящаго эту Россію.

Стремленіе Народа къ Царю.

При рѣшеніи вопроса о томъ, какимъ образомъ устроить правильное и естественное единеніе Царя съ Народомъ, необходимо прежде всего имѣть въ виду національную особенность Русскаго Народа, коренящуюся въ его духовно-нравственномъ характерѣ. Мы разумѣемъ его стихійное стремленіе къ Царской правдѣ.

Пострадаетъ ли отъ какой-либо несправедливости отдѣльный Русскій человѣкъ, или какая-либо община Русскихъ людей, не видящихъ никакого исхода изъ тяжелаго своего положенія, — у всѣхъ остается, какъ послѣдній, безусловно-вѣрный, якорь спасенія, врожденная непоколебимая надежда на Царя.

„До Самого Царя дойду, все Ему, Батюшкѣ, скажу, Онъ ужъ не обидитъ, все по правдѣ разсудитъ".

Такова чисто-русская мысль, глубоко укоренившаяся въ духовномъ мірѣ Русскаго человѣка съ незапамятныхъ временъ Русскаго патріархальнаго государственнаго быта.

Особенность этого стремленія къ Царю заключается въ томъ, что тутъ исключается всякая идея „представительства".

Русскій человѣкъ всегда желаетъ *самъ* идти къ Царю безо всякихъ посредниковъ, ибо для него *лицезрѣніе Царя* составляетъ величайшее счастіе, которое въ состояніи его утѣшить въ томъ случаѣ, если Царское рѣшеніе будетъ и не въ его пользу; а рѣшеніе это принимается имъ безпрекословно, безо всякой мысли о возможной несправедливости.

„Каждый сановникъ, каждый министръ можетъ слукавить, рѣшить дѣло не по правдѣ: Государь же—сама правда, и стоитъ лишь Ему узнать истину, Онъ все рѣшитъ по Божьей правдѣ".

Таковъ основной взглядъ Русскаго Народа на Царскую справедливость.

Итакъ, Русскій человѣкъ стремится къ Царю для того, чтобы *самому* Его увидѣть, *самому* изложить ему свою нужду, *самому* сказать Ему всю свою правду, и отъ *Него Самого* услышать правду Царскую, непреложное Государево рѣшеніе.

Эту глубокую духовную потребность Русскаго Народа Петербургскіе бюрократы варварски попрали, создавъ „представительную" Думу и преградивъ прямой непосредственный путь Народа къ своему Царю.

Никто не настаивалъ такъ упорно на полномъ разобщеніи Царя съ Народомъ, какъ графъ Витте. Онъ создалъ нелѣпѣйшую ложь, будто Русскій Народъ требуетъ „конституціи", и если ему ея не дадутъ, то онъ будто бы весь возстанетъ и лишитъ Царя Престола.

Выдумавъ эту вопіющую неправду, графъ Витте страшился лишь одного, что Царь узнаетъ изъ устъ самого Народа опроверженіе этой лжи. Въ виду этого, онъ принялъ строжайшія мѣры къ тому, чтобы ни одна народная депутація не могла проникнуть въ Царскій Дворецъ.

Мы всѣ помнимъ это ужасное время послѣ 17 октября 1905 года, когда графъ Витте, совершивъ свое адское преступленіе, разобщилъ Царя съ Народомъ, преградилъ ему всякій доступъ къ Царю, дабы спокойно продолжать свое дѣло лжи и обмана.

Такъ продолжалось полтора мѣсяца. И вотъ, наконецъ, 1 декабря 1905 года князь А. Г. Щербатовъ съ желѣзною настойчивостью пробилъ брешь въ Виттевской стѣнѣ и привелъ къ Царю настоящихъ Русскихъ людей—крестьянъ, помѣщиковъ, духовныхъ лицъ и писателей, которые всѣ движимы были единымъ чувствомъ любви къ Царю и къ Родинѣ.

Но и тутъ было сколько препятствій! Графъ Витте и подпавшій подъ его пагубное вліяніе нашъ честный, славный Треповъ поставилъ депутаціи 1 декабря непремѣнное условіе—*молчать* передъ Царемъ и *не говорить Ему правды*.

Поставить такое условіе Русскимъ людямъ значило нанести имъ глубочайшее оскорбленіе.

И депутація князя Щербатова *нарушила* это возмутительное условіе и, къ ужасу присутствовавшаго при аудіенціи Трепова, высказала Царю *всю правду* и *все горе*, накипѣвшее на душѣ у Русскихъ людей за эти ужасные полтора мѣсяца.

Ледъ былъ прорванъ! Царь соединился съ Народомъ, и, съ Его милостиваго разрѣшенія, въ теченіе декабря 1905 и января и февраля 1906 года много Русскихъ людей и сельскихъ депутацій перебывали въ Государевомъ Дворцѣ, встрѣчая тамъ Царскую ласку и милостивыя слова, которыя достигли своего высшаго выраженія 16 февраля 1906 года въ знаменательномъ отвѣтѣ Государя Императора Иваново-Вознесенцамъ о неизмѣнности Его Самодержавія.

Витте употребилъ въ то время всѣ мѣры, чтобы эти драгоцѣнныя Монаршія слова, разстраивавшія всѣ его революціонные планы, не были оглашены во всенародное свѣдѣніе. Но усилія его были тщетны. Благая

вѣсть о томъ, что Царское Самодержавіе на Руси „останется такимъ же, какимъ оно было встарь“, прозвучала мощнымъ аккордомъ съ одного конца Россіи до другого. Графъ понялъ всю грозившую ему опасность и, подъ предлогомъ начавшейся выборной кампаніи и предстоявшаго созыва Думы, снова наглухо заложилъ Народу путь къ Царю, такъ какъ де вѣдь теперь Царю нечего узнавать правду отъ Народа, когда онъ можетъ узнать ее отъ его „представителей“.

И съ тѣхъ поръ путь къ Царю для Народа остается закрытымъ.

Думу разогнали, признавъ этимъ, что она вовсе не была представительницей Народа, а настоящій Народъ тѣмъ не менѣе былъ отстраненъ отъ Царя. Петербургская бюрократія разсуждала такъ:

„Скоро будутъ новые выборы, и тогда Народъ скажетъ всю правду своимъ „представителямъ“, а они въ Думѣ передадутъ ее Царскимъ министрамъ. Это развѣ не все равно“?

Нѣтъ, не все равно! Вся почти Дума, какъ это для всѣхъ ясно, желаетъ революціи, а Русскій Народъ революціи не желаетъ, такъ-же какъ ея не желаетъ и Царь, а Царскіе министры искусственно разводятъ въ Россіи революцію посредствомъ печати, посредствомъ школы и посредствомъ Думы.

Ясно, что у этихъ министровъ съ Думой будетъ *одинъ* разговоръ, а у Царя съ Его Народомъ былъ бы совершенно *другой* разговоръ, если бы только имъ дано было встать лицомъ къ лицу и слить въ душевной бесѣдѣ правду Царскую съ правдой Народною во единую Правду Русскую.

Вотъ на какомъ естественномъ, духовномъ, основаніи должно быть организовано то единеніе Царя съ Народомъ, къ которому оба они стремятся,—и оно должно быть облечено въ *опредѣленныя устойчивыя формы*, которыя, конечно, ничего общаго не могутъ имѣть съ тѣмъ уродливымъ антирусскимъ учрежденіемъ, которое почему-то называется „Государственною Думой“, являясь на самомъ дѣлѣ сборищемъ государственныхъ преступниковъ.

Единеніе Царя съ Народомъ.

При установленіи опредѣленныхъ путей единенія Царя съ Народомъ необходимо обратить вниманіе еще на одну особенность Русскаго народнаго характера.

Русскій простой человѣкъ никогда не приписываетъ себѣ такого званія, какимъ онъ не обладаетъ. Онъ скорѣе склоненъ къ умаленію, а не къ возвеличенію своей освѣдомленности въ различныхъ, даже близкихъ ему, вопросахъ, и онъ совершенно искренно ссылается на свою „темноту“, лишь только возникнетъ вопросъ болѣе сложный и менѣе ему понятный, такъ какъ де это „не при немъ писано“, а слѣдовательно и „не его ума дѣла“.

Эта скромность является именно національною чертою Русскаго Народа, въ отличіе, напримѣръ, отъ народа Польскаго и Французскаго, отъ Англійскаго и Американскаго.

Вотъ почему „парламентъ“,—въ которомъ каждый депутатъ считается „всезнающимъ“, такъ какъ на него возлагается обязанность обсуждать и рѣшать самые сложные и самые разнообразные государственные и спеціально-техническіе, финансовые, экономическіе, юридическіе и научно-учебные вопросы,—противорѣчитъ характеру Русскаго Народа въ несравненно большей мѣрѣ, чѣмъ характеру какой бы то ни было другой европейской націи.

Русскій человѣкъ любитъ говорить только о томъ, что онъ *хорошо знаетъ*, то-есть *о своихъ ближайшихъ дѣлахъ и нуждахъ*, и вотъ о нихъ-то онъ всегда и стремится, при какихъ-либо тяжелыхъ затрудненіяхъ, повѣдать своему Царю-Батюшкѣ.

Таково именно содержаніе почти всѣхъ „челобитій“, съ которыми Русскіе люди съ древнихъ временъ обращались къ своимъ Князьямъ и Царямъ, ища у нихъ той правды, которой они не находили ни въ Царскихъ судахъ, ни у Царскихъ сановниковъ, ни въ Царскихъ „приказахъ“.

Эти „челобитія“ фактически существуютъ и въ настоящее время, но лишь въ видѣ случайныхъ явленій, безо всякой правильной юридической основы, если не считать того, чисто-бюрократическаго, учрежденія, которое называется „Коммиссіей по принятію прошеній, на Высочайшее Имя приносимыхъ“, и которое тоже является средостѣніемъ между Царемъ и Народомъ, замѣняющимъ своею бумажною волокитой непосредственное общеніе Русскихъ людей со своимъ Государемъ.

А это непосредственное живое общеніе между Отцомъ и дѣтьми Россіи,—мы еще разъ это повторяемъ,—совершенно необходимо. Русскіе люди всегда живутъ надеждой, что въ крайней бѣдѣ своей они могутъ „дойти до Самого Царя“. Лишите Русскій Народъ этой врожденной въ немъ надежды, и вы лишите его всей нравственной основы его жизни, вы помутите всѣ духовные его идеалы, превратите его въ мрачнаго пессимиста и доведете его до отчаянія.

Если въ настояще время развращается Русскій Народъ, то это, конечно, дѣло революціонной пропаганды; но значительная доля вины падаетъ и на то обстоятельство, что Народъ вотъ уже сколько лѣтъ не видитъ своего Царя.

Появись завтра Царь въ Московскомъ Кремлѣ на Красномъ Крыльцѣ, Онъ вызвалъ бы такой небывалый подъемъ народнаго восторга, что предъ этимъ величавымъ, стихійнымъ явленіемъ сама собою сгинула бы вся крамола.

Но вотъ Царь въ Москву не ѣдетъ, Народъ къ Нему не допускается, обманъ лженародной Думы продолжается,—и Россія гибнетъ.

Дайте возможность Народу и отдѣльнымъ Русскимъ людямъ, искреннимъ патріотамъ, хоть одинъ разъ въ недѣлю или одинъ разъ въ мѣсяцъ, но въ *опредѣленный день* видѣть Государя и открыто говорить Ему всю правду,—и вы этимъ возстановите, по крайней мѣрѣ въ принципѣ, то непосредственное единеніе Царя съ Народомъ, безъ котораго ни Царь, ни Народъ, ни Россія жить не могутъ.

О, конечно, эти еженедѣльныя или ежемѣсячныя „свиданія“ или „бесѣды „Царя съ Своимъ Народомъ нужно облечь въ опредѣленныя

формы, которыя выдвигали бы великое значеніе этихъ Державныхъ „бесѣдъ" и вмѣстѣ съ тѣмъ предохраняли бы ихъ отъ всякаго ихъ искаженія и предотвращали бы всякое нарушеніе законнаго порядка: ни на какія подобныя предосторожности Русскій Народъ жаловаться не будетъ, лишь бы ему дана была возможность лицезрѣть своего Царя, обратиться къ Нему съ правдивою рѣчью и выслушать изъ Его устъ Царскую правду.

Возстановите „челобитія", въ которыхъ Русскіе люди могли бы просить Царя о томъ, что̀ имъ лично нужно, открывать передъ Нимъ злоупотребленія, отъ которыхъ они лично страдаютъ, то-есть дайте имъ возможность говорить лишь о томъ, что̀ *они сами хорошо знаютъ*,—и вы создадите популярнѣйшее учрежденіе, соотвѣтствующее какъ разъ самымъ насущнымъ потребностямъ Русской народной души. И мы глубоко увѣрены, что учрежденіе соотвѣтствовало бы душевному желанію и Самого Государя.

Мы уже слышимъ возраженія:

„Вѣдь это будутъ отдѣльныя депутаціи, которыя будутъ говорить о своихъ мелкихъ дѣлахъ: гдѣ же Государю во все это вникать? И если-бъ Ему угодно было устраивать даже *еженедѣльные* „народные пріемы",—что̀ совершенно не мыслимо,—то вѣдь Онъ услышитъ въ теченіе года лишь ничтожнѣйшую часть Своего Народа, а громадная его часть такъ до Царя и не дойдетъ и будетъ на это роптать".

Нѣтъ, не будетъ роптать. Русскій Народъ слишкомъ разуменъ, чтобы не отличить возможнаго отъ невозможнаго. Если будетъ только у Русскихъ людей полная увѣренность, что они *увидятъ* Царя, они будутъ терпѣливо ждать и два, и три года своей очереди, а роптать на это не будутъ.

А вотъ теперь, когда у нихъ этой надежды *нѣтъ*, они *ропщутъ* и *ожесточаются*. Они увѣрены, что Царь *не знаетъ всей правды*, такъ какъ Онъ отдѣленъ отъ Народа двойною стѣной Бюрократіи и Думы.

Вы на каждомъ шагу услышите возгласъ Русскаго человѣка:

„Вотъ если-бъ дойти до Царя и сказать Ему всю правду, Онъ мигомъ справился бы со всѣмъ зломъ, отъ котораго гибнетъ Россія!"

А если челобитчики будутъ говорить о *своихъ* нуждахъ, о лично ими замѣченыхъ злоупотребленіяхъ, то это гораздо лучше, чѣмъ если они будутъ говорить общія фразы о важныхъ дѣлахъ, недоступныхъ ихъ пониманію, какъ это дѣлается въ Думѣ.

Намъ могутъ возразить, что тѣ безчисленныя телеграммы, которыя нынѣ посылаются отдѣльными группами Русскаго Народа Государю Императору, какъ разъ говорятъ не о личныхъ или мѣстныхъ вопросахъ, а о вопросахъ обще-государственныхъ.

Совершенно вѣрно, и это—явленіе ненормальное. Но въ наше общее хаотическое время, многія ненормальности становятся вполнѣ естественными.

Такъ и тутъ, когда Царь и Народъ разобщены между собою революціонною Думой и Петербургскою бюрократіей, не допускающею Народа къ Царю, вполнѣ естественнымъ являются народные вопли объ этой столь нестерпимой для Русской души тяжелой разлукѣ, и эти вопли, по необхо-

димости, принимаютъ форму всеподданнѣйшихъ телеграммъ, какъ единственнаго оставшагося нынѣ у Русскаго Народа способа общенія съ Царемъ.

Русскіе люди забыли теперь и о личныхъ, и о мѣстныхъ своихъ нуждахъ; имъ нужно *одно*, къ чему они стремятся всею своею душой,— непосредственное общеніе со своимъ Царемъ, хотя бы два раза или разъ въ мѣсяцъ, но общенія вѣрнаго, неотложнаго.

Итакъ, нужны *Всемилостивѣйшіе народные пріемы* съ возстановленіемъ права *народныхъ и частныхъ челобитій.*

Но эти пріемы и челобитія, при всей своей *принципіальной* важности, не могутъ замѣнить собой подлежащую отмѣнѣ Государственную Думу.

Она должна быть замѣнена совершенно инымъ учрежденіемъ.

Измѣна октябристовъ.

Еще вчера Правительство души не чаяло въ октябристахъ.

Передъ выборами и на выборахъ весь правительственный Петербургъ заботился, мечталъ и молился только объ одномъ—о дарованіи побѣды октябристамъ.

Идеаломъ патріота въ Петербургѣ не только считался, по всѣмъ выставлялся на показъ А. И. Гучковъ, которому давно уже былъ бы врученъ министерскій портфель, если бъ онъ не поставилъ условіемъ быть предварительно выбраннымъ въ Государственную Думу.

И вотъ, Правительство сосредоточило всѣ свои вожделѣнія на побѣдѣ октябристовъ вообще, и ненагляднаго Александра Ивановича въ отдѣльности. Когда же шансы октябристовъ на выборахъ оказались болѣе чѣмъ скудными, и А. И. Гучкову понадобилась поддержка монархистовъ, на которыхъ самъ онъ смотрѣлъ съ высоты своего фаворитскаго величія, то Правительство само приняло на себя роль Гучковскаго выборнаго агента и употребило всѣ свои усилія, чтобы вогнать монархистовъ въ „блокъ" съ октябристами. Монархисты должны были, по мысли Правительства, держать стремя для А. И. Гучкова, безъ чего онъ не могъ взобраться на тотъ министерскій постъ, который составляетъ единственный предметъ его желаній.

Монархисты отказались отъ этой, предложенной имъ, унизительной роли, и А. И. Гучковъ не былъ выбранъ въ Государственную Думу.

Вина монархистовъ въ глазахъ Правительства была безгранична. Они, видите ли, лишили кабинетъ П. А. Столыпина единственной прочной опоры въ Думѣ, такъ какъ лишь на октябристовъ, съ А. И. Гучковымъ во главѣ, кабинетъ уповалъ, какъ на каменную гору, въ полной увѣренности, что октябристы пойдутъ съ нимъ рука объ руку по всѣмъ безъ исключенія вопросамъ.

Напрасно монархисты доказывали, что октябристы явятся союзниками Правительства лишь до поры до времени; что при первомъ серіозномъ вопросѣ октябристы, *въ силу своей двуличности*, измѣнятъ П. А. Столыпину; что октябристы являются лишь скрытыми кадетами, кокетничающими съ Правительствомъ лишь для того, чтобы обезпечить себѣ постоянный къ нему доступъ и усиленное на него вліяніе, а А. И. Гучкову—министерскій

портфель, когда для сего наступитъ подходящее время. Всѣ эти доводы и предсказанія монархистовъ оставлялись безъ вниманія, и Правительство, продолжая находиться подъ неотразимымъ очарованіемъ Московскаго лидера октябристовъ, трепетно пересчитывало своихъ „вѣрныхъ союзниковъ", попавшихъ въ Думу. Ихъ оказалось человѣкъ 50, и во главѣ ихъ сталъ казанскій профессоръ Капустинъ, получившій на то высшую санкцію со стороны А. И. Гучкова и ставшій, въ виду этого, предметомъ особыхъ упованій со стороны Правительства. „Конечно,—говорили въ правительственныхъ сферахъ,—это не Гучковъ, ему министромъ не бывать, но зато на него можно положиться: онъ не выдастъ, онъ поддержитъ, онъ защититъ насъ всею силой своего профессорскаго авторитета и краснорѣчія".

И вотъ, 12 марта, по вопросу о военно-полевыхъ судахъ, наступилъ въ Государственной Думѣ первый критическій для Правительства моментъ, а слѣдовательно и первое рѣшительное испытаніе вѣрности октябристовъ.

На одной сторонѣ стояло Правительство, на другой—революція.

На чью же сторону стали октябристы?

Они предательски бросили Правительство и перешли на сторону злѣйшихъ его враговъ.

Самъ профессоръ Капустинъ провозгласилъ съ думской трибуны эту измѣну, и самъ А. И. Гучковъ восхвалялъ это позорное предательство въ своемъ органѣ *Голосъ Москвы* (№ 62).

Вся эта іезуитская тактика октябристовъ давнымъ-давно была предусмотрѣна и предсказана монархистами! Вотъ почему они гнушались подать руку октябристамъ, зная, что октябристы поведутъ ихъ по пути софистики и измѣны въ объятія къ мирнообновленцамъ, кадетамъ и прочимъ крамольникамъ.

„Насъ отдѣляетъ отъ октябристовъ,—говорили и писали мы наканунѣ выборовъ,—глубокая пропасть, черезъ которую даже и моста перекинуть нельзя; а октябристовъ отъ кадетовъ, а кадетовъ отъ соціалистовъ, а соціалистовъ отъ террористовъ, отдѣляютъ только маленькія канавки, черезъ которыя они могутъ во всякое время перешагнуть и безъ всякихъ перекладинокъ".

И мы теперь оказались правыми, въ чемъ, впрочемъ, никто, кромѣ Правительства, и не сомнѣвался.

Но какой это урокъ для тѣхъ монархистовъ, которые наканунѣ выборовъ, подъ вліяніемъ Правительственныхъ внушеній, стали было колебаться и находить возможнымъ вступленіе въ „блокъ" съ двуликими октябристами! Если бы мы дали свою поддержку г. Гучкову и провели бы его, согласно желанію Правительства, въ Думу,—какой камень палъ бы на нашу совѣсть, когда намъ пришлось бы присутствовать при вольтфасахъ нашего „избранника", когда онъ, въ критическую минуту, совершалъ бы *отъ нашего имени* позорнѣйшія предательства и измѣны!

Теперь, слава Богу, наша совѣсть чиста! Пусть гг. Капустины, Хомяковы и прочіе хамелеоны октябризма перебѣгаютъ въ Думѣ слѣва направо и справа налѣво, когда и сколько имъ угодно,—наши депутаты, такъ же какъ и мы сами, будемъ твердо, непоколебимо и неизмѣнно стоять на томъ

посту, который мы заняли не изъ погони за властью, не изъ выгоды и не изъ угожденія кому бы то ни было,—а по велѣнію нашей совѣсти и нашего долга.

И если настанутъ новые выборы, и если—что вполнѣ возможно—Правительство снова будетъ приглашать насъ ко вступленію въ союзъ съ его, измѣнившими ему, друзьями,—мы съ еще большимъ сознаніемъ нашей правоты *отвергнемъ* этотъ союзъ, такъ какъ никогда не забудемъ измѣны октябристовъ, совершенной ими въ роковой день 12 марта, который заклеймилъ ихъ такою же несмываемою печатью позора, какою кадетовъ навсегда заклеймилъ день Выборгскаго воззванія.

Спасайте Народъ! *).

Привѣтъ вамъ, Русскіе православные люди, привѣтъ вамъ, потомки великаго Минина! Отъ первопрестольной Матушки-Москвы привѣтъ вамъ и низкій поклонъ!

Какъ триста лѣтъ тому назадъ доходили сюда изъ Москвы недобрыя вѣсти о смутномъ времени, нагрянувшемъ на Русь Святую, такъ и теперь принесъ я вамъ тревожную вѣсть о новой, еще горшей, смутѣ, которой конца не видно.

И какъ триста лѣтъ тому назадъ гонцы изъ Москвы и изъ Троицкой Лавры мчались по всѣмъ Русскимъ городамъ и весямъ, призывая народъ на помощь гибнущей Родинѣ, такъ и теперь я призываю васъ, люди Русскіе, сплотиться воедино для того, чтобы спасти ее, кормилицу нашу, отъ новой налетѣвшей на нее стаи лихихъ вороговъ!

Но триста лѣтъ тому назадъ необходимо было соединиться сынамъ Россіи, чтобы *спасти Царя, Царскій престолъ*, такъ какъ къ тому времени прекратился древній Царскій родъ Рюриковичей, а новаго Царя еще не было. Необходимо было оградить престолъ Русскихъ Православныхъ Царей отъ дерзкихъ поползновеній Поляковъ возвести на него своего ставленника, чуждаго Россіи и по племени, и по вѣрѣ; необходимо было освободить Царскій престолъ отъ этого поруганія, дабы возвести на него новаго Православнаго Русскаго Царя и предохранить этого Царя отъ всякихъ вражескихъ козней; словомъ, тогда необходимо было идти на спасеніе Россіи съ полною готовностью положить, подобно Сусанину, за Царя свою жизнь.

Теперь не то.

Теперь, слава Господу Вседержителю, Царскій родъ Романовыхъ не прекращался, и Государь нашъ Батюшка, по милости Божіей, здравъ и невредимъ.

Зато Русскій Народъ, который триста лѣтъ тому назадъ отличался полнотою здраваго ума и непоколебимой твердости въ своей Православной Вѣрѣ и въ своей преданности Царскому Престолу, нынѣ охваченъ тяжкою заразой безвѣрья и безначалія.

*) Рѣчь, произнесенная 18 марта 1907 года, въ „Союзѣ Бѣлаго Знамени" въ Нижнемъ-Новгородѣ.

А потому, если триста лѣтъ тому назадъ необходимо было *спасать Царя*, то теперь приходится *спасать Народъ*, нашъ Русскій Народъ, нашихъ братьевъ по вѣрѣ и крови, одурманенныхъ тѣми же врагами Россіи, какъ и во времена Минина, поляками и неизмѣнными спутниками ихъ, евреями. Вѣдь извѣстно, что евреи сидятъ на полякахъ какъ паразиты; вотъ почему поляки, войдя въ составъ Россійской Имперіи, заразили ее евреями, а тѣ, въ свою очередь, подкупомъ и соблазномъ помутили умъ тѣмъ изъ нашихъ братьевъ, которые ни силой воли, ни силой разума, ни образованіемъ, ни опытомъ, похвастаться не могли. Отшатнулись они отъ насъ, сердечные, и стали на службу и полякамъ, и евреямъ!

Правда, и триста лѣтъ тому назадъ на Москвѣ нашлись такіе же слабовольные и слабоумные Русскіе люди, перешедшіе на сторону Поляковъ и всѣхъ ихъ подлыхъ прихвостней.

Но то было только на Москвѣ. Нижній Новгородъ, напримѣръ, въ этой измѣнѣ повиненъ не былъ; здѣсь громко билось Русское сердце, здѣсь воспрянулъ Русскій духъ Православнаго Народа, и,—когда Мининъ кликнулъ свой могучій кличъ,—всѣ до едина отозвались на него съ ликующимъ восторгомъ.

А нынѣ? А нынѣ? Нынѣ вы можете сказать мнѣ:

„Тяжелую, но не новую вѣсть принесъ ты намъ изъ Москвы. Нижегородцы уже охвачены тою же заразой, какъ и москвичи. И у насъ отшатнулся народъ, ополячился и ожидовѣлъ; и у насъ поляки затесались на такія мѣста, на которыхъ они могутъ и тѣснить, и обижать Русскихъ людей, и у насъ верховодятъ жиды и продавшіеся имъ Русскіе измѣнники".

Да, братья, это—горькая истина. По всей Россіи разлилась эта зараза, и опасность, грозящая Россіи, дѣйствительно, чрезвычайно велика.

Но все-таки преувеличивать ее не слѣдуетъ. *Насъ* мало, это правда, но и *ихъ* не много! *Ихъ* гораздо меньше, чѣмъ это кажется, а нашего полку прибываетъ не по днямъ, а по часамъ.

Вы вѣдь сами знаете, какъ быстро растутъ по всей необъятной Россіи Союзы Русскаго Народа, и уже близко то время, когда не будетъ ни одного города, ни одной волости на Руси, въ которыхъ не были бы сплотившіяся воедино дружины нашихъ братьевъ, одушевленныхъ однимъ желаніемъ, однимъ неудержимымъ стремленіемъ—спасти Русскій Народъ отъ инородческаго ига, отъ крамольной заразы, отъ губительнаго безвѣрія и безвластія.

А знаете, что̀ я вамъ скажу: кромѣ *насъ* и *ихъ*, враговъ Россіи, которыхъ, какъ я сказалъ, вовсе уже не такъ много,—кромѣ *насъ*, стоящихъ на правой сторонѣ, правой передъ Богомъ и Царемъ, и *ихъ*, стоящихъ лѣвѣе Русской правды,—существуетъ еще многомилліонная масса среднихъ людей, людей Русскихъ, но нерѣшительныхъ, малодушныхъ, обремененныхъ своими личными дѣлами, многочисленными семьями, служебными соображеніями; они не знаютъ, куда примкнуть; они ждутъ, чтобы гдѣ-нибудь проявилась несомнѣнная сила, у *насъ* или у враговъ нашихъ, дабы затѣмъ примкнуть къ этой силѣ и стать подъ ея защиту.

Братья дорогіе! Этихъ среднихъ слабовольныхъ людей вполнѣ оправдывать нельзя, но нельзя и окончательно ставить надъ ними крестъ. Ихъ нужно спасти, ихъ нужно вывести изъ ихъ нерѣшительности, имъ нужно ясно, наглядно показать, что правда на нашей сторонѣ, что мы стоимъ за Бога и Царя, что съ нами Богъ, а что гдѣ Богъ, тамъ и сила нравственная, сила правды, которой принадлежитъ и окончательная побѣда.

Мы должны сплачиваться воедино и бодро идти впередъ, громко исповѣдуя свои убѣжденія, не только ради спасенія колеблющихся братьевъ нашихъ, ради тѣхъ милліоновъ, которые только и ждутъ нашего призыва,—но призыва твердаго, увѣреннаго въ торжествѣ истины,—чтобы всею необъятною своею громадой хлынуть въ нашу сторону.

И мы откроемъ имъ свои объятія, мы простимъ имъ ихъ колебаніе, мы отпразднуемъ въ общемъ братскомъ ликованіи нашу побѣду, спасеніе Русскаго Народа отъ того ига, которое ему готовили инородцы и евреи.

И такъ же, какъ триста лѣтъ тому назадъ, Русскій Народъ снова нашелъ своего Царя, такъ и теперь Русскій Царь снова найдетъ беззавѣтно-преданный Ему Народъ.

О, это будетъ великое торжество, когда между Царемъ и Народомъ падутъ всѣ средостѣнія, всѣ эти петербургскіе бюрократы и крамольныя Думы,—и Царь и Народъ сольются снова воедино, когда *Самодержавіе Царя станетъ снова, какимъ оно было встарь,* когда Царь найдетъ Народъ такимъ, какимъ онъ Ему врученъ Богомъ, а Народъ найдетъ Царя такимъ, какимъ Онъ предносится ему въ его чистыхъ, неотуманенныхъ мечтахъ.

Русскій Царь и Русскій Народъ... Какъ понимаютъ они другъ друга? Чего ждутъ они другъ отъ друга?

Вотъ коренной вопросъ, требующій внимательнаго изученія, такъ какъ иначе его разрѣшить нельзя.

Разсмотримъ же этотъ вопросъ или, вѣрнѣе, эти два вопроса: какой Царь нуженъ Русскому народу, и какой народъ нуженъ Русскому Царю.

Начнемъ съ перваго вопроса.

У насъ, въ Москвѣ, вотъ уже второй десятокъ лѣтъ сооружается памятникъ Великому Царю-Миротворцу, и сооруженію этому не предвидится конца.

Казалось бы, все готово: и добровольно-собранный народный милліонный капиталъ на памятникъ Великому Царю-Самодержцу, и одобренный свыше проектъ памятника, и выбранное для него мѣсто, и привезенныя издалека гранитныя глыбы, и разныя коммиссіи, и начатыя работы,—а памятника все нѣтъ да нѣтъ.

И сложилась народная молва, что до тѣхъ поръ не увидитъ свѣта Божьяго памятникъ Царя-Миротворца, пока не будетъ снова возстановленъ на Руси тотъ миръ, которымъ Онъ, Великій Государь, осчастливилъ Россію, и который она такъ легкомысленно и преступно нарушила, какъ только не стало Александра III.

Да, все готово для этого памятника,—а памятника все нѣтъ. Готова и та надпись, которая украситъ его подножіе, и которая въ простотѣ своей

такъ мѣтко выражаетъ всю сущность духовнаго царственнаго облика Великаго Государя. Вотъ эта надпись:

„Благочестивѣйшему, Самодержавнѣйшему, Великому Государю Императору Александру III“.

Въ этихъ простыхъ, но величавыхъ, освященныхъ Церковію, словахъ содержится предносящійся въ народныхъ мечтахъ свѣтлый образъ не только въ Бозѣ почивающаго Государя Александра III, но общій идеальный образъ Русскаго Православнаго Царя.

Царь долженъ быть *„Благочестивѣйшимъ“* среди всѣхъ благочестивыхъ Русскихъ людей. Онъ долженъ превосходить ихъ благочестіемъ и сыновнею преданностію Святой Православной Церкви, дабы служить примѣромъ всему Своему Православному Народу въ благоговѣніи предъ святынями этой единственной неповрежденной въ своемъ Божественномъ ученіи Христіанской Церкви, и въ неусыпномъ охраненіи ея отъ вражескихъ козней, такъ какъ лишь подъ ея благодатною сѣнью могутъ жить въ полномъ счастьи и благоденствіи Царь и Народъ.

Да и какъ же не быть Русскому Православному Царю „Благочестивѣйшимъ“ изъ всѣхъ Русскихъ людей, когда Онъ одинъ среди нихъ является Помазанникомъ Божіимъ, и одна уже эта почивающая на Немъ благодать Божія обязуетъ Его быть достойнымъ сего Божественнаго Дара?

Затѣмъ Русскій Царь долженъ быть *„Самодержавнѣйшимъ“* изъ всѣхъ царей вселенной. Онъ долженъ обладать всею полнотой Державной мощи, дабы нести и всю полноту отвѣтственности передъ Господомъ Богомъ, поручившимъ Ему управленіе обширнѣйшаго и могущественнѣйшаго изъ всѣхъ государствъ міра.

Самодержавіе Русскаго Государя ограничено лишь Его *благочестіемъ*, высшимъ выраженіемъ Его Православнаго христіанства. *Благочестивѣйшій* Государь *не можетъ* злоупотребить Своимъ *Самодержавіемъ*. Вотъ почему Онъ Самъ лишь можетъ ставить законные предѣлы Своему Самодержавію, первый подавая примѣръ въ исполненіи издаваемыхъ Имъ Законовъ, которые Ему Одному предоставлено измѣнять и отмѣнять, соблюдая установленныя Имъ Самимъ законодательныя условія.

Такимъ *„Благочестивѣйшимъ, Самодержавнѣйшимъ“* является Русскій Православный Царь въ мечтахъ народныхъ, и вотъ почему въ этихъ же мечтахъ является Онъ и въ свѣтломъ образѣ „Отца народа“ — „Царя-Батюшки“.

Въ глубинѣ души каждаго Русскаго человѣка лежитъ непоколебимое сознаніе, что если правда на землѣ будетъ угнетаться, она найдетъ себѣ вѣрную, неминуемую защиту у Православнаго Царя. Царь непремѣнно станетъ на сторону поруганной правды, ибо онъ—*„Благочестивѣйшій“*; Онъ непремѣнно дастъ ей полное торжество, ибо Онъ—*„Самодержавнѣйшій“*.

Лишите Русскаго человѣка этого глубокаго, прирожденнаго ему, сознанія,—и вы нарушите его нравственное равновѣсіе: у него пошатнутся основы его духовнаго міра: у него исчезнетъ понятіе о правдѣ и справедливости земной, и онъ можетъ дойти до отчаянія.

Русскому человѣку долженъ быть открытъ доступъ къ Царю. Царь долженъ быть доступенъ Своему народу, какъ отецъ — своимъ дѣтямъ. Эта основная черта патріархальнаго государства сохранилась доселѣ живою въ душѣ народной, и горе тому, кто потушитъ въ русской душѣ эту живую неугасаемую лампаду вѣры, надежды и любви къ Благочестивѣйшему, Самодержавнѣйшему Царю-Батюшкѣ.

Нынѣ Петербургская бюрократія и крамольная Дума прекратили доступъ Народа къ Царю, отдѣлили *душу* отъ *тѣла* Россіи, помутили въ умѣ Народа представленіе о Царѣ, а въ умѣ Царя представленіе о Народѣ.— и вотъ гдѣ причина всей терзающей Россію смуты.

Да, Царю представили Русскій Народъ въ извращенномъ видѣ; Царь долженъ снова получить вѣрное представленіе о Русскомъ Народѣ.

Это приводитъ насъ ко второму изъ поставленныхъ нами вопросовъ:

Какимъ долженъ быть Русскій Народъ по отношенію къ своему Царю?

Разъ Государь относится къ Русскимъ людямъ, какъ отецъ къ своимъ дѣтямъ, то и Русскіе люди могутъ относиться къ своему Царю не иначе, какъ любящія дѣти къ своему отцу.

Такъ они всегда къ Нему и относились, и такъ именно Царь на нихъ всегда и смотрѣлъ, входя въ ихъ нужды и заботясь объ ихъ благѣ.

Но за послѣдніе три года враги Царя и Народа постарались увѣрить Государя, будто Русскій Народъ измѣнился, взбунтовался, считаетъ себя хозяиномъ въ Государствѣ и желаетъ отнять у Царя Его Власть.

Эта была грубая клевета на Русскій Народъ, пущенная тѣми людьми, которые рѣшились вырвать Власть у Государя, но не для Народа, а лично для себя. Имъ необходимо было, однако, чѣмъ-нибудь подтвердить свою клевету, и вотъ они стали подговаривать то рабочихъ, то крестьянъ, то студентовъ, то „интеллигентовъ“, къ произведенію всякихъ бунтовъ, стачекъ и мятежей, съ неизмѣннымъ требованіемъ „конституціи“.

И вотъ получилось такое, совершенно-ложное, впечатлѣніе, будто ничтожныя шайки крамольниковъ своими безумными криками выражали волю молчавшихъ милліоновъ Русскихъ людей.

А Петербургскіе революціонеры, съ графомъ Витте во главѣ, стали, доказывать что Царю необходимо подчиниться „Народной волѣ“, отречься навсегда отъ Самодержавной Власти и уступить Свои верховныя права Народу.

Явился Манифестъ 17 октября 1905 г., и съ этого момента начался двойной обманъ, двойная мистификація: Царя увѣряли, будто Народъ требуетъ „конституціи“, а Народу доказывали, будто „конституціи“ желаетъ Царь.

А на самомъ дѣлѣ нѣтъ ни того, ни другого; многомилліонный Народъ попрежнему желаетъ видѣть въ Царѣ Неограниченнаго Самодержца, а Царь, какъ и всегда, радуется выраженію искреннихъ *вѣрноподданническихъ* чувствъ Русскаго Народа.

Необходимо разсѣять весь этотъ обманъ, ставшій какимъ-то непроницаемымъ туманомъ между Народомъ и Царемъ; нужно, чтобы Царь снова сталъ лицомъ къ лицу со Своимъ народомъ; нужно, чтобы они во-

очію убѣдились, что ничего въ нихъ не измѣнилось, что Онъ попрежнему Отецъ Своимъ дѣтямъ, а они—дѣти своему Отцу.

Но какъ разсѣять этотъ туманъ? Кто можетъ взять на себя эту великую, столь необходимую для спасенія Россіи, задачу?

Да прежде всего мы, Русскіе люди.

И рѣшить эту великую задачу мы должны двоякимъ путемъ.

Мы должны, прежде всего, содѣйствовать всѣми своими нравственными и умственными силами прекращенію заразы, которою охвачена часть нашимъ братьевъ; а затѣмъ мы должны неотступно раскрывать истину предъ взорами нашего Царя, удостовѣряя, что Русскій Народъ не только не желаетъ конституціи, но считаетъ ее гибелью для Россіи.

Коль скоро Государь увѣрится въ этой истинѣ, коль скоро Онъ пойметъ великую преступность тѣхъ, кто Его увѣрялъ въ противномъ,— тотчасъ-же наступитъ конецъ смутному времени XX вѣка, какъ наступилъ онъ для смутнаго времени XVII столѣтія, какъ только спасенъ былъ Царскій Престолъ.

Спасемъ же теперь Русскій Народъ отъ захватывающей его революціонной чумы, и мы этимъ спасемъ всю Россію.

Но одни мы сдѣлать этого не можемъ. На то у насъ есть Царь.

И если триста лѣтъ тому назадъ Русскій Народъ, во главѣ съ Мининымъ, спасъ своего Царя, то теперь очередь за Царемъ.

Да спасетъ Онъ, нашъ Батюшка, Своихъ дѣтей, Свой Народъ! Да прекратитъ Онъ Державною Волей Своею разъѣдающую насъ смуту! Да освободитъ Онъ насъ отъ Думы и отъ крамольнаго разврата! Да дастъ Онъ дѣтямъ нашимъ не революціонную, а религіозно-нравственную школу! Да возвратитъ Онъ всей Русской Землѣ завѣщанные Его Державнымъ Отцомъ миръ и законный порядокъ!...

Одна изъ причинъ необходимаго роспуска Думы.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ Россіи сейчасъ больше порядка, и что въ ней легче живется, чѣмъ годъ тому назадъ.

Въ самомъ дѣлѣ, годъ тому назадъ возможны были вооруженное возстаніе въ Москвѣ и всеобщая забастовка во всей Россіи, а теперь и то, и другое невозможно.

Годъ тому назадъ выборы въ первую Государственную Думу и ея засѣданія ознаменовались цѣлымъ рядомъ вопіющихъ скандаловъ, закончившихся возмутительнымъ Выборгскимъ воззваніемъ!

А теперь выборы въ Государственную Думу прошли въ довольно сносномъ порядкѣ, и сама она изо всѣхъ силъ старается быть „корректною", и хотя это не всегда ей удается, въ виду неисправимаго грубаго невѣжества громаднаго большинства ея членовъ,—но какъ-никакъ, она, несомнѣнно, значительно присмирѣла сравнительно со своею предшественницею.

Съ какого же времени начались эти успокоительныя явленія, и чѣмъ они объясняются?

Начались они съ разгона первой Государственной Думы, а объясняются они проявленіемъ тогда—впервые послѣ долгаго отсутствія—*твердой* Правительственной Власти.

Эта Власть въ періодъ междудумія привела Россію въ нѣкоторый порядокъ принятіемъ энергичныхъ мѣръ, объявленіемъ въ наиболѣе крамольныхъ мѣстахъ положенія усиленной охраны и введеніемъ военныхъ полевыхъ судовъ. Достаточно было этихъ мѣръ, чтобы вся Россія вздохнула свободно и успокоилась въ ожиданіи дальнѣйшихъ столь же разумныхъ мѣръ.

Но вотъ административныя заботы Правительства почти прекратились. Все его вниманіе сосредоточилось на Думѣ. П. А. Столыпину некогда управлять Россіей, ему необходимо сидѣть въ Думѣ, говорить тамъ рѣчи и вступать въ споры съ разными хулиганами мысли и слова, вмѣсто того чтобы однимъ почеркомъ пера прекратить ихъ пагубную для Россіи дѣятельность.

Итакъ, Россія нуждается въ твердомъ и внимательномъ управленіи, а Правительству нѣтъ времени исполнять свою прямую обязанность, такъ какъ все его вниманіе приковано къ Думѣ.

Если въ Россіи существуетъ еще нѣкоторый порядокъ, то онъ существуетъ лишь по инерціи, благодаря правительственной энергіи проявленной *до* второй Думы. Но скоро сила этой инерціи истощится, если вскорѣ не наступитъ новый послѣдумскій періодъ, когда у Правительства будутъ и свободныя руки, и свободное время для водворенія столь желаннаго въ Россіи порядка.

Если бы П. А. Столыпинъ тратилъ свою рабочую энергію не на господъ Алексинскихъ и К°, а на національное возрожденіе Россіи,—она бы только выиграла отъ этого, ибо ей нуженъ П. А. Столыпинъ какъ администраторъ, а не какъ ораторъ.

Радоваться ли намъ?

На кадетской улицѣ великій праздникъ.

Кадеты спасли Правительство, кадеты спасли Думу, кадеты спасли Русскую армію, кадеты спасли Россію.

Съ другой стороны, Петербургъ, тронутый этими подвигами кадетовъ, отвернулся отъ монархистовъ, протягиваетъ руки кадетамъ, увѣнчиваетъ лаврами г. Головина и уже высказывается за то, чтобы, въ награду кадетамъ, узаконить ихъ партію, и совѣтуетъ Правительству опереться на нихъ, какъ на „центръ", какъ на партію „правительственную"!

Кадеты „поправѣли", Правительство „полѣвѣло",—и вся эта „страшная драма" оказалась банальнѣйшею комедіей, которая, какъ и слѣдуетъ, кончилась счастливымъ бракомъ Правительства съ кадетскою партіей.

„Все хорошо, что кончается хорошо", ликуютъ *Русскія Вѣдомости* (№ 90). „Конституціонный центръ оказался сильнѣе, чѣмъ можно было ожидать,—и это уже есть нѣкоторый вкладъ въ дѣло утвержденія свободы и правопорядка въ нашемъ Отечествѣ". Органъ кадетовъ, торжествуя ихъ

побѣду и отмѣчая, что Правительство сдѣлало уже первый шагъ налѣво, высказываетъ желаніе, чтобы „за первымъ шагомъ послѣдовали второй и третій".

Мы убѣждены, что послѣдуютъ и четвертый, и пятый, и десятый, и двадцатый шагъ, и что, слѣдовательно, кадеты имѣютъ полное основаніе радоваться и встрѣчать предстоящіе праздники съ побѣдоноснымъ ликованіемъ, какъ свое партійное, свѣтское торжество.

Ну, а мы, вѣрующіе, православные Русскіе люди, мы, любящіе свою Родину, монархисты,—съ какими чувствами можемъ мы встрѣчать Свѣтлый праздникъ Воскресенія Христова?

Есть ли для насъ что-нибудь отрадное въ тѣхъ событіяхъ, что̀ на Страстной недѣлѣ произошли въ Государственной Думѣ?

Русскіе люди съ возрастающимъ ужасомъ взираютъ на то, что̀ творится не только въ Таврическомъ Дворцѣ, но и во всей Россіи; но всего болѣе ужасаетъ ихъ то, что Петербургъ все болѣе и болѣе привыкаетъ къ этимъ ужасамъ, и ничѣмъ на нихъ не отзывается.

Въ Россіи упразднена наука,—университеты превратились въ склады бомбъ,—и ничего!

Въ Россіи ежедневно совершаются возмутительнѣйшія преступленія,—и ничего!

Въ Россіи крестьянство и рабочіе систематически развращаются крамольною печатью,—и ничего!

Горитъ Кавказъ, отлагается Польша, отложилась вооруженная Финляндія,—и ничего!

Въ Думѣ произносятся призывы къ разрушенію всего государственнаго и общественнаго строя,—и ничего!

Въ Думѣ устраивается дерзкая демонстрація противъ имени Государя Императора,—и тоже ничего!

То, что̀ еще три мѣсяца казалось немыслимымъ, теперь оказывается вполнѣ естественнымъ.

Дума каждый день поднимала свою наглость на одинъ тонъ или полутонъ, какъ бы ожидая, что̀ изъ этого выйдетъ. Ну и что̀ же? Ну и ничего!

Ободренная такимъ сонным равнодушіемъ Петербурга, Дума повысила свой тонъ на цѣлую октаву, — и вся лѣвая партія нанесла кровную нахальную обиду Русской арміи.

Ну и что̀ же? Да опять-таки ничего!

Военный министръ вздумалъ было обидѣться, но къ нему поѣхали, съ нимъ поговорили, онъ тотчасъ же и удовлетворился за себя и за всю Русскую армію,— и ничего: „инцидентъ былъ исчерпанъ".

Но кто же къ нему поѣхалъ съ извиненіемъ? Можетъ-быть, г. Зурабовъ, нанесшій оскорбленіе арміи, и представители его партіи, единогласно поддержавшей нанесеніе этого оскорбленія? Ничуть не бывало. Г. Зурабовъ и вся его шайка не только оказались безнаказанными, но продолжаютъ хвалиться своимъ „подвигомъ" и нынѣ „неприкосновенно" разъѣзжаютъ по фабрикамъ и селамъ, безнаказанно продолжая оскорблять Русскую армію.

Но кто же въ такомъ случаѣ былъ у Военнаго министра съ извиненіемъ?

Съ *извиненіемъ* никто къ нему не ѣздилъ, а былъ у него только одинъ господинъ съ выраженіемъ „сожалѣнія".

Какой господинъ?

Господинъ Головинъ.

Что же, говорилъ ли онъ отъ имени уполномочившаго его на то г. Зурабова? Говорилъ ли онъ отъ имени лѣвыхъ партій или всей Думы, принявшей соотвѣтственное постановленіе?

Нѣтъ, господинъ Головинъ говорилъ безо всякаго полномочія, лично самъ, по собственной своей инииціативѣ.

Но, вѣдь, это грубое издѣвательство и злая насмѣшка? Несомнѣнно. Ну и что же? Ну и ничего.

Завтра Дума совершитъ какое-нибудь возмутительное богохульство,— господинъ Головинъ поѣдетъ къ митрополиту Антонію, выразитъ ему въ нѣсколькихъ банальныхъ фразахъ свое „сожалѣніе"—и митрополитъ Антоній сочтетъ себя и Церковь (?!) удовлетворенными, а „инцидентъ исчерпаннымъ". Ну, а что же дальше? Дальше—ничего.

Нѣтъ, мы ошиблись: дальше Дума объявитъ въ Россіи республику, а господинъ Головинъ выразитъ кому-нибудь свое сожалѣніе—и ничего! И такъ будетъ продолжаться, пока отъ Россіи ничего не останется!

Россія катится въ пропасть по отлогой плоскости, и Петербургу такое „катаніе" даже нравится!

Да, Россія катится въ пропасть, и Петербургъ ее отъ этой катастрофы не удержитъ. Тому, чѣмъ онъ вчера ужасался, онъ сегодня улыбается, а то, что сегодня ему еще кажется немыслимымъ, завтра ему покажется совершенно простымъ, естественнымъ и даже желательнымъ.

Петербургъ, предалъ Россію на пропятіе и нынѣ ее хоронитъ. Закрылъ онъ отъ нея свѣтъ Божій громаднымъ могильнымъ камнемъ, Думой, и поставилъ онъ у этого камня кустодію изъ нашихъ жалкихъ кадетовъ, съ господиномъ Головинымъ во главѣ, дабы вѣрные сыны Россіи ее не выкрали и не говорили затѣмъ, что она воскресла.

И мы тоже въ эту Страстную седмицу видѣли страданія нашей Родины, присутствовали при ея распинаніи и при ликованіи ея враговъ, принимали участіе съ жгучею болью въ сердцѣ въ ея погребеніи. Но мы не только не теряемъ надежды на ея воскресеніе, а твердо вѣримъ, что она воистину воскреснетъ изъ мертвыхъ и даруетъ жизнь, бодрость и радость всѣмъ вѣрнымъ своимъ сынамъ. Свою временную смерть она пріемлетъ для окончательнаго попранія той духовной смерти, которая объяла Русское общество, утратившее свой Русскій обликъ, свою Русскую вѣру, свою Русскую жизнь. Когда Россія воскреснетъ, даже слѣпцы прозрѣютъ и ужаснутся своей слѣпоты, и Россія возсіяетъ въ славѣ вѣчной, несокрушимой.

Но когда это будетъ? Когда? И какъ все это произойдетъ? Доживемъ ли мы до этого?

Да развѣ дѣло въ насъ, въ нашемъ доживаніи, въ нашемъ любопытствѣ? Дѣло въ спасеніи Россіи, и это дѣло уже не въ рукахъ человѣческихъ, а Божіихъ. А для Господа все возможно. Когда мѣра Его терпѣнія будетъ

полна, когда наступитъ время для нашего окончательнаго пазиданія. Онъ воздвигнетъ на Россіи того, кто сниметъ съ нея давящій ее могильный камень и откроетъ ей путь къ свѣту Божію, къ воскресенію.

А пока намъ остается только, среди всеобщей радости еврейской, замкнуться въ своемъ горѣ и со слезами давать послѣднее лобзаніе погребенной Россіи, въ ожиданіи свѣтлаго ея воскресенія...

Съѣздъ Русскаго Народа.

Въ четвергъ, 26 апрѣля, въ Москвѣ открывается IV Всероссійскій Съѣздъ „Объединеннаго Русскаго Народа".

Уже одно то обстоятельство, что Съѣздъ этотъ является *четвертымъ*, ясно доказываетъ жизнеспособность этого новаго на Руси политическаго учрежденія, возникшаго не въ подражаніе какимъ-либо иноземнымъ образцамъ и не какъ искусственное насажденіе Петербургской бюрократіи, а какъ естественное, чисто-національное созданіе самого Русскаго Народа.

17 октября 1905 года,—вонзившее острый мечъ въ живой организмъ Русскаго Народа, оскорбившее его въ самыхъ священныхъ его чувствахъ и вызвавшее ту революціонную оргію, отъ которой Россія и понынѣ истекаетъ кровью,—застало Русскій Народъ врасплохъ, такъ какъ, вопреки увѣреніямъ графа Витте и всей его кадетской шайки, Русскій Народъ не только не желалъ ограничить Самодержавную Царскую власть какою-либо конституціей, но не имѣлъ и понятія объ этомъ преступномъ замыслѣ.

Но если Русскій Народъ и былъ ошеломленъ этимъ внезапнымъ ударомъ, онъ не растерялся подобно большинству нашей интеллигенціи, которая запуталась въ дебряхъ всевозможныхъ толкованій тѣхъ противорѣчій и явныхъ промаховъ, которыми такъ изобилуютъ „свободы" 17 октября. Русскій Народъ природною сметкой тотчасъ распозналъ, гдѣ правда и гдѣ ложь, гдѣ свѣтъ и гдѣ тьма, тѣмъ болѣе что человѣку, обладающему простымъ здравымъ смысломъ, распознать это было вовсе уже не такъ трудно: разъ евреи, соціалисты и другіе злѣйшіе враги выказали необузданную радость по поводу „свободъ" 17 октября, то для каждаго православнаго Русскаго человѣка была болѣе чѣмъ очевидна вся ихъ пагубность, послужившая началомъ того дерзкаго революціоннаго движенія, которое ознаменовало уже самый день 17 октября мятежными криками „долой Самодержавіе", раздававшимися подъ сѣнью крамольныхъ красныхъ флаговъ.

Уже на слѣдующій день, 18 октября, почти на всемъ пространствѣ Россіи, Русскій Народъ, въ ясномъ сознаніи своего вѣрноподданническаго долга, не колеблясь ни на минуту, сдѣлалъ то, что онъ только, вполнѣ естественно, и могъ сдѣлать: взявъ въ руки церковныя хоругви и Царскіе портреты, онъ положилъ конецъ всей этой возмутительной вакханаліи.— Нѣтъ никакого сомнѣнія, что черезъ два, три дня порядокъ былъ бы возстановленъ во всей Россіи, если бы на сторону крамольниковъ и обнаглѣвшихъ евреевъ не стало само правительство С. Ю. Витте, жестоко наказавшее наиболѣе горячо-убѣжденныхъ и вѣрныхъ слугъ Царя и открывшее свободный путь кровавой революціи.

Русскіе люди, столь естественно сплотившіеся на свой великій подвигъ 18 октября 1905 года, положили основаніе тѣмъ патріотическимъ и монархическимъ союзамъ, братствамъ и дружинамъ, которые столь же естественно затѣмъ росли, множились и укрѣплялись *въ ожиданіи новой горшей опасности*, а затѣмъ, опять столь же естественно, начали стремиться къ *объединенію*, которое оказалось возможнымъ лишь при учрежденіи періодическихъ Всероссійскихъ Съѣздовъ. Таковыми были въ 1906 году I Петербургскій на Сырной недѣлѣ, II Московскій на Пасхѣ, III Кіевскій 1 октября, въ день памяти Покрова Св. Богородицы, и нынѣ въ 1907 году снова на Пасхѣ же открывается IV Московскій Съѣздъ.

Съ каждымъ Съѣздомъ дѣло объединенія Русскаго Народа, въ столь дорогихъ ему и столь необходимыхъ началахъ Православія, Самодержавія и Русской народности, становилось все сильнѣе и сплоченнѣе, въ полную противоположность искусственно-созданной лженародной Государственной Думѣ, которая сама живетъ только низменными инстинктами раздора, своекорыстія, властолюбія и анархіи, и возбуждаетъ эти же инстинкты въ развращаемомъ ею населеніи Россіи.

Пожелаемъ же предстоящему Московскому Всероссійскому Съѣзду подвинуть объединеніе Русскаго Народа еще на шагъ впередъ по пути великаго національнаго возрожденія Россіи и окончательнаго ея освобожденія отъ ужасовъ революціи.

Самодержавное слово.

Вторая крамольная Дума распущена!

Камень свалился съ сердца Русскаго Народа!

Единодушно возноситъ онъ хвалу Царю царствующихъ за избавленіе Россіи отъ того тяжкаго стодневнаго кошмара, который сжималъ православныхъ Русскихъ людей въ желѣзныхъ тискахъ никогда еще неиспытаннаго ими ужаса.

Единодушно приноситъ Русскій Народъ своему Отцу - Самодержцу вѣрноподданническую благодарность за Царское слово, которымъ Онъ осчастливилъ Россію въ знаменательный отнынѣ день 3 іюня 1907 года.

Ибо Всемилостивѣйшій Манифестъ 3 іюня имѣетъ, помимо своего практическаго значенія, первостепенное значеніе принципіальное.

Онъ не только разсѣялъ всѣ грозныя опасности, которыя тяготѣли надъ Россіей вслѣдствіе крамольной пропаганды нагло - революціонной Думы, но онъ разсѣялъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и весь тотъ туманъ, который напустили на Россію внутренніе ея враги, увѣрявшіе Русскихъ людей, будто Русскій Царь промѣнялъ свое Самодержавіе на какую-то „конституцію", и будто Онъ до такой степени отрекся отъ Своей Державной Воли, что лишилъ Себя возможности измѣнить какой-либо законъ, если бы даже для Него стало очевиднымъ, что законъ этотъ вредитъ благу Россіи.

Манифестъ 3 іюня полагаетъ окончательный предѣлъ всѣмъ этимъ „конституціоннымъ" иллюзіямъ. Правда оказалась на сторонѣ тѣхъ Русскихъ людей, которые ни на минуту не колебались послѣ „государствен-

наго переворота“ 1905 года и неизмѣнно утверждали, что Манифестъ 17 октября никакому ограниченію Государеву Самодержавную власть не подчинилъ, что Самодержавіе Государя осталось и останется, по собственнымъ Его Величества словамъ, „такимъ же, какимъ оно было встарь“, и что Государь, отвѣтствуя лишь передъ Господомъ Богомъ, можетъ Своей Властью измѣнить всякій изданный имъ законъ, коль скоро того потребуетъ благо Россіи.

И вотъ, къ великой своей радости, Русскій Народъ читаетъ въ Манифестѣ 3 іюня слѣдующія золотыя слова:

„От Господа Бога вручена Намъ Власть Царская надъ народомъ Нашимъ. Передъ Престоломъ Его Мы дадимъ отвѣтъ за судьбы Державы Россійской.

„Въ сознаніи этомъ черпаемъ Мы твердую рѣшимость довести до конца начатое Нами великое дѣло преобразованія Россіи и даруемъ ей новый избирательный законъ, обнародовать который повелѣваемъ Правительствующему Сенату“.

Полная самостоятельность Государя Императора въ изданіи этого новаго закона ярче всего проявляетъ неограниченность Его Самодержавной Власти, и эта неограниченность утверждается въ Высочайшемъ Манифестѣ слѣдующими словами, принципіальная важность которыхъ для всѣхъ очевидна, такъ какъ она въ Русскомъ Государственномъ Правѣ устанавливаетъ или, вѣрнѣе сказать, подтверждаетъ то *историческое начало*, которое Русскіе люди такъ упорно отстаивали въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ:

„Только Власти, даровавшей первый избирательный законъ, исторической Власти Русскаго Царя, довлѣетъ право отмѣнить оный и замѣнить его новымъ“.

То же самое право довлѣетъ исторической Власти Русскаго Царя и по отношенію ко всякому иному закону, ею дарованному Россіи.

Вотъ въ этомъ именно правѣ и заключается неограниченность Царскаго Самодержавія, которую такъ упорно отрицали и „лѣвые“, и „кадеты“, и „октябристы“, но въ цѣлости которой никогда не сомнѣвались монархисты, вмѣстѣ со всѣмъ Православнымъ Русскимъ Народомъ и вмѣстѣ съ Самимъ Государемъ, какъ о томъ свидѣтельствуютъ драгоцѣнныя слова Его послѣдняго Манифеста.

Отнынѣ разсѣялись всѣ тучи, застилавшія Русскій небосводъ въ теченіе переживавшагося нами невыносимо-тяжкаго лихолѣтія. Восторжествовала та правда, за которую съ такою глубокою, искреннею вѣрой боролись все это время всѣ истинно - Русскіе люди, та непреложная правда, что 17 октября 1905 года никакого „государственнаго переворота“ не произошло, что новые законы, дарованные неограниченнымъ Самодержавнымъ Вождемъ Россіи, могутъ быть Имъ же отмѣнены и замѣнены новыми, на основаніи врученной Ему Господомъ Богомъ исторической Царской Власти, коль скоро это измѣненіе необходимо для блага Державы Россійской, за судьбы которой Русскій Царь дастъ отвѣтъ лишь предъ Престоломъ Всевышняго.

Коль скоро это основное начало Русскаго Государственнаго Права никакому сомнѣнію отнынѣ подвергаться не будетъ, Россія можетъ спокойно взирать на предстоящія ей еще испытанія, такъ какъ ее во всякое время можетъ спасти отъ всякой внѣшней и внутренней опасности Царское Самодержавіе, которое, оставаясь такимъ же, какимъ оно было встарь, никогда не допуститъ Россіи до гибели, а всегда во-время направитъ ее на путь спасенія тѣми законодательными мѣрами, которыя будутъ способствовать этому спасенію.

Нынѣ Русскіе люди призываются къ новымъ выборамъ въ Государственную Думу, по новому выборному закону, который, по Державной Волѣ Государя, долженъ соотвѣтствовать столь часто и столь неизмѣнно высказанному желанію истинныхъ сыновъ Россіи:

„Созданная для укрѣпленія Государства Россійскаго, Государственная Дума должна быть Русскою и по духу“.

Если бы новый законъ не оказался соотвѣтствующимъ этой столь ясно выраженной Царской Волѣ, онъ очевидно будетъ Ею замѣненъ еще болѣе совершенными законами до тѣхъ поръ, пока Госадарственная Дума дѣйствительно будетъ Русскою по духу. Точно такъ же будутъ постепенно мѣняться и другіе законы, пока, наконецъ, будетъ достигнута та высшая цѣль, къ которой Государь призываетъ Свой народъ слѣдующими словами Манифеста:

„Отъ вѣрныхъ же подданныхъ Нашихъ Мы ждемъ единодушнаго и бодраго, по указанному Нами пути, служенія Родинѣ, сыны которой во всѣ времена являлись твердымъ оплотомъ ея крѣпости, величія и славы“.

Да будетъ такъ! Да поможетъ Господь Русскому Царю и Его Народу достигнуть этой цѣли.

Что̀ теперь дѣлать?

Дума распущена; новый избирательный законъ изданъ; выборы назначены.

Что̀ же теперь слѣдуетъ дѣлать?

Какъ что̀? Готовиться къ выборамъ.

Увы! Это легче сказать, чѣмъ сдѣлать.

Мы сегодня не станемъ разбирать всѣ подробности новаго избирательнаго закона. Въ немъ мы находимъ значительныя улучшенія (какъ, напримѣръ, прямые выборы въ большихъ городахъ и сокращеніе числа инородческихъ депутатовъ), но въ немъ же сохранены и крупные недостатки прежняго закона (напримѣръ, провѣрка выборовъ самою Думой и равноправіе евреевъ), — но не въ этомъ дѣло. Достигнуть совершенства въ системѣ, въ основу которой положено такое несовершенное начало, какъ начало выборное, невозможно. Но если бы даже теперь и была найдена та квадратура круга, которая называлась бы „безошибочно-вѣрною и справедливою выборною системой“, и если теперь именно изданъ былъ бы въ Рос-

сіи избирательный законъ, соотвѣтствующій этой идеальной системѣ, то мы и въ такомъ случаѣ относились бы съ большою тревогой къ предстоящимъ выборамъ.

И это по двумъ причинамъ.

Первая изъ нихъ—чрезмѣрная близость этихъ выборовъ.

Они должны начаться уже съ 1 сентября, черезъ какіе-нибудь три мѣсяца!

Три выборныя кампаніи въ какіе-нибудь полтора года,—это для Россіи, для столь разнородной и столь непривыкшей къ политической жизни громадной страны,—черезчуръ много! Западно-европейскія государства, давно уже привыкшія къ выборному механизму, позволяютъ себѣ это громоздкое, дорого-стоящее и всегда опасное удовольствіе лишь разъ въ три или четыре года, и, тѣмъ не менѣе, число воздерживающихся отъ выборовъ тамъ съ каждымъ разомъ увеличивается, такъ какъ люди чести и порядка чувствуютъ все большее отвращеніе къ тѣмъ выборнымъ „махинаціямъ", благодаря которымъ побѣда въ большинствѣ случаевъ остается за всякими болтунами да шарлатанами.

То же самое будетъ и у насъ на третьихъ выборахъ. Люди порядка и труда совершенно переутомлены столь недавними первою и второю выборными кампаніями. Уже на вторые выборы явилась лишь половина избирателей, а потому есть серіозныя опасенія, что если третьи выборы начнутся уже съ сентября, то къ урнамъ пойдетъ лишь одна треть избирателей, а то и того меньше. И замѣтьте, эта треть будетъ почти исключительно состоять изъ тѣхъ болтуновъ и шарлатановъ, которые видятъ въ выборахъ не гражданскій долгъ, а лишь средство къ утоленію своего алчнаго властолюбія, къ возбужденію революціоннаго броженія и къ устройству личныхъ своихъ аферъ.

Мы уже не говоримъ о томъ, что 1 сентября значительная часть избирателей будетъ отвлечена сельско хозяйственными работами, а другая часть еще не будетъ находиться на мѣстахъ своего постояннаго жительства. Во всякомъ случаѣ и это обстоятельство повліяетъ на уклоненіе громаднаго процента наиболѣе желательныхъ избирателей отъ осуществленія своихъ гражданскихъ правъ, что несомнѣнно отразится весьма пагубно на составѣ Третьей Думы, которая не въ національномъ и сословномъ, а въ *политическомъ*, въ *революціонномъ* отношеніи мало чѣмъ будетъ отличаться отъ первой и второй своихъ предшественницъ.

Но есть еще и другая, болѣе существенная, причина, заставляющая опасаться за исходъ нашей третьей выборной кампаніи.

Дѣло въ томъ, что, съ роспускомъ Второй Думы, русско-еврейской крамолѣ нанесенъ, безъ сомнѣнія, серіозный, но далеко не окончательный ударъ. Она не только не сложитъ оружія, но будетъ, въ виду близости выборовъ, дѣйствовать путемъ устной и печатной пропаганды съ удвоенною энергіей. Правда, теперь она уже не будетъ имѣть возможности разсылать новыя зажигательныя рѣчи своихъ думскихъ ораторовъ въ милліонахъ экземпляровъ по всѣмъ городамъ и весямъ Россійскаго Государства, такъ какъ, съ закрытіемъ Думы, новыя крамольныя рѣчи тамъ произноситься

не будутъ, по запасъ старыхъ думскихъ воззваній къ революціи еще такъ великъ, и сочиненіе новыхъ такихъ же воззваній въ крамольной печати такъ нетруденъ и удобенъ, что революціонная пропаганда, подъ аккомпаниментъ террористическихъ „актовъ“, несомнѣнно, разовьется въ три ближайшіе предвыборные мѣсяца съ особенною силой.

Вотъ почему, прежде чѣмъ русско-еврейская крамола не будетъ прекращена, нельзя серіозно и думать о новыхъ выборахъ, да и вообще о какихъ-либо новыхъ реформахъ.

Сперва законный порядокъ, сперва государственная, общественная и личная безопасность, а потомъ уже выборы и реформы.

Вѣдь если наша многострадальная Россія никакъ не можетъ выйти изъ губящаго ее внутренняго хаоса, то это происходитъ именно потому, что мы взялись заразъ дѣлать два совершенно несовмѣстимыя дѣла: подавленіе крамолы и осуществленіе гражданскихъ „свободъ“. При такихъ условіяхъ, этими свободами всегда будутъ пользоваться не честные граждане, а крамольники, а потому ни подавить крамолу, ни обезпечить честнымъ людямъ пользованіе гражданскими свободами—невозможно.

Такъ же какъ нельзя одновременно тушить и перестраивать горящій домъ, точно такъ же нельзя одновременно бороться съ крамолой и предоставить гражданамъ разныя выборныя и другія свободы, или вводить въ государствѣ новыя либеральныя реформы.

Конечно, насъ отдѣляютъ отъ выборовъ цѣлые три мѣсяца, и это вполнѣ достаточно для серіознаго, энергичнаго Правительства, чтобы окончательно подавить бушующую въ Россіи крамолу. Но, къ сожалѣнію, мы такою энергіей не избалованы, а потому можемъ опасаться, что къ 1 сентября въ Россіи все еще будетъ свирѣпствовать революціонная устная и печатная пропаганда, и будутъ совершаться террористическіе „акты“ и крамольныя „экспропріаціи“.

Вотъ почему можно ожидать, что раздадутся голоса, которые будутъ ходатайствовать объ отсрочкѣ выборовъ до болѣе поздняго срока, до полнаго возстановленія государственной и общественной безопасности.

Что же касается настоящаго времени, то на вопросъ „что теперь дѣлать?“—можетъ быть только одинъ отвѣтъ;

„А теперь прежде всего нужно прекратить крамолу“.

Разрѣшеніе рокового сомнѣнія *).

Всемилостивѣйшая телеграмма, которою Государь Императоръ осчастливилъ Союзъ Русскаго Народа, окончательно разрѣшаетъ великое сомнѣніе, которое тяготѣло надъ объединившимся Русскимъ Народомъ съ первыхъ же дней его противокрамольной дѣятельности, то-есть съ 18 октября 1905 года. Въ этотъ, отнынѣ знаменательный, день Православные Русскіе люди, сомкнувшись въ тѣсные ряды, подняли громкій протестъ противъ лютыхъ

*) Рѣчь, произнесенная 8 іюня 1907 года, въ Собраніи Маріинскаго Отдѣла Союза Русскаго Народа.

враговъ Царя и Россіи, желавшихъ злоупотребить дарованными Государемъ свободами, для ниспроверженія Его Самодержавнаго Престола.

Враги эти весьма *естественно* постарались оклевстать ставшій на ихъ крамольномъ пути Союзъ Русскаго Народа, обвиняя насъ въ томъ, что мы де идемъ противъ Воли Царя и являемся причиной охватившей Россію смуты.

Но зато совершенно *противоестественно* къ этой клеветѣ присоединились весьма многія высшія правительственныя лица, по знаку, поданному графомъ Витте,—министры, генералъ-губернаторы, губернаторы, градоначальники, не считая болѣе мелкихъ либеральствующихъ бюрократовъ безъ царя въ головѣ, а также и нѣкоторыя высшія духовныя лица, ставшія не на сторону Царя и Народа, а на сторону крамолы.

Всѣ они въ одинъ голось объявили членовъ Союза Русскаго Народа „революціонерами справа“, гнушались какого бы то ни было съ ними соприкосновенія, ставили имъ всевозможныя препятствія, подвергали ихъ придиркамъ и стѣсненіямъ. Еще на-дняхъ мы видѣли, какъ въ иныхъ губерніяхъ представители Верховной Власти и Церкви содѣйствовали торжественнымъ процессіямъ Союза Русскаго Народа съ ихъ знаменами, тогда какъ въ другихъ губерніяхъ эти процессіи подвергались всякимъ мытарствамъ и стѣсненіямъ, доходившимъ до запрещенія пѣть публично Народный Гимнъ,

Всѣ эти, болѣе чѣмъ странныя, явленія объясняются лишь тѣмъ же ложнымъ убѣжденіемъ, о которомъ мы говорили выше, а именно убѣжденіемъ, будто Союзъ Русскаго Народа идетъ противъ Царя, и что поэтому Царь ему не сочувствуетъ.

Напрасно члены Союза Русскаго Народа, твердо вѣруя, что Царь съ ними, увѣряли въ этомъ тѣхъ представителей Царя, которые ихъ ставили на одну доску съ революціонерами, иногда даже предпочитая послѣднихъ союзникамъ: союзники попрежнему презрительно обзывались „черною сотней“ — какъ крамольниками, такъ и заблуждавшимися администраторами.

И вотъ, всѣмъ этимъ недоразумѣніямъ положила конецъ Высочайшая телеграмма предсѣдателю Союза Русскаго Народа.

Теперь уже ни для кого не можетъ быть сомнительно, что Царь благоволитъ Союзу Русскаго Народа и смотритъ на него, какъ на оплотъ Своего Самодержавія.

Идти противъ Царя—значитъ идти противъ Русскаго Народа, а идти противъ Народа—идти противъ Царя.

Вѣдь Союзъ Русскаго Народа не какая-нибудь „партія“: онъ есть не что иное какъ самъ Русскій Народъ, объединившійся въ общій многомилліонный союзъ на защиту своей Церкви, своего Царя и своей Родины.

Теперь для всѣхъ правительственныхъ и церковныхъ властей совершенно ясно, какъ имъ, повинуясь Волѣ Царя, слѣдуетъ относиться къ Союзу Русскаго Народа:

Такъ именно, какъ отнесся къ нему въ Ялтѣ генералъ Думбадзе еще

25 мая, вѣрнѣе всѣхъ угадавъ истинныя чувства Царя къ Союзу Русскаго Народа.

Освященіе знамени Союза Русскаго Народа 25 мая прошло въ Ялтѣ при самой торжественной обстановкѣ: оно было освящено по чину освященія воинскихъ знаменъ. Засимъ *знамя было самимъ главноначальствующимъ генераломъ Думбадзе, который былъ со значкомъ Союза, обнесено по фронту выстроившагося народа, подъ звуки гимна и при несмолкаемыхъ кликахъ ура...* Затѣмъ оно было вручено предсѣдателю при окропленіи протоіереемъ. Послѣ сего знамя, въ сопровожденіи музыки и парада, было отнесено въ Отдѣлъ Союза, гдѣ было много восторженныхъ рѣчей. Во время всего торжества былъ полный порядокъ и тишина.

Ялтинскіе товарищи-революціонеры въ конецъ были посрамлены, такъ какъ, несмотря на раскинутыя наканунѣ прокламаціи, торжество посѣтила толпа во много тысячъ людей, сочувствующихъ святому дѣлу Союза Русскаго Народа.

Да послужитъ честный, открытый, истинно-русскій поступокъ генерала Думбадзе примѣромъ для всѣхъ власть имѣющихъ въ ихъ отношеніяхъ къ Союзу Русскаго Народа, осчастливленнаго сочувствіемъ и довѣріемъ Русскаго Царя.

Съ нами Богъ! Съ нами Царь! *).

Люди Православные! Братья дорогіе!

Сколько разъ собирались вы, за послѣднее время тяжелаго лихолѣтія, въ гнетущей тревогѣ и глубокой скорби; сколько разъ возносили вы со слезами къ Господу Богу горячія молитвы о спасеніи нашей дорогой Родины, ясно сознавая, что ни откуда, какъ отъ Бога, ей спасенія быть не можетъ; сколько разъ вы только этою молитвой и облегчали свои сердца, такъ какъ здѣсь на землѣ васъ окружалъ ужасающій мракъ, изъ котораго къ вамъ не доходило ни единаго луча свѣтлой надежды, отрады, или духовнаго облегченія!

А нынѣ все измѣнилось! Я вижу на вашихъ лицахъ и радость, и бодрость: Господь смилостивился надъ нами, Онъ внялъ нашимъ мольбамъ, и непроглядный мракъ, заставлшій-было весь небосводъ Россіи, начинаетъ рѣдѣть, мѣстами уже проглянула небесная лазурь, и лучи солнца, отъ которыхъ мы за три года отвыкли, снова озаряютъ насъ своимъ животворнымъ свѣтомъ и тепломъ!

О! какъ прекрасенъ солнечный день послѣ грозы! Вся природа является въ праздничномъ уборѣ, и чистый, бодрящій воздухъ наполняетъ наши легкія чудодѣйственною силою, мощно разливающеюся по всему нашему тѣлу и окрыляющему нашъ духъ къ новой жизни, къ новымъ подвигамъ, къ новымъ надеждамъ!

Но что же случилось?

---

*) Рѣчь, произнесенная 17 іюня 1907 года, на Общемъ Собраніи Рязанскаго Отдѣла Союза Русскаго Народа.

Какъ что? Господь услышалъ насъ, Онъ, значитъ, съ нами! *(Съ нами Богъ! Съ нами Богъ!)* А почему Онъ съ нами? Да потому, что мы все время стремились быть съ Нимъ, ни шагу не ступали безъ Него, каждое дѣло, каждое собраніе наше начинали и кончали искренними, къ Нему обращенными, мольбами.

Собирались соціалисты, трудовики, кадеты и октябристы, собирались чаще насъ, говорили больше насъ, дѣйствовали громче насъ, не жалѣя ни силъ, ни средствъ, —но слыхали ли вы когда-нибудь, чтобы они передъ своими дѣлами и словами хоть разъ осѣнили себя крестнымъ знаменіемъ? *(Нѣтъ, нѣтъ! Никогда они этого не дѣлаютъ!)* Они, очевидно, не хотятъ „оскорбить" того, кто пуще всего боится креста Господня. *(Вѣрно, вѣрно! Смѣхъ.)*

Ну, и что же? Кого наградилъ Господь радостью? Соціалистовъ и трудовиковъ? Нѣтъ: они послѣ 3 іюня скрежещутъ зубами. Кадетовъ? Нѣтъ: кадеты предъ яркимъ свѣтомъ Царскаго Манифеста извиваются и шипятъ, какъ ядовитыя змѣи. Октябристовъ? Нѣтъ: они льютъ крокодиловы слезы. Кому же Господь послалъ радость? *(Намъ, намъ, однимъ намъ).*

Да, братья дорогіе, однимъ намъ. Но развѣ мы одни? Да кто же мы? Одинокая кучка? Нѣтъ, мы—Союзъ Русскаго Народа, *мы многомилліонный Русскій Народъ*, соединившійся въ одинъ громадный Союзъ вокругъ нашего Царя Самодержавнаго! *(Вѣрно. Мы всѣ за Царя!).*

Такъ, значитъ, Господь послалъ радость *всему Русскому Народу*, стоящему за своего Царя-Батюшку; Господь смилостивился надъ всѣмъ православнымъ Русскимъ Народомъ и порадовалъ великою благостыней Своею всѣхъ *Русскихъ* людей, а не соціалистовъ, трудовиковъ, кадетовъ и октябристовъ, которые ничего общаго ни съ Богомъ, ни съ Царемъ, ни съ Русскимъ Народомъ не имѣютъ, которые злобствуютъ, шипятъ и плачутъ въ то время, когда Царь со Своимъ народомъ въ радостномъ умиленіи благодаритъ Господа.

Да, люди православные! Съ нами Богъ, но съ нами и Царь!

Всѣ эти соціалисты, кадеты и октябристы, какъ бы они ни ссорились между собой, всегда сливались въ одномъ желаніи „сохранить, сберечь" крамольную Думу, и лишь мы, лишь Русскій Народъ возмущался до глубины души безобразіями этого мятежнаго, адскаго скопища и молили Царя объ ея разгонѣ. А Царь и Самъ давно объ этомъ думалъ.

Кто же угадалъ завѣтныя мысли Царскія? Мы, или они? *(Мы!)* Да, теперь мы знаемъ, что тѣ же мысли о Думѣ, которыя имѣли мы, имѣлъ и Царь; теперь для насъ стало ясно, что Онъ, нашъ Батюшка, такъ же возмущался Думскимъ озорничествомъ, какъ возмущался имъ и Русскій Народъ; теперь нельзя сомнѣваться, что Царь, какъ всегда, такъ и во все это время былъ со Своимъ Народомъ, а не съ соціалистами, октябристами и кадетами, которые такъ нѣжно, такъ любовно „берегли" Думскую крамолу, и которые нынѣ проливаютъ слезы о томъ, что Государь, какъ истинный *неограниченный* Самодержецъ, не только уничтожилъ эту крамолу, но и собственною своею Державною Властью, безо всякой „конституціи", Самъ издалъ законъ для того, чтобы такая противонародная Дума

уже болѣе не повторялась. *(Вѣрно, вѣрно! Долой крамольную Думу! Долой конституцію!)*

Вы помните, что мы лишь *одинъ* день, 17 октября, были ошеломлены государственнымъ переворотомъ, который затѣялъ-было произвести графъ Витте *(Графъ Полусахалинскій! Смѣхъ).* Но уже 18 октября Русскій Народъ опомнился и громко выразилъ свой протестъ, когда сторонники графа Витте ходили по городамъ и селамъ съ красными флагами, крича: „долой Самодержавіе!“.

Правда, 18 октября протестъ Русскаго Народа раздался главнымъ образомъ лишь въ широкихъ низшихъ его слояхъ, въ „черномъ“ народѣ, который своею чуткою душой, безо всякой мудреной науки, сразу уразумѣлъ, что Россія безъ Самодержавія быть не можетъ. Средніе классы, „интеллигенты“, дрогнули передъ крамолой и, за немногими исключеніями, повѣрили, будто у насъ въ самомъ дѣлѣ уже нѣтъ Царскаго Самодержавія; а Петербургскіе бюрократы, да судейскіе чиновники и адвокаты вмѣстѣ со всѣми жидами открыто провозглашали, что Царское Самодержавіе въ Россіи замѣнено „конституціей“.

И вотъ начался великій споръ на святой Руси:

„Нѣтъ Самодержавія“! кричали интеллигенты, евреи, судьи и адвокаты.

„Есть Самодержавіе!“ отвѣчалъ имъ единогласно Русскій Народъ въ своихъ союзахъ.

„Въ Россіи введена конституція!“ увѣряли и доказывали октябристы, кадеты и соціалисты.

„Въ Россіи нѣтъ и не можетъ быть конституціи! возражали мы съ вами.

„Царь ограниченъ конституціей!“ горячились Виттевскіе клевреты.

„Православный Царь никакими земными учрежденіями не ограниченъ, а ограниченъ лишь Богомъ, предъ Которымъ Онъ только и отвѣтственъ“, неизмѣнно повторяли мы, опираясь на ученіе Православной Церкви.

„Царь Самъ не смѣетъ издавать законовъ“! упорствовали враги Россіи.

„Царь имѣетъ право Самъ издавать, измѣнять и отмѣнять законы, если того требуетъ благо Государства!“ неизмѣнно утверждали Союзы Русскаго Народа.

Такъ споръ нашъ могъ длиться до безконечности, пока его не рѣшилъ Самъ Государь.

Относительно *Самодержавія* съ высоты Престола раздались ясныя, непреложныя слова: „*Самодержавіе Мое останется такимъ, какимъ оно было встарь*“.

Слова „*конституція*“ Государь ни въ Манифестахъ, ни въ Указахъ, ни въ Высочайшихъ отвѣтахъ *ни разу не произносилъ*, и,—въ этомъ мы увѣрены,—*никогда не произнесетъ*.

А что касается мнимой *ограниченности* Самодержавной Власти, не могущей будто бы издавать законы безъ одобренія Государственной Думы,—Царь ясно доказалъ ея полную *неограниченность*, издавъ Собственною Властью новый избирательный законъ.

Итакъ, кто же ошибался въ своихъ утвержденіяхъ? Мы, или октябристы? (*Октябристы!*) Кто говорилъ ложь? Мы, или кадеты? (*Кадеты!*) Кто были революціонеры? Мы, или соціалисты? (*Соціалисты!*) Кто угадалъ истинныя мысли Русскаго Царя? Мы, или они? (*Мы! Мы!*) Съ кѣмъ стоитъ Русскій Царь, со Своимъ Народомъ или съ евреями, октябристами, кадетами и соціалистами? (*Съ нами, съ нами! Со Своимъ Народомъ, съ Русскимъ Народомъ!*)

Да, братья дорогіе! Если могли быть еще какія-нибудь сомнѣнія въ этомъ ясномъ вопросѣ, то они 3 іюня, съ появленіемъ Царскаго Манифеста, окончательно исчезли. Кто теперь можетъ отрицать, что мы съ Царемъ, и что Царь съ нами? (*Никто! Никто! И Богъ, и Царь съ нами!*)

Но этого мало. Царю нашему Батюшкѣ угодно было заявить предъ всѣмъ міромъ, что Онъ не только съ *нами*, то-есть съ *Русскимъ Народомъ* вообще, но и въ особенности съ *Союзомъ Русскаго Народа*.

Вы, конечно, всѣ уже знаете, какою поистинѣ всемилостивѣйшею телеграммой Государь Императоръ осчастливилъ председателя Главнаго Совѣта Союза Русскаго Народа, а черезъ него и весь нашъ Союзъ? (*Читали! Читали! Спаси, Господи, Царя за ласку!*)

Въ этой телеграммѣ, съ начала до конца, каждое слово—золотое, драгоцѣнное! Но всего дороже для насъ призывъ Царя, чтобы мы были для Него *„надежною опорой“*.

Быть опорой своему Царю,—какое счастье, какая честь, какая слава,—какая отвѣтственность, какой великій долгъ, какая серіозная обязанность!

Много политическихъ партій, союзовъ, фракцій и кружковъ развелось нынѣ на Руси. Кого же призываетъ Царь Себѣ въ опору? Трудовиковъ? Нѣтъ. Кадетовъ? Нѣтъ. Октябристовъ? Нѣтъ. Кого же? Одпихъ только насъ,—Союзъ Русскаго Народа.

Почему?

Да потому, прежде всего, что Союзъ Русскаго Народа—не партія, а весь многомилліонный Русскій Народъ объединившійся въ общій Союзъ. Царь стоитъ выше политическихъ партій и ни къ одной принадлежать не можетъ. Но Союзъ Русскаго Народа—не партія, а Народъ. А быть за одно съ Русскимъ Народомъ Царь не только *можетъ*, но инымъ себѣ Его и представить нельзя.

А затѣмъ Государь видитъ рѣзкое различіе между нами и разными тамъ кадетами, октябристами и соціалистами.

Кадеты убѣждены въ томъ, что они, съ помощью графа Витте, вырвали Верховную Государственную Власть изъ рукъ Царя, и что эта власть принадлежитъ теперь имъ, кадетамъ. Въ этомъ убѣждены и соціалисты, и октябристы, и, завидуя кадетамъ, они пустились съ ними въ грызню, стараясь урвать себѣ этотъ лакомый кусокъ... Всѣ они съ алчнымъ властолюбіемъ стремятся присвоить себѣ Государственную Власть, всѣ они только о томъ и мечтаютъ, какъ бы сдѣлаться министрами, какъ бы присвоить себѣ власть Царя, чтобы затѣмъ управлять Россіей.

Присвоить *себѣ* вырванную у Царя власть—объ этомъ всѣ они мечтаютъ, и Алексинскій, и Маклаковъ, и Винаверъ, и Александръ Ивановичъ

Гучковъ. Въ особенности Александръ Ивановичъ. (*Громкій смѣхъ*). Каждую недѣлю его друзья предлагаютъ ему въ газетахъ новый министерскій портфель. (*Смѣхъ*). Быть у власти—это его мечта, и въ этомъ онъ ничѣмъ не отличается ни отъ Алексинскаго, ни отъ Маклакова, ни отъ Пергамента

Ну, а слышали ли вы когда-нибудь, чтобы какіе-либо члены или руководители Союза Русскаго Народа старались вырвать Власть у Царя? (*Никогда*)! Напротивъ того: мы тѣмъ именно и отличаемся отъ всѣхъ этихъ Алексинскихъ, Гучковыхъ, Кизеветтеровъ и Абрамсоновъ, что мы хотимъ *возвратить* Государю ту Власть, которую они у Него похитили, или, вѣрнѣе сказать, мы хотимъ *сохранить* за Царемъ ту Власть, которую они хотѣли у Него похитить. Ибо мы продолжаемъ утверждать, съ бо́льшею чѣмъ когда-либо увѣренностію: *Русскій Царь, даже послѣ 17 октября, сохранилъ всю Свою неограниченную Самодержавную Власть во всей ея неприкосновенности.* (*Вѣрно, вѣрно, ура! ура! Царь Самодержавный, Царь неограниченный*)!

Да, люди православные, Русскій Царь—Самодержавенъ и не ограниченъ никакими земными учрежденіями. Мы всегда это утверждали. Намъ не вѣрили, насъ бранили, на насъ клеветали, насъ упрекали въ томъ, что мы „революціонеры справа“, что мы „идемъ противъ Царя“,—а теперь всѣ должны убѣдиться, что Самъ Царь идетъ къ намъ, что Царь съ нами!

Но я уже сказалъ вамъ, что это великое счастье наше налагаетъ на насъ и великую отвѣтственность и строгую обязанность быть неизмѣнно-достойными той милости и того довѣрія, которыми насъ осчастливилъ Государь! Мы должны отнынѣ стоять не только на-стражѣ Царскаго Престола и служить ему „надежною опорой“, но мы должны стоять и на-стражѣ своего вѣрноподданническаго долга, памятуя данную нами Царю присягу, и ни на шагъ отъ нея не отступать. Мы должны быть еще болѣе строги и требовательны къ себѣ чѣмъ прежде и исполнять данное намъ Государемъ повелѣніе—„*служить для всѣхъ и во всемъ примѣромъ законности и порядка*“.

Вы знаете, какую про насъ враги Россіи распустили клевету: мы де черносотенцы,—погромщики, насильники, изувѣры, человѣконенавистники и чуть не людоѣды. Вы точно такъ же знаете и всю возмутительную ложь этой клеветы. Я вотъ уже третій годъ чуть не ежедневно пишу и говорю вамъ „черносотенныя рѣчи“: ну, слышали-ли вы хоть разъ, хоть единый разъ, чтобъ я васъ, въ открытыхъ или закрытыхъ собраніяхъ, призывалъ къ погромамъ, насиліямъ, къ фанатическимъ преступленіямъ? (*Нѣтъ, нѣтъ, не разу не слыхали*)!

Напротивъ того, я не перестаю отвѣчать тѣмъ изъ васъ, которые жалуются, что мы де „только говоримъ, а ничего не дѣлаемъ“, что мы „не беремъ примѣра съ нашихъ враговъ“, которые де „своими дѣлами наполнили шумомъ всю Россію“,—я постоянно отвѣчаю на такіе упреки, что мы никогда не будемъ брать примѣра съ нашихъ враговъ и никогда не будемъ подражать ихъ „дѣламъ“, ихъ бомбамъ, взрывамъ и грабежамъ. Въ этомъ наша „слабость“, но въ этомъ же и наша сила.

И смотрите: за эти три года они рвались и метались, устраивали гра-

бежи, поджоги, взрывы и убійства, а мы спокойно шли по прямому пути, собирались, говорили и молились, — и на чьей улицѣ теперь праздникъ? У нихъ, насильниковъ, бомбистовъ и поджигателей, или у насъ, которые, по словамъ Царя, „служимъ примѣромъ законности и порядка"? (*У насъ! У насъ!*). Такъ будемте-же и впредь неуклонно держаться того-же прямого пути, зная и ясно видя, къ какимъ онъ насъ приводитъ благимъ цѣлямъ. Развѣ мы не достигли великой и благой цѣли, когда Государь, въ виду нашей дѣятельности, осчастливилъ насъ названіемъ **„истинно-вѣрныхъ Русскихъ, беззавѣтно любящихъ свое Отечество сыновъ"?**

Но Государь возлагаетъ на насъ и другую обязанность: **„сомкнуться еще тѣснѣе и постоянно умножать свои ряды"**.

Что это значитъ? А это, во-первыхъ, значитъ, что мы должны стоять плечо къ плечу, не терпѣть въ своихъ рядахъ ни измѣнниковъ, ни трусовъ, ни шпіоновъ. А во-вторыхъ, это значитъ, что мы должны привлекать въ свои ряды все новыхъ и новыхъ членовъ.

Вотъ вамъ и *дѣло*: пусть каждый изъ васъ къ слѣдующему собранію приведетъ съ собой хоть одного родственника, знакомаго или друга, и наши ряды сразу удвоятся, а затѣмъ съ каждымъ собраніемъ они будутъ точно такъ же удваиваться, а къ пятому собранію они уже удесятерятся!

Теперь вамъ уже легко будетъ исполнить эту Царскую Волю: теперь вѣдь уже не можетъ быть никакихъ сомнѣній относительно правоты и законности вашихъ желаній и дѣйствій. Услышите вы такія сомнѣнія, вамъ только стоитъ показать Царскую телеграмму,—а она теперь уже разошлась въ милліонахъ экземплярахъ по всему Русскому Народу, — и всѣ сомнѣнія сразу исчезнутъ. Всѣ убѣдятся, что мы не погромщики, людоѣды, коль скоро Царь насъ милуетъ названіемъ „вѣрныхъ сыновъ Россіи, беззавѣтно любящихъ свое Отечество", и что мы идемъ не противъ Царя, а съ Царемъ, такъ какъ Онъ Самъ призываетъ насъ служить Ему „надежною опорой".

Но, можетъ-быть, вы натолкнетесь на такихъ „гражданъ", которые вамъ скажутъ, что они „безпартійные", и сошлются даже на пословицу: „моя хата съ краю, я ничего не знаю". А вы имъ скажите:

„Вы, безпартійные, равнодушные! Равнодушные къ чему? Къ судьбѣ своей Родины, къ судьбѣ своихъ дѣтей! Если вы дадите разгорѣться всеобщему революціонному пожару, то и ваша хата сгоритъ, съ какого бы края она ни стояла. Быть безпартійнымъ въ настоящую критическую минуту, когда рѣшается судьба Россіи, значитъ быть преступникомъ передъ Родиной и ослушникомъ передъ Царемъ".

Вотъ чтó вы скажите этимъ безпартійнымъ, и если у нихъ есть Русская совѣсть, если въ нихъ есть малѣйшій прокъ, они воспрянутъ духомъ и пойдутъ съ вами въ Союзъ Русскаго Народа, чтобы служить „надежною опорой" Царскому Престолу и всей Россіи.

Но этого мало. Высочайшая телеграмма устранила навсегда и всѣ тѣ сомнѣнія, которыя могли возникать у лицъ, власть имѣющихъ, относительно законности и правомѣрности Союза Русскаго Народа.

Уже раньше, *до* этого столь яснаго выраженія Высочайшей Воли, многіе высшіе представители гражданской, военной и духовной власти

относились къ Союзу Русскаго Народа съ полнымъ сочувствіемъ и довѣріемъ, становясь въ его ряды и даже въ его главу.

Но многія начальствующія лица выражали нашему Союзу холодное, бюрократическое равнодушіе, а иные даже преслѣдовали его, вѣря еврейскимъ пасквилямъ и клеветамъ и считая насъ, съ большею или меньшею искренностью, „революціонерами справа" и „врагами Царя", Который-де отрекся отъ Самодержавія и Самъ надѣлъ на Себя конституціонныя оковы!

Теперь наши духовные, гражданскіе и военные администраторы ничего подобнаго думать не могутъ. Теперь они *обязаны* не препятствовать, а *содѣйствовать* намъ въ исполненіи нами Царской Воли „служить надежною опорой" Царю и съ этою цѣлью „тѣснѣе сплачиваться" и „умножать наши ряды".

Теперь вѣдь для всѣхъ является неопровержимою истиной, что Царь съ нами, что Царь съ Союзомъ Русскаго Народа!

А потому пусть всѣ помнятъ, что идти противъ Царя—значитъ идти противъ Союза Русскаго Народа, а идти противъ Союза Русскаго Народа — значитъ идти противъ Царя! (*Ура! Ура! Вѣрно! Съ нами Царь! Съ нами Богъ!*).

Когда можно будетъ признать крамолу прекращенною? *)

Люди православные!

Позвольте мнѣ, на этотъ разъ, начать свою рѣчь съ самого себя. (*Говорите! Просимъ просимъ!*)

Вы, вѣроятно, помните, что задолго еще, до роспуска Второй Думы, я ежедневно печаталъ во главѣ своей газеты:

„*А прежде всего Государственная Дума должна быть распущена*". (*Какъ же! Помнимъ!*)

Я этими словами хотѣлъ сказать, что, прежде чѣмъ приступить къ какимъ-нибудь реформамъ, въ которыхъ такъ нуждается Россія, необходимо распустить Думу, съ которой,—говорилъ я,—никакой каши сварить нельзя. (*Смѣхъ.*) Вѣдь ей не реформы нужны, а нужна революція, а потому она самыя полезныя реформы всегда сумѣетъ до такой степени испакостить, что онѣ не пользу принесутъ Россіи, а величайшій вредъ (*Вѣрно! Вѣрно! Какая-же польза отъ такой Думы?*)

Въ Петербургѣ мое ежедневное, неотступное требованіе роспуска Думы очень не понравилось.

Во-первыхъ, тамъ все надѣялись, что Думу-бяку можно будетъ перевоспитать въ Думу-паиньку. (*Смѣхъ.*) Во-вторыхъ, если уже пришлось распустить ее, негодную, то Петербургу хотѣлось доказать, что роспускъ этотъ произошелъ потому, что она *лишь въ послѣднюю минуту* вдругъ оказалась почему-нибудь негодною, — тогда какъ я доказывалъ, что она была до невозможности отвратительна *съ перваго-же дня ея существованія*, и что поэтому народныя деньги, тратившіяся 101 день на содержаніе

---

*) Рѣчь, произнесенная 29 іюня 1907 года, на Павлово-Посадскомъ Собраніи Русской Монархической Партіи.

этого революціоннаго табора, были истрачены не на пользу Государству, а въ прямой ему вредъ и на пользу крамолы, *(Это вѣрно! Даромъ брошены денежки!)*

На 102-й день Петербургъ, наконецъ, понялъ эту истину, и я могъ объявить въ своей газетѣ:

„Дума распущена“! (*Слава Богу! Туда ей и дорога!*)

Но на другой же день я поставилъ и съ тѣхъ поръ ежедневно повторяю другое требованіе:

„А теперь прежде всего необходимо прекратить крамолу“! (*Вѣрно! Долой крамолу!*)

Друзья меня увѣряютъ, что я этими словами „выражаю желаніе Русскаго Народа“. Не знаю. Ни я, ни кто другой, не имѣетъ права говорить отъ имени Русскаго Народа, отъ имени этого сфинкса, загадокъ котораго никто разгадать не можетъ. Я говорю только свое личное мнѣніе, предлагая кому угодно присоединиться къ нему.

Впрочемъ, мое мнѣніе основано за коренномъ требованіи нашей Монархической программы, въ которой съ 1905 года неизмѣнно и прямо говорится:

„Первою, по времени, задачей является прекращеніе внутренней смуты, такъ какъ никакія реформы, въ которыхъ такъ нуждается Россія, не могутъ принести благихъ плодовъ, коль скоро онѣ будутъ производиться подъ натискомъ теперешняго революціоннаго движенія“. (*Какія-жъ тутъ реформы, коли бомбы трещатъ?*)

Но, не возражая мнѣ по существу, иные меня упрекаютъ въ томъ, что я высказалъ это требованіе не разъ или два, а *ежедневно* его ставлю во главѣ своей газеты. Вотъ что̀ они мнѣ говорятъ:

— Можно было ежедневно требовать разгона Думы, такъ какъ рано или поздно она была бы разогнана, и въ этотъ день можно было бы снять это требованіе съ заголовка газеты. Но какъ узнать тотъ день, когда можно будетъ сказать съ такою же увѣренностью: „крамола прекращена“, съ какою можно было сказать: „Дума распущена“?

— Какъ?— отвѣчаю я, — вы думаете, что крамола никогда не прекратится?

— Нѣтъ, она, конечно, когда-нибудь прекратится, но не сразу, а постепенно, такъ что нельзя будетъ уловить тотъ моментъ, когда можно будетъ сказать, что она прекращена.

— Будто ужъ нельзя? Хотя меня не столько интересуетъ этотъ „моментъ“, сколько признаніе Правительствомъ той истины, что пока оно властною рукой не прекратитъ крамолы, вся его реформаторская дѣятельность, какъ безъ Думы, такъ и въ особенности съ Думой, останется тщетною,—мы съ вами все-таки, я думаю, сумѣемъ установить такіе внѣшніе признаки, по которымъ мы будемъ въ состояніи опредѣлить тотъ „моментъ“, когда мы въ состояніи будемъ съ радостью воскликнуть: „крамола прекращена“!

Вотъ, напримѣръ, одинъ изъ такихъ признаковъ:

Пройдетъ *цѣлый мѣсяцъ*, и мы не прочтемъ въ газетахъ *ни одного* из-

...щетія о гнусныхъ преступленіяхъ гг. „террористовъ", „экспропріаторовъ", „бомбистовъ", „иллюминаторовъ" и прочихъ сердечныхъ друзей гг. кадедовъ,—неужели мы не будетъ въ правѣ сказать, что „терроръ прекратился"? *(Вѣрно, правильно!)*

О, конечно, терроръ, *по оплошности Правительства*, можетъ потомъ снова возобновиться, тогда мы такъ и запишемъ: *„такого-то числа Правительство снова допустило возобновленіе террора"*. Вотъ и все. Тогда мы опять будемъ во всеуслышаніе, ежедневно, повторять, что „прежде всего необходимо прекратить терроръ".

Но хоть одинъ-то мѣсяцъ мы отдохнемъ, хоть одинъ-то мѣсяцъ будетъ нашъ, мѣсяцъ законности и порядка, мѣсяцъ Правительства, стоящаго на высотѣ своего призванія, мѣсяцъ жизни внѣ сферы браунинговъ и бомбъ.

Вѣдь вотъ уже третій годъ какъ мы буквально живемъ отъ бомбы до бомбы. *(Смѣхъ.)* Тактъ нашей жизни ритмически отбивается бомбами. Даже сущность нашихъ партій характеризуется бомбами. Въ самомъ дѣлѣ:

Соціалисты говорятъ: „Долой Самодержавіе! А то *мы* бомбами"!

Кадеты говорятъ: „Долой Самодержавіе! А то *они* бомбами"! *(Смѣхъ! Сами-то трусятъ!)*

Октябристы говорятъ: „Долой Самодержавіе, а то они и насъ бомбами"! *(Хохотъ)*.

А Монархисты говорятъ: „Да здравствуетъ неограниченное Самодержавіе! Оно одно спасетъ Россію отъ всякихъ бомбъ"! *(Вѣрно! Ура! ура! Да здравствуетъ Самодержавіе! Да здравствуетъ Государь!)*

Пусть Правительство дастъ намъ возможность прожить хоть *одинъ только мѣсяцъ* безъ единой бомбы, безъ единаго „политическаго" преступленія,—и мы единодушнымъ хоромъ воспоемъ ему хвалу, объявимъ „крамолу прекращенною" и приступимъ къ мирнымъ своимъ занятіямъ, предоставивъ ему проводить столь необходимыя для Россіи реформы не подъ вѣчнымъ страхомъ предъ крамолой, какъ это было до сихъ поръ, а при разумномъ и спокойномъ взвѣшиваніи и удовлетвореніи истинныхъ, а не мнимыхъ нуждъ изстрадавшейся Россіи!

— Да, скажутъ намъ,—но какъ же это сдѣлать, чтобы цѣлый мѣсяцъ не было террора?

А это уже дѣло Правительства. На то оно поставлено Царемъ: на то оно и вооружено съ ногъ до головы всевозможною властью: на то ему и даны въ изобиліи и матеріальныя средства, и внѣшніе знаки отличія,—чтобъ оно во всемъ Государствѣ поддерживало законность и порядокъ. Вѣдь вы сами знаете, что въ Россіи никогда не было бы революціи, если бы ее искусственно не вызвали князь Святополкъ-Мирскій и графъ Витте. *(Вѣрно! Это все онъ, Полусахалинскій!)*

Но если Правительство дало намъ революцію, Правительство можетъ и взять ее обратно. (Правильно! Намъ ея не надо!)

А *какъ* оно возьметъ ее обратно,—это ужъ его дѣло. Кому много дано, отъ того много и требуется.

Правительство обязано знать, *что* творится въ Россіи, *гдѣ* главные очаги крамольной заразы, въ *чемъ* главныя средства и силы крамольниковъ. Зная это, оно легко можетъ и принимать соотвѣтствующія мѣры къ коренной дезинфекціи этихъ очаговъ и къ обезсиленію крамольниковъ, путемъ отобранія у нихъ тѣхъ ихъ средствъ, которыя ихъ теперь дѣлаютъ сильными.

А средства эти—*печать, школа и судъ*.

Графъ Витте необдуманно или намѣренно-преступнымъ образомъ далъ 17 октября революціонерамъ полную, необузданную свободу печати, —и этимъ на 95% обезпечилъ успѣхъ революціи.

Законъ, который долженъ упорядочить свободу печати, такъ и остался до сихъ поръ неизданнымъ, а для того, чтобы хоть нѣсколько оградить Россію отъ возмутительныхъ государственныхъ преступленій, совершаемыхъ печатью, Правительство не нашло другого исхода, какъ принятіе путемъ циркуляровъ совершенно-исключительныхъ временныхъ мѣръ, предоставляющихъ отдѣльнымъ губернаторамъ и генералъ-губернаторамъ право налагать, по ихъ усмотрѣнію, на газеты болѣе или менѣе тяжкія денежныя и тюремныя кары, за ту или другую статью.

Мѣра эта, конечно, столь же радикальна, сколь и ненормальна уже потому, что она примѣняется различными губернаторами весьма различно.

Гораздо правильнѣе было бы издать не *циркуляръ*, а *законъ* о печати, законъ для всѣхъ равно обязательный.

А такой законъ былъ бы весьма простъ. Вотъ, напримѣръ, какъ *мы*, монархисты, понимаемъ свободу печати:

1) Редакторъ и издатель должны совмѣщаться въ одномъ лицѣ, которое должно быть православнымъ и обладать опредѣленнымъ, достаточно высокимъ, образовательнымъ цензомъ.

2) Газета или журналъ немедленно прекращается, коль скоро она:

а) нападаетъ на Православную Церковь или на Самодержавную Царскую Власть;

б) восхваляетъ какое бы то ни было преступленіе или къ нему подстрекаетъ;

в) содѣйствуетъ нравственному развращенію народа.

3) *Во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ печать должна быть совершенно свободна*, въ особенности въ критикѣ Правительства и въ разоблаченіи бюрократическихъ злоупотребленій вплоть до привлеченія къ суду высшихъ лицъ администраціи. (Такъ *мы* понимаемъ „министерскую отвѣтственность“).

4) За всякую *ложь* и *клевету*, допущенную газетой или журналомъ и *изобличенную* на судѣ, редакторъ-издатель подвергается тяжелымъ денежнымъ карамъ, а по третьему разу провинившееся изданіе навсегда прекращается, изобличенному же во лжи редактору-издателю запрещается когда-либо снова прикасаться къ печати. (*Вотъ это такъ! Не ври!*).

Такой законъ Правительство можетъ издать хоть завтра, и у крамолы будетъ отнято главное орудіе преступной пропаганды.

Смотрите, напримѣръ: тяжкіе денежные штрафы налагаются теперь на

тѣ газеты, которыя упрекаютъ Правительство въ незаконномъ, будто бы, распущенія Думы,—а тяжкія оскорбленія, наносимыя, напримѣръ, православному духовенству, остаются совершенно безнаказанными.

Вотъ я недавно былъ въ Саратовѣ и узналъ о слѣдующемъ возмутительномъ случаѣ:

Въ одной изъ тамошнихъ красныхъ газетъ напечатана была статья „*Попъ людоѣдъ*“, въ которой передавался совершенно невѣроятный разсказъ о томъ, что такой-то священникъ, такого-то села, *загрызъ* (!?) своего работника, который затѣмъ пошелъ де въ такую-то аптеку, гдѣ ему какой-то провизоръ наложилъ де первую повязку и заявилъ, что нужно освидѣтельствовать зубы священника, не заразили ли они чѣмъ-нибудь несчастную жертву „каннибала“. А затѣмъ къ этой наглой лжи въ газетѣ присоединена была замѣтка въ такомъ смыслѣ, что „до чего де мы дожили, если попы уже начинаютъ набрасываться на людей и загрызать ихъ“! (*Какая гадость! Это навѣрное жиды написали.*)

Оклеветанный священникъ бросился въ аптеку: оказывается, что никогда никто не обращался къ провизору съ вышеупомянутою просьбой, и никогда провизоръ не налагалъ повязокъ на такія раны, и никогда такихъ словъ не говорилъ,—въ чемъ и выдалъ батюшкѣ удостовѣреніе.

Священникъ обратился въ редакцію оклеветавшей его газеты, но она рѣшительно отказалась напечатать опроверженіе возведенной ею на уважаемаго пастыря клеветы, не отрицая того, что разсказъ вымышленъ.

Тогда батюшка привезъ свое опроверженіе въ Саратовскую монархическую газету „*Волга*“, которая напечатала это опроверженіе въ сокращенномъ видѣ, посовѣтовавъ автору привлечь клеветниковъ къ суду. Узнавъ объ этомъ, негодяи пригрозили „опалить“ священника, если онъ только посмѣетъ на нихъ жаловаться, и несчастный, подъ давленіемъ своей семьи, согласился молчать и терпѣть, — и теперь во всемъ уѣздѣ его ославили, какъ „попа-людоѣда“. (*Какіе мерзавцы!*)

Я васъ спрашиваю: терпимо ли такое издѣвательство надъ личностью православнаго пастыря? (*Нѣтъ, этого терпѣть нельзя!*)

Мало того: терпима ли безнаказанность такого издѣвательства? (*Нѣтъ! Непремѣнно нужно наказать!*)

Вотъ скоро начнется зловредная выборная горячка: подумайте только, какіе польются потоки безнаказанной лжи и клеветы со страницъ красныхъ газетъ!

Нѣтъ, пока не будутъ введены опредѣленные, всѣмъ извѣстные, для всѣхъ равные законы о печати, подобные тѣмъ, которые я вамъ вкратцѣ изложилъ, — крамола будетъ пользоваться газетами для своей пропаганды, для умственнаго и нравственнаго растлѣнія народа, и революціонное движеніе будетъ попрежнему у насъ развиваться и процвѣтать. (*Вѣрно!*)

А наша *школа*? Вѣдь и тутъ нужна, для спасенія нашихъ дѣтей, а съ ними вмѣстѣ и всей Россіи, такая же простая, радикальная мѣра, которую вовсе не такъ трудно ввести Правительству.

П. А. Столыпинъ въ прошломъ году разослалъ, какъ извѣстно, циркуляръ, запрещающій лицамъ, состоящимъ на государственной службѣ, принадлежать къ революціоннымъ партіямъ. Всѣ вѣдомства подчинились этому циркуляру, *за исключеніемъ Вѣдомства Народнаго Просвѣщенія*! А между тѣмъ именно оно-то и должно было прежде всѣхъ другихъ изгнать изъ своего состава всѣхъ революціонеровъ, кадетовъ и соціалистовъ. (*Вѣрно! Вѣрно*)! Пусть Министръ Народнаго Просвѣщенія подчинится циркуляру своего шефа П. А. Столыпина, и мы сразу достигнемъ оздоровленія нашихъ школъ и вырвемъ ихъ изъ рукъ крамолы. (*Долой крамолу!*)

О нашемъ *судѣ* я ужъ не говорю. Вы сами знаете, какъ быстро онъ могъ бы, *если бы захотѣлъ*, положить конецъ крамолѣ!

А если бы того же захотѣлъ и Святѣйшій Сѵнодъ и всѣ наши владыки,—изъ коихъ уже многіе возвысились до истиннаго пониманія своего великаго призванія въ настоящее критическое время,—если-бъ и всѣ остальные послѣдовали ихъ доблестному примѣру, то совершилось бы великое дѣло! Въ ихъ рукахъ спасеніе народа, отъ нихъ зависитъ рѣшительный поворотъ его отъ революціи къ законности и порядку! Если бы вся наша духовная рать присоединилась съ тою-же рѣшительностью къ намъ, Монархистамъ, съ какою къ намъ нынѣ присоединился Государь Императоръ, если-бъ она выступила съ такимъ же обличительнымъ словомъ противъ крамолы, съ какимъ сегодня выступилъ предъ вами протоіерей Восторговъ,—намъ не пришлось бы долго ждать того момента, когда мы съ вами, сотворивъ благодарственную Господу Богу молитву, воскликнемъ: „*Крамола прекращена*!“ (*Да будетъ такъ*! *Да сгинетъ крамола*! *Да здравствуетъ Царь*! *Ура*! *Боже, Царя храни*!)

М. Н. Катковъ.

Двадцать лѣтъ уже прошло съ того скорбнаго дня, какъ мы предали землѣ тѣло незабвеннаго редактора *Московскихъ Вѣдомостей* Михаила Никифоровича Каткова, но мощный духъ великаго патріота остался среди насъ полный жизненной силы, и онъ останется таковымъ, пока жива Россія.

Болѣе тридцати лѣтъ Михаилъ Никифоровичъ неустанно указывалъ на грозившія Россіи опасности, которыя онъ видѣлъ своимъ прозорливымъ умомъ и которыхъ не видѣли его современники. Они смѣялись надъ его вѣщимъ словомъ, обвиняя его въ томъ, что онъ на каждомъ шагу видитъ признаки грядущей революціи, которая-де „въ Россіи не возможна“.

М. Н. Катковъ указывалъ на тѣ мѣры, которыми могла быть предотвращена у насъ революція, но никто пророчеству Каткова въ Петербургѣ не хотѣлъ вѣрить, а потому и предлагавшіяся имъ мѣры оставались втунѣ.

Петербургъ не оцѣнилъ великаго пророчества Московскаго трибуна, а потому, когда на самомъ дѣлѣ явилась революція, оказалось, что „ея никто не ожидалъ“, и никто къ ней не готовился.

Когда, двадцать лѣтъ тому назадъ, Катковъ скончался, вся Петербургская бюрократія вздохнула свободно, такъ какъ съ ея пути исчезъ непримиримѣйшій ея врагъ, имѣвшій всегда доступъ къ Государю и разрывавшій тѣ чиновничьи сѣти, которыми Петербургъ старался опутать Государя.

И вотъ бюрократія приняла всѣ мѣры къ тому, чтобы память Каткова исчезла въ Петербургѣ, и чтобы Россія пустилась на всѣхъ парахъ по направленію къ той бездонной революціонной пропасти, на краю которой она теперь стоитъ.

Въ самомъ дѣлѣ, начало нашей революціи слѣдуетъ пріурочить къ 20 іюля 1887 года, когда, съ уходомъ Каткова съ исторической сцены Россіи, сошелъ съ нея тотъ великій государственный умъ, который свѣтилъ яркимъ маякомъ, указывая путь Русскому Народу среди бушующихъ волнъ и подводныхъ скалъ.

Только-что введенный тогда, по настоянію М. Н. Каткова, Университетскій Уставъ 1885 года, который давалъ полную возможность изгнать изъ нашихъ высшихъ школъ всякую крамолу и превратить ихъ въ истинные храмы серіозной науки,—этотъ Уставъ былъ немедленно, уже съ сентября 1887 года, подвергнутъ такимъ намѣреннымъ измѣненіямъ и искаженіямъ, какъ со стороны крамольныхъ профессоровъ, такъ и со стороны мирволившаго имъ Петербурга, что можно прямо сказать: Университетскій Уставъ 1885 года *никогда не дѣйствовалъ* въ томъ видѣ, какимъ онъ являлся въ представленіи его создателей; съ перваго же дня его введенія онъ сталъ систематически нарушаться и разрушаться, и, черезъ годъ послѣ кончины М. Н. Каткова, въ нашихъ университетахъ *никакого устава не дѣйствовало*, а царила та анархія, среди которой свила себѣ прочное гнѣздо университетская крамола, проповѣдовавшая съ высоты якобы научныхъ каѳедръ войну противъ Царскаго Самодержавія. Крамола эта все время добивалась и, наконецъ, въ 1905 году добилась той автономіи, которая такъ нужна была нашему „освободительному движенію“, чтобы изгнать изъ университетовъ послѣдніе слѣды науки и превратить ихъ въ неприступныя крѣпости и арсеналы кадетско-соціалистическаго кроваваго мятежа.

Россія могла избѣгнуть революціи, если бы послушалась великихъ пророческихъ предостереженій Каткова. По своему невѣроятному легкомыслію и невѣжеству, она этого не сдѣлала и стремглавъ бросилась по пути, совершенно противоположному той прямой исторической дорогѣ, которую ей указывалъ Катковъ.

Теперь Россія начинаетъ понимать свою ошибку, начинаетъ цѣнить ту государственную мудрость великаго патріота, отъ которой она такъ преступно, двадцать лѣтъ тому назадъ, отвернулась.

Каткова среди насъ нѣтъ, но идея его жива,—идея Россіи, впервые имъ ясно понятая и ясно выраженная въ его геніальныхъ передовыхъ статьяхъ.

Мы теперь, въ сущности, въ своихъ рѣчахъ и воззваніяхъ повторяемъ лишь то, что двадцать-тридцать лѣтъ тому назадъ писалъ Катковъ.

А потому, если въ настоящее время крамола начинаетъ отступать предъ торжественнымъ шествіемъ Русскаго Народа во главѣ со своимъ Царемъ,—Народа, на собственномъ опытѣ познавшаго свои заблужденія и всю истину Катковскихъ идей, то, вѣдь, въ сущности, начинающаяся побѣда надъ крамолой принадлежитъ этимъ безсмертнымъ идеямъ. Она принадлежитъ Михаилу Никифоровичу Каткову, хотя мы уже двадцать лѣтъ тому назадъ похоронили его бренные останки, сохранивъ въ вѣчной памяти его безсмертный духъ, его вѣру въ Бога, его преданность къ Царю и его любовь къ Россіи.

Новый шагъ къ объединенію Русскаго Народа.

Въ Москвѣ только что закончился Первый Всероссійскій Съѣздъ предсѣдателей губернскихъ совѣтовъ Союза Русскаго Народа и другихъ монархическихъ обществъ, засѣдавшихъ съ утра до поздней ночи въ теченіе пяти дней съ 15 до 19 іюля.

Цѣль этого Съѣзда была чисто-дѣловая, и ради этого Главный Совѣтъ Союза Русскаго Народа пригласилъ изъ каждой губерніи лишь по *одному* представителю, дабы работа Съѣзда не затягивалась на слишкомъ долгое время, что неизбѣжно бываетъ при чрезмѣрно-многочисленномъ собраніи.

Эта мѣра увѣнчалась полнымъ успѣхомъ.

Съѣхавшіеся со всѣхъ концовъ Россіи члены Съѣзда имѣли возможность близко ознакомиться другъ съ другомъ и придти во всѣхъ политическихъ и тактическихъ вопросахъ къ полному единогласію.

Само собою разумѣется, что этому столь отрадному успѣху Съѣзда содѣйствовали, главнымъ образомъ, сочувствіе и довѣріе Государя Императора, выраженныя Союзу Русскаго Народа во Всемилостивѣйшей телеграммѣ Его Величества въ незабвенный день 3 іюня.

Телеграмма эта вдохнула новую жизнь въ Союзъ Русскаго Народа и увеличила бодрость и энергію всѣхъ его членовъ. Весь Съѣздъ находился подъ обаяніемъ этой Царской Милости, и все время всѣ помыслы его направлены были къ тому, чтобы Союзъ Русскаго Народа оставался достойнымъ Царскаго довѣрія и неуклонно стремился къ его оправданію.

Такъ какъ Государь Императоръ призвалъ Союзъ Русскаго Народа быть Ему „надежною опорой", а съ этою цѣлью „еще тѣснѣе сплотиться и постоянно умножать свои ряды",—то работа Съѣзда была направлена къ тому, чтобы во всѣхъ отношеніяхъ исполнить Царскую Волю.

Для того, чтобы Союзъ Русскаго Народа дѣйствительно былъ „надежною опорой" Государю Императору, Съѣздъ прежде всего устранилъ отъ Союза всякое соприкосновеніе съ тѣми „конституціонными" партіями, которыя могутъ внести лишь смуту и шатаніе въ ряды приверженцевъ Неограниченнаго Самодержавія Русскаго Царя.

Если на III и IV Всероссійскихъ Съѣздахъ Объединеннаго Русскаго Народа еще допускались отдѣльныя соглашенія съ „октябристами" и „правопорядковцами" для избранія того или другого лица, близко подходящаго по своимъ убѣжденіямъ къ Союзу Русскаго Народа,—то настоящій Съѣздъ самымъ рѣшительнымъ образомъ единогласно отвергъ какое бы то ни было

соглашеніе съ какою бы то ни было конституціонною партіей, въ особенности же съ такъ-называемымъ „Союзомъ 17-го октября“.

Постановленіе это обязательно во всей Россіи для всѣхъ Отдѣловъ Союза Русскаго Народа; такимъ образомъ кладется окончательный предѣлъ всякимъ сомнѣніямъ и недоумѣніямъ: „октябристы“ для насъ такіе же враги, какъ и „кадеты“, такъ какъ они отвергаютъ то, что для Русскаго Народа всего дороже послѣ Православной Вѣры—неограниченное Самодержавіе Русскаго Царя.

Въ этомъ отношеніи насъ отъ нихъ отдѣляетъ цѣлая пропасть, тогда какъ отъ „кадетовъ“ „октябристы“ отдѣляются лишь маленькою канавкой, черезъ которую наведены сотни мостовъ. Если же насъ увѣряютъ, что въ томъ или другомъ провинціальномъ углу существуютъ какіе-то особые „октябристы“, „которые-де ничѣмъ не отличаются отъ монархистовъ, но только стыдятся открыто записаться въ ихъ ряды“, то какъ же мы можемъ подавать за нихъ голоса? Намъ нужны, въ великой предстоящей намъ борьбѣ, одни только прямые, искренніе люди, люди съ яснымъ умомъ и твердымъ характеромъ, не стыдящіеся своихъ монархическихъ убѣжденій, а открыто ихъ высказывающіе,—люди, у которыхъ слово не расходится съ дѣломъ, а не жалкіе, дряблые людишки, хромающіе на оба колѣна, желающіе угодить и нашимъ, и вашимъ, и вѣчно перебѣгающіе изъ одного лагеря въ другой.

Можемъ ли мы служить Государю „надежною опорой“, если мы, связавшись съ „октябристами“, сойдемъ съ нашего твердаго вѣкового пути и попадемъ въ то топкое болото, въ которомъ такъ жалко и такъ глупо копошатся „октябристы“?

Эту великую истину всѣ, безъ исключенія, монархисты впервые ясно поняли, на только что закрывшемся Московскомъ Съѣздѣ. Вотъ почему впервые и получилось такое единодушное и единогласное рѣшеніе: *нигдѣ, ни въ какомъ случаѣ и ни при какихъ условіяхъ не подавать нашихъ голосовъ никому изъ „октябристовъ“, какъ бы онъ ни распинался въ своемъ „монархизмѣ“.*

Ни для кого не можетъ быть скрыто великое значеніе этого принятаго Съѣздомъ шага, ведущаго къ болѣе ясному самосознанію Союза Русскаго Народа, и къ тому „болѣе тѣсному сплоченію“, котораго отъ него требуетъ Государь.

Къ той же цѣли ведетъ и другой важный шагъ Московскаго Съѣзда: окончательная его организація во всѣхъ частяхъ необъятной Россійской Имперіи.

Организація эта являлась уже давно необходимою потребностью для Союза въ виду неимовѣрно-быстраго роста его губернскихъ, уѣздныхъ и сельскихъ отдѣловъ. Необходимо было установить ихъ взаимное соотношеніе и іерархическое подчиненіе.

Къ рѣшенію этой трудной задачи приступали и III Кіевскій, и IV Московскій Всероссійскіе Съѣзды, проложившіе дорогу къ правильному рѣшенію этого сложнаго вопроса. Окончательное его рѣшеніе совершилось нынѣ на Московскомъ Съѣздѣ, — и теперь всѣ отдѣлы Союза Русскаго

Народа и другія единомышленныя ему организаціи будутъ бороться въ единомъ стройномъ порядкѣ, защищая священные завѣты Русскаго Народа.

Московскій Съѣздъ принялъ цѣлый рядъ постановленій, изъ коихъ нѣкоторыя, подлежащія оглашенію, напечатаны въ 167-мъ нумерѣ нашей газеты. Другія, касающіяся вышеупомянутой борьбы и тактическихъ ея пріемовъ, само собою разумѣется, во всеобщее свѣдѣніе оглашены быть не могутъ, и будутъ сообщены лишь предсѣдателямъ губернскихъ Отдѣловъ Союза Русскаго Народа.

Кромѣ этихъ вполнѣ законченныхъ трудовъ, Съѣздъ намѣтилъ цѣлый рядъ весьма важныхъ вопросовъ, поручивъ ихъ разрѣшеніе особымъ коммиссіямъ при Главномъ Совѣтѣ Союза Русскаго Народа по установленной Съѣздомъ программѣ. Такъ, между прочимъ, будутъ организованы коммиссія финансовая, коммиссія для выясненія крупныхъ недостатковъ новаго избирательнаго закона и коммиссія для разработки и легализаціи особаго Устава для тѣхъ многочисленныхъ мусульманъ, которые желаютъ примкнуть къ Союзу Русскаго Народа, а также и другія коммиссіи для разрѣшенія иныхъ чрезвычайно важныхъ вопросовъ, окончательное рѣшеніе которыхъ будетъ предложено имѣющему собраться въ Петербургѣ Второму Всероссійскому Съѣзду предсѣдателей губернскихъ совѣтовъ Союза Русскаго Народа и другихъ монархическихъ организацій.

Такимъ образомъ Союзъ Русскаго Народа идетъ изъ силы въ силу, и только что закончившійся Московскій Съѣздъ несомнѣнно останется въ его исторіи знаменательнымъ событіемъ, положившимъ начало къ его новой, дружной и плодотворной дѣятельности подъ сѣнью Монаршаго сочувствія и довѣрія.

Хвала евреямъ *).

Я увѣренъ, люди Православные, что вы удивитесь заглавію моей рѣчи: „Хвала евреямъ".

Такую рѣчь могъ бы произнести соціалистъ, кадетъ, октябристъ. Но за что же монархистъ станетъ хвалить евреевъ?

Есть, однако, кое-что и въ евреяхъ хорошее, за что даже и мы, монархисты, можемъ ихъ похвалить. Въ самомъ дѣлѣ, какъ не можетъ быть человѣка, состоящаго изъ однихъ только недостатковъ и пороковъ, точно такъ же не можетъ быть и цѣлаго племени, отличающагося одними лишь пороками и недостатками.

Будемъ же справедливы къ этому „несчастному" народу, разсмотримъ ближе „угнетаемыхъ" нами евреевъ и постараемся найти въ нихъ тотъ алмазъ, за который, до извѣстной степени, можно будетъ простить имъ и ту среду, въ которую алмазъ этотъ оказался закрытымъ.

Я однажды уже имѣлъ случай указать на ту выдающуюся роль, которую евреи сыграли и доселѣ играютъ въ русской революціи. Вся эта революція была вызвана и затѣяна евреями съ тою главною цѣлью, въ ко-

---

*) Рѣчь, произнесенная 1 іюля 1907 года, на Собраніи Смоленскаго Союза Русскаго Народа.

торой они стремятся въ Россіи добыть себѣ во всѣхъ отношеніяхъ полное равноправіе съ православными Русскими людьми.

Хотя это „равноправіе“ вожаки „освободительнаго движенія“ и не ставятъ во главу своей программы, — они очень хорошо знаютъ, что Русскіе люди, послѣ такого „разительнаго“ перваго „пункта“ программы, уже не стали бы читать остальныхъ ея „пунктовъ“,—хотя, говорю я, равноправіе евреевъ замаскировано въ революціонной программѣ другими, болѣе обширными и пустозвонными, но менѣе позорными требованіями, но вѣдь въ этомъ пріемѣ проявляется обычная еврейская уловка.

Они, какъ извѣстно, любятъ загребать жаръ чужими руками, а въ особенности они любятъ, чтобы Русскіе таскали имъ изъ огня тѣ каштаны, которыми они потомъ будутъ лакомиться, глумясь и издѣваясь надъ нашею простотою.

Что имъ надо? Имъ надо окончательно поработить насъ. А поработить насъ они могутъ только тогда, когда имъ будетъ даровано полное равноправіе, то-есть полная свобода на пространствѣ всей Россіи высасывать жизненные соки Русскаго Народа. Вотъ они и говорятъ Русскимъ людямъ:

„У васъ, бѣдные, бѣдные Русскіе люди, нѣтъ ни одной чуточки свободы. И за что же вамъ такое несчастье? Хотите, мы вамъ немножечко поможемъ? Мы вамъ дадимъ и денегъ, и бомбочки, и всякіе паспорты, а вы смѣло идите впередъ и требуйте себѣ *всѣ, всѣ* свободы, только и насъ не забывайте, мы же ваши благодѣтели! Мы — люди скромные, тихіе, мы сами въ драку не полѣземъ, а вы за насъ поратуйте и намъ, несчастненькимъ, добудьте тоже свободочки. Вы даже не называйте насъ, а такъ просто скажите: „дайте свободы *всѣмъ, всѣмъ*, безъ различія вѣры и крови“. А какъ дадутъ всѣмъ свободу, она сама собою упадетъ и на нашу долечку, а больше намъ ничего и не надо! Мы вѣдь люди маленькіе, дайте намъ чуточку чего-нибудь, и мы вамъ вѣкъ будемъ благодарны. А насчетъ гелда, бомбочекъ и разныхъ документиковъ, вы, пожалуйста, не стѣсняйтесь, берите сколько вамъ надо, у насъ этого товару завсегда имѣется хорошій запасецъ. Вотъ говорятъ, что мы жадные. И совсѣмъ неправда! Мы вамъ все, все дадимъ, мы вамъ милліоны дадимъ для вашего счастья, для вашей свободы. А вы требуйте только *всѣхъ* свободъ для *всѣхъ*, кто живетъ въ Россіи. Намъ больше ничего, ничего не надо. Мы люди тихіе, мы люди скромные! *Намъ* только свободочки и равноправьица, а все остальное *вамъ, вамъ*, бѣдные Русскіе люди!

А про себя они говорятъ: „Дайте намъ только свободу, тогда все ваше будетъ наше. А больше намъ ничего не надо“.

Вотъ откуда пошла вся наша революція! Безъ еврейскихъ денегъ она никогда и начаться бы не могла. А развѣ евреи даромъ деньги даютъ? Они потому-то и даютъ свои милліоны нашимъ революціонерамъ, чтобы тѣ имъ добыли еврейское равноправіе, полную евреямъ свободу всюду грабить Русскій Народъ „на законномъ основаніи“: тогда „бѣдные“ евреи вернутъ себѣ эти милліоны сторицей.

И не разъ подсылали они къ нашему Правительству своихъ агентовъ и комиссіонеровъ.

„Дайте только евреямъ равноправіе“, — говорили они, — „и тотчасъ-же кончится вся эта революція, которая вамъ стоитъ столько денегъ и хлопотъ и ведетъ Россію къ банкротству. Дайте евреямъ равноправіе, и вся революція сразу рухнетъ, потому что она только и держится нашими милліонами, а мы эти милліоны перестанемъ давать вашимъ революціонерамъ, а будемъ давать ихъ вамъ, Русскому Правительству. Всѣ еврейскія биржи въ Берлинѣ, Лондонѣ и Парижѣ будутъ къ вашимъ услугамъ, заключайте займы сколько вамъ угодно. Намъ самимъ выгоднѣе и надежнѣе имѣть дѣло съ вами, съ Русскимъ Правительствомъ, чѣмъ съ какими-то хулиганами, бомбистами и русскими профессорами, которые насъ увѣряютъ, что они скоро будутъ министрами, а на самомъ дѣлѣ, того и гляди, что подъ судъ попадутъ. Намъ самимъ выгоднѣе, чтобы въ Россіи скорѣе насталъ порядокъ и процвѣтали промышленность и торговля: тогда евреямъ можно будетъ безо всякаго риска дѣлать свои гешефты. Но для этого имъ нужно равноправіе. Итакъ выбирайте: либо вы намъ дадите равноправіе, и революція тотчасъ-же прекратится, ибо вся она въ нашихъ рукахъ: либо мы добьемся нашего равноправія черезъ революцію, и тогда вамъ бѣда“.

И не думайте, что я сочинилъ эти слова. Съ ними, я знаю доподлинно, обращались еврейскіе ходатаи къ нашему Правительству. Вы сами видите, сколько лести, сколько соблазна, сколько злостныхъ угрозъ въ этихъ лукавыхъ словахъ Мефистофеля-искусителя. Соблазнился этими словами графъ Витте, и не онъ одинъ. Россія уже была обречена на продажу евреямъ, если бы не Русскій Царь, Которому, разумѣется, благо Русскаго Народа дороже всякихъ еврейскихъ милліоновъ. Онъ велѣлъ отойти отъ Себя Сатанѣ-Искусителю, не расширилъ правъ еврейскихъ, не далъ имъ въ окончательную кабалу Русскаго Государства, и рѣшилъ безъ нихъ побороть революцію, опираясь на Свой Православный Русскій Народъ!

Широко задумали евреи свои революціонные планы: Правительство они рѣшили обольстить или запугать; легкомысленную интеллигенцію они двинули въ крамолу, назвавъ ее „освободительнымъ движеніемъ“; рабочихъ они стали соблазнять соціалистическими бреднями, а крестьянъ—лживыми обѣщаніями даровой земли. Никого, кажись, не забыли. Анъ—главное они и проглядѣли.

Лукавый, вѣдь, извѣстно, какъ онъ ни хитри, а всегда чего-нибудь да не доглядитъ.

И вотъ евреи обо всемъ подумали, все разочли, а забыли только про самую малость:—про Русскаго Царя и про Русскій Народъ, про насъ съ вами, Православные.

Мы здѣсь съ вами, конечно, не можемъ повторять тѣхъ гнусныхъ словъ, какими евреи осмѣлились говорить про нашего Царя, пока они не узнали Его твердой Воли. А вотъ что̀ они говорили про насъ съ вами— это мы должны не только знать, но и вѣчно помнить.

„Если и есть“, говорили они, „какой-то тамъ Русскій Народъ, то его все равно, что нѣтъ: *онъ спитъ*. И спитъ онъ такъ крѣпко, что мы пере-

вернемъ всю Россію вверхъ дномъ, а онъ этого и не замѣтитъ. Когда онъ проснется, тогда въ Россіи уже и Царя не будетъ, и Церкви Православной не будетъ, а будемъ одни мы хозяйничать во всемъ государствѣ и держать весь Русскій Народъ въ крѣпкихъ, желѣзныхъ цѣпяхъ! Вотъ-то они удивятся, эти русскіе простофили, эти русскіе дураки, которые теперь спятъ мертвецкимъ сномъ и не чуютъ грядущаго на нихъ рабства".

Нѣтъ! Ошиблись вы, господа Винаверы, Пергаменты, Гессены и прочіе Ицки, Мойшки, Фрумки и Гершки! Во-время проснулся Русскій Народъ. Вы сами разбудили его тѣмъ гнуснымъ шабашомъ, который вы устроили 17 октября, покрывъ всю Россію кровавыми флагами и огласивъ ее криками: „долой Царя", „долой Самодержавіе!" Во-время всталъ онъ, перекрестился и уже 18 октября положилъ конецъ вашей возмутительно-гнусной затѣѣ. Вы думали застать его врасплохъ, ошеломить его „совершившимся фактомъ", замутить его здравый умъ вашимъ „освободительнымъ" лганьемъ? Какъ же мало вы его знаете!

Да, онъ теменъ, онъ неопытенъ, онъ пойдетъ за вашими соблазнителями куда угодно и будетъ даже повторять, какъ попугай, всякія незнакомыя ему слова подъ вашу дудку. Но коснитесь только Православной Вѣры, отзовитесь неуважительно о Самодержавномъ Русскомъ Царѣ,—и Русскій Народъ немедленно воспрянетъ во весь свой ростъ, отшатнется отъ васъ, какъ отъ нечистаго, и такъ или иначе положитъ конецъ вашему богохульству и цареотступничеству.

О, вы многое знаете, вы все изведали, все испытали, вы насквозь знаете и наше Правительство, и нашу интеллигенцію, и нашу бюрократію,—но Русскаго Царя и Русскаго Народа вы не знаете. Вы можете одурманить и русскаго рабочаго, и русскаго крестьянина, вашими мошенническими посулами. Но не думайте, что онъ уже весь вашъ: онъ въ глубинѣ своей души остается Русскимъ православнымъ человѣкомъ, и когда вы захотѣли повести его противъ Церкви и Царя, онъ сразу понялъ, съ кѣмъ онъ имѣлъ дѣло; онъ сразу почувствовалъ въ себѣ голосъ своей русской православной совѣсти, и онъ тоже крикнулъ вамъ: — „отойди отъ меня, Сатана!" Благодаря вашей безумной, преступной затѣѣ, Русскій Народъ проснулся, благодаря вамъ онъ почуялъ всю свою мощь, благодаря вамъ онъ вспомнилъ о своемъ долгѣ передъ Богомъ и Царемъ, благодаря вамъ онъ сталъ несокрушимою ратью вокругъ Царскаго Престола, благодаря вамъ онъ сокрушитъ всю вашу революцію.

Ясно ли вамъ, теперь, братья православные, за что мы должны, по справедливости, воздать хвалу евреямъ? За то, что они разбудили Русскій Народъ своимъ вызывающимъ нахальствомъ и своею глупостью.

Скажу вамъ прямо: если бы въ русской революціи не участвовало природное еврейское глупое нахальство, она имѣла бы совершенно иной, гораздо болѣе опасный характеръ.

Какъ? Почему?—спросите вы, а я вамъ отвѣчу слѣдующею картиной:

Вотъ что случилось бы послѣ 17 октября, если бы евреи были скромнѣе и умнѣе.

Они сразу прекратили бы затѣянную ими революцію и явились бы въ Петербургъ съ благодарственною депутаціей.

„За дарованныя Русскому Народу свободы мы приносимъ благодарность. Чѣмъ скорѣе и шире будутъ исполняться наши просьбы, тѣмъ скорѣе востановится порядокъ въ Россіи. Смотрите, какая немедленно настала радость и тишина во всей Россіи. Вотъ что̀ значитъ слушать насъ и дѣлать намъ уступки. Вотъ теперь мы просимъ себѣ равноправія; чѣмъ скорѣе мы его получимъ, тѣмъ скорѣе исчезнутъ даже послѣднія тѣни революціи“.

Понимаете ли вы, какимъ козыремъ такая смиренная депутація была бы въ рукахъ всемогущаго въ то время графа Витте. Онъ навѣрное ждалъ ея, чтобы доказать свою прозорливость, увѣривъ всѣхъ и каждаго, что свободы 17 октября будутъ встрѣчены со слезами умиленія всею колѣнопреклоненною Россіей. Послѣ такой депутаціи онъ, несомнѣнно, немедленно даровалъ бы евреямъ равноправіе, то-есть отдалъ бы имъ на пронятіе всю Россію.

Радуйтесь, люди Русскіе, что евреи настолько глупы, что не поняли той элементарной истины, что за всякій даръ нужно благодарить дарящаго. Вмѣсто благодарности, они устроили всероссійскую революціонную вакханалію и нахально подняли свои головы, крича: „долой Царя! долой Самодержавіе!“

Они дошли въ своемъ безуміи даже до того, что, напримѣръ, въ Кіевѣ, въ Одессѣ, да и у насъ въ Москвѣ, какіе-то жиды разъѣзжали 17 октября среди православнаго народа съ криками: „Я вамъ Богъ! Я вамъ Царь!“

Самую отвратительную, самую гадкую сторону своего характера евреи обнаружили въ день своей „первой побѣды“, 17 октября. Вотъ почему она была и послѣднею ихъ побѣдой.

Такую кару они не впервые терпѣли въ теченіе своей многовѣковой исторіи.

Развѣ способенъ былъ бы на такую наглость какой бы то ни было другой революціонеръ, кромѣ еврея? Неужели вы можете себѣ вообразить, чтобы даже Аладьинъ, Озоль или Церетелли рѣшились кричать православному народу: „Я вамъ Богъ, я вамъ Царь?

А евреи рѣшились! По природной своей глупости, по прирожденному имъ „нахальству въ счастіи“.

Не разъ мы слышали изъ устъ величайшаго знатока евреевъ, А. С. Шмакова, цитату изъ сочиненій одного еврейскаго раввина:

„Мы, евреи,—благословенный народъ, потому что мы несокрушимы въ несчастіи; но мы, евреи,—проклятый народъ, потому что мы невоздержны въ счастіи“.

Спасибо евреямъ, пробудившимъ своею глупостью и „невоздержностью“, сирѣчь наглостью, Русскій Народъ изъ его глубокаго сна и открывшимъ его глаза на грозившее ему рабство. Спасибо евреямъ за то, что они сами разрушили ту революцію, которую сами же они затѣяли, во-время оттолкнувъ отъ себя, своимъ преждевременно обнаруженнымъ наглымъ властобіемъ,—всѣхъ честныхъ, здравомыслящихъ Русскихъ людей.

Такъ неужели же намъ, монархистамъ, послѣ этого не воздавать евреямъ хвалу? Но есть и еще, за что мы должны похвалить ихъ.

Вамъ, вѣроятно, неоднократно приходилось встрѣчать вполнѣ благонамѣренныхъ, здравомыслящихъ Русскихъ людей въ центральныхъ и восточныхъ губерніяхъ Россіи, страдавшихъ, однако, отсутствіемъ національнаго чувства, такъ-называемымъ „космополитизмомъ". Вы стараетесь ихъ убѣдить разумными доводами, вы пытаетесь подѣйствовать на ихъ сердце и вызвать въ нихъ патріотическое чувство. Все напрасно! Они продолжаютъ стыдиться своего русскаго происхожденія, восторгаться „благородствомъ" поляковъ и лить слезы надъ „угнетаемыми евреями. Они кажутся неизлѣчимыми.

Однако, для кореннаго ихъ излѣченія есть одно вѣрное средство: пошлите ихъ на службу въ такіе города какъ Вильна, Варшава, Одесса, Кишиневъ, Холмъ, Сѣдлецъ, Сувалки, Минскъ, Могилевъ, на Волынь и вообще на нашъ Югъ, на нашъ Юго-Западъ и Сѣверо-Западъ, — и черезъ годъ они будутъ совершенно здоровыми Русскими людьми и пламенными патріотами. „Космополитизмъ" у нихъ будетъ какъ рукой снять!

Я неоднократно видѣлъ такія чудодѣйственныя излѣченія. Кто же тамъ, въ этихъ „курортахъ", возвращаетъ Русскимъ людямъ ихъ русское національное чувство?

Тѣ же евреи! Правда, въ этомъ лѣченіи принимаютъ нѣкоторое участіе и ясновельможные паны, но не всегда удачно.

Есть, къ сожалѣнію, такія дряблыя русскія натуры, которыя увлекаются если не поляками, такъ польками. Но дѣйствія какъ евреевъ, такъ и еврeекъ, на Русскихъ людей неотразимо: отъ соприкосновенія съ ними „въ чертѣ осѣдлости" Русскій становится уже на всю жизнь *истинно*-Русскимъ.

Будетъ же благодарны евреямъ! Хвала имъ за то, что они такъ не привлекательны, что сами спасаютъ Русскій Народъ отъ еврейскаго соблазна, пробуждая вмѣстѣ съ тѣмъ въ Русскихъ людяхъ живое чувство національнаго самосознанія.

Я вамъ прямо скажу, чего грѣха таить: мы, Русскіе, отъ природы безпечны, лѣнивы, сонливы. Мы нуждаемся во внѣшнемъ побужденіи, чтобы не предаваться апатіи, равнодушію.

Вотъ евреи и оказываютъ намъ эту услугу, которую намъ не могли бы оказать въ должной мѣрѣ ни поляки, ни финляндцы, ни нѣмцы, ни кавказцы. Всѣ они имѣютъ кое-какія и симпатичныя черты, которыя могутъ насъ подкупить въ ихъ пользу. Евреи же насъ ничѣмъ, кромѣ денегъ, подкупить не могутъ.

И они насъ уже давно подкупили бы, если бы не ихъ непроходимая глупость и невыносимое нахальство.

Жаль намъ, конечно, всего того, чего мы лишились въ нашей злосчастной революціи. Но, благодаря евреямъ, Русскій Народъ теперь проснулся и вернетъ назадъ не только все утраченное, *но и кое что большее.*

У него навѣки останется впервые прояснившееся національное самосознаніе, принявшее столь мощный, грозный видъ, что теперь уже евреи второй разъ революціи не затѣютъ!

Горѣ имѣимъ сердца! *).

Воздвигнемъ сердца наша съ руками къ Богу Высокому на небеси. (Плачъ Іереміи, 3, 41).

Ваше Высокопреосвященство!

Люди Русскіе, Православные!

Горѣ имѣимъ сердца!

Намъ такъ часто приходилось начинать наши собранія съ сокрушеннымъ сердцемъ, съ горемъ и плачемъ, что теперь является для насъ двойною отрадой воскликнуть, окрыляясь свѣтлою надеждой: „Горѣ имѣимъ сердца!“

Мало того: прежде мы унывали и ободряли другъ друга, призывая всѣхъ, по примѣру Іереміи, среди плача своего, „воздвигать руки и сердца наши къ Богу Высокому на небеси“.

А нынѣ уже мы не унываемъ, а радуемся, видя, что Господь внялъ нашимъ воплямъ и моленіямъ, что надежды наши исполняются, что призывъ нашъ къ нашимъ братьямъ увѣнчался успѣхомъ, что сердца Русскихъ людей уже воздвигнуты къ Богу, что всѣ мы, на призывъ *горѣ имѣимъ сердца*, можемъ единодушно отвѣтить: „да, мы ихъ имѣемъ горѣ, *имамы ко Господу!*“

Что-же случилось столь радостнаго, чтобы намъ предаваться такому ликованію?

Какъ что?

Конецъ, конецъ наступаетъ дерзкому *обману*, сбившему съ толку такое множество Русскихъ людей; *конецъ* непроглядному *туману*, окутавшему всю несчастную нашу Родину, очутившуюся вслѣдствіе этого на краю гибели.

Да, конецъ обману!

Кто теперь осмѣлится подойти съ ложью, коварствомъ и обманомъ къ Престолу Русскаго Царя, какъ недавно еще подходилъ къ нему графъ Витте? Всѣ теперь знаютъ, что Русскаго Царя обмануть нельзя, что Онъ ясно видитъ, кто Его враги, и кто Ему служитъ „надежною опорой“.

Конецъ тому обману, жертвою котораго сдѣлались наши крестьяне. Имъ говорили: „Дума дастъ вамъ даровую землю“. И они, какъ неопытные младенцы, повѣрили обманщикамъ. Но вотъ были двѣ Думы, которыя возстали противъ Царя заодно съ убійцами, грабителями и бомбистами, а крестьянамъ ни вершка земли не дали. И вотъ со всѣхъ концовъ Россіи доходятъ радостныя вѣсти, что крестьяне махнули рукой на всякія Думы,

*) Рѣчь, произнесенная 8 іюля 1907 года, на общемъ собраніи „Русской Монархической Партіи“ и „Московскаго Отдѣла Союза Русскаго Народа“, въ присутствіи его высокопреосвященства Владиміра, Митрополита Московскаго и Коломенскаго.

возобновили переговоры съ помѣщиками о покупкѣ или арендованіи земли, и всю свою надежду относительно правильнаго своего землеустройства возлагаютъ, какъ и слѣдуетъ, на одного Царя.

Конецъ тому обману, которымъ соціалистическіе агитаторы опутывали рабочихъ, суля имъ сказочныя молочныя рѣки въ кисельныхъ берегахъ. Рабочіе начинаютъ понимать всю несбыточность соціалистическихъ бредней, всю убыточность „всеобщихъ забастовокъ“ для самихъ-же рабочихъ и ихъ несчастныхъ семей, сбрасываютъ съ себя иго агитаторовъ и мирно всѣ возвращаются къ покинутымъ ими рабочимъ станкамъ.

Конецъ университетскому обману! Правда, обманъ этотъ прекращается пока не сверху, а лишь снизу: сами студенты организуются въ „академическія“ дружины, чтобы завоевать себѣ право *учиться*, а не заниматься политикой. Рано или поздно, и во главѣ нашего Учебнаго Вѣдомства явится, наконецъ, человѣкъ, который обезпечитъ этимъ юношамъ столь законное ихъ право и, твердою, спасительною для Русской науки и для всей Россіи мѣрой, освободитъ русскіе университеты отъ крамольныхъ профессоровъ, отъ неучащихся студентовъ, отъ уличной толпы и отъ складовъ бомбъ и динамита.

Конецъ обману красной печати, къ которой общество уже начинаетъ относиться съ брезгливымъ отвращеніемъ, а Правительство—съ строгими карами.

Но конецъ и тому туману, который помутилъ разумъ здраво мыслящаго Русскаго человѣка и заставилъ его усомниться въ самыхъ основныхъ истинахъ, черное считать бѣлымъ, а бѣлое чернымъ, ложь принимать за правду, а правду—за ложь, Русскаго Царя—считать рабомъ, а Государственную Думу—Самодержавною.

Самъ Государь разсѣялъ 3 іюня этотъ зловредный туманъ. Онъ не только на словахъ, но и на дѣлѣ *доказалъ*, что Самодержавіе Его осталось такимъ, какимъ оно было встарь, что Онъ никѣмъ и ничѣмъ не ограниченъ кромѣ Своей совѣсти передъ Престоломъ Всевышняго.

Исчезъ, наконецъ, и тотъ туманъ, который созданъ былъ врагами Царя и Народа вокругъ насъ, монархистовъ. Насъ такъ часто упрекали въ томъ, что мы-де „революціонеры“, что мы „идемъ противъ воли Царя“, что „Царь насъ ненавидитъ“,—что иные изъ насъ,можетъ-быть, помалодушію и колебались въ своихъ убѣжденіяхъ, а многіе, всѣмъ сердцемъ и умомъ намъ сочувствовавшіе, не рѣшались окончательно войти въ наши ряды.

И тутъ туманъ разсѣялся по мановенію все того-же Царя, нашего Батюшки, открыто выразившаго намъ Свое сочувствіе и довѣріе, и всенародно признавшаго насъ Своею „надежною опорой“!

Какъ же намъ послѣ этого не радоваться, какъ не ликовать, какъ не благодарить Господа? Горѣ имѣемъ сердца! Съ нами Богъ, съ нами Царь!

Но если конецъ туману и обману, то еще далеко не конецъ нашей борьбы за Церковь, Царя и Россію.

Мало того! Въ этой борьбѣ,—помните это,—намъ суждено, до окончательной, неминуемой побѣды, еще неоднократно терпѣть тяжелыя пораженія.

Дѣло въ томъ, что если отъ тумана и обмана освободились Русскій Царь и Русскій Народъ, то отъ нихъ далеко еще не освободился Петербургъ.

Петербургъ... О, величайшее наше зло! Когда и чѣмъ ты замолишь всѣ свои тяжкіе грѣхи передъ Россіей?

Ты все еще, близорукій, въ своихъ бюрократическихъ очкахъ, блуждаешь въ дебряхъ демократическихъ софизмовъ, ты все еще копошишься въ болотѣ конституціонализма и парламентаризма! Ты все еще думаешь, что царственный Орелъ заключенъ у тебя въ конституціонной клѣткѣ, а Онъ уже однимъ взмахомъ Своихъ могучихъ крыльевъ выпорхнулъ изъ нея и теперь попрежнему паритъ и надъ твоимъ болотомъ, и надъ Русскимъ Народомъ, и надъ всею необъятною Россіей!

Жалкій Петербургъ! Что смыслишь ты въ Россіи, въ ея исторіи, въ ея національномъ чувствѣ?

Вотъ Государь сказалъ великое слово:

„Созданная для укрѣпленія Русскаго Государства Государственная Дума должна быть Русскою и по духу“.

Это говоритъ Русскій Царь. Это говоритъ и чувствуетъ Русскій Народъ.

А Петербургъ? Онъ этого не говоритъ и не чувствуетъ. Онъ стыдится Россіи; ему хочется облечь ее въ изношенное европейское отрепье, въ заплеванную всею Европой „конституцію“.

Противъ „конституціи“ говоритъ Православная Церковь, противъ нея говоритъ здравый смыслъ, противъ нея говоритъ исторія Европы, противъ нея говоритъ исторія Россіи, противъ нея говоритъ Русскій Народъ, находящійся въ единеніи со своимъ Царемъ. Но для Петербурга все это ничего не значитъ. Онъ упорно стоитъ за „конституцію“.

Ну что же дѣлать! Еще будетъ борьба, еще будутъ пораженія. Но зато и будетъ въ концѣ-концовъ блестящая побѣда.

А потому, еще разъ: *Горѣ имѣимъ сердца!* Ибо съ нами Богъ и съ нами Царь!

Чего намъ страшиться и на что надѣяться?*)

Ваше превосходительство!

Люди Русскіе, Православные!

Позвольте мнѣ высказать предъ вами нѣсколько размышленій по поводу переживаемыхъ нами событій!

Въ той тяжелой смутѣ, которая вотъ уже третій годъ терзаетъ нашу дорогую Родину, Русскому Народу приходится бороться за священные свои завѣты среди небывалыхъ доселѣ въ Россіи условій.

Бороться легко, когда ясно различаешь своихъ враговъ и своихъ друзей.

Такъ доселѣ всегда и бывало на Руси, когда въ предѣлахъ ея возникали смуты. Развѣ и въ 1612, и въ 1812, и въ 1863 году, Русскіе люди не

*) Рѣчь, произнесенная 22 іюля 1907 года, на Собраніи Калужскаго Отдѣла Союза Русскаго Народа, въ присутствіи г. Калужскаго губернатора.

видѣли съ полною ясностью, кто имъ врагъ, и кто имъ другъ? Они, не колеблясь, шли и на Поляковъ, и на Французовъ, и на всѣхъ, кто стоялъ на сторонѣ этихъ враговъ Россіи.

Теперь не то.

Теперь враги Россіи нарядились въ овечьи шкуры и прикидываются „друзьями" Русскаго Народа. Всѣ они подходятъ къ нему со льстивыми рѣчами и щедрыми обѣщаніями всевозможныхъ земныхъ благъ; всѣ они стараются одурманить его своимъ заморскимъ зеліемъ — разными соціалистическими, революціонными, демократическими, конституціонными, и прочими крамольными лжеученіями, въ которыхъ, конечно, простому Русскому человѣку разобраться очень трудно.

И вотъ мы дѣйствительно видимъ, что нашлись такіе скудоумные Русскіе люди, и интеллигенты, и крестьяне, и рабочіе, которые запутались въ разставленныя имъ сѣти и теперь барахтаются въ нихъ, не зная, какъ имъ изъ нихъ выбраться.

Но главная масса Русскаго Народа не дала себя обморочить. Его спасла здравая русская смекалка. Онъ сталъ распознавать своихъ ложныхъ и истинныхъ друзей по очень простой провѣркѣ: кто среди своихъ сладкихъ рѣчей и золотыхъ посуловъ ничего ни о Церкви Православной, ни о Царѣ Самодержавномъ не говоритъ, — тотъ, значитъ, врагъ Царю и Народу, къ какой бы партіи онъ ни принадлежалъ и какъ бы краснó ни говорилъ. А коли кто за святое Православіе стоитъ да за неограниченное Царское Самодержавіе, тотъ, стало-быть, другъ Царя и Народа, хотя бы онъ крестьянамъ никакой даровой земли не сулилъ и рабочихъ на забастовочную борьбу съ капиталомъ не подбивалъ.

Ну, а разъ Русскій Народъ съ волковъ сорвалъ овечьи шкуры, волки для него уже не страшны. И мы, дѣйствительно, теперь видимъ, что теперь уже волки страшатся Русскаго Народа, а не Русскій Народъ волковъ.

Для Русскаго Народа лишь тайный врагъ опасенъ, а явнаго онъ не боится; это было бы трусостью, а Русскій Народъ не трусъ. Онъ это показалъ 18 октября, когда самъ, безо всякихъ внѣшнихъ побужденій, всталъ на всемъ пространствѣ Россіи и положилъ конецъ и краснымъ флáгамъ, и мятежнымъ крикамъ: „Долой Царя! Долой Самодержавіе!"

Вѣдь мы, люди Православные, тоже „октябристы", но только мы величаемъ день не 17-го, а 18-го октября, не начало русской революціи, а начало русскаго народнаго самосознанія, воспрянувшаго на защиту своего Самодержавнаго Царя.

Но если намъ нечего бояться явныхъ враговъ нашихъ, которые, вы сами видите, пошли уже на убыль, то у насъ остались еще тайные враги, которыхъ намъ дѣйствительно слѣдуетъ опасаться.

Враги эти—въ насъ самихъ.

А называются они: *безпечность, легкомысліе, невѣжество.*

Мы слишкомъ безпечно и небрежно относимся въ обыкновенное, мирное время къ нашему долгу, къ нашимъ обязанностямъ передъ Богомъ, передъ Царемъ и передъ нашею Родиной — Россіей. Мы все ждемъ, чтобы грянулъ громъ, и тогда, вскочивъ со своего ложа, начинаемъ креститься.

Скажите по правдѣ, по совѣсти, какъ вы жили до разразившейся надъ вами грозы? Такъ ли, какъ подобаетъ истиннымъ сынамъ Православной Церкви и вѣрноподданнымъ Русскаго Царя, помня принесенную вами Ему присягу?

О, конечно, не вы сами шли противъ Бога и Царя, но вы спокойно смотрѣли, какъ противъ Бога и Царя шли ваши земляки, сосѣди, друзья, родственники и даже дѣти! Вы противъ этого не возставали, не принимали мѣръ, чтобы на первыхъ же порахъ обезглавить подкрадывавшуюся къ вамъ змѣю, вамъ все казалось, что все это одно „баловство", что все это „такъ само собою пройдетъ", что не стоитъ вамъ тревожиться изъ-за такихъ „пустяковъ".

Вотъ они какіе „пустяки": забастовка, вооруженное возстаніе, бомбы, взрывы, милліонные грабежи, безчеловѣчныя убійства, покушенія на жизнь Царя и всего Царскаго Семейства, крамольныя и каторжныя Думы, и, что всего ужаснѣе,—заключеніе Государя въ конституціонныя оковы!

Съ Божьею помощью вся эта нечисть разсѣется, и Государь, опираясь на Свой Народъ, водворитъ снова законный порядокъ въ Своемъ Государствѣ.

Ну, а *вы* что же тогда будете дѣлать? Снова успокоитесь, снова заснете въ прежней безпечности и снова будете равнодушно взирать на то, какъ вокругъ васъ будетъ подготавливаться новая революція? А что у насъ враги Россіи снова затѣютъ и вторую, и третью, и четвертую революцію,—въ этомъ, конечно, не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Весь вопросъ только въ *насъ*, какъ *мы* отнесемся къ этимъ затѣямъ.

Вотъ гдѣ истинная опасность, вотъ чего намъ нужно страшиться— нашей обычной, вѣками унаслѣдованной безпечности. Извините меня за рѣзкое, но, сознайтесь, справедливое выраженіе,—намъ нужно страшиться нашей сонливой халатности, нашей Обломовщины.

Опасайтесь этого нашего злѣйшаго внутренняго врага! Боритесь съ нимъ на каждомъ шагу, то-есть боритесь сами съ собой, со своими недостатками, влекущими васъ на путь преступный, путь потворства врагамъ Царя и Россіи.

Безумное ученіе графа Толстого,—кощунственно исказившаго ученіе Христа,—это безумное ученіе, совѣтующее „не противиться злу", нигдѣ, ни въ какомъ народѣ не нашло столькихъ послѣдователей, какъ именно въ народѣ Русскомъ, въ народѣ Обломовыхъ, обрадовавшихся тому, что они могутъ жить небрежно, сонливо, халатно, на законномъ будто бы „религіозномъ" основаніи, и равнодушно потворствовать „изъ человѣколюбія" всякому злу, грозящему пожарами, грабежами, убійствами и динамитными взрывами. Хорошо „человѣколюбіе"!

Нѣтъ, братья православные, *противьтесь злу* въ самомъ же его началѣ,—тогда вы спасете сотни, тысячи ближнихъ вашихъ отъ нравственной и тѣлесной смерти. Это и есть истинное человѣколюбіе, заставляющее насъ не потворствовать гибели нашихъ соотечественниковъ, родныхъ и дѣтей, а предотвращать ее, искореняя самые ея зачатки. Противьтесь злу, коль скоро вы по совѣсти признали его зломъ, всѣми своими силами; бодр-

ствуйте неустанно, напряженно, дабы искоренить зло на всѣхъ его явныхъ и тайныхъ путяхъ, прежде чѣмъ оно успѣетъ подкрасться къ вамъ и къ вашимъ ближнимъ, прежде чѣмъ оно успѣетъ вовлечь ихъ въ свои коварныя сѣти, въ которыя, какъ вы видите, нынѣ запутались, *по нашей съ вами винѣ*, столько несчастныхъ жертвъ безсердечной, хищнической крамолы. Подумайте, сколько погибло вашихъ сыновей и дочерей, сколько братьевъ и сестеръ въ когтяхъ революціоннаго Молоха, которыхъ мы могли бы спасти, если бы мы *съ самаго начала* выступили съ непощадною борьбой противъ этого стоглаваго чудовища, если бы мы преградили ему дорогу и въ наши школы, и въ наши суды, и въ нашу печать, и въ наши семьи.

За школы, судъ и печать отвѣчаетъ, конечно, Правительство, но за семьи отвѣчаемъ *мы съ вами*.

Вотъ, напримѣръ, какой у меня былъ разговоръ съ однимъ помѣщикомъ.

— Взялъ я,—говоритъ онъ,—къ себѣ на лѣто студента дѣтей обучать. Ну, батенька, чистѣйшій соціалистъ! Что̀ онъ только про Бога и Царя вретъ, это уму непостижимо. И все такъ складно, завлекательно.

— Ну, конечно, вы его сейчасъ выгнали вонъ?

— Нѣтъ, онъ славный малый, забавникъ такой, безъ него намъ было бы скучно, особенно женѣ.

— Ну, а дѣти?

— Что̀ дѣти? Они его обожаютъ; онъ и зимой ихъ будетъ обучать.

— Да вѣдь онъ сдѣлаетъ изъ нихъ анархистовъ.

— Ну, вотъ, ужъ и анархистовъ! Типунъ вамъ на языкъ! Авось къ нимъ эта мерзость не пристанетъ?

Вы слышите? *Авось* не пристанетъ! Вотъ они наши враги: *авось, небось* и *какъ-нибудь!* Вотъ чего мы должны страшиться!

А еще намъ нужно страшиться нашего *легкомыслія*, которое въ сущности является слѣдствіемъ и нашей природной небрежности, и нашего невѣжества, о которомъ мнѣ придется сейчасъ говорить подробнѣе.

Мы услышимъ какого-нибудь краснобая, прочтемъ какую-нибудь брошюрку,—и готовы сейчасъ же, *безо всякой провѣрки*, не только слѣпо повѣрить этому болтуну и этой книжонкѣ, но немедленно приступить къ осуществленію того, иной разъ нелѣпѣйшаго вздора, который мы только-что прочли или услышали.

Это опять-таки наша чисто-русская, или обще-славянская характерная черта. Мы быстро увлекаемся какою-нибудь новою идеей потому только, что она нова, и не только не думаемъ провѣрить ея дѣятельность, серіозность, практичность, но и не желаемъ произвести эту провѣрку только потому, что она мѣшаетъ нашему увлеченію. Потомъ, на дѣлѣ, мы сами раскаемся въ своемъ увлеченіи, и опустимъ крылья, и погрузимся въ свое обычное уныніе, въ свою Обломовщину, горюя о томъ непоправимомъ вредѣ, который мы натворили своимъ легкомысленнымъ увлеченіемъ,— пока насъ не огорошатъ какою-нибудь „новѣйшею“ идеей, „послѣднимъ словомъ науки“, которымъ мы снова такъ же легкомысленно, *безпровѣрочно*

увлечемся, съ тѣмъ чтобы опять разочароваться, раскаяться и растянуться на Обломовскомъ диванѣ!

Да, сколько разъ мы увлекались этими „*послѣдними* словами науки", потому только, что мы не знали *первыхъ ея* словъ!

Сердце обливается кровью, когда приходится вспоминать о нашемъ научномъ невѣжествѣ, о томъ, что храмы Русской науки, наши университеты, всегда занимали *самое послѣднее мѣсто* среди всѣхъ европейскихъ университетовъ (за исключеніемъ развѣ испанскихъ); а нынѣ, когда въ нихъ, по желанію нашихъ профессоровъ и студентовъ, воцарилась пресловутая „автономія", — они прямо вычеркнуты изъ списковъ европейскихъ высшихъ научныхъ заведеній. Ибо какіе же это научныя заведенія, если въ нихъ происходятъ уличныя революціонныя сходбища, и если въ нихъ хранятся склады крамольной литературы, оружія, бомбъ и динамита.

А какъ производятся въ нихъ „научные" экзамены? Вотъ образчикъ — дѣйствительный фактъ.

Студентъ. Г. профессоръ, я ничего изъ этого предмета не знаю. Потрудитесь мнѣ поставить четверку.

Профессоръ. Если вы ничего не знаете, я вамъ поставлю единицу.

Товарищи студента. Какъ вы смѣете?! Вы хотите погубить карьеру молодого человѣка! Извольте ставить четверку.

Профессоръ. Да, вѣдь, онъ ничего не знаетъ.

Товарищи. Потому вы и должны поставить ему четверку, оцѣнивъ его искреннее признаніе. Если-бъ онъ хоть что-нибудь зналъ, тогда мы потребовали бы у васъ пятерки. Нечего разговаривать, ставьте!

Профессоръ. Слушаюсь, ставлю четыре.

И вотъ выходитъ молодой человѣкъ съ университетскимъ дипломомъ, не зная въ наукѣ ни аза, но „съ обезпеченною карьерой".

Вы поручите ему вести вашъ процессъ, — онъ его проиграетъ и введетъ васъ въ страшные убытки; вы пригласите его къ больному, — онъ его отправитъ на тотъ свѣтъ; а въ гимназіи онъ будетъ учить вашихъ дѣтей своему собственному невѣжеству!

Вотъ до чего дошли наши университеты: *они выдаютъ своимъ питомцамъ фальшивые дипломы* и выпускаютъ изъ своихъ стѣнъ круглыхъ невѣждъ съ широкими научными и государственными правами!

Мы и безъ того страшно отстали въ научномъ отношеніи отъ Европы, а теперь „освободительное движеніе", во главѣ котораго стоятъ наши „профессора", отбросили научный уровень нашихъ университетовъ на нѣсколько столѣтій назадъ. Вотъ они наши „ретрограды", „гасители просвѣщенія"! Не мы, а они окунули Россію во мракъ невѣжества; мы же хотимъ двинуть Россію впередъ, къ свѣту истинной науки, и поставить наши университеты на уровень лучшихъ университетовъ Европы!

Кому мы обязаны увлеченіемъ „конституціей", „парламентаризмомъ", „выборнымъ началомъ", „народовластіемъ", какъ не *невѣжеству*, грубому незнанію всемірной исторіи, исторіи Западной Европы и исторіи Россіи? Увлекаться вздорнымъ демократическимъ ученіемъ Жанъ-Жака Руссо могли французы конца XVIII вѣка только потому, что они еще не знали

того ужаса, къ которому, по необходимости, привело это ученіе, когда оно было примѣнено къ дѣйствительной государственной жизни. А вотъ Русскіе „конституціоналисты“ увлекаются и насъ хотятъ увлечь этимъ позорнымъ ученіемъ, несмотря на то, что предъ ихъ глазами стоитъ весь XIX вѣкъ, доказавшій абсолютную негодность и вредъ этого ученія, если оно не парализуется великимъ національнымъ подъемомъ всего государства! Эти господа хотятъ насъ тоже вернуть назадъ на цѣлое столѣтіе и притвориться, будто бы мы — тѣ же французы, которые увлекались теоріями Жанъ-Жака Руссо, не испытавъ ихъ еще на практикѣ.

Такимъ образомъ и здѣсь ретроградами являемся не мы, а „конституціоналисты“! И все по той же причинѣ,—*по невѣжеству*.

Итакъ, вотъ наши великіе враги—*безпечность*, *легкомысліе* и *невѣжество*! Вотъ чего намъ нужно страшиться!

Ну, а на кого же намъ надѣяться?

Прежде всего на Бога!

Еще полгода тому назадъ умъ человѣческій отказывался найти исходъ изъ того ужаса, въ который ввержена была Россія. Мы ждали только чуда Божьяго. И оно явилось въ видѣ внезапнаго *просвѣтлѣнія Русскихъ умовъ*.

Если бы полгода тому назадъ мы стали утверждать, что въ іюнѣ 1907 года въ Москвѣ соберется *общеземскій* Съѣздъ и выскажется *противъ* „освободительнаго движенія“, — то никто бы намъ не повѣрилъ, да и мы сами, признаться сказать, не повѣрили бы въ возможность этого чуда.

Но чудо это совершилось! А чудеса совершаются только Богомъ.

Ну, а затѣмъ, конечно, намъ нужно надѣяться на Царя.

Царь доказалъ 3 іюня всему свѣту, что Самодержавіе Его осталось дѣйствительно такимъ, какимъ оно было встарь, что Онъ свободенъ отъ какихъ бы то ни было конституціонныхъ оковъ, что Онъ обладаетъ всею мощью неограниченной Самодержавной Власти, что для Него въ предѣлахъ этой Власти нѣтъ ничего невозможнаго, коль скоро дѣло идетъ о благѣ Россіи.

Какъ же намъ въ такомъ случаѣ не возлагать нашихъ надеждъ на нашего Царя? Вѣдь мы приходили только потому въ уныніе, что Петербургъ все насъ увѣрялъ, будто послѣ 17 октября Государь чего-то лишился въ Своихъ Державныхъ правахъ, что Онъ теперь чего-то дѣлать *не можетъ*.

Слава Богу! Петербургъ на этотъ разъ былъ очень плохо освѣдомленъ. Мы, люди Русскіе, православные, лучше знали своего Царя-Батюшку, чѣмъ гг. Петербуржцы. Да и Онъ, Желанный нашъ, тоже знаетъ насъ, Своихъ дѣтокъ, лучше Петербурга, который насъ совсѣмъ не знаетъ, да и знать не хочетъ.

Итакъ, будемъ надѣяться на Бога и на Царя!

Но помните русскую пословицу: „На Бога надѣйся, а самъ не плошай“! Мы должны возложить надежды и на себя самихъ.

Мы 18 октября исполнили свой долгъ и съ тѣхъ поръ стоимъ бодро на стражѣ Православной Церкви и Самодержавнаго Царскаго Престола.

Такъ будемъ же и впредь стоять на этой стражѣ съ тою же бодростью, какъ и нынѣ, если даже теперешняя опасность минуетъ.

Отъ насъ будетъ зависѣть, чтобы Россія впредь уже никогда революціонной опасности не подвергалась, чтобъ она могла всегда твердо уповать на Бога, на Царя и на Русскій Народъ!

Что про насъ говорятъ *).

Люди Русскіе, православные!

Мнѣ хотѣлось бы сегодня побесѣдовать съ вами о томъ, что̀ про насъ говорятъ.

Про насъ, конечно, наши друзья говорятъ одно, а враги — другое. Друзья хвалятъ, а враги, разумѣется, ругаютъ.

Друзьямъ за добрыя, ласковыя слова мы скажемъ сердечное спасибо! Но останавливаться на этихъ словахъ и упиваться ими мы не будемъ. А то, пожалуй, мы такъ возмечтаемъ о себѣ, что перестанемъ работать, а между тѣмъ намъ еще нужно много трудиться, прежде чѣмъ достигнемъ той великой цѣли, къ которой мы стремимся—къ спасенію Россіи отъ крамолы и къ водворенію въ ней законнаго порядка подъ сѣнью Православной Церкви и подъ неограниченною Державой нашего Царя-Самодержца.

А до этой цѣли намъ остается еще много тяжелаго, упорнаго труда. Вы, чай, сами видите и слышите, какъ крамола усердно работаетъ: не проходитъ дня безъ того, чтобы жертвой гнусныхъ „освободителей" не падали честные Русскіе люди. Пока не прекратятся эти возмутительныя убійства, пожары, грабежи и взрывы,—мы должны бодро стоять на стражѣ нашей Родины и, не покладая рукъ, неустанно работать, сплачивая и умножая ряды нашего Союза и зорко наблюдая за собой, какъ бы у насъ гдѣ не появилось какой проруxи, какого-либо недостатка, какого-либо порока.

А потому намъ гораздо важнѣе прислушиваться къ тому, что̀ про насъ говорятъ наши враги, а не къ тому, какъ насъ восхваляютъ наши друзья. Можетъ-быть, въ укорахъ враговъ есть доля справедливости, а потому намъ нужно провѣрить эти укоры, и если мы въ нихъ найдемъ хоть крупицу правды, мы должны воспользоваться ею и очистить себя отъ заслуженнаго нареканія.

Вотъ вчера я видѣлъ мужичка. Добрый такой. Открытый, ясный взоръ, въ которомъ видна чистая, русская душа. Хочетъ записаться въ нашъ Союзъ, разспрашиваетъ про нашу программу, но все чего-то боится, чему то не довѣряетъ. Наконецъ, не выдержалъ и спрашиваетъ:

— *А въ прежнее крѣпостное право мы не попадемъ, если мы припишемся къ Союзу?*

— Да что̀ ты, Господь съ тобой! Кто тебѣ это сказалъ?

*) Рѣчь, произнесенная 1 августа 1907 г. въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ Риго-Орловской дороги, на Общемъ Собраніи въ Рославльскомъ Отдѣлѣ Союза Русскаго Народа.

— А Миколай Петровичъ.

— Какой такой Николай Петровичъ?

— А помѣщикъ нашъ.

И онъ назвалъ фамилію помѣщика.

— Такъ что же онъ говоритъ?

— А помнишь, говоритъ, какъ отецъ мой въ крѣпостное право вашего брата въ бараній рогъ гнулъ? Такъ вотъ, если вы припишитесь въ Союзъ, вы опять крѣпостными станете.

Я, конечно, успокоилъ мужичка и растолковалъ ему всю нелѣпость того, что ему наговорилъ „Миколай Петровичъ", но самъ крайне удивился этой злостной клеветѣ на нашъ Союзъ.

Потомъ, разспросивъ про этого милаго помѣщика, я узналъ, что онъ— кадетъ! Тогда мнѣ все стало ясно! Разъ онъ кадетъ, то какъ же ему не врать? Вѣдь кадеты всѣ на томъ только и стоятъ!

Ну, что же? Есть ли въ этомъ укорѣ та крупица истины, которая намъ могла бы послужить на пользу? Слышалъ ли кто-нибудь изъ васъ, что мы восхваляли крѣпостное право, чтобы „Союзъ Русскаго Народа" предлагалъ васъ снова отдать помѣщикамъ, которые васъ будутъ „гнуть въ бараній рогъ"?

Конечно, нѣтъ! Эти клеветники даже забыли и то, что вѣдь Союзъ Русскаго Народа образовался изъ простого, чернаго народа, — не даромъ они васъ „черносотенцами" прозвали,—изъ бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ и изъ сыновей ихъ и внуковъ, а не изъ помѣщиковъ. Такъ неужели же эти простые люди сошлись въ Союзъ, чтобы опять вернуться подъ крѣпостное право. Вѣдь это же ни съ чѣмъ не сообразно!

Смотрите, какъ Государь Императоръ печется о крестьянахъ, о томъ, чтобы имъ хорошо жилось на волѣ, чтобы каждый изъ нихъ становился самъ себѣ хозяиномъ на своей землѣ,—и нашъ Союзъ всѣми мѣрами содѣйствуетъ этому. А про насъ говорятъ такой несовмѣстимый вздоръ!

А то вотъ еще что про насъ говорятъ и даже въ газетахъ пишутъ:

„Союзъ Русскаго Народа хочетъ вернуть Россію назадъ, чтобы у насъ опять была Цусима".

Слышите, люди православные! Мы хотимъ, чтобы у насъ была новая Цусима!

Кто же у насъ въ Союзѣ этого желаетъ? Я? Нѣтъ. Вы? Нѣтъ. Можетъ быть этого желаютъ наша братья въ Москвѣ, Петербургѣ, Смоленскѣ, Кіевѣ или въ Одессѣ? Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Да кто же, наконецъ? *Никто*!

Какъ же мы можемъ желать новой Цусимы, когда мы сгорали со стыда и проливали горькія слезы при извѣстіи о старой?

А вѣдь были и такіе люди въ Россіи, которые при этомъ извѣстіи пили шампанское, радовались и ликовали, такъ же, какъ они ликовали и радовались при каждомъ отступленіи нашихъ войскъ, и при паденіи Портъ-Артура, и при заключеніи позорнаго Портсмутскаго мира.

Кто эти люди?

Евреи, поляки, армяне, чухны, а изъ Русскихъ—соціалисты и кадеты, всѣ эти заклятые враги Самодержавнаго Царя Русской Россіи! Вѣдь

нашлись и такіе среди нихъ, которые посылали Японскому микадо поздравленіе съ побѣдой надъ нашими братьями, слагавшими свои головы на поляхъ Манчжуріи!

Эти люди радуются теперь каждой бѣдѣ Русскаго Народа, видя въ ней подспорье для своего „освободительнаго" движенія. Они радовались голоду такъ же, какъ теперь они радуются холерѣ и ждутъ не дождутся, чтобы она охватила всѣ приволжскія губерніи и подорвала Нижегородскую ярмарку:—вотъ-то будетъ лафа для евреевъ, соціалистовъ, кадетовъ и лѣвыхъ октябристовъ, чтобы сѣять въ народѣ недовольство, озлобленіе и мятежъ противъ Правительства! А если бы гдѣ-нибудь совершилась новая Цусима, если бы, напримѣръ,—чего Боже упаси,—разразилось какое-нибудь пагубное несчастье надъ нашимъ Черноморскимъ флотомъ, то эти же люди опять стали бы радоваться, ликовать и пить шампанское!

Такъ вотъ, значитъ, кому нужна новая Цусима, вотъ кто ея желаетъ: не мы, а все тѣ же кадеты, соціалисты, евреи и прочіе инородцы! Это *они* хотятъ свалить со своей больной головы на нашу здоровую!

Вотъ и второе брошенное намъ обвиненіе разлетается, какъ мыльный пузырь!

А вотъ и пресловутое, третье, обвиненіе, которое мнѣ лично пришлось слышать изъ устъ гимназистика четвертаго класса одной изъ Московскихъ гимназій:

— Намъ сегодня учитель алгебры объяснилъ,—говорилъ мнѣ мальчуганъ съ превеликимъ самомнѣніемъ,—что вы, черносотенцы, стоите за старый порядокъ, за бюрократію.

— А что такое бюрократія?—спросилъ я его.

— А это когда всѣ грабятъ и воруютъ.

— То-есть „руки вверхъ"?

— Нѣтъ, „руки вверхъ", это — хорошіе люди, это еще намъ учитель географіи объяснилъ, это—экс-про-прія-то-ры. А тѣ, которые просто крадутъ, тѣ бюрократы.

— Понимаю. Однако, какіе у васъ хорошіе учителя алгебры и географіи! Такъ, значитъ, мы, черносотенцы, стоимъ за бюрократовъ? Почему же, однако?

— Да, потому что вы стоите за старый режимъ, а въ старомъ режимѣ всѣ были бюрократы.

Вы мнѣ скажете:

„Да стоитъ ли обращать вниманіе на то, что тамъ лепечетъ какой-то глупышъ-гимназистъ"?

Согласенъ; не стоитъ, но вѣдь то, что онъ лепечетъ, ему втолковали взрослые люди, а имъ вдолбили это еврейскіе, кадетскіе и соціалъ-крамольные говоруны и писаки. Разверните всю „освободительную прессу", и вы въ ней найдете тѣ же глупости которыя съ чужихъ словъ лепечетъ этотъ гимназистъ. И *Русь*, и *Рѣчь*, и просто *Слово*, и *Русское Слово*, и *Утро*, и еврейскія *Биржевыя*, и профессорскія *Русскія Вѣдомости*, и октябристы въ *Голосѣ Москвы*, и соціалисты въ *Товарищѣ*, — словомъ, весь этотъ „освободительный" таборъ ежедневно въ одинъ голосъ кричитъ, трещитъ и виз-

жить, что *„Союзъ Русскаго Народа" стоитъ за старый режимъ и за бюрократію*".

Мы имъ сотни разъ предлагали:

— Укажите въ нашихъ программахъ то мѣсто, гдѣ мы стоимъ за бюрократію,

— Вотъ еще!—отвѣчаютъ они: — станемъ мы читать ваши программы!

— Послушайте или прочтите, говорили мы, рѣчи нашихъ ораторовъ, и вы увидите, какъ они громятъ борократію.

— Этого быть не можетъ,—отвѣчаютъ они,—это *мы* громимъ бюрократію, а *вы* ее защищаете!

— Да гдѣ, когда, кто? Прочтите...

— Отстаньте, мы васъ не читаемъ и читать не хотимъ.

Ну, что вы подѣлаете съ такими господами? Французы вѣрно говорятъ, что самый глухой человѣкъ не тотъ, кто не можетъ слышать, а тотъ' кто *не хочетъ* слушать.

А между тѣмъ, вы сами знаете, что во всѣхъ нашихъ программахъ, постановленіяхъ, положеніяхъ, статьяхъ и рѣчахъ мы не перестаемъ требовать строжайшаго суда надъ всѣми бюрократами-взяточниками, казнокрадами, продающими Россію съ публичнаго торга! Мы проклинаемъ тотъ режимъ, при которомъ возможенъ былъ этотъ позорный торгъ, приведшій Россію въ настоящее положеніе, когда она стоитъ на краю гибели! Мы всюду выставляемъ длинный списокъ требуемыхъ нами коренныхъ реформъ во всѣхъ областяхъ государственной, церковной и общественной жизни, реформъ, которыя одухотворятъ, окрылятъ Россію и придадутъ ей новую жизнь и бодрость,—а насъ обвиняютъ въ томъ, что мы, видите ли, хотимъ запереть Россію въ промозглый воздухъ бюрократическихъ канцелярій! Вѣдь это такой же возмутительный вздоръ, какъ и тотъ, будто мы желаемъ вернуться къ крѣпостному праву и стараемся создать новую Цусиму!

Но чѣмъ нелѣпѣе клевета, тѣмъ упорнѣе ее будутъ повторять наши враги, всѣ эти „соціалисты", „октябристы", „конституціоналисты" и прочіе „сознательные" вральманы!

Особенно имъ досадно, что Русскій Народъ стоитъ за Царя Самодержавнаго. Имъ такъ хотѣлось бы снова крикнуть „долой Самодержавіе", какъ они кричали 17 октября, да не смѣютъ. Они слишкомъ хорошо помнятъ, какъ ихъ 18 октября за этотъ крикъ проучилъ Русскій Народъ. Вотъ они теперь, вмѣсто этого, и кричатъ: „долой старый режимъ"! и укоряютъ насъ за то, что мы будто бы стоимъ за старый режимъ, при которомъ чиновники только и могутъ совершать свои плутни; а какъ будетъ новый режимъ, то-есть не будетъ Самодержавнаго Царя, то ужъ чиновникамъ нельзя будетъ ни взятокъ брать, ни казну обкрадывать.

И тутъ господа „конституціоналисты" опять немилосердно врутъ. Чиновники могутъ безнаказанно воровать при всякомъ „режимѣ" — и при Самодержавіи, и при конституціи, и при республикѣ, какъ мы это видимъ во Франціи и въ Америкѣ, да и въ Англіи, гдѣ чиновники - казнокрады далеко превзошли своихъ русскихъ собратьевъ.

Не въ „режимѣ“ тутъ дѣло, а въ твердости Власти и въ безпощадной строгости суда. Заведите такую Власть и такой судъ въ самодержавномъ ли государствѣ, или въ республикѣ; гоните чиновника со службы съ позоромъ, хотя бы онъ былъ министромъ, за малѣйшую взятку; ссылайте чиновника на каторгу, даже за поползновеніе прикоснуться къ казеннымъ деньгамъ, хотя бы онъ былъ адмираломъ,—и чиновничество у васъ будетъ образцовое и въ республикѣ, и въ самодержавномъ государствѣ. Но вы сами понимаете, что Самодержавный Царь гораздо легче можетъ водворить такой строгій порядокъ въ Своемъ государствѣ, такъ какъ Онъ однимъ почеркомъ пера можетъ выгнать негоднаго чиновника и заставить судъ примѣнять законы по всей ихъ строгости къ казнокрадамъ, чего не можетъ сдѣлать какой-нибудь президентъ республики, который выбирается только на три, на четыре года и никакой власти не имѣетъ, а только подписываетъ подаваемыя ему бумаги.

Франція и Америка стонутъ отъ чиновниковъ-казнокрадовъ, и наши „конституціоналисты“ знаютъ это; но объ этомъ они *молчатъ*, такъ какъ иначе имъ нельзя было бы обманывать народъ, увѣряя его, что чиновники де воруютъ только при Самодержавіи, и что поэтому нужно уничтожить Самодержавіе Царя.

А мы говоримъ: „Да здравствуетъ неограниченный, властный Самодержавный Царь, свободный отъ конституціонныхъ и бюрократическихъ путъ, мощный Хранитель законной справедливости въ Россіи, грозный Судья для всего въ ней злого, нечестнаго, преступнаго“!

То же самое отвѣчаемъ мы и тѣмъ клеветникамъ, которые увѣряютъ, будто *мы не желаемъ министерской отвѣтственности!*

Мы требуемъ строжайшей, *дѣйствительной* отвѣтственности министровъ съ преданіемъ ихъ суду и тяжелыми, соотвѣтствующими ихъ винѣ, карами, а гг. „конституціоналисты“ довольствуются лишь министерскою отвѣтственностью на западный манеръ, гдѣ министры, въ нѣкоторыхъ государствахъ, какъ, напримѣръ, въ Англіи и Франціи, отвѣчаютъ за свои преступленія только передъ парламентомъ, но на самомъ дѣлѣ никогда суду не предаются, а если подаютъ въ отставку, то черезъ нѣкоторое время, если ихъ партія одержитъ верхъ, снова становятся и министрами, и министрами-президентами, и даже президентами республики!

Вотъ какой водевильной „министерской отвѣтственности“ желаютъ гг, „конституціоналисты“! И здѣсь, слѣдовательно, они говорятъ неправду, обвиняя насъ въ мирволеніи преступнымъ министрамъ, тогда какъ мы, въ нашихъ программахъ, прямо ставимъ требованіе, *чтобы каждый гражданинъ имѣлъ право привлекать къ судебной отвѣтственности каждаго чиновника, отъ городового до министра включительно*.

Въ чемъ же еще насъ обвиняютъ?

Да, я забылъ самое главное. Мы, вѣдь, *погромщики*, *человѣконенавистники* и чуть не *людоѣды*! Это всѣмъ извѣстно, такъ какъ этими названіями насъ награждаетъ вся лѣвая печать.

Ну, а слышалъ ли кто-нибудь изъ васъ, чтобы мы васъ призывали

къ погромамъ? Читалъ ли кто-нибудь изъ васъ хотя *одно* наше воззваніе, въ которомъ вы приглашались бы къ вооруженному возстанію?

Да позвольте! Кто у насъ устраиваетъ вооруженныя возстанія, взрывы, пожары, погромы, разгромы, грабежи и убійства? Кто ежедневно совершаетъ возмутительнѣйшія преступленія безчеловѣчнаго жестокосердія?

Мы или *они*, герои „освободительнаго движенія"?

Кто обезцѣнилъ человѣческую жизнь массовыми убійствами, кто стрѣляетъ и взрываетъ безъ разбора и мужчинъ, и женщинъ, и старцевъ, и дѣтей?

Мы или *они*, террористы и бомбисты?

Конечно, они, и послѣ этого они имѣютъ наглость обвинять насъ въ насильственныхъ дѣйствіяхъ и въ человѣконенавистничествѣ?!

Значитъ, и тутъ они сваливаютъ съ больной головы на здоровую!

Нѣтъ, ничему путному мы изъ ихъ упрековъ не научимся.

Замѣчательно, что они нашихъ дѣйствительныхъ слабыхъ сторонъ — у кого ихъ нѣтъ? — не видятъ, не знаютъ, да, повидимому, и не хотятъ знать, ибо все, что̀ они про насъ пишутъ и говорятъ, является однимъ сплошнымъ вздоромъ.

Намъ, слѣдовательно, нечего обращать вниманіе на то, что̀ про насъ говорятъ и пишутъ наши враги.

Мы должны спокойно идти впередъ по избранному нами пути, дорожа единственно лишь тѣмъ о насъ отзывомъ, которымъ насъ осчастливилъ Государь Императоръ, назвавъ „Союзъ Русскаго Народа" Своею *надежною опорой.*

Французскіе и русскіе монархисты.

Сегодня (№ 189) мы печатаемъ *Воззваніе*, съ которымъ къ Русскому Народу обращается „Лига Французскаго Дѣла", соединившаяся вокругъ такой же приблизительно монархической программы, какъ и Союзъ Русскаго Народа и Русская Монархическая Партія.

Но Французскіе монархисты стараются спасти погибшую монархію, а Русскіе—погибающую: въ этомъ—единственная, но существенная разница между тѣми и другими доблестными патріотами.

Франція уже испытала всѣ ужасы революціи, которая ее погубила, отдавъ ее со связанными руками на произволъ злѣйшимъ ея врагамъ— евреямъ и франъ-масонамъ.

Россія же лишь начинаетъ переживать всѣ эти ужасы, которые неизбѣжно приведутъ ее къ той же гибели и къ тому же рабству подъ владычествомъ тѣхъ же заклятыхъ враговъ христіанства.

Но если Россія во̀-время опомнится, — она еще можетъ избѣжать этой позорной гибели. Вотъ почему французскіе монархисты, какъ добрые друзья и союзники Россіи, взываютъ къ ней, желая предостеречь ее отъ роковыхъ шаговъ, которые она готова сдѣлать, и неизбѣжныя послѣдствія которыхъ имъ слишкомъ хорошо извѣстны по ихъ собственному горькому опыту!

Мы не находимъ словъ, чтобы достойнымъ образомъ возблагодарить нашихъ зарубежныхъ друзей, доблестныхъ монархистовъ прекрасной Франціи, за ту товарищескую услугу, которую они оказываютъ Русскому Народу, указывая ему на нашихъ общихъ враговъ — франъ-масоновъ и евреевъ!

До сихъ поръ русскимъ монархистамъ приходилось бороться противъ грядущей опасности еврейскаго равноправія, выслушивая глумленія со стороны евреевъ и продавшихся имъ русскихъ предателей, увѣрявшихъ Русскій Народъ, что еврейскаго равноправія боятся де одни лишь „выжившіе изъ ума фанатики-черносотенцы", тогда какъ тѣ народы, которые достигли блаженства еврейскаго равноправія, не нахвалятся этими симпатичными согражданами.

Теперь всѣ безпристрастные читатели увидятъ изъ *Воззванія* Французской Лиги, къ чему привело несчастную Францію это хваленое еврейское равноправіе!

Нѣтъ, мы, черносотенцы, не „выдумали" еврейскую опасность: она неизгладимыми кровавыми письменами начертана на скрижаляхъ всемірной исторіи, и *Воззваніе* французскихъ монархистовъ представляетъ собой лишь новѣйшее фактическое подтвержденіе той вѣковѣчной истины, что евреи являются злѣйшими, непримиримыми, безпощадными врагами всякаго народа, исповѣдующаго Вѣру Христову.

Во Франціи они, въ союзѣ со своими наемниками франъ-масонами, уже погубили монархію, и Французскимъ монархистамъ остается лишь *мечтать* о воцареніи потомка своихъ прежнихъ королей.

Россія, слава Богу, еще находится подъ сѣнію Дома Романовымъ, и мы поэтому не *мечтаемъ* о возрожденіи Царскаго Престола въ Россіи, такъ какъ онъ—не мечта, а дѣйствительность. Мы собрались вокругъ него не для того, чтобы возстановить его изъ гибели, а для того, чтобы Его отъ нея предохранить и отразить идущія на него озлобленныя полчища евреевъ и франъ-масоновъ.

Въ этой борьбѣ противъ злѣйшихъ враговъ христіанскаго міра мы должны умудряться не только опытомъ своей исторіи, но и опытомъ Западной Европы, въ особенности Франціи, которая нынѣ прошла до конца тотъ гибельный путь, на который насъ теперь зазываютъ евреи и франъ-масоны.

Еще разъ спасибо нашимъ друзьямъ и союзникамъ, Французскимъ монархистамъ, за ихъ дружескій привѣтъ и за ихъ прозорлѣвое предостереженіе! Они знаютъ, что монархическое дѣло восторжествуетъ во Франціи лишь въ томъ случаѣ, если оно окончательно восторжествуетъ въ Россіи. Если же Русская Самодержавная Монархія падетъ къ ногамъ „равноправныхъ" евреевъ, то уже и во Франціи Монархія никогда не воскреснетъ.

А потому, борясь за Неограниченное Самодержавіе въ Россіи, мы боремся за торжество того же принципа и въ Европѣ, и во всей вселенной.

Международная борьба противъ революціи и соціализма *).

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что все творящееся нынѣ у насъ въ Россіи никогда ни въ одномъ государствѣ міра не происходило. Но это только потому, что мы никогда ни въ одномъ государствѣ не видѣли такой продолжительной растерянности Правительства передъ революціей, такого глубокаго непониманія истинной сущности этой революціи и такого изумительнаго отсутствія яснаго желанія и опредѣленнаго плана для окончательнаго искорененія этого возмутительнаго зла, терзающаго Россію.

Въ этомъ отношеніи, то-есть въ бездѣйствіи Правительства, революція въ Россіи безпримѣрна.

Что же касается дѣйствій революціонеровъ, то они въ сущности ничего новаго, невиданнаго, не представляютъ. Правда, революціонеры у насъ выказываютъ въ своихъ дѣйствіяхъ необычайную дерзость, кровожадность и самоувѣренность, но это объясняется все тою-же нерѣшительностью ихъ Петербургскихъ противниковъ, которые никакъ въ эту роль „противниковъ революціи“ войти не могутъ. Самые же пріемы революціонеровъ и соціалистовъ являются въ сущности тѣми же самыми, какими мы ихъ видѣли и видимъ въ другихъ европейскихъ государствахъ. Въ томъ именно и заключается главная сила революціонеровъ и соціалистовъ, что они, нападая на какое-нибудь отдѣльное государство, находятся въ тѣснѣйшей связи съ революціонерами и соціалистами всего міра.

Вы сами знаете, что революціонное движеніе въ Европѣ ведется франъ-масонами, которые составляютъ одно громадное *международное* революціонное общество, состоящее изъ отдѣльныхъ „ложъ“, распространенныхъ по всей вселенной, изъ коихъ каждая находится въ постоянной связи со всѣми остальными ложами, получая отъ нихъ всѣ необходимыя средства борьбы, включая сюда и еврейское золото.

О международномъ значеніи соціализма мнѣ, конечно, и говорить нечего. Одинъ ужъ ихъ кличъ „пролетаріи *всѣхъ* странъ, соединяйтесь“ ясно показываетъ, что если бы соединились пролетаріи только *одной* страны, то они потерпѣли бы полную неудачу въ своихъ преступныхъ замыслахъ.

Вотъ, слѣдовательно, весь секретъ успѣшныхъ дѣйствій какъ франъ-масоновъ, такъ и соціалистовъ: примѣромъ ихъ организаціи служитъ *международный* еврейскій кагалъ, который, какъ извѣстно, руководитъ и франъ-масонами, и соціалистами. *Всемірный* еврейско-масонско-соціалистическій кагалъ нападаетъ на *отдѣльныя* государства, которыя, не имѣя союзниковъ въ этой неравной, разбойнической борьбѣ, не выдерживаютъ этого яростнаго натиска заклятыхъ враговъ Христовой Церкви, монархическаго начала и націонализма.

Такъ случилось и съ нашею Родиной. На насъ обрушилась *всесвѣтная* лавина евреевъ, масоновъ и соціалистовъ, и мы оказались не въ

*) Рѣчь, произнесенная на Общемъ Собраніи Союза Русскаго Народа и Русской Монархической Партіи 26 августа 1907 года.

силахъ оградить Россію отъ ихъ фанатическаго, разрушительнаго неистовства.

Мы знали, что эти изверги свирѣпствуютъ и въ другихъ государствахъ, въ которыхъ съ ними борются такіе же люди вѣры, чести и правды, какъ и мы,—но мы не имѣли возможности протянуть этимъ людямъ руку и соединиться съ ними для общей борьбы противъ общихъ враговъ. Мы чувствовали всю необходимость всемірной *международной* борьбы противъ всемірнаго *международнаго* зла, но мы не знали, какъ приступить къ учрежденію этого союза, къ кому намъ обратиться для того, чтобы основать международную противореволюціонную и противосоціалистическую лигу.

И вотъ какое намъ выпало великое счастіе:

Почти одновременно намъ протягиваютъ братскую руку и французскіе монархисты, и „желтые“ рабочіе Франціи и Швейцаріи, поставившіе себѣ цѣлью борьбу съ безсовѣстною ложью соціализма.

Вы читали „Воззванія“ тѣхъ и другихъ, съ которыми одни обратились къ Русскому Народу, а другіе къ Русскимъ рабочимъ,—„Воззванія,“ напечатанныя въ №№ 189 и 193 *Московскихъ Вѣдомостей*.

Сегодня намъ нужно дать отвѣтъ на этотъ братскій призывъ, и я предлагаю французскимъ монархистамъ послать отвѣтъ отъ Русской Монархической Партіи, а „желтымъ“ рабочимъ Франціи и Швейцаріи—отъ Московскаго Отдѣла Союза Русскаго Народа.

Вы видите, что мы съ вами сегодня кладемъ начало великому международному дѣлу. Мы поднимаемъ кличъ:

„*Честные, благоразумные люди всѣхъ странъ, соединяйтесь!*“

Соединяйтесь для общей, согласованной, борьбы противъ соціалистическаго обмана и народной слѣпоты!

Разоблачайте этотъ обманъ общими силами! Общими силами просвѣщайте народную массу, фабричныхъ рабочихъ, неопытную молодежь!

Соединимтесь въ одинъ всемірный союзъ, чтобы дружными усиліями подѣйствовать скорѣйшему, неизбѣжному торжеству свѣта надъ мракомъ, истины надъ ложью, добра надъ зломъ!

Вѣдь въ этомъ же нѣтъ никакого сомнѣнія, что правда разума, правда исторіи, правда науки не на *ихъ*, а на *нашей* сторонѣ, что всѣ теоріи соціализма не выдерживаютъ ни малѣйшей критики, что обѣщаемое ими будущее соціалистическое государство есть величайшая нелѣпость!

Въ чемъ суть рабочаго вопроса? *Въ поднятіи просвѣщенія и благосостоянія рабочихъ.*

Достижимо ли это просвѣщеніе и благосостояніе при существующихъ условіяхъ государственной жизни? *Несомнѣнно, да!*

Облегчить трудъ рабочихъ, повысить ихъ заработокъ, обезпечить ихъ самихъ на случай болѣзни и старости и семейства ихъ въ случаѣ смерти семейнаго рабочаго,—все это не только *возможно* и *желательно* при существующихъ государственныхъ и общественныхъ условіяхъ, но даже *необходимо*. Существовало рабство, существовало крѣпостное право въ государствахъ, и они были упразднены разумною реформой, не поставившею вверхъ дномъ общество и государство!

Возьмемъ какую-нибудь многочисленную семью. Если мы замѣтимъ, что одинъ изъ ея членовъ, дочь или сынъ, почему-либо обиженъ и затертъ, то вы постараетесь вывести его изъ тяжелаго положенія и предоставить ему такую же жизнь, какъ и остальнымъ членамъ семьи, дабы всѣ они жили въ полномъ согласіи. Но что бы вы сказали о такомъ безумцѣ, который разстроилъ бы всѣ основы данной семьи, перессорилъ бы всѣхъ ея членовъ между собой и превратилъ бы ихъ въ рабовъ, надъ которыми самъ сталъ бы командовать?

А между тѣмъ этого именно безумія желаетъ достигнуть соціализмъ, обманно называя будущее соціальное рабство рабочихъ, которое нужно лишь самимъ главарямъ соціализма, будущимъ ихъ блаженствомъ.

Вотъ на эту удочку и ловится народная слѣпота.

Вотъ противъ этого всемірнаго обмана и должна возстать Международная противосоціалистическая Лига.

О, шарлатаны соціализма отлично знаютъ, какое ихъ постигнетъ позорное пораженіе, когда эта Международная Лига сорветъ съ нихъ маску и откроетъ глаза несчастнымъ рабочимъ, которыхъ они такъ безсовѣстно ведутъ къ пропасти.

И дѣйствительно, какъ только „Желтые рабочіе" опубликовали въ Парижѣ свое воззваніе къ Русскимъ рабочимъ, противъ нихъ возстали и французскіе соціалисты, и еврейчики, которые изъ Парижа пишутъ въ русскія газеты. Они немедленно забили тревогу, такъ какъ они ничего такъ не боятся, какъ освобожденія Русскихъ рабочихъ отъ соціалистическаго кошмара.

И вотъ, прежде чѣмъ мы успѣли отвѣтить на призывъ нашихъ заграничныхъ друзей, уже поднялся еврейскій гвалтъ въ нашей красной печати, чтобы помѣшать осуществленію международной борьбы съ международнымъ соціализмомъ. А теперь, когда мы съ вами сегодня положили первый камень къ созданію этого великаго дѣла, гвалтъ ихъ поднимется еще громче!

И замѣтьте: эти еврейскіе наемники ни однимъ словомъ не касаются *содержанія* обращеннаго къ Русскимъ рабочимъ призыва Французскихъ товарищей. И это весьма понятно: противъ справедливости изложенныхъ въ призывѣ фактовъ, заявленій, мыслей и выводовъ они *ничего* возразить не могутъ. Что же они дѣлаютъ?

Да то, что дѣлаютъ шалунишки-школьники, которые, по своему малоумію, ничего учителю возразить не могутъ, а забавляются тѣмъ, что за его спиной показываютъ ему языкъ, выдумываютъ о немъ всякія небылицы, даютъ ему всякія смѣшныя на ихъ взглядъ клички и прозвища и воображаютъ, что эта ихъ пошлая дурачливость даетъ имъ полную побѣду.

И въ самомъ дѣлѣ, смотрите: все, что красныя газеты до сихъ поръ написали по поводу призыва Французскихъ рабочихъ къ Русскимъ, ограничивается самымъ мелкотравчатымъ зубоскальствомъ, такъ какъ они выше своей пошлости подняться не могутъ.

Такъ будетъ и впредь. Мы будемъ говорить дѣло, мы будемъ созидать

великую международную борьбу противъ соціализма, а они будутъ показывать намъ языкъ...до тѣхъ поръ, пока имъ придется и его прикусить.

Но пусть они дѣлаютъ, что хотятъ. Мы же будемъ твердо и дружно дѣлать свое дѣло.

Въ нашемъ отвѣтѣ Французскимъ рабочимъ мы говоримъ о предстоящихъ международныхъ противосоціалистическихъ конгрессахъ. Мы уже приступили къ ихъ подготовленію. Первый изъ нихъ намѣченъ нами въ Парижѣ, второй—въ Берлинѣ, третій—въ Москвѣ.

Г. Меньшиковъ и кадеты.

Г. Меньшиковъ, какъ извѣстно, за послѣднее время сдѣлался главнымъ, если не единственнымъ, украшеніемъ *Новаго Времени*.

Послѣ долгихъ скитаній по различнымъ убѣжденіямъ и образамъ мыслей, послѣ длинныхъ, безконечныхъ писаній, наводившихъ уныніе своею логической непослѣдовательностью,—онъ вдругъ началъ писать съ необычайною твердостью, ясностью и убѣдительностью.

Его послѣдняя блестящая побѣда надъ безпомощнымъ дѣтскимъ лепетомъ г. А. Столыпина по вопросу о „твердой власти" сразу какъ-будто выдвинула г. Меньшикова въ разрядъ тѣхъ немногихъ современныхъ публицистовъ, къ мнѣнію которыхъ не мѣшаетъ прислушиваться.

Но у г. Меньшикова есть одинъ недостатокъ: онъ никакъ не хочетъ сознаться, что онъ измѣнился къ лучшему; онъ, видите ли, всегда былъ великолѣпенъ.

Между тѣми статьями, что онъ писалъ два года тому назадъ, и тѣми, что онъ пишетъ теперь, мы, по его мнѣнію, не должны видѣть никакой разницы, хотя разница эта, какъ въ формѣ, такъ и въ содержаніи статей, рѣзко всѣмъ бросается въ глаза.

Такъ, напримѣръ, еврейская газета *Россія* упрекнула г. Меньшикова въ непослѣдовательности, такъ какъ де „немного больше года тому назадъ нынѣшній защитникъ сильной власти М. О. Меньшиковъ требовалъ кадетскаго министерства".

Г. Меньшиковъ очень обидѣлся на этотъ упрекъ и отвѣтилъ на него слѣдующимъ образомъ:

„Что я требовалъ кадетскаго министерства—это правда, но что это требованіе было противно идеѣ сильной власти, то это ложь. Не только годъ назадъ, но за нѣсколько лѣтъ до революціи, какъ и во все теченіе ея, я неизмѣнно повторяю одно и то же: власть наша опасно слаба; и необходимо, наконецъ, сдѣлать ее сильною. Именно для усиленія власти я совѣтовалъ привлечь выдающихся людей изъ самой, какъ мнѣ казалось, сильной партіи...

„*Никто не могъ предполагать, что кадетскіе лидеры—въ особенности г. Милюковъ—вовсе не выдающіеся и совсѣмъ не сильные люди* *). Силу людей и партій доказываетъ непосредственный опытъ. Немного больше году

*) Курсивъ вездѣ нашъ.

назадъ, когда я совѣтовалъ привлечь кое-какихъ кадетъ, еще не было рѣчи о роспускѣ Первой Думы, не только Второй.

„Какъ я множество разъ заявлялъ, мое разочарованіе въ кадетахъ относится лишь къ *плохой тактикѣ* ихъ, *но не программѣ*. Даже при рѣшительномъ разочарованіи въ вождяхъ кадетскихъ, мнѣ все-таки жаль, что они не были въ свое время (напримѣръ, въ маѣ прошлаго года) испробованы въ качествѣ министровъ. Если бы сейчасъ кадетская партія вмѣсто чиновникокъ отъ революціи выдвинула сильныхъ и *національныхъ* (?) людей, если бы они открестились *какъ-нибудь* отъ заѣвшихъ партію Іудеевъ,—я счелъ бы долгомъ и теперь ратовать за *такихъ* *) кадетовъ".

Итакъ, мы прежде всего должны констатировать, что г. Меньшиковъ—форменный кадетъ.

Онъ разочаровался только въ самомъ г. *Милюковѣ*, но не въ той *программѣ*, которую сочинилъ г. Милюковъ.

И если бы кадеты предложили г. Меньшикову занять у нихъ постъ лидера вмѣсто г. Милюкова, г. Меньшиковъ,—который въ себѣ самомъ пока еще не разочаровался,—вѣроятно съ восторгомъ принялъ бы это почетное предложеніе и сталъ бы сильною властью внѣдрять въ Россію революціонную кадетскую программу, съ требуемымъ ею *уничтоженіемъ Самодержавной Власти* въ Россіи, съ *равноправіемъ евреевъ*, съ *автономіей всѣхъ окраинъ* и со всѣми разнузданными *свободами*, хотя онѣ, какъ извѣстно, создаютъ лишь революціонный хаосъ, а ужъ никакъ не содѣйствуютъ твердой власти.

Вѣдь въ этихъ четырехъ требованіяхъ и заключается главная суть кадетской программы.

Въ особенности краеугольнымъ камнемъ въ ней является Еврейское равноправіе, и если г. Меньшиковъ плѣнился кадетскою программой, то, слѣдовательно, и требуемымъ ею еврейскимъ равноправіемъ.

Онъ, правда, совѣтуетъ кадетамъ „*какъ-нибудь* (?) откреститься отъ заѣвшихъ партію Іудеевъ", но это есть именно порицаніе „плохой тактики" кадетовъ, но не ихъ „программы". А разъ въ ихъ программѣ стоитъ равноправіе евреевъ, то какъ же кадеты могутъ не пускать въ свою партію евреевъ? А разъ они ихъ въ свою партію пустили, то неужели г. Меньшиковъ не знаетъ, что евреи неизбѣжно должны были заѣсть „партію", какъ они заѣдаютъ всякіе общественные организмы, въ которые они проникаютъ.

Если же г. Меньшиковъ совѣтуетъ кадетамъ „*какъ-нибудь*" откреститься отъ заѣвшихъ партію Іудеевъ, то эта наивность достойна скорѣе младенческаго ума г. А. Столыпина, чѣмъ такого, все-таки зрѣлаго, писателя, какъ г. Меньшиковъ.

Итакъ, если бы кадеты „*какъ-нибудь* открестились отъ Іудеевъ" и „выдвинули бы сильныхъ и *національныхъ* людей",—г. Меньшиковъ „счелъ бы долгомъ и теперь ратовать за *такихъ* кадетовъ".

Но вѣдь *такіе* кадеты стали бы немедленно спѣшить осуществленіемъ

*) Курсивъ автора.

своей программы, а въ этой программѣ стоитъ не только „еврейское равноправіе“, но и „автономія *всѣхъ* окраинъ“ и еще многое другое пагубное для России.

Неужели г. Меньшиковъ будетъ доволенъ, если бы „сильные и національные кадеты“ стали въ ускоренномъ темпѣ, съ лихорадочною энергіей и твердою властью, отдавать Россію на съѣденіе евреямъ и откалывать отъ нея всѣ ея окраины? Вѣдь, г. Меньшиковъ, какъ извѣстно, требуетъ только „автономіи Польши“, а объ „автономіи“ Финляндіи и Кавказа и слышать не хочетъ; а „сильные и національные кадеты“, *согласно своей программѣ*, отсѣкутъ отъ Россіи и Финляндію, и Кавказъ.

Мы уже не говоримъ, до какой степени они, *все согласно той же своей программѣ*, взбудоражатъ всю Россію, чтобы окончательно уничтожить Царское Самодержавіе?

Неужели и этого всего желаетъ г. Меньшиковъ?

Что такое „національный“ кадетъ?

Неужели г. Меньшиковъ не понимаетъ, что это изобрѣтенное имъ чудовищное сочетаніе понятій есть нелѣпѣйшеее *contradictio in adjecto?*

Кадетъ, по существу своему, *космополитъ*, а потому ничего Русскаго, національнаго, въ немъ быть не можетъ; и вся кадетская программа, столь плѣнившая г. Меньшикова, есть программа космополитическая, антирусская, антинаціональная.

Ждать появленія „національнаго кадета“—все равно что ждать появленія „умнаго дурака“.

И вотъ почему мы становимся совершенно втупикъ, когда г. Меньшиковъ, оправдывая свое бывшее увлеченіе кадетскими лидерами, говоритъ:

„*Никто не могъ предполагать, что эти лидеры—въ особенности г. Милюковъ—вовсе не выдающіеся и совсѣмъ не сильные люди*“.

Какъ „никто не могъ предполагать?“

Да вѣдь нѣтъ ни одного серіознаго Русскаго человѣка, который давнымъ-давно не зналъ бы, что г. Милюковъ и вся его кадетская клика-самые заурядные, невѣжественные, пустозвонные болтуны. Нужно самому быть *ниже* ихъ жалкаго уровня, чтобы считать ихъ „выдающимися и сильными людьми“.

Ужъ одно то, что эти Русскіе люди—люди не русскіе, а *космополиты* обличало съ самаго начала все ихъ жалкое убожество.

Русскій народъ инстинктивно шарахнулся отъ этихъ предателей, измѣнившихъ національному идеалу, какъ только они возвысили свой голосъ,—а образованные Русскіе люди, если въ нихъ хоть капля была серіозности и вдумчивости, возмущались этими людьми съ самаго начала „освободительнаго“ движенія, когда еще и рѣчи не было о Первой Думѣ.

Мы на столбцахъ „Моск. Вѣд.“, въ теченіе трехъ лѣтъ, изо дня въ день изобличали всю бездарность, всю изолганность, все невѣжество, всю пошлость, всю ничтожность кадетскихъ лидеровъ и ихъ легкомысленной, пагубной программы, *и мы ни разу не мѣняли своего на нихъ взгляда*.

А вотъ г. Меньшиковъ все это время считалъ этихъ крохотныхъ, надувшихся пигмеевъ за гигантовъ ума и воли!

И лишь когда Правительство разогнало и Первую, и Вторую Думу, тогда у г. Меньшикова открылись глаза, и онъ, наконецъ, уразумѣлъ, что серіозные Русскіе люди, не мѣнявшіе своихъ взглядовъ, говорили все время правду, и что „эти кадетскіе лидеры—въ особенности г. Милюковъ— вовсе не выдающіеся и совсѣмъ не сильные люди".

Такимъ образомъ г. Меньшиковъ теперь, славу Богу, въ этихъ ничтожныхъ людяхъ разочаровался, но остался очарованнымъ „программой", созданною этими ничтожествами.

Такова нравственная и умственная величина г. Меньшикова.

Евреи и Правительство.

Мы на дняхъ говорили, что если Правительство, какъ это ему и подобаетъ, *само* возьметъ на себя расправу съ евреями, то Русскіе люди никогда и пальцемъ еврея не тронутъ.

Само собою разумѣется, что такой нашъ взглядъ на разрѣшеніе еврейскаго вопроса не понравился ни еврейскимъ, ни еврействующимъ газетамъ.

Такъ, напримѣръ, онѣ намъ указываютъ на то, что въ русской революціи участвуютъ не одни только евреи, но и Русскіе,

Участвуютъ, да, но *только* участвуютъ. *Руководятъ* же русскою революціей *только* евреи.

Расправьтесь съ руководителями, —и участниковъ не будетъ.

Съ другой стороны, само слово „расправа" ужасно рѣжетъ еврейское ухо, такъ какъ евреямъ при этомъ словѣ мерещатся сотни тысячъ висѣлицъ.

Мы же подъ „расправой" подразумѣваемъ нѣчто совершенно иное, вполнѣ мирное, и висѣлицы допускаемъ для евреевъ лишь въ экстренныхъ случаяхъ: для законной кары явно-революціонныхъ преступленій.

Рѣшеніе еврейскаго вопроса не представляетъ никакого затрудненія, если мы освободимъ евреевъ отъ военной службы, или, вѣрнѣе, если мы избавимъ военную службу отъ евреевъ, этого явно-негоднаго, подло-трусливаго, измѣнническаго элемента, который въ Императорской Россійской арміи терпимъ быть не можетъ.

Эта мысль—не новая, и ее высказываютъ и Русскіе люди, и сами евреи, предлагая даже замѣнить воинскую повинность для евреевъ повинностью денежною.

Другіе предлагаютъ объявить евреевъ въ Россіи „иностранными подданными" и на этомъ основаніи освободить Русскую армію отъ еврейской скверны.

Ни то, ни другое предложеніе не выдерживаетъ критики.

Иностранными подданными въ Россіи могутъ быть только подданные опредѣленнаго иностраннаго государства. Евреи же своего государства не имѣютъ, и ни одно государство признать ихъ своими подданными не захочетъ и за нихъ ручаться не пожелаетъ. Отсюда ясно, что они иностранными подданными считаться не могутъ.

Этотъ вопросъ подробно и блестяще разъяснилъ Г. В. Бутми въ своемъ замѣчательномъ докладѣ „Практическое разрѣшеніе Іудейскаго вопроса“ на IV Всероссійскомъ Съѣздѣ Объединеннаго Русскаго Народа.

Брать съ евреевъ выкупъ за освобожденіе отъ военной службы, значило бы поставить ихъ въ привилегированное положеніе передъ остальнымъ населеніемъ Россіи, которое лишено будетъ права откупаться отъ военной службы, коль скоро эта привилегія предоставлена была бы однимъ лишь евреямъ и лицамъ, перешедшимъ въ еврейскую вѣру. Къ тому же, несеніе денежной повинности, вмѣсто повинности военной, побудитъ только евреевъ требовать себѣ во всемъ равныхъ правъ съ Русскими, такъ какъ де они, евреи, „несутъ тоже жертвы на алтарь Отечества“.

Нѣтъ, еврейскіе сребренники не могутъ равняться съ благородною русскою кровью. Никакой платы намъ отъ евреевъ за освобожденіе ихъ отъ воинской повинности принимать не слѣдуетъ.

Напротивъ того, мы должны признать, что такъ какъ они Отечества нашего, наравнѣ съ Русскими людьми, своею жизнью защищать не могутъ, то они и не могутъ обладать равными гражданскими правами съ прочими Русскими гражданами, которые беззавѣтно готовы жертвовать своею кровью, своею жизнью, за единство, могущество и славу Россіи.

Итакъ, все Русское населеніе, *отбывающее воинскую повинность*, должно считаться обладающимъ *полными* гражданскими правами.

Еврейство же, *не несущее этой тягчайшей и благороднѣйшей изъ всѣхъ повинностей*, полнымъ объемомъ русскихъ гражданскихъ правъ обладать не можетъ.

Г. Бутми, въ своемъ вышеназванномъ докладѣ, совѣтуетъ освободить евреевъ не только отъ воинской повинности, но и отъ повинности присяжныхъ засѣдателей.

И дѣйствительно, освобожденіе евреевъ отъ этихъ двухъ повинностей еще болѣе сдѣлало бы справедливымъ соотвѣтственное лишеніе ихъ полноты гражданскихъ правъ.

Евреи и въ настоящее время въ Россіи ограничены въ нѣкоторыхъ своихъ правахъ, но ограниченіе это столь незначительное и большею частію столь фиктивное, что западныя и южныя окраины Россіи уже теперь стонутъ отъ невыносимаго ига еврейскаго, а если евреи добьются столь желаннаго ими полнаго равноправія съ Русскими, *ради котораго они только и затѣяли въ Россіи революцію*, то отъ этого ига будутъ страдать въ одинаковой мѣрѣ и сѣверная, и восточная окраины Россіи, и весь ея центръ.

Дабы предотвратить порабощеніе Россіи евреями, евреямъ не только нельзя давать новыхъ правъ,—это было бы поистинѣ государственнымъ преступленіемъ,—но необходимо, освободивъ ихъ отъ воинской повинности и отъ повинности присяжныхъ засѣдателей, лишить ихъ, *какъ неполноправныхъ гражданъ*, тѣхъ именно правъ, злоупотребляя которыми они ведутъ Россію къ позорной гибели.

Пусть евреи не несутъ въ Россіи воинской повинности и повинности присяжныхъ засѣдателей, пусть они, слѣдовательно, будутъ лишь русскими

полу-гражданами, не имѣющими, напримѣръ, права занимать какія-либо государственныя и общественныя должности, преподавать и учиться въ въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ, совершать какія-либо биржевыя операціи и нотаріальные договоры, состоять членами какихъ-либо кредитныхъ и банковыхъ учрежденій, содержать ссудныя кассы, заниматься торговлей и промышленностью, адвокатурой, публицистическимъ редакторствомъ и издательствомъ, казенными подрядами и работой на казенныхъ постройкахъ и сооруженіяхъ и владѣть какою-либо недвижимою собственностью.

Если Правительство создастъ такое положеніе евреевъ въ Россіи, при которомъ евреи, дѣйствительно, *ни сами, ни черезъ какихъ-либо подставныхъ лицъ*, вышеозначенными правами, принадлежащими лишь полноправнымъ Русскимъ гражданамъ, ни въ какомъ случаѣ пользоваться не будутъ, то этимъ самымъ будетъ разрѣшенъ въ Россіи вполнѣ справедливымъ образомъ еврейскій вопросъ, и тогда евреямъ можно будетъ, пожалуй, позволить разселиться по всей Россіи, пользуясь всѣми остальными гражданскими правами.

Вотъ тогда евреи могутъ быть увѣрены, что Русское населеніе, вполнѣ огражденное отъ еврейской эксплуатаціи, будетъ вполнѣ мирно жить бокъ-о-бокъ съ евреями, если только послѣдніе не предпочтутъ переселиться изъ Россіи.

Совершенно къ такому же выводу приходитъ и г. Бутми, заключившій свой докладъ такими словами:

„Поставленный закономъ въ такія условія, іудей, способный существовать исключительно лишь эксплуатаціей чужого труда, вынужденъ будетъ: или взяться за несвойственный ему доселѣ честный производительный трудъ, или вымереть, или выселиться изъ Россіи.

„Выборъ надлежитъ предоставить ему свободный“.

Такимъ образомъ, если мы требуемъ отъ Правительства, чтобъ оно *само* расправилось съ евреями, то мы подъ этой „расправой“ подразумѣваемъ не какія-либо „висѣлицы“ или „потоки крови“,—а лишь цѣлый рядъ справедливыхъ законодательныхъ мѣръ, которыя оградили бы Россію отъ еврейской эксплуатаціи.

Евреи и Русскій Народъ.

Мы вчера доказывали, что если Правительство желаетъ обезпечить неприкосновенность евреевъ и сдержать справедливое противъ нихъ негодованіе Русскаго Народа, то оно должно прежде всего громко и открыто признать тотъ несомнѣнный фактъ, что русская революція создана и поддерживается главнымъ образомъ евреями, а затѣмъ заявить, что *само Правительство* признаетъ своимъ долгомъ подвергнуть евреевъ, за это великое передъ Россіей преступленіе, справедливой карѣ.

Мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, указали, въ чемъ должна заключаться эта заслуженная кара, а именно въ цѣломъ рядѣ законодательныхъ мѣръ, касающихся всего еврейскаго населенія въ Россіи, тогда какъ уголовнымъ карамъ должны подвергнуться лишь явные преступники, поднявшіе зло-

дѣйскую руку на Русскаго Царя, на Его Государство и на Его вѣрноподданный народъ.

Но, спросятъ насъ: почему же подвергать карамъ все остальное еврейское населеніе, а не однихъ только вышедшихъ изъ его ряда явныхъ преступниковъ?

На это мы отвѣтимъ: потому что нѣтъ ни одного еврея, который не принималъ бы участія, тѣмъ или инымъ способомъ, въ настоящемъ преступномъ еврейскомъ походѣ противъ Царя и Россіи.

Возьмите насъ, Русскихъ: есть такіе Русскіе, которые участвуютъ въ настоящей революціи, но есть и такіе,—и ихъ громадное, подавляющее большинство,—которые возмущаются ея гнусными преступленіями и открыто ихъ порицаютъ, и даже стремятся такъ или иначе положить имъ конецъ.

Но назовите намъ хоть *одного*—мы говоримъ: хоть *одного*—еврея, который *открыто* порицалъ бы своихъ единоплеменниковъ за ихъ отвратительныя революціонныя дѣйствія! Еврей скорѣе пострадаетъ и разорится отъ еврейской революціи, но никогда ни однимъ словомъ порицанія еврейскимъ революціонерамъ не выскажетъ, а, напротивъ того, по первому еврейскому требованію дастъ на революцію деньги, укроетъ у себя злѣйшаго бомбиста, если только онъ ему единоплеменникъ, и такимъ образомъ выкажетъ свою полную, тѣснѣйшую солидарность съ тѣми людьми, которые привели несчастную Россію на край гибели.

А потому, если евреи такъ солидарны въ преступленіи, то сама справедливость требуетъ, чтобъ они съ такою же солидарностью несли и справедливую за это преступленіе кару.

Вѣдь дѣло совершенно ясно и просто: недовольные тѣми правами, которыми они пользуются въ Россіи, евреи подняли бунтъ противъ Царя и Русскаго Народа.

Очевидно, что за это тяжкое преступленіе не только нельзя дать имъ новыхъ правъ, но нельзя и оставить полноту тѣхъ правъ, которыми они до сихъ поръ пользовались.

Но, конечно, главное дѣло тутъ не въ карѣ, а *въ освобожденіи Русскаго Народа отъ еврейской эксплуатаціи.* Если бъ евреи и никакой революціи не поднимали, то и въ такомъ случаѣ нельзя было бы оставить ихъ въ томъ положеніи, которое они, всѣми правдами и неправдами, заняли въ Россіи.

Ну, а если они, сверхъ того, еще вздумали поднять знамя бунта противъ Россіи, то это только показываетъ, что мѣра ихъ дерзости переполнилась, а вмѣстѣ съ тѣмъ переполнилась и чаша терпѣнія Россіи.

Нужно по-истинѣ изумляться кротости, незлобивости и долготерпѣнію Русскаго Народа. Онъ уступитъ еврею, онъ дастъ съ себя снять послѣднюю рубашку и будетъ только горько жаловаться на причиненную ему обиду, но самъ затаитъ ее въ сердцѣ и къ насилію не прибѣгнетъ.

Но лишь только еврей задѣнетъ то, что Русскому человѣку дороже всякаго имущества и жизни, лишь только еврей позволитъ себѣ осквернить Православную Святыню, или надругаться надъ именемъ, или ликомъ

Самодержавнаго Царя,—какъ у Русскаго человѣка всплыветъ вся личная, затаенная, накопившаяся злоба противъ исконныхъ враговъ Христа, и если онъ тутъ увидитъ, что Правительственная Власть не заступается за поруганную Святыню и оскорбленнаго Царя, то злоба его разразится въ неудержимой стихійной формѣ.

Въ какомъ-то Зоологическомъ саду намъ пришлось видѣть заморское существо, о которомъ надпись на оградѣ говорила слѣдующее:

„Это животное очень злое: когда его бьютъ, оно кусается".

Такъ точно и Русскій Народъ: онъ васъ не тронетъ, если вы его не ударите по самымъ чувствительнымъ его нервамъ: по его Вѣрѣ въ Бога и по его преданности Царю. Но если вы нанесете ему этотъ ударъ, тогда уже пеняйте на себя: онъ васъ въ своемъ негодованіи щадить не станетъ.

Вотъ эту именно характерную черту Русскаго Народа упустили изъ виду и Правительство графа Витте, и Всемірный Израильскій Союзъ, и одураченная ими русская интеллигенція, когда они втроемъ приступили къ русской революціи.

17 октября 1905 года евреи отпраздновали свою дикую оргію, расхаживая и разъѣзжая по улицамъ всѣхъ городовъ Россіи съ красными флагами и съ криками: „Долой Царя, долой Самодержавіе"!

18 октября 1905 года Русскій Народъ, безо всякаго предварительнаго уговора, а по прирожденному чувству своего долга, возсталъ на защиту своего Царя и Его Самодержавія и положилъ конецъ наглымъ безобразіямъ краснофлажниковъ.

19 октября 1905 года Русское Правительство арестовало и засадило въ тюрьмы Русскихъ людей, за то что они стали на защиту Самодержавнаго Царя, и оставило безнаказанными еврейскихъ и иныхъ мятежниковъ, такъ дерзко оскорбившихъ Царское Самодержавіе.

Это явное преступленіе Правительства графа Витте остается и до сихъ поръ въ полной своей силѣ.

Еще на дняхъ судили въ Вязьмѣ Русскихъ людей, возмутившихся, когда на ихъ глазахъ евреи издѣвались надъ Царскимъ портретомъ, *а этихъ евреевъ до сихъ поръ никто и не думалъ привлекать къ отвѣтственности.*

Правительство, видите ли, желало быть „безпристрастнымъ", „безпартійнымъ", а между тѣмъ оно всецѣло становилось на сторону злѣйшихъ враговъ Царя.

Почему Русскій Народъ не возмутился *тотчасъ же 17 октября*, при видѣ первой красной тряпки, услыхавъ первое оскорбленіе Царскому Величеству?

Да потому, *что онъ былъ увѣренъ, что само Правительство немедленно покараетъ эти неслыханныя на Руси преступленія.* И лишь тогда, когда Народъ увидѣлъ, что Правительство бездѣйствуетъ, не то сочувствуя еврейскимъ бунтарямъ, не то трусливо дрожа передъ ними, когда онъ увидѣлъ, что представители Царской Власти измѣннически снимаютъ шляпу передъ красными флагами и криками „долой Царя"!—тогда лишь онъ понялъ, что *Правительства нѣтъ*, и что лишь самъ Русскій Народъ можетъ

преградить путь дерзкимъ мятежникамъ и отстоять своею грудью своего Самодержавнаго Царя.

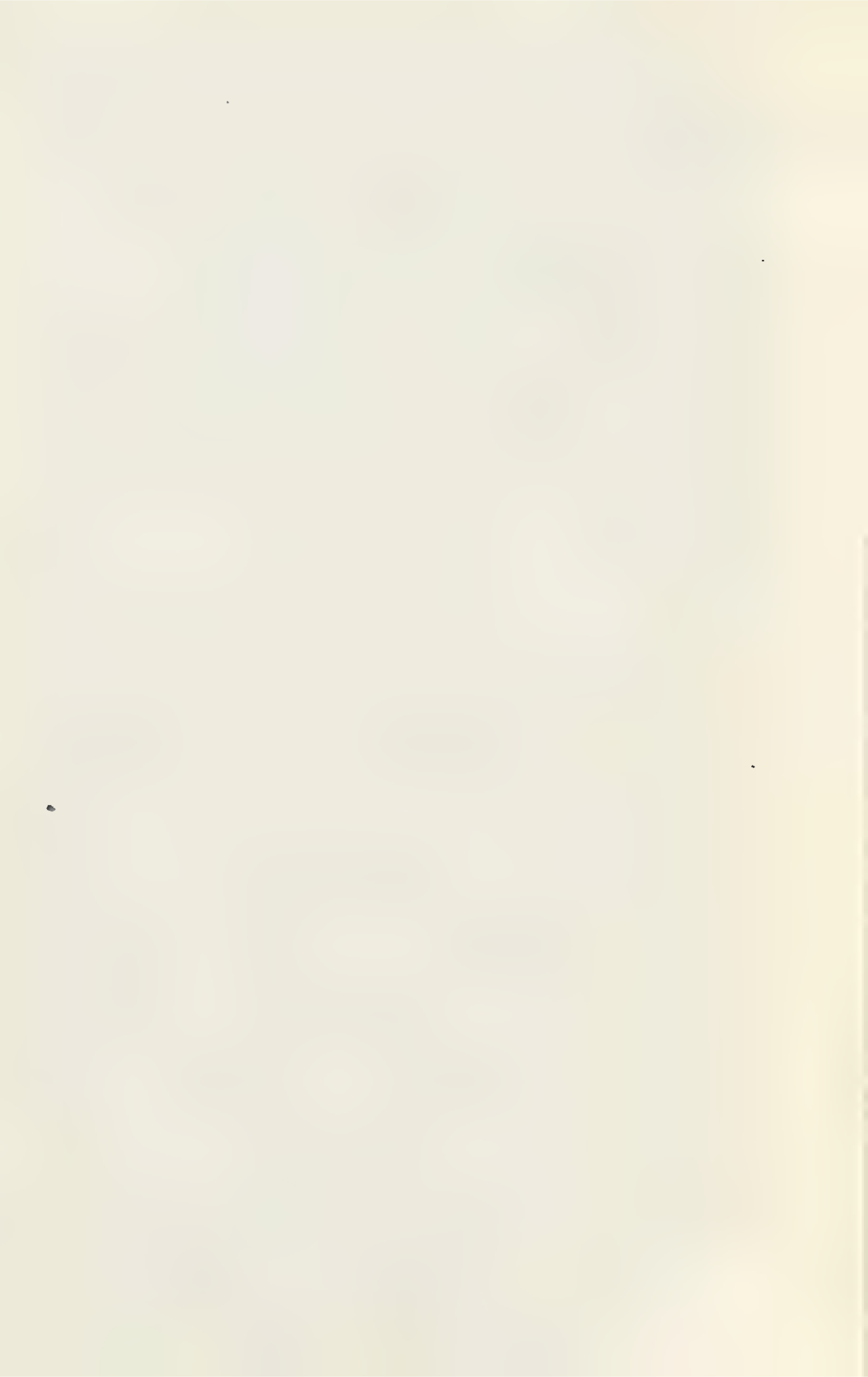
Такъ онъ и сдѣлалъ. Онъ всталъ во весь ростъ, приказалъ мятежникамъ податься назадъ, а Правительству—выступить впередъ.

Вотъ то положеніе, въ которомъ находится теперь Россія: съ одной стороны—очнувшееся, но еще не проснувшееся Правительство; съ другой—озадаченная и дрогнувшая революція; а посреди—грозно стоящій во всеоружіи своемъ Русскій Народъ, „надежная опора“ Русскаго Царя.

Пусть, наконецъ, окончательно проснется Русское Правительство и станетъ въ полнотѣ своей несокрушимой власти на защиту Царя и Россіи; пусть оно однимъ ударомъ, честно и открыто, безо всякихъ полумѣръ и колебаній, разобьетъ на голову преступную крамолу; пусть оно освободитъ разъ навсегда Россію отъ еврейскаго рабства,—и Русскій Народъ спокойно возвратится къ своимъ мирнымъ занятіямъ и перестанетъ даже думать о какомъ-либо „самосудѣ“, о „боевыхъ дружинахъ“, или объ „активной борьбѣ съ революціей“.

Вотъ ясный, прямой долгъ Правительства; вотъ единственный путь къ спасенію Россіи.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

1905 г.

Стран.

1906 г.

Стран.

Стран.

Г 21570

1907 г.

2007044876